БУРЖУАЗИЯ И ПОМЕЩИКИ В 1917 г.

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО · МОСКВА · ЛЕНИНГРАД · 1932

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО
А Р Х И В А РСФСР

буржуазия и помещики в 1917 году

частные совещания
членов государственной думы

под ред. А. К. ДРЕЗЕНА,
с предисловием
З. Б. ЛОЗИНСКОГО

подготовили к печати М. И. АХУН,
Д. М. ЗИНЕВИЧ и С. Б. ОКУНЬ

партийное издательство · москва — ленинград · 1932

Ответственный редактор *Л. Жестяников.* Технич. редактор *Э. Блейх.*
Книга сдана в набор 3/VII 1932 г. Подписана к печати 19/X 1932 г.
Партиздат № 1007. Тираж 5000. Ленгорлит № 57500. Заказ № 993.
Формат бумаги 62×94 см. 21½ печ. л. (104 832 тип. знак. в 1 бум. л.) Бум. л. 10¾.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале войны буржуазия, надеясь на благоприятный исход военных действий и добровольные уступки «сверху», торжественно заявила устами Милюкова, что она готова поддерживать правительство без всяких «условий и требований». Но поражения российской армии в 1915 г. и рост революционного движения в стране положили конец верноподданническим восторгам и повлекли переход буржуазии и известной части помещиков в оппозицию. Недовольство буржуазии становилось тем острей, чем резче вырисовывалась неспособность царского правительства обеспечить боеспособность армии и предотвратить надвигающуюся революцию. Царское правительство было, кроме того, заподозрено буржуазией в стремлении заключить сепаратный мир.

Все эти обстоятельства, в первую очередь страх перед революцией, обусловили активизацию буржуазии и побудили ее, при известной поддержке со стороны «союзников», приступить к организации сил для борьбы за власть.

За короткое время вырос ряд организаций, вокруг которых сгруппировались все силы буржуазно-помещичьей оппозиции (земский союз, союз городов, военно-промышленные комитеты и пр.). Все эти организации, которые формально предназначались для помощи государственной власти в обслуживании нужд войны, были использованы буржуазией для борьбы за власть, за замену правительства помещиков-крепостников таким правительством, которое бы выражало интересы буржуазии и идущих с ней обуржуазившихся помещиков.

Главным вдохновителем и руководителем буржуазии в борьбе за власть является организованный в 1915 г. думской оппозицией «прогрессивный блок».

Буржуазия начала борьбу за власть не во имя революции, а для того, чтобы революции избежать, чтобы от нее спастись. «Прогрессивный блок» имел задачей, по выражению одного из его деятелей, националиста Шульгина, «недовольство масс... подменить недовольством Думы... цель была, чтобы массы оставались спокойными, так как за них говорит Дума...» Боязнь масс, ненависть к революции, стремление ограничиться закулисными торгами и словесными турнирами на думской арене вычеркнули с самого начала буржуазную оппозицию из числа сил, представлявших действительную опасность для существующего строя. Буржуазии ничего не удалось добиться от правительства. Всячески избегая путей открытой, решительной борьбы, больше страшась революции, чем реакции, буржуазная оппозиция уподобилась тому седоку, который, по образному выражению кадета Макла-

кова, не смеет вырывать руля из рук шофера, заведомо ведущего машину в пропасть. В рядах буржуазной оппозиции нашлась лишь небольшая группа лиц, которая решилась подготовить дворцовый переворот. Инициаторы дворцового переворота так же враждебно относились к революции, как и вся остальная буржуазия. В дворцовом перевороте они видели последнее средство предотвращения революции. Но революция «перехитрила» их и смешала все карты буржуазной оппозиции.

В февральские дни буржуазия всеми силами старалась затормозить поступательный ход революции и спасти монархию. Только после того, как ясно определилось торжество революции, вожди прогрессивного блока решились протянуть руки к власти и создали Временный комитет Государственной думы. Контрреволюционная природа Временного комитета обозначилась с первых же дней его существования,— недаром не искушенные в словесных тонкостях штабные генералы сразу заговорили о необходимости «дать опору Временному комитету, спасающему монархический строй». Но ненависть масс к монархии была так велика, монархические выступления вождей буржуазии Милюкова и Гучкова вызвали такую бурю протестов, что буржуазии пришлось отказаться от своего плана — «спасти монархию, пожертвовав монархом» — и свернуть, скрепя сердце, знамя «буржуазной монархии».

Таким образом, ликвидация монархии произошла помимо и против воли Государственной думы.

Благодаря неусыпным заботам и стараниям Временного правительства, родного детища «прогрессивного блока», Государственная дума получила возможность «функционировать», под наименованием «частных совещаний членов Государственной думы», до осени 1917 г.

Зародились «частные совещания» под непосредственным влиянием апрельской демонстрации. Согласно отчету кадетской газеты «Речь», депутаты Государственной думы, считая «неправильным, что Государственная дума молчит и не высказывает точки зрения по поводу событий, имевших место в последнее время, признали необходимым создание так называемых «частных совещаний». Первое заседание состоялось 22 апреля.

Формулируя задачи «совещаний», председатель Государственной думы Родзянко предупредил «народных избранников», что от них ждут «указаний на то, как надо вести государственный корабль (разрядка наша. *Авт.*)». Изображая «частные совещания» как кафедру «государственную и бесстрашную», депутат Савич патетически добавлял: «Наше дело не кончено. Наше дело — формировать общественное мнение».

Итак, «частные совещания» были организованы с целью дать определенное направление «государственному кораблю». Точку над і поставил депутат Масленников, обратившийся к своим товарищам с призывом превратить «частные совещания» в боевой «окоп», бойцы которого «должны победить или умереть».

В числе материалов, характеризующих деятельность буржуазии и помещиков в период керенщины, отчеты о «частных совещаниях» должны занять далеко не последнее место. Заключая в себе высказывания виднейших деятелей буржуазно-помещичьего лагеря по всем основным

вопросам внешней и внутренней политики, выявляя программные установки и тактические приемы буржуазно-помещичьей контрреволюции, отчеты представляют бесспорный интерес для всех занимающихся изучением классовой борьбы в предоктябрьский период.

Весьма ценные материалы находим мы в отчетах по вопросу о роли буржуазии в Февральской революции.

В начальный период деятели Государственной думы и других буржуазно-помещичьих организаций обрели неожиданный вкус к революционной фразеологии, торжественно клялись в преданности «завоеваниям Февраля», в редком выступлении обходились без упоминания о «Великой русской революции». С течением времени стали возрождаться привычные обороты речи, но условия момента заставляли заслуженных деятелей буржуазно-помещичьих организаций еще не раз маскировать контрреволюционные дела революционной фразой. Характерно, что кадет Маклаков, моля «министров-социалистов» отрешиться от революционной идеологии, одновременно подчеркивал свою полную терпимость в отношении «способов выражения».

Кое-какие элементы революционной фразеологии — правда, в незначительных дозах — можно обнаружить и в отчетах. Но, характеризуя поведение буржуазии накануне Февраля и в февральские дни, ораторы частных совещаний достаточно откровенно признавали, что думские круги «не хотели революции во время войны», что Государственная дума «не делала революции», «не хотела ее». «Но, — говорил в одном из первых заседаний к.-д. Маклаков, — наступил момент, когда для всех стало ясно, что довести войну до конца, победить при старом строе невозможно, и для тех, кто верил, что революция гибельна, для тех явилось долгом и задачей сделать революцию снизу государственным переворотом сверху (подчеркнуто нами. — *Авт.*)». К великому горю буржуазии, эта задача не была осуществлена, — «мы получили то, что революция вышла снизу».

Некоторые действия «думских сфер» в конце февраля объяснялись в «частном совещании» их «паническим состоянием», обусловленным масштабами революции и ее победами. (См. выступл. окт. Савича.)

Все эти признания небезынтересно сопоставить с воспоминаниями одного из деятелей керенщины, трудовика Станкевича:

«Официально торжествовали, славословили революцию, кричали «ура» борцам за свободу, украшали себя красными бантами и ходили под красными знаменами... Далее устраивали для солдат питательные пункты. Все говорили «мы», «наша» революция, «наша» победа и «наша» свобода. Но в душе, в разговорах наедине — ужасались, содрогались и чувствовали себя плененными враждебной стихией, идущей каким-то неведомым путем... Никогда не забудется фигура Родзянко, этого грузного барина и знатной персоны, когда, сохраняя величавое достоинство, но с застывшим на бледном лице выражением глубокого страдания и отчаяния, он проходил через толпу распоясанных солдат по коридорам Таврического дворца. Официально значилось, — «солдаты пришли поддержать Думу в ее борьбе с правительством», а фактически Дума оказалась упраздненной с первых же дней. И то же выражение было на лицах всех членов Временного комитета Думы и тех кругов,

которые стояли около них. Говорят, представители прогрессивного блока плакали по домам в истерике от бессильного отчаяния».

В условиях перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, под сокрушительными ударами массового движения отодвинулись на задний план, потеряли свое прежнее значение разногласия между различными буржуазными и помещичьими партиями и группировками, и все силы буржуазно-помещичьей контрреволюции объединились вокруг «партии народной свободы». После Февраля на выборах в земства, городские думы и т. п. члены «союза Михаила Архангела» и родственных ему черносотенных организаций обычно отдавали свои голоса кадетам. «Факт налицо: все помещики и капиталисты, все черные силы, все старающиеся восстановить царя — за кадетов» (Л е н и н). В этом факте сказалось, в очень рельефной форме, единство интересов буржуазии и помещиков в борьбе против пролетарской революции. Как отметил Владимир Ильич, после Февраля стерлись всякие грани между националистом Шульгиным и кадетом Милюковым: идеи Шульгина почти ничем не отличались от идей, развивавшихся на страницах кадетской «Речи», в выступлениях кадетских министров и пр.

Об этом же говорят и материалы частных совещаний. Такой видный деятель черной сотни, как Пуришкевич, не уставал в частном совещании славить государственный разум «благородной партии народной свободы». Недаром в одном из заседаний Пуришкевич заверяет своих слушателей, что «партия народной свободы получит и свои голоса и всех тех, кто идет правее: ведь я — человек правых убеждений, монархист, как вы знаете, подаю свои голоса за членов партии народной свободы, и так делают все, кто понимает, что р а з б и в а т ь с я н а м е л к и е п а р т и и н е в о з м о ж н о (разрядка наша. — *Авт.*)».

Особенно умиляла Пуришкевичей и Шульгиных позиция кадетов по вопросам внешней политики.

Собравшийся в марте VII съезд «партии народной свободы» высказался за войну до победного конца, за «верность заключенным союзам» и обратился к правительству с требованием о всемерном обеспечении «жизненных интересов» и прав России. Отказ от Дарданелл Милюков рассматривал как прямую «измену родине». Чрезвычайно резко реагировали лидеры партии и на проекты нейтрализации проливов. Милюков уверял своих соратников, что он «предпочел бы, чтобы проливы оставались в руках турок, чем если бы они были нейтрализованы» (из речи на VIII съезде к. д. в мае 1917 г.). Выступления «левого» кадета Некрасова против чрезмерного увлечения «сакраментальной формулой: Константинополь и проливы» не встретили сочувствия со стороны большинства партии. Вынужденный уход Милюкова из ведомства иностранных дел не повлек сколько-нибудь существенных перемен в области внешней политики. При преемнике Милюкова, Терещенко, внешняя политика продолжала сохранять империалистический характер, но были несколько смягчены лозунги, снижен тон — империалистическая программа проводилась, выражаясь словами одного исследователя, как бы по «сокращенному изданию».

Подчеркивая свою полную солидарность с Милюковым, частное совещание встретило бурными рукоплесканиями и возгласами «правильно» следующие слова экс-министра: «Вы и сами могли следить за тем, как

моя деятельность в области внешней политики была согласна, как я думаю, со всем тем, что н е я о д и н, а и в с е в ы р а з д е л я л и (разрядка наша. — *Авт.*)».

Прямолинейная политика Милюкова, в бытность его министром иностранных дел, не на шутку встревожила меньшевистско-эсеровское руководство Совета. Милюков грозил своими действиями дискредитировать не только правительство, но и соглашательский блок, усиленно распространявший с самого начала революции легенду о «миролюбивой» политике нового правительства.

Стремясь предотвратить «катастрофу», руководители Совета вступили в переговоры с правительством о провозглашении в специальной декларации отказа от завоевательных целей. Результатом этих переговоров была знаменитая декларация от 27 марта. Замечательный комментарий к этой декларации дал в частном совещании депутат-октябрист Дмитрюков:

«Мы, члены Временного комитета, были свидетелями, когда был выпущен известный акт Временного правительства 27 марта. Мы были при обсуждении этого акта и совместно с представителями Совета рабочих депутатов, мы были свидетелями того, как они возражали против этого акта, не оставили на нем камня на камне и им совершенно ясно и определенно сказал князь Львов: «Мы вас выслушали и все это взвесили, но акт издадим так, как он написан... они пришли, рассказали, их п р о с л у ш а л и и с д е л а л и п о - с в о е м у...» (разрядка наша. — *Авт.*).

Поистине: умри Денис, ничего лучшего не напишешь. Вряд ли можно точнее, чем в этой строке — «прослушали и сделали по-своему» — охарактеризовать ту линию поведения, которую Временное правительство старалось проводить в своих отношениях с советами в период, когда в последних хозяйничали меньшевики и эсеры. С приходом к власти Милюковых и Терещенок, заметно усилилась зависимость министерства иностранных дел от «богатейшего в мире англо-французского империалистического капитала». Милюков в частном совещании рассказывал о своих отношениях с «союзниками» тоном старого лакея, гордого благорасположением своего барина. Демонстрируя «успехи» своего ведомства, он особо отметил то обстоятельство, что союзники в «появлении в министерстве иностранных дел вашего покорного слуги увидели знак того, что Россия не изменит обязательствам, которые она заключила, и целям, которые она себе поставила». Буржуазия и помещики тем легче склоняли колени перед Антантой, чем напряженней становилась классовая борьба, чем сильнее возрастало недовольство масс и чем острее в связи с этим ощущалась потребность в посторонней опоре.

Выход России из войны страшил буржуазию и помещиков не только перспективой разрыва с «союзниками», но и неизбежным сосредоточением революционной энергии масс на проблемах земли, заработной платы, рабочего времени и пр. От политики внешней протягивалась прямая нить к политике внутренней. Пока продолжалась война, буржуазия могла тешить себя надеждой на установление военной диктатуры, на «переход военной, а следовательно и государственной власти к военной шайке» (Л е н и н). Интересами войны буржуазия обосновывала свои требования «порядка» (т. е. военной диктатуры): чтобы

страна «была способна воевать, нужно, чтобы был порядок внутри» (к.-д. Маклаков). Интересами же войны мотивировалась невозможность серьезных реформ: «нельзя одновременно вести войну и перестроить всю социальную жизнь в условиях международного обмена (к.-д. Родичев).

Придя к власти, буржуазия открыто солидаризировалась с колониальной политикой самодержавия. По линии национальной политики после Февраля были уничтожены лишь те законы и распоряжения царского правительства, которые, вследствие своего явного несоответствия интересам капиталистического развития, нередко вызывали нарекания даже в умереннейших либерально-буржуазных кругах. Было покончено со знаменитой «чертой оседлости», с процентной нормой для евреев при поступлении в учебные заведения, были *формально* отменены национальные ограничения при поступлении на государственную службу и т. п. Что касается национальных языков, то употребление их было допущено только в делопроизводстве частных учреждений и при преподавании в частных школах.

Кадеты не стеснялись говорить о «мессианизме» и «просветительной роли» русского империализма. Вот в каких выражениях характеризовал деятельность русских империалистов на востоке один из делегатов VIII съезда партии народной свободы: «русский империализм на Востоке сыграл просветительную роль... Нельзя отрицать темных сторон русской истории, но русский империализм в общем был положительной силой... Армяне ждут русских как избавителей. Здесь империализм мог бы соприкоснуться с мессианизмом». Кое-какие «исторические права» кадеты признавали лишь за Финляндией и Польшей, но и здесь они (кадеты) отнюдь не собирались отказываться от «суверенных прав русского народа». Намечая основы будущей конституции Финляндии, кадеты признали обязательным сосредоточение в одних руках функций президента российской и финляндской республики, «с тем чтобы попрежнему порядок замещения главы государства определялся исключительно русской конституцией». В «свободной» Финляндии сохранялась должность русского генерал-губернатора. Впредь до решения вопроса в Учредительном собрании, правительство обязано было, по мнению кадет, «сохранить в целости все основы прежней государственной связи России с Финляндией (прерогативы монарха, следовательно, в том числе)»... Не трудно себе представить, какую позицию заняли кадеты в отношении Украины и прочих «окраинных областей», лишенных тех «исторических прав», которые были милостиво присвоены Финляндии и Польше. Делегат Украины на VIII съезде «партии народной свободы» не вытерпел и следующим образом охарактеризовал доклад кадетского профессора Кокошкина по национальному вопросу: «Дом построен красиво, но на фронтоне его надпись: желающий национального развития, входя в этот дом, оставь надежду навсегда»...

В том же направлении, в том же стиле протекало обсуждение национально-колониальной проблемы в «частном совещании». Депутат Велихов выразил общее убеждение участников совещания, что «вся история России заключалась в собирании русской земли». Бубликов авторитетно установил, что великодержавный инстинкт присущ «всему русскому народу».

В начале июля Временное правительство, добиваясь от украинской рады поддержки предпринятого на фронте наступления и замышлявшейся расправы с большевиками, согласилось узаконить существование созданного радой генерального секретариата и признало возможным «продолжать содействовать более тесному объединению украинцев в рядах самой армии». Генеральный секретариат рассматривался при этом как орган центральной власти, как учреждение, через которое должны были проводиться мероприятия Временного правительства, касающиеся жизни края и его управления. Организация украинских частей допускалась условно, «поскольку такая мера по определению военного министра будет представляться возможной в техническом отношении и не нарушит боеспособности армии».

Кадеты резко осудили это соглашение с украинской радой и вышли из состава правительства. Соглашение с радой было не единственной и даже не основной причиной отставки кадетских министров. Кадеты имели в виду припугнуть своими действиями соглашателей и принудить их к полному, окончательному, бесповоротному переходу на позиции буржуазно-помещичьей контрреволюции (см. статью Ленина, «На что могли рассчитывать кадеты, уходя из министерства»).

Предпринимая свой маневр в непосредственной связи с «украинским вопросом», кадеты рассчитывали на шовинистические настроения представителей мелкой буржуазии. Известное представление об этих расчетах кадетов дает чрезвычайно интересная речь Бубликова в частном совещании. Вне сферы национальных отношений, — заявляет Бубликов, — у контрреволюции не было такого лозунга, который был бы понятен, мог бы просто быть противопоставлен тем коротким ярким лозунгам как «пролетарии всех стран, соединяйтесь», «да здравствует свобода», «да здравствует земля и воля». Не мог же я гулять с флагом, на котором написано «да здравствует монархия или да здравствует Николай II». Это никуда бы не годилось, это было бы безнадежнейшее дело из безнадежных дел, ибо не нашлось бы и тысячи людей из десятков миллионов России, которые бы за нами пошли под этим флагом. Сохранить же единство великой России, великодержавность России, — под этим флагом можно будет уже собрать не тысячи, а уже миллионы». Все эти расчеты — или точнее, просчеты — имели своим корнем уверенность, что «великодержавный инстинкт, благодаря которому сколотилась великая Россия», является якобы инстинктом всего русского народа. «Чтобы он во мгновение ока так легко от этих воззрений отказался — это подлежит большому сомнению».

В земельном вопросе буржуазия всеми силами отстаивала интересы крупного землевладения. На самом пороге социалистической революции кадеты не переставали превозносить реформу 1861 г. Так, известный кадетский специалист по аграрному вопросу, профессор Мануйлов считал главнейшей задачей партии «развитие и завершение реформы 19 февраля 1861 г.». В местностях, где не наблюдалось недостатка земли для «нормального (с точки зрения к.-д. — *Авт.*) обеспечения» малоземельных и безземельных крестьян, «партия народной свободы» считала возможным оставить землевладельцам, ведущим хозяйство с своим инвентарем, известное количество земли сверх трудовой нормы. Программа устанавливала для подобных случаев «предельную норму», но

и эта норма признавалась необязательной, если «подлежащие учреждения» требовали сохранения данного хозяйства в прежнем его виде. Совершенно освобождались от принудительного отчуждения земли под фабриками и заводами, помещичьи усадьбы, виноградники, сады, огороды и т. п. VIII съезд «партии народной свободы» установил обязательность вознаграждения землевладельцев по «нормальной доходности». Кадеты считали недопустимыми какие бы то ни было реформы, какое бы то ни было ущемление прав землевладельцев «до Учредительного собрания». А созыв последнего всячески оттягивался. «Крестьян водят за нос, убеждая подождать до Учредительного собрания. А созыв этого собрания капиталисты все оттягивают» (Ленин).

Частные совещания обсуждали аграрный вопрос с тех же позиций, что и кадетские съезды. Доклад по земельному вопросу, заслушанный частным совещанием, был посвящен, по существу, обоснованию следующих трех положений: 1) необходимо «выбить из головы эту ложную мысль, что все происходит от малоземелья», 2) «аграрной реформы сделать сразу нельзя», 3) «право собственности на землю ничего из себя не представляет преступного». Принятая совещанием резолюция, продиктованная союзом земельных собственников, содержала призыв к «сельским обывателям» воздержаться впредь до Учредительного собрания от всяких захватнических действий. Комментируя эту резолюцию, Родзянко многозначительно заявил: «Раз говорится в резолюции, что ни о каком захвате не может быть и речи, то этим самым утверждается право собственности».

Буржуазия, оказавшись в результате революции у власти, не смогла и не захотела разрешить земельный вопрос в пользу крестьянства, вследствие переплетения ее интересов с интересами помещиков. Значительная часть помещичьих земель была заложена в банках. По приблизительным подсчетам, задолженность частного землевладения банкам незадолго до революции составляла около $3^1/_2$ млрд. руб. Кроме того, необходимо учесть, что в эпоху монополистического капитализма, в условиях крайнего обострения классовых противоречий, буржуазия страшится революционного потрясения «священной собственности» вообще, не только буржуазной, но и феодальной.

Выступления деятелей «частных совещаний» по вопросам экономической политики в промышленности были полны жалоб на «колоссальные размеры оплаты труда», резких нападок на «непродуманный лозунг» 8-часового рабочего дня, бурных протестов против «опутывания» капитала прямыми налогами.

Докладчик «частного совещания», старательно перечисляя принесенные буржуазией на «алтарь отечества» жертвы, доказал, что усиленное обложение повлечет и закрытие заводов, и отлив иностранного капитала, и рост дороговизны. «Анархическим инстинктам» и «эгоизму» масс частные совещания противопоставляли хозяйственные добродетели «промышленных сфер», их способность «внести» в практическую жизнь что-нибудь такое, что можно осуществить».

Почетное место в «планах хозяйственного оздоровления», выработанных буржуазно-помещичьей контрреволюцией, отводилось иностранному капиталу.

На съезде кадетской партии член Государственной думы Шингарев

прямо заявил, что «главное для нас (разрядка наша. — *Авт.*) это ввоз иностранного капитала... То же, по сути дела, говорил Шингарев и в частном совещании: «единственный путь покрытия расчетных балансов — прилив иностранных капиталов. Другого нет».

В 1917 г. буржуазия очень широко применяла тактику саботажа и локаутов, рассчитывая путем дезорганизации хозяйственной жизни и голода подготовить условия для успешной расправы с революцией. Упования буржуазии на «костлявую руку голода и народной нищеты» проявились в особенно циничной форме в знаменитом выступлении Рябушинского на II Всероссийском торгово-промышленном съезде. Сказались они достаточно явственно и в речах участников частных совещаний. В этом смысле особенно показательно выступление Кринского.

Характеризуя отношение буржуазии и землевладельцев к старому государственному аппарату, Владимир Ильич писал: «Главное для помещиков и капиталистов в настоящее время, когда они убедились в силе революционных масс, отстоять наиболее существенные учреждения старого режима, отстоять старые орудия угнетения: полицию, чиновничество, постоянную армию».

После Февраля были убраны агенты жандармерии и полиции, но основная масса старого чиновничества сохранила за собой свои места. Почти не был затронут личный состав царской прокуратуры. На местах обязанности комиссаров, являвшихся носителями высшей административной власти, были возложены в ряде случаев на председателей губернских и уездных управ, чаще всего примыкавших к октябристам.

Ознакомившись с деятельностью чиновников министерства иностранных дел, представитель Временного правительства довел до сведения начальства, что «имя революции и имя России дискредитируется официальными представителями Временного правительства за границей»... Новых же назначений «почти совершенно нет».

Милюков (а он не был в данном вопросе исключением) решительно восставал против всяких перемен в личном составе руководимого им ведомства. В своем докладе в частном совещании он официально заявил, явно рассчитывая на признательность своей аудитории: «Я сохранил на месте все органы власти моего ведомства... Я сделал перемены необходимые, но пока, за время моего пребывания в министерстве, они не были так значительны. Я исходил из мысли, что у нас нет царской дипломатии и дипломатии Временного правительства... (разрядка наша. — *Авт.*)».

В Феврале массы, выступив против монархии, боролись за мир, хлеб, землю, свободу.

Уже в «Наброске тезисов 17 марта 1917 года» Ленин предупреждал, что новое, буржуазное правительство не даст «ни мира, ни хлеба, ни полной свободы».

Все последующие события полностью подтвердили слова Ленина о том, что «без революции против капиталистов вся болтовня о «мире без аннексий» и о быстром окончании войны таким миром — либо наивность и невежество, либо тупоумие и обман».

Экономическая политика буржуазного правительства должна была привести массы к тому же выводу: «чтобы дать народу хлеба, необходимы революционные меры против помещиков и капиталистов,

а эти меры в состоянии осуществить лишь рабочее правительство» (Ленин).

Тот же эфект имела деятельность буржуазии по аграрному вопросу, толкавшая основные массы крестьянства к выводу о невозможности осуществления их земельных требований «в союзе с капиталистами без полного разрыва с ними, без самой решительной и беспощадной борьбы с классом капиталистов, без свержения его господства» (Ленин).

В «частных совещаниях» неоднократно отмечались заслуги Керенского и его сподвижников в борьбе за «порядок». Устами кадета Маклакова участники «совещаний» официально засвидетельствовали Керенскому свое «глубокое уважение». По мнению Милюкова Керенский «сделал больше, чем от него можно было ожидать». Бубликов превозносил Керенского за его патриотизм, за его борьбу против интернационализма, против «индиферентизма к военным действиям».

Даже Гучков оценил вступление «социалистов» в правительство как положительный факт, охарактеризовав создание коалиции как необходимый этап на пути установления единовластия буржуазии, как неизбежную стадию в «благодетельной эволюции создания сильной власти».

Но вскоре выявилась неспособность керенщины обеспечить в должных темпах и масштабах «благодетельную эволюцию», и буржуазия стала искать спасения в неприкрытой военной диктатуре (корниловщина). Отзываясь с уважением о лидерах соглашательского блока, оратор «частного совещания» уныло констатировал: «Керенский фактически мертв, Церетели также, Плеханов был мертв в тот момент, когда приехал сюда». Немощь керенщины отметил также в своей речи Милюков: «Неполнота успеха Керенского вырисовывается с каждым днем, слабость его личных усилий становится очевидной».

Выражая правительству свою признательность за восстановление смертной казни, деятели «частных совещаний» вместе с тем упрекали правительство в том, что оно формирует суды «при паритете офицеров и солдат, который лишит эту меру значительной доли практического значения». Правительству вменялось в вину чрезмерное увлечение «средствами словесного убеждения». «Думцы» настаивали на разгоне советов, требовали беспощадной, кровавой расправы с революционным движением, в первую очередь с революционным Питером. Депутат Львов, вождь союза земельных собственников, для вящшей убедительности, обозвал Питер «чудовищем и удавом». Пуришкевич потребовал соорудить виселицы прежде всего в Питере, «потому что здесь источник всех безобразий, ибо отсюда идет растлевающая пропаганда»... Ораторы «частных совещаний» с горечью констатировали, что вся страна равняется по Питеру. «Мы опасаемся, — говорил Родичев, — что тот большевизм, который в городах, быть может, уже показал свое лицо, еще покажет свое лицо в деревнях». Скоропадский жаловался, что солдаты «буржуев слышать не хотят». Милюков бил в своем выступлении тревогу по поводу успехов большевиков во флоте.

В борьбе против революции «думцы» не брезгали никакими средствами, не пренебрегали ни погромной пропагандой, ни грязной клеветой. Руководитель «Союза Михаила Архангела» Пуришкевич и «прогрессист» Масленников с одинаковым рвением изощрялись в антисемит-

ской агитации. В вожди революции были «зачислены» неведомые Блюменталь и Розенблюм, в числе лидеров Совета был назван Парвус, не имевший к этому времени, как известно, никакого отношения к российской революции. Не довольствуясь всеми этими замечательными «открытиями», Пуришкевич превратил в последнем заседании Ленина в ...Ципельбаума.

Такое же изящество приемов, такая же «находчивость» характеризовали построения Милюкова. В выступлениях кадетского ученого как бы получила свое теоретическое обоснование пресловутая «практика» Алексинских и Ермоленок. Милюков подробно развил с трибуны частного совещания тезис об общности целей германского правительства и «крайних партий». «Работая параллельно с идеологией Кинталя и Циммервальда, германская интрига достигает целей, которые приятны с одной стороны нашим крайним партиям, а с другой — германскому правительству».

Суждения «ученого историка» об «идеологии Кинталя и Циммервальда» столь же лживы, сколь и невежественны. К большевикам Милюков относит ничтоже сумняшеся и таких представителей циммервальдского большинства, как Мартов, Аксельрод и др. К большевистской прессе Милюков причисляет «Новую жизнь», «лево»-меньшевистскую газету, сотрудники которой, по выражению Владимира Ильича, «вполне пригодны были бы в министры при кадетах».

В борьбе буржуазии за единовластие Государственная дума выдвигалась как «единственное в России законное вполне и всенародное представительство» (Родзянко). После «июльских дней» Масленников предложил официально провозгласить Думу единственным «законным» источником власти и немедленно приступить к формированию «думского» правительства. Характерно, что в принципе никто не возражал против этого предложения. Родзянко счел даже необходимым подчеркнуть, что он «уже давно» разделяет точку зрения Масленникова. Не решился же он поддержать предложение Масленникова лишь вследствие того, что еще не наступил «психологический момент» для активного выступления.

20 августа «в совершенно частном кругу», как выразился Родзянко, происходило обсуждение итогов Московского государственного совещания. Настроения присутствующих наиболее четко выразил Пуришкевич, в резкой форме потребовавший установления военной диктатуры. Пуришкевич заявил, что «пора громко и властно сказать... что при этом Временном правительстве, при той системе, которую оно ведет, мы никогда порядка в стране не получим... Единственная форма правления, которая может вывести Россию в данный момент из того ужасного положения, в котором она находится, — это есть диктатура и Верховный военный совет при диктатуре»... Последующие ораторы «отмежевывались» от чересчур экспансивного и болтливого корниловца, главным образом за «бестактность» и «неуместность» выступления. Предоставив Пуришкевичу возможность высказать до конца свои взгляды, Родзянко умолял не «обострять этого вопроса, потому что это несвоевременно»... Пуришкевич и его оппоненты одинаково истосковались по «порядку», по генеральской диктатуре. Но, всеми силами расчищая дорогу диктатору, думские корниловцы по понятным причинам опасались «бестактного» разглашения их планов, «неуместного» разоблаче-

ния их тайных вожделений. Выступив по тактическим соображениям против Пуришкевича, Родзянко попутно постарался представить грядущий переворот не как дело кучки заговорщиков, а как результат широкого, «самочинного» движения: «В Государственной думе, даже в частном совещании менее всего возможно остановиться на точке зрения призвания к какому-то государственному перевороту, призвания к какой-то диктатуре, которая никогда не происходит, как вам известно, по призыву, а возникает самочинно.

Кадет Велихов усомнился в том, сможет ли удержаться военная диктатура при господствующих настроениях масс: «Мы должны пройти какой-то другой путь предметного урока: когда масса народная убедится, что она бродит в социалистическом тумане, когда она убедится через голод, холод (разрядка наша.—*Авт.*), тогда возможны другие построения»... Это была знакомая ставка на «костлявую руку голода», на локауты, на саботаж, на сознательную дезорганизацию хозяйственной жизни.

Под «другими построениями» Велихов подразумевал, конечно, все ту же военную диктатуру.

Происшедшие в конце августа события резко подчеркнули прикосновенность руководящих деятелей «частных совещаний» к корниловскому заговору, наглядно показали, что «Милюков и Корнилов — едины суть» (Сталин).

Под непосредственным руководством нашей партии рабочие и солдаты быстро и решительно сокрушили корниловский заговор. Разгром корниловщины определил судьбу «частных совещаний»: в начале Октября дума Милюковых и Пуришкевичей сошла, наконец, в могилу.

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Записи частных совещаний членов Государственной думы, за исключением двух (от 4 мая и 18 июня [1]) печатаются по подлинным стенограммам, хранящимся в политическом отделе Ленинградского отделения Центрального исторического архива.

Наиболее подробные отчеты о заседаниях в свое время печатались в «Известиях Временного комитета Государственной думы», [2] краткие же помещались на страницах газет, из которых наибольшее внимание уделяла частным совещаниям кадетская «Речь». [3]

Публиковавшиеся в свое время отчеты во многом расходятся с текстом подлинных стенограмм, так как редакции газет и ораторы вносили исправления и изменения в стенографические записи, затушевывая нередко истинный смысл своих контрреволюционных выступлений по вполне понятным соображениям политического порядка. Следует отметить, что думские ораторы широко пользовались предоставленным им правом «исправлений, вставок и исключений», при просмотре стенографических записей.

Хотя «правила о порядке исправления членами Государственной думы стенографических записей» [4] разрешали вносить лишь исправления, которые «ни прямо, ни косвенно» не затрагивают «существо высказанных ораторами мыслей» и не нарушают «форму, в которой они были выражены на заседании», однако нередко «исправления», вносимые ораторами и редакторами в стенографические записи, не ограничивались поправками «внешне-редакционного свойства». Это особенно бросается в глаза при сопоставлении газетных отчетов и стенограмм выступлений М. В. Родзянко и В. М. Пуришкевича.

Текст стенограмм печатается полностью за исключением случаев особо оговоренных, когда, в силу экономии места, мы вынуждены были

---

[1] Стенограммы этих заседаний не сохранились в архиве и печатаются по тексту «Известий».

[2] Заседания от 4 мая (№ 5 и 6), от 12 мая (№ 6), 20 мая (№ 7), 27 мая (№ 8), 3 июня (№ 9), 5 июня (№ 10), 28 июня (№ 11), 18 июля (№ 12), 19 июля (№ 12), 20 августа (№ 13).

[3] Заседания от 4 мая (№ 104 и 105), 20 мая (№ 118), 27 мая (№ 123), 3 июня (№ 129), 5 июня (№ 130), 28 июня (№ 150), 18 июля (№ 167), 19 июля (№ 168), 20 августа (№ 196).

[4] Постановления совещаний (на осн. ст. 12 Учр. Госуд. думы) от 16 октября, 27 ноября 1908 г. и 7 ноября 1909 г.

отказаться от опубликования речей, не вносящих ничего нового, как по содержанию, так и по форме, по сравнению с речами предыдущих ораторов.

По этим же соображениям опущена стенограмма заседания от 5 июня.

Подготовили текст к печати и составили примечания М. И. Ахун и С. Б. Окунь.

Именной указатель составил Д. М. Зиневич.

Стенограммы
частных совещаний
членов
Государственной думы

4 мая 1917 г.[1]

Председатель.* Господа члены Государственной думы! Позвольте прежде всего объяснить вам, почему произошла некоторая задержка заседания, назначенного в 2 часа. Это произошло оттого, что сегодня неожиданно в 2 часа было назначено в Мариинском дворце совместное заседание Исполнительного комитета бюро Совета рабочих депутатов и пяти главнокомандующих — верховного и командующих фронтами, где мы конечно должны были быть и поэтому вынуждены были отложить заседание.[2] Затем, в виду заявления нескольких членов Государственной думы, подписанного... ** которые выражали желание выслушать от Александра Ивановича Гучкова его соображения и его объяснения по поводу его ухода, Александр Иванович любезно согласился притти и поделиться с нами своими мыслями, поэтому позвольте, начиная заседание, прежде всего предоставить ему слово.

А. И. Гучков. Господа! Я должен очень благодарить вас за то, что вы дали мне возможность представить вам объяснения того серьезного и ответственного шага, который я принял, выйдя из состава правительства. Я рад, что мне приходится давать отчет перед вами, ибо вы, в лице Временного комитета, вами избранного, являлись одной из тех инстанций, которая облекла нашу группу общественных деятелей полномочиями правительственной власти, — акт необходимый, чтобы вывести страну из состояния анархии, в которой она оказалась после свержения старой власти. Мне в сущности приходится мало добавить к тому, что я изложил в объяснении своего шага, в своем письме на имя председателя Временного правительства, и к тому, что я в своих словесных объяснениях вот здесь, в зале Таврического дворца, на съезде делегатов фронта приводил как мотивы, которые заставили меня решиться на этот шаг.[3] Я рад тем не менее, что мне приходится еще раз может быть даже просто повторить то, что было мною сказано, потому что после моего ухода были некоторые толкования и даже кривотолкования, которые не совсем правильно освещали и объясняли мой шаг. Господа, мне был сделан упрек, что я предпринял этот шаг самолично, на свой страх и риск, не предупредив своих товарищей по правительству, и что я даже как бы нарушил товарищескую солидарность. Это фактически неверно. За неделю или полторы до этого я определенно сказал князю Львову и своим товарищам, что при тех условиях, — а о них мы

* М. В. Родзянко.
** Пропуск в подлиннике.

будем говорить дальше, — что при тех условиях, в которые у нас была поставлена правительственная власть и в частности власть морского военного министра, я не нахожу возможным оставаться, и не по личным соображениям, а потому, что дальнейшее пребывание на посту и длительное затяжное течение кризиса по-моему наносило существенный ущерб интересам дела. Итак, недели за полторы я определенно сказал, что уйду. Когда накануне моего ухода у князя Львова состоялось вечернее заседание, то я еще раз сказал, что ухожу, и на вопрос одного из моих товарищей, когда я это сделаю, я сказал: еще сегодня ночью. А сделал я это в конце ночи, под утро следующего дня. Господа, я очень ценю принцип коллективной товарищеской солидарности и я всегда был ему верен, но я в то же время всегда находил, что есть известная грань для этой товарищеской солидарности. Эта грань проходит там, где начинает говорить в вас индивидуальный голос нашей совести. И у этой грани надо перестать слушаться принципа солидарности, а слушаться просто голоса совести. Еще один упрек мне был сделан одним из моих бывших товарищей по правительству, что я подобен крысе, которая убегает с тонущего корабля. Господа, я не убегаю с тонущего корабля, я остаюсь тут же, у государственной работы, готов разделить с теми, кто остался на этом корабле, всю ответственность и все опасности этой работы, может быть даже разделю эти опасности не только с ними, но даже и без них. А если бы мы стали продолжать это, как бы сказать, мореходное сравнение и будем иметь перед своими глазами образ корабля, то мне скорее представлялось бы правильным сравнивать нас, представителей власти, с какими-то кормчими, которые связаны по рукам и ногам, но от которых все-таки требуют, чтобы они вели корабль по правильному руслу, причем все время их дергают и подталкивают. Ясно, что при таких условиях корабль пойдет ко дну. Думаю, что такой кормчий может счесть себя в праве сказать, что при таких условиях он не может нести ответственности за участь корабля и что он предлагает тем, у кого свободные руки и которые им управляли, самим взять руль в руки и непосредственно управлять кораблем. Господа, то, что заставило меня уйти от власти, это была полная невозможность при сложившихся условиях выполнять свой долг, вызывая в стране опасную иллюзию чего-то несуществующего. Я ушел от власти потому, что ее просто не было. Болезнь наша была правильно отмечена в том, по-моему, сильном и ярком документе,[4] который был выпущен вашим Временным комитетом, где говорилось о том странном разделении между властью и ответственностью, которое у нас установилось и которое действительно как-то странным образом напоминает черты того старого порядка, от которого мы только что отделались. Там, наверху, полнота власти, но без тени ответственности, а у видимых носителей власти — полнота ответственности, но без тени власти. Я опасался, что те же причины, которые привели к крушению старого порядка, могли бы роковым образом отразиться на прочности того нового, молодого, еще некрепкого строя, который приходится создавать. Когда правительство вынуждено управлять страной, находящейся в таких тяжелых условиях, как условия внешней войны и внутреннего хаотического брожения и грандиозного переустройства, то именно в этих условиях как никогда требуется вся полнота власти наверху и такая же полнота повиновения внизу. Если

же внизу повинуются по этой формуле, которая у нас установила * «постольку, поскольку это хочется», то тогда несомненно развал правительственной власти неизбежен, а за ним последует и развал всех тех жизненных органов, всех тех ячеек, из которых слагается весь этот большой и сложный государственный организм и весь механизм народного хозяйства. Именно эта организованная анархия, эта анархия, вошедшая в систему, анархия, ставшая методом управления и основным источником развала страны, эта анархия конечно наиболее болезненно и тягостно отражалась на том сложном хрупком организме, с которым мне приходилось иметь дело, — на армии и флоте. [5] В смысле реформ новая власть пошла чрезвычайно далеко. Ни в одной самой демократической стране не введены начала самодеятельности свободы и равенства в условиях военной организации и военного быта в таком широком объеме. [6] Я бы сказал, что мы даже несколько перешли роковую грань. Но во всяком случае теперь наступил момент, что необходимо остановиться на этом пути. А между тем безудержный поток гонит нас все дальше и дальше. А дальше этого начинается уже не созидание армии на новых началах, а неизбежный процесс разрушения. И я, который посвятил годы своей жизни [7] на то, чтобы сковать для России мощную армию, я не мог пойти на эту разрушительную работу, я не мог бы подписать своим именем такие приказы и законы, которые для меня представлялись бы толчком к быстрому разрушению наших вооруженных сил. Я как-то сказал одной делегации, явившейся ко мне с одного фронтового съезда и требовавшей, чтобы я дал свое согласие на ряд постановлений, которые этот съезд вынес и которые по-моему означали гибель армии, я сказал: вы можете перешагнуть через мой труп, но я своего согласия не дам, пускай моя рука засохнет, но я такого документа не подпишу.

Господа, в последнее время особенно участились эти симптомы разложения нашей армии. Теперь они уже составляют предмет общей тревоги, и я должен сказать, что я в значительной степени способствовал тому, чтобы эти разъедающие язвы во всем своем ужасе, без сгущения красок, но и без их смягчения открылись глазам армии и нации. Ибо я продолжаю верить, что если все мы, все — и Совет рабочих и солдатских депутатов, и каждый рабочий, и каждый солдат будут знать то, что я знаю, если эта грозная картина разложения армии предстанет перед нами с такою же яркостью и несомненностью, с какою она ясна для меня, то многие начнут поступать иначе, поняв, что для них другого решения не может быть, как остановиться на этом пути разрушения и постараться восстановить и утвердить те устои, без которых ни государство, ни армия, и особенно армия, жить не могут. Ведь все-таки на началах непрекращающегося митинга управлять государством нельзя, а еще менее можно командовать армией на началах митингов и коллегиальных совещаний. А мы ведь не только свергли носителей власти, мы свергли и упразднили самую идею власти, разрушили те необходимые устои, на которых строится всякая власть. Справится ли с этой задачей новое правительство — я не знаю, будем надеяться, что да; во всяком случае поможем ему в этом деле. Но я должен высказать некоторые опасения: не слишком ли далеко зашел этот

* Так в подлиннике.

роковой разрушительный процесс и будем ли мы в состоянии остановить его развитие? Не нужно, господа, представлять себе, что это болезненное явление было результатом исключительно какой-то агитационной работы каких-то злонамеренных людей вроде Ленина и его соратников или просто легкомысленных или несведущих людей, которые не ведают, что творят. Господа, эта болезнь является не только результатом этих заразных начал. Несомненно, что почва была подготовлена давно и общим укладом нашей жизни, и постановкою народного воспитания, которое мало развило в массах чувство сознательного, деятельного и пламенного патриотизма, а главное — чувство долга, и этой тягостной войной, продолжающейся почти три года и истощившей морально и физически народные массы.[8] Виной этому конечно и какая-то беспросветность этой войны, недостаточно сознательное понимание ее целей, а главное — ее безрадостность. Ведь вот, если бы мы, как хвастался недавно Вильгельм в одной из своих прокламаций, если бы мы тоже вошли уже в четыре столицы и собирались войти в пятую (под пятою Вильгельм разумел Петроград), тогда конечно радостный воинственный энтузиазм поднял бы эти народные массы. Но когда мы видели только неудачи или условные полуудачи, когда меркла вера в старых вождей и подчас приходилось вести войну голыми руками, то вы видите психологическое объяснение данному роковому явлению какой-то размягченности и разрыхленности душ солдатских масс. А когда на эту готовую почву пахнуло с тыла этим дуновением мира, донеслись эти разговоры о возможности близкого заключения мира, о конференциях о мире без аннексий и контрибуций, то налицо оказались все те элементы, которые ведут к разложению и народной души и души армии. [9] Удастся ли нам вызвать и укрепить здоровые течения, удастся ли разогнать эти миазмы которые реют над нами, как над каким-то гниющим болотом? Обязанность наша во всяком случае до конца выполнить наш долг, на каком бы посту каждый из нас ни стоял: веру в родину мы терять не должны, ибо эту веру мы в праве потерять только одновременно с жизнью. Во всяком случае я должен повторить здесь то, что говорил в думском заседании и на делегатском съезде: [10] положение опасно, опасно до последней степени, но опасность заключается не только в грозности нашего военного положения, которое я вам нарисовал, но и в том, что этот анархический яд, отравив нашу государственную власть и подточив жизненные силы нашей армии, этот анархический яд проник во все поры нашей общественной жизни и нашего народного хозяйства, отравив или приостановив все функции народного организма. Ведь в настоящее время нет ни одного общественного или частного хозяйства, ни одного предприятия, ни одной организации, куда не проник бы этот анархический яд со своей разрушительной работой. Господа, я предвижу, что если мы в этой важнейшей области — в области экономических и социальных отношений — не совладаем с этим разрушительным процессом, то тогда, я думаю, Россия быстро захиреет, а затем и замрет. Ведь в самом деле мы и без того получили тяжелое наследство от прежней власти; в тяжелых условиях войны и общего внутреннего расстройства приходится налаживать дело. А к этому еще прибавилась анархическая разрушительная работа, которая разлагает эти последние ткани живого тела народного организма. Господа, если этот процесс теперь же не остановится, его

дальнейший ход и его исход несомненны. Когда начнет расстраиваться и замирать работа нашей промышленности, а потом и совсем приостановится, когда появится у нас массовая безработица, когда и в армию и в страну будут поступать предметы первой необходимости в уменьшающейся прогрессии, когда разрушительная работа отразится наконец на важнейшей отрасли нашей промышленности — сельскохозяйственной, когда разруха захватит и железные дороги, вследствие угрожающего нового кризиса с дровяным топливом, тогда, господа, мы получим опять ту картину, которую мы имели два месяца тому назад. Только кризис этот будет много острее и результаты его для государства более гибельны. И как бы не произошло то, о чем только вчера говорил на одном собрании представитель социалистической партии, как бы не произошел народный бунт — бунт, поднявшийся из глубины народных желудков. Но на этот раз бунт будет направлен не только против представителей власти, которая, как и старая власть, будет сочтена виновницей народного бедствия, но против всех общественных классов, которые играют руководящую роль в нашей народнохозяйственной жизни.

(Собрание приветствует входящего П. Н. Милюкова.)

А. И. Гучков. Господа! Если все это произойдет, а это неизбежно произойдет, если не удастся остановить развитие этого процесса, то тогда вы сами понимаете, чем окончится вся эта катастрофа и что водворится у нас после этой катастрофы. Господа, насущная проблема сегодняшнего дня стоит та же, как и стояла все эти два месяца, — это проблема власти, проблема создания твердой государственной творческой власти. Кризис, который мы эти дни переживаем особенно остро, конечно не создан этими днями и отнюдь не создан моим уходом, как мне ставили в упрек. Этот кризис мы переживаем ровно два месяца; он начался на другой день после создания нового правительства, когда оно взяло руль власти, как я уже говорил, будучи связано по рукам и по ногам; когда оно, по образному выражению члена Государственной думы Шульгина, было взято под подозрение и посажено под домашний арест, [11] с этого дня и начался этот тяжелый кризис. И если я своими речами пытался заразить общество той смертельной тревогой, которой я сам полон, если я своим уходом от власти еще более подчеркнул всю трагичность настоящего положения, то я, господа, этим путем не создал кризиса, я только попытался ускорить его разрешение и положить предел тому маразму, который казался мне опаснее всего. Мне кажется, что до известной степени я этого достиг. Можно, господа, относиться как угодно к той правительственной комбинации, которая сейчас созревает, можно сочувствовать и верить в ее спасительную силу, можно относиться к ней с некоторым меланхолическим скептицизмом и думать, что и эта комбинация будет все-таки бессильна окончательно разрешить ту задачу, которая стоит сейчас перед Россией, но во всяком случае эта комбинация является естественной и, я сказал бы, неизбежной стадией в этой благодетельной эволюции создания сильной власти, без чего крушение неминуемо. [12] Теперь кризис закончился, по крайней мере на время, и страна получила некоторую передышку, чтобы оглядеться, опомниться и притти к какому-либо, может быть на этот раз спасительному, решению.

Господа, я говорю, что можно относиться теоретически к этой комбинации с верой или с некоторым скептицизмом, но одно несомненно, что практически мы все обязаны всеми силами поддерживать ту правительственную власть, которая таким долгим и мучительным путем вновь реконструировалась. Мы все обязаны по совести, по чувству долга перед родиной поддерживать эту власть, потому что наша поддержка сделает эту власть сильною, а только сильная власть, — я скажу, вопрос второстепенный, в чьих руках, — только сильная власть может спасти страну от этой анархии, которая в дальнейшем своем развитии несомненно приведет нашу родину к гибели. И вот этими словами призыва всех общественных и политических сил на помощь тому правительству, которое сейчас создалось, я и хотел закончить. *(Голоса:* «Браво!» *Рукоплескания.)*

Милюков.[12a] *(Рукоплескания.)* Мои объяснения относительно ближайших поводов для моего ухода будут заключены в несколько более тесные рамки, чем объяснения Александра Ивановича, насколько я успел его выслушать. Дело в том, что я и мои товарищи по партии, мы так смотрели на долг наш во Временном правительстве, что уходить из него нам самим нельзя, что можем быть принуждены к этому только силой и что наш собственный уход был бы актом неправильным. И вы знаете, что с моим уходом в составе Временного правительства все-таки остаются мои партийные товарищи.[13] Из этого вы заключаете, что для нас как для партии вопрос не стоял так, что нам надо немедленно, так сказать, разорвать и покончить наши отношения с этим вновь образовавшимся правительством, и тем более вопрос не стоял так, чтобы встать к нему в оппозицию. Вопрос, который встал для меня настолько решительным образом, что мне пришлось уйти, встал таким образом в несколько иной плоскости. Я даже и публично говорил, что я могу уйти только уступая силе, но я не предвидел того, что мне придется уйти, уступая не силе, а уступая желанию моих товарищей, их, так сказать, значительному большинству. Я с чистой совестью могу сказать, что не я ушел, а меня «ушли», так что совесть моя спокойна. Я стоял на своем посту до того момента, когда товарищи значительным большинством сказали: «Пожалуйста, очистите этот пост, потому что он нужен для других целей». Официально я не знаю для каких целей он там нужен, так что мои остальные сведения, так сказать, неофициальны. Вы и сами могли следить за тем, как моя деятельность в области внешней политики была согласна, как я думаю, со всем тем, что не я один, а и вы все разделяли. *(Голоса:* «Правильно!» *Бурные рукоплескания.)* Деятельность эта продолжалась в том направлении, в каком все вы считали необходимым вести настоящую мировую борьбу за те жизненные интересы России, которые с нею связаны. *(Голоса:* «Верно!»*)* Противники мои говорили, что вместе с революцией, с крутым поворотом во внутренней политике должна быть произведена революция, крутой поворот тоже и во внешней политике, что наша политика прежняя — это была дипломатия царизма, а что вот теперь должна наступить новая дипломатия.[14] Я пытался объяснить, что в области внешней политики положение стоит совершенно иначе, чем в области внутренней политики. Здесь можно было прогнать всю старую власть, или даже она сама ушла, начиная от стражников до губернаторов. Я не мог и не считал возможным сделать

то же в своей области. Я сохранил на месте все органы власти моего ведомства и сохранил для него возможность правильно и нормально функционировать. Я сделал перемены необходимые, но пока, за время моего пребывания в министерстве, они не были так значительны. Я исходил из мысли, что у нас нет царской дипломатии и дипломатии Временного правительства; у нас есть дипломатия союзническая, потому что это та дипломатия, которая нами руководит вместе с союзными государствами *(голоса:* «Правильно!»*)*, вместе с передовыми демократиями, которые с нами вместе пошли на это дело, заранее условившись, как они и как мы на него смотрим. Вы помните, что мы всегда развивали те мысли, что задачи этих передовых демократий в этой войне освободительные, что задачи эти заключаются в достижении осуществления принципа самоопределения народов и рядом с этим мы говорили, что эти задачи также в достижении жизненных задач, необходимых для интересов России. Мы сговорились с нашими союзниками относительно того, что общие усилия должны повлечь за собою в случае* нашей общей удачи и взаимные, нужные для жизненных интересов каждого из нас последствия. Мы в течение самой войны уже вошли в новые соглашения с государствами, которые только потому и пошли на эту войну, что соглашения эти были с ними заключены, как Италия и Румыния, в общем стоявшие на той же принципиальной освободительной точке зрения, на желании объединить или закончить объединение своей национальности и достигнуть осуществления своих жизненных задач. Таким образом не было царской дипломатии, была дипломатия союзническая, и мы были связаны на горе и на радость с нашими союзниками и моральным образом должны были итти с ними вместе до конца в этой круговой поруке, в общей борьбе, единым фронтом. Нам казалось, что эта наша связь запечатлена теми миллионами жертв людей, которые потерпели все эти стороны в нашем круговом союзе, и что нельзя выйти из этого союза с таким односторонним решением. Вот почему мне и казалось, что существующие перемены, которые настали со времени изменения в нашем внутреннем строе, и сводились к тому, что теперь мы с чистой совестью, открыто и свободно от имени всей страны могли бы говорить то, что тогда говорили — может быть не все, а часть, представленная Государственною думою, — именно совершенно определенно встав на высоту тех высоких идей и задач, которые неоднократно провозглашались в союзных с нами странах очень многими видными общественными деятелями. Так я понимал эту свою задачу, и мне кажется, что так понимали наши отношения, нового правительства, к себе наши союзники. Они в появлении в министерстве иностранных дел вашего покорного слуги увидели знак того, что Россия не изменит обязательствам, которые она заключила, и целям, которые она себе поставила. И этим объясняется, я думаю, до некоторой степени их радостная уверенность в том, что революция достигла своей цели и что при новой свободной России она вложит еще большие силы, чем ею было вложено прежде в это общее дело, что создается известный энтузиазм в ведении войны, который удесятерит силы нашей армии. Мы же постоянно говорили, что прежнее

* В подлиннике повидимому ошибочно: «в смысле».

правительство не в состоянии было организовать страну для победы, и именно это было ближайшей целью нашего участия в перевороте, и естественно казалось, что за переворотом наступит именно тот результат, для которого в значительной степени этот переворот был сделан. Вот каким образом я смотрел на мою задачу во внешней политике, и некоторым подтверждением сначала этого взгляда было быстрое признание нас нашими союзниками, союзными державами, что конечно имеет несомненно удельный вес. И вот в течение довольно продолжительного времени мне казалось, что я веду внешнюю политику в полном согласии с остальными моими товарищами во Временном правительстве. Но через некоторое время оказалось, что извне вносится другой взгляд, другая теория, так сказать, которая основана на взглядах незначительного меньшинства заграничных социалистов, поставивших своей задачей еще до войны не допустить войны, а после начала войны—прекратить ее, так как война — это дело капиталистов, цели войны — это империализм, задача пролетариата—принудить свои правительства прекратить войну. Задача эта, так поставленная, была довольна трудна, потому что ее представляло за границей только незначительное меньшинство социал-демократии, так как большинство социалистов во всех союзных странах оказалось национальным, а не интернациональным, т. е. примкнуло к идее защиты страны и к идее борьбы против германского милитаризма, который мешал созданию прочного мира. Понятно, что несоциалистические, буржуазные партии тем более стояли на этой национальной точке зрения, и казалось, что в России ничего такого не произойдет, что изменило бы эту общую картину. То меньшинство социалистов, которое пробовало проводить те взгляды, о которых я вам сейчас упоминал, оно составляло совершенно ничтожное меньшинство, которое тщетно пыталось при германской поддержке и при поддержке швейцарских социалистов устроить международный конгресс и установить как бы видимость жизни Интернационала. Это им не удалось в швейцарской деревушке Циммервальд и еще больше не удалось в Кинтале, где они собрались через год. И вот эти циммервальдские и кинтальские идеи, которые там представляли достояние очень небольшой группы, не имевшей никакой возможности повлиять на общественные настроения, у нас они широким потоком прошли через те же каналы, и я должен сказать, что я считаю, что они нам принесли созданную в Германии формулу через посредство швейцарских социалистов и наших собственных изгнанников, которые, вернувшись в Россию, начали широкую агитацию в пользу циммервальдских идей, и это выразилось в принятии довольно широким кругом общественного мнения, плохо осведомленным обо всех этих заграничных явлениях, принятии радикальной формулы западного национального меньшинства социал-демократии. Сюда относится эта знаменитая формула «без аннексий и контрибуций», на признании которой настаивали прежде всего представители того мнения, что Совет рабочих депутатов должен распространить свое влияние на правительство.[15] Я совершенно естественно, зная, куда идет эта формула, зная, откуда она выходит, весьма энергично воспротивился ее принятию. Я должен сказать, что немногие из моих товарищей меня поддержали и пришлось согласиться на издание этого документа от 27 марта,[16] потому что он являлся компромиссом между моим взглядом и между

взглядом большинства. Большинство настаивало на введении не этой формулы «без аннексий и контрибуций», а указания на то, что мы не преследуем захватных целей, что совершенно правильно, и еще целого ряда таких выражений, которые не имеют уже того смысла, как формула «без аннексий и контрибуций». Мы с одной стороны — я в частности — настаивали на том, чтобы туда были внесены фразы, что мы верны нашим обязательствам и что мы в то же время сохраняем наши права, права нашей родины. Это указывало, что мы до тех пор, пока другой не отказался от своих прав, не откажемся от наших. Там было внесено указание, что мы не хотим, чтобы Россия вышла из войны ослабленной в своих жизненных интересах. Эти указания гарантировали мне свободу действий в ведении той политики, которая и была намечена раньше. Но конечно, так как эта формула была компромиссом, то настаивавшее на этом компромиссе течение ею не удовлетворилось, и потребовали развития ее, развития в другую сторону, в сторону того течения, которое не смогло победить сразу. Даже надо сказать, что тут была такая стратагема, тут был выбор между двумя решениями: одно решение было такое — считать, что этот компромисс неудачный и отвергнуть формулу, принятую Временным правительством в его воззвании 27 марта, и была другая возможность — признать, что это удачный исход, и истолковать эту формулу именно в смысле тех, кто настаивал на определенном ее значении. Надо сказать, что последнее решение было умнее, и оно было принято и использовано. В рабочей печати повсюду раздавались хвалебные гимны в честь этой формулы, понимаемой именно в смысле сокращенной формулы «без аннексий и контрибуций». Это было не так, но вашему покорному слуге не приходилось входить в полемику и в газетные споры, когда ему говорили, что это только его личное мнение, то мнение, которое собственно совпадало с направлением русской политики. Наступил другой момент, когда стали настаивать, чтобы этот документ, которому я намеренно придал форму обращения к согражданам, а не дипломатического акта, чтобы превратить этот документ в дипломатический акт и настоять на том, чтобы союзники немедленно вошли с нами в переговоры пересмотра самого их содержания в том духе и в том значении этой формулы, какое ей хотели придать, т. е. «без аннексий и контрибуций». Я решительно отказался и после новых переговоров, которые привели к новому компромиссу, я согласился не ноту направить, но препроводить самый документ при бумаге, которая, так сказать, гарантировала бы наше ведомство иностранных дел от злоупотребления таким неверным пониманием того компромисса. Именно в своей препроводительной ноте я говорил совершенно определенно, что мы не стоим за сепаратный мир, что мы считаем, что силы нашей армии должны быть больше, а не ослабнуть вследствие революции, т. е. целый ряд заявлений, которые соответствовали заявлениям, ранее делавшимся, и таким образом обеспечивали союзникам, так сказать, нашу лояльность.[17] Вот, препровожденная таким образом нота, как вы знаете, вызвала уже страшнейшее раздражение против меня лично. В ней видели шаг назад, и состоялось то уличное движение, которое правда в конце дня превратилось в овации по адресу Временного правительства и моему лично.[18] Но эта была все-таки только временная по-

беда. Желавшие вести дальше эту линию и требовавшие раскрыть компромисс в направлении этой формулы «без аннексий и контрибуций», они продолжали свою борьбу, и вот вопрос стал таким образом, что они уже решили, что они сами будут вести ту линию, которую отказывался вести я. Это совпало с разговорами о коалиционном кабинете, и социалистические партии во внегласных переговорах о составе этого будущего кабинета первым условием поставили, чтобы министр иностранных дел оставил свой пост. На это очень значительное большинство моих товарищей, 7 членов кабинета, согласились и с своей стороны выговорили, так сказать, в виде уступки, что все-таки я останусь в самом кабинете, но переменю портфель. Эти предложения были мне сделаны, и это есть те предложения, которых я принять не могу, — вы поймете почему. *(Голоса:* «Правильно!» *Рукоплескания.)* Завтра вероятно будет напечатана декларация правительства, [19] в которой задачи внешней политики будут поставлены так, как я не хотел их поставить, и, хотя бы другое лицо вело эту внешнюю политику вместо меня, я не могу принять на себя эту ответственность за такую постановку. Я считаю, что она вредна и опасна для России. Опасна потому, что, не достигая той цели, которой хочет достигнуть, она значительно расстраивает наши отношения с союзниками. Правда, для моих оппонентов это повидимому не совсем еще ясно. Затем для меня было очевидно, что переменить портфель на портфель министра народного просвещения все-таки не значит освободить себя от ответственности за внешнюю политику *(голоса:* «Правильно!»*)*, которую я вел в течение всей сессии Государственной думы, всей войны; взгляды мои известны всему свету, и я не могу нести такой ответственности. Вот почему я ушел. Повторяю, что этим объяснением я не затрагиваю другой стороны вопроса — моего взгляда на коалиционное министерство. Я сейчас уже указывал, что этот взгляд все-таки не помешал некоторым нашим товарищам войти в коалиционный кабинет и испробовать, нельзя ли эту тягость нести еще дальше, и нельзя ли, присутствуя в кабинете, все-таки продолжать то дело, которое вели они и раньше. Лично я считаю, что кабинет этот является конечно попыткой весьма решительной. Она может оказаться и рискованной, но несомненно, что она достигает совершенно определенных положительных целей, двух целей главным образом: 1) она усиливает власть и делает возможным создание Временного правительства единого, чего до сих пор не было. Это собственно и есть смысл обращения к Совету рабочих депутатов. Пускай Совет пошлет своих представителей, пускай он сочтет себя ответственным за ведение дела, пусть он выделит правительство и пускай это правительство считается уже единым. Это первая задача. Будет ли она достигнута — этого я не знаю. Ведь в Совете рабочих депутатов идет борьба мнений, и вы знаете, что не все хотели войти, очевидно те, которые не войдут, будут продолжать критику тех, кто вошел, и весьма возможно, что социалисты, вошедшие в состав правительства, окажутся под таким же градом нападений, какому подвергалось правительство без социалистов. Я этого не говорю, но очевидно, пока это произойдет, мы будем иметь дело с несомненным усилением власти. Эта задача, особенно в надлежащее время, будет достигнута. Еще важнее быть может другая задача—это вопрос о том, чтобы переломить настроение на фронте, переломить настроение той армии, которая представила себе,

что все эти пацифистские стремления и воззвания в сущности равносильны уже состоявшемуся примирению и что поэтому уже воевать не нужно. В самом деле, раз мы отказались от завоеваний, так зачем воевать? Вот это настроение должно быть переломлено при старом Временном правительстве, потому что к нему доверие солдатских масс было недостаточно. * Наоборот, Совет рабочих депутатов пользуется всем доверием этой массы, и когда нас спрашивали, как бы устроить, чтобы солдаты понимали, что даже задачи обороны не ограничиваются обороной в узком смысле и предполагают наступление, мы говорили: обратитесь к Совету рабочих депутатов, чтобы он сделал воззвание, в котором это было бы сказано, и солдаты ему поверят. Совершенно естественно, что министерство, составленное из представителей партий, поддерживаемых Советом рабочих депутатов, может достигнуть этой цели, и как ни осторожно Совет рабочих депутатов относится к задачам войны, но тем не менее в завтрашней декларации будет сказано, что наступательные действия не исключаются, что поражение России было бы даже опасным для самой революции и что надо продолжать воевать хотя бы для тех ограниченных и узких целей, которые ставятся победившим течением. Для данного момента это самое важное, чего мы можем достигнуть. Какие бы мы прекрасные формулы дружбы к союзникам ни писали, но если все-таки армия останется бездейственной, то конечно это будет фактической изменой нашим обязательствам, и наоборот — какие бы страшные формулы ни написали изменяющие лойяльности, но если армия фактически будет воевать, то конечно это будет фактическое соблюдение наших обязательств по отношению к союзникам. [20] И вот то, что такое решение оправдывает, т. е. оправдывает попытку создания коалиционного кабинета. Таким образом я считаю, что в общем появление этого кабинета есть акт положительный, что он во всяком случае даст возможность надеяться на достижение двух главнейших целей настоящего момента, а именно — усиления власти и перелома настроения в армии. Но я думаю, что постольку, поскольку эти наши надежды исполнятся, мы должны поддержать вновь образовавшееся Временное правительство. *(Рукоплескания.)*

Шульгин. Господа члены Государственной думы! Позвольте поделиться с вами теми мыслями, которые возникли у меня, когда я слушал двух наших товарищей, вернувшихся опять в нашу среду, в особенности Александра Ивановича Гучкова. Господа, я считаю, что роковая ошибка была сделана в первые дни революции. Почему? Потому, что, если вы помните, в то время доходили к нам с разных концов фронта сведения, что армия под первым порывом, под первым дуновением того энтузиазма, который вызвал этот переворот, рвалась из окопов и требовала от своих офицеров: «Дайте нам показать врагу, как сражается свободный русский народ». [21] Да, такое вдохновение было. Но вот этим подъемом не только не воспользовались, а его постарались всеми средствами затушить, и вместо того чтобы поддержать армию в этом настроении, ей сказали: «Пожалуйста, вы не беспокойтесь там, в окопах, у вас есть настоящий враг, вовсе не немец, а буржуазия, поэтому вы занимайтесь

* Так в подлиннике. Смысл повидимому тот, что «настроение должно быть переломлено при *новом* правительстве, потому что к старому» и т. д.

в окопах тем, что хорошенько смотрите за вашими офицерами, чтобы они не устроили контрреволюции, а с немцами мы справимся воззваниями». Вот, господа, этот посев дал всходы. Немцы, убедившись, что наша армия, которая братается с ними, достаточно безопасна, перебросили свои войска на западный фронт, а ответа на воззвание мы до сих пор не получили. Кажется этого было бы достаточно, для того чтобы понять этот урок. Но нет, оказалось, что этого недостаточно. У нас оказались такие неисправимые любители немцев, которые признают, что немцы ни в коем случае виноваты быть не могут, и поэтому, если война продолжается на западном фронте с союзниками, то очевидно в этом виноваты союзники. И вот начался второй посев, началась агитация против союзников. Англия, Франция и Америка были объявлены буржуазными странами, с которыми надо так же бороться, как и с русскими буржуями. Господа, этот посев дал всходы, но плоды он еще даст в будущем. Я позволю себе утверждать, что если еще некоторое время будет продолжаться это положение, при котором все силы немцев невозбранно сражаются на западном фронте, а у нас фактическое перемирие, то союзникам нашим придется порвать с нами. *(Голоса:* «Верно, позор!»*)* И вот тогда положение будет поистине трагическим *(голос:* «Позорным!»*)*, потому что может быть два исхода: один исход — сжавши зубы, давя естественное раздражение против нас, союзники будут продолжать борьбу на своем фронте, не обращая, так сказать, на нас никакого внимания. Тогда в конечном итоге наступит то, что сегодня вы можете прочесть в речи германского канцлера, который говорит: «Конечно мы можем установить добрососедские отношения с Россией и даже никакой тени горечи не останется при этом».[22] Господа, эти добрососедские отношения будут тем, что немец нам столько раз обещал,—что славянство будет удобрением для германской культуры; это будет потому, что мы всецело останемся в их власти. Среди других народов мы будем париями, отверженными. У нас только и света будет, что немцы. К другим народам мы пойти не можем. И вот над нами высокая рука Вильгельма будет протянута, он будет покровительствовать нам, и на него мы будем молиться. Может быть другой исход, не менее трагический, а именно, что ни в Англии, ни во Франции невозможно будет сдержать того чувства гнева их народов, вполне, увы, возможного гнева против России, которая предала их в самую трудную минуту. Этот гнев заставит их правительства заключить мир с Германией за наш счет. Потому что, господа, ведь это очень просто. Ведь как бы ни дорога была немцам Эльзас-Лотарингия, но если менять ее на Польшу, с своеобразной независимостью германского образца, т. е. с немецким принцем, менять на Литву, тоже «независимую», с немецким принцем *(голос:* «Юго-западный край»*)*, плюс Украина с австрийским принцем, тоже «независимая», и Курляндию, если все это в общем сообразить, то уверяю вас, что говорить об Эльзас-Лотарингии и о Триесте смешно. Господа, я верю, что этого не будет, но ведь есть всему предел на свете, и если действительно будет продолжаться та позорная картина, которая сейчас продолжается, то можем ли мы в душе своей осудить эти западные народы, если им придут в голову такие мысли. Ведь это же безумие, господа, говорить, что в Англии, Франции и Америке не народы воюют, а правительства. Когда говорят это об Англии, которая дала 4 миллиона добровольцев,—это смешно.[23] Населе-

ние Англии около 40 миллионов с лишком. Если принять в расчет, что половина — женщины, то выходит, что из каждых пяти или шести мужчин один пошел добровольно на войну. И после этого можно говорить, что воюет не народ, а правительство его к этому принуждает! Возможно ли это? Мы недавно праздновали 27 апреля — 11-ю годовщину нашего парламента. И вот смешно было слышать, как в 11-ю годовщину парламента бросались такие мысли по отношению к народу, который может праздновать 711-ю годовщину. Я считаю оскорбительными для Англии мысли, что этот народ позволил бы своему правительству вести не ту политику, которую народ этот желает. А Франция? Мы ведь предлагаем собрать Учредительное собрание на основе всеобщего равного тайного голосования и т. д. Очевидно этому Учредительному собранию мы будем верить. Очевидно те слои, которые его так добивались, считают, что это правильный счет голосов и что будет правильное представительство народное, которое выскажет волю народа. Но ведь во Франции, за исключением того, что там не избираются женщины, избрание идет именно по этому принципу. Почему же этому Учредительному собранию мы будем верить, как богу, а парламент французский будем считать, что это не воля народа? *(Голос: «Это невежество».)* Ведь это же нелепость. А Америка? Неужели можно нанести более тяжкое оскорбление Америке, как сказав, что она воюет не по своей воле, а по приказанию президента Вильсона? И вот я считаю, что в высшей степени неосторожно по отношению к союзникам где-либо и когда-либо заявлять, что воюют не сами народы, а правительства. Нет, воюют народы, и если мы отойдем от них, то отойдем от народов; мы останемся одни, мы отрекаемся от всей цивилизации, и если хотим, то можем заключать союз разве с Азией. Господа, сегодняшний день — это день перелома, потому что сегодня формируется то правительство, — по моим сведениям оно еще не готово, только формируется, — которое существенным образом переместит все-таки центр тяжести от одних слоев населения к другим, ибо мощной струей в это правительство войдут представители социалистической демократии. Мне хотелось бы, чтобы в эту минуту положение было совершенно ясное. Я хотел бы, чтобы вы знали следующее: если эта социалистическая демократия борется за руль государственного корабля для того, чтобы спасти Россию, я хотел бы, чтобы она знала, что у нее не два врага, как об этом всегда твердилось: один на фронте, а другой в тылу — буржуазия, я бы хотел, чтобы она знала что если действительно она борется за спасение России, то буржуазия ей удара в спину не нанесет. *(Голоса: «Браво!» Рукоплескания.)* Господа, позвольте мне сказать еще несколько слов. Я был всегда по воспитанию, по всем своим склонностям, по всем унаследованным традициям, я был всегда монархистом. Я считаю, что для России республика есть какой-то сон, так всегда думал. Но, господа, сейчас мы имеем фактически республиканское правительство. И я говорю: если это республиканское правительство спасет Россию, я стану республиканцем. Надо посмотреть и с другой стороны. Мы должны себе дать полный отчет в том, что эта перестановка, которая происходит, что это передвижение центра тяжести государственной и общественной жизни в другое место, оно всех нас, буржуев, можно сказать, раздавит, — в земствах, в самоуправлении, в государственном управлении. Весьма

возможно, что никто из нас не увидит света, в этом смысле нас совершенно отодвинут, и мы потеряем всякое значение. Тем не менее я утверждаю, что мы предпочитаем быть париями в России, чем пользоваться какой угодно властью и привилегиями в стране, которая будет находиться в зависимости от Германии. *(Голоса:* «Браво!» *Рукоплескания.)* Я, господа, скажу больше. Не только политический уклад может перемениться; я знаю отлично, я отдаю себе отчет, что если эта социалистическая демократия сейчас выведет Россию из этой страшной беды, она сделает такое дело, она выдержит такой экзамен, что в первый раз быть может в истории мира будет сделана проба социалистического государственного устройства. И я это понимаю, я понимаю последствия и говорю: мы предпочитаем быть нищими, но нищими в своей стране. Если вы можете сохранить нам эту страну и спасти ее, раздевайте нас, мы об этом плакать не будем. *(Голоса:* «Браво!» *Рукоплескания.)*[24] Но я должен сказать, единственный путь к спасению лежит через войска, лежит в том, чтобы эти войска, загоревшись всем жаром, всем пылом революционного воодушевления, перешли в наступление против врага всякой свободы, против Германии. *(Рукоплескания.)*

Савич. Господа, вы выслушали печальную летопись борьбы, которую два месяца вели наши товарищи, наши друзья и наши вожди в первом общественном министерстве. Они оба ушли. Один из них сказал, что его заставили уйти. Другой не сказал этого, но его тоже заставили уйти, и заставили их обоих уйти одни и те же общественные и политические силы. После революции центр тяжести в политическом нашем строе, реальное соотношение сил настолько изменилось, что сила перешла в те партии, которые ближе всего отвечали лозунгам и требованиям широких масс, демократических масс, солдатских и рабочих. Я даже скажу так: сила перешла в те партии, которые могли давать больше обещаний, которые в своем арсенале имели больше запасов демагогических приемов. И вот, постепенно мы видим, как сила массы начинает давить на тех, которые являются представителями силы ума и государственного разума. *(Голоса:* «Правильно!»*)*

[Дальнейшая часть стенограммы речи Савича опускается, так как она не вносит ничего нового по сравнению с речами предыдущих ораторов (В. В. Шульгин, А. И. Гучков, П. Н. Милюков). Слово предоставляется Маклакову.]

Маклаков. Господа, я не собирался говорить сегодня. Мне представляется, что положение у нас настолько ясно, диагноз, который поставлен, настолько бесспорен, и даже средства лечения, которые нам предлагают, столь несомненны, что говорить в этой среде между собой почти что и не о чем. Положение конечно совершенно трагично. Ведь, господа, в какую бы форму мы ни облекали основную мысль: сказали бы мы так, как Керенский, перефразируя старинную анафему Ивана Аксакова, который воскликнул в минуту горя: «вы не дети свободы, вы взбунтовавшиеся рабы»,[24a] будем ли мы говорить дипломатическим языком Временного правительства, которое объяснило, что социальные связи разрушаются скорее, нежели созидаются новые, каким бы языком мы ни говорили, под этими словами скрывается одна главная мысль: Россия оказалась недостойной той свободы, которую она завоевала. *(Голоса:* «Правильно!»*)*[25] Господа, это скажут про нас, если эта угроза совершится, потому что можно разбирать отдельные ошибки, которые

сделаны классами, партиями, лицами, можно говорить, что Временное правительство проявляло слишком мало власти, а Совет рабочих и солдатских депутатов — слишком много власти, можно горько пенять, как я пеняю, что Временное правительство не поняло в свое время, какую поддержку ему могла бы оказать Государственная дума *(голоса: «Правильно!» Рукоплескания)*, можно говорить, что оно не поняло значения того, что Государственная дума была упразднена и заменена классовым представительством Совета рабочих и солдатских депутатов, можно упрекать тех, которые молчали, можно многих упрекать, но ведь, господа, мы не обойдемся в России ни без буржуазии, ни без пролетариата, ни без отдельных течений, ни без отдельных лиц. [26] Итог будет подведен под всем и итог может оказаться такой: Россия получила в день революции больше свободы, чем она могла вместить, и революция погубила Россию. Вот, что могут сказать, и когда проклянут революцию, то проклянут и тех, кто ее сделал. Перед нами стоит задача: избавить себя от того проклятия, потому что мы, Государственная дума, себя с этой революцией все же связали. Мысль, что Россия может оказаться недостойной свободы, которую она получила, мысль эта заставила Керенского жалеть о том, что он раньше не умер, но эта мысль для других будет не разочарованием, а только подтверждением их прежних горьких сомнений. Господа, я хочу говорить всю правду; нас, Государственную думу, не раз упрекали с левых скамей за то, что мы не хотим революции. Да, это была правда. Мы не хотели революции во время войны. У нас было опасение, что эта задача — устроить революцию во время войны, переменить государственный и связанный с ним общественный строй, произвести эти потрясения и благополучно довести войну до конца, — выше сил какого бы то ни было народа. Вот какие сомнения были у тех, кто действительно не хотел революции во время войны. Но, господа, наступил момент, когда для всех стало ясно, что довести войну до конца, победить при старом строе невозможно, и для тех, кто верил, что революция гибельна, для тех явилось долгом и задачей сделать революцию сверху, спасти Россию от революции снизу государственным переворотом сверху. Вот та задача, которая стояла перед нами, и задача, которую мы не исполнили. И если, господа, потомство проклянет эту революцию, то оно проклянет и тех, которые во-время не поняли, какими средствами можно было бы ее предотвратить. Но теперь все совершилось, мы получили то, что революция вышла снизу, мы получили, что всякая сдержка ушла, что, как бывает во всех революциях, народ получил полноту всяких свобод. Еще не было страны, где бы это не сопровождалось эксцессами, еще не было времени, где бы это могло родиться безболезненно. Эти эксцессы болезненны, мы должны были предвидеть, мы их предвидели. Сейчас поздно о них горевать, нужно смотреть, можно ли избавиться от того, что эксцессы эти оказались сильнее того здорового, что приносит с собою переворот, можно ли этого избежать и как это сделать? Перед нами нарисовали безотрадную картину того, что будет, если эти чувства, вышедшие с самого дна народного организма, во время его переустройства окажутся сильнее того здорового инстинкта, который создает государство. Мы видим массу дурных инстинктов, [27] которые вышли наружу, видим нежелание сознать свой долг перед родиной. Мы видим, что во время жестокой войны страна есть страна празднеств,

митингов и разговоров, страна, отрицающая власть и не хотящая ей повиноваться. Мы, — я говорю не про нас, я говорю про Россию в ее совокупности, о тех слоях, которые составляют силу России: для нее это новое положение слишком ново и дело в том, что оно позволяет, ошибаться. Она до сих пор на настоящую дорогу не стала. Что же сделать? Если эти силы окажутся сильнее здоровой государственной силы, что будет тогда? Будет ясно — ни одна власть не устоит. Та власть, которая не сумеет потакать инстинктам, та власть, которая погнушается льстить им, та власть будет свергнута этой массовой силой; власть будет левее все больше и больше, пока страна будет праветь все дальше и дальше. [28] Перед страной будет становиться призрак и ужас анархии, ужас национального позора, а те вожаки, которые этого не понимают, будут видеть в этом контрреволюцию и сражаться с этим так же жестоко и беспощадно, как когда-то с нами сражалась старая власть. Власть идет все левее и левее, страна идет все правее, и власть останется без поддержки страны и падет в тот день,—«не весте ни дня ни часа»,—когда придет историческая Немезида, как пала когда-то старая власть. Вот что будет, если только народный инстинкт, инстинкт русского народа, который создавал русское государство, не сумеет без опыта, который перенесет на своих плечах, не сумеет заранее внутренним оком увидеть, куда его влекут, увидеть ту бездну, к которой он приближается, не сумеет распознать в словах, которые он слышит, что есть лесть, угодничество, от того, что есть суровая правда, не сумеет всей силой организма, который не хочет погибать, остановиться хотя бы на краю той пропасти, к которой он приближается. Вот, господа, что будет, если мы этого сделать не сможем. Если Россия тут остановится—да, это есть великая Россия, которая достойна свободы; если она упадет—народ получит то, что он заслужил. Но отношения многих к этому опыту очень различны. Одни видят ужас того пути, который стоит перед Россией, и в молчании отходят в сторону, ждут, когда все совершится; другие быть может злорадствуют тому, что перед нами развернулось. Появляются теперь и правые пораженцы, которые говорят: поражение России будет спасением, но на такие позиции не можем стать мы, Государственная дума. Савич правду сказал: мы в такое положение нейтралитета стать не можем. Господа, с нас снимали и до сих пор снимают честь революции. Нам говорят с левых скамей, поскольку можно говорить фигурально о скамьях, нам говорят слева: революцию сделали не вы, буржуазия, а солдаты и пролетариат. Господа, в минуту восторга и гордости за нами могут отрицать честь революции, но ответственности за нее с нас не снимут. Мы должны сказать себе прямо, что если бы в тот день, когда началось движение войск и народа в Петрограде, если бы Государственная дума не встала бы вместе с ними против власти, — эта революция не дожила бы до вечера. Государственная дума, которая не делала революции, которая не хотела ее, потому что она видела все то, что она может с собой принести, Государственная дума в тот день, когда свершилось все то, что должно было свершиться, поняла что для нее участие в этом движении если не есть вопрос веры, то вопрос чести. Государственная дума не могла не знать, что она шла по той дороге, которая привела к революции, и что во имя патриотизма и спасения России она губила старую власть. Она не могла не знать, что с верой в нее, в Государственную думу, пришли солдаты

к Таврическому дворцу, она должна была понять, что если бы это кончилось разгромом их, то эта кровь пала бы на наши головы. Нам оставалось сделать эту последнюю ставку, нам оставалось понять, что если революция не удастся, то мы должны погибнуть вместе с солдатами, а если она удастся, то это будет наше общее дело. И вот почему Государственная дума отрекаться от этого детища не может, и задача ее быть вместе с ним до последней возможности, быть вместе с новым порядком, пока новый порядок сам не обернется против нее. Он может от нас отвернуться, может нас раздавить, но мы будем с ним, пока мы можем верить, что он служит России. Мы видели здесь, что некоторые из товарищей наших, из министров, сочли своим долгом уйти из правительства; я говорю: они были правы, и в это я входить больше не стану, но перед нами стоит другой вопрос: мы-то можем ли уйти от этого правительства, можем ли мы повернуться к нему спиною *(председатель: «Конечно, нет!»)*, занять позицию нейтралитета? Я рад, что ушедшие министры сами призвали нас ему помогать, я рад, что в этом нет разногласия, что мы можем все сказать этому правительству: вы взяли на себя тяжелое бремя, удастся ли вам или нет, мы не знаем, но мы с вами, покуда вы это бремя несете.

Среди тех задач, которые может ставить себе власть в настоящее время, среди всего того, что она выбирает как насущные нужды, есть два равно важных положения, перед властью стоят две задачи. Во-первых, избавить нас от того позора, что мы, не разорвавши союз, воевать перестали. Избавить нас от того позора, что мы, как предатели, бросили тех, кто помогал нам в трудное время. [29] Мы должны воевать, не ставить сейчас условий мира (я понимаю Милюкова и других—все разногласия по этому вопросу я оставляю в стороне), но Милюков был прав, сказав, что здесь важнее не то, что мы пишем, а то, что мы делаем. И сейчас наш единый долг, без которого нам стыдно будет смотреть в лицо за границей, наш долг воевать и наш долг, в то время, когда все силы врага переведены на Запад, наш долг наступать. *(Бурные рукоплескания.)* Вот, что мы должны сделать. И я рад сказать, что новое правительство понимает это в полной мере. Новое правительство ставит своею задачею сделать войско способным к наступлению, оно ставит своим долгом двинуть вперед свои войска. И покуда оно не отреклось от этой мысли, я не буду спорить с ним о формулах мира. Я не буду подчеркивать тех разногласий, которые может быть выйдут в определении целей войны между нами. Я скажу нам и нашим союзникам: мы двинулись вперед, мы уже не отступники, мы не дезертиры, мы воюем вместе с вами, и правительство, которое это обязательство исполнило, исполнило первый свой долг; и второе дело, господа, для того чтобы можно было воевать, чтобы можно было говорить о наступлении, нужно, чтобы страна была способна воевать. А чтобы она была способна воевать, нужно чтобы был порядок внутри. Покуда нет власти—нет порядка, до тех пор может итти только один процесс разложения. Власти не было до сих пор, — я не вхожу в причины этого, — но ее не было. Новое правительство обещает, что власть эта будет. Оно пойдет на большие социальные реформы, пойдет на них сейчас, а не после, оно может, как Шульгин верно говорил, пойти гораздо дальше, чем нужно, но пусть оно прежде всего создаст власть; ибо до тех пор, покуда творятся такие беззакония, о которых не мечталось даже при старом режиме, покуда

всенародные разбои и грабежи покрываются именем принципиальной анархии, до тех пор власти нет. И новое правительство до сих пор обещало нам создать эту власть; и покуда оно не отреклось от этой задачи, покуда оно держится этого обещания, у нас нет морального права относиться, я не говорю враждебно, но хотя бы равнодушно к его начинаниям, как бы мы ни разногласили с ним в разных программных вопросах. Спасение международной чести России и спасение России как государства,—в этом состоит вся программа момента, в этом весь долг правительства и все то требование, которое мы ему от себя ставим. И потому, господа, я говорю, что ясен диагноз, ясны и средства лечения, ясно, что правительство не может ставить другой программы, как ту, какую оно себе поставило. Ясно, что мы не можем иметь другой политики, как помощь этому правительству всевозможными средствами, и отдельно — как отдельные члены Думы, и еще больше—как Дума. Ясно и то, что если вообще мыслимо спасение России, то на этом последняя ставка. Если же это всенародное правительство, правительство обновления, если при той поддержке, которая ему со всех сторон будет оказана, если и оно не спасет России, если и тогда нас раздавит Вильгельм, если и тогда, подчиняясь Ленину, побегут назад солдаты, [30] если и тогда анархия будет все разрушать и продолжаться, то, господа, какие бы слова мы ни говорили, где бы мы ни искали виновных, как бы каждый из нас себя ни оправдывал, потомство проклянет наше время, проклянет нашу революцию и проклянет всех тех, кто к ней приобщился. *(Бурные рукоплескания.)* Мы знаем и все знают, что стоит последняя ставка на Россию; это знают все, кому дорога Россия. Для тех же, кому Россия не так дорога, пусть они знают, что стоит ставка и на революцию, и в момент этой ставки решается судьба России и революции одинаково. Господа, нам говорили не раз, что монархия всегда отожествлялась с Россией: итти за Россию значило итти за царя. Не таков ли был возглас военный: за царя и отечество? Но народ почувствовал в один момент, что эти понятия разошлись: нельзя было итти за царя с его политикой, идя в то же время за отечество. И Россия, большая Россия снизу доверху, привилегированная и непривилегированная, пролетариат и буржуазия— все сказали: за Россию и против царя. Царь остался один, он и погиб. Но берегитесь, когда в глубине души каждого явится другое противоположение: за революцию или за Россию? Когда нельзя будет говорить, что революция свергла трон за Россию, когда она предаст нас снаружи, как внутри, когда предстанет возможность такого кощунственного предположения, неужели думает кто-либо, что народ скажет: я за революцию и против России? *(Голоса:* «Никогда!»*)* Да, тогда подымется этот поток «за Россию», — и от революции ничего не останется. Господа, правительство знает, какую ставку оно поставило, знаем это и мы. Пусть знает и русский народ, что это — последняя ставка. Но кто помешает этому, потому ли что он будет продолжать пропаганду, пришедшую из Германии, или потому, что он партийные счеты поставит выше национальных задач, пусть он знает, что он изменник России, и что мы будем смотреть на него, как на изменника. *(Бурные рукоплескания и голоса:* «Браво!»*)*

[Далее следует речь Александрова, которая нами опускается, так как повторяет лишь общие фразы о необходимости наступления и «верности» союзникам.]

Председатель. Господа! Позвольте просить занять места. Член Государственной думы Савич обратился ко мне с ходатайством, вами поддержанным, указывая на необходимость продолжать наши частные беседы на те жгучие вопросы, которые здесь нами поставлены. Вы помните, господа, что было время, когда я вам говорил, что настанет час, когда собрания Государственной думы в частных закрытых совещаниях сделаются насущной необходимостью для страны? Я считаю, что этот час теперь настал. Та тревога и та опасность, в которой находится наше государство, здесь достаточно очерчены. Я ничего не имею прибавить более к тем прекрасным словам, которые были здесь произнесены, и думаю, что, продолжая периодически наши заседания, высказывая свои мнения как народных избранников, хотя бы в закрытых частных совещаниях, мы сделаем то, что народ от разумного русского веча услышит слово правды, предостережения и указания на то, как надо вести государственный корабль, какие опасности ему грозят и что может быть предотвращено. Я убежден, господа, что вы всецело присоединитесь к призыву поддержать вновь образовавшееся правительство. Против этого, я думаю, никто возражать не будет. *(Рукоплескания.)* Необходимо бы произнести еще несколько слов по поводу того, что высказано здесь о значении и продолжении войны. Мне внесена формула, если это можно назвать формулой, которую я сейчас оглашу и поставлю на ваше голосование: «Частное совещание членов Государственной думы обращается к Временному правительству в момент его пересоздания с настоятельным напоминанием, что в основу внешней политики в вопросах войны и мира должны быть положены попрежнему начала безусловной и стойкой верности нашим доблестным союзникам, ибо с этой верностью неразрывно связаны и жизненные интересы России и ее честь». *(Рукоплескания.)* Угодно принять эту формулу? *(Баллотировка.)* Принято единогласно.

Стемпковский. Я думаю, что у нас не будет двух мнений о том значении нашего собрания, которое только что закончилось. Причиной и поводом к этому собранию послужила «крыса», убежавшая с гибнущего корабля. Так по крайней мере, судя по сообщениям «Маленькой газеты», выразился Керенский об Александре Ивановиче Гучкове. Я не знаю, что имел в виду Керенский, пуская это крылатое слово, но только могу сказать со своей стороны, что обыкновенные крысы могут только прогрызать корабли, но не могут их создавать, те же крысы, которых мы только что прослушали, могут и создавать государственный корабль. Мне кажется, что в настоящее время положение таково, что нужна гораздо более деятельная работа и со стороны Государственной думы и со стороны Исполнительного комитета Государственной думы, которые должны поставить своей главной целью формирование общественного мнения. В этих видах, чтобы эта работа шла энергичнее, я думаю, нам следовало бы пополнить наш Исполнительный комитет. Я думаю, что здесь, когда протекло уже два месяца после революции, партийные наши разногласия стушевались, потому что у нас единая цель — спасти Россию. *(Рукоплескания.)* И нам в настоящий момент выбор уже облегчен. Мы не будем искать людей партий, мы будем искать тех, которые плачут за родину. Савич до сих пор еще не в Исполнительном комитете, — я предлагаю его выбрать. *(Голоса:* «Просим!»*)* Маклаков не

в Исполнительном комитете, — я предлагаю просить и его также. *(Голоса:* «Просим!»*)* Милюков был в Исполнительном комитете, но, уходя в ряды Временного правительства, оставил свое место в Комитете. Я думаю, что и его мы будем просить помочь в работах Временного комитета. *(Голоса:* «Просим»*)* Если это мое предложение вами приемлется, то я думаю, что мы могли бы даже и сейчас решить этот вопрос.

Председатель. Угодно вам принять предложение Виктора Ивановича *(Голоса:* «Просим»*)* и считать указанных им лиц, т. е. членов Государственной думы Савича, Маклакова и Милюкова, единогласно избранными в состав Исполнительного комитета? Ставлю на голосование. *(Баллотировка.)* Принято.

Степанов. Я предложил бы стенограммы сегодняшнего заседания опубликовать безотлагательно. *(Голоса:* «Просим!»*)*

Председатель. Позвольте пояснить, что я несколько расширил рамки: пресса здесь присутствует, так что это будет сделано. Следующее совещание в субботу, в 3 часа.

Объявляю совещание закрытым.

12 мая 1917 г.

(Заседание открывается в 2 ч. 55 м. дня под председательством М. В. Родзянко.)

Председатель. Господа! Сегодняшнее наше совещание будет закрытым, ввиду сложности вопроса, который будет нам докладывать А. А. Бубликов и который придется нам вероятно обсудить во многих его частях, а засим притти к известным выводам. Тогда мы должны будем сделать публичное заседание. Поэтому в настоящем заседании могут присутствовать только члены Государственной думы. Я предупреждаю.

Бубликов. Михаил Владимирович несколько дней, 2 или 3 дня тому назад, поручил сделать мне небольшую сводку данных о нашем финансовом и экономическом положении. Ввиду того что вчера был праздник и в моем распоряжении было только 2 дня, я разумеется исчерпывающих данных не мог подобрать и буду в состоянии сообщить вам только то, что было под рукой. И вот, очень просил бы в силу этого отнестись снисходительно к тому сообщению, которое я вам буду делать.

Господа, всем вам известно, что одною из самых выдающихся черт характера отрекшегося императора было его почти физическое отвращение к неприятным известиям. Совершенно очевидно, что близкие к нему люди в высшей степени считались с этим свойством его характера и поэтому во многих областях русской жизни основной чертой ведения дел сделалось показное благополучие, иногда почти рекламного характера. Так, в областях, нас сейчас особенно интересующих, особенно важных для ведения войны, перед этой войной все обстояло более чем благополучно, на первый взгляд обстояло все блестяще, и действительно железнодорожное хозяйство наше давало дивиденд, [31] не имевший себе примера в других странах; финансы наши были едва ли не самыми благоустроенными из всех стран континента Европы. Но, как говорю, свойство всех этих благополучий было показное, и когда война поста-

вила перед этими отраслями национального нашего хозяйства необходимость выдержать экзамен, то на этом экзамене мишура внешнего благополучия быстро слетела и гнилая сущность чрезвычайно ярко обнаружилась. Повидимому в своей этой черте император в достаточной мере воспринял и национальные черты нашего характера. В этом нежелании вскрыть действительно неприглядную сущность и желании увлекаться показным благополучием, — надо в этом признаться, — был повинен не один император, а повинны были весьма широкие круги русского общества. Мы знаем теперь к сожалению слишком твердо, какой бесконечно дорогой ценой было добыто благополучие нашей железнодорожной сети, ее так называемые блестящие финансовые результаты. Ценой этой было сокращение, например, столь нам в данный момент нужных и важных запасов металлов для ремонта подвижного состава с двухгодичного комплекта, как это было во времена, предшествовавшие правлению Рухлова, до трехмесячного запаса. Ценой этого благополучия казенной сети был отказ или противодействие до последней возможности развитию столь необходимой нам железнодорожной сети. [32] Благополучие финансовое достигалось тем, что затраты культурные, затраты, имевшие целью экономическое благополучие страны, всемерно сжимались, аппарату финансовому, дававшему на первый взгляд блестящие результаты, накапливавшему свободную наличность, не придали во-время достаточной гибкости, достаточной приспособляемости к тем колоссальным требованиям, которые к нему неминуемо должна была предъявить война.

Один из наших сочленов, восхваляя деятельность железных дорог в начальный период войны, отмечал блестящее выполнение железными дорогами задач мобилизации армии и приписывал этот успех почти всецело тому, что для мобилизации был составлен план. Заключение это весьма поверхностно. Успешность мобилизации, давшая в результате столь прославлявшееся в свое время опережение плана, показала прежде всего, что она происходила не по плану, а успешность эта обусловливалась тем, что работа по выполнению мобилизации была несравненно легче обычной ежедневной работы сети по перевозке коммерческих грузов и пассажиров. Успешность обусловливалась также и тем, что план этот явился в высокой степени устарелым. Например он не предвидел, что на Сибирской дороге было два пути, и расписание было составлено так, что на этой двухпутной дороге поезда простаивали положенное количество минут для скрещения на давно упраздненных разъездах, скорость движения была придана, как будто не было второго пути. План этот не предвидел войны на Западе, и когда я возвращался из Сибири в первые дни войны, я непрерывно встречался с эшелонами запасных, шедших на Восток. Вся мобилизация на Урале и Сибири была произведена по направлению на Восток. План этот не предвидел даже существования Северо-донецкой ж. д., не предвидел и весьма многих усилений сети, произведенных за последние годы. Вот почему и получились эти так называемые блестящие результаты выполнения мобилизации. Но этим нисколько не подрывается доля участия в этом успехе и наличия известного плана. Несомненно разработанность этих плановых перевозок в значительной мере способствовала тому, что ежели отдельные участки сети и не в достаточной мере использо-

вались, то с другой стороны и не создавалось неизбежного при отсутствии какого-либо плана скопления перевозок в отдельных местах, так называемых пробок. [33]

Но этим планом мобилизации в сущности и исчерпывалась вся наша подготовка к войне. У нас не было об этом дум, не было ни в правительстве, не было ни в обществе. Если пересмотреть литературу, относящуюся к зависимости народного хозяйства от войны, то прежде всего поражаешься ее чрезвычайной бедности. Работ в этом направлении совершенно ничтожное количество. В области же финансовой никакого плана, никакого проекта финансовой мобилизации в настоящее время, так остро требующейся в силу создавшегося положения, абсолютно не было. И даже наиболее авторитетный наш финансист, блаженной памяти С. Ю. Витте, в одном из первых заседаний Финансового комитета по объявлении войны выразился со свойственной ему резкостью и простотой: «Чего там мудрить, ничего не выдумаешь, кроме выпуска кредитных билетов». Вот с каким багажом мы приступили к делу финансирования величайшей в истории войны.

А между тем уже в прошлом можно было найти предуказание того, что задача финансирования войны будет до чрезвычайности сложной и до чрезвычайности обширной. Война крымская взяла у нас полмиллиарда, турецкая—уже миллиард с лишком, японская—почти три миллиарда, [34] и было ясно, что эта война должна будет повлечь для государственного казначейства десятки миллиардов расхода. Но, повторяю, никакой, ни малейшей заботы о том, как получить эти миллиарды, никогда никем проявлено не было. Более того, в отношении приспособляемости народного хозяйства к великому военному катаклизму со всех сторон проявлялось малопонятное в настоящее время благодушие и даже больше—может быть легкомыслие. За единственным исключением, о котором я скажу ниже, наши финансисты, публицисты и военные люди упорно стояли на том, что великая военная катастрофа всего легче перенесется Россией в силу ее экономической отсталости, в силу того, что ломка установившихся отношений по торговле и производству будет наименьшая в России, ибо в России меньше всего производится и меньше всего торгуют. Этот взгляд разделялся всеми подходившими к решению вопроса о народном хозяйстве во время войны и продолжал высказываться даже и после того, как война разразилась.

Единственным исключением явился один из крупных государственных деятелей, который еще более 25 лет тому назад в своей непрерывной борьбе с аппетитами военного ведомства, всегда требовавшего чрезвычайно сильных ассигнований на развитие военной мощи России, писал в своем всеподданнейшем докладе: «Считаю своим долгом всеподданнейше выразить перед вашим императорским величеством твердое, ясное, глубокое убеждение в том, что благосостояние народа даже при некотором несовершенстве военного устройства принесет в период вооруженного столкновения больше пользы, нежели самая полная боевая готовность армии при пошатнувшемся экономическом положении народа, который в сем случае при всей готовности жертвовать и жизнью и достоянием может принести на алтарь отечества *только** одну жизнь».

* Курсив в подлиннике.

Этот государственный деятель, резко выделившийся в своем провидении среди своих современников и последователей на своем посту, был И. А. Вышнеградский. Можно сказать, что он был единственный в России человек, который предугадывал, что экономическая мощь государства есть лучшая его военная защита и что самые организованные военные силы исчезнут и отступят пред экономической мощью вражеского государства. И вот, благодаря отсутствию этого провидения, благодаря преобладанию этого гипертрофически-патриотического оптимизма среди наших государственных и среди общественных деятелей подготовка экономическая и финансовая войны никем не велась; никто не вырабатывал методов финансирования и экономического обслуживания войны. Даже в самом главном пункте, на который особенно напирали все эти писатели, — на неоспоримой якобы обеспеченности России продовольствием и на необеспеченности в этом отношении Англии, — в этом, я говорю, главном пункте они ошиблись, и мы присутствуем при зрелище продовольственной разрухи, грозящей голодом в России, и отсутствии этой угрозы в серьезной мере в этой якобы неминуемо угрожаемой Англии.

Вышнеградский оказался прав фактически в том, что Россия вынуждена будет вести войну по преимуществу кровью своих сынов, а не накопленными или добытыми для войны капиталами. Чрезвычайно в этом отношении характерно, что по сравнению с нашими двумя главными союзниками мы на добрую треть больше потерпели потерь в личном составе и в три раза меньше истратили деньгами.

Вот благодаря отсутствию какого-либо плана финансирования войны приступить к финансовой мобилизации, приступить к подготовке населения к несению бремени войны удалось далеко не сразу. Долгие месяцы и годы войны прошли при полной инертности нашего финансового ведомства и при полной инертности работ финансовой мысли.

Мы поплыли по тому руслу, которое предуказывал С. Ю. Витте. Максимум творчества мы проявили в некотором повышении отдельных налогов и во введении безграмотнейшего из налогов — военного налога на железнодорожные перевозки. А главные ресурсы войны черпали в выпуске кредитных билетов, которых было 16 июля 1914 г. у нас в обращении на 1 миллиард 718 миллионов, а ныне, на 1 мая, имеется 11 миллиардов 457 миллионов, т. е. по нынешний день мы выпустили на войну около 10 миллиардов кредитных денег.[35] Этот дождь бумажных денег не был осмыслен с первых дней войны. Более того, значение и влияние этого дождя на народное хозяйство было частью умышленно, частью по отсутствию достаточной вдумчивости затемнено.

И действительно, когда в первые же дни по объявлении войны в течение двух недель июля 1914 г. в обращение было выпущено 688 миллионов новых рублей, когда население сразу почувствовало в своем кармане экономию от прекращения продажи питей, — вот реформа, все величие которой можно оценить только в наши дни, когда сельское население, собрав или частью получив почти готовый урожай, избавилось от обязанности кормить за счет этого урожая ушедших на фронт, — у поверхностного наблюдателя русской жизни создалось впечатление, что страна вдруг разбогатела, и фраза: «деревня богатеет» раздавалась у нас повсюду. Ее повторяли одинаково и министр финансов и обще-

ственные деятели, и это представление о том, что «деревня богатеет», не рассеивалось, а отчасти и не рассеялось по сегодняшний день. [36]

Более того, только сейчас начинает рассеиваться другое заблуждение, которое оперлось на как будто блестящие результаты первого выпуска кредитных билетов и которого упорно держались и в правящей среде, и в среде общественности, и в народе: что рубль наш не подчиняется общему закону понижения покупательной силы в связи с неумеренным выпуском монетных единиц и что мы именно обладаем магическим средством создавать деньги. Еще год тому назад вот в этой комнате кажется или в соседней мы слышали фразу одного из думских авторитетов, когда он говорил, что произвел подробнейшее исследование и утверждает совершенно категорически, что покупательная сила нашего рубля не ослабла.

Вот это всеобщее убеждение, что рубль покупательной силы не теряет и не потерял, дало возможность сделать пагубнейший вывод, что с выпуском кредитных билетов можно не стесняться и что это — источник финансирования войны неиссякаемый. Это заблуждение царит и по сегодняшний день. Еще два дня тому назад от одного из деятельнейших товарищей министра, распоряжающегося значительными производствами в стране, я слышал фразу: чего думать о деньгах: поставить лишний станок в Экспедицию, — и деньги будут. Это заблуждение завело нас в производство колоссальных расходов на эксперименты казенного хозяйства во время войны. Это заблуждение заставило нас пройти мимо призывов, которые делали в своей стране авторитетнейшие английские политические общественные деятели, которые призывали страну к бережливости, которые подчеркивали перед страной, что обогащение во время войны немыслимо, и что выпуск денежных знаков неминуемо поведет к обесценению денежной единицы и обескровлению финансов страны. Мы мимо этих призывов прошли, как бы их не замечая, и бодро смотрели на будущее, опираясь на то, что деревня, этот источник нашей крепости, богатеет.

Но час расплаты за увлечение сладким ядом бумажных денег наступает всегда, наступает и для России сейчас. Нечего от себя скрывать, что перспективы в финансовом отношении далеко не блестящи. Рядом налоговых операций, введением новых налогов и повышением старых, поскольку они осуществились до сих пор, мы только сейчас подошли к заполнению той дыры в бюджете, которую образовала отмена винной монополии. Сделанные нами по сейчас долги в сумме 32 миллиардов на 1 марта еще не имеют в нашем бюджете источников для платежей по ним, а между тем расходы предстоят и предстоят в количестве огромном. Стоимость войны в день дошла, начавшись в 11 с чем-то миллионов, ныне до 55 миллионов в день. [37] И не надо быть большим пророком, чтобы сказать, что еще год войны или год войны и ликвидации ее, — потому что с прекращением военных действий расходы далеко еще не падают, — что этот предстоящий нам еще год жизни возьмет у нас не менее 20 миллиардов. Расходы по обыкновенному бюджету составят, — я говорю в круглых цифрах, — около 4 миллиардов. Обещанные уже прибавки непосредственно из государственного казначейства дают по примерному подсчету около 2 миллиардов. Предстоят еще большие

миллиарды, которые придется платить по той же промышленности, которая неудержимо идет к переходу в казенные руки.

Но если даже остановиться на этой скромной цифре в 26 миллиардов, то что мы можем ей противопоставить в нашем доходном бюджете? $4^1/_2$ миллиарда сметных доходов, ежели население будет платить налоги. К сожалению это условие далеко не везде соблюдается, и рост уклонения от платежей налогов идет весьма энергично. Но если даже считать, что $4^1/_2$ миллиарда сметных доходов к нам и поступят, все-таки мы имеем свыше $21^1/_2$ миллиарда, которые неведомо чем покрыть.

Заем наш не идет, ибо нельзя же говорить об успехе займа, выпускаемого под знаменем свободы, под знаменем величайшего из переворотов, благодетельнейшего для нации переворота, когда этот заем дал по сей день с небольшим 800 миллионов подписки и неведомо еще сколько действительных рублей.[38] Нельзя говорить о вероятном успехе займа в минуту, когда широкие круги провозглашают лозунг: «Никакой подписки, никаких денег правительственной власти!» Нельзя мечтать об успехе займа в периоды, когда публика капитальная, публика, способная подписаться на заем, находится несомненно в положении паники.

Рост вкладов в сберегательной кассе? Да, это некоторый источник; в этом направлении кое-что делается. Действительно на 1 мая 1917 г. все вклады в сберегательные кассы составили 4 миллиарда 305 миллионов — рост несомненный, он составляет около 3 миллиардов за все время войны.[39] Но что же эти 3 миллиарда в сравнении с теми расходами, которые нам предстоят?

Опять мы возвращаемся к этому единственному средству, которое проповедывал граф С. Ю. Витте, — к выпуску кредитных билетов, — и пойдет он у нас галопирующе, в ужасающе возрастающей прогрессии.

Если в 1914 г. потребовалось выпустить 1 миллиард 313 миллионов, то в 1915 г. выпущено 2 миллиарда 670 миллионов, в 1916 г. — 3 миллиарда 481 миллион, а за первые 4 месяца этого года мы уже выпустили 2 миллиарда 360 миллионов, т. е. экстраполируя, мы должны к концу года выпустить минимум добавочных 10 миллиардов рублей.

Каковы будут последствия такого выпуска?

Первые впечатления, как я уже вам доказывал, были такие, что Россия вдруг как-то сказочно разбогатела; все были довольны, все спешили в соответствии с этим возросшим благосостоянием вести свои расходы. Но затем стали проявляться признаки какого-то органического неблагополучия; начался довольно энергичный рост товарных цен.

За границей, в Англии и во Франции, постарались к этому явлению экономической жизни подойти без гнева и разобраться в нем объективно, и легко себе усвоили, что источников для повышения цен есть два — это бестоварье, нарушение соотношений между спросом и предложением, нарушение, обусловленное тем, что с одной стороны армия стала потреблять больше, нежели сумма тех лиц, которые в нее вошли, а с другой стороны производство в стране и ввоз в эту страну несомненно сократились. С этой причиной роста товарных цен и Англия и Франция начали бороться единственным возможным способом — это усилением количества предметов, которые могли быть оставлены в распоряжении граждан, и некоторою — во Франции насильственною, а в Англии морально обязательною — нормировкою потребления. Дру-

гой причиной роста товарных цен является порча монетной единицы, вызываемая усиленным выпуском кредитных билетов. Эта причина свою роль сыграла отчасти во Франции, где такой выпуск был довольно значителен: Франция с $2^1/_2$ миллиардов франков увеличила свое билетное обращение до $6^1/_2$ миллиардов, не считая всяких суррогатов денег (какие есть и у нас в форме выпуска серий государственных билетов), и некоторое давление на рынок это произвело. В Англии банкнот был несравненно меньше, там против 285 миллионов фунтов стерлингов явилось только 388 миллионов к концу этого года, а в странах, где выпуск билетов шел энергичнее, воздействие этого фактора было большее.

Как же поступили у нас? У нас, заметив явление роста дороговизны рассердились и по исконному русскому обычаю стали искать зачинщиков. Зачинщик был найден легко и быстро в лице торгово-промышленного класса, и вся энергия общественной мысли направилась на то, чтобы обуздать этого зачинщика и всячески его наказать и обезвредить, а энергии для того, чтобы бороться с бестоварьем по существу — усилением предложения и сокращением потребителя, чтобы бороться с дороговизной и сокращением выпуска кредитных билетов, — этой энергии проявлено не было.

Энергия в борьбе с торгово-промышленным классом в достаточной степени его деморализовала. Не мало людей с развитой этикой от торговых операций отошло, но на фоне запрещений и известного российского метода «обхода» этих запрещений пышным цветом расцвела нечистоплотная спекуляция, и этим самым как бы подтверждалась верность исходной точки зрения, что причина дороговизны лежит в злонамеренных действиях торгово-промышленного класса.[40]

Но повидимому этот туман начинает рассеиваться, и начинает уже делаться достоянием широких масс населения сознание, что одной злой волей происходящие явления объяснить нельзя, и если вечерняя газета, которая столько энергии употребила на посрамление спекулянтов и вообще торгово-промышленного сословия в совокупности, ныне вместо 2 копеек продается по 10 копеек, то наличия одной злой воли отдельных спекулянтов недостаточно, чтобы объяснить сущность явления.

Когда в странах, более стесненных в своем обороте, более пострадавших экономически, как Франция например, дороговизна определяется цифрою 60 — 80% от довоенных цен в среднем, в России для большинства предметов мы уже имеем коэфициент 225%.

Совершенно ясно, что произошла какая-то сильная модификация в самом измерителе цен в монетной единице. И действительно, деньги как орудие обмена находятся в совершенно точном соответствии с наличным оборотом в стране. Насколько легко уловить нужное соотношение между оборотом и количеством обращающихся в стране денег, вы можете себе сразу уяснить, если вы вспомните практиковавшийся у нас в течение многих лет экстренный выпуск кредитных билетов осенью во время Нижегородской ярмарки и реализации урожая, выпуск, который систематически погашался к моменту завершения хлебной кампании. Очевидно, что незначительной доли финансового нюха распорядителя денежного рынка достаточно для того, чтобы с вели-

чайшей точностью определить то количество денежных знаков, которое может поглотить страна. И вот, когда по соображениям неоспоримой нужды, по соображениям нежелания населения покупать государственные займы государству пришлось приступить к выпуску кредитных билетов, то произошла порча бумажных денег. Германия, готовившаяся искони к войне, десятками лет приучала свое население к приобретению государственных знаков. В России даже и малых попыток в этом направлении не делалось, и можно безошибочно сказать, что подавляющее количество нашего населения даже не видело никогда государственных долговых обязательств. И когда потребность прибегнуть к кредиту, прибегнуть к средствам населения стала неустранимой, то был избран путь выпуска кредитных билетов, который в существе своем являлся принудительным займом, векселем, так сказать, всучиваемым государством населению, векселем, который население не могло не брать, поскольку оно хотело продавать свои продукты главному покупщику — государству. Чрезмерный выпуск векселей отдельным лицом приводит к их обесценению. Непомерный выпуск таких же векселей государством дает обесценение этих векселей, одновременно являющихся измерителем ценности монетной единицы. И мы сейчас явление дороговизны, явление переоценки всех ценностей в стране, особенно явление непомерных, как многим кажется, требований рабочего класса, должны всецело объяснить тем, что инстинкт народа учуял, что монетная единица свое начальное значение потеряла и является теперь обесцененным векселем.

Но если, господа, выпуск 10 миллиардов привел нас к такому результату роста дороговизны, к такому обесценению монетной единицы, то к какому же результату приведет нас выпуск дальнейших 10 миллиардов?

Я думаю, что нетрудно предсказать, что обесценение рубля будет итти весьма энергично, и тем энергичнее, чем определеннее население будет сознавать угрозу этого обесценения и пытаться один человек за счет соседа обеспечить, страховать себя не только от наличного, но от неминуемо дальше предстоящего обесценения рубля. Мы стоим вне всяких сомнений пред явлениями, аналогичными тем, к которым привели ошибки Джона Лоу. Мы стоим перед колоссальным падением покупательной способности рубля, быть может перед полным его обесценением, как это имело место в некоторых штатах Америки.

Весьма популярно объяснение многих, что «пусть», ведь от этого пострадают капиталисты, а так как надо когда-нибудь равняться в своей экономической силе, надо когда-нибудь притти к справедливому распределению благ, то и пусть явление произойдет хотя таким образом.

И вот тут составляло величайший интерес, величайшую важность для установления нашей финансовой и экономической программы выяснить, где же эти имеющие потерять цену бумажки находятся, где они собираются и по ком особенно тяжело ударит их обесценение.

И тут приходится констатировать, что бумажки эти не сгруживаются в слоях, именуемых капиталистическими. Вот для сведения тех, которые видят исход в том, чтобы «раскрыть» банки, и которые думают там найти миллиарды, я должен сообщить, что во всех наших коммерческих банках — петроградских, московских и провинциальных —

на весь их почти миллиардный капитал, на многие миллиарды вкладов, а вклады эти уже на 1 декабря 1916 г. составили 12 миллиардов 800 миллионов рублей, следовательно сейчас уже исчисляются свыше 13 миллиардов против 5 миллиардов, имевшихся налицо в день объявления войны, или на 1 июля 1914 г. — на всю эту сумму наличности в банках имелось на 1 декабря прошлого года 188 миллионов рублей во всех, почти 800, отделениях коммерческих банков.

Отсюда совершенно ясно, что рубли, столь неосторожно нами выпущенные, завязли в народном обороте и находятся по преимуществу в руках лиц, не прибегающих к услугам банков, к услугам учреждений, коммулирующих капиталы, а находятся в кубышках, а отсюда мне ясен вывод, что обесценение монетной единицы особенно больно ударит не капиталиста, а того, кто эту монету собрал в натуре, — крестьянина, основного нашего производителя.

Если мы в силу ложности основ нашего финансирования войны неминуемо должны будем притти к серьезнейшему обесценению рубля, то результат можно себе представить совершенно ясно: предположим, что сегодня, в силу того или иного распоряжения власти на Руси (буде таковая имелась бы), рубль отменен, объявлено, что рубль цены не имеет, — кто от этого пострадал бы? И на этот вопрос вот это распределение кредитных билетов дает возможность совершенно категорически сказать, что первым пострадавшим будет крестьянин, — тот, который результат своего труда за годы войны и даже часть своего инвентаря — основного своего капитала — за это время выменял, увлекшись высокими ценами на кредитки, которые угрожают утерять всякое значение. Вот почему эти призывы не давать ни копейки правительству, не подписываться на заем, это есть призывы к населению совершить некое финансовое харакири. Из недовольства этой властью, из нежелания ей добра, мы заставляем власть производить действия, явно убыточные для основных слоев нашего населения. Но эти призывы, они в основе своей все-таки базируются на той предвзятой мысли, с которой мы вступили в финансирование войны, все на той же мысли о том, что нация разбогатела на войне, что деревня разбогатела и что правительство имеет какое-то магическое средство рождать ценности, рождать источник богатства для населения.

Между тем это, увы, совсем не так. Мы несомненно проели за войну не только наши доходы, но мы коснулись и задели наше национальное достояние, мы отяготили это национальное достояние рядом тяжелых долгов. Национальное богатство России исчисляется — может быть как и всякое национальное богатство всех стран, более или менее условным образом, большим или меньшим количеством ошибок и приближений — довольно согласно различными финансистами и экономистами в цифре около 120 миллиардов рублей. Как изволите видеть, уже около трети этого нет.

Если с этим мы сопоставим, что национальное богатство Германии при ее 70 миллионах населения против наших 170 миллионов составляет от 345 до 380 миллиардов марок, из коих затрачено на войну 60 миллиардов, то мы увидим, как ухудшилось наше относительное положение за время войны по сравнению с той Германией, о которой мы так злорадно и с высоким патриотическим подъемом говорили, что ее по-

ложение в войне самое скверное, что ее экономические перспективы под влиянием военных действий самые безнадежные, что она претерпит от войны наиболее, ибо она лишится нужного ей хлеба, ибо она нарушит все свои столь развившиеся отношения по внешней торговле, что она переживет ужасы безработицы, она истечет кровью гораздо раньше, чем сделаем это мы.

А вот на поверку оказывается, что трезвый голос старого делового финансиста оказался один пророческим, что только экономически сильная страна с развитой производительностью ценностей, с большим национальным доходом оказалась способной более безболезненно перенести экономическую катастрофу, связанную с катастрофой военной, и что наша бедная капиталами, бедная производительностью родина оказалась перед этой задачей почти бессильной.

Наш бюджет до войны составлял около 3 миллиардов — три с третью, а национальные наши доходы определяются спорно, от 12 миллиардов и в одном случае даже до 20 миллиардов, но большинство определителей сходятся на цифре 88 рублей на человека в год, или в сумме около 15 миллиардов в год.

И вот на этот наш национальный доход, несомненно во время войны сократившийся, должны лечь величайшей тяжестью заботы о наших раненых, потерявших трудоспособность, заботы о семьях павших в боях, заботы о восстановлении разрушенного имущества, истрепанного оборудования железных дорог и громадные платежи по государственному долгу.

Эти платежи подвергаются непрерывному росту, ибо уже сейчас по росписи на 1917 г. они должны быть исчислены в 1 миллиард 200 миллионов и конечно на этой цифре дело не остановится, рост этот будет продолжаться далеко за момент мира, ибо расходы, связанные с ликвидацией войны, как это вам всем известно по опыту японской войны, продолжаются долгие годы и после заключения мира и создают новые источники платежей государства.

И вот к этим страшно возросшим расходам и еще к нависшему над нами как-то незаметно злу колоссального роста бюрократии, колоссального роста чиновничества под новыми соусом, но с преувеличенными аппетитами, мы должны подходить с расстроенной производительностью в стране, должны подходить с расстроенной монетной системой, не дающей слабой надежды на живительный приток капиталов извне, на орошение нашей производительности капиталами, накопленными другими, более счастливыми странами.

Какие же могут быть основные методы для решения этой головоломной задачи, могут ли эти методы состоять в том, что сейчас так горячо дебатируется и так горячо проводится в жизнь? Ведь сейчас величайшей популярностью пользуется мысль, что за результаты войны, за тяготы, ею принесенные, должны расплачиваться более или менее сильные экономически, мощные верхние классы населения — это буржуи. Иначе говоря, поставлен во всю ширь, в полном масштабе столь любезный русскому сердцу вопрос о перераспределении благ. Этот вопрос всегда был русским людям дороже вопроса о создании благ. Основное свойство русской души, ее стихийное стремление к насаждению справедливости на земле, оно всегда влекло нас к устранению неспра-

ведливого распространения благ в стране путем разделения того, что приобретено наверху, а не путем приближения низов к этому благоденствующему верхнему слою.

Мне думается, что надо наконец когда-нибудь попытаться хотя бы в самых общих чертах объяснить себе, решает ли задачу дальнейшего культурного существования России этот метод нахождения средств для бюджета, ибо средства эти, господа, найти надо, их нельзя не найти.

Если у вас не будет средств в государственном бюджете, не будет школ, не будет больниц, не будет дорог, — будет то, что мы наблюдаем в Турции; другого выхода нет и быть не может. Бюджет должен быть заполнен, и мы должны сделать в отношении нашего государства то, что мы так мало любим в нашей личной жизни: мы должны точно определить доходный бюджет, сообразовать его с нашим расходным бюджетом. В отношении государства мы не можем жить, как мы часто любим жить в нашей частной личной жизни, не думая о завтрашнем дне.

И вот, если вы к этой задаче подходите с методом распределения личных благ, то вам нужно решить основной вопрос: есть ли что делить и хватит ли того, что имеет верхний слой, для заполнения этих дыр бюджета?

К сожалению ввиду отсутствия у нас подоходного налога, ввиду чрезвычайной примитивности и сомнительности наших статистических данных, ввиду невероятной пестроты и противоречивости всевозможных в этом направлении показаний чрезвычайно трудно подойти к определению цифры дохода этих богатых классов, этой столь сейчас преследуемой буржуазии.

Но некоторые попытки в этом направлении сделать можно. Я прикидывал по 1913 г.,— к сожалению у нас так неаккуратно ведется публикация отчетов акционерных обществ, что полное сопоставление за последующие годы неосуществимо, и даже за 1915 г. многие отчеты еще не распубликованы, в особенности предприятий малодоходных или предприятий, руководимых из-за границы, — но к некоторым выводам все-таки за 1913 г. подойти удалось; это дало нам то, что $4^1/_2$ миллиарда, заложенных в русских акционерных предприятиях, выработали их владельцам за этот год 300 с небольшим миллионов дивиденда.

Если к этому прибавить, что за время с 1913 г. несколько сот миллионов рублей влилось добавочно в акционерные предприятия, что за немногими исключениями отдельных отраслей, вроде цементной, которая дала убытки по сравнению с 1913 г., доходность наших предприятий возросла, хотя конечно совершенно не в той ужасной форме, о которой так много говорят, и в размерах совершенно не соответствующих росту доходности в других странах, при неиспортившейся валюте и следовательно в старых монетных единицах, то быть может можно с некоторым вероятием говорить о том, что удвоился доход, что не 300, а 600 миллионов рублей составили дивиденд за прошлый год.

Но если даже скажем, что он утроился, — что совершенно невероятно, — что он достиг миллиарда, этим ведь исчерпывается главный источник дохода буржуазии. Прибавим сюда проценты по государственным, ипотечным и иным долгам; к сожалению значительная доля этих капиталов участвует в качестве запасных и иных резервных фон-

дов в образовании дивидендов по коммерческим предприятиям; затем значительная доля лежит в благотворительных, эмеритальных и просветительных учреждениях и как будто отчуждению ни в какой мере не поддается; немалая доля лежит за границей. Поэтому было бы весьма неосторожно думать, что все доходы по всяким бумагам, кроме акций, получаемые этим верхним слоем, в какой-либо мере приближаются к доходам от акционерных предприятий, ибо кому же не известно, что богатые люди на Руси весьма неохотно помещают свои капиталы в государственные займы.

И вот мы приходим к тому, что сумма доходов богатых лиц на Руси ни в каком случае не может превосходить 2 миллиардов в год.[41] Вот над чем можно было бы оперировать в минуту государственной нужды, в минуту, когда все слои населения должны принести все, что они могут, когда справедливость требует, чтобы имущий поделился со страдающим всем, что он может принести на алтарь отечества. Вот что может служить базой для бюджетных построений. Взявши все, что есть у имущих классов, — я откидываю пока земледелие, потому что на него есть другие виды, — получаем в лучшем случае 2 миллиарда, — все, что может восполнить наш пострадавший и требующий крупнейших усилий бюджет, бюджет, который уже в этом году, если бы его составить мало-мальски правильно, составил бы вероятно миллиардов восемь против прежних трех.

Есть еще одно указание, что промышленники прячут свои доходы. Это указание до чрезвычайности популярное и повторяется всеми, кто только об этом заговорит. Прятание это состоит в том, что крупные суммы отчисляются на так называемые погашение и возобновление имущества. Нет никакого сомнения, что этим способом укрепляется положение предприятия, а посему косвенно укрепляется и имущественное положение владельца этого предприятия — акционера, и если не дает наглядно в форме ежегодного дохода, как дивиденд, утешения владельцу акций, то во всяком случае его материальному благополучию служит косвенно, в основе своей обеспечивая длительное правильное функционирование предприятия. Быть может можно на это покуситься, на эти суммы, которые вероятно составляют не меньше доброй половины того, что выдается в дивиденд, а за последние годы может быть и больше, в связи с тем, что налоги достигают цифры до 65% от прибыли? Но вот в этом году мне пришлось ознакомиться наглядно с так сказать ударяющими по воображению результатами ведения хозяйства без амортизации, без восстановительного фонда. У нас есть такое грандиозное хозяйство, которое ведется без заботы о восстановлении, без отчислений на погашение и восстановление имущества, — это наше казенное железнодорожное хозяйство. И вот результаты этого метода. Я посетил в этом году Екатеринбургские железнодорожные мастерские и имел удовольствие наблюдать не в качестве феномена из паноптикума, не в качестве раритета, показываемого посетителям, а в качестве заурядного ежедневного работника — сверлильный станок 1845 г. и паровой молот 1837 г.! Вот, господа, к чему приводит жизнь без амортизации — к омертвению предприятия, к снабжению страны такими методами, такими способами производства ценностей, которые во всякой другой стране за их явной и неоспоримой непригодностью

давно сдали бы в музей древностей, а у нас работают зауряд как машиной для каждодневного употребления.

Не надо быть пророком, чтобы сказать, что, поскольку мы в построении нашей финансовой системы покусимся на эти доли доходов буржуазии, поскольку мы обескровим нашу промышленность, поскольку мы обессилим нашу страну, а не владельцев этих предприятий, ибо дурная отдача, дурной коэфициент полезного действия предприятий это есть дурной коэфициент действия нации, это есть получение из суммы физического усилия всех работников страны наихудших, по сравнению с соседями, конкретных результатов.

Но если все это, господа, подсуммировать, если спокойно и не отмахиваясь представить себе, к чему мы идем в финансовом отношении, к чему нас приведет нависшая над нами неизбежность дальнейшего колоссального роста выпуска кредиток, то назвать это явление, я думаю, не представит затруднений. Рост дороговизны, рост падения покупательной силы рубля неминуемо идет галопирующе и тут уже трудно проследить, что является первоисточником зла, то ли выпуск кредиток, то ли форсирующий этот же выпуск рост дороговизны.

Укажу вам для примера: каждое предприятие, ну скажем, каждая каменноугольная копь, обязано обладать известным «магазином», известной суммой предметов, нужных в производстве. Ну, скажем, досок, обапол, гвоздей, труб и т. д. Ведь если это предприятие прежде платило, скажем, за обаполу за вершок пятачок, а теперь платит $22^1/_2$ копейки, если это предприятие должно было прежде платить 1 рубль за рабочую силу, а нынче — 3-4 рубля, то этому предприятию, для того чтобы функционировать, уже требуется добавочное количество рублей, и оно форсирует своею деятельностью эти выпуски со стороны государства, которое должно платить все нарастающие единичные цены, должно все время выпускать все возрастающее количество кредитных билетов, даже за то самое количество продуктов.

И я думаю, что этого результата, о котором я говорил, долго ждать не придется. Действительно намечаемое комиссией Плеханова увеличение платы железнодорожным служащим, — я не спорю ни одной минуты, увеличение справедливое, соответствующее их тяжелому труду и крайнему затруднению жизненных условий, — потребовало такого увеличения расходов дорог, что обнаружившийся уже в 1916 г. почти $^1/_4$-миллиардный дефицит по железнодорожной сети угрожал вырасти в цифру нестерпимую.

И тарифный комитет в недавнем своем заседании, проснувшись от трехлетней спячки, от трехлетнего незамечания того, что в стране все переоценивается на новую единицу, кроме железнодорожного тарифа, постановил увеличить все пассажирские тарифы с 1 июня на 50%, а товарные на 200%.

Из этого вы изволите заключить, учитывая, какое участие в образовании товарных цен имеют элементы перевозки, вы можете заключить, что мы стоим перед катастрофическим повышением всех цен, а в связи с этим и с обязанностью для главной покупательницы всех предметов в России, для казны, колоссального форсирования выпуска кредитных билетов. Посему можно без всякой ошибки предсказывать, что если за первые 4 месяца этого года, включая момент переворота, мы могли

удовольствоваться выпуском 2 миллиардов 300 миллионов рублей, то во вторую и третью четверть мы таким количеством ни при каких условиях удовольствоваться не можем и увеличение роста выпусков кредитных билетов будет итти в сильнейшей мере. Но так как мы не можем себе не представлять, что мы уже перешли тот предел, когда влияние этого непомерного выпуска становится для всех ясным, когда все начинают пытаться себя обезопасить от последствий перевыпуска денег, то можно сказать, что мы не можем от себя скрывать и имени конечного результата: мы стоим перед финансовым крахом, перед таким крахом, как нам предстоял крах военный в 1915 г.

И тогда, господа, раздался лозунг промышленной мобилизации. Этот флаг наш уважаемый председатель мощной своей рукой поднял над Россией и эти слова прозвучали во всех углах нашей родины, и мы можем сказать, что наша промышленность в пределах слабых своих сил сорганизовалась, смобилизовалась и дала все, что могла дать родине.[42] Я думаю, что настал момент, когда и флаг финансовой мобилизации, спасения финансов государства, спасения всех тружеников, скопивших деньги своим тяжелым кровавым трудом, должен быть над Россией выкинут. Каковы же основные черты этого финансового плана, который мог бы спасти Россию? Я думаю, что указать их не представит больших затруднений. Раз мы пришли к финансовому краху в силу непомерности для наших доходов принятых нами на себя расходов, то остается либо сокращать расходы всюду, где только к этому есть хотя бы малейшая возможность, либо увеличивать наши доходы. Увеличение доходов во всех странах и в России мыслимо только на почве интенсификации народного труда, на почве объединения дремлющих в стране естественных богатств с бездействующей рабочей силой. Поскольку нам эту задачу удастся осуществить, постольку и возможен еще благополучный выход из финансового кризиса. Необходимо, как я говорю, приступить к сокращению расхода. Это сокращение может итти двояко. С одной стороны надо признать, что мы перебрали в армию людей. Мы неспособны, немощны содержать армию такого масштаба, которую мы собрали. Мы на этот путь встали отчасти сознательно роспуском последних классов, частью стихийно-автоматическим уходом. Последнее конечно не есть решение вопроса, и вопрос должен решиться в несколько иной плоскости. Мы должны понять, что наш тыл не в состоянии содержать ту армию, которую мы имели неосторожность собрать, и нужно вернуть часть этой армии к производительному труду. Засим надо иметь мужество сознаться, что всякие политико-экономические эксперименты, начатые с легкой душой во время войны на базе «легкого» получения средств через выпуск кредитных билетов, должны быть ликвидированы. Пора понять, что нет такой выгоды, которая достигалась бы выпуском кредитных билетов, такой выгоды, которая способна была бы хотя в малой степени парализовать невыгоду, связанную с тем же выпуском. Пора понять, что для спасения страны от зла обесцененных денег есть только два пути: либо путь выкупа этих денег — на это нация не хочет вступать, она не хочет обменивать кредитки на государственный заем, — либо путь предоставления этим кредиткам такой работы внутри страны, которая вернула бы им значение орудия обмена. Иначе говоря, если при данном обороте в стране было

бы достаточно существующего количества денежных знаков, то для восстановления денежных знаков и их силы необходимо к новому количеству знаков приспособить возросший торговый оборот страны. Надо этот оборот форсировать, а не стеснять. Мы же зачастую во время этой войны в погоне за эфемерными выгодами, в погоне за непредоставлением тех доходов, которые так легко было бы уловить с помощью мало-мальски сносной финансовой налоговой системы, лишали национальные обороты объектов для работы этих перевыпущенных денежных знаков. Мы охотно пускали кредитки для снабжения оборотными средствами частных предприятий, мы выпускали эти кредитки для создания предприятий казенных и выпускали эти кредитки для предприятий, уже окончательно неизвестно для чего предпринятых, неизвестно для чего продолжаемых. Достаточно сказать, что мы до последних дней, например, при нашей невероятной бедности металла, при бедности финансов производили броню для дредноутов, которые могут быть выпущены лишь через два года. Тут у нас целый Ижорский завод работал на эту броню, ел уголь, ел металл, ел рубли для дела, которое ни в коем случае не может понадобиться для войны. И такие эфемерные предприятия создавались в количестве невероятном. Программа казенного строительства одного военного ведомства обнимала миллиард рублей. Это на развитие казенной металлургии, казенной промышленности для военных целей. А эти проекты казенных железных дорог, казенных во что бы то ни стало. А это наконец стеснение попыток самого населения бороться с вредом денег, приискать для этих денег работу, эта борьба с частной эмиссией, это бессмысленное подражание иностранным образцам, образцу Англии, где промышленность так развита, что нация может позволить роскошь остановиться в своем промышленном развитии во имя спасения родины, во имя осуществления своих национальных задач и эти два-три-четыре года считать вычеркнутыми из поступательного хода экономической жизни. Мы пошли за нею и лишили страну лучшего способа приискания работы для выпущенных кредитных билетов. Мы закрыли, сузили в чрезвычайной степени эту частную эмиссию. Мы пытались этим способом загнать деньги в покупку государственных займов. Взамен этого, как вы все знаете, мы их загнали на необузданную спекуляцию с домами, кое-где с землями, всюду с лесами, но нигде мы не умудрились загнать эти капиталы в покупку твердопроцентных бумаг с перспективой получать проценты в обесцененных рублях. И в то же время мы лишили страну возможности финансово сорганизоваться и технически подготовиться к тому расцвету производительности страны по заключении мира, без которого нам жизни нет. Мы лишили страну того, что она инстинктивно искала, — возможности приложить эти выкинутые на рынок рубли к созданию новых ценностей внутри государства.

Вот мне и думается, что в основу нашей дальнейшей финансовой мобилизации и должно быть положено ясное сознание фактов нашей жизни, сознание того, что Россия нигде, ни в каких слоях не обогатилась, что в сумме она обеднела за время войны и что ее спасение, ее процветание, ее будущее, самая ее культура зависят от того, поскольку мы сумеем, связавши национальный труд со спящими национальными богатствами, усилить производительность нашей страны,

усилить источники доходов и на этих доходах построить бюджет, обеспечивающий своими расходами красивую, полную, культурную жизнь.

Но как, господа, представляется картина нашей экономической жизни? Каковы условия, в которых придется решать задачу о развитии наших производительных сил, об увеличении числа производимых в стране ценностей?

Я позволю себе начать с особенно нас всех волнующего вопроса о транспорте. Чтобы долго не говорить и несколькими словами охарактеризовать одну отрасль транспорта — водную, — я вам прочту почто-телеграмму, посланную 10 мая военно-морскому министру:

«С открытия навигации на Днепре, Волге, Каме, Северодвинском бассейне, Мариинской системе и Западносибирских реках в Распорядительный комитет по водным перевозкам беспрерывно поступают заявления предприятий о том, что судоходство на означенных реках находится в крайне тяжелом положении. Положение это в Западной Сибири усугубляется еще тем, что там в прибрежных городах начались пожары, распространяющиеся на пристань. В Барнауле и Усть-Чарыше пристани уже сгорели. Получено сообщение о начавшемся пожаре и в Ново-Николаевске. Непрекращающиеся беспорядочные передвижения солдат приняли на реках формы, граничащие с настоящим бедствием. Толпы солдат, а в некоторых случаях даже отдельные кучки, захватывают пароходы и меняют направление пароходов по своему усмотрению, не считаясь с тем, что для движения в требуемом направлении нет надлежащих лоцманов или суда по своей осадке не могут проходить. В результате суда терпят аварии и садятся на мель (на плесе Семипалатинск — Тополев мыс проломился и затонул пароход «Прохор Андреев», на Мариинской системе пароход «Царь-Освободитель» остался на мели на лугах и др.). Нередко толпы солдат заполняют пароходы сверх всякой нормы, занимают не только классные помещения, но и коридоры, что при неосторожном обращении солдат с огнем создает величайшую опасность и в пожарном отношении. Солдаты ведут себя на пристанях и на самых пароходах крайне вызывающе, с администрацией и частными пассажирами обращаются резко, портят судовое имущество — одним словом создают такую обстановку, при которой товаро-пассажирское движение становится почти что невозможным. К тому же солдаты не только не уплачивают денег за свой проезд, но иногда не дают получать их с частных пассажиров. Солдаты затрудняют производство грузовых работ, не давая грузить. Те из них, которые живут в деревнях, расположенных на берегу, требуют высадки у деревень, а иногда и подхода к деревням, даже и в тех случаях, когда это грозит опасностью судну и находящимся на нем. Пароходная администрация не только не в состоянии поддержать какой-либо порядок на пароходах, но лишена возможности исполнять свои обязанности хотя бы в мере, необходимой для безопасного плавания. Самовольное направление солдатами пароходов вне плана не только замедляет движение транспорта, но и вызывает непроизводительный расход топлива, экономия в каковом является мерой первой государственной важности».

Эта картина нарисована Распорядительным водным комитетом в отношении товаро-пассажирского движения. Такая же картина повторяется и в отношении пароходно-буксирного движения. Повидимому

нашим надеждам восполнить железнодорожный транспорт широким использованием транспорта водного не суждено исполниться. Правда, в этом отношении принимается еще и целый ряд мер со стороны не совсем удачно действующей администрации. Например в этом году Северо-двинский флот по сегодняшний день еще не исполнил ни капли работы, потому что не договорился о том, что ему возить и куда возить, или, вернее, местные власти не согласились с мнением высших государственных учреждений о характере и направлении использования водного флота Северной Двины. В то же время этот флот, стоящий без работы, был лишен возможности перейти на Волгу, где ему предстояло бы огромное количество работы. Так, господа, дело обстоит с водным транспортом. Я думаю, что к этой картине развала едва ли много надо прибавить. Еще разве нехватку топлива и явную нехватку металла, благодаря которой починка пароходов сделана кое-как, наспех, заплатаны особенно сильно прорвавшиеся места, и весь наш подвижной состав флота находится в неизмеримо худшем положении, нежели до войны. Если к тому же прибавить обнаружившийся дефицит в черном металле, то нам и мечтать не приходится о том, чтобы в ближайшие годы мы могли восполнить флот новыми судами, и нам надо подумать о возвращении к постройке деревянных теплоходов и пароходов. Этим, я думаю, можно исчерпать вопрос о картине состояния нашего водного транспорта, — она поистине грустна.

Как же обстоит дело с железнодорожным транспортом? Здесь основная беда — это чрезвычайная изношенность нашего подвижного состава. Товарные вагоны, которые в конце прошлого года давали 3,8% ремонта, в январе — около 4%, на 15 апреля дали по всей сети 7,3%. 7,3% наших вагонов приведено в негодность.[43] Сюда не входят те вагоны, ободранные, кое-как заплатанные, которые вы видите, проезжая по железным дорогам. Я думаю, что, не будучи специалистами, вы просто по впечатлению глаз чувствуете, как понизилось понятие о здоровом вагоне. Ныне в числе здоровых курсирующих вагонов числятся те, которые в былые годы давно были бы отправлены в ремонт, а те, которые показаны больными, в значительной степени представляют из себя мертвецов, ибо отсутствие достаточного количества запасных частей, достаточного количества металла привело к образованию так называемых кладбищ, где отдельные единицы подвижного состава подвергались систематическому обиранию, для того чтобы починить другие. У нас есть масса подвижного состава, которую отремонтировать — это значит построить вновь.

С паровозами, с источниками силы передвижения дело обстоит еще грустнее. 16,52% больных паровозов на 1 января выросли к 15 апреля до 22,6%, т. е. свыше $^1/_5$ паровозов на сетях исключено из службы. При этом надо сказать, что целый ряд дорог, и важных дорог, дошли в цифре ремонта до 30%. Но это данные на 15 апреля, а данные на нынешние дни еще значительно хуже. Северо-донецкая дорога имеет уже 40% больных паровозов. Относительно Юго-восточных дорог товарищ министра путей сообщения, их недавно посетивший, назвал мне цифры, которые я боюсь даже повторять: он мне говорил, что из 941 паровоза этой линии здоровых только 370. Я боюсь, не было ли здесь какого-нибудь взаимного непонимания, не было ли тут какой-нибудь ошиб-

ки, — я постараюсь это выяснить и вам доложить, — но ведь и самая возможность 40% больных, ведь она ужасающая! И при этом так же беспросветно, как вопрос о ремонте, стоит и вопрос о поступлении новых. Поступление новых паровозов на сеть идет в удручающе низких цифрах. Максимум выражается здесь в 45 паровозах в месяц, а иногда даже в 23 — 30[44]. Это капля в море. В январе их поступило от 1 до 15 числа — 19 и по 31 число — 45, в феврале — 34, в марте — 23, в апреле — 32. Вы поймете, что для общего количества парка в 20 тысяч паровозов с лишним это ведь не подмога, это не удовлетворение нужды. Это на все паровозы — и на казенные и на частные дороги. Товарные вагоны поступают еще хуже. За январь поступило 1500 с заводов и около 400 с мастерских, за февраль — 871 и 204, значит тысяча с чем-то. Опять-таки для 250 тысяч, среди которых имеется 24 тысячи больных, это не является улучшением. Много возлагается надежд на заказ подвижного состава за границей. Я должен несколько остеречь от этой надежды. Мною было организовано совещание, на котором я попытался выяснить перспективу этих заказов. Я думаю, здесь чрезвычайно мало шансов, даже если американцы исполнят данное нам обещание уступить нам очередь на заводах. Мы опоздали с заказом, мы так долго писали, переговаривались, телеграфировали, торговались, что добились чрезвычайно повышенных цен и добились того, что все очереди на заводах заняты местными, туземными железными дорогами. Но если они нам уступят, то по бывшей практике можно ожидать, что месяца через 4 они поступят во Владивосток и месяцев через 4—5 они поступят на сеть и начнут там приносить свою долю пользы.

При этом надо указать, что Америка строит два типа паровозов: Consolidation — с давлением в 36 тонн на ось — тип, непригодный для нас, и Декапод, который мы пытались улучшить и испортили во всех тех отношениях, в которых пытались улучшить против американского, который поступил в этом году и давал ремонта до 50%. Этот Декапод представляется без наших русских усовершенствований довольно удачной машиной, несравненно лучшей, чем средний русский тип, и поэтому нам вероятно придется остановиться на заказе этого типа. Но к сожалению русская сеть едва ли в состоянии переварить то количество — 2 тысячи добавочных паровозов, сверх уже заказанных 375, — которое мы хотели бы приобрести. Дело в том, что паровоз этот длинен, он не вмещается в наших паровозных стойлах, он не влезает на наш поворотный круг. Для того чтобы его повернуть с отцепкой тендера, надо затратить 2 часа. При нынешнем восьмичасовом рабочем дне это затрата довольно большая, а пропуск паровоза на 10 тысяч верст без промывки и подъема, как это имело место в прошлом году, приводил к тому, что паровоз приходил на место уже больным. Необходимо по нашей норме выстроить около 1500 стойл или удлинить существующие, для того чтобы эти паровозы могли обращаться на нашей сети без вреда для себя. Засим необходимо выстроить 72-футовые, к сожалению чрезвычайно немногочисленные у нас, поворотные круги или взамен их — треугольники. Наконец необходимо устроить целую академию для машинистов и помощников для этих паровозов. Их нужно по норме практики около 7 тысяч человек, не считая кочегаров. Вот если все эти мероприятия будут осуществлены, то сеть может быть будет в

состоянии переварить намеченный заказ. Но для этого необходим еще целый ряд мер. Так например необходимо создать во Владивостоке сборочную мастерскую, которая была бы способна выпускать в день 8 готовых паровозов. В соединении с четырьмя паровозами, до которых можно развить харбинские мастерские, это доставит нам возможность в намеченные сроки воспринять этот заказ на сеть. Но заказ этот представляет из себя величайшую важность, ибо накопление грузов во Владивостоке, несмотря на то что с сентября месяца действует запрещение направлять туда что бы то ни было, происходит в угрожающей степени. Там сейчас, невзирая на то что неотвратимые силы заботятся о нас и в форме пожаров сокращают количества грузов, предназначенных к перевозке, все-таки накопилось $42^1/_2$ миллиона пудов, т. е. около 80 тысяч вагонов.[45] Кроме того есть какое-то никому неведомое количество грузов на других станциях Китайской ж. д., количество повидимому громадное, но выяснить его мне не удалось. Мне сообщили только, что в Харбине имеется $7^1/_2$ миллионов пудов и двигается к Харбину $1^1/_2$ миллиона пудов, ибо, запрещая ввоз через Владивосток или допуская в известной мере, мы не вошли в сношения с японским правительством, не умудрились войти в соглашение о закрытии ввоза через Тайрен, бывший печальной памяти наш Дальний, и грузы притекают на Сибирскую магистраль через Харбин.

И вот если бы мы наладили все эти предприятия, о которых я вам докладывал,—я боюсь, не утомляю ли я слушателей *(голоса:* «Просим»*)*, — то нам все-таки, для того чтобы выполнить программу, потребовалось ко всему вдобавок обеспечить еще 4 миллиона с лишком пудов добавочного угля на сибирском направлении, которое и ныне страдает от недостатка угля, ибо, обеспечившись и бригадами, и паровозами, и помещением для паровозов, и их сборкой, мы можем оказаться в невозможности их использовать благодаря отсутствию горючего. Если мы тем не менее все это наладим, если устраним все неурядицы во Владивостокском порту, вопиющие неурядицы, и создадим отпуск до трехсот вагонов в сутки, то быть может месяцев через восемь и справимся какнибудь с предстоящей перевозкой и вывезем в Россию грузы, которые там находятся, за которые мы заплатили бешеные деньги и которые нам до зарезу нужны. Чтобы было ясно, как они нам до зарезу нужны, я вам, в большинстве принадлежащим к аграрным кругам, укажу, что там лежат сельскохозяйственные орудия, шпагат, мешки, суперфосфат, а как русским людям, я вам скажу, что там лежат снаряды в колоссальном количестве, проволока, селитра, без которой останавливаются наши пороховые заводы, там лежит чай и много других продуктов питания, там лежит рис, необходимый продукт для китайцев, без которого они не могут жить. Словом, почти нет ненужных грузов, там все нужное, там все кричит, за все это уплачены невероятные цены; вплоть до последних кусков меди, олова и цинка. И все это мы едва ли можем подвезти до конца войны! Правда, туда нагнали подвижного состава, сейчас грузка в отдельные дни доходила до 280 вагонов, но это в отдельные дни, а в среднем держится 170 — 180 вагонов. Но и это явление кратковременное, это явление показного успеха, и когда та волна порожних вагонов, которые сейчас брошены в Сибирь, вернется в Европейскую Россию, опять нормальная погрузка во Влади-

востоке падет до тех 45 — 70 вагонов, до которых она падала перед посылкой этого громадного пакета порожняка, которая была недавно произведена.

Вот, господа, чтобы не утомлять вас более, картина нашего железнодорожного транспорта. Я еще добавлю к этому, что использование наличных средств чрезвычайно несовершенно, у нас и по сейчас запасные батальоны посылаются для южной армии с севера и на север с юга, у нас и сейчас производится колоссальное количество встречных перевозок продовольствия, нередки случаи, что отправляются вагоны с сеном непрессованным и не покрытым брезентом, вследствие чего оно гниет и преет и в результате приходит вместо поезда состав в один-два вагона действительно годного сена. Непорядки в использовании и несогласия продолжаются попрежнему. Принимаются, правда, новыми людьми весьма энергичные меры, но разрушить стену бестолковщины, бесхозяйственности, нелюбви к плану, к планомерным действиям и особенно привычку к начальственным окрикам, к приказанию — вынь, да положь, — чрезвычайно трудно. Да и составление этих планов далеко еще не достигает совершенства.

Еще одно явление, в котором эта безалаберщина явилась для нас спасительной. Дело в том, что благодаря необычайной сложности составления планов перевозки образовался некоторый стационарный запас металлов на заводах. От момента предъявления груза к перевозке и до его погрузки обычно проходит до полутора месяца и благодаря этому на сети образовались залежи до 14 миллионов пудов столь нам нужного металла, и так как объективной необходимости в этом лежании нет, так как вполне можно было грузить озон, то сейчас наши руководители металлоснабжения оказались в силах спасать положение, заполучивши эти грузы, завалявшиеся частью по сложности получения нарядов, частью благодаря утере хозяина, ибо за развитием невероятного количества всяких властей, всяких способов распределения, немалое количество металла просто теряло хозяина и образовывало залежь. И вот теперь они спасают до известной степени положение, черпая из этих запасов. Так наконец может быть то, на чем долгое время я настаивал, — что необходимо поставить нужды нашей сети в металле выше потребностей на оборону, — как будто начинает сбываться, и этому нельзя не порадоваться. Например железные дороги получили до 600 тысяч пудов металла в этом месяце. Это такой праздник, о котором они не смели и мечтать.

Я говорю, улучшение идет, но наряду с этим нарастает и ухудшение. Взять хотя бы использование парка цистерн. Взявши в свои руки цистерны от частных владельцев, в силу того что эти частные владельцы этими цистернами преследуют свои своекорыстные цели, правительственная власть умудрилась эти цистерны превратить в складочные помещения: колоссальное количество цистерн — сейчас оно, слава богу, упало до 2130, а было 5 тысяч — служит хранилищем нефти, впрок заготовленной. Не лучше и с использованием всех планов на сахар, например погрузка составляет на сахар не более 70 — 80%, а с углем дело обстоит еще хуже, и там до сих пор фигурирует какая-то невероятная графа отказа отправителей от использования поданных им вагонов, когда эти отправители плачут от отсутствия подвижного со-

става. Это происходит благодаря чрезвычайной сложности распределения одного и того же угля с одного и того же рудника на три категории по разным азам, категорий А, Б, и В, а шутники еще добавляют — и по литере Д.

Вот картина наших перевозок. Далее итти тут некуда и говорить, что дело улучшается, не приходится по той простой причине и прежде всего потому, что разлагается рабочая сила на сети. Нечего от себя скрывать, что политические увлечения, эта страсть к разрешению вопросов общеполитических, которая охватила всю Россию, эта страсть к митингованию, она очень резко отразилась и на нашей сети и рабочем персонале. Его работа несомненно понизилась. Поэтому не приходится надеяться, что рост числа больных вагонов и паровозов может в дальнейшем остановиться; напротив, не мало есть данных на то, что он увеличится, и поэтому, чтобы спасти положение, неудивительно, что министерство обращается к мерам отчаянного, так сказать, характера. Ввиду переживаемой в данный момент неурядицы махнули рукой на будущее, прекратили постройку паровозов и обратили имеющийся в наличности незначительный запас металла на ремонт существующих паровозов. Действительно большой ремонт паровозов требует пудов 500 металла, постройка же паровоза требует 6 тысяч пудов и более. И вот представляется значительно более выгодным использование существующих паровозных заводов для ремонта этих заболевших паровозов. Но при этом оказалось, что заводчики не брались ни по какой цене производить ремонт, ибо цену установить нельзя. Они предлагали свои услуги производить это за счет ведомства по ценам, какие определятся. И есть данные предполагать, что этот ремонт будет обходиться в 35 — 45 тысяч рублей на паровоз, вместо сметных 10 — 12 тысяч, в то время как накануне, можно сказать, войны ваш покорный слуга заказывал паровозы типа Армавир-туапсинской дороги — весьма приличного типа — по ценам 40 тысяч рублей новые.

Так, я говорю, дело обстоит с подвижным составом. Еще хуже дело с топливом. Здесь положение железных дорог в связи с ухудшением качества топлива, чего отрицать нельзя, и таковое ухудшение идет сейчас, усиливаясь и в дальнейшем неотвратимо, — отчаянное, в связи с недостаточно продуманной угольной кампанией, с бестолковщиной в угольном снабжении сети, с этим наследием Рухлова—вечной борьбы с промышленниками из-за грошей и незаключения контрактов для такого величайшего хозяйства; оно жило без контрактов на топливо, русское железнодорожное хозяйство! Потребности железных дорог в топливе возросли таким образом, что вместо 40 миллионов пудов в месяц заявления железных дорог дошли до 63 — 70 миллионов пудов. При этих условиях почти ничего не оставалось на все производства, кроме разве металлургии, непосредственно работающей на оборону, да и та не вполне удовлетворялась. Ясно, что надо было принять какие-то героические меры к уменьшению количества потребного для железных дорог твердого минерального топлива. Первой и наиболее, если хотите, простой мерой было урегулирование хозяйства — это введение такого порядка, чтобы один и тот же машинист, работающий на одной и той же машине, не был вынужден каждый день приучаться к новому топливу, к новым его качествам; чтобы сегодня ему не давали для машины антрацит, завтра—тощий

уголь, послезавтра — спекающийся; чтобы признали эту простую истину, что каждому виду топлива должна соответствовать та или иная конструкция паровоза, та или иная приспособляемость машиниста к этому топливу, и что шутя менять то или другое топливо со дня на день, не меняя конструкции паровоза и не приучая к этому машиниста, нельзя. После больших обид на мои замечания в этом духе министерство путей сообщения все-таки признало их основательность, и известные меры в этом направлении принимаются, хотя и не с полной энергией и не с полным успехом. Но второе, что приходилось делать, это попытаться справиться при помощи других видов топлива. Особенных надежд на нефть возлагать не приходилось, ибо хотя это единственный продукт в России, который дал за время войны повышение добычи, а именно в 1916 г. его добыча дошла до 603 миллионов пудов против 564 миллионов в 1915 г., но и потребность в этом продукте чрезвычайно возросла и охотников его получать чрезвычайно много, при этом из числа привилегированных потребителей. Поэтому пришлось обратить взоры на старого снабжателя железнодорожной сети — на лес; и ныне выработано задание заготовить в течение этого года 2400 тысяч кубов на потребление этого года и 2400 тысяч кубов в запас для будущего года; тогда топливный баланс для железных дорог можно считать более или менее обеспеченным. По счастью дело этой заготовки попало в надлежащие руки, хотя и не избегло обычной болезни всех наших начинаний последних лет, последнего времени — это удручающей мобилизации языков, тем не менее в существе своем оно попало в руки надлежащих людей; руководящую роль в этом деле под верховным водительством знатока этого дела Е. Ф. Давыдова приняли люди, специально знакомые с этим делом—лесопромышленники, так что есть некоторые шансы за то, что это дело если не в полной мере, то в известной степени, при известной энергии, знании и опыте будет осуществлено. Если же это не будет достигнуто, то нетрудно будет предсказать значительное сокращение перевозок со всеми вытекающими отсюда последствиями, ибо и производство угля у нас падает,—падает, хотя учет в цифрах сейчас довольно труден, потому что общая атмосфера работ изменилась не к лучшему.[46] Есть целый ряд признаков надвигающегося паралича и этой отрасли промышленности: так уже начали гореть шахты — шахта № 13 Ауэрбаха подожжена военнопленными; в Брянском обществе был взрыв, и вообще наш юг, дающий уголь с гремучим газом и поэтому требующий при работах весьма серьезно налаженной вентиляции, сейчас, по заявлению всех специалистов, значительно насыщается этим гремучим газом, ибо организация вентиляции, требующая большой дисциплины, большого неуклонительного выполнения требований технического надзора, разлаживается; не только не исполняются указания специалистов этого дела относительно направления струй воздуха и накачивания в шахты, но даже многочисленны случаи сбивания пломб с тех предохранительных ламп, с которыми работают в угольных шахтах, а потому можно ожидать в ближайшее время взрывов и потому выхода рудников из работы. Одновременно обнаруживается общее стремление переходить от сдельной работы к поденной с установлением минимума заработной платы, и в итоге конечно получается понижение производительности отдельных работ. Таким образом то явление, которое обнаружилось за время войны, получает

дальнейшее развитие. А за время войны обнаружилось вот что: те 200 тысяч рабочих, которые были задолжены в нашей южной промышленности в начале войны, производили почти то же самое, что ныне производят 288 тысяч рабочих. И вот в связи с этим, если даже удастся наладить все отношения между работодателями и рабочими, перспектива угольного дела будет не особенно блестяща. С металлургией дело стоит еще пожалуй хуже; еще незадолго до революции, — точных дат не помню, может быть меня поправит Михаил Владимирович, — дефицит наш по черному металлу определялся в 7—8 миллионов в месяц при совершенно ничтожном удовлетворении так называемого частного потребления. Это было в то время, когда черного металла на юге производилось до 18 миллионов пудов в месяц. Ныне, в феврале, это производство упало до 9 с чем-то миллионов пудов. Правда, теперь оно несколько повысилось. Сейчас не могу найти этих данных, но оно все еще очень далеко от достижения норм довоенных. Вот, сейчас я их нашел. За первую четверть текущего года выплавка чугуна составила 10,87 миллиона пудов, т. е. значит отстала от возможной выплавки почти на 8 миллионов пудов. Из 62 доменных печей, имеющихся на юге, в феврале работало только 35, остальные стояли за недостатком топлива, флюсов и руды. Соответственно с уменьшением производства основного черного металла — чугуна — разумеется падало и производство полупродукта и продукта. Тот голод металлургический, который так больно давал себя чувствовать всему населению России, имеет весьма слабую тенденцию к устранению и наоборот как будто грозит дальнейшим усилением. Выработан целый комплекс мер по усилению производительности, но все они разумеется ничто в сравнении с теми явлениями дезорганизации и гибели промышленности, которые обнаружились за последние дни.

Я еще коснусь несколькими словами еще одной отрасли промышленности, которая как будто меньше других пострадала и даже дала улучшающиеся результаты, — это нефтедобывание. Там дело стоит так, что подрывается не наличное производство, а производство какого-то будущего года. Благодаря всемирному сокращению отпуска металла значительно падает буровая работа и следовательно ослабляется подготовка добычи нефти к моменту возможного окончания новых скважин, т. е. через 2-3 года. Сейчас паралича нефтяной промышленности пока что мы не замечаем, она еще продолжает работать, но будущее у нее пожалуй грустнее, чем у какой-либо другой промышленности, и нам придется через 2-3 года пройти через известный период уменьшения производства, ибо, как вы все изволите знать, для добычи нефти нужен целый ряд предварительных мероприятий, которые длятся очень долго, и добычу эту наладить в 2-3 месяца, как это можно наладить в большинстве угольного производства, расширить его, здесь этого сделать нельзя. Но говорю, все эти явления таковы, что быть может промышленность сумела бы с ними справиться и продолжала бы с ними службу на пользу родины.

Но за последние дни произошел целый ряд явлений, которые эти надежды на дальнейшее благополучное существование в сильнейшей мере подрывают. Как вам всем известно, рабочее движение, которым к великому греху и стыду своему русская промышленность не желала заниматься, которое она передала на произвол власти, теперь, когда настала

свобода на Руси, естественно пытается добиться тех целей сразу, которые могли бы быть безболезненно для страны добыты годами упорной борьбы, рядом постепенных, более или менее безболезненно осуществившихся компромиссов, и которые рабочая масса хочет ныне, ни с чем не считаясь, осуществить разом. При этом требования эти достигают цифр колоссальных, хотя страх этих цифр, страх этих прибавок не в их колоссальности, а в их последствиях для государства и для нации. Если в таких предприятиях, чудовищно богатых, как например «Треугольник», который, заплативший за прошлый год 20 миллионов своим рабочим, имел прибыли 30 миллионов, и можно было выдержать требования тех же рабочих об увеличении платы на 30 миллионов, то другим предприятиям это физически совершенно не по силам. Я говорю, что «Треугольнику» это посильно, согласно данным арифметики, ибо, имея 30 миллионов к распределению, конечно предприятие может их передать своим рабочим. Правда, что эти рабочие вместе с сим требуют, кроме увеличения расценок, дающего такое увеличение расхода, еще 12 миллионов военных прибавок за прошлые годы и $1\,/_2$ миллиона так называемых отравленческих денег, т. е. за тот период, когда этот завод не работал из-за явлений массовой истерии и т. д. [48] Но все это было бы, говорю, для этого предприятия посильно. Но как это отражается на общей схеме? Во-первых это предприятие из 30 миллионов своей прибыли заплатило почти точно 10 миллионов налогов в казну. Очевидно, что этот налог не пропадет. И если явление такого «распределения» прибыли станет общим, то пропадет и весь доход государства, идущий под наименованием промыслового налога и, частью, подоходного налога. Засим, из этих 30 миллионов в дивиденд предприятие выдало 8 с чем-то миллионов, $1^1/_4$ миллиона пожертвовало на благотворительные нужды, а остальное списало на погашение имуществ и в запас; сделало то, о чем я имел честь вам докладывать. И следовательно, если такой метод распределения доходов от предприятий будет сделан всеобщим, то кроме потери государством промыслового налога мы будем иметь еще дело с обескровлением промышленности, с лишением ее средств и способов восстанавливать износившееся имущество и итти вровень с улучшением техники производства, ибо, повторяю, опыт предприятий, не озабочивающихся списыванием, у нас перед глазами.

Но в других предприятиях положение становится еще хуже. Так например во время моей поездки на Урал выяснилось, что рабочие Тагильского завода потребовали прибавки, которая суммарно выразилась в 5 миллионов рублей. Между тем Демидовские заводы своим владельцам никогда более 500 тысяч рублей не посылали. По Богословскому обществу при дивиденде в 2400 тысяч рублей и общей сумме чистой прибыли, распадающейся, как известно, на дивиденд, амортизационное списание и налоги, в $6^1/_2$ миллионов, требования рабочих, первоначально заявленные и принятые заводом в цифре 7 миллионов рублей, выросли до 24 миллионов рублей, а как теперь говорят — до 27 миллионов рублей. И когда администрация завода докладывала о том, что эти требования для них физически невыполнимы, ибо в кассе имеется такой-то запас наличных денег, что остальные капиталы лежат в таком-то имуществе или в таких-то запасах оборотного капитала, что на такого рода выплату ни один конечно банк не откроет кредитов (фактически

сейчас все банки сокращают чрезвычайно свои нормы кредитов, открываемых ими промышленным предприятиям), то рабочими был указан до известной степени конкретный способ выхода из затруднения. Они согласились принять эти прибавки векселями общества. Не подлежит никакому сомнению, что это конкретно, что это общество сделать может. Не подлежит сомнению и конечный результат, т. е. разорение акционеров и продажа за долги или принятие рабочими в свое распоряжение завода. Зачастую приходилось слышать на возражения о том, что этим путем в конец разорятся предприятия, что требования эти непосильны,— а они всюду непосильны, — приходилось слышать, что это вполне ясно и тем, кто эти требования предъявляет. Так например требование по 18 металлургическим заводам юга России, которые имеют до 195 миллионов акционерного капитала, около 275 миллионов прибыли и 18 миллионов дивиденда, требования на этих заводах заявлены в ультимативной форме, с отказом даже их обсуждать, в размере 240 миллионов рублей в год, что по расчетам промышленников доводит цену пуда чугуна до 3 руб. 75 коп. Я боялся бы очень заставлять вас верить всем этим цифрам, потому что много в них есть условного, много прибавленного в пылу горячих споров, в пылу естественного раздражения, вызываемого, когда у людей добираются до их благ земных или накопленных, но все-таки я считаю долгом на них указать, ибо требования эти имеют общий характер явной неприемлемости и физической несуществимости для промышленности. Так, по углю требования доходят до 350 миллионов рублей, т. е. повышают цену на уголь на 20 копеек и доводят ее примерно до 55 копеек с лишним.[49] И значит на каждого из 288 тысяч задолженных промышленностью рабочих дают свыше тысячи рублей в год. * По металлургии это доходит повидимому до 2400 рублей на душу в год прибавок. Прибавка по Уралу составляет до 300 миллионов рублей, прибавка на железные дороги, как я имел честь докладывать,— 500 миллионов рублей для частных, а по всем — свыше 700 миллионов рублей в год. Прибавки по Петрограду — 480 миллионов рублей. Если вы сюда прибавите требования Москвы, Шуйско-ивановского района, Баку, если вспомните о требованиях увеличения пайка, то вы суммарно приходите к цифре, осуществимость которой не только для предприятий, но и для государства в целом является в высокой степени невероятной и которая в то же время дает вам возможность утверждать, что нация поняла, что рубля нет, что рубль прежний исчез, что надо спасать положение, что наступают такие времена, которые пережить в состоянии будет только тот, кто к данному моменту успел захватить себе известный запас. И весьма многие из выступавших со своими требованиями так вопрос и ставили: мы знаем, что это ведет к разору промышленности, мы знаем, что через короткий срок, через несколько недель, это создаст резкий рост безработицы, и мы считаем необходимым в меру возможности осуществить эти свои страховые операции на случай несчастья. Поэтому требования предъявляются в такой форме, что в России нарождается пресловутый персидский институт сажания в бест. Вот директоры «Треугольника» уже садились в бест к Керенскому, потому что

* Так в подлиннике.

очевидно их не прельщала перспектива передать 12 миллионов рублей или лезть в мешок и в этом мешке в Обводный канал. Уже и личная обеспеченность не гарантирована. Инженеры с копей и рудников бегут, помимо тех, которые устранены организациями, так что уже нынешнему товарищу министра торговли приходилось во многие места посылать казенных инженеров и брать рудники в казенные управления, ибо все вы хорошо понимаете, что если рудник перебивался еле-еле, перехватывая деньги при данном размере расходов, то при катастрофическом росте расходов и при еще великолепной привычке русской казны в самом лучшем случае платить не свыше 75% того, что она должна, а 25% на неопределенный срок задерживать, если он при прежних условиях перебивался, то теперь он перебиваться не может, платить нечем, и посылка инженеров казенных на рудник сводится в сущности говоря к посылке человека с денежным мешком, который мог бы выдавать эти бесконечно льющиеся из казны рубли.

И русской промышленности при так сложившихся обстоятельствах, при том несоответствии предъявленных к ней требований об увеличении заработка с суммами получаемой ею прибыли (уже не говоря о дивидендах), повидимому остается один только выход, когда-то выдуманный знаменитым русским остряком князем Меньшиковым: просить, чтобы ее произвели в немцы, ибо есть такой разряд русской промышленности, которая благодаря тому что она вражеская, взята в казенное управление, и там эти вопросы об изыскании средств и денег совершенно никого не тревожат; эта промышленность нашей властью охраняется и будет после войны передана ее владельцам в сохранном виде. Поэтому единственным способом спасения остатков состояния для промышленности является — просить, чтобы ее произвели в такие немцы.

Как ко всему этому относиться? Как должна реагировать на все это промышленность? Мне думается, что у нее выход только один. Вчера устами своего представителя [50] она после долгих разговоров, долгой агитации в этом направлении совершенно сознательно и искренно заявила, что она понимает тяжесть положения и не претендует на получение каких-либо дивидендов и прибылей в этом году, что она, так сказать, идет расплачиваться за свои прошлые ошибки и готова отказаться от благ, но что ее тревожит, что не может ее не тяготить и что совершенно не разрешается даже и самым фактом отказа от прибыли — это общее положение нашей промышленности, вообще наличие промышленности и главное — ее перспективы в будущем, ибо если существующая промышленность может расплачиваться как угодно, если можно с нее взять не только прибыли, но и все ее капиталы, то нужно отдать себе отчет в том, как же будет создаваться новая промышленность, как она будет поддерживаться на том уровне техники и совершенстве орудий, в котором она находилась до войны, как мы приобретаем орудия для создания новых ценностей страны, без чего спасения для России нет?

И вот на этот вопрос ответа никем не дается. Сейчас производятся действия, осуществляются права, осуществляются желания, но о будущем никто не думает. Но невольно вспоминаются слова великого мыслителя, который, говоря об основной идее различных форм правления, выразился так, что если деспотия основана вся целиком на страже, если монархия создается на идее чести, то для республики нет других основ,

проме добродетели, и всякий отказ от своей основы ведет к краху формы управления. Нельзя укрепить деспотию, отказавшись от благодетельного действия страха. Не может существовать монархия при подданных, не руководящихся в своих действиях вслениями чести, и не может существовать республика, в которой погибла добродетель. А добродетель, особенно требующаяся данным моментом,— это сознание того, что страна претерпела величайшее горе, растратила свое национальное достояние и что нет другого спасения как воссоздать это достояние путем ограничения своих личных потребностей и ценою упорной до предела сил работы во имя любви к родине, во имя подчинения своих личных, классовых и всяких интересов интересу одной только общей матери страны. *(Продолжительные рукоплескания.)*

Председатель. Может быть кому-либо угодно, господа, задать вопросы или высказаться по этому вопросу? С своей стороны я должен доложить о предмете сегодняшнего доклада. Разумеется та разруха, которая наступила в промышленной жизни страны, вам всем известна до известной степени, но Александр Александрович сумел в своем обширном докладе сгруппировать все данные с такой яркостью и убедительностью, что несомненно споров о бедственном положении нашей промышленности быть не может. Я должен напомнить, что в Москве в настоящее время по этому вопросу открывается съезд представителей военно-промышленных комитетов, который этот вопрос осветит еще более детально, с могучими цифровыми данными. На этом съезде действительное положение нашей промышленности, имеющей в настоящее время громадное значение в деле обороны, в деле заготовки всего необходимого для снаряжения армии, будет освещено в еще большей степени. Но мне кажется, что известное предостерегающее слово, известное руководящее начало в нашем хотя бы и частном совещании народных представителей должно быть высказано. Я полагаю, что сразу ответить на доклад Александра Александровича не представляется возможным. Поэтому разрешите не считать этот вопрос исчерпанным, а установить, что после рассылки стенограммы доклада Александра Александровича каждый из членов Думы может сделать известные замечания и указания в следующем нашем совещании. Может быть после съезда представителей военно-промышленных комитетов в Москве, когда будет у вас больше материала, члены Государственной думы найдут возможность еще раз обменяться мнениями по этому вопросу и тогда вынесут известные пожелания и руководящие начала, которые могли бы так или иначе осветить стране этот вопрос — вопрос о гибельном положении нашей промышленности, производящей государственные ценности. Я думаю, что таким путем мы действительно достигнем цели и ответим на те вопросы, которые предъявляются к Государственной думе, когда мы слышим упреки, что Дума молчит, не высказывается по крайне важным вопросам. Угодно принять в такой форме вопрос?

Бубликов. Я избегал предложения каких-либо конкретных мер, которые могли бы быть приняты немедленно, потому что в мою задачу не входило конструировать комплекса каких-либо мер. Я думал, что они вытекут из нашего собеседования. К сожалению я затянул свой доклад. Позволю себе привести еще те мысли, которые напрашиваются, мысли о практических мерах. Во-первых, призыв к самопожертвованию, призыв

к ограничению потребностей и принесению жертв в пользу родины должен быть и может быть нами конкретизирован в форме предложения от нас правительству пересмотра ставок подоходного налога. Нам нужно пойти на резкое их повышение, может быть в три раза. Я думаю, что такое постановление, вынесенное цензовыми членами, цензовой Думой, оно будет отвечать и нашему настроению и действительному пониманию обстоятельств переживаемого момента. Действительно нужно принести все, что мы можем, и так как планирование новых налогов — вещь трудная и проведение их — дело времени, а увеличение подоходного налога может в совершенно наглядной форме показать всему народу, как имущественные классы готовы итти на жертву, то я думаю, что было бы вполне реально с нашей стороны возбудить вопрос о том, чтобы немедленно в экстренном порядке ставки подоходного налога, падающего на физические лица, были утроены. Вторая мера: обращение к стране, к каждому человеку, которого вы встретите, если я вас сумел убедить, должно быть одно: подписывайтесь на заем, не во имя родины, не во имя любви к ней, не во имя исполнения вашего долга, а потому, что это единственное спасение для вас всех, для каждого, у которого водится рубль в кармане, для спасения рубля — мерила ценности в стране, для спасения нас от финансового краха. Нужно обращаться ко всем, кто только способен и хочет служить родине, подписаться во имя личного благополучия, если не действуют призывы к подписке во имя блага родины. И мне думается, теми короткими соображениями, которые я приводил в цифрах и которые не подлежат оспариванию, которые у всякого смогут уложиться в голову, вы убедите всякого, что спасение заработанных денег может быть не в сбережении их в кубышке, а внесением в казну подпиской на государственный заем. Иного спасения нет. Я думаю в этом направлении агитация всякого члена Думы даст результаты, потому что к нам прислушиваются, а при таком обосновании нашей проповеди может быть это подействует лучше, чем самые красноречивые и горячие слова. В момент, когда люди так увлекаются созданием своего благополучия, увлекаются добыванием прав и привелегий, распределением наличных благ, может быть этот аргумент окажется сильнее, чем аргумент порядка морального.

Г и ж и ц к и й. Мы прослушали очень законченную и блестящую речь Александра Александровича, но он совершенно не касался одной отрасли нашей промышленности — именно сельскохозяйственной промышленности. Мне думается, что она накануне полной гибели, и мне как представителю этой промышленности, совершенно незнакомому с промышленностью иной, думается, что этот крах промышленности еще более опасен и грозит еще большей гибелью России, как преимущественно сельскохозяйственной и земледельческой стране. Вот почему я хочу сделать предложение. Михаил Владимирович указал, что этого вопроса будет касаться съезд представителей военно-промышленных комитетов в Москве и быть может мы воспользуемся свободным временем, которого у нас хоть отбавляй, соберемся сюда и быть может кто-нибудь из состава членов Думы за это время подготовит и сделает доклад по сельскохозяйственной промышленности, осветит его и мы придем к каким-нибудь выводам. Александр Александрович все-таки усматривает какой-то проблеск; быть может и мы придем к тем же резуль-

татам по промышленности сельскохозяйственной, когда будем иметь перед собой этот вопрос более или менее освещенным.

[Далее выступает Трегубов, который делает заявление о необходимости опубликования в газетах отчетов частных совещаний.

Затем Кривцов в своей небольшой речи заявляет о своем присоединении «к призыву А. А. Бубликова о всемерной поддержке внутреннего займа».]

Председатель. Господа, позвольте дать объяснение на возбужденные вопросы. Во-первых, что касается заявления члена Государственной думы Гижицкого, то позвольте вам сказать, что в одно заседание вместить обсуждение вопросов о торговле и промышленности и о сельском хозяйстве разумеется было бы очень трудно. Каждый из вас это понимает. И я имел ввиду именно это предложение члена Думы Гижицкого осуществить простой постановкой на очередь в следующем заседании обсуждения вопроса о сельскохозяйственном кризисе. Таким образом вопрос этот позвольте считать предрешенным. Затем относительно заявления Трегубова и соединенного здесь предложения об издании особого органа. Позвольте сказать, что такой орган уже имеется. Известия Временного комитета печатаются, и в них печатаются все стенограммы, и все, что происходит в наших заседаниях как закрытых, без прессы, так и открытых. Таким образом ваши желания осуществляются. Известия рассылаются во все волостные правления в довольно большом количестве. Что касается предположения о том, чтобы предложить всем членам Думы подписываться на заем, то я затрудняюсь поставить это на голосование, ибо обязательного такого постановления частное совещание сделать не может. Поэтому позвольте считать это пожелание принятым к сведению. Но только ставить его как определенное постановление нашего совещания нельзя. Затем ввиду позднего времени позвольте заседание закрыть.

(Заседание закрывается в 5 ч. 38 м. дня.)

20 мая 1917 г.

(Заседание открывается в 2 ч. 25 м. дня под председательством М. В. Родзянко.

Председатель. Позвольте начать нашу беседу, так как назначенный час минул, и я лишен возможности далее ожидать прибытия Александра Ивановича Коновалова. Наши ряды тают ужасным образом, все меньше и меньше из членов Государственной думы в наличности, хотя мы отпусков не даем. Министр торговли (*не знаю называть ли его бывшим министром или настоящим министром)* обещал сегодня приехать и сделать доклад вместе со своими товарищем членом Государственной думы Степановым, но их еще до сих пор нет. Позвольте, прежде чем приступить к коренному вопросу по докладу А. А. Бубликова, выслушать заявление члена Государственной Думы Шидловского I по началу работ Центрального земельного комитета.[51]

Шидловский I. Вчера состоялось первое заседание Главного земельного комитета. Как вам известно, 21 апреля Временным правительством была учреждена целая серия земельных комитетов: Главный комитет — здесь, а также губернский, уездный и волостные комитеты, которые имеют своей задачей подготовить законопроект по земельному

вопросу к Учредительному собранию и затем предпринять меры для собирания всяких необходимых данных для Учредительного собрания при окончательном разрешении аграрного вопроса. Затем кроме того — принимать участие в устранении всяких недоразумений между разными категориями землевладельцев, которые могли иметь место до Учредительного собрания. Вчера состоялось первое заседание [52] Главного земельного комитета, и я должен вам сказать, что это заседание весьма неудачное. Оно было неудачно исключительно по своему составу, потому что в состав Главного земельного комитета входят представители от местных земельных комитетов в довольно большом количестве. Вчера же в составе этого Главного земельного комитета у нас был только один представитель одного местного земельного комитета, а остальные все были люди, прикосновенные к земельному вопросу либо по своей службе в министерстве земледелия, либо представители политических партий и деятели здешних организаций от Крестьянского союза, Совета солдатских и рабочих депутатов, так что собственно говоря, крестьянство было представлено чрезвычайно слабо, а представителей местных комитетов совсем не было налицо, — был только один. Вчера там было 35 или 40 человек, а состав этого комитета должен быть по крайней мере около 200 человек, следовательно совершенно ясно, что если начинают работать 40 человек и ожидают со дня на день прибытия может быть еще 150 человек, то то, что сделают 40 человек, прибывшими может быть еще признано не тем, что они желают, не тем, что нужно, и это может быть совершенно изменено. Вчерашнее заседание Главного земельного комитета было открыто речью председателя земельного комитета бывшего члена Государственной думы Посникова, очень длинной, обстоятельной речью, в которой в сущности он излагал свою аграрную программу, как он понимает решение аграрного вопроса, в каком направлении он должен быть решен. Позвольте мне ее не излагать, потому что это есть мнение председателя земельной комиссии, а не министерства земледелия, это есть мнение человека, который будет принимать участие в разрешении аграрной реформы постольку, поскольку у него есть голос в этом совете. [53] После него выступил министр земледелия, который произнес также очень обширную речь, которая решительно никакого отношения к аграрному вопросу, с моей точки зрения, не имела. Она была построена чрезвычайно обще; эта была очень интересно, красиво сказанная речь, она говорила об общих принципах, говорила о том, каким образом — на это между прочим указывал и Посников — смотрели на землю Радищев, Герцен, Чернышевский и т. д.; я при всем моем уважении к этим именам думаю, что при первом приступе к разрешению аграрного вопроса, при выработке известного рода законопроекта все-таки было бы желательно подойти ближе к деловой части и выслушать что-нибудь определенное, но этого выслушать нам не удалось. Затем после этого товарищем министра земледелия Хрущевым были доложены в извлечении сведения, которые он получал с мест, о том, какого рода ненормальности и эксцессы замечаются на местах, причем все эти сведения были сгруппированы: во-первых показания землевладельцев, во-вторых местных органов власти, в-третьих телеграммы крестьян, причем крестьянские телеграммы были разделены на телеграммы крестьян-общинников и

на заявления крестьян-собственников.[54] Между ними была большая разница. По поводу этого возникли прения и обсуждение, что собственно говоря делать в терепешнее переходное время до того, как выскажется окончательно Учредительное собрание по поводу того, в каком виде должна быть произведена аграрная реформа, что теперь делать, чтобы устранить все те ненормальности, все те эксцессы, которые происходят на местах. Я думаю, что вы меня уволите от пересказа тех телеграмм, которые нам докладывались, потому что, я думаю, всем из вас в достаточной степени известно от своих местных родственников и земляков, что происходит на местах. В общем они рисуют те же самые картины, которые обрисовывались у нас во Временном комитете из тех телеграмм, которые нами получались. Возник вопрос, что нужно сделать, какие меры нужно принять теперь, чтобы успокоить население, чтобы, так сказать, у населения выскочила из головы мысль, что если теперь они самовольно, самочинно не захватят чего-то такого, то могут потерять все, что могли бы получить при других условиях. Тогда высказывались очень разнообразно, причем самая радикальная мысль, которая была высказана, заключалась в том, что необходимо теперь же объявить путем декларации национализацию всех земель и что это сейчас же должно всех успокоить.[55] Я позволил себе возражать против этого, говоря во-первых, что я считаю это неприемлемым, потому что никто кроме Учредительного собрания не имеет права провозгласить такой лозунг, и это значит уже узурпировать права Учредительного собрания. Во-вторых, что такой лозунг решительно никого не успокоит, потому что национализация — это вещь широкая и каждый будет ее понимать по-своему;[56] вообще я высказывался за то, что таких деклараций общего характера в сущности делать не следует, потому что, раз вы провозгласите общий принцип и одновременно с этим не обнародуете определенных и точных законов, в которые применение этого принципа должно вылиться, вы создаете возможность, при которой каждый обыватель будет вкладывать в этот общий принцип тот смысл, который ему угодно будет придать, и создадите еще больший беспорядок. В этом отношении я не нашел поддержки в большинстве земельного комитета, и единственно, кто меня поддержал, был представитель Совета рабочих и солдатских депутатов, который говорил, что все эти общие места и общие рассуждения нужно бросить и приняться за работу и в этой работе предлагал в первую же очередь выработать временный закон до Учредительного собрания об арендах, о запрещениях отчуждений, о пользовании пастбищами, о пользовании сенокосами и т. д.[56] Я это поддержал и находил, что это действительно реальный практический способ; тогда, когда происходит ужасная путаница и каждый толкует по-своему, тогда действительно надлежало бы этот путь избрать, т. е. издать определенный закон и этим законом должны руководствоваться местные органы, долженствующие наблюдать за порядком.[57] Кстати, господа, я вам могу рассказать, что в этом земельном комитете был представитель социал-демократической рабочей партии, который тоже внес предложение, в котором он указывал, что наилучший способ разрешения аграрного вопроса — это есть организованный захват земли[58] и приводил в доказательство Шлиссельбург и доказывал, как хорошо в Шлиссельбурге все это поставлено и к каким пре-

красным результатам это ведет.[59] Должен сказать, что это особого сочувствия не встретило, против этого энергично возразил министр земледелия, который говорил, что он считает, что в самой комбинации этих двух слов — организация и захват — есть внутреннее противоречие и что захват противоречит организации, а организация захвату.[60] В конце концов кончилось тем, что когда более или менее столковались на разных предложениях, тогда все предложения было предположено сдать в маленькую комиссию, которая должна была бы сейчас же в том же заседании выработать согласительную редакцию, и вот в эту же комиссию предполагали сдать резолюцию этого большевика, очевидно на предмет отклонения, потому что ее никто всерьез не принял. Но я все-таки счел долгом возражать, я высказал, что в комиссию можно передавать для согласования предложения, если они друг другу в корне не противоречат; если же они друг другу противоречат, то тогда надлежит отклонить до передачи в комиссию. В результате собрание отклонило это предложение г. Смилга, который возводит в идеал разрешение аграрного вопроса по шлиссельбургскому способу. Затем, господа, мы удалились в эту самую комиссию, выработали согласительный текст обращения к Временному правительству с указанием на то, что Временному правительству надлежало бы сделать декларацию, и этот текст с некоторыми изменениями был принят и доставлен мне сию минуту. Дело в том, что наша редакция, которую мы выработали в комиссии, сегодня утром несколько изменилась. Дело в том, что теперь действительно замечается со стороны крестьянского и земледельческого населения ужасная торопливость что-то такое взять,[61] и большинство пришло к тому заключению, что было бы уместно теперь же издать — было маленькое разногласие — от Временного комитета или от Временного правительства — маленькую декларацию, в которой нужно провозгласить тот принцип и те основания, по которым будет производиться работа в земельной комиссии, подготовительно к Учредительному собранию, и по этому вопросу была установлена следущая редакция: «Главный земельный комитет полагает, что в соответствии с основными потребностями нашего народного хозяйства, с неоднократно выражавшимися пожеланиями крестьянства и с провозглашенными всеми демократическими партиями страны программами, в основу будущей земельной реформы должна быть положена та мысль, что все земли сельскохозяственного назначения должны перейти в пользование трудового земледельческого населения».[62] Вот, так сказать, тот лозунг, под которым должны вестись все дальнейшие работы в земельном комитете, работы подготовительные к Учредительному собранию. Это собственно самый корень и самое существо вопроса, и я думаю, что пожалуй это совершенно правильно было провозгласить такой лозунг, потому что, по моему личному мнению, другого оборота дело принять не может, и если только он внесет известного рода успокоение, если он нас избавит от всяких самочинных захватов в расчете на то, что если теперь не захватишь, то тогда потеряешь, — потом ничего не получишь. Я думаю, что провозглашение такого принципа, по которому будет итти дело, это должно успокоить. Шел вопрос еще о том, как же теперь сделать так, чтобы происходило меньше трений и чтобы при столкновении интересов каких-нибудь крестьянских групп с интересами

владельческими, чтобы все это обходилось без всяких эксцессов, и чтобы вместе с тем это не принимало характера предоставления возможности наиболее предприимчивым и может быть наименее нуждающимся группам населения, пользуясь смутой, забрать в свои руки то, чего им не следует. И тогда был принят такого рода принцип, общеруководящий, что в такое переходное время заведывание всем хозяйством и всеми земельными делами должно перейти в руки земельных комитетов, т. е. совершенно не предрешается вопрос о том, кому принадлежит земля, вопрос о собственности не разрешается — кому она принадлежала, тому и принадлежит, — но если возникают разногласия о том, кто и сколько может посеять своими средствами, кто сколько может сдать земли в аренду, какие земли необходимо обработать, потому что хозяин не может их обработать, все это возлагается на земельные комитеты; и я считаю лично, что это совершенно правильно, потому что во всяком случае совершенно устраняются столкновения и вся острота при столкновениях личных интересов двух договаривающихся сторон, потому что есть все-таки какое-нибудь учреждение третейское, состоящее по закону из представителей той и другой стороны, которое это и решает. Я лично очень приветствую эту меру, потому что она избавила бы всякого хозяина от необходимости входить в непосредственное, личное, чрезвычайно иногда острое столкновение с другой заинтересованной стороной. Гораздо проще предоставить все это земельному комитету, и с благословения его, с его авторитета вы сделаете то, о чем вы с ними договаривались. Вот в общих чертах, что происходило в заседании земельного комитета вчера; сегодня это заседание продолжается; там происходят, заслушиваются всякие доклады о предполагаемой организации делопроизводства при Временном комитете и всякий знакомится со способом приготовления материалов и т. д. Свое сообщение о деятельности земельного комитета закончу тем, чем я и начал, а именно, что я не придаю большого значения деятельности Главного земельного комитета в настоящее время в теперешнем его составе, потому что, я вам повторяю, налицо всего-на-всего четверть того состава земельного комитета, который должен быть по закону, — три четверти с мест не приехало. Голоса страны мы не слышим, и поэтому такие решительные меры, принятые нами и выработанные теперь, если бы они не сошлись с мнениями приехавших с мест — значительного большинства,— они никакого практического значения иметь не будут, так что вся дальнейшая работа может пойти только тогда, когда съедутся члены с мест. В настоящее время предположено продолжать работы не всего Главного комитета, а избрать из него комиссию в составе человек 20 — 25, которые и будут подготавливать материалы уже для Главного совета, для этого Главного земельного совета, когда он соберется в полном составе. Совершенно ясно, что 200 — 300 человек не могут сами себе выработать программу, и для этого необходима более мелкая подготовительная организация; это и создается в виде комиссии в составе 20 — 25 человек, которые займутся подготовкой материала. Вот все, что я имею сказать относительно вчерашнего заседания земельного комитета; затем дальше, продолжение моей речи будет зависеть от вашего желания. Так как я состою представителем Временного комитета в составе Главного земельного комитета, то если вам будет интересно, я бы мог, с раз-

решения председателя, сообщить вам свои взгляды на аграрный вопрос, на способы его разрешения, — те взгляды, которые я там буду проповедывать и буду защищать, — может быть неудачно, но защищать их я во всяком случае буду.

Председатель. Позвольте продолжать Сергею Илиодоровичу. *(Голоса:* «Просим!»*)*

Шидловский I. Я должен начать с признания того, что крупное частновладельческое хозяйство дожило до последних дней, и больше оно существовать у нас не будет. Это мое личное убеждение. Почему оно больше существовать не будет, это вопрос очень широкий и ответ на него вы можете найти во всей предудыщей истории России, в истории всей правительственной политики, и во всем, что мы видели в области земельной, начиная временем до освобождения крестьян, т. е. немного более 50 лет тому назад, а источники этого хранятся глубже. Во всяком случае мое глубокое убеждение, что с этим видом хозяйства приходится расстаться, и может быть были близоруки те, которые не предвидели этого раньше и к числу которых может быть я причисляю и самого себя, потому что делать это в революционное время весьма болезненно для государства. Во всяком случае колесо повернулось, повернуть его иначе нельзя, и на это нужно смотреть совершенно открыто и смело. Для государства это будет вещь очень тяжелая временно. В конце концов все образуется. Создадутся новые формы землевладения и землепользования. Каковы будут эти новые формы? Я вам скажу немного погодя мою точку зрения. Но во всяком случае конечно придется государству пережить очень тяжелое время тогда, когда вследствие перехода значительного количества земли от более высоких культур к культурам низким придется перейти от более урожайных хозяйств к хозяйствам менее урожайным. Все это нужно иметь в виду, со всем этим нужно считаться, но предотвратить это нельзя, потому что требования эти создавались исторически. Я позволю себе сказать, что я в уничтожении частного землевладения различаю две стороны: одну сторону чисто экономическую, а другую сторону — чисто политическую. Политической стороны я коснусь вскользь, потому что политическая сторона в известной степени объясняет то отрицательное отношение к поместному классу, к помещикам, которое создалось в крестьянском населении и в населении деревенском, захватив даже круги гораздо более широкие. Развилось это отрицательное отношение потому, что все землевладельцы причислялись к так называемому правящему классу, совершенно независимо от того, относились ли они положительно или относились отрицательно к тем приемам управления государством, которые у нас существовали до сего времени. Так или иначе, они несут на себе ответственность за последствия этого управления, и в этом отношении нужно сказать, что тот упрек, который мне не раз приходилось слышать по отношению к правящему классу, он находит известное оправдание, когда говорят: «Посмотрите, до чего вы довели страну, вы же были правящим классом». Я не могу не сказать, что действительно мы как класс принадлежали к правящему классу, из которого черпались все агенты власти и который как-никак поддерживал известный строй и поддерживал известное правительство. Конечно из среды того же самого правящего класса были лица, отрицательно относив-

шиеся к правительству, были и такие, которые пали в борьбе с ним. Но так или иначе, это не сняло ответственности с правящего класса, который несет известного рода вину за старый режим. Что касается экономической стороны вопроса, то я держусь следующего мнения: все, кто мало-мальски знаком с земельной статистикой и с статистикой землевладения, в один голос скажут, что все те надежды, которые крестьянское население возлагает на переход в его руки в том или ином виде всех земель, кроме крестьянских, есть громадная иллюзия, и все знают, что в самом благоприятном случае, если все решительно что только есть в России не крестьянского и не трудового землевладения, если все это перейдет в руки крестьян, то получится что-нибудь в роде двух десятин на двор. [63] Это ни для кого не секрет; все, кто занимался цифрами, это знают. Все те, которые жили и до сих пор живут под влиянием этой иллюзии, знают, что вся беда происходит от малоземелья.

Эти две десятины кругом не значат, что в губернии Полтавской, в Рязани, в Тамбовской губернии получат две десятины. Нет, эти две десятины, средние по всей России, там и пермские десятины, есть — Пермская губ. очень малоземельная, десятины подольские, десятины киевские. Это есть средняя арифметическая. Вы ясно понимаете, что если передать эти земли в руки трудящегося крестьянства, то очевидно этот излишек,— он даже прироста населения не покроет. Прирост населения исчисляется 15 на тысячу, и высчитайте тогда, на сколько времени это хватит и через сколько времени крестьяне очутятся совершенно в том же положении, в котором они теперь находятся, если не произойдет изменения в их сознании, этой иллюзии о том, что вся беда происходит от малоземелья. Эта иллюзия настолько сильна в сознании народа, что исключить ее совершенно невозможно, и единственный способ указать на то, что не в этом дело, а что дело в совершенно другом. Дело в неправильном распределении земли между крестьянами, в таком распределении, при котором невозможно пользование всеми природными силами земли,— единственный способ выбить из голов эту ложную мысль, что все происходит от малоземелья, это дать произвести этот эксперимент. Вы говорите, в этом дело. Извольте — берите, и вы через несколько лет убедитесь, что не в этом дело. Это мое глубочайшее убеждение, и если бог продлит мне еще веку, еще на несколько лет, я надеюсь дожить до того, когда в народе это убеждение появится. Сейчас создалась психология такая, при которой эту ходячую мысль нельзя выбить, и надо дать попробовать, как надо дать иногда попробовать и взять на язык горькое, чтобы убедиться, что это горькое, а не сладкое. Надо дать сделать — и пусть будет сделано. Пусть будет в этом отношении сделан эксперимент, очень дорогой как для части населения, так и для государства, но по крайней мере может быть он в будущем поставит нас на правильный путь, и в будущем мы будем в этом вопросе земельном, сельскохозяйственном не отвлекаться фантазиями, а обращать внимание на корень дела, а корень дела состоит исключительно в подъеме производительности земли. Я понимаю производительность земли в самом широком смысле слова: нужно, чтобы каждая десятина не только давала максимум того, что она может дать, но чтобы и расположена была так, чтобы ею можно было пользоваться наиболее выгодным образом для хозяина. Заметьте, я очень не

сочувствую мысли, что земля в хозяйстве есть предмет, созданный исключительно для уравнения между обывателями, что земля есть что-то такое, что можно крошить, как лапшу, чтобы каждому досталось одна лапшинка, и все будут говорить: у него одна лапшинка и у меня одна лапшинка. Это иллюзия, это ложная и вредная точка зрения. Земля создана для того, чтобы она действительно могла приносить урожай, чтобы она могла приносить максимум тех ценностей, которые при современных условиях науки и экономической техники она могла бы давать, и чтобы труд земледельца, который к ней применяется, находил бы в ней полное применение и мог бы надлежащим образом и разумным образом оплачиваться. Это есть основная мысль, и как вы ни делайте, какие вы ни провозглашайте теории, какие вы не принимайте принципы национализации, социализации, муниципализации земли, все, что хотите, какие вам угодно нормы ни принимайте,—все-таки земля будет векивечные стремиться вылиться в такие формы, при которых она может дать наибольший урожай и при которых на ней может быть употреблен наиболее производительным образом человеческий труд. Существует очень распространенный взгляд, что земля ничья, земля божья и не может быть ничьей собственностью. Я с этим взглядом совершенно не согласен. Почему? Потому что я понимаю, что земля ничья постольку, поскольку она находится в том состоянии, в каком ее бог создал; следовательно, если вы имеете вековечную непаханную пустошь, вы можете сказать, что то, что на ней растет, это есть доход, который создает божья земля, но с того момента, когда человек вкладывает в нее свой труд, с того момента когда он затрачивает на нее в течение всей своей жизни столько труда, что оценка его становится несомненно выше стоимости того клочка земли, в который он вложен, с этого момента нельзя говорить, что эта земля ничья, ибо пот трудовой лежит в ней и он дает право человеку воспользоваться результатами его труда. *(Голоса:* «Верно!»*)* Следовательно я отрицаю ту точку зрения, что земля не может быть и не должна быть ничьею собственностью. Я понимаю и теоретически и практически, — я другого выхода не вижу, как это не может не показаться странным некоторым из вас в данный момент, — что единственный правильный принцип распределения земли между людьми—это такой, чтобы всякая семья трудовая, занимающаяся земледелием, могла бы полностью использовать свой труд на том участке, который она обрабатывает. Это есть идеал, это есть тот основной принцип, который вы никоим образом не измените, и какие вы ни создадите рамки, у вас всегда природа вещей будет требовать кристаллизации земельных владений именно в такой форме, причем вы не думайте, что я проповедую вам необходимость ежегодных переделов земли, в зависимости от того, прибыл или убыл в семье человек. Нет, я сторонник собственности земельной, я нахожу, что государство должно установить право собственности на землю или, если кому-нибудь не нравится это название «право собственности», — мне оно совершенно не претит, — то установить такой вид бессрочного права пользования, который бы от права собственности отличался только своим названием, потому что из-за того, что я обрабатываю землю и имею такой состав семьи, а через несколько лет этот состав изменился, это не было бы причиной у меня опять отнимать землю; это не есть причина

потому, что опять может измениться состав семьи, ведь человечество увеличивается в конце концов, а не уменьшается, и я опять буду в прежнем составе работать на этой земле. Земля — не колода карт, которую можно постоянно перетасовывать, ибо к земле в доброе старое время, когда центр тяжести земли лежал в ее плодородности, тогда мало надо было прилагать труда, чтобы земля приносила доход. Но теперь земля становится менее плодородна и больше и больше требует человеческого труда, и если только тогда, когда хозяин вложит в свою землю все, что может, не только в смысле труда, но и в смысле капиталов, тогда он знает, что это не на известный срок он делает, а делает это для себя и для своих потомков, только при этих условиях он будет трудиться до последнего* и только при этих условиях земля в его руках даст максимум того, что может дать. Я полагаю, что эта точка зрения есть единственная, — она не подходит ни под одно из существующих учений; однако меня не то заботит, чтобы подойти под какую-нибудь программу, но я предполагаю, что как-никак я без малого шесть десятков прожил на свете и большую часть этого времени прожил в деревне и всегда возился с землей, — я думаю, что такое отношение к земле, как я теперь объясняю, должно быть у каждого сельского хозяина, у каждого землевладельца, потому что только при таком отношении он будет в состоянии сделать из нее ценность и в пользу государства и в свою, он будет в состоянии развить максимум ее производительности. Не думайте, господа, чтобы я был настолько наивен, что я стал бы вам проповедывать теперь, что собственность в нынешнее время есть что-то такое нерушимое, знаменующее полную свободу проявления этого права собственности в каких угодно областях. Это время, господа, мы пережили, и теперь не только в земельном вопросе, а и во всякой другой области право собственности бесконечным нигде не является: оно везде подвергается ограничению, как со стороны государства, так и со стороны всяких общественных организаций. Вы не можете допустить, чтобы вы купили на основании свободного и бесконечного права собственности какой-нибудь драгоценный участок среди города, снесли бы все дома, которые там стоят, и там бы сделали, ну, не знаю что, какую-нибудь свалку,— нет, свалка—это неудачный пример, потому что этого нельзя в санитарном отношении,—ну сделали бы совершенно бесполезную вещь, сделали бы так, что вам в голову придет, — вам этого сделать не дадут. Так же точно я, отстаивая принцип частной собственности на землю, говорю, что государством должна быть ограждена в стране частная собственность на землю в пределе трудовом. Я утверждаю, что она будет свободная до тех пор, пока носит трудовой характер и пока она не перешла в характер рентный, эксплоатационный, потому что если бы вы установили полную свободу, то в таком случае вы бы мне или любому миллионеру, к которым я не принадлежу, дали бы возможность купить трудовые участки и таким образом образовать какие угодно латифундии; этого не может быть, и государство к этому не может относиться равнодушно, государство должно налагать известного рода ограничения на те самые земельные имущества, о которых в настоящее время идет речь. Теперь, переходя от этих общих положе-

* Так в подлиннике.

ний к осуществлению аграрной реформы, я думаю, что я не ошибусь, если скажу, что аграрной реформы сделать сразу нельзя; ее нужно поставить себе известной задачей, известной целью, и к этому итти, не теряя времени, раз у вас задача стоит ясно и определенно. Но даже самый быстрый ход в этом отношении несомненно займет очень много времени. Если вы зададитесь целью например произвести размежевание тех земель, которые должны поступить в пользу трудящегося сельского населения, то вы знаете, что если считать налицо у себя на приход все существующие землемерные силы, все выпуски, имеющие быть в течение ближайших 15 лет во всех землемерных училищах, и если все эти силы будут сидеть исключительно над землемерными работами, то едва ли они кончат в течение 15 лет, просто размежевания не успеют сделать. Этого забывать не нужно. И поэтому совершенно естественно напрашивается известного рода чрезвычайно неблагодарная вещь — призыв к терпению: никто ничего взять не хочет; Учредительное собрание решит, каким образом должен быть решен аграрный вопрос. Но фактически вы этого сделать не можете, так же как вы не можете на своих двух ногах пробежать 15 верст в час, так вы и не можете в один год сделать это теми наличными силами, которые у вас есть. Но в аграрном вопросе есть одна самая страшная сторона, которая меня ужасно беспокоит,— это не дело исчезновения частного землевладения,— как это ни тяжело, но с этим приходится мириться.* Меня гораздо больше пугает распределение земли: взять не штука, но как между собой будут делить эту землю крестьяне? Ведь ни для кого не секрет, ведь не одни малоземельные, есть и безземельные крестьяне. Не одни они стремятся получить землю, а стремится ее получить всякий в соседстве частного владения более крупного, чем у него, а это немыслимо сделать; вы знаете из цифр, которые не буду теперь приводить потому, что это только загромождает голову, но поверьте, я когда-то их говорил в третьей Думе, [64] и вы их найдете, и я рекомендую вам целый ряд статей чрезвычайно интересных и очень толково написанных по поводу земельной реформы. Это в «Известиях Совета рабочих депутатов». [65] Там был целый ряд фельетонов, написанных человеком очень осведомленным, который дает вам все цифры, которые в конце концов дают максимум две десятины на двор. Так я боюсь вот чего. Так как, по моему мнению, у крестьян существует убеждение, что если всю землю отобрать у всех и им отдать, то тогда каким-то образом у него, в ближайшем его соседстве по крайней мере, очутится какая-то прибавка, довольно значительная, а на самом же деле этой прибавки у него не очутится. Большинство крестьян, особенно те, которые имеют в настоящее время выше среднего надела во всей России, они не получат прибавки, на них не хватит, и вы думаете, что если обнаружится, что этой прибавки они не получат, то они на этом успокоятся? Нет, они будут считать, что где то кто-то поступил неправильно, и они будут отыскивать эту землю, и вот этих-то поисков, этой неправильности я страшно боюсь, потому что я убежденно говорю, что земли для удовлетворения крестьянских вожделений и аппетитов в пределах Европейской России не хватит, ибо территории Российской империи для этого недостаточно, не хватит

* Так в подлиннике.

даже, если присоединить сюда и Сибирь. Ведь я знаю местности, и не думайте, что плохие, а очень хорошие местности, как например в Воронежской губернии мой черноземный уезд Валуйский, в котором есть целые волости, имеющие по 17 десятин на наличную душу, и в пределах этих волостей нигде не было ни одной борозды помещичьей земли, а все государственных крестьян, — и вот в таких-то местах все они мечтают о прирезках, и таких мест много. Это я вам привел особо высокую обеспеченность, но я вам приведу больше, я вам приведу тех крестьян, которые еще живут без избытка. Я живу в деревне, у меня никакого нет села, мой хутор в чистом поле, но у деда моего были крепостные, которые когда-то выезжали работать на эту землю. Они имеют в настоящую минуту 7 десятин на наличную душу, все остальное — государственные крестьяне, которые имеют около $1^1/_2$ дес. на душу. И как вы думаете, кто в данное время предъявляет права на эти земли? Очевидно те, у кого 7 десятин на душу, потому что они говорят, что имеют особые права на эту землю. Это несправедливо, и никогда государство на это не пойдет, не может пойти и не пойдет. И вчера, когда мы обсуждали этот вопрос, то в той формуле, которую я вам прочел и о которой вероятно вы прочтете завтра в газетах, как здесь верно говорили, — там было сказано, что земельные вопросы должны разрешаться не в пользу одной какой-нибудь стороны, а с точки зрения государственной. Так представьте себе, что с точки зрения государственной будет правильнее придавать землю малоземельным. и безземельным, а не давать землю тем, кто имеет только привилегию соседства с известным участком. Во всяком случае я считал бы величайшей ошибкой и больше даже — величайшим преступлением, если бы к земле, которая как-никак представляет из себя ценность, если бы к ней относились, как я выразился, может быть неудачно, как к какому-то тесту, из которого режут лапшу, чтобы стали затыкать ею, чтобы у всех было поровну, и тогда каждому не на чем будет работать. Что же, правильно это будет или нет? И вы должны твердо помнить и верить одному, что наша территория, особенно без аннексий, теперь всегда будет одинакова, а может быть даже что-нибудь и потеряет из своих пределов, а население на ней будет постоянно расти. И если вы поставите такую задачу, чтобы вечно растущее население вечно могло бы заниматься земледелием на вечно остающейся неизменной земле, вы поймете, что фактически этого быть не может. В действительности производительность земли увеличивается, но она не угонится за ростом населения, она не может за этим угнаться, потому что как-никак рост сельского населения идет впереди другого, и мечтать о том, чтобы все сельское население могло остаться на земле и веки-вечные там хозяйничать, это будет в лучшем случае потеря труда совершенно непроизводительная. Позвольте вам, сельским хозяевам, и особенно крестьянам задать следующий вопрос: хозяйство ведь вести без лошади нельзя? Допустим, что вы на лошади можете обрабатывать, глядя по местности, 3-4 десятины на одну лошадь. Если у вас одна десятина, вам без лошади тоже нельзя и вы держите лошадь при одной десятине. Теперь кто же стоит в более выгодном положении — имеющий лошадь на 1 десятину или лошадь на 4 десятины? Конечно, имеющий одну лошадь на 4 десятины, потому что та же лошадь обрабатывает 4 десятины, а кормить ее все

равно нужно. Это вам доказательство того, что неправильно будет стремиться к установлению такого хозяйства, при котором можно было бы сказать — все равны, у всех ничего нет, у всех, скажем, по полкобылы. Это неправильно, потому что и хлеба не будет, и он будет обходиться очень дорого. Поэтому я заканчиваю свое сообщение (очень вам благодарен, что вы дали мне возможность это высказать) тем, что нельзя землю признавать общею, созданной специально для уравнения всех, потому что вы тогда сведете ее на-нет и вы можете всех уравнять только в нищете. И вместе с тем мое личное мнение, что право собственности на землю ничего из себя не представляет преступного и есть совершенно естественная вещь постольку, поскольку в землю вкладывается капитал и труд человеческий. И эти два положения, господа, я защищал всю свою жизнь и буду защищать и теперь, а потом, как вам угодно будет судить.

Караваев. Позвольте узнать, какая разница — национализация и социализация земли?

Шидловский I. Я понимаю так: национализация земли — это есть признание земли собственностью всего народа, а социализация земли — это есть признание земли собственностью социальных групп, социальных единиц.

[Далее следует выступление М. В. Родзянко, который говорит, что было бы весьма желательным, если бы результатом доклада С. И. Шидловского явилась формула, подкрепляющая решение Центрального земельного комитета. Слово предоставляется В. А. Степанову.]

Степанов. Господа члены Государственной думы! Я прежде всего очень извиняюсь, что я пришел сюда без всякого доклада. Я не присутствовал на докладе А. А. Бубликова и очень об этом сожалею, но позвольте мне, идя навстречу пожеланию, высказанному М. В. Родзянко, в кратких словах ознакомить вас с тем, что в настоящее время происходит в этой области, и в частности по вопросу о той задаче, которая сейчас находится на разрешении Временного правительства в этой создавшейся коллизии; в связи с этой задачей мы сейчас стоим перед разрешением другого конкретного вопроса, вопроса о попытке согласовать совершенно противоположные требования, которые предъявляются с одной стороны рабочими нашего юга в области не только горной промышленности, но и металлургии и машиностроения, а с другой стороны — представителями предприятий в этой области. Вероятно вам всем известно и по газетам, что несколько времени тому назад промышленники юга России во главе с Н. Н. Кутлером обратились к Временному правительству и заявили, что требования, предъявленные рабочими относительно повышения заработной платы, ставят промышленность совершенно в безвыходное положение и что удовлетворение этих требований не только поглотило бы все прибыли в промышленных предприятиях, не только сделало бы невозможным какие-либо отчисления в запасный и основной капиталы на погашение и т. д., но не хватило бы совсем для оплаты этих заработных плат, без повышения и притом весьма значительного повышения цен на изделия этой промышленности.[66] Требования рабочих были уже предъявлены в марте месяце и в основу этих требований была положена как минимум заработная плата рабочим в 2 руб. 50 коп. На конференции, которая имела место в Харькове, промышленность пошла на удовлетворение этих требова-

ний. С 1 апреля введены были новые расценки, и эти новые расценки характеризуются увеличением заработной платы в общем на 90% против того, что было раньше. При этих расценках продажные цены на каменный уголь, которые лежат в основе всех остальных промышленностей, уже оказываются недостаточными и приходится итти на повышение этих цен. Но вслед за этим соглашением, как говорят промышленники, или вслед за этой временной уступкой, как говорят рабочие, — так как они отрицают, чтобы в конце марта и на 1 апреля состоялось соглашение, а что они только временно приняли эти нормы, с тем чтобы разработать свои дальнейшие требования, — но, как бы то ни было, вслед за этим появились на сцену новые требования, предъявленные рабочими. На конференции рабочих, которая имела место в Харькове, а равно и на подготовляющихся в других местах было установлено, что создавшиеся условия жизни вызывают необходимость установления наименьшей заработной платы в 4 рубля. Если принять эту цифру в 4 рубля и соответственно повысить скалу расценок других, то средний заработок оказывается в 8 руб. 50 коп. приблизительно, — я боюсь сказать точную цифру, но около 8 руб. 50 коп. на рабочего, включая сюда всех, стало быть и квалифицированных рабочих, получающих больше, и включая и чернорабочих, женщин, подростков и т. д. Это будет средняя заработная плата 8 руб. 35 коп. или 8 руб. 50 коп., при минимуме в 4 рубля. Такое повышение заработной платы выразилось бы в 220% и при подсчете, который был представлен рабочими и который был сделан на основании данных, хотя не всех конечно предприятий, так скоро этого сделать было нельзя, но по отношению к каменноугольным, т. е. к тем предприятиям, которые в общей сложности добывают до 90% всей добычи, и вот при этом оказалось, что удовлетворение такого требования выразилось бы, я говорю, при пропорциональном повышении всех расценок в цене каменного угля на месте в Донецком бассейне почти 60 копеек пуд — 59,9 копейки. Когда такое требование было предъявлено промышленникам, то они заявили, что они считают для себя невозможным дать какой-либо на эти требования ответ, так как если бы соответственным образом цена была повышена до этого уровня, т. е. до 60 копеек, то они заявили, что они готовы отказаться на это тяжелое время от всяких прибылей, готовы даже не делать отчислений на погашение и принять ту цену, которая соответствовала бы только их расходам вот с этой заработной платой, — то и в таком случае они не считают себя в праве дать какой бы то ни было ответ, считая, что это прежде всего задача Временного правительства, так как это касается интересов не их только, а интересов того населения, которое будет оплачивать уголь по 60 копеек пуд и следовательно будет иметь все изделия промышленности, ибо по всем изделиям входит топливо, по соответственно повышенным ценам. Таким образом соглашения на месте по этому вопросу не произошло. Представители промышленников юга России, четырех главнейших отраслей, там есть и другие, каменноугольно-антрацитовой промышленности, железорудной металлургии и машиностроения и обработки металлов, приехали сюда. Приехали сюда и представители Харьковской конференции рабочих. Я два дня принимал участие в обсуждении этого вопроса. Выяснилось, что точки зрения совершенно непри-

емлемые и согласить их чрезвычайно трудно: они просто исходят из разных принципов. Промышленники предъявили цифры, которые они называют объективными, заявляя полную готовность предъявить тем органам, каким бы то ни было, каким угодно, какие будут назначены правительством, эти цифры для проверки по книгам, по документам, ручаются за правильность этих цифр в пределах возможных погрешностей, ошибок, не выходящих за пределы нескольких процентов, и говорят, что — вот объективные цифры, — пусть правительство решает, может ли оно итти на это или нет. Рабочие прежде всего подвергают сомнению эти цифры и заявляют, что прибыльность предприятия горной промышленности так велика, что это увеличение заработной платы легко может быть покрыто из этого источника без повышения цен на изделия; наконец, что если бы это было не так, то те прибыли, которые за время войны уже получены промышленностью, конечно с избытком покроют эти требования рабочих и наконец последнее, что они говорят, что они вовсе не требуют средней заработной платы, вот эти 8 /2 рублей, что они не заинтересованы в удовлетворении интересов аристократии рабочего класса, тех, кто там получает 10—15—20 рублей свыше заработной платы в день, что они заботятся лишь об установлении известного прожиточного минимума и вот на нем настаивают. На это возражения были разного рода со стороны промышленности. Ну относительно верности этих цифр я уже говорил, — они заявляют, что они готовы на всякую проверку, какую угодно, на какую угодно экспертизу, но что эта экспертиза определяла бы невозможность из текущих прибылей что-либо оплатить; наконец, если бы таковые прибыли были, то они готовы от них отказаться или путем установления цены, которая исключала бы эту прибыль, или путем какого угодно обложения в пользу государства. Что же касается спора о том, к чему именно относится расценка, и идет ли речь о заработной плате, это я уже указал—$8^1/_2$ рублей или минимально 4 рубля, то они высказывают очень простое соображение: вы настаиваете только на минимальной заработной плате— 4 рубля и не настаиваете на том, чтобы в высшем уровне рабочего класса было сделано соответствующее повышение. Прекрасно. Но жизнь на этом настаивает, потому что когда уже первое повышение заработной платы, исходившее из прожиточного минимума в 2 рубля, для него была составлена скала, вот именно в том направлении, о котором говорили рабочие, как о возможном, т. е. чтобы это повышение главным образом коснулось хуже оплачиваемых рабочих и менее коснулось хорошо оплачивамых, — при этом получилось, что на каменноугольных копях не оказалось забойщиков, т. е. людей, которые составляют основу всего дела, которые непосредственно отбивают под землею уголь и антрацит, потому что зарабатывать до 6 рублей на поверхности гораздо приятнее, чем получать 7 руб. 50 коп. и работать под землею на отбойке угля; и так как $5^1/_2$—$6^1/_2$ рублей — это цена для самих забойщиков вполне достаточная, то забойщиков и не оказалось. И следовательно, приняв известный минимум 4 рубля, при известной пропорциинальности, приходится скалу все-таки сохранить, ибо иначе нельзя получить тех категорий рабочих, которые для производства необходимы. После двухдневного обсуждения совещание пришло к выводу о необходимости создать здесь предварительную комиссию, и было другое пред-

ложение — создать две комиссии и обе эти комиссии послать на места. Одну — для исследования вопроса о прожиточном минимуме для проверки того, насколько 4 рубля, как наименьшая заработная плата, являются действительно необходимыми и действительно вызываются изменившимися условиями жизни; при этом указывалось на то, что такого прожиточного минимума для всего огромного юга России с его разнообразными условиями не может быть одного, и следовательно это исследование нужно сделать порайонно, и другую комиссию, чисто контрольную, счетного характера, которая проверила бы те данные, представленные промышленниками, которые возбуждают сомнение со стороны рабочих. Рабочие в защите своих интересов были представлены очень сильно, очень искусно, так как от имени рабочих выступал екатеринославский — кажется он частный поверенный — Сандомирский, и затем выступал тоже, если не ошибаюсь, мелкий углепромышленник, но главным образом продавщик угля — Сойфер. Они говорили очень красноречиво и рабочих они повидимому вполне убедили в их правоте; сами же рабочие почти не выступали. В конечном счете было принято предложение об образовании комиссии, для того чтобы, не посылая на места и не затягивая вопроса, сделать попытку разрешить его здесь по данным и документам. Вот эта попытка будет сделана.[67] Сегодня в первый раз эта комиссия, разбившись на секции, собралась и обсуждала имеющийся материал. Что из этого выйдет, сказать конечно очень трудно. Может быть, дай бог, надежда эта оправдается, удастся этой комиссии до чего-нибудь договориться. Некоторые рабочие в частном разговоре говорили, что да, если таково положение, то они готовы уменьшить свои требования, — до какого предела, конечно сказать трудно. Но затем остается очень трудный вопрос: что, если эти делегаты, убедившись в верности цифр, выразят согласие уменьшить требование, будет ли это согласие равносильно отказу от требований тех 800 тысяч рабочих, которых они представляют, и не кончится ли это тем, что они будут лишены мандатов как предатели, изменившие их интересам и не оправдавшие их доверия. Если этого соглашения не произойдет, то придется обратиться к этим двум комиссиям, как к последней попытке попытаться найти выход из этого положения. Но при этом становится другой, также чрезвычайно трудно разрешимый вопрос: так как исследование, особенно при условии посылки на места этой комиссии, вопроса, здесь поставленного, очевидно потребует довольно продолжительного времени, то нужно решить: а что же в течение этого времени надо делать, т. е. сохранить ли старые расценки и если окажется их возможным после обследования комиссии повысить, тогда повысить, причем промышленники заявляют, что не тогда, а с того дня, когда были предъявлены требования, если они справедливы и осуществимы, или то, на чем настаивают рабочие, вот этот минимум 4 рубля ввести с сегодняшнего дня, а впоследствии, если при достигнутом соглашении он окажется чрезмерным, его понизить. Но в этом вопросе тоже соглашения достигнуть очень трудно и разрешить его, разрубить этот гордиев узел придется конечно Временному правительству. Вот та задача, которая стоит перед Временным правительством конкретно по поводу южнорусской горной промышленности; но это только часть задачи, которая сейчас выплыла, а общее положение

таково, что это касается не только южной горной промышленности, но решительно всех областей промышленности.

[Далее Степанов заявляет, что предъявленные требования не соответствуют состоянию промышленности и что единственный залог экономического возрождения России—«напряжение всех производительных сил страны» и что «не может быть допущено ничего, что вело бы промышленность не только к трудно поправимому нарушению, но и к полному разрушению».

В заключение Степанов высказывает сожаление, что во главе министерства торговли и промышленности уже нет Коновалова.]

Председатель. Александр Александрович *(обращаясь к члену Государственной думы Бубликову)*, может быть вы нам скажете дополнительно несколько слов о том, что происходило в Москве.

Бубликов. В Москве на съезде представителей военно-промышленных комитетов главным образом ставился вопрос о преобразовании комитета на новых демократических началах и в этом отношении к известному уровню соглашения пришли, хотя и не без труда, так что в последнюю минуту представители рабочих даже заявили, что они не участвуют. [68] Но несомненно, что те общие вопросы, которые сейчас всю Россию волнуют, также нашли себе отражение на съезде, и непримиримость со взглядом, которую так талантливо изложил Василий Александрович (Степанов), она и там нашла свое выражение. Дело с места не сдвигается. Те пути, которыми можно было бы выйти из положения, пока еще не выясняются, положение остается таким же неопределенным, каким оно было недавно, положение объективное в смысле тех перспектив экономического и технического характера, о которых я имел честь докладывать вам, несомненно идет под гору. Так например я вам докладывал, что количество больных паровозов достигло $22^1/_2\%$, теперь уже перевалило за 25%, и на некоторых дорогах эта цифра достигла уже чудовищной величины 40%, так что ремонт падает несомненно в силу целого ряда причин. Например в мастерских Казанской дороги за первые четыре месяца прошлого года было выпущено из капитального ремонта 23 паровоза, в этом году — 16 и т. д. В области управления путями сообщения в последние дни произошли факты, которые также не могут нас не тревожить: вышли в отставку товарищ министра и начальник управления железных дорог, считая нетерпимым для себя оставаться при создавшемся положении. *(Голоса: «Кто они?»)* Это — Устругов и Шуберский, люди несомненно весьма в этом деле выдающиеся, крупные работники, любящие весьма свое дело, — вышло также тревожное явление, как к нему ни подходите. В области министерства торговли, как вы уже слышали, вышел наш товарищ, министр, в отставку. Теперь уже говорить теми словами, которыми был охарактеризован поступок Гучкова, что это бегство с поля сражения, едва ли можно: очевидно, что есть какая-то крупная болезнь в организме государства, которая заставляет от дела управления государством одного за другим уходить людей, несомненно выдающихся, обладающих рядом талантов, которых никто не отрицает так же, как и знания ими предмета, все это заставляет все с большей и большей тревогой смотреть в будущее.

[В заключение Бубликов говорит, что может быть правы те, которые заявляют, что надо «помогать созданию такой обстановки, при которой народное сознание прозреет и сделать все необходимые выводы», ибо без них «выхода нет и быть не может».]

Председатель. Член Государственной думы Ефремов.

Ефремов.* Господа! Я не финансист и финансовыми вопросами не занимался, но то тревожное время, которое мы переживаем, заставляет и меня просить вашего позволения высказать несколько мыслей по этому вопросу. Я прослушал с большим интересом заявление господина товарища министра торговли и промышленности о том, что Временное правительство считает, что спасение нашего экономического положения возможно только на пути развития в полной мере производительных сил страны, что поэтому оно считает необходимым не допускать такого расстройства промышленности, которое приводило бы к полному разрушению промышленности, разрушению может быть непоправимому. Я думаю, что на этом пути наше доверие, наша поддержка должны быть нашему Временному правительству обеспечены, но вы уже слышали, вы знаете, что трудности чрезвычайно велики, что трудности, стоящие перед правительством, оказались непреодолимыми для нашего товарища А. И. Коновалова...

...Как будто бы в сообщении товарища министра были некоторые ноты, как бы дававшие некоторую надежду на выход из создавшегося положения, но доклад А. А. Бубликова, сделанный на прошлой неделе, все то, что мы слышали: доклад Кутлера на съезде партии народной свободы, речи А. И. Гучкова, А. И. Коновалова и А. А. Бубликова на военно-промышленном съезде в Москве — все это рисует такую ужасающую картину неминуемой почти финансовой катастрофы и общего разорения страны, что заставляет нас самым серьезным образом задуматься над положением. Тот ужас, который может быть неизбежно на нас надвигается, надо осмыслить во всей этой глубине, потому что только тогда мы сможем постараться сделать соответственный вывод и попытаться найти правильные выходы из чрезвычайно трудного положения. Позвольте мне поделиться с вами мыслями, которые возбудил во мне доклад А. А. Бубликова. Мне кажется, что из этого доклада напрашиваются между прочим такие мысли: что если даже не останавливаться на соображениях долга, на соображениях служения государству, на соображениях патриотизма, а остановиться на одном только низменном стимуле личной деятельности, на стимуле эгоизма, на стимуле личного благополучия, то и тогда положение таково, что даже соображения личного благополучия заставляют нас отказаться от видимого упрочения этого благополучия, потому что государству грозит не то ослабление, при котором можно отдельным ловким сильным людям урвать, нажиться, упрочить свое благосостояние, — государству грозит тот полный развал, при котором никому ничего урвать в свою пользу нельзя, потому что вся и все будет разрушено и все будут разорены. Если вы вспомните ту картину, которую рисовал нам так убедительно и обоснованно А. А. Бубликов относительно последствий неумеренных выпусков бумажных денег, от обесценения рубля, то вы согласитесь со мною, что если мы доживем до этого, до чего дожила революционная Франция, когда ассигнации не стоили ничего, если и наши бумажные деньги не будут стоить ничего, то ни о каком, ни о

* Выступление Ефремова дается с некоторыми сокращениями, так как местами оно повторяет речи предыдущих ораторов.

чьем упрочении благополучия говорить будет нельзя. Все ценности будут обесценены, все будут разорены. Такое положение казалось бы заставляет отнестись с величайшей вдумчивостью к тому, что нам предстоит; казалось бы, что если дело так, то в настоящее время нет возможности бессмысленно заботиться о личных барышах, о каком бы то ни было удержании высокой доходности предприятий, даже о неприкосновенности нашего имущества. Сейчас сберечь все вероятно невозможно, и потребуется величайшее напряжение энергии и работы, чтобы сберечь хоть часть и пережить страшный экономический кризис, и только тогда можно выйти к строительству лучшего благополучия нашего государства. Точно так же в это время казалось бы совершенно невозможно, пренебрегая экономическими законами, условиями производства и ценностью производимых товаров, со стороны рабочих предъявлять чрезмерные требования к повышению заработной платы. Как ни необходимо улучшение благосостояния рабочих, но оно не может итти дальше тех пределов, которые ставятся естественными условиями самого производства...

[Затем Ефремов соглашается со Степановым, что повышение заработной платы вызовет необходимость увеличения цен фабрикатов. «Последнее, добавляет Ефремов, при нормировании цен, заставит государство платить разницу, что в свою очередь вызовет увеличение налогов, которые опять-таки падут на население»]

...Если наконец допустить, что промышленность будет разрушена, то ведь это значит, что мы попадем в безысходную экономическую кабалу к иностранному капиталу и будем переплачивать высокие цены на продукты заграничного производства. Вот, в то время, когда положение такое тревожное, то всем классам населения надо над этим вопросом серьезнейшим образом задуматься, надо поставить перед собой вопрос — соответствует ли настоящему моменту какая бы то ни было беспредельная защита своих материальных интересов, а не нужно ли нам сознательно всем пойти на жертву, пережить то трудное переходное время, которое не могло не наступить после колоссального сдвига, происшедшего в последние дни февраля и первые дни марта. Я не позволю себе остановиться подробно на экономической стороне вопроса: тут карты в руки тем, кто этими финансовыми вопросами занимался, но позвольте мне указать, что ряд политических причин создал то трудное положение, в котором мы находимся сейчас. Вся наша предшествовавшая история нас совершено не подготовила к экономической жизни в условиях свободной страны. Мы до сих пор во всех проявлениях даже экономической жизни, наименее поддающихся насильственно полицейской регламентации, смотрели из рук правительства, и здесь не было никогда достаточного простора нашей самодеятельности. И вот теперь, когда мы признали, что правительственный механизм не может, не должен насильственно все регулировать, у самих у нас нет никакого навыка к самодеятельности, к инициативе, к правильному устроению своего дела...

[Далее Ефремов заявляет, что в виду того, что народ еще не освободился от старых предубеждений и не может осознать, что «промышленность не есть дело промышленников, а одна из функций государственной жизни»... «в нем атрофировано»... «чувство меры в своих требованиях и вожделениях».]

...Сейчас тормозится и экономический подъем страны, и разрешение

того финансового кризиса, в котором страна находится, еще и тем, что почти во всей стране существует революционная анархия, от которой в значительной мере зависят затруднения в жизни страны. Я должен констатировать, что к счастью эксцессов чрезвычайно немного, насилий производится действительно к счастью немного в стране, но нельзя и не признать того, что в сущности реальной государственной власти почти что не существует, силы принуждения государство в настоящее время не имеет. Это логический вывод из того, что мы искренно и сознательно желаем свободного государства. Мы не можем больше допустить, чтобы государство было исключительно принудительным союзом и чтобы действия граждан определялись не доводами теразума, а силою принуждения. Как в армии, так и во всей стране теперь все должно основываться на доверии, на моральном авторитете власти. Но этот моральный авторитет должен твердо признаваться...

[«Без самоограничения, без добровольного подчинения, без дисциплинированности не может существовать свободное государство» — говорит далее Ефремов и добавляет, что можно пережить финансовый крах «как неизбежный результат затянувшейся войны...» «но если мы отдадимся классовой борьбе... если мы сами погубим свою промышленность... то это будет более тяжелым бедствием».]

...И поэтому, мне кажется, что теперь нам нужно всемерно углубляться в осмысление того величайшего кризиса, который перед нами стоит, тех величайших опасностей, которые на нас нависли, и всеми силами своего духа, всеми мерами способствовать, чтобы это осмысление проникало во все слои русского населения. В это страшное время спасение может быть только в случае забвения нами личных интересов, личного блага и подчинения личного — общему. Без крупнейших жертв нам не обойтись, и все классы русского населения должны ограничить свои требования и охотно итти на жертвы. Мне кажется поэтому, что прав был А. А. Бубликов в том конкретном предложении, которое он делал, заканчивая свой доклад, и я могу только присоединиться к его предложению о том, чтобы сознательно нам пойти на инициативу значительного, в три, четыре раза, увеличения подоходного налога. Нам, сравнительно имущим классам, надо сознательно и прямо итти на жертвы в настоящее время, и это будет сравнительно небольшая жертва, которая может все же поддержать финансовое положение государства. Надо также делать и другое, надо всемерно пропагандировать заем, который может тоже в значительной мере облегчить, предотвратить дальнейшие чрезмерные выпуски кредитных билетов, а опасность этих выпусков вам была достаточно разъяснена Бубликовым. Оба его предложения я всемерно поддерживаю. *(Рукоплескания)*

Председатель. Член Государственной думы Степанов.

Степанов. Еще два слова. Меня просили во-первых сказать, как я сам смотрю на те цифры, которые характеризуют положение, а во-вторых, какие конкретные меры предполагает принять Временное правительство для разрешения этого трудно разрешимого вопроса. Относительно цифр я могу быть очень краток и сказать вам: по отношению к угольной промышленности например средняя производительность одного рабочего в месяц в Донецком бассейне в настоящее время приблизительно 600 пудов на человека. Это не 600 пудов на забойщика, а на каждого человека, задолженного вообще в угольной промышлен-

ности. Вот, если считать, что после тех прибавок, которые были с первого апреля уже установлены и которые исходили из минимума 2 руб. 50 коп. — это минимум, а не средняя, — продажная цена угля выразилась бы в 30 копеек на пуд. Это составило бы 30 копеек $\times$ 600 = 180 руб. в месяц, это была бы продажная ценность того продукта, который один рабочий произведет. А вот, если взять те 8 руб. 50 коп., которые составят среднюю заработную плату, если будут удовлетворены последние предъявленные требования, то на 25 рабочих дней в месяц это составит 212 руб. 50 коп., а стоимость продукта будет 180 рублей. Вот, я думаю, из сопоставления этих цифр вам станет ясно, что средняя заработная плата в 8 руб. 50 коп. на много превысит возможность иметь уголь за 30 копеек даже при условии, если бы была только заработная плата и никаких других расходов. Если исключить прибыль и даже погашение, то заработная плата примерно составит две трети конечной стоимости продукта. Теперь по второму вопросу, относительно конкретных мер, то, так как вопрос этот разрабатывается еще сейчас и конкретные меры еще не установлены, говорить подробно о них может быть было бы преждевременно, но я скажу, что они планируются в двух направлениях, — и вот из слов Ивана Николаевича я уже вижу, что о них была уже речь, — в двух направлениях: с одной стороны, они должны привести к ограничению прибыли предпринимательской и дальше к извлечению тех прибылей, которые уже раньше были получены, но не тем примитивным способом, о котором я говорил раньше, который в конце концов и неосуществим, а путем усиления ставок подоходного налога, путем введения новой формы обложения, может быть поимущественного обложения, единовременным сбором, словом, целого ряда финансовых мероприятий, которые извлекли бы то, что можно извлечь со стороны имущих классов с одной стороны, а с другой стороны известной принудительной при помощи государства лимитации и заработной платы, государственной регулировки заработной платы, и наконец в третьих, для того чтобы сделать и то и другое, лимитировать и прибыли и заработную плату, необходимо установление какой-то формы государственного контроля над промышленностью. Вот в самых общих чертах, что может быть в этом направлении сделано и что имеется в виду. [69]

[В заключение Степанов вновь выражает сожаление об уходе Коновалова с поста министра торговли и промышленности.]

Председатель. Член Государственной думы Шульгин.

Шульгин. Господа члены Государственной думы, как это ни страшно сказать, но мне кажется, что мы находимся в периоде массового помешательства. Вы, господа, конечно много раз слышали дьявольскую арию, в которой поется: «Сатана там правит бал, люди гибнут за металл». Господа, к сожалению мы гибнем даже не за металл, а за бумажки. В самом деле, посмотрите, господа, что делается. Безусловно какое-то психическое поветрие бежит по стране. Мы только что слышали из доклада В. А. Степанова, в какой собственно плоскости идут рассуждения. Вот люди приходят и говорят: прибавьте нам столько. Им на это возражают: вы остановите предприятие, ваших прибавок не могут предприятия выдержать, а они на это отвечают: вы врете, выдержат. А когда, — это уже не из доклада В. А. Степанова, но вы все это чи-

тали, — когда им на это отвечают: ну, так возьмите предприятие, хозяйничайте сами, они отвечают: нет, господа капиталисты, тут нас не проведешь — предприятие-то мы возьмем, но вас цепочкой к ним прикуем и принудительной повинностью вы будете в этих предприятиях хозяйничать. И эти господа, объявивши свободу стачек, хлебнувши свободы в полной мере, хотят основываться на рабском труде. Вот где мы, во власти какой психологии мы находимся. Господа, причины здесь сложные. Одна причина, я бы сказал, это все-таки значительное невежество в социальных вопросах. Ведь этим людям твердили, бог знает, сколько лет, что все дело в капиталистах, и никто никогда не догадался им сказать, что если все разделить и переделить, то все-таки Россия будет бедная страна и все-таки роскошно жить не придется. Такие простые истины не проповедывались. Их нужно сейчас говорить впервые, как новые открытия. И когда вы это скажете, то вам скажут, что вы буржуй, а потом изменник или еще какой-нибудь соответственный эпитет и, только попробовав сами, начнут понимать, что это так и есть. Это одна причина, а другая причина может быть еще более сложная. Господа, что делалось год или полгода тому назад? Вспомните это бессовестное обирание казны со всех сторон, кто во что горазд. Вспомните, как одиноки были те голоса, которые говорили, что роскошь во время войны недопустима, что стыдно ходить по улицам разодетым до такой степени, как мы это наблюдали. Господа, эти крики остались воплями вопиющих в пустыне. К кому они были обращены? Господа, увы, это была буржуазия и не только буржуазия верхов, это была и демократическая буржуазия. Она в то время переживала, так сказать, свой пир во время чумы. Это какое-то специальное русское бесшабашное учение — хоть день да мой! Вот это и дало свои плоды. Из этого класса это теперь перекочевало в другой социальный класс, это перешло в пролетариат. И сейчас именно в пролетариате наблюдается эта безрассудная жажда бумажек. Слава богу, буржуазия очнулась, я считаю, что она очнулась. Очнутся и рабочие, но очнутся они тогда, когда они изнанку этой медали увидят. А кто им покажет эту изнанку? Господа, эту изнанку им покажет деревня. Я здесь сделал маленький расчет, пока В. А. Степанов говорил. Средний заработок в 8 руб. 50 коп. в день, это выходит около 3 тысяч в год. Вот прибросьте это на крестьянскую мерку, а ведь деревня очень быстро сообразит: чем мы хуже, почему они будут получать 3 тысячи рублей в год, а мы нет? Прибросьте, я говорю, на крестьянскую мерку. Допустим, что среднее крестьянское хозяйство запахивает 6 десятин, считая, что три отходят на пар, и допустим, что оно на десятину получает 70 пудов (я не беру очень мало, это только в южных губерниях можно получить), тогда мы получим 420 пудов, а чтобы за 420 пудов получить 3 тысячи рублей, надо брать по 7 рублей с лишним за пуд. Господа, мы к этому и идем, потому что это жажда обогащения, это забвение обо всем, а мысль только о себе перейдет ниже и перейдет и в деревню. Будут брать и по 10 рублей за пуд, а может быть и выше. И вот тогда те, которые сейчас ни о чем не хотят думать, как только о себе, они увидят изнанку и тогда они может быть почувствуют, как они не правы сейчас. Эта жажда такая неразумная, безрассудная жажда наживы, она должна повидимому обойти все классы

русского населения. И вот, когда эта лихорадка всех перетрясет, тогда получится тот результат, который нужен. Тогда проклянут религию брюха, которая говорит: все возьми себе. Тогда воцарится религия духа, которая говорит: все отдай для государства. Когда эта религия восстановится, тогда начнется спасение России. Тогда увидят, что государство это не есть каприз, это не есть чья-то выдумка, это есть совершенная необходимость. Тогда увидят, что, чтобы спастись каждому отдельному человеку, нужно восстановить общее, т. е. государство. Я утверждаю, что эта религия духа восстановится. Но какими жертвами — этого никто не знает. *(Рукоплескания и голоса:* «Браво».)

Председатель. Член Государственной думы Кринский.

Кринский. Я, господа, не хотел совершенно говорить, потому что я считаю, что мое выступление в данное время совершенно несвоевременно. По тем убеждениям политическим, которые я исповедую, я считаю, что сейчас мне нельзя палец о палец ударить, чтобы чем-нибудь помочь, но во мне говорит другое, во мне говорит экономист, во мне говорит человек, посвятивший 26 лет изучению вопросов экономических и финансовых. И вот этот дух человека, ну, не науки, потому что у нас людьми науки признаются только те, которые имеют известную печать, диплом, а я не дипломирован, но вот этот дух во мне говорит. 5 лет я состою в Государственной думе и 5 лет, когда я слышал обсуждение серьезных финансовых и экономических вопросов, мне всегда делалось смешно. Мне было смешно и 10 лет тому назад, когда все восхищались министром Коковцовым, я всем и каждому говорил фразу, за которую меня может быть считали тогда очень глупым, — я говорил, что к Коковцову применимо мнение, высказанное Бисмарком о Наполеоне III, что это большая, но пока никем не признанная бездарность. Когда глубокоуважаемый покойник Михаил Мартынович Алексеенко с кафедры сказал историческую фразу, что мы дали вам хорошие финансы, так дайте нам хорошую политику, я засмеялся, и когда мой сосед по креслу, кажется Павел Николаевич Крупенский, спросил: чего вы смеетесь? я ему сказал: что я сегодня из авторитетного источника услышал самую большую глупость, которую я когда-либо слышал...[70]

[Далее Кринский говорит, что «падение покупной способности рубля лежит не в том, что выпущена бездна кредиток, а в том, что существует недостаток товаров... создание же товаров... невозможно, потому что производительность труда пала, требования рабочих чрезмерны».]

...Правильно сказал В. А. Степанов, что как меру необходимо установить предел оплаты труда. Но разве это сейчас возможно? Где те люди, которые этот предел установят, где те рабочие, которые послушают эту власть? Аппетиты их беспредельны, а анархия сейчас существует, приходится считаться с тем, что никаких мер принуждения или установления предела аппетитам рабочих сейчас создать невозможно. Тогда является вопрос — что же делать? И в этом случае я согласен с тем товарищем министра, который сказал: поставить два лишних станка. Да, поставьте два лишних станка для печатания денег и вы получите единственную возможность удовлетворения государственных потребностей, потому что увеличить товар сейчас вы не в силах. Казалось бы, что тогда 12 миллиардов денег, выпущенных в страну по реализации

займа, хотя бы в 3 миллиарда, представлялось бы делом чрезвычайно легким, в особенности, если предположить, что существует избыток денег в стране, но ведь вы его реализовать не можете. Значит во-первых не существует избытка денег в стране, а во-вторых вы совершенно неправильно смешиваете понятие о монетной единице и капитале. Для реализации займа нужен капитал, а не денежные единицы. Реализовать заем можно, имея всего 2 миллиарда выпущенных денег в страну, в 3 миллиарда, и обратно — миллиард реализовать 3-миллиардного займа, имея на 12 миллиардов выпущенных единиц...

[Затем Кринский приводит примеры из экономической истории Германии до войны, взятые из работ Шмоллера.]

...Мое мнение, что экономическая разруха теперешняя долго продолжаться не будет в состоянии. Вы знаете, что всякое политическое движение имеет в своем основании исключительно экономическую подкладку. И вот, как экономическая подкладка дала в результате тот сдвиг, то революционное движение, которое мы пережили сейчас в России, та самая экономическая подкладка, та самая разруха временная в промышленности и финансах даст обратные результаты, она восстановит порядок в государстве. Опять говорят популярным языком; а я вам скажу просто, что она разделит интересы различных классов, она разобщит эти классы, она заставит классы, не буржуазию и рабочих, которые сами по себе представляют незначительное количество населения России, а громадные массы крестьянства, она заставит их враждовать друг с другом, и исстрадавшееся, измучившееся население в России, изголодавшееся, не обутое, не одетое, оно завопит: дайте нам власть! И этого момента недолго ждать. Вы поймете сами, что крестьяне скажут: дайте мне коленкору, дайте мне кумачу, дайте мне полотна, дайте мне его дешево. А рабочие скажут: дайте мне хлеба, дайте мне муки, дайте мне мяса и дайте мне его дешево. Если же он этого не получит, то рабочий не даст дешево своего труда, крестьянин не даст дешево своего хлеба. Получается между ними такой конфликт, что из этого неизбежен общий крик: дайте власть, которая могла бы установить этот порядок. И это, опять я вам говорю, это наступит чрезвычайно скоро. Сейчас какие-нибудь меры для поддержания и укрепления нашей промышленности, нашего сельского хозяйства принять невозможно, ибо, когда нет власти, которая могла бы эти меры принять, эти меры будут всеми совершенно игнорированы, эти приказы, эти повеления никем неисполняемы и не приведут ни к каким результатам. Восстановить благополучие промышленности, благополучие наших финансов, поверьте мне, можно в один год, а паллиатив, меру финансовую, для того чтобы этот год просуществовать, можно принять в 24 часа. Но это тогда будет можно принять и тогда я о ней буду говорить, когда эта власть восстановится. До этого момента это безнадежно. *(Рукоплескания.)*

Председатель. По поводу сообщения С. И. Шидловского позвольте предложить следующую резолюцию: «Частное совещание членов Государственной думы, заслушав сообщение члена думы С. И. Шидловского о начале работ Центрального земельного комитета и проект резолюции первого его заседания, признает, что земельная реформа может быть проведена только Учредительным собранием, ибо

только Учредительное собрание будет достаточно авторитетно, чтобы решение его было принято всеми беспрекословно. Всякие попытки присвоить себе в этом вопросе права Учредительного собрания со стороны какого бы то ни было учреждения вызовут в стране смуту. Всякие же попытки разрешить земельную реформу захватным путем, самовольно или насильственно, приведут к бесконечным спорам, несогласиям и даже к междоусобным стычкам. Последствием такой неурядицы будет значительный недобор урожая и даже голод. В переживаемое трудное время, когда спокойная работа в сельскохозяйственной области насущно необходима для обепечения как нужд армии, так и населения пищевыми продуктами, Государственная дума призывает всех сельских обывателей воздержаться впредь до решения Учредительного собрания от каких бы то ни было насильственных действий». Угодно так признать? *(Голоса:* «Просим!»*)* Член Государственной думы Крупенский.

К р у п е н с к и й 2. Я хочу внести следующее предложение по поводу резолюции. В России утверждено то право собственности, которое до сих пор существовало. Казалось бы, что оно нерушимо до Учредительного собрания. Кто будет нарушать его, тот будет отвечать. Вместо того чтобы заниматься идеологией собственности, что очень интересно, но не совсем практично, лучше перейти к другим вопросам, к образованию земельного фонда, и подумать о том, как они будут распределять землю так или иначе, а не говорить громкие фразы о том, как население должно относиться. Оно это само знает великолепно и без того; как теперь делает, так и будет делать до тех пор, пока ему не скажут, что можно делать и чего нельзя. Призывы до сих пор ни к чему не привели.

П р е д с е д а т е л ь. Член Государственной думы Шульгин.

Ш у л ь г и н. Что касается собственности, т. е. в том смысле, что все должно оставаться попрежнему до Учредительного собрания, для того чтобы не было разрухи в стране, то мне кажется, что эта мысль указана здесь, а что касается предложения, чтобы нам перейти к обсуждению или, как вы изволили сказать, к установлению фонда вообще, и к обсуждению, как это устроить, то я бы сказал, что мы не имеем на это сейчас никакого основания, потому что мы все-таки частное совещание и законодательных функций себе не присваиваем. Я думаю, что в особенности ввиду того, что есть для этого другое учреждение, нам не следовало бы итти этим путем.

П р е д с е д а т е л ь. Позвольте указать еще более ярко. Раз говорится в резолюции, что ни о каком захвате не может быть и речи, то этим самым утверждается право собственности. Деталируя эту мысль, мы зашли бы в редакционные дебри. Позвольте считать резолюцию принятой и собрание закрытым.

(Заседание закрывается в 5 ч. дня.)

27 мая 1917 г.

(Заседание открывается в 2 ч. 36 м. дня под председательством М. В. Родзянко.)

[Слово предоставляется Манькову, вернувшемуся из поездки по Западному фронту (3-я армия), и затем священнику Рудичу, посетившему 10-ю армию.

«В вопросе о наступлении,—говорит Маньков,—можно различать три категории людей. Одна категория, хотя и немногочисленная, говорит: будем наступать без

всяких условий. Ко второй категории относятся лица, которые говорят: мы будем наступать, но при условии хорошей артиллерийской подготовки... Третья категория говорит, что они вообще наступать не будут». «Наступление возможно, — продолжает Маньков, — только при двух условиях: если с одной стороны будет пополнена артиллерия и с другой стороны, если состав армии будет пополнен свежими войсками». Далее он читает письмо, полученное им от офицера Ахтырского полка, в котором последний пишет, что «запасные полки в настоящее время не выполняют своей прямой задачи — питать фронт маршевыми ротами». В 291-м запасном полку (г. Опочка, Псковской губ.), — пишет офицер, — имеется лишних более 400 унтерофицеров и 40 офицеров, которые занимаются только «устройством семейных вечеров, спектаклей и т. д.»

В своем выступлении Маньков сообщает также о фактах, изложенных в его телеграмме с фронта (от 10/v 1917 г.) М. В. Родзянко. (Телеграмма опубликована в книге «Разложение армии в 1917 г.». М. — Л. Гос. Изд. (Центрархив), 1925, стр. 57.)

Рудич сообщает, что отпущенные на полевые работы сорокалетние не возвращаются в срок, так как есть распоряжение Петроградской секции Совета рабочих депутатов о продлении им отпуска. В тыловых частях, где сорокалетних 80% — их некем заменить. Слово получает Пепеляев.]

Пепеляев. Ночью 1 марта мне позвонил по телефону П. Н. Милюков и от имени Временного комитета Государственной думы предложил выехать в Кронштадт, чтобы выяснить его положение. Я согласился и предложил ехать вместе с собой члену Государственной думы Таскину. В 7 часов утра мы выехали по железной дороге в Ораниенбаум, а оттуда по льду в Кронштадт. В Ораниенбауме вокзал был пуст; часть города ночью сгорела, по улицам бродили толпы солдат; шла беспорядочная стрельба, — вот, что мы нашли в Ораниенбауме. Подъехав к Кронштадту, мы прежде всего встретили вооруженный патруль, от которого узнали, что власть Кронштадта находится в руках солдат и матросов, что комендант крепости арестован, что главный командир порта адмирал Вирен убит, что никакой власти в Кронштадте нет.[71] Узнав, что мы члены Государственной думы, они изъявили желание с нами поговорить и предложили нам объехать все или какие мы сможем части и морские команды. К нам скоро стали стекаться солдаты, матросы, рабочие и тоже просили объяснить им то, что происходит в Петрограде, поехать на митинги, которые готовились днем, и объехать части. Мы поехали во 2-й Пехотный крепостной полк, в морскую школу, в 1-й Балтийский экипаж. Везде мы сообщали о случившемся в Петрограде перевороте, просили сохранить порядок и спокойствие и ждать распоряжений из Петрограда. В 1-м Балтийском экипаже мы посетили арестованных офицеров. Офицеры заявили, что они приветствуют переворот и просили скорее выяснить их положение. Мы начали с ними беседовать. Однако скоро подошли к нам матросы и сказали, что матросы на улице очень волнуются по поводу того, что депутаты беседуют с арестованными офицерами. Мы вскоре прекратили беседу. Нас пригласили в одно из помещений экипажа, где потребовали объяснения, кто мы такие, и почему мы прежде всего навестили арестованных офицеров. Разъяснение им было дано и встречено было доверчиво. Затем нам сказали, что тут же среди нас находятся делегаты, которые должны ехать в Государственную думу, чтобы получить указания, что делать дальше. Положение в Кронштадте для нас было уже ясно. Поэтому мы вместе с этой делегацией отправились в Петроград. Но в Ораниенбауме задержались. Нужно было, по просьбе начальника гарнизона, обратиться к солдатам с призывом, с которым

мы обращались в Кронштадте, и затем только к вечеру мы прибыли в Таврический дворец. Здесь мы сделали сообщение отдельным членам Временного комитета Государственной думы и затем более подробный доклад А. И. Гучкову, у которого я был вместе с делегатами из Кронштадта. По мнению моему, и особенно делегаты на этом настаивали, необходимо было как можно скорее назначить именем Государственной думы в Кронштадте коменданта. Делегаты обратили внимание А. И. Гучкова, что военного коменданта кронштадтцы не примут, и лучше, если бы был назначен кто-нибудь из членов Государственной думы. Гучков предложил занять эту должность мне. Я посоветовался с Милюковым. Павел Николаевич сказал, что время такое, что нужно приносить себя в жертву. Тогда я сказал, что согласен. Мы условились с делегатами, что они приедут на другой день в 12 часов и мы вместе поедем в Кронштадт. Однако в 12 часов они не приехали. Вы знаете, что 2-е число ушло на переговоры с Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов. Только ночью 3 марта Временное правительство подписало приказ о моем назначении комиссаром Временного правительства в Кронштадт на правах командира порта. Такая формулировка моих полномочий была более удобна для меня и давала возможность сразу же в Кронштадте поднять вопрос о назначении коменданта крепости. 3-го числа я прибыл в Кронштадт. Одновременно со мной прибыл туда же представитель Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов Виккер. Я прежде всего явился в комитет, который там образовался за это время, и в комитете призывал к тому же, к чему мы с Таскиным призывали отдельные воинские части. Затем под моим председательством состоялось заседание так называемого совета десяти, выделенного комитетом движения. [72] Здесь Виккер предложил очевидно на основании указаний, полученных от Совета рабочих и солдатских депутатов, проект организации гарнизона в Кронштадте. Основания этого проекта были следующие: выборность начальников, взаимоотношения между начальниками и комиссаром Временного правительства должны основываться на согласованности их действий. Кронштадт находился в таком положении, что с выборностью необходимо было согласоваться, ибо никого они бы не признали по назначению из Петрограда. Что же касается второго принципа, то я настойчиво против него возражал и настаивал на том, чтобы было сказано, что начальники воинских частей подчиняются комиссару Временного правительства до назначения коменданта; но мои настояния привели только к тому, что было принято компромиссное решение: было сказано, что начальники частей руководствуются указаниями комиссара Временного правительства. После этого я объехал город, обращался снова к солдатам, которых встречал на улицах, и к гражданам. Внешний порядок в Кронштадте ничем не нарушался. После этого я отдал приказ о вступлении в управление Кронштадтом. Так окончился первый день. К вечеру начали распространяться тревожные слухи: так мне доложили, что с портов звонят по телефону и спрашивают, что делать, если появится аэроплан. Я сказал, чтобы стрельбы не открывали, потому что она может — при безнадежности ночью попасть в аэроплан — вызвать панику. Ночь прошла очень тревожно. В 3 часа ночи ко мне в комнату вбежал офицер 1-го Кронштадтского полуэкипажа и сообщил, что полуэкипаж чрезвычайно

взволнован во-первых распоряжением отправить 80 человек на Лисий Нос в качестве патруля — матросы отказываются итти, и затем прибыли в полуэкипаж неизвестные люди, призывы которых могут вызвать эксцессы по отношению к офицерам и даже привести к общей резне в Кронштадте. Я распорядился вызвать к себе делегатов 1-го полуэкипажа, с которыми инцидент относительно посылки патруля быстро был улажен. Затем я просил позвать к себе и этих неизвестных людей. Они пришли утром в 7 часов. Их было 6 человек. 4 назвались р а б о ч и м и Совета рабочих депутатов Выборгской стороны, * один одет в морскую форму, один — солдатом. [73] Последнего я видел потом в самых разнообразных костюмах. Они возмущались порядками у нас. Начали с того, что говорили: да ведь у вас здесь никакой революции нет, во всем прежний режим, — нас на улицах останавливают, существует цензура писем и т. д. Потрясали речью Милюкова в Екатерининском зале, затем показывали газеты, где были белые места, что, по их мнению, свидетельствовало о восстановлении цензуры. Я начал с ними говорить и убеждал их не производить в Кронштадте волнений, но конечно подействовать на них я не мог. Беседа наша продолжалась 7 часов. После этого они спохватились, что могли бы провести время более продуктивно, и ушли. Я понял из этой беседы, что бороться с ними можно только, пригласив из Петроградского совета солдатских и рабочих депутатов более умеренные силы, которые могли бы убедить в наличности соглашения с Временным правительством и призвать не верить опасным призывам. В этот же день у меня перебывали представители всех почти правительственных учреждений и из беседы с ними я увидел, что весь механизм управления в Кронштадте разрушен. Хозяином положения, вернее, настроения был Комитет движения. Непосредственно порядками в г. Кронштадте заведывал комендант этого Комитета, выбранный им. Не было коменданта крепости, не было главного командира порта, военного губернатора, и мне предстояло в своем лице совместить все эти должности. Штаб крепости, штаб порта, портовая контора, управление отдельными воинскими частями, крепостной контроль, портовые мастерские остановились. Работали только почта и телеграф. Нужно было выяснить сразу же, какие из секретных документов целы, какие пропали, и начать где возможно работу, дабы не останавливать производства самых необходимых дел и вещей. Городская дума было полупарализована. Нескольким опытным писарям я предложил организовать при себе канцелярию. Всю корреспонденцию, которая шла в Кронштадт на имя должностных лиц, я распорядился доставлять себе. Очень скоро мне принесли перехваченную немецкую радиотелеграмму, в которой излагались все события, происходившие в Петрограде. Там было сказано и об образовании Временного правительства и о тех волнениях, которые переживал Петроград. Прошел день. Наступила ночь. Эта ночь была еще более тревожна. Это был какой-то бенефис провокаторов. Началось с того, что мне комендант города сообщил о тревожных сведениях относительно следственной тюрьмы. Затем ночью мне доложили, что в полках и морских частях чрезвычайно неспокойно. Кто-то сообщает по телефону в один полк, что на него идет такой-то полк, а в другой, что на него идет этот полк.

* Так в подлиннике.

Солдаты выбегают на улицу; в некоторых частях, выбегая, стреляют. С другой стороны сообщали: вас будут сейчас разоружать, из Петрограда идут части на ваше усмирение и т. д. Я просил сообщать во все части, что никаких распоряжений о разоружении отдано быть не может, что никто из Петрограда не идет, что нужно успокоиться. Кое-как порядок начал устанавливаться. В это время вбежал помощник коменданта, унтер-офицер, и стал говорить, что всю тревогу производит сам комендант, которого надо арестовать, а его назначить комендантом. Он то обращался ко мне с этими просьбами, то выбегал в соседнюю комнату и обращался к матросам, что нужно его поставить комендантом. Оказалось, что от всех тревог, волнений, ужасов и усталости он сошел с ума. Бредовые призывы его чуть не произвели общей паники и общей резни в Кронштадте. Его увезли в больницу. На другой день я издал воззвание, где призывал не верить провокаторским слухам, которые имеют целью натравить одну часть на другую. В это же время пришли известия об отречении Николая II и Михаила, что тоже было опубликовано. В этот же день спохватились и многие из матросов и солдат; морская фракция комитета движения, подозревая вот этих 6 человек, о которых я только что говорил, их арестовала, привела на заседание и требовала выяснить, кто они такие, обвиняла их во всей дезорганизации и тревоге. Те дали объяснения, которые показались удовлетворительными, и они были освобождены. В этот же день приехали от Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов 2 депутата, которые очень толково и благожелательно к Временному правительству объяснили соглашение, которое между комитетом Думы и Советом рабочих и солдатских депутатов состоялось, призывали тоже не верить провокаторским слухам и призывам. Подозрительность по отношению к Временному правительству была рассеяна, но не надолго. Вечером ко мне явились представители образовавшегося Комитета всех морских частей, которые уже высказывали недовольство Комитетом движения. Образовался и совет рабочих депутатов. В частях образовались комитеты. Каждая из крупных организаций претендовала на руководящую роль в Кронштадте, и это отнюдь не способствовало налаживанию нормальной жизни. Но все-таки ночь на 6-е прошла уже более спокойно. 6-го в Комитете движения было принято постановление об его реорганизации. [74] Была принята новая схема организации Совета рабочих и солдатских депутатов: совет военных депутатов, совет рабочих депутатов и так называемая городская группа. Все эти группы должны были иметь свои исполнительные комитеты, а эти исполнительные комитеты уже составляли исполнительный комитет совета рабочих и солдатских депутатов. [75] Вечером я впервые говорил по телефону с Петроградом, именно с членами Думы Таскиным, Александровым и Хаустовым; последнего я просил приехать в Кронштадт, что он на другой день и исполнил. Ночь на 7-е прошла тоже спокойно. В этот день состоялись похороны — они прошли спокойно. Но в этот же день прибыла и новая партия большевиков из Петрограда, повидимому с бо́льшими заданиями, чем предыдущая. Совет рабочих депутатов вынес постановление о возобновлении работ во всех кронштадских мастерских и заводах, о чем я объявил приказом по крепости и порту. 8-го я приехал в Петроград, где сделал доклад Временному правительству, а также Исполнительному комитету

Совета рабочих и солдатских депутатов. Положение в Кронштадте и настроение кронштадтское уже вполне определились. Вот его характеристика: внешний порядок, полное разрушение прежнего механизма управления и подавленность городского самоуправления, многочисленность создавшихся революционных организаций, отсутствие интеллигентных сил, оторванность от Петрограда, подозрительное отношение с самого начала к Временному правительству; неуверенность масс в завтрашнем дне, чудовищная ненависть, особенно матросов, к офицерам и какое-то истеричное враждебное отношение ко всяким попыткам вмешаться в офицерский вопрос, откуда бы эти попытки ни исходили; затем безудержная, безответственная агитация крайнейших агитаторов и газеты «Правда»; несомненная работа провокаторов и шпионов. Документы секретные оказались целы, о чем мне сделали сообщение лица, в ведении которых эти документы находились. В эти 5 дней, да и потом некоторое время ко мне обращались с самыми различными требованиями, как например: в такую-то команду прислать столько-то ружей, столько-то пулеметов, обыскать собор, где по мнению требовавших находились пулеметы, которые могли расстреливать толпу, разрешить произвести аресты, обыски и т. д. Из Ораниенбаума приехала депутация, которая заявила, что открыт подземный ход под Ораниенбаумским дворцом, что посты, которые расставляются около дворца, ночью кем-то обстреливаются. Вы видите, на какие требования, на какие самые неожиданные доклады приходилось с первых же шагов давать ответы. Из всего уже, о чем я доложил, вы можете себе представить, какие задачи предо мною стояли. Прежде всего восстановить разрушенный механизм управления в Кронштадте, затем сохранить обороноспособность Кронштадта (нечего было и думать о том, чтобы ее увеличить), поставить в надлежащее положение городское самоуправление, содействовать возобновлению работ и разрешить офицерский вопрос. Вот эти задачи стояли предо мною с самого начала.

В каком положении находились отдельные воинские части? Дисциплина по инерции продолжала еще действовать, но сразу получился приказ № 1, который нарушил всякое представление воинских частей о подчинении командному составу. [76] В частях образовались комитеты, которые с самого начала стали выносить самые разнообразные постановления. Были например попытки упразднить управление бригады. Компетенция их была самая неопределенная, и с самыми необоснованными претензиями они обращались ко всем. В Кронштадте наблюдался какой-то, прямо скажу, фетишизм по отношению к некоторым вещам; отменили слово «приказ», требовали, чтобы «приказ» назывался «постановление». Командный состав не пользовался никаким признанием, первоначальный командный состав почти весь был уничтожен, в некоторых частях во главе были поставлены матросы и солдаты. Так в 1-м Балтийском экипаже, где более 5 тысяч матросов, был командиром писарь первой статьи, на некоторых судах командирами были матросы. Из всех частей более неспокойным является 1-й Балтийский экипаж. Надо сказать, что 1-й Балтийский экипаж — это дисциплинарная часть, по крайней мере там очень много матросов, списанных с судов. Нужно было прежде всего восстановить должность коменданта. Вопрос затягивался. Наконец он был вырешен совместно с исполнительным коми-

тетом. Они согласились, что укажут желательное лицо, которое и будет назначено приказом военного министра. Предложили генерал-майора Герасимова, который 16 марта был назначен комендантом крепости. Его положение отчаянное, его положение таково, что несправедливо было бы считать его ответственным за Кронштадт как крепость. Он связан по рукам и по ногам образованной при нем контрольной комиссией. Ни одного приказа, ни одной бумажки он не может выпустить из своей канцелярии, если этот приказ или бумага не скреплены дежурным членом контрольной комиссии. Во главе порта раньше стоял главный командир порта. Теперь командира порта решили не назначать, а некоторые функции его передать капитану над портом. Капитаном над портом был назначен генерал-майор Ермаков. При нем тоже была образована контрольная комиссия.

Была учреждена новая должность— начальника морских частей. Вот я передам членам Думы ту схему, которую выработал Кронштадтский совет рабочих и солдатских депутатов, схему управления морскими силами г. Кронштадта. Вы увидите в этой схеме перечисление отдельных морских частей и судов, во главе их стоит начальник морских частей. При начальнике морских частей находится контрольная комиссия, а этот начальник морских частей подчинен не Временному правительству, не командующему Балтийским флотом, а подчинен он Кронштадтскому совету рабочих и солдатских депутатов. Я им доказывал, что совершенно невозможно принять такую схему. Городское самоуправление, как я сказал, находилось в полупараличе. Городской голова в скором времени отказался от должности. Наиболее активные гласные думы и члены управы не могли ничего сделать. Нужно было скорее создать городскую группу, которая могла бы пополнить ряды гласных думы или работать отдельно, но работать, и для этого были произведены выборы от различных слоев кронштадтского населения в городскую группу. Городская группа, как мне передали, заявила желание слиться с городским самоуправлением, что и было сделано. В эту же новую городскую думу были приглашены представители от Кронштадтского совета рабочих и солдатских депутатов. Как только они туда явились, то прежде всего заявили, чтобы весь прежний состав городской думы, «буржуазный состав», был бы удален и чтобы все дела были переданы этой городской группе. Этот вопрос обсуждался в Кронштадтском совете депутатов, где я призывал к совместной работе, и наконец мне это удалось. Городское самоуправление работает в пополненном составе. Надо было учредить сразу же милицию. Обязанности милиционеров сначала взяли на себя местные гимназисты и реалисты, но сразу же они возбудили против себя подозрение в контрреволюционности, и рабочие потребовали, чтобы милиция комплектовалась исключительно из их среды. Потом к некоторому соглашению пришли; милиция образована, но начальник милиции опять-таки был поставлен в такое положение, что он отказался от этой должности. Предстояло еще урегулировать рабочий вопрос. Рабочие, как я уже сказал, 7-го числа постановили работу возобновить. Я объехал почти все мастерские и нашел, что действительно работы там идут, и если задержка в работе происходила, то только потому, что не хватало материалов, которые неисправно подвозились из Петрограда и других мест. Но вот вопрос о заработной плате до сих

пор не урегулирован. Рабочие сначала постановили возобновить работу на прежних основаниях. Затем очень скоро было вынесено постановление, в силу которого все трудящиеся должны получать не менее 175 рублей и не более 225 рублей в месяц, без всякого исключения. Это сразу чрезвычайно увеличивало сумму, которую выплачивал порт своим рабочим. Я сказал, что может быть правительство согласится на эту расценку за первый месяц. Мне было в свою очередь дано обещание, что совет рабочих пересмотрит эту расценку, но обещания этого своего он не исполнил. Я сообщил об этом в морское министерство. Последнее на первый месяц согласилось с этой расценкой. Затем я неоднократно обращался к совету рабочих депутатов с просьбой пересмотреть расценку и исполнить свое обещание. Рабочие наоборот постановили эту расценку сохранить и впредь. Таким образом вопрос о заработной плате требует еще разрешения.

Я теперь перехожу к самому больному в Кронштадте вопросу — к офицерскому. В чем лежат причины ненависти к офицерству? Отчасти они лежат в прежних отношениях между офицерами и солдатами, и это прежде всего касается морских команд. Надо сказать, — я впрочем это уже отметил, — что в Кронштадт ссылались матросы за различные проступки, и Кронштадт как бы обращен был, в морской своей части по крайней мере, в дисциплинарный пункт. Отчасти это породило те эксцессы, которые совершались в большом количестве в ночь на 1 марта, отчасти причины этих эксцессов коренятся в самых условиях переворота в Кронштадте. Может быть начальство несколько затянуло оглашение тех сведений, которые оно имело уже из Петрограда, и тем вызвало возмущение. Но так как я следствия по этому вопросу не производил, то и ограничиваюсь только предположениями. Убито было в ночь на 1 марта и 1 марта, отчасти и 2 го около 40 офицеров; всего убито и офицеров и других — 51 (как мне сообщили в начале марта). Впрочем безукоризненно точных сведений нет. Арестованных всего офицеров и других было в первые дни около 500 человек; из них офицеров и военных чиновников около 230. В настоящее время под арестом находится около 70 человек. Кто был арестован? Прежде всего почти все начальство, затем арестованы те лица, которые вызвали против себя возбуждение в отдельных частях; арестованы те, которые сами явились и просили их укрыть от разъяренной толпы; арестованы те, кого сами части хотели спасти от растерзания и нашли лучшим временно арестовать. Меня очень часто спрашивали, — я отвечу на этот вопрос всем, — почему эти офицеры до сих пор не освобождены? Господа, вы не скажете и никто не в праве предполагать, что я не хотел освободить тех, против кого нет серьезных обвинений. И я не скажу, что их не хотели освободить наиболее благоразумные умеренные члены Исполнительного комитета. Это было в первое время совершенно невозможно. Можно было конечно рискнуть, но все говорило за то, что риск этот окончится чрезвычайно печально для офицеров. Были и такие моменты, когда жизнь была в опасности; поэтому казалось более целесообразным переждать некоторое время, а затем приступить к освобождению, но это не значит, что я не принимал никаких мер. Я убеждал отдельных членов исполнительного комитета, отдельных солдат, которые ко мне обращались за советом, чтобы как можно скорее было назначено следствие, чтобы невиновные были как можно

скорее освобождены, а те, которым было предъявлено обвинение, были бы препровождены под конвоем в Петроград. За это хлопотали и многие другие. Была наконец образована следственная комиссия, которая сразу же натолкнулась на целый ряд препятствий. Комиссия эта состояла из членов местного совета рабочих и солдатских депутатов. Вот случай: никаких обвинений не предъявлялось, но команды просто не хотят освободить, — пусть, говорят, посидит. Председатель комиссии неоднократно являлся ко мне и спрашивал, что в этом случае делать. Я им советовал пригласить к себе юристов. 27 марта прибыла следственная комиссия, назначенная министром юстиции, во главе с Переверзевым.[77] Эта комиссия начала работать совместно с представителями исполнительного комитета, но сразу же против комиссии началась агитация и в ночь на 29 марта около Морского собрания собралась огромная толпа, которая стала требовать к себе для объяснения следственную комиссию. Когда та явилась, толпа потребовала, чтобы освобождение офицеров было прекращено, что и было исполнено, — освобождение остановилось. Через некоторое время следственная комиссия приехала снова. Но тут произошел чрезвычайно печальный случай, в результате которого чуть не был убит один офицер, а может быть пострадала бы и следственная комиссия, если бы не приняты были своевременно меры к тому, чтобы инцидент был ликвидирован. Из Балтийского флота, а также от Керенского пришли телеграммы, чтобы был скорее освобожден, если нет препятствий, офицер Альмквист. Следственная комиссия рассмотрела дело, выслушала все показания за и против и постановила препроводить Альмквиста в распоряжение военной комиссии Государственной думы. Секретарь комиссии, матрос, выдал этому офицеру удостоверение на беспрепятственный выезд из Кронштадта, а караульному начальнику он же послал распоряжение об его освобождении. Офицер был освобожден и со своим отцом готовился уже уехать, но на пароходе его увидели солдаты, которые были против него настроены. Моментально собралась толпа, и офицера, избивая, поволокли на якорную площадь, для того чтобы его там убить. Ко мне прибежали и сообщили, что вот что происходит на улице; но вскоре же сообщили, что лейтенант и матрос отняли от толпы офицера, а толпа идет сюда, к Морскому собранию. Толпа была настроена чрезвычайно враждебно, раздавались угрожающие крики; члены исполнительного комитета вышли к этой толпе, начали ее уговаривать. В скором времени прибыл Переверзев, который стал давать ей объяснения. Надо сказать, что в газетах было кое-что преувеличено; так писали, что над Переверзевым держали кинжал, — этого не было; что ему кричали: смерть ему, — этого не было. Но толпа всегда — толпа, и опасность безусловно была. Затем собрался исполнительный комитет, где начали обвинять юристов в «бюрократизме», в том, что они не считаются с психологией. Переверзев вел себя чрезвычайно мужественно; всю вину (таковой и не было) он принимал на себя, никого не обвиняя, говорил, что как прокурор он наблюдал за производством дела, и даже оплошность этого матроса, который неудачно формулировал постановление, он принял тоже на себя. В конце концов юристы заявили, что в такой атмосфере они служить правосудию не могут, слагают свои полномочия и уезжают. На другой день они уехали. Образована была новая следственная комиссия, которая состо-

яла исключительно из матросов и солдат. Она не выпускала почти никого, и только в самое последнее время началось опять освобождение офицеров. В первое время арестованные офицеры терпели и оскорбления — не давали им пищи с воли, отбирали постельные принадлежности, не разрешали свиданий, врывались толпами матросы, требовали осмотра арестованных. Когда я перевел одного офицера из тюрьмы в комнату рядом с собой, где тоже находились арестованные офицеры, то скоро появились солдаты и требовали, чтобы этот офицер им был показан, чтобы они убедились, что он не убежал. Были случаи сумасшествия. Так рядом со мною в комнате арестованных офицеров один сошел с ума, — он кричал и плакал, когда его вели в больницу, думал, что его ведут расстреливать. Да и положение офицеров, которые освобождены, тоже было оскорбительно; их лишали квартир; жены арестованных офицеров не могли вывезти из помещения своего имущества; не давали женам убитых офицеров взять имущество, указывая на то, что может быть офицеры оказались в долгу у части. Затем комитеты полковых и морских частей стали решать вопрос о жалованье каждому офицеру в отдельности, и каждая часть назначала свой размер жалованья: этому — 100 рублей, этому будет 60 рублей и т. д. Офицеры все без погон — и морские и сухопутные офицеры. Матросы и солдаты оставили на своих плечах погоны, но когда Гучков издал приказ об отмене погон во флоте, то и все сухопутные солдаты срезали с себя погоны, и вообще в Кронштадте с погонами никто не ходит. Появляются изредка приезжие в погонах, и дело не обходится без инцидентов. К офицерам, которые выбраны уже начальниками, даже к тем, кто выбран делегатами, и то отношение такое, что можно сказать, удивительно, как они до сих пор его выносят. Так например на одном заседании военных делегатов, куда были по постановлению допущены и начальники частей с решающим голосом, был поднят вопрос об удалении этих офицеров, и было решено, что офицеры должны с этого собрания уйти, если же части пожелают выбрать кого-либо из них делегатами, тех допустить, но с правом совещательного голоса. Вот в таком положении находятся офицеры — и арестованные и те, кто на свободе.

Каково настроение всей массы кронштадтской? Масса конечно не разбирается в том, что происходит. Имеют успех, как и здесь, самые крайние лозунги: «долой войну», «мир без аннексий и контрибуций»,— ударение конечно на слове мир. «Буржуй» всякий тот, кто призывает к продолжению войны для защиты государства, к большему спокойствию, к выдержке. К Временному правительству отношение с самого начала было подозрительное. Вначале можно было на митингах выступать и более умеренным ораторам. Приезжал туда Хаустов, приезжал Скобелев, я выступал, все мы имели успех. Но в самое последнее время митингами всецело завладел Троцкий, Луначарский [78] и ораторы ленинского толка. Когда приезжал туда Керенский в первый раз, его носили на руках, все войска кричали, не переставая, «ура», проходили мимо него с криками восторга; теперь Керенского ругают, называют его кровопийцей за то, что он зовет к наступлению, что он предался буржуям, и конечно Керенский в Кронштадте того энтузиазма, который вызывал раньше, вызвать теперь уже не может. [79]

Отношение к займу свободы такое: совет вынес двусмысленную резо-

люцию, которую можно толковать скорее, что не надо подписываться на заем свободы, а когда там были вывешены плакаты, то эти плакаты матросы срывали, потому что есть надпись: «война до победы».

Что представляет собой Кронштадтский совет рабочих и солдатских депутатов? Он организовался в десятых числах марта. Сначала он состоял из 200 человек, теперь в нем около 300 человек. Там около 100 большевиков, столько же социалистов-революционеров, около 40 меньшевиков и 60 беспартийных. Партии между собою все время борются. Уровень развития делегатов невысок. Хлопают они решительно всем. Я выступаю — мне хлопают, большевик выступает — ему хлопают, меньшевик — ему хлопают, решительно всем. Вначале выносились резолюции среднего направления — поддержка Временного правительства «постольку — поскольку» и поддержка Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Кризис, который здесь переживается так бурно, кризис иностранной политики, не имел там такого большого отклика,— там прошел этот день спокойно, вынесено постановление поддержать Совет рабочих и солдатских депутатов. Затем, когда стал на очередь вопрос о коалиционном министерстве, то столкнулись между собою большевики и более умеренные и одержали верх последние, большевики успеха и на этот раз не имели. Приемы большевиков такие: Милюков и Шингарев — крупные капиталисты, верить им нечего, во время манифестации на улицах 21-го числа Временное правительство переодело 3 тысячи городовых, которые носили плакаты с доверием Временному правительству и т. п. Приезжают какие-то делегаты с фронта, — я не о всех конечно делегациях говорю в этом случае, а о тех делегациях, которые говорят то, чего на фронте не было, и с крайними призывами. Один делегат с Кавказского фронта заявил, что у него был товарищ Церетели, теперь он его товарищем не называет, потому что Церетели продался буржуям, а вот товарищи Луначарский, Троцкий, вот эти — товарищи, им верьте, за ними идите. Когда большевики не имеют успеха словесного, они прибегают к давлению на совет толпой матросов и солдат.

Какие темы разрабатывает совет рабочих и солдатских депутатов в Кронштадте? Самые разнообразные; они решают вопросы не только за Кронштадт, но и за всю Россию. Они посылают агитаторов решительно во все пункты Российского государства. Однажды постановили образовать комиссию, которая потребовала бы от военного министра, чтобы он ее направил на фронт с правом контролировать решительно всех, весь командный состав, и арестовывать решительно всех, кого они найдут контрреволюционером или вообще негодным. Но посылку этой комиссии удалось ликвидировать. Этой ликвидации помог очень Скобелев, который, когда к нему комиссия явилась, вышутил ее и посоветовал скорее вернуться назад. Занимается Кронштадтский совет между прочим приветствиями; проезжают делегаты с фронта, их приветствуют, отвечают на эти приветствия, выносят соответствующие резолюции. Развили очень бюрократизм: те незначительные дела, которые могли бы решиться в десять минут, занимают иногда несколько дней. Что раньше начальник части мог сделать, теперь делает комитет части, но он не самостоятельно делает, — пишет в исполнительный комитет, а исполнительный комитет иногда, не зная, что делать, мне шлет эту бумажку. Я говорю: это дело пяти минут, если начальник части сам подпишет и пошлет, куда нужно.

Продовольственная комиссия — вот ее характеристика по известиям Кронштадтского совета рабочих и солдатских депутатов. В заседании совета рабочих и солдатских депутатов от 3 мая «Покровский выступает с докладом о разрухе, царящей в настоящее время в продовольственной комиссии. Он указывает, что члены комиссии бездельничают, замечается пьянство, вывоз из крепости скота, пищевых продуктов; что члены во главе с председателем разъехались без ведома исполнительного комитета. Председатель Скобеников с 27 апреля занимается в Петрограде какими-то государственными делами». Но может быть и хорошо, что комиссия ничего не делала, можно комиссию только благодарить, что она не разрушила некоторой налаженности продовольственного вопроса в Кронштадте, которая там была до этого момента. Совет рабочих и солдатских депутатов проявляет чрезвычайное самомнение; он всем делегациям, которые прибывают на его заседания, заявляет, что обороноспособность крепости не только не пала, но увеличилась в несколько раз, что конечно неверно. Надо сказать, что в своих отзывах о Кронштадте, которые были помещены в печати, я говорил, что обороноспособность — это относится к первым дням моего пребывания в Кронштадте — что обороноспособность Кронштадта не уничтожена; она там действительно не уничтожена, но что она увеличилась, об этом по меньшей мере говорить наивно, а в такое время, какое мы переживаем сейчас, — даже и преступно.

Каким авторитетом пользуется Кронштадтский совет? Он пользуется авторитетом, я скажу, постольку, поскольку он нравится отдельным воинским и морским частям. Когда совет постановил уменьшить выдачу хлеба на основании предписания интендантского управления, то комитет одной части вынес постановление, что он не подчиняется этому распоряжению. Я скажу, когда борются между собой чувства долга и инстинкты, то совет рабочих депутатов тогда силен, когда он стоит на стороне инстинктов, и очень слаб, когда он станет на сторону исполнения долга. Я говорю сейчас только об отрицательных сторонах кронштадтской жизни и совета рабочих и солдатских депутатов; есть конечно и положительные стороны: так, он усиленно борется с первых дней с пьянством, некоторые меры его очень благоразумны. Но я говорю об отрицательных сторонах Кронштадта главным образом потому, что они-то и опасны, они могут привести к катастрофе.

Какие нравы в Кронштадте? Пьянство там развивается; повального пьянства там нет, но оно все более и более усиливается. За последнее время развиваются венерические болезни.[80] Совет борется и с этим. Овладела Кронштадтом жажда наживы. В бюро труда, которое образовано при исполнительном комитете, являются матросы и, угрожая применением силы, требуют, чтобы их откомандировали от частей в мастерские, с тем чтобы они там получали вознаграждение, как рабочие. В комитете при одной из мастерских мне сами члены комитета заявили, что к ним являются матросы и требуют, чтобы их жены были приняты в качестве работниц в мастерские, — все это тоже в целях получения вновь установленного вознаграждения. В Кронштадте реквизировались помещения случайными лицами. Были попытки реквизировать типографию. Правда, эта попытка потом самим советом была ликвидирована.

Какова там свобода слова? Когда после речи одного из большевиков стал говорить солдат и стал высказываться против братания, то его

арестовали. Он сидел несколько дней под арестом. Исполнительный комитет выпустил воззвание, которое приглашало кронштадтцев быть более терпимыми к ораторам. Несмотря на то что исполнительный комитет постановил, что арест был произведен неправильно, он все-таки несколько продержал этого солдата Шикина. Нужно остановиться на тех силах, которые содействуют установлению в Кронштадте порядка и которые этому мешают. Правительство переживало такое положение, которое не позволяло ему обратить должное внимание на Кронштадт. Обращался я в исполнительный комитет совета рабочих и солдатских депутатов, просил прислать агитаторов, которые стояли бы на почве соглашения между советом рабочих и солдатских депутатов и Временным правительством. Туда приезжали Хаустов, Скобелев, затем еще несколько лиц. Были посланы туда даже специальные комиссары от Совета рабочих депутатов, члены II Государственной думы, Виноградов и Федоров. Федоров очень скоро уехал, а Виноградов там жил до середины апреля, но в борьбе с безответственными лицами он был бессилен. Из членов правительства приезжали Керенский, Корнилов,[81] генерал Потапов (от военной комиссии), вносили некоторое успокоение, но только на время. Я приведу пример, как отнеслись к Хаустову. Ему хлопали; большевики, которые были здесь же, слушали, что мы говорили, при нас нам почти не возражали, а как только мы ушли — называли Хаустова буржуем: смотрите, как он одет, какие у него воротнички, — и, передавали, имели успех.

Пресса. «Кронштадтский вестник» и «Котлин» значения не имеют. «Известия Кронштадтского совета рабочих и солдатских депутатов» печатают главным образом те постановления, которые принимают совет, исполнительный комитет и отдельные организации. Вскоре после переворота там раздался «Голос правды».[82] Эта газета перепечатывает статьи из «Правды» и прибавляет свое. Эта газета имеет большое распространение и успех из-за хлесткости своих выражений. В самое последнее время там имеется газета «Труд», «Земля и воля». Она более умеренная, оказывает поддержку Временному правительству. Я уверен, что в Кронштадте есть немецкие агенты и провокаторы. В этом я убедился с первых дней и ночей пребывания в Кронштадте и все более и более убеждался, как знакомился со всеми эксцессами, с настроением масс и даже с отдельными постановлениями.

Теперь я расскажу про то постановление, после которого я уехал, и о современном положении Кронштадта. С того момента, как назначен комендант, капитан над портом, с некоторыми правами главного командира порта, с того момента, когда начало работать городское самоуправление в обновленном составе, в моем ведении остался небольшой круг дел, которые входили раньше в компетенцию военного губернатора. Я считал, что с того самого момента, когда будет кому-нибудь передано и это небольшое количество дел, моя миссия в Кронштадте будет закончена. Я заявил об этом исполнительному комитету совета рабочих и солдатских депутатов еще 10 апреля. Тогда в своем сообщении ему я заявил, что дел гражданских там немного, что учреждать должность отдельного военного губернатора нецелесообразно и неэкономно, что лучше всего эти гражданские дела передать коменданту, а для непосредственного заведывания ими учредить должность помощника комен-

данта по гражданской части. С этим они согласились. Был мной составлен проект закона, который передан был Временному правительству, и я ждал опубликования этого закона и назначения кого-либо на должность помощника коменданта. Мое положение было тяжело, тем, что, имея в своем ведении небольшое количество дел, я продолжал считаться, может быть несправедливо, ответственным вообще за весь Кронштадт. 13 мая исполнительный комитет неожиданно для меня, а пожалуй и для себя, обсуждая частный вопрос о замещении должности начальника милиции, постановил вдруг, что единственной властью является совет рабочих и солдатских депутатов, который по всем делам государственного порядка сносится непосредственно с Временным правительством, и все административные места в Кронштадте занимаются членами совета рабочих и солдатских депутатов.[83] Я утверждаю, господа члены Думы, что если бы я не обратил внимания на это постановление, то из него и сам Кронштадтский совет и исполнительный комитет не сделали бы никаких практических выводов, хотя они его напечатали крупным шрифтом, но пока ничего предпринимать по существу этого постановления не были намерены. Но я считал, что замалчивать ненормальное положение и коменданта и всех вообще представителей Временного правительства в Кронштадте нельзя. Я пригласил к себе председателя исполнительного комитета — это студент-технолог Ламанов — и заявил ему: ваше постановление налагает на меня обязанность немедленно уехать из Кронштадта и переложить всю ответственность на вас. Он мне сказал: напрасно вы смотрите так на это постановление; это постановление принципиальное, и вам уезжать вовсе не нужно. 15-го числа я явился на заседание исполнительного комитета и заявил, что постановление, если сделать из него логические выводы, ведет к тому, что Кронштадт в сущности порывает связь с Временным правительством. Временное правительство не может стать на ту точку зрения, на которой стоят они, и что их постановление само себе противоречит. Кто мог это постановление предложить? Большевики не могли, потому что большевики не входят в контакт с Временным правительством, а здесь говорилось о контакте; меньшевики за контакт с Временным правительством, но они против захвата в свои руки власти. Кроме того я им говорил, что они очевидно считают, что и комендант крепости ответственен перед ними, а не перед Временным правительством, что начальник морских сил тоже ответственен перед ними, что в таком же положении находится и капитан над портом. Я увидел полное непонимание того, чего они хотят; они мне пытались возражать: нет, мы не будем сажать всех своих на административные места: если мы не найдем подходящих кандидатов из своей среды, то Временное правительство пойдет на уступки и пришлет нам своих агентов. Я говорил: о какой уступке может итти речь? Это обязанность Временного правительства иметь своих представителей в Кронштадте, а вовсе не уступка. Одним словом я видел перед собой дремучий лес непонимания. Во всяком случае я заявил, что я оставаться в Кронштадте считаю для себя невозможным, так как ответственность нести за Кронштадт с этого момента не могу. На завтра я подал заявление министру-председателю о том, что отказываюсь от несения далее обязанностей комиссара Временного правительства в Кронштадте. Таким образом Кронштадт стал уже непосредственно перед Временным правительством и перед

Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов. Я не знаю, т. е. окончательно не знаю, правильно ли сделал, что уехал. Уничтожать должность комиссара Временного правительства они в виду не имели; по крайней мере председатель их так говорил. Но к чему бы это повело? Инцидент этот был бы затушеван, замазан, и Кронштадт и сейчас находился бы в таком положении, в каком он пребывал достаточно уже долгое время. Я решил, что если ставка на благоразумие кронштадцев была бита, то нужно сделать ставку на общественное мнение всей страны и в частности противопоставить Кронштадт Петроградскому совету рабочих и солдатских депутатов. Результаты показывают мне, что этот шаг мой повлек за собой действительно может быть начало ликвидации кронштадтской истории. Но кронштадтская история еще не ликвидирована. Кому казалось, что Кронштадт имеет в виду объявить отдельную республику, для тех конечно поездка Чхеидзе, а потом Церетели и Скобелева [84] могла показаться концом этой кронштадтской независимости. Но для тех, кто с самого начала видел, что кронштадтцы просто не понимают, что они делают, для тех, кто видел, что это непонимание однако может привести к чрезвычайной катастрофе, если им воспользуются германские агенты и провокаторы, для тех конечно поездка Чхеидзе и Церетели не была ликвидацией истории Кронштадта. Ликвидированной эта история будет только тогда, когда кронштадтский комендант будет поставлен в такие условия, при которых справедливо будет считать его ответственным за Кронштадт. Только тогда можно будет сказать, что кронштадтская история ликвидирована, когда командный состав будет поставлен в надлежащее положение, ибо ведь крепость тот же фронт; когда вопрос об арестованных офицерах будет разрешен. До тех пор Кронштадт будет тревожить всех.

[Родзянко от имени членов Думы выражает Пепеляеву благодарность и признательность за блестящее выполнение возложенного на него поручения и добавляет, что «дальше продолжать кронштадтский вопрос нетерпимо и недопустимо». Слово для вопроса получает Шидловский.]

Шидловский I. Я хочу спросить — та картина, которую вы нарисовали, относится ли она к о. Котлину или ко всей совокупности Кронштадта как укрепленному месту со всеми фортами?

Пепеляев. Главным образом она относится к городу. Хотя и на фортах происходили эксцессы, но в общем форты находятся в несравненно лучших условиях. Надо сказать, что форты могут исполнить свой долг перед государством, если их к этому призовут, по отношению к внешнему врагу.

Шидловский I. Потом еще вопрос. Считаете ли вы, что в Кронштадте есть разница настроения между войсками сухопутными, крепостными и морскими или они дошли все до одинакового состояния?

Пепеляев. Нет, сейчас они еще не дошли. В сухопутных войсках отношение к офицерам и к Временному правительству и к войне несколько иное, чем в морских частях. Особенно резко эта разница замечалась в начале моего пребывания. Такого отрицательного отношения к Временному правительству, какое наблюдается среди моряков, в сухопутных частях я не встретил.

Трегубов. Не можете ли вы сказать, какой состав исполнительного комитета?

Пепеляев. Я говорил уже, что там есть большевики, и меньшевики, и другие, и сколько их.

Трегубов. Нет, я спрашиваю состав солдат и матросов?

Пепеляев. В состав исполнительного комитета главным образом входят солдаты и матросы. Председательствует Ламанов — студент. Большевиков не особенно слушают в совете, они главным образом имеют успех на митингах. В совете их даже освистали, когда вопрос шел о ноте иностранным державам.

Шидловский I. А кто такой Рошаль, вы не раскроете скобки?

Пепеляев. Это типичный демагог.

Трегубов. В Кронштадте есть очень много провокаторов, несомненных немецких шпионов?

Пепеляев. Не несомненных — уличить их не удалось, но несомненно там они есть.

Трегубов. Я слышал в кулуарах Думы разговор, что существует один из выдающихся улавливателей провокаторов,[85] который говорил, что ему известно, что в Кронштадте есть 15 человек заведомых провокаторов, но по некоторым соображениям он пока еще не находит возможным оглашать это. Конечно в докладе правительства обо всем этом говорилось очевидно. Принимались ли правительством какие-либо меры? Вся беда в том, что эти шпионы возбуждали всех, следовательно правительство должно было принять меры к тому, чтобы их разоблачить. Как правительство относилось к вашим докладам, принимало ли оно какие-либо меры?

Пепеляев. Правительство очень интересовалось Кронштадтом и к моим докладам относилось всегда очень внимательно. Но могло ли оно принимать какие-нибудь меры? Оно прежде всего спрашивало меня, что я лично рекомендую. Я настаивал перед помощником морского министра на том, что надо скорее организовать контрразведку. Но дело в том, что и я и помощник морского министра приходили к выводу: контрразведка может быть устроена только при содействии исполнительного комитета. Неоднократно члены исполнительного комитета говорили, что провокация в Кронштадте есть. Я могу поименно назвать тех, кто говорил. Комендант писал и приглашал исполнительный комитет и даже указывал способы, как организовать контрразведку скорее. Никто не откликался. Один из членов совета рабочих и солдатских депутатов арестован был сам по обвинению в провокации. Кстати сказать, он находился в следственной комиссии, которая разрешала вопрос об арестованных офицерах. Контрразведки в Кронштадте еще нет. *(Милютин: «А много арестовано офицеров?»)* 235. *(Милютин: «А много из них убито?»)* Я докладывал, около 40. *(Милютин: «А сию минуту?»)* Около 70.

Рудич. Вы сейчас сказали, что арестованных офицеров около 70.

Пепеляев. Их было 80, но самые последние кронштадтские газеты говорят, что снова началось освобождение; очевидно они хотят подогнать к цифре 40, о которой они заявили в Петроградском совете.

Рудич. Там заявляли 30.

Пепеляев. Это неверно.

Рудич. Церетели сказал, что 90.

Пепеляев. Он имеет в виду арестованных и офицеров и вообще представителей правительства, а я говорю об офицерах.

Рудич. Вы говорите, что общее число арестованных офицеров около 300, а Церетели сказал — 400.

Пепеляев. Нет, вы не вслушались. Вначале всего было арестовано 500 человек, из них 235 офицеров, в настоящее время под арестом сидит офицеров около 70. Вот цифры, которые я сообщил.

Рудич. Я хочу спросить вас: вот это воззвание Совета рабочих и солдатских депутатов петроградского, как оно будет сейчас для Кронштадта, будет ли оно красной тряпкой раздражающей, либо умиряющей, успокаивающей?

Пепеляев. Нет, нет, не успокаивающей. Если там работают провокаторы, то для них цель близка, к которой они вели Кронштадт.

Председатель. Но оборона от всего этого все-таки не страдает или страдает?

Пепеляев. Видите, Михаил Владимирович, оборона сосредоточена главным образом на фортах, а самый Кронштадт в смысле обороны — это пустое место.

Трегубов. А настоящая фамилия Рошаля?

Пепеляев. Рошаль.

Трегубов. А Троцкого?

Пепеляев. Я не знаю. Троцкий был только гостем Кронштадта. *(Голос: «Рошаль француз или еврей по национальности?»).* Национальности не знаю.

Председатель. Бронштейн.

Тарасов. А как эти шпионы, — агенты, живущие в России, или пришельцы из Германии?

Пепеляев. Наверное есть и пришельцы.

Тарасов. Это позор допускать.

Председатель. Вопросов больше нет? Позвольте просить Ивана Семеновича сделать доклад о своей поездке в Самару. *(Трегубов: «Я прошу слова».)* Пожалуйста.

Трегубов. Я считаю, что нам по этому докладу следовало бы принять какую-нибудь резолюцию и просить вас доложить ее Временному правительству, о том, чтобы с своей стороны оно могло бы принять более решительные меры к прекращению тех преступных безобразий, которые творятся в Кронштадте вообще и в отношении офицеров в частности, потому что то, что делается по отношению к офицерам, это позор для всей страны. Когда людей, к которым не предъявлено никаких обвинений, держат в заключении и заставляют переносить страшные страдания и мучения, мне казалось бы, что правительство должно принять все меры и не останавливаться ни перед чем. Я помню, когда еще при нормальной жизни появлялись газетные сведения о различных закононарушениях и правонарушениях в отношении отдельных лиц, наши товарищи слева без замедления вносили запросы, и эти запросы, если они были доказаны, были принимаемы единогласно и были принимаемы те или иные меры к прекращению правонарушений. Я считаю, что сейчас наш долг, членов Государственной думы, и долг всей страны потребовать у правительства всех мер к тому, чтобы эти несчастные, которые готовы душу свою положить за родину, были освобождены и

положение их было бы, если это потребует следствие, облегчено, потому что то, что с ними делается, невозможно терпеть и, мне кажется, что вам *(обращаясь к председателю Государственной думы)* об этом нужно от имени членов Государственной думы сообщить правительству. Я думаю, что оно не против этого, но в нас оно может почерпнуть поддержку нравственную в дальнейших своих действиях, а для нас важно снять с себя ту вину, которая может быть лежит на нас и во всяком случае которую может взвалить на нас вся страна; чего же вы молчите? Для меня чрезвычайно больно было читать письмо Кузьмина-Караваева, который первый выступил на защиту этих мучеников кронштадтских. Он сказал: другие молчат из страха, боятся. Если другие боятся, Дума не должна бояться. Мне казалось бы, что можно было бы — к сожалению у меня нет такой резолюции — просить прямо вас, Михаил Владимирович, довести до сведения Временного правительства и от вас предъявить требование в самой категорической и решительной форме о том, чтобы были прекращены безобразия, потому что те безобразия, которые творятся в Кронштадте, они дают известный отзвук и в стране. Если с ними не справиться, тогда каждая волость, каждый уезд и губерния скажут: сидят министры-тряпки, силы никакой не имеют и власти не имеют. Делай, что хочешь, и начинается анархия, от которой спасения не может быть.

Председатель. Господа! Угодно вам примкнуть к словам отца Трегубова и вынести такое постановление? Я с своей стороны должен сказать, что письмо Кузьмина-Караваева меня в одинаковой степени взволновало, как и всех вас. Разумеется в этих пределах и может быть вынесено постановление, что совещание примыкает к словам отца Трегубова и поручает председателю...

Афанасьев. Мне кажется, я слышал, священник говорил, чтобы категорически потребовать. Мне кажется, что это поведет к дальнейшему обострению. Не найдет ли правительство возможным как-нибудь иначе повлиять, а не категорически. *(Гижицкий*: «Как же иначе?»*)* Пожалуй, мы тогда придем к большему обострению, пожалуй, рисковать можно. *(Гижицкий*: «Чем рисковать?»*)*

Кривцов. Многоуважаемый наш докладчик Виктор Николаевич на один из вопросов, обращенных к нему, сказал: позвольте, господа, что же правительство могло сделать, вот оно советовалось со мной. Я теперь спросил бы Виктора Николаевича как лицо компетентное, знающее обстановку, я бы предложил вопрос, который меня очень интересует: может ли действительно правительство там что-нибудь сделать при современном создавшемся положении или оно бессильно? Каково мнение Виктора Николаевича?

Председатель. Так трудно ставить вопрос.

Пепеляев. Я за правительство не могу отвечать.

Кривцов. Может быть Виктор Николаевич может ответить на такой вопрос: что по его мнению как человека, познакомившегося с местными условиями и современными обстоятельствами, что можно сделать к ликвидации всей кронштадтской истории? Или мы должны стать перед такой картиной, что положение создалось безнадежное и правительство ничего не может сделать.

Пепеляев. Я могу ответить на этот вопрос. По-моему Временное

правительство, войдя в соглашение с здешним Исполнительным комитетом, для спасения жизни офицеров должно командировать туда нескольких министров, и вместе пусть весь Исполнительный комитет Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов явится туда и вызовет арестованных офицеров, ибо я считаю, что всякие другие способы могут привести или к тому, что и эти офицеры будут убиты, или к тому, что дело опять затянется. Мы должны не бояться выносить ту или иную резолюцию, но мы можем не бояться только за себя. Я считаю, что в самой торжественной обстановке должны быть там и представители Временного правительства и здешний Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов, который претендует на авторитетность по всей стране и армии, и они должны вывезти оттуда офицеров. Вот первое. Затем, что касается решения вопроса о подчинении Кронштадта, то почему я на этот вопрос отвечу более авторитетно, чем все другие? Я по отношению к офицерам заявил бесповоротно; по отношению же к Кронштадту я скажу, что конечно еще могут быть применены переговоры. Все-таки надеюсь, что если в этих переговорах будут очень активно участвовать и члены здешнего Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов и может быть послана будет особая делегация из выдающихся общественных деятелей, то Кронштадт удастся убедить.

Милютин. Мне кажется, что то, что говорил сейчас Виктор Николаевич, это именно за поддержку нашей резолюции. Когда совершится этот торжественный въезд и выезд, — вы правы, так и должно быть сделано, но, чтобы побудить Совет рабочих и солдатских депутатов и Временное правительство на этот шаг встать, ему нужно иметь твердо заявленное общественное мнение всех слоев общества, в том числе мнение членов Государственной думы. Мнение членов Государственной думы должно основываться не только на сочувствии тому тяжелому положению офицеров, но и их юридическому бесправию, нарушению юридического положения. В течение двух с половиной месяцев без предъявления обвинения сидят люди в тюрьме. Или им должны быть предъявлены обвинения или они должны быть отпущены. Государственная дума в лице совещания должна правительству твердо заявить, и правительство этот твердый голос должно услышать.

Трегубов. Я то же самое хотел сказать, что сказал предшествующий оратор.

Председатель. Мне кажется, вопрос совершенно ясен. Угодно вам вашему председателю поручить составить такую резолюцию? *(Голоса: «Просим».)* Позвольте, господа, закрыть заседание.

(Заседание закрывается в 4 ч. 50 м. дня.)

3 июня 1917 г.

(Заседание открывается в 2 ч. 45 м. дня под председательством М. В. Родзянко.)

Председатель. Господа, предметом сегодняшнего нашего совещания, как и значится в повестке, является вопрос о внешней политике или, вернее сказать, о том положении, в котором в настоящее

время находится Россия, в виду категорического заявления союзников относительно того, как они понимают войну и как они понимают условия мира; особенно определенно и ясно формулированы цели войны и приблизительные условия мира в ноте президента Северо-американских соединенных штатов. Независимо от этого в дополнении к повестке мною указан в качестве предмета обсуждения вопрос о том внутреннем состоянии России, которое несомненно влияет на ход войны. По этому поводу, господа, желающим говорить будет предоставлено слово. Эти два вопроса, с моей точки зрения по крайней мере, неразрывно тесно связаны между собою и будут предметом сегодняшнего заседания. Первым будет говорить Сергей Илиодорович Шидловский.

[В своем выступлении, посвященном возможности заключения мира с Германией, Шидловский говорит, что «заключение сепаратного мира означало бы прежде всего предательство своих союзников... Соглашение же с Германией значило бы продолжение войны, но продолжение войны не за те лозунги, которыми мы до сих пор могли бы гордиться, а за те лозунги, которые мы до сих пор считали унижающими человеческое достоинство».

Вторым способом достижения мира некоторые считают, — говорит Шидловский, — ведение «оборонной войны». «Но этот способ есть не приближение к миру, а этот способ есть тот способ, который в корне развращает армию...»

«Третий, единственный и самый решительный способ скорейшего заключения мира, — говорит Шидловский, — это активная борьба».]

Председатель. Павел Николаевич Милюков.

Милюков.[86] Ровно месяц тому назад Совет рабочих депутатов послал во Временное правительство своих членов и побудил новый состав Временного правительства сделать заявление, в котором высказывалась новая точка зрения на задачи нашей внешней политики![87] В настоящее время, месяц спустя, сторонники новой формулировки открыто признают в печати, что политика Совета рабочих депутатов потерпела полный крах, и призывают к новому пересмотру задач внешней политики и способов их осуществления. Этот момент и для нас является также наиболее удобным для того, чтобы вернуться к вопросу, который имеет громадную важность для России и теснейшим образом связан со всем, что совершается внутри России, к вопросу о войне и об отношении к нашим союзникам. Что собственно случилось за этот месяц, что вызвало такое сильное разочарование тех, кто возлагал большие надежды на новую формулировку задач войны? Случилось то, что союзные с нами правительства, Англия, Франция, а также Соединенные штаты, дали ответ на русское сообщение о задачах войны.[88] С разбора этих ответов мы и начнем, чтобы выяснить себе, что же собственно в них было разочаровывающего. Для того чтобы было яснее, что эти ответы содержат нового сравнительно со старыми задачами нашей и союзной политики, которые преследовались и до русской революции, я напомню вам прежде всего, как ставились цели войны раньше нами и нашими союзниками. Это прямо и определенно сказано в ответе союзников президенту Вильсону в самом конце декабря прошлого года. Позвольте мне прочесть вам выдержки из нашего ответа *(читает)*: «Господин Вильсон желает, чтобы воюющие стороны определили при полном свете дня свои цели при ведении этой войны. Союзники не встречают никакой трудности удовлетворить это желание.

Их военные цели хорошо известны; они были многократно заявлены главами различных правительств. Эти военные цели будут установлены в подробностях со всеми компенсациями и справедливыми вознаграждениями за понесенные убытки во время переговоров. Но цивилизованный мир знает, что в них прежде всего и обязательно включаются восстановление Бельгии, Сербии и Черногории с должным им вознаграждением; очищение захваченных областей во Франции, в России, в Румынии, со справедливым возмещением; переустройство Европы, гарантированное прочным режимом и основанное зараз на уважении к национальностям и на праве полной безопасности и свободы экономического развития всех народов, больших и малых, а в то же время на территориальном и интернациональном соглашении с целью обеспечения сухопутных и морских границ против несправедливого нападения; возвращение провинций, раньше оторванных у союзников силой или против воли их жителей; освобождение итальянцев, а также славян, румын, чехо-словаков от иноземного господства; освобождение народностей, подчиненных кровавой тирании турок, и изгнание из Европы Оттоманской империи как решительно чуждой западной цивилизации». Вот те цели, которые мы открыто заявили вместе с нашими союзниками в конце декабря прошлого года. Формула, которая выставлена была Советом рабочих депутатов и, по его указанию новым составом Временного правительства, вам известна *(голоса: «Да»):* «без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов». Как же реагировали на эту формулу наши союзники и как они связали свои ответы с нашими прежними заявлениями? Вы знаете и ответы союзников — я не буду на них подробно останавливаться. Напомню вам только, что союзники прежде всего категорически заявили, что в общем идеалы, выставленные русской революцией, не противоречат их стремлениям. Вы заметили вероятно, что очень значительная часть ответа нашего Вильсону в декабре прошлого года прямо вытекает из программы «самоопределения народностей» и их освобождения. [89] Конечно оставалось нечто, что могло быть подведено под «аннексии» и под «контрибуции», и от чего следовало бы, следуя русским желаниям, отказаться. Мы знаем однако, что союзные государства прежде всего указали, что смысл этих терминов довольно неопределенный. В одном смысле они с формулой Совета согласны, а в другом считают нужным сделать изъятия: изъятия в пользу того, что они считают входящим в область своих жизненных интересов и что они никоим образом не согласны подводить под понятия «аннексий» и «контрибуций». Подтвердив таким образом во-первых свое принципиальное согласие с той точкой зрения, что война эта есть освободительная, и во-вторых, указавши точно, что именно они разумеют под аннексиями и контрибуциями, наши союзники однако сказали: если все-таки Россия желает, то мы согласны пересмотреть наши старые соглашения и договоры. Вот в общих чертах ответ Франции и Англии. В частности Англия прямо заявила, что сама она лично ничего не преследует, кроме установления такого порядка, который обеспечит весь мир от повторения германского нападения и от будущей войны. Франция заявила, что наша первая задача прогнать врага с нашей территории, а что касается условий войны, она лишь напоминает о необходимости возвращения

Эльзаса и Лотарингии и будет за это бороться до победы; она требует возмещения убытков за бесчеловечные и неоправдываемые опустошения, желает получить необходимые гарантии против повторения этой войны в будущем и считает, что только после победной войны эти цели могут быть достигнуты. Вы знаете, что в ноте французского правительства было еще прибавлено постановление палаты депутатов, т. е. органа, «являющегося непосредственным выразителем суверенитета французского народа», в котором опять категорически были повторены все эти заявления. В особенности интересно и важно содержание третьего заявления, заявления президента Вильсона. Вы помните, вероятно, что на предыдущих заявлениях Вильсона особенно основывались те, кто находил нужным, чтобы война эта кончилась в ничью и чтобы мир, который мы заключаем, был «миром без победы». С тех пор президент Вильсон понял, что поставленная им высокая задача создания международной организации как основы для прочного мира недостижима без борьбы и без победы. И Америка, вместо того чтобы уговаривать других кончить войну в ничью и без победы, сама стала в ряды воюющих, чтобы добиться победы и вернуться не к тому неустойчивому, неопределенному положению, из-за которого произошла война, а к тому новому порядку, который Вильсон предлагал в своих прежних нотах. Естественно, что Америка должна была в особенности разочаровать своим заявлением одних и успокоить других. Вильсон определенно и категорически заявил: да, мы ведем борьбу, мы эту борьбу ведем с целью победы, мы не согласны с теми ошибочными и неправильными утверждениями, которыми в последние недели пытались затуманить задачи войны; мы считаем, что источник этих заявлений заключается в желании германских правящих кругов спастись от неизбежного поражения и воспользоваться влиянием крайних партий, которые вообще никогда не одобрялись германским правительством, но для данного случая послужили орудием интриги в странах, борющихся против Германии по ту и другую сторону океана. И интрига достигла своей цели. Она опутала борющиеся против Германии государства густой сетью интриг, которая должна быть разорвана, для того чтобы добиться целей, действительно поставленных союзниками. Цели эти, подтвердил Вильсон, никоим образом не суть возвращение к тому, что было до войны, не status quo bellum, потому что именно этот status quo ante и привел нас к войне, а достижение такого порядка, при котором повторение войны станет невозможным. Это не громкая фраза, — говорил он, — то, что мы говорим о будущем порядке, а это высокая осуществимая задача. Осуществлять ее нельзя громкими фразами, а можно только практическими средствами, ибо фразы до результатов не доводят. И Вильсон еще раз повторил свою цель, свой идеал: общий международный договор, и твердо заявил, что единственное средство этого достигнуть — общая наша союзная победа. Он указал и на то, что единственная опасность, которая может нас не довести до этой победы, — это наше внутреннее разъединение, и что именно на этот путь нас ведет германская интрига. Все это было сказано вполне ясно и определенно, и это одно должно показать сторонникам новой программы нашей внешней политики, что громкая фраза, как только под нее подводится реальное содержание, перестает служить их утопическим це-

лям и возвращает нас к тем конкретным задачам нашей борьбы, которые мы все одинаково понимали, которые мы определенно поставили и за которые мы продолжаем бороться дальше.

Правда, в ответах союзников были сделаны оговорки, идущие навстречу новым требованиям; вы их недавно читали в последней речи Альбера Тома.[90] Да, может быть в течение войны некоторые из союзников увлеклись «империалистическими» стремлениями, от которых они могут и отказаться. Но в общем, заявил и Альбер Тома, наши договоры соответствуют идейным задачам войны.

Как же отнесся к положению, создавшемуся после ответов союзников, Совет рабочих депутатов и входящие в него политические партии? Из органов этой партии вы можете видеть, что в течение некоторого времени господствовало некоторое смущение, которое сменилось раздражением и негодованием. Нельзя было уже обвинять союзные «буржуазные» правительства в том, что они дали свои ответы, не спросивши своих народов. Обвинение естественно должно было перенестись на самые эти народы, которые поддерживают «буржуазные» правительства. Но если так, то какой же исход? Как дальше вести дело, как поставить задачи русской внешней политики так, чтобы достигнуть такого мира, которого желают политические партии, объединенные в Совете рабочих депутатов? В ответ на эти неизбежные вопросы мы получили целый ряд заявлений очень ярких, быть может вызванных моментом раздражения и потому более категорических, договаривающих до конца те мысли, которые было рискованно высказывать раньше. Чтобы сразу показать, к чему ведут эти мысли, я остановлюсь на большевистском предложении, на проекте их резолюции по поводу нот Англии и Франции, внесенном в Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов. Большевики заявляют, что ответы английского и французского правительств доказали нежелание «империалистической буржуазии» союзных стран стать на точку зрения «мира без аннексий и контрибуций на основании права наций на самоопределение»; тем самым политика коалиционного Временного правительства потерпела полное поражение, и отныне проповедь наступления для армии есть проповедь борьбы за империалистские цели наших союзников. Резолюция большевиков предлагает поэтому вновь пересмотреть соглашение с Временным правительством и изменить внешнюю политику Совета рабочих депутатов. Именно предлагается принять такую тактику: Совет рабочих депутатов немедленно обращается к рабочим и солдатам всех воюющих стран и заявляет, что он отвергает захватные цели войны всех буржуазий, считая притом такими захватными целями «не только удержание областей, которые захвачены во время этой войны, но также и всех неполноправных наций, насильственно включенных в состав этих государств и пребывающих в них без добровольного их на то согласия». Таким образом принцип самоопределения наций сводится к немедленному пересмотру всеми национальностями, входящими в состав воюющих государств, вопроса об их принадлежности к тому или другому государству. Затем Совету рекомендуется заявить, что он «призывает все угнетенные классы всех стран развитием пролетарской революции против империалистских правительств помочь каждому в своей стране борьбе русских рабочих». Чтобы осуществить это в России, Со-

вет должен взять власть в свои руки. Резолюция высказывает надежду, что то новое русское правительство, которое будет поставлено Советом рабочих депутатов, немедленно обратится вновь к воюющим правительствам, «прямо изложит им условия мира и предложит им открыть мирные переговоры». Если правительства, как можно ожидать, на это не согласятся, то такое обращение «разоблачит все эти правительства, поставит их в невозможность удержать власть над угнетенными классами и расчистит путь для мировой пролетарской революции». Вот то последнее слово цельного мировоззрения, высказать которое принудила крайнюю из социалистических партий неудача более умеренно формулированных требований Совета, принятых Временным правительством.

Можно ли однако считать, что такая постановка вопроса свойственна только этой крайней партии? К сожалению сказать этого нельзя. Мы имеем чрезвычайно яркий документ, который исходит от всего Совета рабочих депутатов и обращен ко всем союзным странам, ко всему миру, и цель которого как раз показать, в чем русские министры-социалисты идут дальше министров-социалистов других союзных с нами стран. Дело в том, что министры-социалисты союзных с нами стран суть так называемые «социал-патриоты». Они сторонники борьбы против врага в союзе с другими классами и с своими правительствами, а Совет рабочих депутатов заявляет, что наши министры, вошедшие во Временное правительство, вошли туда совершенно на ином основании, почему и нельзя проводить параллель между ними и иностранными министрами-социалистами. В чем же разница? Вот те пункты, которые Совет рабочих депутатов устанавливает в своем официальном сообщении. Во-первых министры-социалисты русского правительства вошли в правительство с определенным мандатом — добиться всеобщего мира путем согласия народов, а вовсе не продолжать империалистическую войну во имя освобождения народов штыками. Вы знаете, что социалисты-министры союзных стран действительно считают, что надо продолжать войну до победы и что только этим путем возможно получить всеобщий мир. Второй пункт еще ярче. Во-вторых цель участия социалистов в нашем Временном правительстве не есть прекращение борьбы классов, а напротив продолжение борьбы средствами политической власти. Другими словами, классовая борьба есть прямая задача министров-социалистов, вошедших в состав Временного правительства. За границей министры-социалисты самым вступлением своим в правительство показали, что они отказываются от классовой борьбы во время войны. Наши министры говорят, что цель их продолжать классовую борьбу средствами той политической власти, которую они получили, войдя в правительство. В-третьих, оказывается, русские социалисты находятся в другом положении, чем западные, потому что они гораздо свободнее. В России нет таких стеснений, которые существуют в западных государствах на время войны. Кроме того наши социалисты подчинены вполне действительному контролю над ними рабочего класса. Как вывод из этих различий устанавливается, что русские социалисты, войдя в правительство, не только не ослабили своей связи с мировым пролетариатом, но напротив укрепили эту связь общею с ними и отныне более интенсивною борьбою за всеобщий мир.

Таким образом в ответ на заявления наших союзников, которые в общем признали освободительные задачи войны и подтвердили наши общие цели, проведена резкая грань, вырыта как бы пропасть между русскими социалистами-интернационалистами, которые добиваются усиления классовой борьбы и объединения с пролетариатом всех стран, и национально настроенными социалистами Запада. Откуда пришла подобная доктрина? Для большей ясности я позволю себе дать вам историческую справку. Прошлый раз я указывал на конференции заграничных социалистов в Швейцарии, в Циммервальде и Кинтале. Сегодня я хочу остановиться на этих вопросах подробнее. В одной шведской газете «Ny Tid» был поставлен вопрос, правда ли, что Циммервальд повлиял на Россию, что циммервальдские идеи завезены из-за границы в Россию? Шведский журнал ответил совершенно правильно: нет, это неверно. Напротив, Россия привезла за границу циммервальдские идеи, и оттуда они возвращены нам по принадлежности обратно. На самом деле я должен сообщить, что в Циммервальде и в особенности в Кинтале идейными руководителями съездов были наши русские социалисты, как раз те самые большевики, которые в настоящее время орудуют в Петрограде и России. Они диктовали резолюции этих конференций, на которых вообще европейский социализм был представлен очень случайно и очень неполно. Это и вполне понятно, так как громадное большинство европейских социалистов суть так называемые «социал-патриоты». А как отнеслись русские эмигранты-социалисты к этому «социал-патриотизму»? Некоторые к нему примкнули, но многие отнеслись резко отрицательно. В течение всей войны в Европе это крайнее течение русского социализма вело упорную борьбу против национального социализма всех стран, выдвигая же самые положения, которые я вам только что прочел из заявления Совета солдатских и рабочих депутатов. В доказательство я приведу вам несколько примеров. В Лондоне собралась конференция союзных социалистов-патриотов. Это было в феврале 1915 г., т. е. в начале войны. [91] На лондонской конференции между прочим было постановлено, что борьбу надо продолжать, что война ведется по вине Германии. Одному из очень левых социалистов, которого недавно не пустили в Россию за его левизну, Рамсею Макдональду, принадлежит такая фраза в резолюции Лондонского съезда: «Вторжение в Бельгию и Францию германских армий грозит существованию независимых народов, разрушает веру в договоры; победа германского милитаризма была бы поражением и уничтожением свободы и демократии в Европе». Как видите, совсем «социал-патриотическая» фраза, несмотря на то, что Рамсей Макдональд стоит на крайнем левом фланге английского социализма. Против этой-то Лондонской конференции февраля 1915 г. сторонники Аксельрода, Мартова и Ленина выставили следующие возражения. [92] Во-первых они заявили, что собирать одних только союзных социалистов значит противоречить принципу Интернационала. Во-вторых они утверждали, что стремление «правительственных социалистов» союзных стран «поддержать иллюзию социалистического долга защиты страны» — это есть «преступное злоупотребление идеями и авторитетом интернационального социализма, который таким образом прикрывает враждебные ему интересы русских, французских и английских импе-

риалистов». В-третьих они поставили своими задачами во-первых раскрытие тенденций этой войны, во-вторых скорейший созыв интернациональной конференции всех стран. А в качестве «лозунгов одновременной революционной мобилизации пролетариата всех стран, лозунгов революционного действия, которые надо противопоставить лозунгам Лондонской конференции», намечено «скорейшее окончание войны с самым решительным отклонением всяких насильственных аннексий». Указано далее, что для того, чтобы добиться скорейшего заключения мира, необходимо «разорвать национальный блок во всех воюющих странах, вернуться к пролетарской классовой борьбе рабочих воюющих стран на экономической и политической основе и потребовать от социал-демократов, вступивших в буржуазные министерства Франции и Бельгии, выхода из этих министерств». Вот первая декларация заграничных большевиков. Она находится, как вы видите, в очень тесной идейной связи с заявлением Совета рабочих депутатов. Но эта декларация не единственная. Вот манифест ленинской большевистской группы русской социал-демократии, составленный для Копенгагенской конференции в январе 1915 г. Здесь говорится, что «оппортунисты социализма подготовили крушение Интернационала тем, что они отрицали социалистическую революцию и заменяли ее буржуазным реформизмом, что они отклоняли превращение в известные моменты классовой борьбы в междоусобную гражданскую войну, что они отрицали утверждение Коммунистического манифеста 1847 г., состоящее в том, что «у социалистов нет отечества», что они удовлетворяются сентиментальными мелкобуржуазными взглядами о возможности уничтожения милитаризма, вместо признания необходимости революционной борьбы пролетариата всех стран против буржуазии всех стран. В противоположность всему этому ленинская группа выдвигает требования: «вместо парламентской борьбы и легальных возможностей создать нелегальные формы агитации и организации во время войны». Большевики заявляют, что «революционные социал-демократы используют свой организаторский опыт и свои связи с рабочими классами для того, чтобы создать приспособленные к моменту кризиса нелегальные формы, для того, чтобы объединить рабочие классы не с буржуазией своей собственной страны, но с рабочими всех стран. Превращение настоящей империалистической войны в гражданскую войну — это единственно правильный пролетарский лозунг, который диктуется опытом Коммуны и Базельской резолюцией 1912 г.». [93]

На этих основаниях была созвана и осенняя конференция 1915 г. в Циммервальде, которая впервые провозгласила эти лозунги уже от имени меньшинства интернационального социализма. Но еще ярче то же самое было провозглашено на апрельской конференции 1916 г. в Кинтале. Для того чтобы охарактеризовать психологию этой конференции, я познакомлю вас еще с одним документом. Это проект манифеста, который предложен Кинтальской конференцией и написан Аксельродом и Мартовым. Их рассуждения сводятся к тому, что «буржуазные надежды на будущий международный порядок, на разграничение сфер влияния, на частичное разоружение и на обязательность третейского суда — это популярнейшие взгляды в области «пацифизма» — все это вещи никуда негодные и что пролетариат в развитии

международного права не может усмотреть действительной гарантии постоянного мира». «Единственное средство для того, чтобы уничтожить злую волю империалистских клик, есть ослабление диктатуры этих клик революционным давлением пролетариата». Каким способом? Аксельрод и Мартов указывают этот метод: обезоружение буржуазных правительств радикальной демократизацией армии, отмена постоянных войск и введение международной милиции, действительно народного вооружения по системе, построенной на демократических гарантиях. Конечно, прибавляют они, «демократизация системы народного вооружения должна стоять в теснейшей связи с успехами классовой борьбы пролетариата за власть в государстве, и только тогда станет возможным уничтожение тайной дипломатии, действительное подчинение международных отношений и договоров, которые их регулируют, контролю народных представительств» и т. д. «Пролетариат может подготовить реальные гарантии к уничтожению всех войн и поводов к войнам лишь в той степени, в которой он гораздо теснее, чем было до сих пор, сплотится в интернациональную политическую силу и откажется подчинить свои собственные интересы национальной солидарности и так называемой «обороне отечества». Вот стало быть на какой путь — «на путь циммервальдского манифеста, на путь восстановления общеклассовой борьбы против объединенного в войне буржуазного общества, на путь безусловного разрыва всяких священных союзов и всякого гражданского мира между партиями, на путь непримиримой войны со всеми общественными силами, которые ведут эту войну и затягивают ее, на путь международного соглашения пролетариев всех стран для немедленного окончания войны и уничтожения классового господства буржуазии, на путь социальной революции» — и зовут авторы проекта манифеста, предложенного в Кинтале. Как известно, в Кинтале эти именно лица, русские большевики, руководили принятием резолюций.

Как же отнеслись к этим русским деятелям, идеология которых столь определенна и всегда одна и та же, как отнеслись к ним заграничные социалисты? Германцы находят, что, — я беру цитату их книги Эдуарда Давида «Социал-демократия в мировую войну», [94] — «если бы эта тактика русских социалистов рекомендовалась как пригодная для России, то против этого нельзя сказать ни одного слова». Но все дело в том, что русские социалисты доказывают, что их тактика годится и для Европы. И вот германские социалисты первые против этого возражают. Давид говорит: «Я считаю, что теория тактики, которая здесь излагается, есть специфически русская тактика. В России эта тактика имеет реальные условия существования, это ее истинное отечество, там у нее самые сильные корни, оттуда и большая часть пропагандистов мужского и женского пола. В течение лет они хорошо подвешенными языками и гибкими перьями стараются обработать терпеливую германскую партию, собрать около себя общину, и живут в мечте, что миллионные массы германской социал-демократии могут быть приобретены для тактики внепарламентского действия. Но вот наступила буря войны и сдула карточный домик глубоко обоснованных теорий и непорешимых пророчеств». Таково ироническое отношение к проповеди русских циммервальдцев и кинтальцев — тех самых социалистов, на

которых они рассчитывают, что те произведут революцию в Германии и низвергнут кайзера. [95] Я прочту вам еще один отрывок в том же роде. У меня в руках остроумная лекция социалиста Грумбаха, прочтенная в Швейцарии в присутствии наших большевиков: «Ошибка Циммервальда и Кинталя». Вот страничка, посвященная большевикам. Разобравши очень шаткие взгляды Раковского, известного ныне румынского социалиста, Грумбах продолжает: «Гораздо проще, чем Раковский, поступают товарищи Ленин и Зиновьев, которые оба от имени русских большевиков были и в Циммервальде и в Кинтале. С ними мы подходим к великим инквизиторам Интернационала. По счастью у них нет исполнительной власти, иначе зажглось бы много костров в Европе; многие из нас под звуки ленинских гимнов в честь «истинно-ленинского социализма» были бы поджарены и в качестве погибших буржуазно-националистически-шовинистически-социал-патриотически настроенных душ попали бы в ад изменников социализму».

В книге о «Социализме и войне», изданной Лениным и Зиновьевым, авторы пишут, разбирая вопрос о наступательной и оборонительной войне: «Когда например завтра Марокко вступит в войну против Франции или Индия против Англии, Персия и Китай против России, это будет справедливая оборонительная война, независимо от того, кто начнет эту войну». [96] Грумбах по этому поводу замечает: «Здесь сумашествие становится системой. Значит колонии сами могут вести наступательные войны, и Ленин был бы в состоянии воссесть на арабского скакуна, облечься в белый бурнус и, бормоча истинно-большевистские формулы заклинаний, защищать независимость его величества султана Марокоша и Феса. Но когда величайшая республика Европы, которая вопреки своей капиталистической болезни, которую она естественно разделяет со всеми другими государствами всего капиталистического мира, все-таки может считаться демократией, когда эта страна ведет войну против вторгнувшихся войск феодальной Германии, победы которой циммервальдец Троцкий так страшно боится, они говорят: это изменники социализму, и истинно-большевистский удар грома падает с ленинской головы на социал-патриотов». Обращаясь к Зиновьеву, который как раз прервал его на этом месте лекции, Грумбах продолжает: «Вы живете в мире механических построений и революционных иллюзий. Это дает вам вид полной уверенности, полной свободы от всех тревожащих сомнений. Но все-таки, если вы надолго предадитесь этим настроениям, у вас могут сказаться и разочарования, которые для общего движения окажутся довольно вредными». Не хотите ли доказательств тех иллюзий, которым предается Ленин, бесспорный вождь важной группы циммервальдско-кинтальского направления? Возьмите интернационально-марксистский орган «Vorbote», январский номер 1916 г., и читайте статью Ленина: «Факты говорят, что в 1915 г., как раз на основе революционного брожения в массах, вызванного военным кризисом, возрастают забастовки и политические демонстрации в России, забастовки в Италии и Англии, голодные политические демонстрации в Германии. Что они иное, как не начало революционных массовых столкновений»? [97] Грумбах замечает: «Здесь сказался весь Ленин с его оригинальными очками, через которые он смотрит на жизнь. Итак голодные демонстрации в Германии есть на-

чало революционной массовой борьбы! Ленин решается написать подобные слова. И однако ничто не было так далеко от революционной массовой борьбы, как голодные восстания, которые вызвал недостаток жизненных припасов в Германии. Хороша революционная борьба, которая возмещается под давлением английской блокады. Наоборот, можно с гораздо большим правом сказать, что тот факт, что несмотря на страшные страдания германского народа и его неимущих классов, несмотря на пропаганду оппозиции, которая указывала на то, что на Германии лежит главная вина за начало этой войны, несмотря на полное отсутствие хотя бы малейших демократических реформ в области внутренней политики, несмотря на неслыханное давление, которое производят военные власти, несмотря на сотни и тысячи арестов, которые предпринимаются, чтобы удалить с улицы политически подозрительный элемент и без дальнейшего расследования бросить в тюрьмы, несмотря на нарушение парламентского иммунитета по отношению к столь популярному народному вождю, как Либкнехт, — несмотря на все это спокойствие, за исключением нескольких уличных стычек, оказывается вполне сохраненным. Этот факт дает достаточное доказательство полного недостатка революционной склонности у германского народа».

Вот цитата, которая чрезвычайно ярко характеризует и то, как относится германская социал-демократия [98] к тем теориям, которые разделяет наш Совет рабочих депутатов, и то, как сам германский народ нечувствителен к той агитации, которая к сожалению имеет у нас такое большое влияние. В замечании германского социалиста, что теории Ленина, Мартова, Аксельрода и Троцкого больше всего годятся для России, вы чувствуете не только психологическое наблюдение над тем, при каких условиях появились на свет подобные теории. [99] Вы чувствуете здесь также и практический намек, как всего удобнее было бы употребить этих теоретиков. В самом деле, кому и где всего выгоднее применение подобных теорий? Несомненно выгоднее всего они для германцев в России. И мы уже видим целый ряд германских попыток создать широкое распространение этой проповеди в России. Я не буду говорить о первом акте, об этом знаменитом путешествии через Германию целых пачек циммервальдских и кинтальских проповедников. [100] Я буду говорить только о последующих шагах, которые показывают, что германцы внимательно следят за тем, что у нас происходит. Вы знаете, что в то самое время, когда появились наши негодующие протесты против ответа союзных держав, Совет рабочих депутатов получил и опубликовал известную радиотелеграмму Гинденбурга, которая совершенно определенно устанавливает по крайней мере две попытки германцев войти в мирные переговоры через русские войска, — не через правительство, а именно через войска, уже разложившиеся под влиянием циммервальдской теории. [101] Для того чтобы понять, почему именно по этому адресу направляются германские усилия, припомните напечатанную сегодня в частях выдержку из статьи известного проф. Дельбрюка, которая указывает, что в других странах и в другие времена, когда правительства не хотели заключать сепаратного мира, то обыкновенно этот мир заключали соседние друг с другом армии. К счастью эта первая попытка оказалась

бесплодной. Оказалось, что Драгомиров не отвечал на письмо. Другая попытка в 8-й и 9-й армиях тоже осталась без последствий. Тогда Гинденбург обращается с апелляцией к русскому народу, — потому что его радиотелеграмма предназначается уже для русского народа, — от которого правительство скрывает такой важный первый шаг к заключению мира. В своем обращении Гинденбург говорит: давайте войдем в переговоры и пусть они будут секретны от ваших союзников. Вы не хотите ведь опубликовать тайных договоров; так вступайте и с нами в тайные переговоры. Что касается содержания их, этого содержания мы вам сейчас не скажем. Но мы можем сказать одно, что мир будет честный для обеих сторон и даст России «экономическую поддержку на благо всем причастным народам». Другими словами, на счет «аннексий» германцы молчат. Но они не могут умолчать об одном существенном для них вопросе, вопросе о торговом договоре. Как вы помните, война наша началась тогда, когда истекал срок торгового договора. Очевидно Германия, предлагая сепаратный мир, считает, что обстоятельства сложились сейчас не хуже для нее и не лучше для нас, чем тогда, когда был нам навязан во время прежней неудачной войны с Японией договор 1904 г. Германия умеет выбирать моменты, чтобы крепко сесть на шею русского народа, и умеет прикрыть это тем предлогом, что она «даст России экономическую поддержку». [102]

По счастью Совет рабочих депутатов на предложение Гинденбурга нашел достойный ответ. [103] Он заявил, что открытое предложение сепаратного мира с германским императором наши революционные войска отвергли бы с негодованием. Но что предлагается генералом германского императора, кроме сепаратного мира? — «сепаратное перемирие». И он указывает на то, что германский генерал «забыл о том, что русские войска знают, куда уведены с нашего фронта германские дивизии и тяжелые батареи. Он забыл, что до России доносится шум кровавых боев на английском фронте и французском. Он забыл, что Россия знает, что разгром союзников будет началом разгрома ее армии и повлечет за собою гибель революции, гибель свободы и гибель России». Все это прекрасно сказано. Но отчего же в этом заявлении ничего не сказано о наступлении? Отчего здесь говорится только об «удвоении энергии над воссозданием боевой мощи России»? Сопоставьте этот вопрос с очень странным и двусмысленным отношением, какое обнаруживает Совет рабочих депутатов к той деятельности, которую с большим успехом развивал в последнее время военный министр. Сопоставьте это умолчание с той новой редакцией вопроса о наступлении, которая становится теперь популярной. Нужно оказывается не самое наступление, а «подготовка к возможности наступления». При этом в «подготовку» включается и удостоверение относительно тех целей войны, которые преследуют с нами наши союзники. Такая «подготовка» очевидно может затянуться на весьма и весьма долгое время. Таким образом очень благородные слова и чувства Совета рабочих депутатов не ведут к тем практическим действиям, которые единственно могли бы спасти Россию. И я понимаю только уехавшую от нас депутацию итальянских социалистов, [104] которые, выдержавши весьма строгий и придирчивый экзамен на счет империалистических стремлений итальянцев в этой войне, в свою очередь позволили себе поставить один скром-

ный вопрос: будете ли вы наступать или нет? Причем на этот вопрос они тоже не получили определенного ответа.

К сожалению провокационный шаг Гинденбурга не единственный. Германия ищет сепаратного мира не только на фронте, в окопах, она ищет его в России. Сам председатель Циммервальдской конференции Роберт Гримм, личность очень хорошо и определенно известная во всей европейской социал-демократии, является в Петроград. Я должен сказать, что в мою бытность министром я запретил Роберту Гримму въезд в Россию, зная, что Роберт Гримм является агентом германского правительства. *(Голоса:* «Правильно!» *Рукоплескания.)* Сегодня мы читаем в газетах, что Роберт Гримм выслан обратно за границу и смешанным министерством с участием министров-социалистов. К сожалению только министрам-социалистам понадобился целый месяц для того, чтобы удостовериться в том, что мне было известно больше месяца тому назад. Только теперь они узнали, что Роберт Гримм получает поручения от германского правительства,[105] что он является посредником через головы правительства опять по тому же вопросу, по вопросу о сепаратном мире. А за этот промежуток Роберт Гримм присутствовал на сходках, говорил речи — непременно на немецком языке — был чествуем социалистическими деятелями, словом, составил себе хорошую репутацию, по счастью не надолго. Есть и еще факт того же рода. Недавно арестован довольно известный писатель, писавший под именем Баяна и Серенького в разных газетах, г. Колышко. Его арест раскрыл неожиданные вещи. Оказывается, что г. Колышко на германские деньги очень много поработал над удалением из первого состава министерства военного министра Гучкова и министра иностранных дел Милюкова. Таким образом германская работа не ограничивается академическими предложениями сепаратного мира: рядом с этим ведется весьма энергичная, чисто практическая работа, направленная на разложение армии и на расстройство наших отношений к союзникам. Работая параллельно с идеологами Кинталя и Циммервальда, германская интрига достигает целей, которые приятны с одной стороны нашим крайним партиям, а с другой — германскому правительству. Нужно только прибавить одно: наше Временное правительство арестовало Колышко и выгнало Роберта Гримма; а Ленин, Троцкий, вновь проповедующий свою «перманентную революцию», и их товарищи, достаточно нагрешившие против всех параграфов уголовного кодекса, гуляют на свободе[106] *(Голоса:* «Позор»*)* и вносят заразу в русское общество и в русскую армию. Я думаю, нам надо пожелать нашему правительству быть последовательным и перейти от иностранцев и «буржуазии» к социалистам однородного типа. Будем желать, чтобы когда-нибудь и Ленина с его товарищами послали туда же, где находится Колышко.

Я перехожу к другому вопросу. На что собственно надеются, какие планы действий теперь могут предпринять левые партии Совета рабочих депутатов? Они признают стало быть, что их старый план разрушен, что так сказать добром прямо ничего не получишь от союзных правительств. Что же теперь нужно сделать? Тут возникают разные планы. Первый и самый легкий, потому что он отсрочивает решение вопроса, — это созыв международной социалистической конференции.[107] Там,

на международной социалистической конференции, говорят нам, мы сговоримся; там мы восстановим Интернационал и навяжем Интернационалу кинтальские идеи. Надо однако сказать, что и этот план, по мере того как он разрабатывается, оказывается не столь уже удачным, как предполагалось вначале. Почин созыва международной конференции сделали собственно говоря не русские социалисты, он сделан голландцами. В Голландии идет весьма оживленная агитация в пользу мира. Там существуют и пацифистские общества и публикации этих обществ. Голландские социалисты — Трульстра и его друзья — первые отправились в Стокгольм, чтобы там созвать Интернационал. На первых же порах они натолкнулись на очень серьезное затруднение. Единственный *свободный* представитель Интернационала и председатель Международного бюро в Брюсселе Вандервельде принадлежит к числу «социал-патриотов». Вандервельде — единственный человек, который мог законно созвать конференцию, — не созвал ее. Совершенно естественно, что, прибыв в Стокгольм, голландцы должны были после некоторого размышления отказаться от созыва Интернационала. Они пошли другим путем. Они сговорились с норвежскими, шведскими и датскими социалистами об образовании объединенного голландско-скандинавского комитета и заявили, что хотя действительно они созвать Интернационал не в праве, но они в праве пригласить социалистические группы всех стран отдельно и с каждой отдельно переговорить. И они предоставляют себе право, если большинство этих групп выскажется за общий съезд социал-демократических представителей всех стран, созвать этот съезд. И вот в Стокгольм началось паломничество отдельных социалистических групп, которое продолжается до сих пор. Но раньше чем эта голландско-скандинавская идея развернулась до конца, Совет рабочих депутатов неожиданно объявил, что он берет почин созыва международной конференции на себя и что он приглашает социал-демократов всех стран пожаловать в одну из нейтральных столиц. [108] Тут произошел опять некоторый конфуз, потому что Совет рабочих депутатов как таковой к Интернационалу не принадлежит. К Интернационалу принадлежат отдельные социалистические партии, и каждая из них принимается по особому постановлению. Совет рабочих депутатов не есть такое учреждение, которое могло бы созвать Интернационал. Поэтому за границей произошло большое смущение. Не могли понять, какое право имеет новоявленное русское учреждение обращаться с формальными предложениями к международному социализму. Надо сказать однако же, что рядом со смущением было и некоторое чувство удовольствия: те, кто не хотел ехать на съезд настоящего Интернационала, сказали себе: ну, если русские союзники зовут, то отчего же к русским и не поехать? На этом основании переменилось настроение французских социалистов, большинство которых до сих пор упорно боролось против созыва Интернационала во время войны. Французское большинство и меньшинство вместе решили, что по призыву русских ехать можно, но все-таки с оговоркой, что в Стокгольме с германцами, с империалистами срединных империй не будет встречи. Мы согласны разговаривать с социалистами срединных империй, говорят французские социалисты, только под одним условием: если они решат вопрос о войне, вопрос об ответственности за

эту войну и скажут, что в войне виноваты Германия и Австрия. На эту точку зрения стали и те социалисты, которые приезжали в Россию, — Вандервельде и Тома. Оба они определенно об этом заявили. Вы знаете довольно резкое письмо их Исполнительному комитету Совета рабочих депутатов, когда он опубликовал 3 июня свой призыв всех социалистов на международную конференцию.[109] Во-первых оказалось, что Совет рабочих депутатов не только не посоветовался с международным социалистическим миром, но даже не посоветовался и с теми его представителями, которые были здесь налицо и с которыми он вел предварительные переговоры. Для Тома, Вандервельде и Гендерсона этот призыв явился совершенно неожиданным и несоответствующим тем переговорам, которые они вели. Мало того, Совет рабочих депутатов пригласил в Россию английскую рабочую партию, и прежде чем успели приехать приглашенные, призыв был уже опубликован, хотя английская рабочая партия была еще меньше согласна на созыв Интернационала, чем французская. В печати уже имеются совершенно определенные сообщения, что исполнительный комитет британской рабочей партии, который сперва решил было участвовать в конференции, потом изменил решение, вернулся к постановлению, которое принято в годичном собрании партии 5 месяцев тому назад, — не участвовать ни в какой социалистической конференции в Стокгольме. Правда не все британцы посмотрели на это таким образом. Рамсей Макдональд, тот самый Рамсей Макдональд, о котором я говорил, как об авторе патриотической фразы в резолюции Лондонского конгресса, все-таки решил поехать. Но вы знаете, что случилось. После того как британская рабочая партия решила не ехать, она решила, что представители меньшинства, маленькой кучки не могут представлять ее мнений в России. Союз матросов отказался сопровождать тот корабль, на который сядут представители британских интернационалистов. И вы знаете, что Рамсей Макдональд и его спутник Джоэтт, известный своими выступлениями в палате общин, должны были вернуться в Лондон с корабля.[110] В Лондоне в Трафальгарском сквере собрался митинг в десяток тысяч человек, на котором председатель союза матросов сделал такое предложение: у нас в союзе британской рабочей партии 3 миллиона 700 тысяч человек. Пусть Рамсей Макдональд соберет за себя хотя бы полмиллиона, тогда мы повезем его в Стокгольм и Петроград. Но если он их не наберет, то значит он представляет такое незначительное меньшинство, которое не может быть выразителем мнения британского рабочего класса. Известно, что партия Рамсея Макдональда далеко не доходит до цифры 500 тысяч человек, и что этой цифры он никогда не мог бы собрать.

Таким образом вы видите, что Стокгольмская конференция, которая на первых порах казалась такой возможной, такой близкой, сперва откладывается, переносится с одного срока на другой, а затем начинает и вовсе расстраиваться. В печати уже промелькнуло официальное сообщение, что постановление Петроградского совета рабочих депутатов встретило при осуществлении серьезные затруднения как организационного, так и политического характера. Подводя итог всей этой истории, мы прежде всего видим, что дело идет не об одной конференции, а о целых трех видах ее: о конференции, которая не собирается, —

конференции действительного Интернационала, о голландско-скандинавском комитете, который может собрать только отдельные группы, и наконец о русском предложении, которое вообще выходит из рамок интернациональной организации. Мы видим далее отношение разных национальных социалистических групп: отношение сперва несколько смущенное, готовое итти навстречу русским социалистам, затем все более и более решительно от них отмежевывающееся. Конечно. идея конференции еще не брошена. Конечно социалистические партии, продолжающие мечтать, что можно социализм всего мира убедить к принятию кинтальской точки зрения, считают возможным положить начало новой всемирной эре на международной конференции. В действительности, если эта конференция соберется, она соберется лишь для того, чтобы констатировать глубокое отчуждение между социалистами двух воюющих лагерей Европы. Во всяком случае созыв конференции есть решение не сегодняшнего дня. Это решение затягивается на месяцы. Очевидно и то приглашение на официальную конференцию союзных правительств, которое сделано сегодня Временным правительством, также не решает вопроса: по мысли министров-социалистов деятельность союзной конференции связана с тем, что будет намечено и решено социалистической международной конференцией. Какой же может быть немедленный исход, если старая политика явно не удалась, если весь мир не только буржуазный, но и социалистический, в лице громадного своего большинства, стоит на своем и в ближайшем будущем переменить своего взгляда не желает. Мы имеем за последнее дни довольно много признаков полного отчаяния, диктующего самые крайние и безумные решения. Один из этих смертельных скачков мысли мы встретили дня два тому назад в статье некоего г. Мстиславского, напечатанной в «Деле народа» органе эсеров — большевиков [111]. Мстиславский ставит вопрос ребром, как в той старой сказке, где путник не знает, куда пойти — направо или налево: в одну сторону пойдет — коня потеряет, в другую пойдет — сам погибнет. Мстиславский уверяет, что итти надо прямо, причем откровенно оговаривается, что на этом пути можно потерять и коня и самого себя. Правда ему трудно объяснить: что значит итти прямо. Когда он пытается это все-таки растолковать и себе и читателю, то его объяснения сводятся вот к чему. Раз мы верим в русскую революцию, верим в те идеи, которые положены в ее основу, то мы должны верить и в то, что эти идеи способны создать всемирную революцию, привести к победе пролетариата над всеми буржуазными правительствами и таким образом повести не к пацифистскому миру, а к настоящему пролетарскому миру. Если мы не притворяемся, а в самом деле верим в такую идею, то значит мы просто должны объявить войну всем ее противникам. Разорвем все договоры, которые нас связывают, и начнем борьбу против всех сторонников империализма, где бы они ни были. Вот точка зрения, может быть немножко напоминающая настроение Великой французской революции. Эта революция тоже объявила войну всем и разнесла идеи Великой французской революции по всей Европе. Но ведь дело в том, что независимо от качества этих идей — к нему я уже возвращаться не буду — как будто бы настроение тех, кто призван воевать, мало похоже на энтузиастическое настроение войск Великой французской

революции. И я сказал бы, что г. Мстиславский в погоне за своим мыльным пузырем никого не увлечет, — если бы он не увлек орган большевиков эсдеков «Новую жизнь». [112] Все же с одним таким союзником далеко не уйдешь. И естественно, что поиски исхода из создавшегося положения не прекратились. На этих днях намечен еще один исход. «Сепаратный мир» — это не хорошо, о сепаратном мире не говорят даже на левом крыле того съезда советов, который сейчас собирается. «Сепаратное перемирие» — тоже не хорошо. Но вот нельзя ли устроить всеобщее «перемирие»? И на наших глазах уже началась систематическая проповедь, идущая из того же ленинского лагеря, — проповедь «всеобщего перемирия» вплоть до момента, когда буржуазные правительства сговорятся с своими демократиями о целях войны. Конечно авторы проекта о всеобщем перемирии начинают с точки наименьшего сопротивления: с Петрограда, а в Петрограде — с солдат-большевиков. Собрание в 3 тысячи человек, — так по крайней мере говорят газеты, — собрание в 3 тысячи солдат на Марсовом поле так и постановляет: установить всеобщее перемирие на всех фронтах и потребовать от Временного правительства соответственного поведения. Я боюсь, что эту формулу мы встретим где-нибудь в резолюции, которая проскочит в один из этих дней на каком-нибудь съезде, потому что проповедники подобных лозунгов проявляют изумительное упорство. Быть может мы стоим в эту минуту перед новой формой коллективного безумия, — которое в свое время тоже рассеется и тоже поймет, что оно — безумие, если только оно — добросовестное безумие. Но, ведь, опять пройдет время, опять пройдет полоса нового бездействия на фронте! Я очень боюсь в самом деле, что то, что налажено нашим военным министром, будет опять разлаживаться отсюда, и что мы упустим последнее время, когда на вопрос наших союзников: выступаем мы или нет, мы еще можем дать ответ удовлетворительный и для нас и для них.

Казалось бы, если уж действительно нет никакого исхода, — а добросовестный полемист, мне кажется, с этим не может не согласиться, — то раз уже объявлен полный пересмотр старой тактики Совета, — той тактики, которая привела Совет к краху во внешней политике, не лучше ли было бы поступить самым простым образом и откровенно признаться, что с самого начала была сделана ошибка и выбран неверный путь. Но это самое простое как раз есть то, что особенно трудно. И я вижу источник этого затруднения. Признаться в ошибке — значило бы отказаться от веры утопического социализма в чудотворную силу революционной идеи, способной перевернуть весь мир. Ведь нам теперь все чаще и настойчивее говорят, что русская революция есть революция социалистическая, что она развертывается под знаменем социализма, что ее ведут, раскрывают и углубляют дальше социалистические партии. Правда, это мнение не единственное. Этому мнению социалистов-утопистов противопоставляется другое мнение социалистов-реалистов, вспоминающих еще свои учебники. По этому мнению «научного социализма» сейчас социалистической революции не может быть, что может быть только *буржуазная* * революция, которая уже подготовит перспективы для социализма в дальнейшем, но которая

* Курсив в подлиннике.

сама по себе несоциалистична. Между этими двумя точками зрения идет неравный бой, потому что нужно признаться, что даже умеренные элементы нашего социализма склоняются к утопическому решению. Нужно прибавить, что есть и третье, среднее мнение, пожалуй худшее из всех. Это мнение говорит: да, по научному социализму наша революция действительно буржуазна, но в дальнейшем своем развитии она может стать социалистической. Тогда она и бросит те искры, которые произведут пожар на весь мир. Так смотрит испытанный старый утопист, который этим взглядом уже способствовал гибели одной русской революции — революции 1905 г. Это мнение Троцкого, который теперь возвращается к своей теории «перманентной» революции и по свидетельству знающих людей встречает на этот раз больше внимания к своей проповеди, чем встречал прежде.

Я хотел бы в виду всех этих споров высказать и свой взгляд на вопрос, какова наша революция: социалистическая она или буржуазная, или же наконец буржуазная, которой суждено стать социалистической. Я готов защищать мнение, что наша революция не есть ни то, ни другое, ни третье. Она есть революция *национальная*, * революция всенародная, т. е. она объединяет в себе все классы и все общественные группы и ставит пред собою задачи, которые должен осуществить весь народ, которые только *весь* народ и может осуществить. [113] Я осмелюсь выставить положение, что революция, построенная на одном только социалистическом фундаменте, была бы слишком слаба, ибо этот фундамент в России слишком узок. В этом смысле называть русскую революцию социалистической значит обращать ее на гибель. И лучшие, наиболее проницательные из социалистов сами прекрасно это понимают. Мало этого. Я позволю себе напомнить исторические факты, которые все-таки не так давно происходили, чтобы быть окончательно забытыми. Я напомню вам, куда пришли солдаты, когда утром 27 февраля они вышли на улицу. Если бы не было Государственной думы, вероятно они рассеялись бы по улицам и площадям Петрограда, и я не знаю, что было бы с ними и с революцией. Войска, не ставшие на сторону революции, может быть исполнили бы свое дело. Но русская революция пришла к Таврическому дворцу. В Таврическом дворце она нашла тот идейный центр, который моментально примирил с революцией всю Россию и лишил старый порядок всех его защитников. Говорили о том, что русская революция произошла быстро и совершилась бескровно. Если это было так, то это потому, что во главе русской революции стали лица, имена которых заблаговременно стали известны России и которым *вся* Россия, — не социалистическая только, а вся Россия, — могла поверить. В этот момент русская революция была действительно национальной. К несчастью продолжение не соответствовало началу. Мы видим теперь желание русскую революцию из национальной сделать социалистической, а из социалистической она быть может станет коммунарской. Конечно, если она пойдет по этому пути, то упрется в тупик. Когда говорят об опасности для русской революции, то обыкновенно валят все на так называемую контрреволюцию. Никак не могут даже заговорить о левой опасности, не упомянувши для равнове-

* Курсив в подлиннике.

сия и об опасности справа. Всякое упоминание об опасности для революции непременно должно быть так стилизовано, чтобы можно было разуметь под этим контрреволюцию. Вы знаете, что в контрреволюции обвиняют всех, не только естественных контрреволюционеров, которые сидели на крайних правых скамьях Государственной думы, но и их соседей, и соседей этих соседей, и, переходя к оппозиции, даже партию народной свободы, к которой я имею честь принадлежать. А вслед за партией народной свободы принимаются обвинять Керенского за то, что он якобы совершает действия, имеющие контрреволюционный характер. Другими словами, обвинения в контрреволюционности получают уж слишком расширительный характер. Дело, господа, не в том. Опасности с этой стороны,—опасности от действительной, на стоящей контрреволюции пока нет. Я подчеркиваю, потому что *пока* опасности нет. Но настроение *уже* * есть. Я получаю массу писем, и в том числе из очень демократических слоев, от крестьян и от городской бедноты, которые все чаще и чаще говорят, что прежде было лучше. Конечно с этим настроением еще можно бороться. Конечно настроение это еще не вылилось в определенные формы, еще не приобрело определенных очертаний. Для данного момента контрреволюционной опасности нет. Но она *может* возникнуть, если действительно настанет та опасность, о которой я главным образом говорил: опасность со стороны социалистов «без отечества», которые зовут вас из окопов внутрь страны и борьбу с неприятелем заменяют острой классовой борьбой с целью воспользоваться затруднительным положением во время войны для низвержения всех буржуазных правительств и для перехода власти в руки пролетариата, который повидимому вопреки теории научного социализма готов сделать попытки немедленно ввести социализм в самую жизнь. Лицом к лицу с этой опасностью все русское общество должно особенно памятовать, что революция наша общенародна и национальна. Русское общество должно сплотиться для борьбы с опасностью того большевизма, который, правда, один договаривает свои мысли до конца, но который умеет внушать свои мысли очень многим людям, не знающим их происхождения и не понимающим, куда эти мысли ведут. Я должен прибавить: есть еще одна опасность. Это та опасность, о которой я упоминал, когда говорил о связи между Циммервальдом и Робертом Гриммом, между Робертом Гриммом и германским правительством, между германским правительством и Колышко, между Колышко и свержением старого состава Временного правительства. Эта опасность та самая, на которую так прямо и ясно указал Вудро Вильсон. Это — германская интрига, та интрига, которая берет свое добро везде, где его находит, базируется на партиях, на которые никогда не опиралась в другое время, прибегает к способам, к которым тоже может быть прежде не обращалась. В результате и получается та крепко сплетенная сеть, тот густой туман, та желтая пыль, о которой говорит Вильсон и которую он предлагает поскорее рассеять, потому что время слишком серьезно и задачи, которые оно ставит, слишком велики, чтобы позволять застилать себе глаза туманом и пускать себе пыль в глаза. Таковы опасности, против которых надо предостерегать каждый день и каждую

* Курсив в подлиннике

минуту, ибо идеология большевизма и германская интрига — вот то главное, что может сгубить русскую революцию. Я не знаю конечно, можно ли много сделать убеждением, но то, что можно сделать, должно быть нами сделано. Если Временное правительство после долгой проволочки поймет, что в руках правительства есть и другие средства воздействия, кроме словесного убеждения, — те средства, которые оно теперь уже начинает применять и против иностранцев, и против шпионов, и против дезертиров, — если оно станет на эту дорогу, тогда завоевания русской революции будут укреплены. Вот на этот путь нам следует настойчиво призывать и друг друга и Временное правительство. *(Продолжительные рукоплескания.)*

Ш у л ь г и н. Господа члены Государственной думы. После исчерпывающей речи, которую мы сейчас слышали, я позволю себе остановиться, так сказать, на специальном предмете, который конечно в цикле того вопроса, в котором мы сейчас вращаемся. Если, господа, вам приходилось вот за эти дни прислушиваться к тому, что говорится главным образом на улицах, на митингах, то может быть вы обратили внимание, как и я, что одна из главных мыслей, которые сейчас работают, это та мысль, что войну затеяли капиталисты. Это вы услышите всюду, и это принято как аксиома, против этого никто не спорит; возражающие обыкновенно сами становятся на эту точку зрения и говорят: да, войну затеяли капиталисты, но... Вот, господа, я считаю поэтому, что следует все-таки к этому вопросу несколько подойти. Я должен сказать, что толпа, народ, не подготовленный политически, воспринимает эту мысль очень наивно и до конца: войну устроили капиталисты — значит прежде всего русские капиталисты, и так как естественно их больше всего интересуют русские капиталисты, то на них и направляется главный, так сказать, odium. Возражать против этого конечно довольно легко. Можно было бы просто сказать: предъявите факты, скажите, были ли какие-нибудь постановления, речи, была ли печать, которая вызывала войну в России? Если бы таковые были, то докажите, что это именно велось капиталистическими кругами. Но, господа, развитые большевики — назовем их так — они ведь вовсе не сюда бьют. Они отлично понимают, что, до войны в особенности, русская промышленность была все-таки незначительной величиной в общей силе страны и ни в коем случае она, так сказать, не могла диктовать свою волю и не могла влиять сильно на судьбы государства. Я говорю, развитые большевики это понимают. Когда они говорят о капиталистах, они имеют в виду капиталистов германских отчасти, а главным образом в настоящую минуту капиталистов союзных с нами стран, причем здесь идет такое рассуждение: война вытекла из того, что народы соперничали в вооружениях, а так как увеличение вооружений выгодно капиталистам, то значит этим самым войну подготовили капиталисты. Рассуждение, казалось бы, имеющее известное основание. Но, господа, надо все-таки немножко пристальнее присматриваться к подтасовке слов, которая страшно в моде в переживаемую нами пору; будем же справедливы, станем на эту точку зрения. Да, соперничество народов в вооружениях подготовляло или делало неизбежною войну, а эти вооружения, усиление этих вооружений были выгодны — но кому, господа? Промышленности. А ведь промышленность не состоит только из одних капитали-

стов; промышленность состоит из капиталистов и из рабочих. И потому, оставаясь справедливыми, мы должны были бы сказать, что усиление вооружения было бы выгодно и для капиталистов и для рабочих, что вполне понятно, потому что каждый новый заказ на каждый новый броненосец или на каждую серию пушек давал новую заработную плату рабочим массам, и следовательно если стоять на той точке зрения, что виноват тот, кому выгодно, то следовало бы признать одинаково в этом виноватыми и капиталистов и рабочих.[114] Что, господа, это в известной степени верно, это подтверждается и другими признаками, так сказать, косвенными, потому что мы видим, что идея о том, что это соперничество в вооружении есть страшная беда для человечества, которая когда-нибудь приведет к невероятным потрясениям, она ведь была вовсе не достоянием одного какого-нибудь класса; за эту идею боролись очень многие представители самых разнообразных классов и интересов. Если вы помните например из таких нашумевших имен известное имя баронессы Суттнер, которая написала свой нашумевший роман «Die Waffen nieder», * я должен сказать, что баронессу Суттнер я все-таки к товарищам отнести не могу. Затем самое большое явление в этом деле на пути стремления уменьшить соперничество в вооружении, господа, — будем справедливы, будем справедливы во всякую эпоху, — самое большое дело в этом направлении, во всяком случае самый большой почин, конечно принадлежит нашему бывшему императору тогда, когда по его почину была созвана Гаагская конференция.[115] И я должен сказать, что в ответ на это деяние я по крайней мере не помню, чтобы раздался клич: пролетарии всех стран, соединяйтесь на помощь мирным тенденциям. Нет, это предложение прошло довольно равнодушно во всех классах. Но, господа, ежели верно, что усиленное вооружение, соперничество в вооружении выгодно для промышленности и следовательно для капиталистов и рабочих, а для кого-то невыгодно, то что из этого следует? Из этого, казалось бы, следует, что все те, кому это невыгодно, кого это разоряет, и прежде всего крестьян всех стран, должны были бы объединиться в том смысле, чтобы не было этих заводов смерти, этих Круппов, этих Армстронгов, этих Виккерсов, чтобы их не было. Вот в чем должно было бы быть объединение всех тех, кого эти вооружения разоряют. И, господа, ведь такое объединение, если хотите, до известной степени совершилось, потому что какова бы ни была природа начала войны, но в дальнейшем ее развитии это несомненно было объединение всех крестьян всего мира и других элементов, коим невыгоден милитаризм, против немецких крестьян, — объединение против них потому, что они единственно поддерживали своих капиталистов и своих рабочих в их нечестивом желании во что бы то ни стало до конца света выделывать машины, несущие смерть. Вот, я считаю, какова настоящая природа войны. И если мы, господа, станем на обратную точку зрения и допустим, что восторжествует германская точка зрения, что восторжествует милитаризм, то я вас спрашиваю: что из этого произойдет? Мне кажется, ответ не может вызвать сомнения. Попрежнему вся та промышленность, которая работает на войну, расцветет, потому что опять будут эти

* «Долой оружие».

бесконечные заказы на эти броненосцы, на эти пушки, на эти миллионы винтовок, на эти миллиарды патронов,— все это будет по-старому и деньги на это возьмут с кого? — С деревни, которая опять останется без железных дорог, без школ, без агрономических реформ; все это опять пойдет в пасть этому самому Молоху, Молоху военной промышленности. Поэтому я должен сказать, когда к крестьянам всего мира и к тем элементам, которым невыгодна военная промышленность, присоединятся английские, французские, итальянские, американские капиталисты и рабочие, которые совокупными усилиями бьют немцев, то за это им честь и слава. Почему? Да потому, что они работают против себя, потому, что если не будет милитаризма, если будет сокрушен милитаризм, ведь эта промышленность потерпит страшный ущерб; ведь все эти Виккерсы, Армстронги и Круппы, да и наша «Путиловка», они в значительной степени станут ненужными. Вот, господа, обратите же внимание, где настоящий интерес сохранения милитаризма. Вот он где — в военной промышленности, и поэтому та страна, которая во что бы то ни стало требует, чтобы этот милитаризм был сохранен, именно Германия, это есть та страна, которая служит прежде всего интересам этой военной промышленности, в противоположность интересам всего остального населения. И поэтому, господа, обращаю ваше внимание, когда в этой пропаганде, которая так усиленно здесь ведется за победу Германии, а следовательно за торжество милитаризма, вы считаете виновными только политических германских агентов, вы может быть впадаете иногда в заблуждение; нет, там могут быть агенты и другого рода, там могут быть недобросовестные агенты недобросовестных капиталистов и недобросовестных рабочих всех стран, которые отстаивают интересы своего класса, эгоистические интересы своего класса в противоположность интересам остального населения. Это нужно иметь в виду для того, чтобы понимать всю совокупность происходящего на наших глазах. В конце концов в значительной степени эта война есть война деревни, т. е. того, что производит реальные ценности, против Молоха вооруженности, который хочет все эти реальные ценности переводить только в сталь и в железо, которые несут смерть. *(Рукоплескания и голоса*: «Браво!»)

Председатель. Член Государственной думы Маклаков.

Маклаков. Меня сегодня второй раз берут как бы врасплох; поэтому я хочу остановиться на самом простом, что есть в вопросе, который мы обсуждаем. Ведь в сущности ясно, что судьба России в ее руках и эта судьба решится очень скоро. Если нам действительно удастся наступать и вести войну не только резолюциями, не только речами на митингах, знаменами, которые носят по городу, а вести войну так же серьезно, как мы вели ее раньше, тогда очень скоро наступит полное оздоровление России. Тогда оправдается и укрепится и наша власть, которая покажет, что была достойна управлять Россией, укрепится и наш режим, который не обманул Россию, укрепится и сама Россия, которая покажет, что она достойна свободы. Если все это будет и если эту войну мы благополучно окончим, тогда конечно нет возврата к прошлому. Тогда самые отчаянные противники нового порядка признают, что все те эксцессы, которыми ознаменовались новые порядки, они были временными, неизбежными эксцессами; они

искренно скажут новому строю: «Ты победил, Галилеянин». Тогда за то возрождение России, которое еще впереди, мы возьмемся с той бодростью, с той энергией, которая всегда идет за победой. Но если этого не будет, если все это наступление и вся война окажется пуфом, только словесной, если мы себя действительно опозорим как обманщики и трусы, которые прикрывали свою трусость красивыми словами и стали обвинять именно тех, которых обманули; если мы покажем, что в международных отношениях мы преклоняемся перед кулаком, перед палкой, перед той палкой, которой нас бьет и угрожает нас бить Вильгельм, а куражимся только перед союзниками, которые апеллируют к нашей совести; если мы покажем, что обещаний своих не исполнили и, показавши себя рабами извне, мы внутри получим то, что мы заслужили, тогда ясно, какой конец ожидает Россию. И вот, можно сказать, что перед вами две дороги: одна, очень тяжелая, очень трудная, потому что это дорога борьбы, — да ведь свобода и дается только борьбой, — другая дорога, очень простая и легкая, на которую зовет нас Германия, которая нам говорит: не воюйте и не беспокойтесь, я вам помогу, я помогу даже в финансовом отношении. Вы читали сегодня это обращение к Гримму, где видно, что Германия обещает нам и эту поддержку?[116] Да, это легкая дорога: ничего не делай, подчинись будущему повелителю и заработай себе того нового монарха, которого нам поставит Вильгельм. Это — очень легкая и простая дорога; Нельзя не сознаться, что сейчас среди нашего общества и среди всего русского государства есть сторонники и того и другого пути. Но мы спрашиваем себя: что же должна делать русская национальная государственная власть? Ясно, что она должна делать: она должна опереться на одно течение, чтобы, опираясь на него, беспощадно бороться с другим. *(Голоса:* «Браво, правильно, верно!»*)* Вот та задача, которая стоит перед властью. *(Голоса:* «Правильно, верно!»*)* Я должен сказать, что наше правительство как будто бы это и собирается делать. Мы знаем, что правительство уже принимает некоторые меры, которыми его позиция определяется; мы знаем, что тот наш товарищ, с которым я во время пяти лет Государственной думы единомышлен не был, вел и ведет ту линию, за которую я рад здесь засвидетельствовать ему мое глубокое уважение, — я говорю про Керенского. Господа, не только правительство, но даже вот руководители революции, которые стали во главе ее фактической силы; те, которые претендуют управлять Советом рабочих и солдатских депутатов, эти руководители русской революции, и они в настоящее время, как мы слышим, отмежевывают себя от крайних течений, принимают меры против ленинцев и циммервальдцев; и они как будто начинают бороться и словами, а отчасти и делом вот с тем течением, которое губит Россию. Но я хочу им сказать: для того чтобы они могли бороться с другим течением, бороться не только насилием, — а от насилия они в общем не отрекаются, — мы видим, что против контрреволюции, против сторонников старого строя, против речей за старый строй в их распоряжении оказывается не только контрагитация, но и фактическая сила, иногда очень жестокая, — повторяю, чтобы бороться с этими двумя течениями не только силой, но хотя бы идейно, для этого нужно стоять с ними на разных позициях: для этого нужно, чтобы не приходилось бороться с тем, что они создали сами, не приходилось обуздывать

тех духов, которых они же вызывали сами, не приходилось бы бить по последствиям своего поведения. Трагедия руководителей революции, где бы они ни сидели — в правительстве ли, в Совете ли рабочих и солдатских депутатов, пользуются ли они большим или малым влиянием,— трагедия их в том, что они хотят остановить то движение, которое вызвали сами, то движение, которому они настоящие крестные отцы, которое они породили и хотят остановить его, не меняя той позиции, с которой они его создали. Вот тут их трагедия: они принуждены бить то, что создали сами. Они не могут нанести ни одного удара, который бы не обращался на них, и куда мы ни посмотрим, мы всегда встретимся с этим явлением. Павел Николаевич Милюков только что говорил о достойном ответе, который Совет рабочих и солдатских депутатов дал на наглое предложение Гинденбурга о сепаратном перемирии. Да, Совет рабочих и солдатских депутатов нашел достойные слова: сепаратное перемирие, говорит он, это такой же позор, как и сепаратный мир. Да, это сказал Совет рабочих и солдатских депутатов. Но я все же вспоминаю, что первый сказал о сепаратном перемирии, первый выступил с его проповедью, в ответ на агитацию Керенского, теперешний министр Чернов на съезде крестьянских депутатов, он впервые говорил тогда о сепаратном перемирии; он произнес то слово, от которого ныне отрекаются и которое клеймят те, которые считают Чернова перед собой ответственным. И это во всякой мелочи, во всякой подробности. Я не могу не приветствовать той позиции, которую занимает Совет рабочих депутатов по отношению к анархическому предприятию Кронштадта. Он понял наконец, чем это грозит, он понял, что это удар по России, что это есть то проявление анархии, которое государственная власть терпеть не может. И он обратился к ним не только с призывом, но и с угрозой; он противопоставил им ту силу, которую дает ему его государственное положение, и во имя своего положения он понял, что отдельные лица, только потому, что они сильны, с государственной властью спорить не смеют. Да, это он понял, но я вспоминаю другое: тот же Совет рабочих депутатов в двадцатых числах апреля запретил петербургскому гарнизону слушаться его вождя Корнилова, который из-за этого ушел;[117] он предписал ему выходить на улицу только с разрешения его не государственных, а самозванных вождей. Тот же Совет рабочих депутатов еще не так давно хвалился в одной из своих резолюций, что это уличное движение вынудило к отставке неугодных ему министров. У людей, которые стоят на этой позиции, какое у них моральное и логическое право восставать против того, что сделал Кронштадт? Когда они видят, к чему пришел Кронштадт, когда они бьют его, разве они не чувствуют, что они бьют по себе? А состояние нашей армии? Совет рабочих депутатов понял ужас того положения, в которое ввергнута армия, армия, которая, уйдя от производительной работы в тылу, не воюет на фронте, армия, которую мы должны кормить и которая своего дела не исполняет. Он понял соблазн этих собравшихся вооруженных людей, которые своего дела не делают, а братаются, митингуют и занимаются съездами. Но разве мы можем забыть, что тот же Совет рабочих депутатов узаконил такое состояние армии здесь, в Петербурге, когда он первым пунктом программы поставил невывод и неразоружение петербургского гарнизона,

и разве не он дал армии верную мысль, что военное дело может быть кончено не на поле сражения, не доблестью армии, а обращением к противникам, обращением к народам, обращением к их правительствам, т. е. дипломатической перепиской? Разве не здесь сеялось то, плоды чего везде выросли по России? Когда сейчас люди берутся за ум, когда люди говорят о необходимости переломить настроение, когда к этому перелому взывают на фронте, тогда я думаю о том, что нужно начать с перелома их собственного настроения. Когда будет здесь этот перелом, явный и понятный, когда он будет здесь, тогда можно призывать к перелому на месте. *(Голос:* «Верно»!*)* Без этого, господа, спорить с Лениным невозможно, ибо Ленин только логичнее, только последовательнее их. Ленин говорит «б» там, где они говорят «а.» И что нужно, чтобы создался перелом настроения? Я бы сказал, нужно немного: нужно, чтобы революционное настроение заменилось настроением государственным. Я не думаю конечно отрекаться от революции,—она лежит в основе нашего общего бытия, в основе нашего порядка, в основе нашей власти; от революции мы не уйдем и не уходим. Но есть другая сторона дела. Революция создала нам этот новый порядок и эту новую власть. Сила, которая была в руках революционеров, оказалась сильнее закона. Революция привела к власти тех людей, которые доселе в известной части сидели по тюрьмам; революция дала возможность такой правительственной программе, за которую до сих пор уголовно карали. Все это дала революция, и от этого мы не уходим. Но если революция призвала к власти новых людей, то эти новые люди пришли к власти делать государственное, а не революционное дело. Они стали министрами, они представители государственной власти, а не революционные вожаки; они могут проводить самое крайнее законодательство, но это должно быть государственное законодательство, а не углубление революции. Они получили право создавать законы и потому должны беспощадно карать за беззаконие. *(Голоса:* «Правильно».*)* И поэтому нужно, чтобы они отделались — я не говорю от революционной фразеологии, пусть способ выражения остается за кем угодно, — но от революционной идеологии; нужно понять, что революция принесла государственный аппарат, при котором без революции, без всякого беззакония мы можем достигнуть всего, чего хотим. Нужно это признать и тогда бороться с Лениным. Когда вы Ленину противопоставите государство и родину, когда ленинской агитации противопоставите государственную власть и государственное управление, которые он должен уважать, ибо они воля страны, тогда мы сильны в этой борьбе с его учением. Но если вы будете говорить о том, что вы служите революции, то ведь и Ленин служит ей; если вы будете говорить, что законов нет в революционное время, то ведь и Ленин их не признает; если вы скажете, что физической силой вы могли гнать министров из кабинетов и говорить, что вы не обязаны им подчиняться, потому что вас заставить нельзя, то ведь и Ленин говорит на том же языке, и против Ленина вы бессильны, и Ленин есть тот илот, которого вы напоили вином, которое употребляете сами. И когда я зову к другой государственной идеологии, это не значит ни отречение от революции, ни контрреволюция, это только возвращение революции к ее настоящему облику, а не самозванному, ибо прав был Павел Николаевич, когда говорил, что наша

революция была не социальная и, я добавлю, не интернациональная, а исключительно национальная. *(Голоса:* «Верно!») Эту революцию сделали не пролетарии всех стран, которые соединились против своих правительств, это сделала вся Россия снизу доверху, которая соединилась против своей бессильной власти. И сделано это было не за тем, чтобы помириться с Германией, а чтобы защитить Россию. Вот какова была та революция, которая могла одержать верх, потому что она таковой в это время явилась. Если бы она не отошла от этих своих очертаний, если бы она осталась тем, чем была, нам не пришлось бы говорить о том, о чем мы говорим, не пришлось бы бояться того, что мы предвидим. Но законы революционного движения таковы, что удержаться на этой позиции трудно; тот, кто шел в это время в атаку, редко видит моменты, когда нужно остановиться, он думает, что можно еще занять позицию, можно сделать еще больше, и он бы шел без конца, если бы для вразумления перед ним не встали образы ленинцев, людей, которые отвернулись от родины и уничтожают государство подготовляемой ими анархией; если это крайнее течение способно образумить тех, кто сидит в центре, если оно способно заставить их стать не на революционную, а на государственную точку зрения, защищать не революцию, а родину, если они смогут это сделать, мы благополучно кончим войну, и мы спасены.[118] Но если, призывая ленинцев к покорности отсюда, из центра, мы попрежнему будем считать, что законы нас не обязывают, если попрежнему выше закона мы будем считать физическую силу, то мы, господа, против Ленина будем бессильны, и Ленин воцарится в России за тем, чтобы вывести Россию на путь реставрации. И выхода нет: либо нужно идейно отмежеваться от того, что так ярко представил собою Ленин, либо придется ждать того момента, когда за Лениным явится тот, который воплотит собою ненависть к революции. *(Рукоплескания.)*

П р е д с е д а т е л ь. Член Государственной думы Бубликов.

Б у б л и к о в. Господа. С неослабевающим вниманием слушал я содержательную, как всегда, речь Павла Николаевича Милюкова. Он старался в ясной форме представить то, что мы переживаем. Я ждал, что он в конце своей речи найдет такие тоны, такое слово, которое снимет эту хмару, эту тяжесть с души. Этого не случилось, он этого слова не нашел. После него говорил Василий Виталиевич. Василию Виталиевичу мы не захотели аплодировать все, он не поднял нашего настроения. В чем же дело, господа? В том ли оно состоит, что Государственная дума, членами которой мы здесь являемся, есть труп, который нельзя гальванизировать, что бесплодны речи здесь, что бесполезны наши попытки поднять настроение, что из этого ровно ничего не выйдет, и потому ораторы не находят внутренней силы поднимать нас? Или оно в чем-нибудь другом? Мне думается, повидимому в чем-нибудь другом надо искать объяснения того, что лучшие ораторы нашей Государственной думы не находят звуков и тонов, которые подняли бы нашу душу, заставили бы опять бодро и весело смотреть в будущее. Ведь что собственно такое происходит? После радостных веселых дней, которыми будет гордиться русская история, после первых актов новой власти, которых также не вычеркнешь из мировой истории, вроде акта об отмене смертной казни, началась какая-то полоса, читая историю которой, мы все по чистой совести, без разли-

чия партий, потом через долгие годы будем стараться поскорее перевертывать страницы. Это будет та полоса, которой наши потомки гордиться не будут. В этом периоде, который мы сейчас переживаем, сплошное отсутствие чего-нибудь красивого и благородного. Посмотрите, что есть красивого, чем мы можем гордиться во всем, что нас окружает. То ли бездействием нашей армии, то ли тем, как выразился один из социалистических вожаков, зоологическим классовым эгоизмом, то ли фактами срывания георгиевских крестов с раненых, то ли фактами нападения на этих раненых, угрозы им сожжением, как это было только что в Казанской губернии, то ли явлением братания на фронте? Ведь всем этим гордиться не придется. Почему же все это стало возможным? Почему из периода, который обещал так много, который душу поднимал, светлый праздник в русскую жизнь внес, мы перешли в этот темный удручающий период сплошь некрасивых поступков, когда русскому народу в союзной стране бросают обвинение, что он Искариот. Когда я слышал объяснения Василия Алексеевича, я думал, что он не все объяснения дал и не всех виновных привлек к ответу. Ведь что такое происходит? Ведь вылез из всех нор в русскую жизнь наглец и бесстыдник. *(Голоса*: «Правильно!»*)* Перед этим наглецом и бесстыдником вся Русь примолкла, безропотно, без протеста выслушиваются мерзости невообразимые, с пеной у рта предлагаются действия, которые претят самому элементарному нравственному чувству и энергичного отпора не находят. Я вас спрашиваю, куда делся хулиган, где он самоопределился и почему мы этому хулигану торжествующему подчиняемся, подчиняемся во всех областях? Почему мы ему даем разрушать нашу родину? Почему вдруг целая армия, целая отдельная отрасль государственного хозяйства, проявившая величайшую дисциплину, величайший патриотизм, вдруг примолкла перед рядом лиц, которые ведут ее к таким действиям, которые риску подвергают все наше существование. Почему у нас перестал добываться уголь, почему не возят наши вагоны, почему не чинятся паровозы? Теми же самыми руками, которые в первые дни революции с радостью несли обещание удвоить и утроить свои усилия и удваивали эти усилия и давали при всяких неблагоприятных условиях величайшие плоды, радостные и нужные для родины, почему они теперь поддались провокации элементов, которых они так еще недавно не уважали? Почему даже и в вершинах власти люди с недоразвитой совестью позволяют в эти трагические дни производить интриги и вводить какую-то политическую протопоповщину? Почему мы наблюдать можем этот революционный карьеризм, это подыгрывание к хлопкам первого попавшегося собрания? *(Голоса*: «Правильно!»*)* Я думаю, что, ставя диагноз того, что есть, мы должны иметь мужество сказать, что Россия заболела, что напало на нас какое-то моральное поветрие, что утратился моральный критерий целого народа и что так дальше жить нельзя, что в этой спертой атмосфере задохнется Русь. А какой же выход? Вера у меня в выход та же, как и у Александра Ивановича, — вера в чудо, что где-то ветер выбьет ставни, раму, и чистый воздух вольется в комнату и выкинет всю грязь и вонь, которая в нее набралась, и опять станет на Руси дышаться вольно и свободно. Вера есть, есть желание верить в то, что где-то прорвут этот фронт бездействующий,

где-то одержится победа и опять по Невскому пойдут сплошные толпы радующихся этой победе русских людей. Но ведь, господа, чтобы ускорить этот процесс оздоровления, чтобы его сделать более близким и вероятным, могут ли те, имеют ли право те, которые разбираются в болезни, охватившей родину, которые страдают при виде этого морального падения, сидеть сложа руки? Можем ли мы, в частности вот здесь собравшиеся, продолжать то бездействие, то самоупразднение, которое мы производили с 27 февраля? *(Голоса*: «Нет».*)* Можем ли мы, так охотно обвиняя отдельных представителей избранной нами власти в этом самоуправлении, в этом устранении от обязательных для власти действий, можем ли мы с спокойной совестью обвинения эти предъявлять, не чувствуя за собою прежде всего той же вины? Я думаю, что на этот вопрос нет двух ответов: либо мы должны признать себя трупом и разойтись, перестать быть примером того, что к сожалению так широко распространяется на Руси, перестать быть чиновниками, зря получающими жалованье, — вот теперь эти чиновники десятками тысяч плодятся под видом разных комитетов, — или мы должны попытаться свой долг, как мы его разумеем, исполнить, и первый наш долг — попытаться исполнить то, что мы не делали с 27 февраля: перестать молиться на тех, которым мы передоверили всю власть, и не в порядке критиканства, не в порядке уязвления или ущемления чьих-либо самолюбий, а в порядке обязательной для нас самих критики, совета людей, которые как-никак по 50—100 лет принудительно мыслили в государственном направлении, которые знакомы чисто технически с государственными делами, попробовать тем, которым мы передоверили власть, помочь своими советами и указаниями на ошибки. Можем ли мы отказаться от этой попытки только потому, что как бы демонстративно эта поставленная от нас власть сегодня сюда, невзирая на приглашения, не пришла? Если мы не сделаем этой попытки, к каким бы последствиям она ни привела, как бы она нас ни унизила, если бы ни эта власть не пожелала этой критики, ни посторонние лица не позволили бы нам эту критику производить, мы, господа, должны иметь мужество разойтись, умыть руки и сказать, что мы в создании этой болезни, раздирающей Россию, не принимаем участия и, сколько у нас сил было, мы старались ее вылечить. Вот поэтому я позволю себе предложить вам поставить перед своей совестью совершенно определенный вопрос: существуем мы или нет? И если мы существуем, то в чем могло бы состоять исполнение нашего долга как экспертов в вопросах государственного строительства, экспертов, если не политических, то технических уже во всяком случае, которые могли бы своими советами и своими знаниями помочь устранению тех ошибок власти, указаниями на которые были полны все предыдущие речи, указаниями на которые полны все наши речи за пределами этой залы, полны все речи обывателей г. Петербурга и остальной всей России. Вот, господа, к этому я позволю себе вас призывать. Надо, прежде чем обвинять противника, прежде чем хулить чьи-либо действия, прежде всего исполнить в меру возможности, в меру сил свой долг. Я думаю, что наш долг состоит в одном из двух: или в выходе отсюда или в той критике поставленных нами лиц, в которой они сами нуждаются. *(Рукоплескания.)*

П р е д с е д а т е л ь. Господа, есть три лица, желающих говорить, но уже 6 часов, обсуждаемый нами вопрос требует времени; позвольте

в виду этого дальнейшее обсуждение перенести на следующее заседание. *(Голоса*: «Просим как можно скорее!»*)* В среду. *(Голоса*: «В понедельник!»*)* Тогда в понедельник в 2 часа дня. Позвольте просить вас не расходиться. Временный комитет Государственной думы предлагает вам принять следующую резолюцию: «В сознании, что в ближайшие дни будет разрешаться судьба России на многие десятилетия, члены Государственной думы, собравшиеся в частном совещании, считают своим долгом возвысить свой голос, для того чтобы предостеречь от роковых шагов, могущих навлечь неизмеримые бедствия на отечество. Государственная дума в течение $2^1/_2$ лет войны неоднократно указывала, что, несмотря на все ошибки и преступления прежнего русского правительства, ответственность за начало настоящей войны не может лежать на нем. Россия к войне не готовилась. И по этой одной причине, оставляя в стороне все остальные соображения, Россия должна была сделать и действительно сделала все возможное, чтобы предотвратить войну. Наоборот, Германия употребила все усилия, чтобы не дать восторжествовать миролюбивым стремлениям и, опасаясь колебаний Австрии, поспешила объявить войну России. Таким образом и случилось, что война, которую хотели вызвать, заставив Россию заступиться за Сербию, против Австрии, началась с нападения Германии на Россию. Такому образу действий Германии вполне соответствовала полная боевая готовность этой страны. Германская промышленность оказалась до мельчайших подробностей приспособленной к делу войны, и мобилизация этой промышленности по тщательному много лет назад обдуманному плану началась на следующий день по объявлении военных действий. Эта подготовка, которая велась во всех отраслях жизни, не была тайной для всех слоев Германии. Вероятно поэтому, когда война была объявлена, она встретила сочувствие всего германского народа, несмотря на то, что социалисты в Германии играют выдающуюся роль, и соответственно этому в германском рейхстаге социалистические партии представляют внушительную силу. В виду этого вся вина за то, что в течение почти уже трех лет человечество переживает ужасы, каких не знала мировая история, целиком падает на Германию, которая хладнокровно в течение многих лет подготовляла вооруженное нападение на соседние народы и осуществила это намерение, когда ей показалось, что ее час наступил. Цели, которые преследует Германия, до сих пор держатся ею в тайне. Однако эта тайна в значительной степени разгадана. Земля и деньги — вот цель германского нападения. В немецкой литературе подробно разработана теория о стремлении Германии на Восток. Подразумевая под Востоком Европейскую Россию, Малую Азию и Месопотамию, Германия путем расширения своих владений и в особенности путем принудительной колонизации стремится дать выход своему земледельческому населению, своим немецким крестьянам, не умещающимся на немецкой земле. Одновременно Германия стремится создать широкое поле действий для своей промышленности в Азии и в особенности России, принудив последнюю путем выгодных торговых договоров быть огромной емкости рынком для немецких товаров. Преследуя эту цель, Германия создала план (почти уже осуществленный) союза государств, перерезающего Европу от Немецкого до Средиземного моря, союза государств, который должен стать непроходимой стеной

между Россией и остальной Европой. Эта германского изобретения застава запирает для России не только сушу, но и моря, после того как Босфор и Дарданеллы, принадлежащие слабой Турции, фактически перейдут в руки Германии, а выходы из Балтийского моря также поступят под ее контроль, в виду невозможности для Скандинавских государств оказывать сколько-нибудь действительное сопротивление требованиям победоносных немцев. Когда Германия, имея в виду эти цели, напала на Россию, Франция, верная своим союзным обязательствам, исполнила свой долг. Вслед за этим по причине возмутительного насилия, совершенного над Бельгией, а также вследствие того, что в Англии прекрасно поняли опасность безнаказанного существования мощной военной силы, не сдерживаемой никакими соображениями права и справедливости, и Великобритания выступила на помощь России и Франции. Постепенно и другие державы присоединились к этому союзу, ибо бессовестное применение силы будет всегда вызывать протест, пока в сердцах человеческих бьется чувство благородства, добра и чести. Оценивая совокупность всего, что привело к настоящей минуте, члены Государственной думы полагают, что заключение сепаратного мира с Германией или фактического с ней перемирия, отказ России от борьбы как раз в то время, когда другие державы делают самоотверженные усилия, для того чтобы эту борьбу закончить, явится низким предательством по отношению к союзникам, предательством которого конечно потомство не простит нашему поколению, его совершившему. Заключив сепаратный мир с Россией, Германия вполне достигнет цели, к которой она стремилась материальными средствами. Этот мир нравственно отрежет Россию от остальной Европы, ибо русское имя будет презренно на десятилетия во всех странах, где уважают верность и клеймят измену. Заключив такой мир, Россия, отгороженная от всего света непроходимым хребтом из объединенных Германией срединных государств, должна будет подчиняться всем требованиям этого срединного союза и будет служить для него источником благосостояния и наживы. Великое русское государство превратится в германскую колонию, которая будет эксплоатироваться в соответствии с разработанными немецкими учеными теориями, что славянство как низшая раса должно служить только почвой, где будет возделываться немецкая культура.

В этот грозный час члены Государственной думы считают своим долгом напомнить стране, что Россия стала перед грозным вопросом,— быть ей или не быть; Государственная дума считает своим долгом обратиться к правительству и ко всем гражданам, в особенности ко всем воинам русской державы, напоминая им, что судьба отечества в их собственных руках, что отступать от общенародного, общечеловеческого дела, связавшего нас с союзниками, значит становиться рабами германского народа. Государственная дума признает, что только в немедленном наступлении в тесном общении с союзниками кроется залог скорого достижения окончания войны и закрепления навсегда завоеванных народом свобод». [119] Угодно вам принять эту резолюцию? Ставлю ее на голосование. *(Баллотировка.)* Принято. *(Голоса*: «Единогласно».*)* Я считаю долгом еще доложить полученную вчера телеграмму, на которую ответ не мог быть составлен, но который может быть вы разрешите в проекте составить Временному комитету и доложить в

понедельник: «Петроград. Государственная дума. Наши доблестные союзники зовут нашу армию к наступлению, помочь им в трудную минуту, когда немцы всею своею массою обрушились на них. Мы слышим призывы военачальников и военного министра к наступлению. Но до сих пор его нет, а наши союзники слабеют. Из печати мы, казаки, видим, что отечество в опасности. В чем же дело? Если много людей в армии, которые не хотят воевать, которые думают только о себе, а не о благах своей родины, то скажите нам об этом прямо. Если так, то мы все от мала до велика по вашему зову пойдем на фронт слабодушных, которых мы не можем назвать иначе, как изменниками родины. Подписали уполномоченные от Вознесенского, Кубанского областного станичного сбора казаки: Михаил Лапыгин, В. Фисенко, В. Вокуленко». Затем позвольте вам доложить, что в воскресенье 4 июня на Финляндский вокзал прибывает поезд в 10. 30 утра с военнопленными, в числе 20 офицеров и 226 солдат. Среди них 22 на носилках, 25 душевнобольных, 6 туберкулезных и 1 слепой. Не угодно ли будет представителям от Государственной думы встретить этих страдальцев на вокзале. *(Голоса:* «Конечно».*)* Позвольте теперь заседание закрыть; следующее заседание состоится в понедельник в 2 часа дня.

(Заседание закрывается в 6 ч. 10 м. вечера.)

16 июня 1917 г.

(Заседание открывается в 2 ч. 53 м. дня под председательством В. М. Родзянко.)

Председатель. Господа, позвольте нам приступить. Вы конечно осведомлены о том, что Совет рабочих и солдатских депутатов вынес резолюцию относительно того, что он считает, что Государственная дума должна быть упразднена, и что это обстоятельство было поставлено или должно быть поставлено на рассмотрение Временного правительства. [120] Так как это решение Временное правительство должно было вынести вчера, то явилось совершенно необходимым и неизбежным, чтобы резолюция совещания Государственной думы предшествовала какому бы то ни было решению Временного правительства. Вследствие этого пришлось вчера в частном совещании совета старейшин здесь этот вопрос обсудить и вынести ту резолюцию, которую вы уже читали и которую я еще раз доложу. [121] Но считаю нужным доложить совещанию, что вчера этот вопрос не был обсужден во Временном правительстве, так как министром-председателем был снят с очереди. Засим, что будет дальше, я не знаю, но об этом обстоятельстве я считал долгом вам доложить; в особенности это важно потому, что отсутствует военный министр Керенский, выбывший из Петрограда, и министр труда Скобелев, тоже выбывший из Петрограда, и таким образом, когда этот вопрос будет разрешен, я не знаю. Еще раз позвольте огласить эту резолюцию; здесь конечно изменения уже невозможны, потому что она принята в печать. Угодно вам еще раз прочитать? *(Голоса:* «Просим, просим!»*)* Так вот таким образом: «В виду возникшего в последнее время вопроса о значении Государственной думы...» *(Читает.)* Вот собственно та резолюция, которая была вчера принята. Засим позвольте члену Думы Пепеляеву сделать заявление.

Пепеляев. Господа члены Государственной думы. По поручению нескольких членов Государственной думы имею честь сделать следующее заявление: «Считая, что только сильное и скорое наступление спасет Россию от гибели и презрения всего мира, что зовущие к наступлению обязаны быть готовы отдать свою жизнь, когда положение государства того потребует, что участие в боях будет продолжением исполнения нашего долга, мы, члены Государственной думы Шульгин, Чихачев, Дуров, Гижицкий и Пепеляев, решили встать в ряды действующих войск. Не предрешая сейчас формы, в которой выразится наше участие в защите государства, мы считаем своим долгом довести об этом до сведения совещания Государственной думы». *(Рукоплескания.)*

Дуров. Я добавлю, что побудило меня сделать этот шаг. Я считаю, что государство наше летит в пропасть. Пока не будет окончена война, до тех пор государство не в состоянии заняться производительной работой. Но чтобы окончить ее, нужны какие-то меры. Если бы вся Россия, если бы все до одного граждане российские говорили беспрестанно «мир без аннексий и контрибуций», но ничего не делали, мне кажется, мы бы успеха не достигли и к окончанию войны мы не пришли бы. В этом я глубоко уверен. Я считаю, что только решительные действия со стороны России приведут нас к миру. Если бы наша боевая мощь не была ослаблена, то я думаю, что теперь мы были бы уже близки к миру. Но это не случилось, армия ослабела, дух ее пал, мы не воюем, мы предали своих союзников. Я считаю, что мы действительно сознательные люди, любящие свое отечество, должны доказать на деле, что мы любим его и за него готовы положить свою жизнь. *(Рукоплескания.)*

Пуришкевич. Я несколько злоупотребляю вашим вниманием, но дело в том, что я на частном заседании Государственной думы в первый раз с момента революции. Позвольте мне сделать вам маленький доклад. Вы все знаете, что Россия в настоящий момент быстрыми шагами путем анархии ввергается в пропасть. Каждый день приносит нам все более и более печальные вести и с каждым днем все меньше и меньше просвета перед нами впереди. Я считаю, не потому, что я цепляюсь за власть, как каждый из нас цепляться может, потому что в данный момент за власть, за положение цепляться нельзя, преступно и стыдно, но я считаю, что единственным органом власти в России может быть Государственная дума, та Государственная дума, которую обвиняют в том, что она буржуазная, та Государственная дума, однако, которая, несмотря на тот буржуазный элемент, который в ней заключается, первая подняла знамя восстания для освобождения России, преследуя глубоко национальные цели. Существование Государственной Думы в крайней опасности. Не сегодня — завтра прихотью того учреждения, преступно взявшего власть над Временным правительством, каким является Совет рабочих и солдатских депутатов, Государственная дума либо в целом своем составе, либо в отдельных единицах может быть арестована, может быть посажена в тюрьму, может быть заключена, и не будет силы, — ибо за нами нет физической силы еще в данный момент, я говорю в данный момент, — не будет возможности вернуть свободу тем лицам, которые были избраны народом, для того чтобы открыто, гласно и публично изъявлять желание и волю этого

народа. В момент революции престиж Государственной думы достиг крайних пределов. Вина всех нас в том, что мы не проявили достаточной энергии и воли в момент переворота 28 февраля, и что те темные силы, которые находились в подполье, эти силы проявили бурную энергию, и кормило власти перешло к ним. Произошло сначала смещение власти, а потом полное ее перемещение. Нас винить в этом невозможно, ибо долголетний бюрократический строй, коим управлялась Россия, сделал нас до некоторой степени несамостоятельными и неспособными к активной деятельности, а те силы, которые скрывались в подполье, которые изощрялись в борьбе с охранными отделениями бывшего правительства при старом режиме и которые успешно с ним боролись, ибо пропаганду свою распространяли в народных низах,— они, получивши возможность всплыть наверх, имея технику и тактику борьбы, имея всякого рода издательства, редакционные и другие комиссии и не встречая отпора, не имея властного отпора ниоткуда, они проявили ту бурную энергию, которая и сделала то, что вся почти Россия, которая в настоящее время говорит и действует, вся эта Россия встала на их сторону. Вот в каком положении находимся мы. Благонадежный обыватель, буржуй, как его называют, причем буржуем можно назвать и крестьянина, который имеет 5, 10, 15 десятин, ибо он собственник, — и дворянин, и крестьянин, и помещик, и барин, и военный, все они оказались в загоне, а правит в России в настоящее время, — мы должны открыто и прямо сказать это, — не Временное правительство, которое безвольно и бессильно, которое власти не имеет, а правит то сверхправительство, которое называется Советом рабочих и солдатских депутатов, которое утвердилось явочным порядком и захватило власть в свои руки. При таком положении быть инертным, ограничиваться только одними пожеланиями и не упрочивать своего существования со стороны Государственной думы было бы актом преступным и легкомысленным, и ей нужно изыскать те способы, которые поставили бы нас в независимость от тех или других течений, которые будут сегодня или завтра в Совете рабочих и солдатских дупутатов, но которые поставили бы за нами ту прочную физическую силу, которая, открыто не желая выступать против Совета рабочих и солдатских депутатов, тем не менее не позволила бы дать в обиду ту Государственную думу, которая являлась и явилась в последнее время носительницей лучших чаяний и лучших народных идеалов. Революция всегда идет одним и тем же путем: во главе революционного течения становятся чистые люди, потом к ним присоединяется преступная толпа, которая действует не на разум, а на народные инстинкты, и те чистые люди, которые стоят впереди, они либо гибнут, и так как толпа напирает, то они не могут удержать ее, либо они делают решительный рискованный шаг, после чего их называют ренегатами, душат и уничтожают. Я считаю такими идейными людьми нашей революции Плеханова, Керенского и Церетели. Керенский фактически мертв, Церетели также, Плеханов был мертв в тот же день, когда приехал сюда. Тут говорят, что четыре члена Государственной думы покидают ряды членов Думы и отправляются в армию, чтобы личным примером вдохновить те части, в которых они будут. Но знаете ли, в каком состоянии находится сейчас русская армия? Позвольте дать вам полную картину, насколько я ее

понимаю, так как все время живу на фронте у самых позиций и вижу тысячи, десятки тысяч воинских чинов и бесконечную цепь офицеров, проходящих мимо меня. Военный министр Керенский, человек идейный, чистый идеалист, разъезжает по фронту и произносит горячие призывные речи, призывает к наступлению. Если бы Керенский, который является на тот или другой фронт, призывал к наступлению сейчас, то может быть, — я даже совершенно уверен, — что те части, которые посетил военный министр Керенский, вдохновленные чистотой его речей и твердостью его помыслов, пошли бы немедленно в атаку и показали бы чудеса храбрости, соревнуя друг с другом, и страницы истории их полков украсились бы новыми венками славы. Но Керенский является в полк, говорит речь и призывает к наступлению в будущем. Когда Керенский находится здесь среди полков, среди военачальников, среди солдат, когда он говорит свои вдохновенные речи, то те гады, которых немного в каждом полку, — ибо должен сказать, что каждый полк если не на три четверти, то на половину здоров, так как события его оздоровили, но в каждом полку, в каждой роте, в каждой части есть два или три преступных горлопана, — и вот эти темные, грязные силы, в тот момент, когда говорит Керенский, — я был во всех местах после Керенского, — эти темные силы молчат, когда министр в их среде, но когда министр уезжает, начинается пропаганда этих темных сил. Газеты «Единство», «Новое время», «Речь», «Биржевые ведомости», «Русская воля» в армию почти не проникают, но зато нет части, где бы не была «Правда», будь то «Окопная правда», и этих «правд» и тех немецких газет на русском языке, которые немцы печатают в своих окопах и разбрасывают по нашим окопам.[122] К стыду сказать, немецкая «Правда» пользуется громадным авторитетом среди наших распропагандированных солдат. И вот, когда Керенский уезжает, через несколько дней эти силы начинают работать. Новые тюки литературы, приходящие в эти полки, развращают их окончательно, они говорят: почему сам не идет, иди сам, в буржуя обратился. Везде, на всех буквально фронтах происходит то же самое. Если бы мы сделали удар наступления на Двинский, или Минский, или Рижский фронт, — то верьте мне, мы могли бы произвести колоссальнейшее опустошение в немецких рядах. Был единичный случай, когда налетом были взяты в последних числах мая три ряда немецких окопов как ничего, потому что у немцев одни пулеметы и ручные гранаты. По сведениям, не знаю насколько они близки к истине, немцы оттянули на Западный фронт все, что было, и имеют от 25 до 30 дивизий на всем большом, громадном фронте. Следовательно один наш напор здесь мог бы привести к блестящим результатам, но эти результаты, господа, были бы кажущимися, эфемерными и недолговременными, потому что это были бы результаты той саранчи, которая может потушить огонь своей массой. Армия дезорганизована; она может забить своим телом немцев, может продвинуться далеко в тот момент, когда немцы приведут сюда свои дисциплинированные войска и поставят их в количестве 20 — 25 против 100, наша армия побежит, побежит безудержно, побросает ружья, снимет сапоги и побежит. Антагонизм между частями нашей армии достиг крайних пределов, артиллерия во многих местах находится под охраной проволочных заграждений от своей же пехоты, кавалерия в таком же положении.

Самые консервативные роды оружия, бывшие самыми либеральными до революции, — кавалерия и артиллерия, остались такими же либеральными, но благоразумно либеральными и до настоящего времени. Темная пехота, распропагандированная прапорщиками, которые говорят *«хотить»*, *«могут»*, *«жилают»* и т. д., до-нельзя возбуждена против кавалерии и артиллерии. Несколько недель тому назад, после приказа военного министра о прекращении братания, через Двину стала переправляться для братания к немецким частям наша пехота. Им было дано знать, что наша артиллерия будет их крыть, не позволит этого братания. Они не поверили, поехали, но среди реки их стала обстреливать наша артиллерия; тогда они вернулись, взяли пулеметы и стали из пулеметов стрелять в артиллерию. Было много убитых и бесчисленное количество раненых. Это произошло между 25 и 30 числами мая. У станции Крейцбург стоит 60-я дивизия, во главе которой стоял доблестный генерал Носков. Всех этих сведений нет в газетах. Это скрывается. У этого генерала нет одной руки, которую он потерял в бою. Он имеет георгиевский крест на груди 4-й степени, офицерский. Пришли две роты из окопов и вызвали начальника генерала Носкова. И раньше чем он успел сказать слово приветствия, они дали по нем два залпа, и Носков был убит.[122a] И это, господа, не единичный случай. Таких случаев без конца. Поэтому думать, рассчитывать, надеяться на то, что произойдет оздоровление нашей армии до тех пор, пока не произойдет оздоровления Петрограда, трудно. Есть полки, есть части дивизии, великолепно настроенные, они у меня перечислены все, я их знаю, но они говорят, что пропаганда, идущая из Петрограда, эти невероятные тюки газет, которые направляются туда вагонами, совершенно деморализуют войну. И пока Петроград и так называмые петроградские «ловкачи», как их там называют, не будут обезврежены, до тех пор, господа, успеха быть не может. И как бы мы ни хотели верить в светлое грядущее, в наше светлое будущее, господа, мы надеяться на него не можем; мы не можем быть страусами, которые прячут голову под собственное крыло. Успеха быть не может, ибо армия деморализована, ибо между частями армии замечается страшный антагонизм, ибо немцы сделали все, чтобы деморализовать нашу армию. В прошлом году в это время нельзя было проезжать по таким станциям, как: Замирье, как Делятичи, как Рубежевичи, Роталь, Пупен, Вавельберг. В настоящее время на всех фронтах летают немецкие аэропланы, но ни один их этих аэропланов бомб не бросает, а когда такие случаи бывали, то, как это ни стыдно и ни странно, бомбы бросались нашими летчиками, чтобы прекратить ту карточную азартную игру наших солдат, которые ею занимаются около Двинской крепости, проигрывая при этом тысячи; повторяю, что бомбы бросали наши летчики, а не немецкие. Это не слухи, господа, я говорю только то, что знаю достоверно. Повторяю, до тех пор, пока Петроград не будет оздоровлен, пока Совет рабочих и солдатских депутатов не будет поставлен на свое место, до тех пор, пока голос Временного правительства не будет раздаваться грозно и властно, до тех пор, господа, нельзя ожидать ничего в будущем. У Временного правительства нет власти; Временное правительство проявляет энергию, волю, импульс власти только тогда, когда оно говорит со слабыми, когда оно говорит с офицерским составом рус-

ской армии, с теми, кто больше всего нуждается в поддержке, для того чтобы иметь авторитет в рядах армии. Временное правительство гонит лучших генералов из русской армии; оно выгнало Юденича, Колчака, оно выгнало Гурко, Драгомирова — массу лучших офицеров из русской армии, с которыми оно говорит властно, обвиняя их в том, что они не умеют насадить порядок, а когда эти генералы обращаются к Временному правительству с просьбой: поддержите нас, то они никакой поддержки во Временном правительстве не встречают. Временное правительство ни разу не подняло своего голоса для того, чтобы властно заговорить с чернью. На фронте говорят, что армия состоит из цынготных, дезертиров и комитетов. Временное правительство ни разу не подняло голоса, для того чтобы прекратить злоупотребления и безобразия, которые наблюдаются на фронте, где комитеты обращаются с лучшими офицерами русской армии так, как будто бы это были общественные отбросы; и до тех пор, пока Временное правительство не станет на точку зрения, что нужно прекратить сентиментальничанье, чистоплюйство, разговоры о доверии, снискание расположения, кивки и экивоки с солдатами, до тех пор прока не будет. Я говорил на Могилевском офицерском съезде, повторяю здесь и думаю, что это должно быть голосом Государственной думы. [123] Нет другого способа прекратить коллективное сумасшествие народных масс, особенно в войсках, как применение того дисциплинарного устава, который карал бы не словами, а смертной казнью всех, кто позволит себе нарушить долг присяги. [124] Какой бы строй в государстве ни был, будь это республика, конституционная монархия или федеративная республика, везде требуется порядок и везде требуется дисциплина. Великий полководец всех времен Наполеон Бонапарт говорил: взбунтовавшуюся армию есть только два способа привести в порядок: один — распустить ее до последнего человека, другой — залить ее морем крови. Распустить армию мы не можем, ибо она стоит пред внешним врагом; залить кровью виновных и всех не нужно, а нужна казнь; все это придется открыто говорить о тех, которые подстрекают народные толпы, кто подстрекает армию к эксцессам и беспорядкам, и до тех пор, пока военное министерство и военный министр не станут на эту здоровую точку зрения, которая во все времена приводила армию в порядок, до тех пор порядка в русской армии не было, не будет и быть никоим образом не может, и на эту точку зрения, и только на эту, должна стать Государственная дума, и если мы не станем на эту точку зрения, то никогда в России здоровой армии не будет. Армия в конец деморализована и именно потому, сознанием того, что против отдельных единиц не смеют принять репрессивных мер. Сердобольность, мягкотелость в отношении отдельных единиц есть преступление в отношении массы народа, ибо не сегодня, завтра, не завтра, послезавтра, через месяц, через два мы придем к этой необходимости. Эксцессы крайних левых большевиков приведут настроение толпы народа до того, что она потребует самосуда. Самосуды, которые совершаются в Петрограде и на местах, служат ярким показателем того, что власть отсутствует, что народ жадно ищет власти и расправляется с теми, которые нарушают порядок и учиняют неподдающиеся описанию беспорядки. Вот, что должно быть сказано Государственной думой, и она должна в этом

отношении иметь мужество. Но может ли Государственная дума сделать это здесь, в Петрограде, Государственная дума, находящаяся под дамокловым мечом тех господ, которые фактически держат в своих руках власть и деморализуют в конец ту орду, которая называется солдатами, трусливую орду, которая разбежится от двух полков, если бы они явились сюда дисциплинированными, во всяком случае ту орду, которая владеет сейчас Петроградом и дает тон настроению в России? Государственная дума сделать этого здесь не может, поэтому, так как не место красит человека, а человек красит место, я предлагаю господам членам Государственной думы, каково бы ни было решение правительства, безвольного и безвластного и на поводу идущего у Совета рабочих и солдатских депутатов, избрать другое место для своей работы, для постоянного бдения над спокойствием России. Быть может сразу вас не услышат, сразу народ не пойдет за вами, ибо на инстинкты черни бьют те, которые являются руководителями русского общественного мнения и стоят сейчас у кормила русского государственного корабля. Но поверьте мне, Ленин и компания работают на русскую национальную мельницу, льют нам воду, ибо их работа в конце концов озлобляет народные массы, и будет день, который не за горами, когда Никодимы, которые не хотят быть ни горячими ни холодными, а хотят быть теплыми, будут такими горячими, что нам не придется их удерживать. Я вижу симптом в тех выборах в Петрограде, которые произошли наднях. [125] Если вы вдумаетесь в таблицы, в результаты этих выборов, то вы поймете, что одержала блестящую победу благородная партия народной свободы, ибо за эту партию, являющуюся крайней правой в России, подали голоса все, правее стоящие, и если вы отбросите серую орду солдатской массы, которая 3-4 раза давала свои голоса в урны социалистов - революционеров, т. е. ту, которая является пришлой здесь и является временной, ибо преступно не посылается на фронт, то вы увидите, что кандидаты эсеров и эсдеков были бы начисто у урн забыты. Я скажу теперь, когда все опьянены угаром революции, когда все ожидают от революции чего-то, а между тем эта революция поставила у власти чернь, самыми низменными инстинктами руководимую, а не носителей свободы, во имя которой мы произвели тот переворот, который дал первые лучи свободы, заблестевшей 27 февраля, если сейчас в такой момент так народ отрезвел, что не пошел за представителями левых течений, а стал отдавать свои голоса партии народной свободы так же, как и другие, правее стоящие, не могу уверить, что каждый эксцесс Ленина и компании, он не губит дело свободы, как говорят социал-демократы, а он даст правильное понимание свободы и вернет Россию на правильное русло, из которого она выбита той чернью, которая захватила власть в России. Государственная дума есть единственный очаг порядка, это единственное учреждение, которое будет пользоваться авторитетом в глазах народа, но для этого нужно, чтобы она осталась у власти, каково бы ни было решение Временного правительства, которое само предпринимает каждый день другие шаги, отменяет завтра то, что сделало сегодня. Государственная дума должна быть перенесена туда, где есть известная физическая сила, где есть та сила, которая может ей сочувствовать, я открыто говорю, она должна быть перенесена в Новочеркасск. *(Движение. Смех.)* Вам может

казаться, господа, смешным, но события покажут, что я прав, там, в Новочеркасске, в Области войска донского, там казаки не будут играть активную роль, но вы будете знать, что находитесь под охраной той силы, которая является исторически спасательницей России, там не дозволят выхватывать, выдергивать вас по одному в тот момент, когда будут заподозривать, что вы являетесь сторонниками старого режима. Там будут считаться с вашим голосом, там не будут говорить, что мы собираемся для легкого разговора и более ни для чего другого, там вы будете Государственной думой, вы можете не работать, вы можете ничего не делать, но в каждый нужный момент чтобы голос ваш и вашего уважаемого председателя был бы властным, грозным набатом, и оттуда на всю Россию должен итти свет...

Председатель. Член Думы Пуришкевич, вы заходите слишком далеко, такие вещи предлагать публично я считаю совершенно неуместным и поэтому прошу этого вопроса не касаться.

Пуришкевич. Господа! Мы страдаем, знаете, отчего? Оттого, что у нас нет достаточно гражданского мужества, мы страдаем не потому, что эти господа являются сильными, а потому, господа, что мы *переучитываем* значение их силы, и я могу себе задать вопрос, обреченные ли мы или обрекаем себя сами? Мы не можем быть ни обреченными, ни обрекаемыми, мы являемся не сторонниками старого режима, но носителями света, порядка и носителями свобод, которые были нами завоеваны. Я должен сказать, что я это сказал и от своих слов не отказываюсь, дай бог, чтобы мои мрачные предсказания не осуществились, но я боюсь, что при этом положении, при том торжестве левых течений, возглавляемых Лениным, Зиновьевым, Троцким и другими, господа, существование Государственной думы ничем не обеспечено. Я кончаю, говорить долго нечего, я знаю, что всякого рода речи, всякого рода подбадривания в настоящее время ни к чему не приведут, мы должны смотреть опасности прямо в глаза, но иметь гражданское мужество, работать в это время не покладая рук, ибо не в речах, в работе залог нашей победы. *(Рукоплескания на отдельных местах.)*

[Слово получает Дмитрюков, не соглашающийся с заявлением Пуришкевича, что социалистические группы взяли власть в свои руки.

«Это оптический обман, — заявляет он, — это происходит потому, что они люди активные... они работают и производят впечатление власти...» «Говорят власть у Совета, но дело в том, что Совет и сам не мыслит, что власть у него» — заканчивает свою речь Дмитрюков.]

Председатель. Слово принадлежит члену Государственной думы Бубликову.

Бубликов. Господа, я не собираюсь говорить какие-либо речи или обращаться с какими-либо призывами, я только хочу за себя, да, думаю, и за многих из вас отгородиться от таких мыслей и призывов, от которых надо самым категорическим образом отмежевываться. Мы слышали в речи Пуришкевича, — я уже не буду говорить о таких выражениях, как «преступно захватившая власть организация», так как невозможно говорить о преступности организации, которая, как это видно по произведенным выборам, опирается на широкие демократические круги и от их имени говорит и действует, это не может называться преступным; — в его речи раздавались такие призывы, от ко-

торых нельзя не отмежеваться самым категорическим образом; это — призыв кого-то залить кровью. *(Пуришкевич с места:* «Ничего подобного!»*)* Извините, пожалуйста, я слышал вас и слушал, не перебивая, прошу и меня выслушать не перебивая. Вы говорили, что нет другого спасения, как залить кровью армию, которая взбунтовалась. *(Пуришкевич с места:* «Ничего подобного!»*)* Вы приводили, вы указывали на тенденцию Наполеона, вы явно одобрительно относились к этому. *(Пуришкевич с места:* «Ничего подобного!»*)*

Председатель. Член Государственной думы Пуришкевич, прошу вас покорнейше не перебивать члена Государственной думы Бубликова.

Бубликов. Я должен сказать, что в нашей революции есть высокой красоты, неподражаемой красоты акт, которым будут гордиться все наши правнуки, будет гордиться все человечество,—это был призыв со стороны Временного правительства не проливать крови. Не могут быть допущены ни замаскированные, ни прямые призывы к пролитию крови, чтобы закрепить свободу. Никакие призывы к пролитию крови при закреплении свободы не будут и не должны раздаваться в Государственной думе. Государственная дума, которая вся рукоплескала этому акту, акту об отмене смертной казни, не может допускать без протеста таких призывов. *(Голоса:* «Верно!» *Рукоплескания.)* Мы должны верить, что строительство России должно итти не по пути крови, а по пути любви. Если мы рукоплескали Керенскому, то мы не должны забывать этих рукоплесканий и должны считать, как бы ни не нравились отдельные выступления, как ни не нравился может быть некоторым из вас ход революции, мы не должны от этого основного призыва отказываться. Я призываю Государственную думу самым энергичным образом отмежеваться от поползновения мыслить в этом направлении. Нет крови — слава богу, пусть ее не будет, пусть будет чиста от крови наша революция. *(Рукоплескания. Голоса:* «Браво!»*)*

Родичев. Я попросил слова не для того чтобы полемизировать, а для того, чтобы сделать оговорку в том отношении, которое мы должны проявлять по отношению к совершающимся событиям. Я думаю, что весь смысл нашего существования здесь, наших собраний состоит в том, чтобы перед лицом событий великих и грозных поддержать единство страны. Мы спаялись с революцией; она неотделима от отечества так же, как отечество и спасение его неотделимы от революции. И для нас, здесь присутствующих, во имя верности делу свободы русского народа этот долг остается непререкаемым последним долгом. *(Голоса:* «Правильно!»*)* Государственная дума должна быть символом единства, а не разделения. *(Голоса:* «Верно!»*)* Мы должны помнить, что мы стоим перед лицом врага и что всякий призыв к внутренним спорам и столкновениям, всякий призыв к открытой разрухе, к открытому разрыву с движением означает торжество врага. Но мы не поддадимся на провокацию, идущую извне и к нам адресованную. Мы поддаться на призыв к классовой борьбе не можем и не должны. *(Голоса:* «Верно!»*)* Та партия, к которой я принадлежу, издавна стояла и стоит не на классовой точке зрения, и тем, кто не хочет становиться на эту точку зрения, тем, кто признает членов Государственной думы представителями так называемой буржуазии, я им скажу: если это

представители буржуазии, то той буржуазии, которая готова поступаться во имя спасения отечества и его свободы своими правами и своими интересами. *(Голоса:* «Браво!» *Рукоплескания.)* В этой готовности, готовности к жертвам, весь смысл нашего существования, и в нем все право требовать от других этого самопожертвования, призывать других к этим усилиям, к сознанию этого единства. Если бы Государственная дума почувствовала в своей среде возможность разрыва внутреннего, возможность ослабления этого сознания единства, долг ее был бы разойтись, для того чтобы не создавать в стране лишнего очага раздора и разъединения. И если я принадлежу к числу тех, которые хотят, чтобы Государственная дума оставалась, то именно в этом сознании. Как мы будем обращаться к армии, если мы будем иметь в виду защиту классовых интерсов? Как мы будем призывать людей, несущих тягости, лишения, которые будут расти, если в нас есть хотя малейший помысел защиты какого-нибудь классового интереса? Мы не можем разрушать той силы, которая одна дает смысл и существование нашего частного совещания членов Государственной думы. У нас есть в настоящую минуту одно предание — предание 28 февраля и 1 марта. Память этих дней не изгладится из истории русского народа, из его памяти, и если мы, члены четвертой Государственной думы, хотим оставить о себе нашим потомкам память не последнюю, мы должны оставаться верными славной памяти этих великих дней. *(Голоса:* «Верно!»*)* Эти дни поставили перед нами, так же как и перед всей страной, великое знамя свободы. И в эти дни, когда мы подвергаемся нареканиям, что мы представляем собою интересы класса, мы можем громко им противопоставить открытое заявление: нет, не интересы класса, а дело отечества. *(Рукоплескания.)* Дело отечества и его свободу — вот, что нас соединяет, вот смысл нашего существования. И тем, кто идет на нас со спорами и с противодействием, мы и тем говорим: присоединяйтесь к этому знамени, оно не может не быть вашим, если вы опамятуетесь, если вы одумаетесь. В настоящее время долг внутреннего единства страны есть долг, который следует помнить больше чем когда бы то ни было; для нас для каждого из членов Государственной думы есть еще один долг — долг веры. Вера есть акт воли в значительной мере. И как бы вам наблюдения холодного разума ни указывали явление за явлением, ведущее к разложению, до тех пор, пока жива в вас воля к жизни, пока жива в вас воля к победе, эта воля к жизни и к победе не в вас одних живет, она живет в сердцах миллионов русских людей. И до тех пор, пока она не умерла, мы не можем говорить, что погибло дело России и дело русской свободы. *(Голоса:* «Верно!»*)* Вот почему я кончаю свою речь заявлением: долг и обязанность наша перед отечеством, долг сохранять веру в его будущее торжество, долг сохранять веру и волю к освобождению России, к созданию нового порядка. Нам как Государственной думе не придется участвовать в этом новом создании порядка, но в настоящее время, когда еще не созвано Учредительное собрание, наша обязанность охранять те условия, при которых возможно это правотворчество, это создание новой жизни в России, мы должны быть достойными этого великого дела и наших великих надежд. Пойдемте же, будем звать других к защите отечества к победе, и по вере нашей, по воле нашей дастся нам. *(Рукоплескания.)*

П р е д с е д а т е л ь. Господа, прения наши возникли вокруг оглашенной мною резолюции, которая не встретила возражений и смысл и значение которой так исчерпывающе объяснены последним оратором Ф. И. Родичевым. Я думаю, что к этим высокопатриотическим и правдивым словам вы, господа, присоединитесь и позволите на этом прения по резолюции объявить законченными. Я еще раз приглашаю вас выразить полную солидарность с теми прекрасными словами, которые нам высказал здесь последний оратор Ф. И. Родичев. *(Рукоплескания.)* Засим, господа, позвольте вам доложить, что из состава Временного комитета выбыло трое: член Государственной думы Вершинин, член Государственной думы Хаустов и член Государственной думы Ржевский. С своей стороны, так как занятия Временного комитета идут равномерно три раза в неделю и обсуждаются весьма важные вопросы, даются заключения по многим мероприятиям правительства, я ходатайствовал бы перед Государственной думой во-первых о довыборе трех новых лиц — взамен выбывших — и затем об усилении состава Временного комитета еще пятью членами, чтобы состав Комитета был в количестве 20 человек, ибо нездоровье одних, вынужденное отсутствие других оставляют иногда Временный комитет в слишком малом количестве. Разрешите поэтому доизбрать 8 человек. *(Голоса:* «Просим!»*)* Возражений нет. Таким образом избрание состоится. Угодно ли придержаться первоначального порядка путем выборов в сеньорен-конвенте или угодно произвести выборы в общем собрании? *(Голоса:* «В общем собрании!»*)* Надо 8 человек, если угодно всего 20 человек. Как угодно, записками? *(Голоса:* «Нет!»*)* Тогда позвольте предложить открыто, позвольте члена Думы Бубликова *(голоса:* «Просим!»*)*, члена Думы Евсеева *(голоса:* «Просим!»*)*,— я указываю лиц, постоянно живущих в Петрограде, так что это обеспечивает, — А. И. Коновалова *(голоса:* «Просим!»*)*, Н. Н. Львова I *(голоса:* «Просим!»*)*, затем представителя казачества Савватеева *(голоса:* «Просим»!*)*, затем члена Думы Велихова *(голоса:* «Просим!»*)*, князя Васильчикова *(голоса:* «Просим!») и наконец постоянно здесь живущего и много поработавшего члена Думы Киндякова *(голоса:* «Просим!»*)*. Возражений нет? Позвольте считать избрание состоявшимся. В комитет избрано 20 членов, добавив его вот этими лицами. Засим у меня никаких докладов нет и позвольте считать совещание закрытым.

(Заседание закрыто в 4 ч. 5 м. дня.)

28 июня 1917 г.

(Заседание открывается в 2 ч. 45 м. дня.)

П р е д с е д а т е л ь. Не угодно ли заслушать доклад члена Думы Скоропадского, который был в ставке?

С к о р о п а д с к и й. Член Государственной думы Гижицкий и ваш покорный слуга были в ставке 23 июня. Мы приветствовали генерала Брусилова с наступлением от имени председателя Думы и членов Думы. Прежде чем быть у Брусилова, мы виделись с генералом Кортец, дежурным генералом и начальником штаба Брусилова Лукомским. Мы спрашивали и того и другого генерала, что в виду заминки наступления бу-

дет ли уместным обращаться к Брусилову с приветствием. Может быть это будет неловко, но он сказал, что эта заминка так коротка, что не может вам помешать приветствовать генерала Брусилова с наступлением. После приветствия генерал Брусилов с нами беседовал, причем эта беседа носила как бы характер ответа на те слова, которые мы ему сказали. Он говорил, что напрасно преувеличивают значение этого наступления. От вас, как от членов Думы, я не считаю себя в праве скрыть что-нибудь; какое в самом деле может быть значение такого наступления, когда во многих частях солдат приходится уговаривать итти в бой. Недавно я был 8 раз на митинге; когда с ними говоришь — согласны, когда уходишь — они опять несогласны. Они слушают охотно только социалистов, а буржуев слышать не хотят. Был случай, когда говорили о Керенском, который призывал итти в бой: это не настоящий Керенский, это фальшивый. Таким образом вероятно они приняли и Соколова за фальшивого Соколова и избили его.[126] (*Председатель.* «Избили настоящего?») Крепкие войска, которых посылал Брусилов, это кавалерия, артиллерия и казаки; что касается пехоты, там настроение пестрое. При всем том Брусилов нам сказал, что он надеется, что наступление пойдет по всему фронту. Для союзников это наступление будет иметь значение довольно большое; уже и в настоящее время, это было 23 июня, четыре дивизии немцы перебросили с англо-французского фронта на наш; кроме того на наш фронт посылают подкрепления. Вот, что он нам сказал по вопросу о наступлении. У нас с ним был разговор относительно формирования добровольческих организаций. Теперь в России начало пробуждаться добровольческое движение. Есть организации, которые этим делом стали заниматься и желают заниматься, и между прочим мне пришлось говорить от имени Военной лиги с Брусиловым по этому делу.[127] Он сказал, что они приветствуют такое движение, но только было бы желательно, чтобы это движение шло по правильному пути. В настоящее время заметны такие случаи, которых лучше бы не было. Иногда становятся во главе добровольческих организаций люди, мало подходящие, мало знающие военное дело, но такие, у которых есть энергия, известное честолюбие и стремление создать себе имя. Недавно в Могилев пришла добровольческая дружина в 230 человек под командой младшего урядника — какого-то вольноопределяющегося. Фамилии его я не помню. Они были вооружены до зубов, но также притащили с собою не мало спиртных напитков, неизвестно где добытых. Остановились возле Могилева, устраивали попойки, дебоши, реквизировали воровским образом кур, телят и совершали даже разные безобразия над женщинами. 20 человек арестовано. Желательно было бы, чтобы таких случаев не было, и поэтому нужно поручить организацию добровольческих дружин таким учреждениям, которые могли бы в данном случае поставить это дело наилучшим образом. Генерал Брусилов указал нам одну организацию; мы говорили с ним о другой. Он высказал этому большое сочувствие. Он говорил, что если вы будете посылать нам роты, хотя бы несколько обученные, мы будем вам весьма благодарны. Мне хотелось бы сказать вам, члены Государственной Думы, в настоящее время следующее, что нам пройти мимо этого добровольческого движения нельзя. Государственная дума должна

отозваться на этот вопрос, на это движение должен быть поставлен штемпель Государственной думы; Государственная дума может направить это движение по правильному пути и указать ту организацию, которая сможет наилучшим образом это дело выполнить. Сейчас же я бы предлагал этот вопрос не обсуждать—я хотел только его наметить. Я просил бы, чтобы мы поставили этот вопрос на одно из будущих наших заседаний и его бы всесторонне обсудили.

Председатель. Угодно будет принять это предложение? Тогда мы его обсудим в следующий раз, так как у нас имеется доклад. Предметом сегодняшнего нашего заседания, как это сказано на повестке, будет служить тема о финансовом и экономическом положении страны. Я просил наиболее сведущих и компетентных из нас по этой части, в том числе и самого промышленного * А. А. Бубликова сделать доклад, который я и попрошу вас теперь заслушать.

Бубликов. ** Лозунг идеолога старого режима — Россию надо подморозить, чтобы не жила, — неукоснительно проводился в жизнь, и еще недавно один из видных деятелей русской государственности, правда, прозванный государственным шалуном, но в основе своей человек неглупый и способный к обобщению, откровенно признал, что не в интересах русской государственности, привыкшей оперировать исконно с такими элементами, как сословие, вызвать к жизни тот слой населения, который единственно мог бы в объективно сложившихся обстоятельствах развить экономическое благосостояние страны и вызвать жизнь в глубине России. Он откровенно говорил: да ведь это хуже рабочих, рабочих можно пострелять, а что сделаешь с буржуазией? У нас, у русской государственности, с ней не может быть общего языка, мы органически друг другу враждебны. Поэтому развитие производительных сил страны допускалось лишь в меру крайней неизбежной необходимости. Создавались многоразличные препоны для этого развития, лишь только можно было для этих препон найти то или иное политическое обоснование. В то время как Англия вступила в войну, имея одних иностранных ценностей на 150 миллиардов франков, а Франция на 115 миллиардов франков, с чем, с какими запасами накопленных в долгие годы мира богатств, вступила в эту войну Россия? С отрицательным запасом, с иностранными долгами государственными и промышленными. И в то время, как наши союзники и наши противники расходы войны могли покрывать запасами, накопленными в прежние годы, и если расходовали в счет заработков будущих лет, то в полной уверенности, что они эти заработки и эти сбережения сумеют создать, как сумели создать в прошлом,—Россия целиком должна была вести войну за счет будущих благ. К этому надо еще присоединить, что не было и третьего условия, при котором финансы страны могли бы благополучно пройти через военное испытание. У правительства не было и намека на какой-нибудь план финансирования войны, да и вообще весь план ведения войны кажется исчерпывался планом мобилизации и, как мы теперь видим из этих удручающих разоблачений генерала Сухомлинова, даже в области техники военной не было

* Так в подлиннике.

** Речь Бубликова дается с некоторыми сокращениями, так как она местами повторяет его же выступление на заседании от 12 мая 1917 г.]

подлинного плана ведения войны. Тем более его не было в области ведения финансов, но было еще одно несчастие, которое все из-за той же политики, из-за той же дурной политики, дополнительно свалилось на нашу голову. Это несчастие, это проклятие русской жизни в области финансов, была эта идея военного фонда, которая исказила всю перспективу ведения дела, которая затемнила в глазах и власти и населения действительные размеры финансовых тягот, ложившихся со дня на день на нашу страну, затемнила картину финансирования войны... В значительной мере благодаря наличию этого военного фонда и могло создаться то ужасное впечатление, которое мы вынесли с начала войны и которым обусловлена в значительной мере финансовая политика как власти, так и населения во время войны. Создалось как-то сразу впечатление, что Россию война обогатила. Государственная власть наша, вместо того чтобы вылить на это пагубное увлечение ушат холодной воды в виде меры этой податной, как выразился Коковцов, беспощадности, медлило с повышением старых налогов и введением новых и создавала и продолжала создавать в среде населения эту иллюзию возраставшего благосостояния. Русская нелюбовь к финансовым вопросам и так еще на-днях ярко сказавшаяся в одном из общественных вновь создавшихся учреждений, также обанкротившемся, также не имеющем просвета в будущем, когда в нем представители партии народной свободы вздумали в первую голову поднять вопрос о финансах, то большинство сказало: финансы? — Это нас не интересует. Итак, говорю, так как вообще русских людей финансы мало интересуют, то и все эти явления, которые были связаны с войной, которые были совершенно неизбежным ее последствием, они никем не принимались к учету, никто не пытался делать практических выводов. Более того, когда сама жизнь эти выводы автоматически начала делать, например в отношении падения покупательной способности рубля, то весьма авторитетные лица, увы, в нашей среде упорно продолжали утверждать, что этого явления нет, что падения покупательной способности рубля не происходит, невзирая на громадные выпуски кредитных билетов. Создавалось всеобщее убеждение, что открыт какой-то философский камень обогащения, что печатный станок экспедиции есть величайший источник благ, есть источник для финансирования всевозможных политико-экономических экспериментов. И вместо того чтобы бороться с надвигавшимся обесцениванием рубля в силу избытка орудий обмена над самым обменом, над оборотом в стране, вместо того, чтобы бороться с этим явлением усилением оборота и заданием этому рублю усиленной новой работы, начали путем усиленных выпусков кредитных билетов лишать этот рубль той работы, которой он для себя искал, началось финансирование частных предприятий при помощи правительственных ссуд, выдаваемых за счет экспедиции, началось увлечение казенным промышленным предпринимательством. В наши дни это увлечение уже ликвидируется. Сразу для многих стало ясным, сколь ложна была эта дорога, сколь опасен этот путь и как много он помог тому, что наш рубль так стремительно падает. И сейчас под председательством того же лица, которое много поработало над созданием плана казенного предпринимательства, работает комиссия по ликвидации этой затеи и на многие сотни миллионов начатые и частью неначатые заводы по-

стройкой приостановлены, затрата кредитных билетов прекращена. Но взамен этой пагубной мысли о возможности создания казенной промышленности за счет выпуска кредитных билетов пришло другое, не менее горькое увлечение, увлечение казенной торговлей. Придет время, и оно недалеко, когда мы и с этим увлечением расстанемся так же, как мы расстаемся сейчас с увлечением казенным промышленным предпринимательством, но заплатить за это увлечение нам придется, и придется заплатить весьма дорого потому, что в этой области экспериментирование еще более легко и требует еще больших сумм, еще более популярно в широких кругах и еще более интересно для весьма широких масс населения. На этой почве, как вы уже все знаете, расцветает широкое развитие бюрократии, бюрократии, отличающейся от старой только невероятно высокими окладами. Мне передавали, что штатное содержание продовольственной всероссийской организации исчисляется в 520 миллионов. *(Движение.)* Если этой организации согласно плану удастся закупить миллиард пудов, то это ляжет полтинником накруг. Если же, что гораздо более вероятно, результаты ее работ выразятся в 500 миллионов пудов, то мы будем иметь накладных расходов по казенной, общественной, как хотите, но не частной торговой организации, около рубля на пуд. Я могу ошибаться в каких-нибудь долях этого рубля, но далеко от него ни при каких поправках уйти не придется, и если с этим сопоставить заработки тех хлебных комиссионеров, на которых вылито было столько обвинений, как мизерны они покажутся, как ничтожны! Ведь этот хлебный комиссионер, если он имел 10 рублей от вагона, то он считал себя на седьмом небе. Говорю, это увлечение торговлей, — а оно идет сейчас вглубь и вширь: не сегодня, завтра мы увидим казенную или общественную организацию торговли всевозможными предметами вплоть до сапог и мыла, — это увлечение пройдет, как все нездоровые увлечения, но России расплатиться за него придется. Но наряду с этим увлечением происходили еще и не столь добросовестные ошибки, происходило даже и злонамеренное расходование национальных средств, благо военный фонд не оберегался бдительным контролем Государственной думы. Покушения на этот фонд шли со всех сторон и иногда они доходили до размеров анекдотических. Так бывший министр Сухомлинов пытался, а едва-едва это ему не удалось, соорудить за счет военного фонда почему-то его лично очень интересовавшие курортные дороги в Крыму; во всяком случае из этого фонда были ассигнованы средства на производство изысканий для этих курортных дорог, пролегавших по чьим-то землям очевидно и интересным для кого-то, и это была только уступка генералу Сухомлинову, ибо его-то желание было начать в ускоренном порядке сооружение этих весьма дорогих и уже несомненно совершенно нестратегических дорог. Была масса и других предприятий. В этом случае расходование происходило бесконтрольно и в среде бюрократии создавалось впечатление, что о деньгах думать нечего: поставить лишний станок в Экспедиции — и деньги найдутся. И энергия в этом направлении увенчалась успехом. Экспедиция в начале войны обладала работоспособностью на 18 миллионов рублей в день, в середине она достигла 30 миллионов, а в наши дни она показывает рекорд трудоспособности и печатает до 51 миллиона рублей в день, правда, и этою своею работоспособностью

не вполне достигая потребности в кредитных билетах. Результат этой неосторожности, невзирая на все уроки истории, невзирая на эти прошлые опыты и Джона Лоу, и Французской революции, и наших собственных ассигнаций, не мог не сказаться, и он сказался. Все мы теперь на себе, на своем личном интересе чувствуем, во что изо дня в день превращается наш рубль, как он неудержимо приближается к своему золотому основанию, — а каково это золотое основание? Правда, установить его представляет некоторые трудности. За последние 4 месяца нам, господа, не приходится выслушивать сообщения министра финансов о положении этого дела, нам приходится базироваться на сообщениях дореволюционного министра, сделанных в феврале. Тогда он на недоуменные вопросы относительно сомнительных цифр этой золотой наличности высказывался, что там есть висящие в воздухе суммы, суммы пересылаемого за границу золотого запаса, [128] которые еще не успели провести по книгам. Повидимому эту проводку не успели сделать и до наших дней, и сейчас в точности представляет некоторые, для меня по крайней мере, трудности установить действительную, а не гипотетическую или видимую стоимость золота у нас и за границей, но если уже откинуть заведомо фантастическую цифру 1 миллиард 891 миллион, этот пресловутый английский кредит, которым была обойдена Дума в вопросе о расширении эмиссионного права, то по всем подсчетам у нас сейчас имеется 1 миллиард 711 миллионов рублей золота, в том числе 1 миллиард 482 миллиона рублей внутри России, 229 миллионов за границей; если с этим сопоставить наличие кредитов в обороте на 16 июня с. г., то в сумме получится 12 миллиардов 600 миллионов, обеспечение составляет 13,6%. В расчете на персидские туманы рубль уже и достиг этой расценки, но во всяком случае становится понятным, почему сейчас в частных сделках в Петрограде золото покупается по 17 рублей золотник и почему каждый из нас рубль теперь в своем представлении не расценивает выше 25 — 30 копеек довоенного времени. Словом, все те явления, о которых я имел честь докладывать 20 мая, в этой области не только не ослабились, но идут вперед все усиливающимся непрерывным темпом. Представляется интересным, как мы именно за это время финансировали войну, что мы кроме этих 12 миллиардов 592 миллионов рублей выпущенных кредитов сумели еще найти для оплаты военных расходов. Оказывается, что долг наш, который к концу 1913 г. и к началу 1914 г. составлял 8,8 миллиарда, к 1 января 1915 г. вырос до 10,5, к 1 января 1916 г. — до 18,9 и к 1 января 1917 г.—до 33,6 миллиарда, если к этому присоединить установленное в настоящее время преимущественно в порядке 87 статьи эмиссионное право в сумме 18 миллиардов рублей, не использованное однако до сих пор примерно в 2,5 миллиарда, прибавить суммы задолженности нашей за границей и выручку по займам свободы, то к настоящему моменту долг наш должен определиться в сумме 48,5 миллиарда, но, скидывая 3 еще нереализованных, имеем около 45 миллиардов производственных кредитных операций. Распадаются они так примерно: займы внутренние, в том числе и заем свободы, дали 11 миллиардов — это не то, что дали, а в сумме номинала составляют 11 миллиардов, плюс серии государственного казначейства 1 миллиард, итого 12 миллиардов; выручку по этим займам представляется некоторая трудность опре-

делить, но она равняется примерно 10 миллиардам. Учет краткосрочных обязательств Государственного банка дал тоже 10 миллиардов рублей. На открытом рынке размещено около $3^1/_2$ миллиардов; учет этого пресловутого Лондонского кредита дает около 2 миллиардов и серий около 878 миллионов. Итого выручки по всем кредитным операциям составляют около $26^1/_2$ миллиардов, фактически вероятно даже несколько ниже, до 25. Что же составляли наши расходы на войну? За 1914 г. по отчетам государственного контроля израсходовано $2^1/_2$ миллиарда рублей; в 1915 г. $10^1/_4$ миллиардов, по предварительным данным за 1916 г. примерно 15 миллиардов, а на 1917 г. израсходовано и открыто кредитов до июля месяца $9^3/_4$ миллиарда, итого весь расход на войну составляет 37 577 411 000 рублей. Наш ежедневный расход благодаря всем тем увеличениям, о которых я говорил, благодаря неудержному росту расходов в силу отсутствия какой-либо их критики достаточно авторитетной и сильной, ежедневный наш расход на войну, в 1914 г. составлявший только 15,4 миллиона, в 1915 г. повысился до 25,7, в 1916 г. до 47,7, до февраля 1917 г. держался около 50 миллионов и ныне доходит до 61 миллиона рублей в сутки. Если считать, что этот рост в конце четвертой четверти этого года не превысит 70 миллионов в сутки, то 1917 г. должен у нас взять на войну около 22 миллиардов рублей. Если к этому прибавить, что обыкновенных расходов по росписи на 1917 г. было исчислено 4 077 800 000, кругло скажем 4 миллиарда, то выходит, что если мы отвлечемся от этой несчастной идеи военного фонда, то нам на 1917 г. надо где-то искать доход 26 миллиардов, чтобы покрыть предстоящий нам расход. На покрытие это мы имеем по проекту по росписи на 1917 г. 4 миллиарда с дефицитом всего в 73 миллиона, но уже тогда же, когда представлялся этот проект росписи, указывалось, что он в достаточной мере фиктивен, что дефицит этот нужно усилить на целый ряд оборотных доходов, доходов в проекте росписи из сумм военного фонда. Так по таможне около 135 миллионов, по железным дорогам 200 миллионов, по Государственному банку 85 миллионов, всего до 420 миллионов, а кроме того фактический платеж процентов по долговым обязательствам, помещенный в роспись в сумме 699 400 000, если его исправить сообразно с наличным на 1 января 1917 г. долгом, должен быть повышен до 1 606 900 000 и таким образом наш дефицит должен повыситься до 1 миллиарда 673 миллионов, считая по проекту бюджета. Если обратно произвести поправку на то, что около 500 миллионов расходов военного и морского ведомства числится в военном фонде, то общий расход по обыкновенной росписи определяется в 4 977 800 000 и дефицит в сумме 973 миллионов, т. е. около миллиарда. Таким образом с прибавлением расхода в 22 миллиарда на войну мы должны найти 27 миллиардов рублей, чтобы свести концы с концами. Если вычесть отсюда уже использованное нами расширение выпуска кредитных билетов, произведенный заем свободы, размещенный, как говорят ныне, в сумме до $2^1/_2$ миллиардов и который министр финансов мечтает к концу года довести до 6 миллиардов, если принять, что все доходы, которые были исчислены по проекту росписи, каким-то непонятным способом поступят в государственную казну, — говорю: непонятным способом, ибо прямые налоги ныне за разрушением всего аппарата взимания налогов, за уничтожением полиции просто не поступают, и

совершенно неизвестно, как будет поступать вновь введенный столь высокий налог подоходный, если считать, что эти цифры пойдут полностью на покрытие всех предстоящих нам расходов, если учесть, что вместо 130 миллиардов, которые по обыкновенной росписи предполагались к поступлению от подоходного налога, ныне, в связи с его повышением, поступит тройная сумма, если учесть и влияние утроения железнодорожных тарифов, кстати сказать, одного из тяжелых последствий того омертвения, которое царило в министерстве финансов за все время войны, которое не убедило их в необходимости следовать в построении тарифов за изменением покупной способности рубля и заставило так запоздать с этим повышением, что потребовался этот небывалый в истории железнодорожного дела прыжок сразу на 200%, если принять во внимание предстоящее на-днях повышение акциза на табак, которое должно дать до [illegible]0 миллионов рублей, — если все это учесть и в то же время вспомнить, что до 350 миллионов надо прибавить железнодорожным служащим, до 150 миллионов служащим почтово-телеграфным, столь неисправно доставляющим нашу корреспонденцию, если вспомнить, что служащие например министерства финансов получают такие оклады, при которых не сегодня, завтра надо опасаться полного исчезновения из жизни такой разновидности рода человеческого, как чиновник казенной палаты, казначейства и контрольной палаты, ибо оклады там совершенно невероятные и повышать их придется, если произвести всю эту арифметику, то приходишь к выводу, что от 12 миллиардов до 14 миллиардов предстоящих нам расходов никакого определенного покрытия не имеют. Судя по опыту пережитых нами со времени революции месяцев, можно думать, что для их покрытия будет использован тот же метод, который применялся в течение этих 4 месяцев. Метод же этот состоял в усиленном выпуске кредитных билетов. Ведь если за все время войны за 32 месяца до наступления революции мы выпустили $9^1/_2$ миллиардов рублей, то за эти 4 месяца мы выпустили 3 миллиарда кредиток, словом, если бы мы шли таким же темпом в прошлом, то у нас было бы в обороте не $12^1/_2$, а 30 миллиардов. Легко себе представить, к каким последствиям в смысле дальнейшего роста дороговизны мы придем, если мы этот метод будем продолжать. А в то же время не видно и других исходов. Население плохо, неохотно покупает государственный заем, это также одно из многочисленных последствий дурной политики. Считалось опасным в каком бы то ни было отношении развивать широкие массы населения, и я могу вас уверить, что за те десятки лет, которые я прожил среди крестьянства, живя с ними месяцами одной жизнью, ночуя под елкой, я никогда в многочисленных своих беседах с ними не слышал от них слово «заем» или слово «процентная бумага». Это понятия, которые абсолютно не существуют в нашей деревне. Является ли чем-нибудь неожиданным, чем-нибудь заслуживающим осуждения, если эта деревня, которая не имеет о процентных бумагах и о государственных займах решительно никакого представления, не проявляет достаточно энергии в обмене накопившихся у нее кредитных рублей на государственный заем? Это просто есть неизбежнейшее последствие той борьбы со всяким просвещением деревни, которую столетиями вела старая русская власть. Но если, господа, стоять перед этим дефицитом в 12 миллиардов, если вспомнить даже в наше время, когда мы

привыкли так фамилиарно обращаться с этими миллиардами, то весь наш государственный долг, накопленный Россией за тысячелетнюю историю перед войной, составлял только 9 миллиардов, то вся трудность, вся колоссальность задачи встает во весь рост. Совершенно ясно, что для разрешения задачи дальнейшего финансирования войны и несения ее последствий, — а последствия ее вы изволите видеть из подсчета платежей, которые нам предстояли на 1 января 1917 г. в сумме 1 миллиарда 600 миллионов рублей, которые на данный день уже составляют 2 миллиарда, и к концу года составят до $2\,/_2$ миллиардов ежегодных расходов, — то очевидно справиться с такой задачей нельзя будет одним каким-то универсальным лекарством с одной стороны, а с другой — необходимо принять меры для лечения в высшей степени энергичные и очевидно не применявшиеся до последнего дня, ибо расстройство наших финансов, расстройство нашего денежного обращения с первого дня войны и по настоящий день идет угрожающе развиваясь. Если вы изволили обратить внимание хотя бы на сегодняшнюю заметку газеты «Речь», где приводится анкета о производительности заводов в Москве, или заметку, обошедшую все газеты, о производительности заводов Василеостровского района, где так и пестрят цифры недопроизводства в 20, 40, 60%, то вы быть может их заподозрили бы *. И я охотно сам это делаю. Во-первых надо расчленить эти цифры, что в них зависит от доброй и от злой воли, от понижения производительности труда и от каких-нибудь случайных заминок в получении сырья и продуктов и, наконец, что зависит может быть от известного полемического пыла. И чтобы вынести за скобки влияние вот таких случайных факторов, я попытаюсь взять такую область производства, в которой нам не приходится оперировать с недостатком сырья и в которой условия работы более или менее остались, как и встарь. Такими областями могут быть с одной стороны область угледобывания, с другой стороны — область эксплоатации железных дорог. Что же мы видим в области добывания угля? Видим мы там, что количество производимого угля неукоснительно падает, вывозка угля по железным дорогам также падает и одновременно падают запасы на копях.

Так в апреле 1916 г. было погружено $109^1/_2$ миллионов пудов угля, в этом году — 106 миллионов, т. е. апрель дал недогрузки 3 миллиона; в мае против 121 миллиона пудов было погружено всего 99 миллионов, недогруз составил 22 миллиона пудов; за первые 20 дней июня погружено всего 65 миллионов пудов. Умножая это на полтора, чтобы получить вероятную вывозку целого месяца, получим, что более 98 миллионов пудов к вывозу ожидать трудно, и это против 118 миллионов пудов, вывезенных в прошлом году. Итого производительность угля на юге России упала на добрых 20%. Может быть это обусловлено... недостатком рабочего состава? Увы, этого утешения мы не имеем. В мае месяце число рабочих в прошлом году было 220 тысяч, в этом году 270 тысяч, а добыто вместо 140 миллионов — 127,5 миллиона пудов, т. е. добыча упала. Произошло это благодаря тому, что на одного рабочего с мая месяца 1915 г., 1916 г. и 1917 г. падала производительность угля в пудах таким образом: в 1915 г. — 772 пуда, в 1916 г. — 636

* Пропуск в подлиннике.

пудов, а в 1917 г. — 462 пуда.[129] Число выхода рабочих на работу, начавшись с 18 дней в январе, пало до 16 в феврале и марте, до 15 в апреле и до 13,7 в мае. Таким образом в области промышленности, в весьма слабой степени зависящей от того или иного количества сырья и необездоленной в смысле рабочих рук, дело обстоит в высокой степени неблагополучно с точки зрения создания новых ценностей.

Как же обстоит дело в области железных дорог? Тут картина продолжает носить тот же характер, о котором я имел честь докладывать вам в прошлом заседании: дело опять идет в смысле ухудшения весьма энергично. Если в марте недогруз этого года по всей сети 74 тысячи вагонов, то в апреле он повысился до 77 тысяч, в мае до 84 тысяч и за первую половину июня дошел до 116 тысяч. Таким образом недогруз составляет уже свыше 25% работы прошлого года. Это — по всей сети, но тут вклинивают и несколько затемняют картину оперативные перевозки в западном районе. Если взять сеть так называемого восточного района, примерно от линии, соединяющей Петроград с Екатеринославом, картина там еще нагляднее: в апреле был недовоз в 85 830, в мае 207 400, а за первую половину июня 119 625 и вообще за эти $5^1/_2$ месяцев недовывезено 717 320 вагонов. Таким образом производство ценностей железнодорожных, производство перевозок, претерпевает в дальнейшем значительное ухудшение. Обусловливается оно, кроме факторов, не поддающихся цифровому выражению, вроде падения производительности труда, и некоторыми факторами, уже получающими цифровое выражение. Количество больных паровозов, которое в прошлом году все время колебалось между 16,5 и 17,5%, в этом году, начавшись с 16,5% в январе, продолжает неукоснительно расти и за время революции выросло с 20,3 до 24,2% в первую половину июня, причем эта цифра является заведомо преуменьшенной, в действительности она достигает вероятно 30%, но и в этом преуменьшенном виде по целому ряду важных железных дорог она превышает среднюю. Так на Николаевской ж. д. — 26,5%, на Пермской — 30,6% больных паровозов, на Ярославской — 28,9%, на Томской — 27%, на Казанской — 29,4%, на Юго-восточной — 27,4%, на Полесских — 27,5%; таким образом ряд важнейших наших магистралей имеет свыше 26—27% официально зарегистрированных больных паровозов, причем цифры эти иногда так разнятся от действительности, что например Северо-донецкая ж. д., показавшая 29% больных, как оказалось на основании ревизии, имела их свыше 40%. Количество больных вагонов также продолжало неукоснительно расти и достигло 8%. Благодаря этому наш паровозный парк, непрерывно выраставший и увеличившийся на 900 единиц за этот год, вна личности дал однако в рабочем парке уменьшение, ибо количество больных с 3287 выросло до 5083, или на 34,2%. Даже вагоны с момента революции дали увеличение с 5,4 до 8% больных. Перевозки в важнейших направлениях претерпевают большие неустройства, так например погрузка с воды на железные дороги лишь в последние дни начинает налаживаться и все-таки представляет картину до чрезвычайности безотрадную в силу невероятно возросших требований погрузчиков. Требования эти достигают до 300 рублей за вагон, что дает заработок на грузчика свыше 45 рублей в день, при расходе 30 копеек на пуд. Затем явление, о котором я скажу дальше,

вызвало весьма печальное последствие на сети в смысле невероятного роста так называемых задержек, из-за медленности вагонов в пути. В то время, когда прошлые годы в теплые летние месяцы с этим злом, нараставшим зимой, дорога умела всегда самым энергичным и успешным образом справляться и рассасывать этот парк задерживающихся вагонов, которые например в прошлом году составляли всего 3 тысячи, в нынешнем году дошли до невероятной цифры 53 538, — это во время февральских заносов. Теперь они продолжают держаться около 16 — 20 тысяч и даже по последним данным в июне месяце они уже доходят до 16 184. Это вагоны погруженные, но стоящие где-то по дороге, стоящие по преимуществу потому, что они брошены в пути, когда машинисты ушли отдыхать в депо. Таких брошенных вагонов оказалось около 2 тыс. на важнейшем для нас направлении от Владивостока на Петроград. В прошлый раз я докладывал вам данные, из которых видно, что если мы доведем до желанной нормы в 300 вагонов в сутки погрузку во Владивостоке, то мы сможем провести владивостокские грузы в течение 8 месяцев. К этому идеалу мы не можем подойти и близко вследствие тех затруднений, о которых я раньше говорил; пришлось даже прекратить всякую погрузку на Хабаровск из Владивостока и по направлению на Манчжурию понизить до 50 вагонов; не сегодня, завтра она будет прекращена вовсе, потому что норма погрузки, которая была установлена в 215 вагонов для Владивостока, наполовину не покрывается нормой приема в Иркутске, ибо эта 48-парная сибирская дорога, на которую затрачены такие сотни миллионов народных денег, как оказывается, способна принимать сейчас до 125 вагонов в сутки, ибо машинисты сделали постановление уменьшить состав поездов на 20%, и сейчас на ней стоит очень большое число задержанных вагонов. Вот какова картина с перевозкой. Боюсь вас затруднить, но мог бы еще привести данные, как плохо исполняется самая перевозка продовольствия, сахара и т. д., но повидимому здесь вина в значительной мере ложится на непоставку питательного ведомства, а не на железные дороги. Так, анализируя причины неисполнения планов, приходится признать, что 99% непогруза по исполнению плана не зависят от железной дороги, это показывает, что хлеба у ведомства продовольствия к перевозке нет. Весь запас в железнодорожных хранилищах не достигает 7 миллионов пудов.

В своей знаменитой речи М. И. Скобелев сказал: государство раньше было в руках невежд и потому государственное хозяйство на краю пропасти.[130] Да, было невежество, было непонимание того, что страна не может богатеть от войны, но вот есть ли сейчас и на верхах и во всей массе сознание того, что разбогатеть она может только через труд и никаким другим способом? В этой же речи министр труда указывал источник этого обогащения,—это пресловутые буржуи, кассы предпринимателей, банки. Я пробовал подсчитать, — это задача нелегкая, — что же эти буржуи эти промышленники получают.

Я сравнил данные за 1913 — 1915 гг. по одним и тем же предприятиям, все эти предприятия связаны только одним признаком, что у них опубликованы отчеты за тот и другой год, другой связи нет, выборка делалась совершенно случайно. Эта сводка охватила примерно 40% наших промышленных предприятий. Что она дала? Она дала, что на 2 миллиарда, задолженных в 1913 г. примерно 800 предприятий, было

получено 150 миллионов дивиденда, т. е. 7,6%, а в 1915 г. в тех же предприятиях прибавилось 200 миллионов капитала в силу их расширения и дивиденд вырос до 218 миллионов, т. е. до 9,6%; если вычесть из них 0,6%, которые составляют убыток по другим предприятиям, то средняя выручка дала 9,2%, т. е. значит на 5 миллиардов задолженности промышленности весь дивиденд за 1915 г. составил 500 миллионов рублей.

Это не значит еще, что буржуазные слои получили эти 500 миллионов рублей, потому что целый ряд дивидендов формировался из других дивидендов. Укажу, что Московский земельный банк обладает крупным пакетом акций Киево-воронежской дороги, следовательно Киево-воронежская дорога участвует в дивиденде Московского земельного банка. Затем каждый коммерческий банк обладает большим пакетом всяких торгово-промышленных предприятий, и дивиденд этих предприятий участвует в формировании дивидендов банка, и это формирование проходит две-три-четыре ступени. Если с этим не считаться и считать, что получается 500 миллионов дивиденда, и если к этому прибавить, что у нас было до войны 9 миллиардов долгов государственных да 11 миллиардов сделано внутри России, итого 20 миллиардов, по которым в среднем приходится платить 5,1%, это дает еще 1 миллиард и значится — полтора миллиарда, на которые можно было бы покушаться в виде предельной цифры, потому что тут, как я говорил, часть цифр взаимно покрывается; затем сюда входит цифра доходов, идущая в эмеритальные кассы, благотворительные учреждения и т. д., словом, это есть максимум. А какой на него максимум покушения? Вот предо мною справка не апокрифическая, а подписанная товарищем военного министра о требованиях, предъявленных союзом металлистов в Петербурге в отношении заработной платы. Они выражаются в таких цифрах: первая группа рабочих — 2 рубля вознаграждения, вторая группа — 1 руб. 90 коп., третья группа — 1 руб. 75 коп., четвертая — 1 руб. 50 коп., чернорабочим — 1 рубль, ученикам—50 коп. и 1 рубль — это все в час, значит ученики должны получать до 16 рублей в день.[131] Это требование для артиллерийских заводов и для Путиловского завода и для Верфи в совокупности должно по расчетам генерала Маниковского дать увеличение заработка в 10 миллионов в месяц, а если принять во внимание, что на этих заводах примерно 80 тысяч рабочих, т. е. меньше, чем $^1/_{30}$ всего рабочего населения страны, если трудно себе представить, почему остальным надо было бы прибавлять меньше, то выходит, что надо свыше $3^1/_2$ миллиардов прибавлять, для того чтобы удовлетворить требования, желания рабочих масс. Изволите видеть, что источник во всяком случае этих желаний не покрывает. Я не позволю себе усомниться в том, что эти желания в достаточной мере основательны: жизнь трудна, жизнь дорожает с каждым днем, и те цифры заработка, которые кажутся сейчас преувеличенными, в сущности с избытком покрываются увеличенными издержками на жизнь. Но вот оказывается, что тем не менее при всей справедливости этих требований они совершенно не имеют источника для покрытия, что мы опять вступаем и неминуемейшим образом не можем не вступить в ту сферу финансов, которая, как я приводил вам пример, кое-кому и неинтересна. Вот если бы это сознание проникло все население, что эти арифметические задачи неразрешимы, тогда может быть легче было бы подходить к разрешению основной на-

шей задачи по финансированию войны и финансированию русского бюджета. И замечательно, что по мере того, как эти пожелания рассматриваются в инстанциях, хотя и не менее благожелательных, но более осмысливающих все явления в совокупности, то они сейчас начинают в той или иной мере урезываться. В этом отношении характерны результаты работ комиссии под председательством Плеханова. Его трудно заподозрить в неблагожелательности в отношении рабочего класса, но тем не менее он эти аппетиты, эти желания, которые ему были предъявлены, в значительной уже мере урезал. Так же было и с требованиями металлистов. На конференции рабочих артиллерийских заводов они уже подверглись сокращению примерно на 25%, в совещании инженеров и техников артиллерийского ведомства под председательством проф. Зернова в среднем вероятно на 30—35%. Уже размер их стал пугать, когда людей охватывают в широком масштабе предъявлявшиеся ими желания. Указал еще в своей речи, которую я уже цитировал, М. И. Скобелев еще один путь: это забрать прибыли всех имущих классов, увеличив ставки обложения имущих классов до 100% прибыли. Правда, при этом М. И. пришлось немножко наклеветать на финансовую науку, ибо он утверждал, что финансовая наука знает этот способ. Я думаю, что присутствующие здесь представители, близкие к финансовой науке, подтвердят мое предположение о том, что едва ли финансовая наука этот способ знает.

Наоборот мы знаем, что аппарат взимания подоходных налогов весьма хрупок и ломок и, перенапрягая его, мы рискуем его сломать и не получить ничего. Я думаю, не надо быть большим пророком, чтобы предвидеть крупнейшее недопоступление по прямому налогу вообще, а по подоходному налогу, особо преувеличенному, в особенности. Фактически известно, что даже по старому подоходному налогу, который грозил $12^1/_2$% предельными, — правда, я о нем еще при обсуждении в финансовой комиссии, когда мы остановились на $6^1/_2$%, предсказывал, что никогда мы этих процентов не увидим,— но говорю, когда угроза была $6^1/_2$ — $12^1/_2$% максимум, то и тогда из подлежащих плательщиков только 20% заявили о своем желании платить, подавши декларации. Но и из этих 20 что-то около добрых 80% ничего не стоят, ибо они не передают картины предстоящих платежей, и эти плательщики требуют серьезнейшей проверки. Тем более это произойдет, когда платежи повышены до предела 90%. Так вот, я говорю, что М. И. Скобелев еще тогда указывал [132] на необходимость «заставить капиталиста, буде он хочет сохранить буржуазный способ ведения хозяйства, работать без процента, чтобы не упускать подоходного налога». Оказывается, что при старом правительстве он был главным образом развит за счет неимущих демократических классов, а мы его разовьем за счет многоимущих. «Мы должны ввести трудовую повинность акционеров, банков, заводчиков и т. д.». Словом, тогда еще, при вступлении во власть коалиционного министерства, был предуказан еще один путь для изыскания средств—это путь привлечения в казну не только всех промышленных, но вообще прибылей имущих классов в стране. И вот для осуществления этой меры изданы три закона, которые вы могли прочесть в № 81 «Вестника Временного правительства», и которые доводят обложение до 90% от податной прибыли. Если проделать всю арифметику, то этот закон должен дать весьма значительное увеличение доходов государства и следовательно дать

возможность улучшить за счет государства благосостояние рабочего населения. К сожалению однако самая громадность обложения заставляет весьма сомневаться в том, что его удастся провести в жизнь. При этом опять приходится отметить весьма характерную вещь, что министр Скобелев указывал, что «к сожалению разные акционерные предприятия уже роздали акционерам прибыль», и этим самым он признавал; что те предприятия, которые уже не имеют облагаемых сумм, которые распределены между акционерами как прибыль, не могут платить налог с этих, не имеющихся у них, сумм. Поэтому он предлагал поправку: усилить в сильнейшей степени индивидуальный подоходный налог и уловить следовательно этот розданный дивиденд не в самом предприятии, а уже в кармане держателей дивиденда. Это предлагал министр-социалист, а вот министр не-социалист с этим не постеснялся и обложил в акционерных предприятиях ту прибыль, которая уже роздана по карманам акционеров и которая в силу закона о личном подоходном налоге будет ими в свою очередь оплачена. Опять случай, когда министры так называемые буржуазные идут в известном направлении дальше министров-социалистов. Конечно те или иные поправки к этому закону будут приняты, потому что он издан, как и многие законы, наспех, непродуманно; в нем например забыто о том, что в числе вычетов из вашего облагаемого дохода должен же находиться и вычет так называемой обложенной прибыли, т. е., если вы из своей прибыли потеряли до 80% в виде обложения военной прибыли, то нельзя же, раз уже с вас сделали вычет, брать подоходный налог второй раз. Есть еще целый ряд дефектов. Может быть этот закон, поскольку он допустит это изменение, поскольку будет введена рассрочка платежа налога, в итоге через 2 — 4 года даст возможность промышленным предприятиям, ведущим правильную отчетность и имеющим имущество, получить преднамеченную сумму. Если это не будет сделано, то вероятно будет гораздо большее количество крахов, потому что для многих промышленных предприятий обложение становится непосильным...

...Вот при всех этих перспективах, если мы при помощи наших союзников, которые, надо полагать, придут нам на помощь в финансировании недостающих нам 12 миллиардов на доведение войны до 1 января 1918 г. и следовательно дадут нам возможность из-за финансов не прекращать военных операций, то является весьма большой вопрос — будет ли у этих союзников интерес помогать нам и дальше, и не придется ли нам своими средствами справляться с последствиями войны по заключению мира? А тогда является вопрос — откуда же при безнадежности дальнейшего надавливания налогового пресса мы справимся с этим бюджетом, в котором, как я докладывал, одна статья платежа по государственным займам будет фигурировать в сумме, почти приближающейся к сумме всего нашего военного бюджета? Вот при такой перспективе и хочется думать, хочется ждать, что явится такой на Руси витязь, который сумеет также нас излечить от этого тумана, налетевшего на наши головы в области экономики, как нашелся у нас свой Керенский, который излечил нас от этого яда интернационализма, индиферентизма к военным действиям, который привил нам революционный патриотизм, сумел развалившуюся, как оказалось, армию заставить исполнять свой революционный долг — защиты родины. Без этого коренного перелома

в умах, без отказа мыслить, что мы богаты, что мы можем как-то не то что улучшить, а сохранить наличное благосостояние в личной частной жизни, без отказа от сокращения рабочего труда всем населением, без отказа от таких непродуманных лозунгов, как применение например 8-часового рабочего труда в России, без одновременного сокращения праздников до заграничной нормы, применения 8-часового рабочего дня в условиях, которые в сумме дают число годовых рабочих часов на 20% ниже, чем в самых развитых странах Западной Европы, где общее благосостояние страны дает возможность и обеспечить рабочий труд и дать им эти 8 часов отдыха и сна. Вот, я говорю, если мы все эти идеи, мешающие разрешению задач, не выкинем из головы, то нам весьма трудно будет выйти из положения. Но так как всякое жизненное положение свой выход иметь должно, то и это будет иметь выход, т. е. дойдем мы когда-нибудь до такой точки, когда сила вещей нас заставит признать правильность тех или иных экономических положений, и когда нам придется вне нашей воли сокращать свои потребности и увеличивать свой труд — не добром, а подневольно. Для того чтобы это просветление умов пришло, нужны великие народные вожди, которые нашли бы в себе достаточно красноречия, мудрости и смелости говорить всему народу правду об его положении, раскрывать ему его увлечения и ошибки и указывать правильные пути. Вот последний циркуляр Скобелева подходит к этому, несмело, робко, но подходит, еще нет смелости у него сказать всю правду, но он к ней приближается. Вот когда мы дойдем до этой правды, когда внедрим ее в умы, то выход перед нами откроется. А для этого, господа, мне думается, что тот туман личных вожделений тот, как выразился опять-таки, увы, социалист-министр, а не буржуазный, — тот зоологический эгоизм масс сменится другим чувством. Когда мы вспомним те слова, которыми начинается та песня, которую мы слишком часто теперь поем в дурном переводе, те слова, которыми она начинается в подлиннике, когда мы подчиним все эти мелкие интересы этому одному зову первой строфы марсельезы: «Allons enfants de la patrie», когда мы родине захотим служить и эту родину поставим не только выше своей личной жизни, как это умеют делать наши богатыри на фронте, — земной им поклон, — тогда мы сумеем подчинить интересам этой родины, казалось бы, гораздо менее важное, — наше личное благосостояние, наш индивидуальный карман. *(Рукоплесания и голоса:* «Браво, браво».*)*

Председатель. Николай Николаевич, вам угодно?

Львов *(с места).* Уже поздно может быть?

Председатель. У нас до 6 часов много времени.

Н. Н. Львов. К тому, что сказал Александр Александрович, я хотел прибавить немного о положении вещей, которое создается в деревне и которое мне приходилось наблюдать в моих поездках и по отзывам как землевладельцев, так и целого ряда жителей деревни и земских деятелей. То, что наблюдается в области промышленности, совершенно тождественно отражается у нас в области деревенской жизни. Как сложилось положение вещей в деревне? Сейчас у нас в сущности нет никакой власти, нет никакого суда, нет никакого управления, и все предоставлено всецело и целиком на усмотрение сходов, которые собираются в крайне беспорядочном характере, решают те и другие вопросы и приводят свое решение в исполнение. Жаловаться решительно не-

кому. Порядка в известной подчиненности не существует. Все, что создалось на местах в виде отдельных комитетов, учреждений, все это самочинно возникшие в дни революции, представляют собой в сущности партийные организации, в которых все дело направляется в партийных целях, в партийных задачах, вовсе не считаясь с общим благом, ни с установлением порядка на местах. И благодаря этому конечно получается прямо существование невозможное, подверженное всевозможным случайностям и неожиданностям. В комитет этот попадают сплошь и рядом лица с уголовным прошлым, совершенно не понимающие, что они могут, чего не могут, декретировавшие целый ряд постановлений, касающихся не только местных порядков, но высших государственных учреждений, приводящих от себя это в исполнение. Справиться с этим совершенно невозможно. Было бы совершенно ошибочно относить все это целиком и полностью к тому глубокому перевороту, который у нас произошел и который должен был создать на местах значительную разруху. Это нужно отнести в значительной степени к бездействию правительственной власти. *(Голоса:* «Верно»!*)* Правительственная власть решительно предоставила все это течению вещей, рассчитывая, что все это как-то само собою уладится, и поэтому вместо того чтобы итти от беспорядка и разрухи к порядку, мы идем к все большему и большему беспорядку и большей разрухе. *(Голоса:* «Совершенно верно!»*)* Создается целый ряд комитетов с совершенно неопределенными функциями, неопределенным назначением, неопределенным взаимным подчинением. Это уже не революция создала, это создает правительство. Создается продовольственный комитет, волостной комитет, земские учреждения; создаются у нас комиссары, создаются у нас в каждом уезде солдатские и рабочие советы депутатов, и никто не знает, кто же в сущности является властью, кто же должен то или другое выполнять и кто же несет наконец ответственность за огромное хозяйственное дело, которое всем этим комитетам поручается и которое должно быть приведено в исполнение? И теперь по целям продовольственной операции предстоят громаднейшие задачи, задачи, которые должны выполняться органами якобы правительственными, но не имеющими даже инструкций, как они должны действовать. Эти органы созданы самочинно собравшимися собраниями. Следовательно им надо доверять огромные суммы, огромную отчетность, а взыскать с них ничего нельзя. В таком виде оставлять всю систему управления в провинции, в уездах совершенно невозможно. До сих пор комиссары у нас не имеют своих определенных назначений, и представителей правительственной власти на местах не существует, она не создана. Следовательно центральная власть своих приказаний до самых низов проводить не в состоянии. Я считаю, что было бы совершенно напрасно относить все это анархическое состояние деревни за счет революционного переворота. Это всецело падает на правительственную власть, которая не принимает ровно никаких мер, чтобы привести беспорядок к какому бы то ни было устройству на местах. И вот благодаря тому, господа, какая же у нас картина? Картина такова, что создается целый ряд чисто партийных организаций, которые начинают вмешиваться, впутываться, сами не понимая ни своей ответственности, ни для чего они все это делают, вмешиваются, угождая толпе, с демагогическими целями, в целях удержать те места, которые они за-

хватили, стремятся только удержаться на своих местах. И вот это вмешательство в ответственное правительственное дело партийных организаций с партийными целями есть губительнейшее явление в нашей провинции. Должен сказать, что из всех этих впечатлений, которые я вынес из деревни, я вынес то впечатление, что народ гораздо лучше того, чем хотят его сделать. Хотят искусственно подбить его на такие действия, перед которыми он сплошь и рядом останавливается, он не хочет итти на это, но когда ему говорят, что все можно и именно в этом видят проявление революционных задач, революционное назначение, то они совершают разные безобразия. Это происходит оттого, что совершает их народ, потому что он оставлен на произвол без всякого руководства. В таком виде оставлять народные массы невозможно, нельзя. Ведь когда вы скажете толпе — делай все, что хочешь, она постепенно, шаг за шагом дойдет до того, что начнет совершать насилия и безобразия. Нужно установить предел, и я должен сказать, что на этих сельских сходках, буйных, шумных, я постоянно слышал такой вопрос: можно ли это сделать, законно ли это или незаконно? Они сами ищут такого руководства и таких указаний от власти, которых власть им в сущности не оказывает. И вот, господа, я считаю, что именно в этом положении власть предала эти народные массы, предала их на волю случая, на волю захвата отдельных, случайных людей *(голоса:* «Верно, правильно!»), которые из этого делают самые губительные вещи, которые являются с демагогическими целями, проповедуют в народе всевозможные лозунги, которые туманят только головы; те лозунги, которые сами эти господа реально не понимают, как их осуществить, как их практически сделать. Вот именно в этом заключается самое величайшее зло. Когда говорят человеку темному, необразованной массе такие смутные лозунги, которые будоражат их мозги, которые не дают реального удовлетворения действительной пользы для их нужд, на которые нужно практически вступить, это и есть величайшая пагуба всего русского народа. Я думаю, что ответственность власти, той революционной власти, которая у нас сейчас существует во Временном правительстве, огромная перед русским народом. Я считаю, что русский народ введен в это смутное время в такой соблазн, он введен в такое разжигательство страстей, что его предали на потоп и разграбление тех, которые хотят этим пользоваться и в числе которых есть и уголовные преступники, есть злонамеренные люди, которые для своих корыстных целей стараются сбить его с пути. *(Голос:* «Есть и предатели!») Все это выдается нам как бы за осуществление каких-то социалистических идеалов. Но мыслимо ли так действительно относиться к серьезному положению вещей? Разве самый злейший враг социализма не мог бы именно этой картиной величайших безобразий, совершаемых на местах, опорочить раз навсегда в целом весь социализм, в котором быть может есть что-нибудь доброе, но не в тех формах, не в том виде, как происходит на местах то, что создается. Это вовсе не действительное удовлетворение потребностей, которые есть, я не буду отрицать, у народных масс, это есть в самом деле создание такой внутренней сложности, такой внутренней ненависти между отдельными классами, при которой никакое разрешение никаких социальных проблем никогда не станет возможно, и это не только между одними землевладельцами, но и между целым рядом,

огромным слоем всех собственников, более зажиточного крестьянства и между более беднейшим крестьянством. Вот между тем создается настоящее волчье царство, отношения страшных ненавистей и страшных раздражений друг к другу, доходящие до того, что начинаются бесконечные пожары, насилия одних над другими. Вот на этой почве, на почве, уготованной взаимными ненавистями и непримиримой враждой, хотят создать у нас то Учредительное собрание, которое должно внести мир и успокоение в страну. Ведь это же такая почва, на которой вы ничего создать не можете. Это есть почва величайших раздражений и величайших ненавистей, которые нужно остановить, а остановить их можно только властью, — только тем, что вы скажете, что можно и чего нельзя разнузданным страстям, разожженным в настоящее время, и я глубоко убежден, что здесь это представляется вовсе не такой неразрешимой задачей. Нужно, чтобы правительство вышло из своего паралича, нужно чтобы правительство не было запутано в тех вопросах, которые ему представляются самими важными, а которые сравнительно с огромной важности вопросами являются пустяками, мелочами. Что для правительства представляется сейчас самыми важными вопросами? Как разрешить конфликт на даче Дурново, [133] как угомонить настроение Выборгской стороны, как разобраться в вопросе о занятии дома Кшесинской [134] — вот что является для нас главными государственными задачами, в которых запутана вся правительственная политика и в которых оно совершенно как в омуте погружено, упуская важнейшие задачи России. Они из-за этого Петербурга, из-за этого действительного хаоса, созданного здесь, не видят всей великой России *(голоса*: «Верно, правильно!»*)* и всего русского народа; и вот именно этот народ с его великими задачами, с его великими потребностями и нуждами, прямо приносит в жертву вот этим настроениям Выборгской стороны: что она скажет, да как бы не повернула туда, да как бы сделать такой зигзаг, чтобы избавиться от такого-то выступления с дачи Дурново, — вот в чем запутана у нас правительственая власть, и вот в чем заключается источник ее страшной слабости, ее бездействия в тот огромный и ответственный исторический момент, когда Россия переживает такие ужасающие положения. Да действительно, господа, именно этим настроениям Выборгской стороны приносится высшее благо государства в жертву: приносятся вопросы международной политики, вопросы мощи государственной, достояние народное, политика финансовая, и все регулируется тем, что скажет тот или другой вожак на Выборгской стороне, — положение становится действительно нетерпимым, и деревня, русская деревня выдана головой этому Петербургу, этому чудовищу и удаву, который в прежнее время душил, глушил русскую жизнь и который теперь продолжает дальше высасывать народные соки и требовать себе все в жертву. *(Голоса:* «Правильно!»*)*. Вот перед этим новым идолом, созданным в настоящее время, нужно выразить величайший свой протест во имя народного блага, во имя России *(Голоса*: «Правильно!»*)*, для того чтобы действительно не приносить русский народ в этот исторический момент в жертву именно этим ничтожным мелким крикливым и наглым интересам, которые здесь проявляются. Вот почему нужно освободить от этих пут наше правительство, и это правительство должно быть прежде всего свобод-

ным в своем решении, чтобы решать при огромной ответственности, которая лежит перед ним, огромную и ответственную национальную задачу, лежащую перед нашей родиной. Вот как мне представляется вопрос, господа, связанный с русской деревней, которая сейчас, я считаю, забыта всеми — а в ней, в русской деревне, и лежит самая главная задача, предстоящая перед Россией. Деревня должна столько разрешить и к деревне в настоящее время вновь должны возвратиться все заботы правительства, для того чтобы поднять благосостояние русского народа. *(Рукоплескания.)*

Председатель. Член Государственной думы Шидловский I.

Шидловский. Я могу сделать маленький комментарий к той жизненной картине положения деревни, которую вам только что привел Н. Н. Львов, комментарий, относящийся к тому, как здесь, в тех по крайней мере ведомствах, в которых мне приходится работать, относятся к тем явлениям, которые происходят в деревне, и какие собираются принимать меры для борьбы с ними. Я, как вам известно, состою уполномоченным Временного комитета Государственной думы в составе земельного комитета.[135] Я уже вам здесь не раз рассказывал о земельном комитете, рассказывал про те условия, в которых нам приходится работать, но я должен удостоверить, что в громадном своем большинстве лица, принимающие действительное участие в реальной работе и подготовляющие целый ряд временных законопроектов, долженствующих урегулировать те безобразия, как они сами говорят, которые происходят теперь в деревне, все эти лица действительно и искренне желают выработать что-нибудь такое, что могло бы эти безобразия прекратить, но рассказ, так сказать, выхваченный из самой реальной жизни Николая Николаевича указывает, что тот путь, на который становятся лица, желающие помочь этому, неправилен, и в результате нельзя ожидать, чтобы введение даже и принятие Временным правительством тех законопроектов, которые будут ему предложены министром земледелия, внесло бы в это дело порядок. Вам уже было указано Н. Н. Львовым на бесчисленное множество комитетов, находящихся на местах.[136] Официально предусматривается наличность в каждой волости трех отдельных комитетов: один комитет называется распределительным, — это есть орган административный, другой комитет называется продовольственным, — это есть орган, специально ведающий продовольственным делом, и третий комитет — земельный, ведающий вопросами сельского хозяйства и эксплоатации земли с сельскохозяйственной точки зрения. Вы все, знающие деревню, вероятно довольно трудно себе представляете наличность в одной и той же волости трех разных комитетов. Совершенно ясно, что верховодить будет только одна группа, — как эта группа называется, это вам прекрасно объяснил предыдущий оратор. Так вот эти комитеты по предположению министерства земледелия должны избираться на основании всеобщего, тайного, равного и т. д. голосования в волости, причем избирание это фактически происходит так, как избирались до сих пор все самочинные комитеты, т. е. не было правильного общего голосования, а собирался сход, на сходе кто-то пропагандировал такой комитет и что-то такое созывали. Затем я заверяю перед вами, что эти комитеты в своей области являются самодержавными, они не являются проводниками известных мыс-

лей и известных положений, выработанных центральным правительством, исполнителями которых они должны являться на местах; им предоставлено полное право разрешать решительно все вопросы на местах и в области ее сельского хозяйства, для которого создаются земельные комитеты; земельным комитетам предоставлено право определять, сколько земли оставить хозяину, сколько у него взять, кому эту землю отдать, какую назначить цену на эту землю, куда должны поступать деньги за эту землю: хозяину, или должны поступать в распоряжение комитета, или в какое-нибудь третье учреждение. Этому комитету вменяется в обязанность следить за тем, как хозяин будет пользоваться своей землей; он имеет право постановлять об отобрании инвентаря у хозяина, словом, нет той вещи, которую он не имел бы право сделать, и все это делается без всяких ограничительных постановлений. Правда, предполагается установить известный порядок обжалования поинстанционный, но вы знаете сами, что при срочности сельскохозяйственных работ, когда нам некогда думать об обжаловании, а надо принять те или другие меры теперь же, эти комитеты являются носителями власти в пределах своего района. Очевидно, что при том способе, каким комитеты составляются и вероятно будут составляться, покамест не придет в себя немного народ, от которого в сущности зависит это *(голоса: с места:* «Правительство!»*)*, они и сохраняют тот самый характер, на который указывал Н. Н. Львов. И действительно очень часто бывают такого рода случаи, когда комитеты в сущности являются заводчиками всякой путаницы, всякой свары и всяких неладов в сельскохозяйственных сношениях, уже наладившихся благоприятно. Мне известен один случай, случай в деятельности того комитета, в пределах которого я имею счастье или несчастье состоять. Комитет был на редкость удачно собран, я не знаю каким путем, но на редкость удачно, тихий, тактичный, старался улаживать всякие отношения, и все это продолжалось до той минуты, пока через весь наш район по чрезвычайно определенному плану не проехал какой-то господин, очевидно большевик или ленинского толка, который заехал во все комитеты и сбил всех с толку,—целый ряд комитетов с севера на юг; можно было проследить, как изменились нравы комитетов с севера на юг; они вдруг встали на совершенно непримиримую точку зрения, нам известную, источником которой является, как говорил здесь Н. Н. Львов, преимущественно Выборгская сторона. Были протесты против того, чтобы комитеты стали на эту точку зрения. Протесты раздавались на том самом волостном сходе, который был собран по распоряжению комитета, но протесты эти под влиянием пропаганды этого гастролера оказались совершенно несостоятельными и ни от каких резких выступлений более удержать не могли; комитет сделал целый ряд постановлений, которых он до сих пор нигде не применял, но которые, я должен сказать, идут навстречу тем функциям, которые предполагаются правительством ему предоставить. Комитет принял целый ряд постановлений и сообщил об этом всем местным землевладельцам. Те пришли в ужас, потому что это их ставило в совершенно невыносимое положение. Но представьте себе, через пять-шесть дней та группа, которая протестовала против постановлений, вынесенных комитетом в присутствии этого большевика, сама потребовала созыва схода и настояла на

том, чтобы были отменены эти постановления, и комитет опять обратился в старый комитет, добрый и хороший, который действительно помогает очень часто улаживать всякие трения. Сама мысль о существовании комитета — мысль по-моему удачная, потому что при обострении некоторых отношений между разными разрядами землевладельцев, скажем, крестьянами и землевладельцами более крупными, в интересах и тех и других иметь под рукой учреждение, которое могло бы стоять внепартийно и которое могло бы избавить эти две заинтересованные стороны от очень часто весьма неприятных переговоров между собою. Комитет разбирает, он должен разбирать эти дела совершенно беспристрастно, и конечно все бы повело только к значительному смягчению всяких трений, но ведь не забудьте, что все комитеты, которые существуют и которые будут существовать, если будут приняты те основания, которые теперь предлагаются министерством земледелия, эти комитеты будут односторонние, представляющие интересы одной стороны и могущие по предположенным им границам их действий постановить все, что им ни заблагорассудится. Следовательно в каком же положении очутится всякое лицо, подпавшее под деятельность этого комитета и не принадлежащее к тому большинству, которое заинтересовано в известном разрешении этого вопроса? Очевидно здесь кроме произвола ничего другого быть не может. Таким образом я только взял слово на очень короткое время, для того чтобы вас ввести в курс, какие меры предполагается принять правительством, для того чтобы внести порядок в тот хаос, который нам обрисовал Н. Н. Львов. Из этого вы увидите, что установление целого ряда комитетов, имеющих безграничные полномочия, мне кажется ничего решительно не изменит, потому что будет продолжаться совершенно то же самое, и будет продолжаться это до тех пор, пока на местах не будут выбраны тем или другим способом представители, могущие говорить авторитетным голосом от имени власти: это можно, а этого нельзя. При предполагающейся же организации ничего подобного не будет, потому что никакой комитет не будет в состоянии говорить: этого нельзя, потому что в положении комитетов нет никаких ограничений, он может делать все, что ему угодно. Таким образом эта предполагаемая временная организация, если ее введут на-днях, по-моему, никакого упокоения и никакого порядка не внесет.

Кузьмин.* Недавно я возвратился из объезда Рязанской губернии, куда был командирован по поручению комитета Государственной Думы, и ознакомился с постановкой общехозяйственной жизни, которая совершенно развалилась за последнее время...

[Останавливаясь в начале своей речи на моменте самочинного захвата уездными и волостными комитетами отрубов, отдаваемых ими в общее владение сельских общин, Кузьмин говорит, что это обстоятельство в значительной степени определяет стремление Украины отделиться от России.]

Без всякого сомнения, если сверху провозглашен лозунг общей национализации земли, если большинство Украины, если вся Полтавская губерния преимущественно работает на основании отрубного хозяйства, отдельных хуторов и т. д., то этот лозунг пройдет полосой по всей

* Выступление Кузьмина дается с некоторыми сокращениями, т. к. местами оно повторяет доклад Бубликова.

Украине, внушит страх, он, как рычагом, взметет всю систему хозяйства. И инстинкт самосохранения заставляет Украину отгородиться от России, чтобы заработать себе право на дальнейшее существование и право на правильную постановку общего течения государственной жизни. Я говорю, что деревня забыта, но между прочим нет ни одной ошибки в постановке аграрного вопроса, которая не проходила бы бурей по всей стране. В каком же положении в данное время находится общее течение сельскохозяйственной жизни благодаря этой разрушительной, а не созидательной работе этих волостных комитетов? Они передают свои постановления, которые вводят как закон в жизнь, стремясь этим постановлениям придать якобы законную форму; например, они постановляют отобрать столько-то и столько-то десятин от частных землевладельцев, будь то отрубники-крестьяне или помещики,—я совершенно не касаюсь никаких сословных вопросов, ибо считаю, что в момент общей тревоги и исключительной опасности, который переживает наше отечество, нельзя смотреть под углом зрения благополучия какой-нибудь одной части населения, а надо смотреть только под углом зрения общего благополучия нашей родины, которую так или иначе каждый, кто может, должен стремиться спасти. И вот эти комитеты постановляют отбирать поля от некоторых все яровое поле, а от некоторых только одно озимое поле. Таким образом прежде всего эти поля остаются неудобренными владельцами их, затем невспаханными настоящими инструментами. Крестьяне же скверно пашут сохой, и при этом обращает на себя внимание, как иногда в буквальном смысле бесценное в нынешнее время богатство закапывается в землю. Я укажу на конкретный пример: в Данковском уезде есть крупное землевладение некоего Волкова-Муромцева, поля которого тоже отобраны по постановлению местного комитета в пользу общества, а на этом поле растет богатейший клевер, который крестьяне теперь вспахивают своими сохами, клевер, достигший уже полуаршинного роста, чтобы кое-как засыпать семенами ржи под осень, между тем как всякому сельскому хозяину известно, как надо его разделывать. Десятина же такого клевера в прошлом году дала свыше тысячи рублей одними семенами, с этой десятины крестьяне соберут каких-нибудь несчастных 15 — 20 пудов ржи. Это вопрос уже чисто государственной важности, вопрос полного ущерба общему экономическому строю страны, и особенно в такое время, когда уже говорится о неурожае в Поволожьи, когда каждый пуд хлеба будет стоить колоссальных денег. Таким образом эти сделки, якобы добровольные, отнюдь не являются добровольными, они делаются под большим нажимом. Все общество является толпами к землевладельцу и предлагает ему за аренду 3 — 5 рублей с того поля, которое стоит 30 — 40, которое удобрено и вспахано. Помещик говорит, что так как он считает это совершенно неосновательным, он не желает с ними совершать сделок и говорит: за вами сила, я один, берите поле. В этом они опять-таки видят подвох и не соглашаются, грозя арестом и поджогом. Один из примеров такого положения вещей я укажу в Данковском уезде, у моего соседа помещика князя Долгорукова. К нему систематически являлись массы крестьян совместно с местными полицейскими, хотели брать его под стражу или чтоб он подписал условия о сделке за 3 рубля 50 копеек, сдал бы свое лучшее поле, кото-

рое он готовил себе под клевер, озимый посев. Вот как происходят якобы добровольные сделки этими местными комитетами...

Цены на хлеба все растут и растут, крестьяне стараются захватить громадную площадь, чтобы собрать возможно большее количество пудов по баснословным ценам, о которых они говорят уже теперь. Крестьяне рассуждают так: если заводские рабочие получают генеральские оклады, то как же мы, землевладельцы на местах, работая в поте лица в рабочую пору день и ночь, должны отставать от наших товарищей в смысле вознаграждения? Как же это разрешить? Да очень просто, говорят они: в будущем году будем продавать 10 рублей пуд и больше ничего. Несомненно это можно уладить; можно послать команду, для того чтобы собрать за соответствующее вознаграждение хлеб, чтобы не оставить города без хлеба, не обездолить их продовольствием, но сделать это очень трудно. Вы сами знаете, что все собрания Совета рабочих и солдатских депутатов очень сплочены друг с другом, а также и с крестьянством и что за ними стоит физическая сила. Так вот те горизонты и те причины такой алчности к земле, которая в виде волны докатилась до настоящей России, т. е. до наших крестьян. Я хочу сократить свою речь в виду позднего времени. В заключение скажу: что же в конце концов можно предпринять, что можно сделать? До того как мы выслушали речь члена Государственной думы Шидловского, я питал какую-то надежду, но теперь всякая надежда пала. Мы слышали, что будут образованы другого наименования комитеты, такие, которым дается неограниченная власть вершить с частными землевладельцами то, что они хотят. До этого я бы полагал мерой временной, могущей хоть сколько-нибудь влить порядок в сельские местности,— это преподать прежде всего пределы власти всем комитетам волостным, ибо никаких пределов власти эти комитеты абсолютно не признают. Мы несколько раз читали в газетах, что комитеты приговаривают к телесному наказанию, что некоторые комитеты за кражу 5 рублей приговаривают к 10 годам каторжных работ. Эти комитеты часто сажают местных землевладельцев под арест за то, что они не исполняют их требований. Одна из форм обложения крайне характерна. Комитеты облагают землевладельцев при помощи увеличении жалования военнопленным. Они находят, что по теперешнему труду получать 8 рублей в месяц мало и поэтому они постановляют платить им 25 рублей в месяц, причем прибавить им рубль и таким образом из 8 рублей сделать 9, а остальные 16 рублей идут в пользу волостного комитета...

...Сборы повинностей с крестьян не поступают. Мы об этом уже слышали; крестьянами свобода истолковывается в том смысле, что можно свободно никаких повинностей не платить, и абсолютно ни одной копейки повинностей не поступает. Вот собственно то положение, в котором находится наша деревня, и это положение в будущем совершенно безвыходное при наличности учреждения таких комитетов, о которых мы только что слышали. Но все же как-нибудь нужно урегулировать и какие-нибудь преподать пределы власти этим комитетам, разъяснить, что после переворота право на собственность отнюдь не отменено, и раз от беззаконных действий этих комитетов частные владельцы понесут убытки, то, казалось бы, логично возложить убытки, хотя трудно будет их взыскать, на те же комитеты и на общества, которые самочинно

эти комитеты ставят во главу как вершителей всех судеб, буквально без всяких ограничений власти. Перед нами стоит сейчас вопрос крайней срочности и важности в смысле общегосударственного значения, вопрос, как мы обеспечим сбор текущего урожая, который мне представляется вопросом грандиознейшего калибра. Дело в том, что несомненно крестьяне будут чинить всякие препятствия, чтобы сделать вид, что частные землевладельцы сами собрать урожая не могут, но это абсолютно не так. Между тем осенью прошлого года крестьяне не брали в аренду и половины того количества земли, которую брали в прошлом году. Это совершенно понятно, потому что и крестьяне очень обездолены в смысле рабочих рук. Тогда владельцы озаботились добычей большого количества военнопленных, рабочих и рабочих баб, которые получаются из некоторых мест. У нас есть некоторые отдельные места, которые на заработки отпускают массу таких женщин. Таким образом они во всеоружии. Они приобрели паровые молотилки, увеличили количество косилок, жнеек и т. д. Осенью же крестьяне не разобрали обычных аренд, но теперь в начале сева к помещикам приходят и говорят, что им этих земель не обработать самим. Тут является вопрос крайне острый. Даже ту землю, которую крестьяне захватили, в состоянии ли они будут сами обработать и на будущий год собрать? Видя же готовый хлеб на помещичьей земле, несомненно в первую голову будут стремиться завладеть им, но под видом законности, уверяя, что землевладельцы не уберут этого хлеба, и к этому до известной степени они подготовляются. Они снимают готовых рабочих, сами ставят такие цены, как 10 рублей в день годовому рабочему, бабе 5 рублей поденно и т. д. На это можно сказать, что крестьяне могут завладеть их инвентарем, их лошадьми, молотилками. Но этого мало, у каждого частного землевладельца есть известная система работы, у него есть администрация, имеются сложные машины, жнейки, косилки, паровые молотилки, это тот инвентарь, при помощи которого можно убрать известного размера поле. Если землевладельцы со всей своей администрацией со всеми орудиями, которые у них имеются, сдадут, то не может быть сомнений в том, что крестьяне со всем этим не справятся и останется громадный недобор хлеба или на корню или сгнившим, свезенным на гумна. И мне кажется самой насущной, самой очередной задачей является то, чтобы всемерно принять меры, для того чтобы обеспечить предстоящую уборку урожая у частных владельцев, иначе мы попадем в такое положение, выход из которого трудно себе представить. *(Голоса:* «Верно!»*)*

Папчинский. Я хотел предложить почтенному собранию принять такую резолюцию; выслушав доклады членов Государственной думы Бубликова, Львова, Шидловского и Кузьмина, поручить Исполнительному комитету обратиться к Временному правительству с указанием, что необходимо немедленное изменение с его стороны политики как в центре, так и на местах, что та политика, которая нынче проводится, неминуемо ведет к гибели. Затем текст этого обращения поручить выработать Исполнительному комитету и в ближайшем заседании доложить общему собранию членов Думы.

Председатель.[137] Я имел в виду в заключение этих прений предложить совещанию тот выход, который предвосхитил Иван Иванович. Конечно эти обширные и достоверные сведения, грозные по

своим последствиям, обобщить, не подумав, не проредактировав, нельзя. Поэтому я считаю необходимым присоединиться к мнению Ивана Ивановича, причем могу вам указать на одно чрезвычайно тревожащее обстоятельство, которое я прочел в сегодняшнем номере газеты «Речь». Здесь идет вопрос о сделках с землей. Что сделки эти будут воспрещены и т. д.—это все мы знаем, об этом может быть несколько суждений, но вот, что действительно является для землевладения прямо-таки тревожным. В п. 4 предполагаемого законопроекта имеется такое предложение: «Земельные имущества, назначенные к продаже с публичных торгов на удовлетворение тех или других взысканий, которые были обращены на них до издания настоящего закона, или основываются на крепостных, нотариальных или в установленном порядке засвидетельствованных актах, совершенных до означенного срока, поступают в управление уездных земельных комитетов, а где их нет — в управление государственных имуществ с переводом текущих платежей на государство». Таким образом оказывается, если просрочившее с банковским платежем имение будет объявлено к продаже, оно не будет продаваться с торгов, но будет поступать прямо в распоряжение этих земельных комитетов, и это при том условии, что сделки на земли будут воспрещены, а вследствие этого земля потеряет ценность, обесценивается как обеспечение кредита и будет закрыт землевладельцам всякий кредит. Из каких же тогда средств землевладение будет уплачивать свои долги банкам, ну, скажем, дворянскому банку 1 мая, а другим банкам в иные ближайшие сроки? В большинстве случаев эти сроки уже пропущены, и такой законопроект повлечет к немедленной ликвидации земельной собственности на законном основании, без торгов. Вот те основания, по которым я просил бы поручить Временному комитету обратить внимание на указанные обстоятельства и предотвратить такой гибельный закон не для частного землевладения, а прямо для государства, ибо действительно все, что здесь говорили: хлеб не будет собран и рассыплется, а государство будет голодать. Так что позвольте на этом заседание закрыть.

2 июля 1917 г.

П р е д с е д а т е л ь. Так вот позвольте вам доложить, что вчера ночью я установил те этапы, по которым это движение украинское — не знаю, какое употребить подходящее выражение — проходило через Временное правительство. Украинское движение, как вы помните, началось с того, что появились зачатки рады, производились выборы.[138] Каким образом — Василий Витальевич меня поправит.

Ш у л ь г и н. Был съезд всеукраинский, как он назывался.

П р е д с е д а т е л ь. Неизвестно, как он был созван?

Ш у л ь г и н. Абсолютно.

П р е д с е д а т е л ь. Абсолютно у правительства данных нет, кто особенно на этом предмете настаивал, хоть какой-нибудь подоплеки ни во Временном правительстве, ни у Василия Витальевича, специально это знающего, нет. Какие руководящие начала были положены в право выбирать — неизвестно. Может быть они известны вам, Василий Витальевич? Какие границы социальные, территориальные, групповые —

неизвестно. Может быть они известны в Киеве, но в моем распоряжении этого нет. Поэтому в этом отношении ни правительство, ни я не можем поставить вас в известность, но так или иначе этот съезд начался. [139] Он выбрал раду. Рада вступила немедленно в переговоры с Временным правительством, переговоры, заключающиеся в том, что рада требовала от Временного правительства устройства самостийной Украины на началах автономии, автономного управления, сейма, причем определила, еще до появления универсала, [140] приблизительно территорию, довольно обширную, просила правительство войти с ними в контакт и признать раду закономерной, и, как вы увидите впоследствии, корень вопроса заключался в том, что эта рада и вообще идея этой рады была бы признана правительством. [141] Вот собственно, по мнению Щепкина, который мне дал подробные сведения, в чем заключаются эти домогательства; они не высказываются открыто, но так или иначе сквозит, что нужна санкция, которая дала бы фундамент этому учреждению, а именно, что высшая власть его признает. От князя Львова в бытность мою у него, когда я еще пользовался его расположением, я слышал от него лично, что во всяком случае правительство на это не пойдет и своей санкции не даст. Я не нашел записок, когда торопился сюда, и не помню подробностей, но помню, что этот отказ был дан со стороны министра-председателя. Тогда делегаты уехали назад и вернулись уже после того, что составили выборную комиссию; фамилии выборных, я думаю, Василий Витальевич знает.

Шульгин. Не знаю.

Председатель. И я не знаю. Эти лица вошли в настойчивые переговоры с князем Львовым, князь Львов поставил вопрос в кабинете, но постановления написанного, смотивированного, журнального, запротоколенного, какого хотите, не состоялось. Во всяком случае Временное правительство дало мандат князю Львову решительно от имени Временного правительства отказать вступить в какие бы то ни было переговоры с радой и во всяком случае до Учредительного собрания никаких решений от имени автономной Украины не производить. [142] Это относится к периоду коалиционного министерства, так что в этом решении участвовали и министры-социалисты. *(Голос:* «Это единогласно было решено.) Засим, несмотря на то, что был дан такой резкий ответ, эти господа тем не менее вступили опять-таки в переговоры с князем Львовым и указывали ему, — в этом князь Львов не признается, — но это я слышал со стороны не только Василия Витальевича, который, как кажется, это утверждал, но также и от лиц, фамилии которых я назвать не могу, но которые определенно говорили, что эти господа указывали князю Львову как на главное основание в потребности автономной Украины следующее: вы, ваше сиятельство, надоели нам, как и ваше безвластие; мы жаждем порядка, мы хотим так или иначе в нашей Украине водворить тот порядок, которого мы желаем; если великая Россия терпит это безвластие — это ее дело, но нам это бесправие и т. д. надоело. Я не знаю, говорил ли мне это Василий Витальевич, но я определенно слышал, что туда приходили эти господа и это говорили.

Шульгин. Они нащупывали почву.

Председатель. Ведь я сам не говорю, что это было искренне; это только те факты, которые мне известны. В конце концов получив отказ здесь, — это вы знаете из газет, — эти господа вернулись назад и со-

брали новый съезд, но уже военных украинцев для определения отношения армии и вообще для устройства отдельной украинской армии и других вопросов, связанных с военной силой и с войной. [143] Этот съезд был, как вы знаете, решительно запрещен Керенским, причем рада вынесла постановление, что министр Керенский, хотя и социалист, так как он во всяком случае один из демократических министров, но он же первый нарушает права, объявленные им в программе Временного правительства о том, что граждане Российской империи отныне имеют право и возможность собирать явочным порядком всякие съезды и собрания, устраивать союзы и пр. [144] Съезд этот все-таки состоялся. Что на этом съезде решили — я не помню, но результатом этого было то, что рада почему-то вообразила, что она имеет мощную поддержку в армии. Между тем, как вы знаете из газет, было объявлено постановление войск, не знаю каких частей, о том, что они вовсе не украинцы, что они малороссы, что они от России отделяться не хотят и считают раду самозванной.

Шульгин. Это было постановление частей войск и представителей, собравшихся в Луцке. [145] А затем было очень резкое заявление Украинского полка, — Украинского не в в смысле теперешнем, а в смысле наименования, — как есть Киевский, Волынский полк, так вот есть и Украинский полк, который первое время взбунтовался и выгнал своего командира. Тогда рада послала ему запрос о том, что может быть он согласится принять командира-украинца и знамя от украинской армии, что тогда этот полк может быть придет в порядок. Но к этому времени полк этот пришел в порядок сам и прислал самый грубый ответ: мы своего старого знамени менять на ваши не желаем, командира своего уважаем и т.д.

Председатель. Я хотел указать, как дело протекало. К этому времени относится постановление знаменитого универсала, который, как вы знаете, был отвергнут правительством и даже был отвергнут Советом рабочих и солдатских депутатов и в более решительный форме, с указанием, что теперь для этого не время, что он просит товарищей на время это оставить,—Совет рабочих и солдатских депутатов был тогда настроен наступательной позицией Керенского, — что наступление и успехи, уже достигнутые, от такого раздвоения в России несомненно пострадают. Затем после этого наступило затишье. Я был вышвырнут из этого курса дела, и Щепкин не могустановить...* Мне по крайней мере неизвестно, каким образом явилась потребность в делегации вот этих господ министров.

Шульгин. Я могу сказать. Вслед за универсалом, — а содержание его в общем таково, что — «ты, украинский народ, поставил нас, мы обращались к Временному правительству, а оно сделало то-то, и вот, исполняя твою волю и т. д., мы заявляем разные вещи...» вслед за ним они назначили министров своих, не помню, как они их назвали, чуть ли не тоже секретарей генеральных... *(Председатель:* «У них есть и министр иностранных дел».) Вот эта причина заставила ехать.

Председатель. Теперь я вспомнил. Когда произошло это обстоятельство,— я больше о нем докладывать не буду, это совершенно верно, оно случилось после утверждения универсала и постановления Совета рабочих и солдатских депутатов, — тогда Временное правительство решило, что вопрос настолько становится сложным, что его нужно

---

* пропуск в подлиннике.

обследовать в комиссии.[146] По сведениям, которые я имею, эта комиссия должна состоять из разных общественных деятелей, которые были указаны, но ни один из них ехать не согласился, никто.

Шульгин. Все отказались, кроме кадет; одни остались кадеты; тогда кадеты заявили, что при таких условиях они не едут.

Председатель. Одним словом, эта комиссия, долженствовавшая по мысли Временного правительства состоять из тех или иных общественных деятелей, не состоялась, отчасти за отказом их, а затем получилась однобокая, так что оставшиеся не поехали, и таким образом вопрос этот остался невыясненным. Вот тогда появилась мысль командировать туда членов правительства, т. е. первая с моей точки зрения ошибка: правительству невозможно вступать в переговоры с какою-то самочинною организациею, самочинным установлением.

Шульгин. Контрреволюционерами...

Председатель. Контрреволюционерами. Вот это обстоятельство и побудило членов кабинета ехать туда. Были командированы туда, как вы знаете, Церетели, Терещенко и Керенский; последний, оставив армию, поехал туда.[147] Теперь получилась та картина, которую присутствующим объяснял Милюков. Члены правительства кадеты настаивали на том, чтобы мандаты — как теперь выражаются — этих вот господ заключались исключительно в переговорном праве только, но отнюдь не в решающем праве этих троих от имени правительства заключать какой бы то ни было договор с неизвестным учреждением. На это Церетели им заявил, что позвольте, а может случиться такое обстоятельство, что только путем немедленного решения, немедленного соглашения можно спасти положение и что поэтому они просят, чтобы все-таки им было предоставлено факультативное право, беря главным указанием, главным руководством, что они едут парламентарами с белым флагом, они тем не менее в исключительном случае по их разумению могут заключить какой-то — сепаратный, не знаю, как назвать, договор. Но на это министры-кадеты не согласились, и депутация поехала с правом вести только переговоры. Об этом обстоятельстве вам только что докладывал здесь Милюков, и в прошлом заседании совершенно то же обстоятельство Павел Николаевич нам передал. Оказалось, что кроме троих командированных, туда же полетел и Некрасов, но опять-таки, по сведениям П. Н. Милюкова, Некрасов только там заварил и уехал, а уж доваривали, дожаривали и раскладывали на блюдо всю эту штуку Терещенко, Церетели и Керенский. При этом, когда они поехали туда, кадетские министры — я попрошу, если что, меня поправить — поставили тогда кабинетный вопрос, что если Церетели, Терещенко и Керенский сделают что-нибудь помимо правительства, не обсудив совместно этого дела, то они выходят из кабинета. Тем не менее совершалась совершенно непонятная вещь. Вот эта штука, которую я сейчас доложу, была там составлена, и они, эти уполномоченные, рассматривают это как какую-то победу, что отрицают совершенно и Милюков, и кадетская фракция. Но мало того: это было повидимому обусловлено так, что принятие этого документа правительством считается совершенно обеспеченным, и уже соответствующий универсал радою изготовлен, проект. Это вы сейчас слышали от присутствовавшего здесь Милюкова. Таким образом получился двойственный подвох. В реда-

ктировании этого универсала, по словам П. Н. Милюкова, которому не доверять я никакого основания не имею, принимали участие и Терещенко, и Церетели, и Керенский; это не оглашено, но это известно. Когда приехали назад эти господа, в кадетской фракции...* — а я должен сказать, что лишь тогда это узнал и в этом виню членов Временного комитета кадет, которые должны были бы нас держать в курсе, повторяю: контакта с Временным правительством мне уже установить не удается — очень прошу это записать — никакими судьбами, должен признаться, что я после неудачной посылки комиссии в дальнейшем ничего не знал и не знал, что министры должны отсюда ехать, и узнал, когда было в пятницу собрание, и Милюков доложил, что все назревает и идет к кризису, который готовится; ну может быть я в этом и виноват, но, откровенно говорю, никаких шупальцев я в правительство пустить не могу, так что быть в курсе того, что там делается, я положительно отказываюсь и на себя не принимаю. [148] Так вот, когда они вернулись сюда и об этом было суждение в кадетской фракции, потому что очевидно кадеты-министры должны были получить директивы от фракции, — я очень извиняюсь перед Львом Александровичем, ** думаю, что такие директивы было бы невредно получить и от Временного комитета, но что не удается и целый ряд документов доказывает, что наших товарищей как ни зовешь «пожалуйте на совещание к нам», это не удается. Дело было поставлено так: Некрасов им прямо сказал, что этот документ подлежит принятию, как он выработан, без каких-либо поправок; он говорил четвертым, повторяю слова П. Н. Милюкова, а перед ним говорили Кокошкин и другие, которые указали на целый ряд поправок; Некрасов заявил, что этот документ подлежит принятию и никаких поправок быть не может. Это я слышал вчера — вот Н. В. Савич подтвердит, от В. А. Маклакова; после вашего ухода я звонил так сказать во все дверки узнать в чем дело, очень мало добился, потому что все в разгоне, но повидимому уже вчера часов в 7 или 8 после обеда было известно, что этот документ пройдет, причем только невыясненною казалась позиция министра-председателя и засим самих правых министров — это члена партии центра Государственной думы В. Н. Львова, ответственность за что падает конечно на В. А. Ратькова-Рожнова, затем Годнева, ответственность которого — ну... *

Велихов. А Милюков, партия кадет?

Председатель. Было известно, что они ставят кабинетный вопрос.

Велихов. Нет, теперь?

Председатель. Вчера было известно: большинством 16 против 11 был постановлен уход. Ведь вы же вероятно были, секретарь...

Велихов. Я вчера не был.

Савич. Астров приезжал специально настаивать, чтобы не было кабинетного вопроса.

Председатель. И мнение Астрова не восторжествовало, хотя в дальнейшем, не отходя от исторической стороны дела, я доложу свое мнение, которое было у меня вчера, сегодня я изменил. И резуль-

* Так в подлиннике.
** Велиховым.

тат такой: они пошли на голосование ночью, — в половине первого еще Щепкин, с которым я беседовал, не мог ничего сказать, затем мне смертельно хотелось спать, просил позвонить утром, и вот утром узнал о таком результате голосования. Обсуждение — я следил все время по телефону — обсуждение шло вчера таким образом. Первым говорил Терещенко как докладчик, доложил обстоятельства, при которых это соглашение с радой — повидимому теперь уже является узаконенным — было решено, в чем они усматривают свою победу, особенно Керенский очень торжествовал победу, но засим, когда начали очень сильно возражать кадеты, первым Шингарев, который пришел в совершенно нервное состояние, был очень возбужден, когда Шингаров и другие, Мануйлов, Степанов стали возражать, то тогда Терещенко, Церетели и Керенский приняли иную позицию. Они указали, что документ принят, но подстрочник и толкование совершенно новые, и привели такое толкование этого документа, которое бы удовлетворило даже и кадет, — об этом я был осведомлен в 11 час. 45 мин. вечера Щепкиным, — и повидимому состоялось соглашение. Засим уже в 12 час. выяснилось, что кадеты очень осторожны и с Шингаревым во главе потребовали, чтобы если есть такое соглашение и подстрочник, то были бы раскрыты скобки, и все это было бы помещено в виде поправок сюда, — тогда будет совершенно ясно. Это подтвердил и Милюков. Принятие этого документа как такового с какой-то объяснительной запиской совсем не отменяет такого крупного значения у акта, которое он сам по себе имеет. На это не пошло большинство; это выяснилось в 12 — 1 час ночи. Я заснул и видел себя уже украинцем, видел, что самостийная Украина будет. Засим, когда такого соглашения не состоялось, и авторы этого документа стали на непримиримую позицию, вот какой результат получается от этого голосования. Здесь, со слов Сергея Иллиодоровича, сомнение возбуждает только один Некрасов. Значит, за — голосовали: князь Львов, Керенский, Чернов, Пешехонов, Переверзев, Скобелев, Церетели, Владимир Львов, Некрасов и Терещенко, против — Шингарев, Мануйлов, Степанов, князь Шаховской, Годнев. Тут было сомнение, как говорил Сергей Иллиодорович, относительно Некрасова, но потом выяснилось, что он голосовал против.

Шидловский. Сомнения не было, потому что я уже знал.

Председатель. Мне не было известно. Значит 5 против 10.

Шидловский. Вы знаете поправку. Некрасов воздержался. Годнев рассказывал, что кто-то воздержался. Некому, кроме Некрасова.

Председатель. Так или иначе, сколько я помню, и сколько помните все вы, члены Временного комитета, в самых серьезных вопросах Некрасов всегда воздерживался. Так было с делом Алексеева, так было 20 апреля в большом зале Мариинского дворца. Это факт. Дело значит обстояло таким образом, и получилась законодательная санкция, такой документ, который я позволю себе вам огласить. Я его прочитаю. Он был принят без всяких редакционных изменений. Рада была принята так, как это было выработано в Киеве. Так вот проект постановления Временного правительства. Временное правительство постановило обратиться к Украинской раде со следующей декларацией: [149]

«Выслушав сообщение министров Керенского, Терещенко и Церетели

по украинскому вопросу, Временное правительство приняло следующее решение:

Назначить в качестве высшего органа управления краевыми делами на Украине особый орган — генеральный секретариат, состав которого будет определен правительством по соглашению с центральной украинской радой, пополненной на справедливых началах представителями других народностей, живущих на Украине, в лице их демократических организаций.

Через означенный орган будут осуществляться мероприятия, касающиеся жизни края и его управления.

Считая, что вопрос о национально-политическом устройстве Украины и о способах решения в ней земельного вопроса, в рамках общего положения о переходе земли в руки трудящихся...» — Позвольте мне пояснить. Каким образом, если он должен быть в рамках общего положения о переходе, то каким образом это будет соответствовать интересам Украины? Это непонятно, это может быть коренной вопрос... — «...должен быть разрешен Учредительным собранием, Временное правительство отнесется сочувственно к разработке украинской центральной радой, пополненной указанным образом, проекта о национально-политическом положении Украины в том смысле, в каком сама рада найдет это соответствующим интересам края, а также о формулах разрешения в ней земельного вопроса, для внесения этих проектов в Учредительное собрание.

Временное правительство, считая необходимым во время войны сохранить боевое единство армии...» — А значит, без войны она может быть не единой... — «...находит недопустимыми меры, могущие нарушать единство ее организации и командования, как например изменение в настоящее время мобилизационного плана путем немедленного перехода к системе территориального комплектования войсковых частей или облечения командными правами каких-нибудь общественных организаций». — Значит в мирное время это тоже возможно.

«Вместе с тем правительство считает возможным продолжать содействовать более тесному национальному объединению украинцев в рядах самой армии или комплектованию отдельных частей исключительно украинцами, насколько такая мера по определению военного министра будет представляться возможной в техническом отношении и не нарушит боеспособности армии», — т. е. в центре всех военных секретов вы увидите Грушевского там, в генеральном штабе.

«В настоящее время для более планомерного и успешного достижения этой цели Временное правительство находит возможным привлечь к осуществлению этой задачи самих воинов-украинцев, для чего по соглашению с Центральной радой могут быть командированы особые делегаты-украинцы, которые будут состоять при кабинете военного министра, генеральном штабе и верховном главнокомандующем...»

«Что касается военных украинских комитетов на местах, таковые осуществляют свои функции на общих основаниях, причем их деятельность должна быть согласована с деятельностью других военно-общественных организаций».

Таким образом вот собственно говоря как развивалось это украинское движение, как сначала ему сопротивлялось правительство, едино-

гласно сопротивлялся Совет рабочих и солдатских депутатов и как в конце концов эти импонирующие силы ослабели и восторжествовало украинофильство, которое, я утверждаю как малоросс, совершенно не имеет глубоких корней, по крайней мере в Екатеринославской губ. этого ничего не признают; Херсонская губ. меня удивляет, но у нас даже сочувствия этому никакого нет, даже многие из украинофилов, профессор Магницкий и другие, совершенно от этого отказались. Так вот таким образом неизвестное, самозванное учреждение получает права гражданства и права очень обширные, потому что что такое «секретариат», во что и как он выльется? Вот об этом я и хотел вам доложить. Таким образом Временному комитету надлежит войти в рассмотрение вопроса во всей его совокупности, поскольку это явление представляет собою угрозу целости России, угрозу распространения еще больше анархии и какие меры Временный комитет и Государственная дума, я скажу, обязаны принять в настоящее время. Сергей Иллиодорович, вы хотели слова. Будьте любезны.

Шидловский I. Когда мы рассматриваем этот документ, то мы видим, что он резко делится на три части, причем вы мне позвольте итти в моих суждениях в обратном порядке снизу, потому что снизу я вижу тут способ пополнения, способ допущения национальной политики в войсках и т. д. Этого я совершенно не понял, это вопрос специальный, технический; меня интересует в этом во всем упоминание «рада», т. е. это значит, что этим документом «рада» признается. Затем идет средняя часть. Изложена она таким образом: «Считая, что вопрос о национально-политическом устройстве Украины и о способах решения в ней земельного вопроса в рамках общего положения о переходе земли в руки трудящихся должен быть разрешен Учредительным собранием, Временное правительство отнесется сочувственно к разработке Украинской центральной радой, пополненной указанным образом, проекта о национально-политическом положении Украины в том смысле, в каком сама рада найдет это соответствующим интересам края, а также о формах разрешения в ней земельного вопроса для внесения этих проектов в Учредительное собрание. «Против этой части я возражать ничего не могу, кроме того, что и здесь признается «рада». Со всех других точек зрения — это есть не что иное, как предоставление какой-то местной организации разработки каких-то предположений для представления в Учредительное собрание. Таким образом средняя часть, как я ее цитирую, заключает в себе предоставление какой-то организации, которая называется «радой», что-то разработать в пределах местных национальных интересов, чтобы это самое было представлено как материал в Учредительное собрание, — против этого возражать нельзя. Первая часть — самая коротенькая, заключает в себе всю суть дела, изложена она следующим образом: «Временное правительство постановило обратиться к Украинской раде со следующей декларацией...»

Вот эта коротенькая фраза, в ней все содержание. Я опять-таки обращаю ваше внимание, что самым существенным является признание Центральной украинской рады. Центральная украинская рада признается как таковая, причем не указывается ни ее компетенции, ни состава, ничего решительно; утверждается какая-то случайная украинская

рада с совершенно неизвестным содержанием. Что же здесь подразумевается, из этого документа неизвестно. Потом, я вижу, подразумевается учреждение, обладающее неизвестными правами, неизвестными функциями в пределах неизвестной территории, ибо о территории здесь ни слова не сказано, только дальше говорится об органах управления краевыми делами и опять Украина и т. д., но нигде не говорится, что такое Украина; значит мы не знаем, что такое рада, что она представляет, какой территорией и какими функциями она будет обладать; будет ли это организация общественная, будет ли это организация национальная или организация территориальная. Намек на то, что это организация территориальная, есть, потому что здесь ставится условием пополнение рады представителями других национальностей, очевидно представители других национальностей могут быть только в пределах известной территории, о самой же территории здесь ни слова нет. Затем дальше, рада признается и санкционируется правительством: правительство назначает в качестве высшего органа управления краевыми делами на Украине особый генеральный секретариат. Значит секретариат предполагается в виде местного правительства. Что такое высший орган управления? Он подразумевает очевидно, что есть низшие органы управления. Значит это есть высший орган управления, руководящий целой сетью управлений низших, — это есть самостоятельное учреждение в пределах российских, управляющее краевыми делами. Что такое краевые дела? Мы знаем дела административные, знаем дела судебные, дела законодательные, переходя в другую область, мы знаем дела экономические, это значит все без исключения дела, возникающие в пределах известной территории.

Савич. За исключением внешней политики.

Шидловский I. Размеров этой территории мы не знаем, что такое высшее управление — мы не знаем. Что такое краевые дела — мы не знаем. Что такое Украина — мы не знаем. Что такое генеральный секретариат — мы тоже не знаем, потому что состав его должен быть определен правительством по соглашению с радой. Наконец что такое рада — мы тоже не знаем.

«Назначить в качестве высшего органа управления краевыми делами на Украине особый орган — генеральный секретариат, состав которого будет определен правительством по соглашению с Центральной украинской радой, пополненной на справедливых началах».

Это признает характер, как я указывал, территориальности, потому что здесь разные национальности и т. д., и т. д. «Через означенный секретариат будут осуществляться правительством все мероприятия, касающиеся жизни Украины и ее управления». Что такое эти мероприятия — нам неизвестно.

Председатель. Будут ли они только осуществляться, будут ли критически к ним относиться, это тоже неизвестно.

Шидловский I. Казалось бы, что он является исполнительным правительственным органом, это является как будто бы органом управления, раз говорится «орган управления», но орган управления является органом правительственным на местах. Но сказано это довольно глухо и главное это мешает совершенно точному определению того, что этот секретариат есть орган Временного правительства, а вмеша-

тельство рады, о котором здесь говорили, совершенно не подчеркнуто совершенно не выдвинуто. Что такое рада? Она благославляется, она учреждается, но что она такое, знать мы не можем из этого документа. Вот в сущности получается целый ряд неизвестностей.

Председатель. Которые будут облечены в правительственный акт.

Шидловский I. И следовательно мы совершенно не можем сказать, что из себя представляет рада.

Савич. Хаотический акт.

Шидловский I. Полный хаос. Вчера я говорил с Годневым, он объяснил мне, как этот документ понимают лица, его составляющие, и лица, его защищающие, и эти самые их объяснения устраняют опасение хаотичности только до известной степени, но не совершенно, и вот только тогда, когда они говорили, что это надо понимать так-то, так-то и так-то, — только тогда кадеты подняли вопрос о внесении поправок.

Председатель. Так объяснял Годнев, но это вербальное объяснение, а не документальное.

Шидловский I. Кадеты говорили, если это так понимать, как вы толкуете.

Бубликов. А как они толковали?

Шидловский I. Они объясняли, что это исполнительный орган правительства.

Председатель. Рада?

Шидловский I. Нет, секретариат.

Председатель. А рада?

Шидловский I. Рада — это организация, как Совет рабочих депутатов.

Савич. А у Временного правительства роль Временного комитета, который назначает по соглашению с Советом рабочих депутатов министров, а потом эти министры скажут: нам на Временный комитет наплевать.

Шидловский I. Они это объяснили, и кадеты потребовали: так, как вы это объяснили, так и потрудитесь написать. Они сказали: нет, нам решительно писать нечего. И вот на этой почве не последовало соглашения, как сказал наш председатель, большинство в $^2/_3$ высказалось за и, насколько я помню, подтвердило баллотировкой. Некрасов, мотивируя это тем, что он состоит в составе кадетской партии в Центральном комитете и что Центральный комитет постановил не принимать этого, и что эти министры должны уйти, заявил, что он уходит и от голосования отказывается. Это было принято потому, что категорически было сказано, что никаких изменений нет. Возвращаясь к этому документу, я думаю, что этот документ представляет из себя верх политической неграмотности, потому что в него можно вложить какое угодно содержание. Возражения, которые раздавались, что это вопрос инструкции, что в инструкции можно это раскрыть, — это к сожалению неверно. К сожалению это способ, которым деятели, вынесенные революцией наверх, очень склонны работать. У нас в земельном комитете, когда я доказывал, что нельзя дать волостным комитетам действовать по своему усмотрению, не преподавши указаний, мне было

сделано возражение, что это вопрос инструкции. *(Голос:* «Этого они не пишут».*)* Если бы и написали, то это неправильно. Закон должен давать директивы. Инструкция должна разъяснять и указывать способ исполнения, но чтобы инструкция давала общие директивы — это неправильно, так что неправильны и эти соображения, которые раздавались вчера во Временном правительстве в пользу принятия документа, с тем чтобы в инструкции это было развито. Это меня не успокаивает, потому что в инструкцию вы не можете вносить новых вещей. Так что с моей точки зрения этот документ является абсолютно неприемлемым и совершенно невозможным. Единственно определенное, что он говорит, это признание рады. *(Голос:* «Но в каких пределах?»*)* Это неизвестно. Но признание рады без всяких оговорок это единственно определенная нота во всем этом документе. Михаил Владимирович, насколько я помню, говорил, что эта рада не встречала сочувствия ни во Временном правительстве, ни в Совете рабочих и солдатских депутатов. Почему они переменили свое мнение? Но секретариат есть величайшая ерунда, потому что не указано, что он-то сам представляет, не указаны его отношения к другим органам. Мне говорил Годнев, а вы знаете, он законник, что требуется указать в законе...

Председатель. Беззаконный законник ваш Годнев!

Шидловский I. Требуется, чтобы в законе было указание, а здесь этого нет, Вы говорите, что секретариат назначается Временным правительством. Вы считаете его своим органом, а вы его увольнять можете? Можем. Так напишите... Это юридически неправильно, то, что говорит Годнев, это крючкотворство. Но во всяком случае это дела не меняет, так как секретариат созван здесь. Я считаю, что этот документ совершенно неприемлем, так как он ничего не заключает в себе положительного, кроме признания рады, т. е. учреждения, ни объем деятельности которого, ни состав, ни территория, ни функции, ни права, на основании которых оно может действовать, неизвестны.

Председатель. Я с вами совершенно согласен, но если это будет опубликовано и будет написано, что это подлежит введению в действие, то мы будем напоминать известный эпизод, когда кучка разогнанных депутатов бегала по чердакам и что-то декретировала.[150]

Бубликов. Крайняя бесформенность этого документа меня не смущает, так как не так это важно. Время мы переживаем такое революционное, что может быть не всегда удается и не всегда возможно привести тот или иной государственный акт в изящную форму, и из-за того, чтобы были устранены все неясности, неопределенности, вся юридическая безграмотность, на которую указывалось, от этого дело ни на иоту не только не улучшилось бы, но ни на иоту не изменилось бы. Если бы все эти недоуменные вопросы и были разрешены, то дело оставалось бы ровно в таком же положении. Может быть действительно с известной точки зрения ухудшилось бы, потому что, если тут есть возможность торговаться у одной стороны, то есть возможность торговаться и у другой стороны, и с этой точки зрения я понимаю, почему М. И. Терещенко этот документ кажется известной победой. Он отсрочивает формально решение дела и приведение этого дела в полную ясность, а там, с течением времени, может быть удастся то или иное отторговать. Так что форме его и внешним недостаткам я не придаю никакого значения, гораздо

важнее его сущность, и, если позволите, я тут начну с цитаты из того самого сочинения, из которого я уже приводил одну цитату 21 мая в частном совещании, и теперь приведу вторую, которую я публично не рисковал тогда приводить, да и вообще публично не могу ее упоминать, а гласит эта цитата вот что: «каждому пространственному измерению государства соответствует определенная форма правления». По мнению автора, «государству малому надлежит быть республикой, государству размера среднего — быть монархией, а государству большому можно держаться только при деспотии» *(голос*: «Довольно определенно». *Голос*: «Неожиданно!») «и даже невозможно безнаказанно для пространства государства менять его форму в управлении и безнаказанно для формы правления менять пространство». Видите ли, мнение это может быть подлежит оспариванию, но как-никак оно принадлежит Монтескье, от него рукой не отмахнешься, оно обдуманно, обосновано исторически и идейно, и если подойти с этой меркой к русской действительности, то нельзя не вспомнить, что наша большая Россия сколочена кулаком, создана насильственно, ибо и те два или три присоединения, которые произошли в порядке добровольном на известных кондициях, как присоединение Малороссии, присоединение Грузии, присоединение незначительной части Среднеазиатских владений, которые происходили добровольно и частью на известных договорных условиях, тем не менее присоединение было закреплено в порядке насильственном, в порядке кулака, и чрезвычайно трудно спорить, чтобы когда этот кулак ушел, связь, удерживавшаяся только кулаком, могла существовать, поскольку существовала старая московская политика этнографического слияния. Тогда, присоединяя известную область, насильственно производили перетасовку населения, и каких-нибудь псковичей или москвичей везли в Рязанскую губернию, а рязанцев — в Псковскую, производили этот этнографический pêle mêle. До тех пор, пока это было так, дело казалось прочным и могло быть прочным, и слияние происходило органическое. С тех пор как в виду трудностей, которые это представляло, государство Российское от этих методов, от московской политики, отошло и считало для себя возможным довольствоваться объединением, опирающимся на физическую силу, ибо практика его убеждала, что этого пока что достаточно, — столетиями было достаточно,— так с тех пор, я говорю, как русская государственность отказалась от этих методов этнографического слияния в сильном широком масштабе, в широких размерах, с тех пор присоединявшиеся к России области перестали с ней сливаться органически и держались более или менее на честном слове. Вот в таком положении мы подошли к революции. Теперь вот происходят отложения, — ну что же закрывать глаза, — это есть несомненно первый шаг к отложению значительнейшей части когда-то присоединенной к Великороссии — Малороссии; за этим вслед — я думаю, ни для кого это сюрпризом не станет — должна будет отойти Литва, потом Балтика, Грузия, может быть и другие части: мне рассказывали, что очень энергичная агитация ведется даже среди крымских татар.

П р е д с е д а т е л ь. Вообще мусульманства.

Б у б л и к о в. Следовательно мы подходим к моменту распада русской государственности, как она существовала почти три столетия. Ну-с, теперь вот вопрос о том, что же из этого будет следовать? Мон-

теське не предвидел еще одной формы государственного образования — союзного государства или союза государств, может быть это и будет в той или иной форме федеративного слияния отдельных частей государства в одну федеративную республику: это имеет место в Североамериканских штатах; правда, там этнографического разнообразия такого, какое есть в России, не существует, так что считать немыслимым сохранение России как таковой, но уже не в форме полицейски сколоченного государства, а в форме добровольной федерации отдельных народностей, отдельных окраин, этого нельзя; может быть что-нибудь подобное и удастся сделать, но первое впечатление отделения Украины, а затем и других частей, Литвы, Грузии, вероятно Балтики, будет впечатление распада России, и вот тут у меня являются некоторые большие сомнения. Правда, Россия сейчас в массе своей очень увлечена социализмом, в частности эсерством, но на мой-то взгляд это увлечение с одной стороны базируется на исконном стремлении русской души к справедливости, а эти обещают справедливость, а с другой стороны так уже нам осточертела эта политика предшествующего царствования, что всех тянет на самое что ни на есть радикальное. Эсеры — партия радикальная, — ну все и бросились туда. Но нельзя забывать одной вещи, что ведь этот великодержавный инстинкт, благодаря которому сколотилась великая Россия, вовсе не являлся инстинктом одной власти. Это инстинкт всего русского народа. Самый несуразный нижний чин, залезая в какую-то Алашкертскую долину, говорил: а землишка-то хороша, нужно бы взять. Заходил в Восточную Пруссию и там землишку приглядывал. Да и это знаменитое «шапками закидаем» — это тоже очень соответствовало настроению русского народа. Чтобы он во мгнование ока так легко от этих воззрений отказался, это подлежит большому сомнению, и вот тут назревает по-моему крупнейший конфликт, исход которого предвидеть если и совсем нельзя, то чрезвычайно трудно. Что, отдаляет ли стремление к этой свободе, влекущее за собой неминуемое расчленение, не допускающее мысли о сохранении государства в тех формах и теми методами, которыми оно сохранялось до сих пор, или не отдаляет этот великодержавный инстинкт? И вот я не могу не остановиться на такой мысли. Ведь как-никак носителем этого инстинкта была императорская власть, и ежели бы я был контрреволюционером, то я считал бы сегодняшний день днем великого своего торжества: под мою деятельность подвели такой фундамент, на котором я мог бы начать строить, ибо лозунг сохранения единства и великодержавности России так заманчив для таких широких кругов населения, что можно было бы считать, что с сегодняшнего дня у меня появились кадры, которые у меня были потеряны, и я считал бы, что теперь мои мечты, мои идеалы приобретают реальность. До сегодняшнего дня я не знал, с чем мне оперировать. Идея свободы охватила все население, и мне не на кого было опираться, да и не было такого лозунга, который был бы понятен, мог бы просто быть противопоставлен тем коротким ярким лозунгам, как «пролетарии всех стран, объединяйтесь», «да здравствует свобода», «да здравствует земля и воля». Не мог же я гулять с флагом, на котором написано «да здравствует монархия» или «да здравствует Николай II». Это никуда бы не годилось, это было бы безнадежнейшее дело из безнадежных дел, ибо не нашлось бы и тысячи людей из десятков миллионов России, кото-

рые бы за ними пошли под этим флагом. Сохранять же единство великой России, великодержавность России — под этим флагом можно будет уже собрать не тысячи, а уже миллионы, и естественно, что такой флаг мне, контрреволюционеру, взять надо, ибо у меня для этого флага будет знаменосец: этот самый монарх, которого надо поставить, пусть это будет не Николай II, который уже никому не нужен, по его безнадежной неспособности сохранить и то, что ему передали, не говоря уже о том, чтобы ему создавать, но для этого нужен человек, и вот я как контрреволюционер чувствую, что даю ему в руки оружие, которым он будет оперировать. И вот эта точка зрения как будто во всем, что сообщалось, упущена. В сущности идея такого национального выступления дает во-первых возможность организовать контрреволюционную партию из материалов, уже весьма многочисленных, а с другой стороны вносит в то единство, которое охватило страну, существенный развал, потому что строилось на идеях свободы и на идее отрицания национальностей, а теперь еще в построение российского дела резко и остро ввели принцип национального разъединения. На этой почве также неминуемы конфликты, усиление распада в стране, злоба, накопляющаяся в душах, значит усиление всех данных для дальнейшего развития в стране анархии, для удаления создавшегося в стране известного правопорядка. Вот эта сторона дела повидимому правительством была упущена из виду и какое они колоссальной силы оружие вкладывают в руки той контрреволюции, которой никто из них не хочет. А эту контрреволюцию в этот день создают как нечто реальное. До сегодняшнего дня у нее не было лозунга, у нее не было никаких знамен, за которыми пошли бы миллионы. Сегодня им этот лозунг в руки дается. И вот то, что для меня казалось неоспоримым, что роль Государственной думы может быть сыграна второй раз в тот момент, когда явится опасность контрреволюции, когда в силу тех или иных неосторожных шагов явится вкус к восстановлению старого порядка и упразднению свободы. Тогда Государственная дума должна будет послужить тормозом этому попятному движению. Я думаю, что в данном случае Государственная дума и Временный комитет свои соображения Временному правительству должны бы именно на этом и строить, что вот подумайте, не даете ли вы слишком большое оружие врагу общему, и вашему и нашему, общему всей России, желающей сохранения свобод и не желающей эксперимента всякого бонапартизма на почве возбуждения обиженного национального самолюбия. Я думаю, что надо реагировать на этот акт и нужно спокойно указать власти на то, что она совершенно упустила из виду один из крупнейших элементов при решении подобных вопросов.

Савич. Поздно предупреждать, надо было раньше действовать.

Шульгин. Я свое мнение изложил в письменной форме. Я хотел бы его предложить в качестве проекта для комитета, но не знаю, будет ли он принят, а как свое мнение я бы все-таки хотел, чтобы оно было внесено в стенограмму, и поэтому разрешите мне его прочесть. У меня есть несколько экземпляров, я их раздам. Так вот: «Временное правительство постановило: назначить в качестве высшего органа управления краевыми делами на Украине особый орган — генеральный секретариат, состав которого будет определен правительством по соглашению с Центральной украинской радой, пополненной на справедливых на-

чалах другими представителями народностей, живущих на Украине, в лице их демократических организаций. Через означенный орган будут осуществляться правительством все мероприятия, касающиеся жизни края и его управления».

Это решение Временного правительства вызвало уход из состава его нескольких министров, в том числе и министра-председателя, являясь актом, в корне разрушающим правительство, созданное «по почину Государственной думы». Вполне сознавая все последствия ухода из правительства указанных министров, Временный комитет Государственной думы однако вполне разделяет их точку зрения и считает, что по долгу совести и присяги, принесенной ими пред лицом Правительственного сената, они и не могли иначе поступить. Я потом попрошу найти присягу. «Постановление Временного правительства об образовании генерального секретариата в качестве высшего органа управления краевыми делами на Украине фактически является выделением из состава Российской державы особой области с присвоением ей имени «Украины». Это же обозначает, что население этой области будет в государственных актах именоваться «украинцами», а язык, которым говорит это население, «украинским». Одним росчерком пера Временное правительство решило вопрос, являющийся вопросом жизни для каждого гражданина юга России. Люди, которые вчера еще считали себя *русскими*, всеми силами боролись за существование России, проливали кровь за *русскую землю*, решением Временного правительства перечислены из русских в «украинцев», причем правительство не спросило этих людей об их желаниях и не дало возможности им выразить свое отношение к этому важнейшему для человека вопросу, вопросу принадлежности к той или иной национальности. В этом постановлении Временного правительства нельзя не видеть акта величайшего пренебрежения правителей к правам управляемых. Решение таких вопросов, как зачисление свыше 30 миллионов народа в ту или иную национальность, может принадлежать только Учредительному собранию, которое выслушает действительных представителей этих миллионов людей, представителей, выбранных ими при помощи правильных, закономерных, охраняемых всей мощью государственной власти выборов». Тут я должен добавить, что в переписи, которая производилась, наименования рубрики «украинец» нет, там была рубрика «малоросс». Это единственный акт, которым можно было руководиться. Следовательно, если правительство захочет базироваться на этом единственном подсчете, то оно увидит только 30 миллионов малороссов, но ни одного украинца. «Временное правительство пошло по иному пути. Оно взяло на себя смелость самому решить как вопрос о самоопределении народа, населяющего Южную Россию, так и вопрос о территории новой области, созидаемой для этого народа. Временное правительство в составе пятнадцати министров, из которых подавляющее большинство имеет весьма отдаленное представление о южнорусских делах, в течение одного или двух заседаний решит вопрос, какая губерния входит в состав созидаемой «Украины» и какая остается на долю остальной России. Временное правительство, не спрашивая желаний населения, будет сортировать его на «украинцев» и «русских», руководствуясь никому неведомыми соображениями. Временное правительство сделало все это как раз в то время, когда недавним актом оно

приблизило Учредительное собрание, назначив его на 30 сентября, т. е. через 3 месяца. Неужели из уважения к народной воле, из уважения ко всему населению России, в высшей степени заинтересованному в этом вопросе, Временное правительство не могло выждать 3 месяцев, которые оставались до Учредительного собрания?

Сделав этот шаг образования генерального секретариата Украины, Временное правительство все же говорит, что «вопрос о национально-политическом устройстве Украины должен быть разрешен в Учредительном собрании», очевидно не сознавая, что призвание как самого наименования «Украина», так и распространение его на целый ряд губерний и в особенности распространение на эти области власти генерального «украинского» секретариата является самым важным вопросом «национально-политического устройства» Южной России. Временное правительство взяло на себя смелость разрешения того спора, который давно ведет между собой культурное население Южной России. Не входя в существо этого спора, Временный комитет Государственной думы не может однако не отметить, что, насколько об этом можно было судить например по распространению периодической печати и книг, подавляющее большинство грамотного населения Южной Руси предпочитало русский язык, ибо украинские издания пользовались сравнительно малым распространением. [151] Не подлежит никакому сомнению, что часть сознательного южнорусского населения определенно называет себя малороссами, т. е. русскими Малой Руси, горячо привязано к этому русскому имени, гордится им, считает, что его историческое имя, неотъемлемое у него, имя, сохраненное еще со времен древней Киевской Руси. Не подлежит сомнению, что это население будет в высшей степени оскорблено и обижено заменением его в «украинцы».* Это население, скрепя сердце, признает существование «украинского, а не малорусского народа» только в том случае, если ему неопровержимо будет доказано путем правильных выборов, что такова действительно воля большинства населения. Временный комитет Государственной думы не может не отметить, что особенно сильно антиукраинская тенденция как раз в самом сердце предполагаемой «Украины», т. е. в Киеве. Киевское население отчасти чтит исторические традиции, считая, что Киев—«колыбель Руси», и во всяком случае по признанию самих украинцев является городом обруселым. Часть же киевского населения и притом несомненно коренного местного, а не пришлого, относится с нескрываемой ненавистью к «украинцам», видя в них искусственных разрушителей единства русского племени и тайных сторонников Австрии. Что же касается несознательного населения, крестьянских масс, то отношение к вопросам национального самоопределения не выяснено. Последнее время среди крестьян как будто стал проявляться интерес к украинству, но насколько это движение серьезно, а не является следствием обещаний и запугиваний, могли бы показать только свободные и сознательные выборы в Учредительное собрание.

При этих условиях акт правительства, вручившего всю власть генеральному секретариату, рекомендованному украинской радой, и этим разрешившего спор в пользу одной из борющихся сторон, является

---

* Так в подлиннике.

ничем неоправдываемым актом правительственного самоволия и неуважения к правам народа. Освятив домогательства украинской рады, правительство не пожелало принять в соображение даже и того обстоятельства, что авторитетность этой рады и соответствие приводимых ею взглядов действительными желаниям населения могут быть подвергнуты величайшим сомнениям. Если члены Государственной думы от заинтересованных губерний не были признаны правительством способными выразить волю населения (так надо думать, ибо правительство не потрудилось спросить мнения членов Думы), очевидно вследствие недостаточной демократичности закона 3 июля, то тем менее можно было в этом вопросе положиться на суждение людей, избранных неизвестно как, вне всякого закона и контроля, каковыми являются члены того собрания, которое выделило из себя Украинскую раду.

В виду всего вышеизложенного Временный комитет Государственной думы полагает, что министры, которые вышли из состава правительства, поступили правильно, не пожелав узурпировать права Учредительного собрания. Вместе с тем Временный комитет Государственной думы заявляет, что с уходом из состава правительства комитет лишен возможности влиять на правительство, почему Государственная дума слагает с себя всякую ответственность за тот путь, по которому Временное правительство нового состава поведет государство».

В е л и х о в. Я должен сказать, что меня мало интересуют те восклицательные знаки и те иксы, о которых здесь говорилось так много. Меня интересует то определенное, что есть в этом проекте, — постановление Временного правительства. Здесь имеется совершенно определенная фраза, которая говорит, что через генеральный секретариат как высший орган управления краевыми делами на Укриане будут осуществляться правительством все мероприятия, относящиеся к краю и его управлению. Значит, другими словами, Временное правительство, которое имеет всю полноту власти в настоящее время в государстве Российском, не может провести в жизнь ни одного мероприятия, касающегося жизни и управления помимо этого генерального секретариата, — это совершенно ясно и совершенно определенно, следовательно исполнительною властью Временное правительство делится с генеральным секретариатом. *(Голос*: «Отказывается в его пользу».) Нет, делится, потому что оно ничего не может осуществить в деле управления помимо этого генерального секретариата. Мало того, этот самый состав генерального секретариата определяется не Временным правительством, а по соглашению с Украинской радой, и значит распорядительной властью является генеральный секретариат, а исполнительной властью является та власть, которую составляет его состав вместе с Украинской радой. Значит этой властью правительство делится с Украинской радой, которая вместе с Временным правительством и является распорядительным органом, значит она есть исполнительный и распорядительный орган, потому что изменение и пополнение генерального секретариата будет зависеть не от Временного правительства, а по соглашению с Украинской радой. Поэтому, если окажется, что этот украинский секретариат изменнически будет вести эти дела, то правительство не может изменить его состава без согласия рады, другими словами, распорядительная власть Временного правительства передается в руки только одной сто-

роны. Полномочно ли Временное правительство это делать и кем оно уполномочено? Я понимаю, что это может сделать Учредительное собрание, которое выполняет великодержавную волю русского народа, а пока это есть Временное правительство, возникшее по почину Государственной думы. Поэтому ответственность Временного правительства делит в половинном размере та Государственная дума, которая как избранница населения передала эту власть Временному правительству, не поручив ему, а как раз наоборот, в присяге сказано, что обязанность Временного правительства блюсти целость и единство Российской империи. Следовательно, если Временное правительство, не имея полномочий великодержавного русского народа, не имея на то полномочий Государственной думы, решается же прямо на развал России, то Государственная дума обязана отмежеваться от Временного правительства и заявить, и это будет сделано единогласно, что она ничего общего с ним не имеет, что она протестут против него всеми мерами, и это она должна мотивировать. Я думаю, что здесь так много мотивов было высказано, что мы сможем не искать особенных мотивировок. Я думаю, что это выступление Государственной думы будет крайне популярно, потому что я уверен, что великодержавная Россия как таковая жива, и идея эта несомненно сильна и в очень больших слоях русского народа. В настоящее время мы видим, что революция свободы не осуществила, потому что никакой свободы нет, а есть своеволие; права и законности она не осуществила, — у нас такое беззаконие, какого никогда не было, и кроме того мы идем на развал России — это есть измена великодержавному народу, и мы должны протестовать, потому что это не что иное, как умаление власти Временного правительства, имеющего суверенитет, который вручен от Государственной думы в революционный момент. Дума имела право это сделать как представительница российского населения. Я предложил бы сегодня, не теряя времени ни минуты, самым решительным образом протестовать и сегодня же дать в печать.

Председатель. Мы будем потом говорить, потому что мы не знаем, опубликован ли этот проект. Он не опубликован. Если бы мы этим способом сегодня могли удержать от этого шага.

Велихов. Послать им.

Савич. Мы можем составить и сообщить им.

Председатель. Это верно.

Ратьков-Рожнов. Я конечно всемерно присоединяюсь ко всему тому, что здесь было высказано, и нахожу, что разжевывать этого нечего. Это ясно, что придаются огромные права этой автономии и что этим мы расчленяем Россию, и я поэтому считаю действия нашего правительства не только неправильными, но даже преступными, потому что оно не имеет никакого права делать это до Учредительного собрания. Может быть нам потом и не удастся это вернуть, а если придется возвращать, то с огромными потерями и кровопролитием. Затем местные люди, как Василий Виталиевич, ясно говорят, что это движение поверхностное, и это еще более не оправдывает действий тех, которые, ища популярности на месте, вроде Терещенко, пошли на переговоры с какой-то неизвестной никому радой. Поэтому следует несомненно самым категорическим образом отмежеваться и даже может быть указать, что если правительство не может и не умеет управлять Россией, то лучше ему

уходить, а это просто всю Россию на автономии разделить и передать власть, а самим сидеть здесь на Театральной улице и заниматься правительственными делами. Я вполне присоединяюсь.

Ефремов. Я вероятно буду единственный несогласный со всеми остальными говорившими. Я считал всегда и считаю теперь, что создание автономии не есть расчленение России, а это есть переход к другой форме, только предотвращающей может быть действительный распад. Я думаю, что совершенно прав Александр Александрович,* указывая на то, что перемена формы правления, которая неизбежно вызывается развитием общественного культурного уровня государства, развивает государство. Но, думается мне, как указывает Александр Александрович, что теперь и история показывает, что это не единственный выход, а есть еще выход федеративного устройства. Может быть этот нам не подходит, я решать и утверждать не смею, что неизбежно и при прежнем строе надо было предвидеть этот переход к признанию территориальной автономии, вместе с тем она будет и национальной. Поэтому я лично уже не могу видеть во всем происходящем распада России и гибели ее великодержавности. Несомненно есть шаг к переходу к другому устройству России — это несомненно. Но думаю, что это другое устройство необходимо, и я лично его всегда придерживался и приветствую его. Вопрос в том для меня лично, допустимо ли это решение до Учредительного собрания. Теоретически — нет. Я признаю, что только Учредительное собрание имеет право высказаться об устройстве государства Российского. Конечно Василий Виталиевич знает положение лучше, и я спорить не смею, но, думается мне, судя по газетам, что не так уж поверхностно это движение украинское, мне кажется, что даже и Василий Витальевич сам указывает на то, что, хотя оно сознательно не захватило глубоких слоев, но не отрицает того, что несознательные Грицки и Степки могут быть подвинуты к нему в настоящее время, и мне представляется, что это движение может быть весьма серьезным, и едва ли было бы возможно просто от него отмахнуться. Я не буду говорить, что действия правительства были правильны, что нельзя было сделать лучше. Может быть можно было бы сделать лучше, более соответствующее положению. Но думаю, что было бы неправильно сказать только одно non possumus и на этом успокоиться. Я думаю, что в известной степени пойти навстречу движению было необходимо. Меня в данный момент интересует еще и другой вопрос, который разделить в сущности нельзя. Об этом уже говорит в своем проекте Василий Витальевич. Предлагается Временному комитету от имени Государственной думы категорически одобрить уход министров, принадлежащих к партии народной свободы, связать тесно с вопросом об издании этого постановления вопрос о министерском кризисе.[152] Министерский кризис гораздо сложнее, чем только вопрос об издании этого постановления Временного правительства. На прошлом нашем заседании, да и сегодня, вы слышали от П. Н. Милюкова, что это не есть единственная причина ухода кадетских министров, что это последняя капля, но что это подготовлялось раньше, и с этим нам нужно считаться. Мы были как будто все согласны в том, что в составе теперешнего министерства есть ряд лиц, между прочим из числа тех,

* Бубликов.

которые ушли, которые не на месте, которым уйти бы следовало, и я бы безусловно приветствовал в настоящее время индивидуальный уход лиц, сознавших свое несоответствие данным условиям на этом посту.

Савич. Всех их надо гнать.

Ефремов. Может быть и всех, но это связывает. Если это уход индивидуальных лиц, не удовлетворяющих своему назначению, то это одно. Если это уход партийный — то это другое. Если это уход партийный, санкционированный постановлением Временного комитета, — это третье. И вот в особенности при этом третьем случае нельзя закрывать глаза, что около министерского кризиса много писалось и говорилось и небезосновательно, и не может не писаться и не говориться, тем более, на что указывал и П. Н. Милюков в прошлом заседании, о том противопоставлении социалистов-министров или буржуазных министров и о невозможности для буржуазных министров проводить ряд мероприятий, которые намечались большинством Временного правительства. Писалось и говорилось, что настанет такой момент, когда нужен будет уход буржуазных министров и предоставление социалистам-министрам самим справляться с положением, как они это сумеют, и высказывались предположения, что они с этим справиться не сумеют и наступит поэтому ускорение болезненного процесса, переживаемого страной, а затем ее оздоровление и отрезвление. Но ускоренный болезненный процесс может быть и более острым, и более болезненным, и более кровопролитным. Я лично держусь того мнения, что может быть это неизбежно — перейти в болезненный процесс якобинства и террора и затем усмирения, но думаю, что ускорять этот процесс, подталкивать к этому процессу совершенно недопустимо и было бы риском, усилением риска гибели отечества. Я не смею так пессимистически смотреть, как смотрят может быть другие, что гибель эта почти что неизбежна. Я думаю, что есть уже известные симптомы отрезвления, оздоровления. Я вижу эти симптомы и в несколько изменившейся тактике министров-социалистов, в последнем циркуляре министра Церетели, в последнем обращении к рабочим министра Скобелева, которое совершенно не похоже на его анархическую, дикую речь, сказанную в Москве, когда он предлагал итти взламывать несгораемые ящики капиталистов. Я вижу эти симптомы отрезвления в значительном так сказать поправении Совета рабочих и солдатских депутатов, в признании в словах того же Скобелева, что бывают случаи, когда применение силы является необходимым. Я думаю, что сейчас по меньшей мере не исключена возможность того, что болезненный процесс, несомненно переживаемый страной, может пройти, и я думаю, что он пройдет без резни, без междоусобицы, которая может быть ускорена и возможность которой может быть увеличена уходом буржуазных министров из состава правительства и тем мнением, которое, если я правильно понял, предлагает воззвание Василия Виталиевича, что Государственная дума или Временный комитет слагает всякую ответственность за тот путь, по которому правительство поведет страну. Такое заявление может ускорить, обострить положение, а я считаю, что ускорение и обострение положения, что было бы недопустимо, грозило бы гибелью. Конечно те, которые считали, что обострение это неизбежно, что рано или поздно резня и междоусобица будет, для тех можно стать на другую точку зрения, считать, что лучше раньше, чем позже. Я счи-

таю, дело обстоит иначе и стать на эту точку зрения не могу. Я считаю вредным все, что обостряло бы положение и толкнуло бы к возможности такой междоусобицы. Думаю, что особенно важно осторожно отнестись в данный момент, когда армия повидимому стала воскресать. Если бы пришлось к несчастью притти к убеждению, что армия безнадежна, и я мог бы стать на точку зрения, что гибель неминуема и что надо попытаться действовать героическими средствами, вызывать междоусобицу внутри страны, может быть это отрезвит и спасет. Когда я верю, что есть много симптомов к тому, что если не полное оздоровление, то движение к оздоровлению в армии, к возможности правильного сознания армией патриотического долга в армии идет в настоящее время, всякие осложнения внутри страны мне кажутся сугубо вредными, сугубо вредным поэтому было теперешнее выступление рады, поднятие и обострение этого вопроса теперь было со стороны рады преступно, но из этого не следует, чтобы и другая сторона — Временное правительство и Временный комитет, поскольку он может что-нибудь сделать, я в наши силы совершенно изверился,—из этого отнюдь не следует, чтобы Временное правительство и наш комитет имели право не считаться с тем, что они говорят, нанесен армии удар в спину, — такой же удар наносится и кризисом, создающимся в настоящее время.* Поэтому я лично возражаю и не могу принять по существу того проекта, который предлагает Василий Витальевич; не могу одобрить ухода кадетов из кабинета потому, повторяю, что, по-моему, это в сознании кризиса настоящего времени и несвоевременно. Уходящие снимают с себя ответственность — да, умывают руки, — это так; но этим снимают ответственность формально, за будущие действия, но не снимают за уже происшедшие; уход в настоящее время не есть облегчение положения, а есть отягчение, и я одобрить уход кадет никоим образом не могу. Я договорю мою мысль до конца и рад, что договорю в присутствии Льва Александровича, чтобы именно кадеты знали — я не хочу за их спиной говорить. Я боюсь, что уход кадетских министров определяется не одним украинским вопросом, а украинский вопрос есть отчасти удобный способ уйти в то время, когда уйти быть может пришлось бы по другим причинам. Я говорил прямо П. Н. Милюкову, что по ряду других причин ставился кабинетный вопрос, а это есть последняя капля, переполнившая чашу; когда почти общее мнение, что Мануйлов должен уйти, когда и против Шингарева в общем течение довольно сильное, и когда повидимому слагалось представление, что с положением справиться нельзя, — кадеты уходят, но уходят, если хотите, очень красиво, на очень красивом основании, как о том говорил А. А. Бубликов: на охранении единства и неделимости России, но уходят в момент чрезвычайный, уходят в такой момент, когда, по моему мнению, патриотизм заставлял бы из этого делать даже не кабинетный, а политический и классовый вопрос. В этом только я предвижу опасность. Я кончу тем, с чего начал. Я считаю необходимым уход индивидуальный, отдельных лиц, но это не имело бы того политического, классового значения, какое имеет уход сейчас, и вероятно это последнее, политическое и может быть классовое значение, будет усугублено теми мотивами, теми объяснениями, которые сейчас, по словам

* Так в подлиннике.

П. Н. Милюкова, изготовляются в центральном комитете партии народной свободы. Еще раз скажу: уход отдельных лиц потому, что они не встретили поддержки, что не справились со своим положением, я допускаю, но мотивированный политический уход, да с добавлением как предлагает Василий Витальевич, сложения и с нас ответственности — фактически мы власти не имеем никакой, мы «власть безответственная», — но подчеркивание, что мы слагаем ответственность, эту постановку политического, классового вопроса в настоящее время во всю свою величину я считаю абсолютно недопустимыми теперь, при неокончательно оформленном наступлении, и поэтому я возражаю против такой постановки вопроса.

Шульгин. Ведь это австрийская партия.

Ефремов. Может быть.

Шульгин. Так что это и есть предательство по отношению к России.

Ефремов. Это спорный вопрос. Я знаю, что есть предатели, есть подкупленные, не австрийская даже, а немецкая партия, но я лично утверждать не смею ни того, ни другого.

Председатель. Я только хочу вам на справку сообщить, что то оздоровление армии, которое вы рисуете, может быть оно началось, но фактов, но признаков сейчас этого оздоровления не имеется. Я к сожалению не захватил второго листа этой телеграммы, которая ясно указывает, что два полка, один гвардейский, а другой, если не ошибаюсь, Новочеркасский, которым по жребию выпала обязанность итти на фронт, от этого категорически отказались, и начальство, вместо того чтобы заставить их, — вот та самая железная дисциплина, которую проповедывал Керенский, — вступило с ними в переговоры. Если вы это называете оздоровлением армии, то я вас поздравляю: значит тыл больной — может быть и так. Но для меня является вопросом: а что, вот это несомненное начало разъединения России, как оно, вы думаете, будет способствовать оздоровлению армии, будет способствовать действительно победе или успешным действиям наших войск и наступлению? Что же, оно будет действительно способствовать энтузиазму? Эта армия будет чувствовать себя единою при условии, что тот пресловутый журавль в небе, это федеративное устройство России, не обозначился еще, а идея великодержавия сильна? Что же, вы думаете, этот документ не внесет раскола в армию на тех началах, на которые указывал А. А. Бубликов? И вы считаете, что при этом условии возможно оздоровление армии? Считаете, что Временный комитет при этих условиях должен был бы молчать и осудить этим ушедших министров, что они должны принять на себя ответственность за расчленение армии тем документом, который последует? Вы изволите указывать на оздоровление голов. Позвольте сказать, что это совершенно места не имеет. Не так давно министр почт и телеграфов совершенно откровенно сказал, что для того, чтобы ему, министру, иметь правильную корреспонденцию, он должен держать несколько чиновников, которых он и посылает. В особом совещании у нас приводился случай относительно адресованной в ставку телеграммы главного артиллерийского управления, которая была не доставлена в продолжение 20 дней. На запрос почему — последовал ответ почтово-телеграфного ведомства, что не доставлена за ненахождением адресата. Это факт. Это признаки оздоровления. Я считаю долгом сказать, что при таких условиях я не вижу возможности Временному

комитету стать на тот нейтральный путь, который вы указываете, т. е., не одобряя действия кадет, — несмотря на грозный характер этого документа, несомненно угрожающего государству, Государственная дума молчит и не реагирует, — тогда вы не ответствуете и за первое воззвание, под которым мы подписались, когда мы учреждали Временное правительство, где мы гарантировали, что, устраивая это правительство и считая его подведомственным Государственной думе, мы обеспечиваем стране во-первых прочность режима, невозвращение к старому порядку и т. д., я не буду уже вам читать. При этих условиях говорить, что кадеты виноваты — вряд ли возможно, тем более, что они, по мнению П. Н. Милюкова, вовсе не собираются ограничить причины своего ухода исключительно только украинским вопросом, они скажут все, что у них на душе. Я хотел дать это объяснение потому только, что, думал, вы не знаете.

Савич. Если бы у нас было 1 марта, то может быть меня слова Ивана Николаевича и убедили бы, но теперь я в том паническом состоянии, как тогда, не нахожусь, и этот урок для меня не пропал даром. Следовательно я не буду ради таких надежд, которые не сбылись тогда, поступаться таким самым принципиальным вопросом, от которого ни один политический деятель отходить не может, и поэтому для меня совершенно несомненно, что гадать не приходится, а приходится смотреть, что могло бы сделаться, будет ли там оздоровление армии или нет, — я должен считаться только с реальным фактом, а реальный факт, помоему, вот этот самый документ, который указывает, что сами по себе, не дожидаясь ни Учредительного собрания, не выслушав местного населения, в сущности они отмежевывают отдельную часть государства Российского и переводят Российское государство из единого централизованного государства на новую форму правления. Это есть акт учредительный по существу, совершенно аналогично тому, что если бы мне заявили, что это новое правление, не дожидаясь Учредительного собрания, воскрешает самодержавную монархию, — между этими двумя принципами никакой разницы нет. Ведь переход государства к федеративному устройству есть акт учредительный, и переход от того хаотического государственного устройства, в котором мы находимся, на социалистическую республику или самодержавную монархию, или конституционную, это все акты аналогичные по существу, политические, и имеет ли право правительство, имеющее только право довести страну до Учредительного собрания, которое решит форму правления, само решать эту форму? Я думаю, нет, — оно этого права не имеет, и если оно это делает, оно совершает ужасное преступление. И вот первый шаг, когда правительство совершило это преступление на самозванной раде, которая объявила себя на месте такою. Таких рад сколько угодно: был и самозванный сейм литовский, гораздо более по-моему имеющий право претендовать на название общелитовского сейма, ибо там было хоть какое-то подобие выборов, тут же было чорт знает что такое, а там я знаю, что все-таки какие-то люди собрались, — правда не все, от каких-то мест — и объявили себя сеймом, наметили те планы, которые предъявят Временному правительству; но ведь правительство автономной федеративной объединенной Литвы не создавало, а этим оно бы Украину самостийную создало и в пределах мне неизвестных. И действи-

тельно, если оно подразумевает под словом Украина Малороссию, то этим отрезывает одну третью часть России...

Председатель. Если не больше.

Савич... с населением в 35 миллионов. И теперь, как я должен отнестись к правительству, которое позволило себе акт учредительный, предрешив таким образом фактическое право Учредительного собрания свободно по этому делу голосовать, ибо Учредительное собрание встретится с фактом образованного местного правительства и образованной местной армии, национальной? Ибо тут сказано, что будут формироваться уже части, и таким образом Учредительное собрание будет поставлено перед вооруженной силой, которая скажет: а наплевать нам на Учредительное собрание. И вы поставите Учредительное собрание перед необходимостью или преклонить голову перед этим декретом или объявить гражданскую междоусобную войну Северных и Южных соединенных штатов? Вот к чему мы придем с этим документом. Теперь Иван Николаевич говорит, что это — красивый жест для партии народной свободы. Если бы не было других трений, то и этого вопроса достаточно, чтобы уйти, ибо такие акты не делаются, ибо это есть нарушение всяких прав и превышение всякой власти...

Председатель. И полномочий, данных Государственною думою.

Савич. Кроме того оно отказывается от своих собственных прав. Здесь уже правильно говорилось, что раз это будет утверждено, то Временного правительства на территории Украины более не существует, ибо их местный секретариат будет волен исполнить, или не исполнить, или задержать любой акт Временного правительства, любое распоряжение. Даже когда он будет делать распоряжения помимо Временного правительства, то Временное правительство не будет иметь органов, чтобы парализовать его распоряжения, и этот секретариат будет там самодержавным и самовластным и между Временным правительством, радой и его органом — этим самым секретариатом, установятся те самые отношения, которые сохранились между комитетом Государственной думы и Временным правительством первого созыва. По соглашению с Советом рабочих и солдатских депутатов было учреждено Временное правительство первого созыва и как только оно было учреждено, оно сказало: чихать мне на Временный комитет, я опираюсь на реальную силу — Совет рабочих и солдатских депутатов. А эти будут говорить: а я опираюсь на раду и буду делать то, что рада мне прикажет, ибо мы делегированы как от Временного правительства, так и от рады. Если мне рада выразит доверие, я должен буду уходить, а если мне выразит недоверие Временное правительство, я буду сидеть. Временное правительство потеряло власть на местах, так как власть переходит к новым министрам — не знаю каким, но у них будет прецедент, они будут так же, как и эти, кооптироваться, будут управлять, а у нас война между Северной и Южной Россией готова и неизбежна.

Акт этот слишком серьезен и поэтому я от него отмежевываюсь. Я приветствую кадет. Я не кадет и не сочувствую многим лозунгам кадетской партии, и хотя среди нас сидит здесь кадет и стенограммы могут прочитать другие кадеты, все же я скажу, что не всегда верил в искренность их политики, так как они занимаются демагогией. Лично я не имел в виду *(обращаясь к Велихову)* вас оскорбить.

В е л и х о в. Вы вероятно хотите сказать, что демагогией занимается не партия, а может быть отдельные лица?

С а в и ч. Именно партия занимается демагогией, так как я усматриваю в ее программе демагогию. Тем не менее я должен сказать, что за эту революцию я во многом с ними примирился, ибо я увидел, что в основных, главных чертах государственной политики они все-таки берут верную ноту. И вот в данном случае их уход есть правильный шаг политически зрелых людей, потому что после такого акта оставаться в составе этого правительства ни одной секунды нельзя. Это было бы слишком великой ответственностью перед родиной людей, которые бы своим положением, своим именем старались что-то затушевать, и если бы они оставались, значит они дали бы понять населению, что тут не все плохо, что есть и хорошее, что они только не договорили, что именно есть хорошего, помимо внешней формы. Кроме же разрухи нет ничего. Может быть мы перейдем к автономии, к федерации, но к этому перейдет только Учредительное собрание, когда оно будет полноправным, или те органы, которые им будут поставлены. Перейдет оно к этому сразу, на определенных территориях, на известных правах, по известной конституции. Если будет организован, выражен самый акт этого «гомруля» какой-нибудь автономной Литвы или Малороссии, то в самом акте должно быть все сказано, какие права этого сейма, какие его отношения к центральным учреждениям, какие отношения местного правительства к этим центральным учреждениям, и тогда никаких трений не будет. А раз это будет таким документом, у вас получится то, что те начнут расширять захватным правом, и столкновение неизбежно.* Мы идем не к улучшению, а к ухудшению. Как это отзовется на армии? — Разумеется разложением армии. Раз будут формироваться местные части, хотя в известных пределах, то все, кто захочет, будут тянуться в украинские полки и будут говорить то, что сейчас говорит петроградский гарнизон: что они будут защищать украинскую свободу, а на фронт не пойдут. Московские же полки будут говорить: зачем мы будем защищать Украину от немцев, когда это — не наша земля? И таким образом мы пойдем по пути дальнейшего разложения армии. Теперь в понятии русского крестьянина страна наша велика и едина, и Киев есть часть русской земли.

В е л и х о в. Колыбель русской земли!

С а в и ч. Правда, есть такие господа, которые говорят, что до Пензы не доберутся, но масса лиц говорит, что раз там новое правительство создается, а тут другое правительство, какому же правительству подчиняться? Раз отдельные правительства, то значит и отдельные государства, и я не буду чужое государство защищать. Зачем я буду Польшу отвоевывать, когда она не наша?

Ш у л ь г и н. Это же самое говорят о Латвии.

С а в и ч. Да, и о ней говорят, потому что она не наша, а защищать будут только то, что наше, и Украина будет не наша. Украина же скажет: что я буду считаться с Москвой! У нас на юге имеется вполне определенное мнение, что без контрибуций еще возможно, без аннексий никак нельзя.

---

* Так в подлиннике.

Председатель. Нам проливы нужны и Галиция.

Савич. Вот вам и готовые трения между двумя частями России.

Шульгин. Прежде всего хлеба не дадут.

Савич. Поэтому я считаю, что кадеты тем, что они ушли, поступили правильно, и поддержать их в этом отношении следует. Нам нужно сказать, что мы считаем этот акт преждевременным, недостаточно продуманным и ясным по своей форме, опасным в политическом отношении, так как он связывает и узурпирует права Учредительного собрания, что это акт, который ведет к очень опасному положению, могущему кончиться, я бы не сказал, расчленением, но это есть создание таких условий, при которых возможны такие конфликты, которые относятся к расчленению России, и что мы к этому акту присоединиться не можем, считая его опасным и преждевременным. Я считаю необходимым сказать, что раз этот акт еще не опубликован, необходимо правительству его не опубликовывать. А если он тем не менее будет опубликован, по моему мнению, может быть не стоило от всего комитета такую длинную бумагу писать, как написал Василий Витальевич, но заключительные ее строчки, формулу я бы считал необходимым огласить. Что же касается мотивов, то хотя Василий Витальевич очень красиво это изложил, кое с чем можно было бы не согласиться.

Председатель. Может быть в виде выдержки, журнала?

Савич. Да, журнал как мотив, но резолюция должна быть краткой и совершенно определенной. Мы считаем этот факт умалением прав Учредительного собрания и предрешением вопроса — это первое. Второе — это акт, который по своему существу не вытекает вполне из тех прав, которые предоставлены Временному правительству. *(Голос: «Это узурпация!»)* В-третьих — это есть акт, который по своей форме является чреватым опасностями и возможностями в будущем вызвать конфликты между различными частями государства. Поэтому, принимая все это во внимание, я считаю, что мы одобряем, я бы сказал даже, мы бы приветствовали уход из этого состава всех тех членов правительства, которые были поставлены по почину Государственной думы, и не можем во всяком случае говорить, что «тех, которые ушли», так как мы не можем нести ответственности за дальнейшую политику правительства, которая встала на такой ложный путь.*

Еникеев. Я взял слово по мотивам голосования, — в виду того что украинский вопрос только еще обсуждается моими соплеменниками и определенного заключения не вынесено, я буду воздерживаться от голосования по этому вопросу.

Велихов. Много из того, что говорил Иван Николаевич, ** я органически не могу воспринять. Ведь дело в том, я понимаю так, что вся история России заключалась в собирании русской земли. Наша держава сейчас омывается семью морями. Вы не хотите повидимому притти к такому порядку, который был, когда была одна Московия, к началу российской истории, потому что фактически федерация, автономия, независимость отдельных государств — это значит лишение России ее отдельных морей. Я не знаю ни одного примера такого феде-

* Так в подлиннике.
** Ефремов.

ративного устройства в мире, где бы федерация устанавливалась на национальных вожделениях. Ведь Соединенные штаты есть федерация людей, этнографически одинаковых. В каждом штате $^4/_5$ англо-саксов и $^1/_5$ — германцев. Вот что представляют из себя Соединенные штаты. Там национальных вождей нет. Если вы разделите Российскую империю на федеративное устройство, то вы увидите, что это поведет к отложению отдельных народностей, к образованию отдельных государств.

Председатель. Туда, куда выгоднее.

Велихов. А выгодно им именно направиться к морям, потому что все отдельные государства живут у морей. Значит будет несколько нищих государств, отрезанных от морей, потому что федеративное устройство есть самое сложное; оно требует самых сильных государственных людей. Это не есть наше национальное свойство, потому что это сложное федеративное устройство несомненно приведет к отложению этих самых народностей по существу вот этой присяги: «Временное правительство присягало служить верою и правдою державе Российской, свято оберегая ее свободу, права, честь и достоинство, и обязалось передать в Учредительное собрание всю полноту власти». Я указывал уже вам здесь, что полноту власти они не передадут Учредительному собранию, потому что они создадут в лице этого генерального секретариата, этой рады новую власть. К счастью эта рада была даже не выбрана, а была приглашена Грушевским по письмам интеллигенции разных губерний участвовать в раде, и таким образом самозванной, назначенной г. Грушевским раде вы желаете передать половину власти Временного правительства, которое клялось довести полноту власти до Учредительного собрания. Я считаю, что это измена несомненная. Как же вы считаете, что кадеты как будто только поводом считали этот украинский вопрос, а не причиной? Я знаю, что товарищи, находящиеся в кабинете, считали огромным крестом быть в составе правительства, они считали, что делают самопожертвование, так как ясно, что быть в правительстве, которое не имеет никакой власти, есть крест, и его трудно нести. Несмотря на эти очень многие неприятные трения и сложные вопросы, которые мне приходилось слышать в центральном комитете, они оставались. Я удивлялся, что они там остаются, но когда они увидели перед собой уже измену, когда увидели развал России, то конечно они правильно сделали, что ушли. Я считаю, что другого мнения здесь быть не может. Здесь Иван Николаевич говорит, что в настоящее время можно еще избегнуть резни, какие же симптомы оздоровления есть? В чем Иван Николаевич видит симптомы оздоровления? Ведь в связи с тем, что мы знаем, анархия в деревне растет, падение курса рубля продолжается и целый ряд других всевозможных симптомов развала, расстройства, которое идет вширь и вглубь, — это мы видим во всех областях жизни. В продовольственном вопросе мы стоим накануне голода; разверстка, как Громан мне сегодня сказал, ничуть не обеспечена, это попытка как-то успокоить население. Продовольственная управа совершенно определенно проводит твердые цены. Так вот какие же есть симптомы оздоровления, какие видит Иван Николаевич? Он говорит, что министры-социалисты перешли из приготовительного в первый класс, перестали говорить явные нелепости, вроде Скобелева, а начинают говорить нечто менее несуразное. Но, господа, фактически постепенный переход

министров-социалистов, совершенно неподготовленных к государственной деятельности, в высший класс, при том положении, в каком Россия находится, это не есть симптом оздоровления. Иван Николаевич говорит, что армия начинает наступать, но мы знаем, что из 2 тысяч офицеров пало 1600, они пошли вперед и повели за собой армию. 1600 из 2 тысяч — это участники первого наступления, о которых мы в красном кресте слышали, и офицеры эти бросились, вся пехота, артиллерия, кавалерия, и 1600 из них погибло. Считаете ли вы, что это наступление есть симптом оздоровления армии? Это есть героизм той армии, которая пошла вперед. Я думаю, что так как симптомов выздоровления я не вижу, то и уход кадет, назначивших неудачных министров, может тоже оздоровить Временное правительство. Мы теперь посмотрим, как они будут с Терещенко, Годневым, Львовым и министрами-социалистами вместо Шингарева и Степанова, очень умных с моей точки зрения государственных людей, как они будут в настоящее время справляться. Я не знаю, но факт тот, что в настоящее время они не могли итти на дальнейшее самопожертвование, потому что это не самопожертвование, а жертва всероссийскими интересами, и тут кадетская партия правильно сделала, что они ушли.

Е ф р е м о в. Вы меня спрашивали, видел ли я симптомы оздоровления из тех примеров, которые являются не симптомами оздоровления, но вы не опровергли ни одного из мною указанных. Если бы я сказал, что армия уже выздоровела, что уже ничего нет, то конечно вы меня разбили совершенно. Но я ведь этого не утверждал и повторяю еще раз, вы подтвердили только то, что есть о многих признаках болезни, но не опровергли того, что я сказал. Лев Александрович опровергал и то, на что я ссылался: наступление. Да, это великий героизм, и всем нам преклониться нужно пред теми офицерами, которые вышли со своими полковыми командирами во главе и даже командирами дивизий, шли и погибли в таком колоссальном количестве. Но ведь 2 тысячи человек, вышедшие вперед, не могли достигнуть победы: они не одни, которые ее достигли: за ними пошли другие и пошли на фронт в несколько десятков верст. 2 тысячи человек, как бы ни был велик их героизм, одни, без поддержки тысяч людей, они ее закончить не могли бы. Следовательно известное давление есть, и едва ли сейчас было бы правильно во всей полноте разбирать споры о принципе автономии или единства. Вот Велихов считает, что допущение принципа федерации есть измена России, есть гибель России. Я позволю себе остаться при том убеждении, что близорукость — не видеть того, что неизбежно. Россия не может не перейти к признанию автономного строя областей. Вопрос идет о том, насколько это своевременно в данную минуту. Я соглашаюсь с тем, что сейчас это есть предвосхищение права Учредительного собрания. Сейчас правительство не было уполномочено создавать автономии. Я мог бы сослаться на то, что словесно здесь автономия и не создана и, говоря о создании нового правительства, вы упускаете из виду, что создается орган управления, а не правительство. *(Голос:* «А территория?»*)* Но может быть вы и правы, разве местный орган не относится к территории?

В е л и х о в. А Одесса — это тоже Украина?

Е ф р е м о в. Это не есть новое правительство, а территория — да. Что касается технической слабости документа, то едва ли о технике можно говорить. То, что сейчас верно указал Шипловский, что все

в нем неопределенно, это дает право говорить, что это не есть еще автономия, и что это есть — это действительно трудно сказать. По существу я однако не буду особенно возражать. О том, что сейчас говорил Савич, что в эти крайне неопределенные рамки будет несомненно попытка вложить понятие может быть даже не автономии, а федерации, это возможно, я этого отрицать не стану, но для меня это больше, чем вопрос, и как я говорил раньше, голым заявлением non possumus вопрос не был бы разрешен и не была бы предотвращена возможность резких столкновений, но может быть она не предотвращена и этим. Может быть создание украинского войска будет иметь значение подготовки войска для междоусобной войны, я боюсь утверждать, что это абсолютно невозможно. Я думаю, что это не так. Я думаю, что они создадутся, эти войска, которыми подготовили бы междоусобицу. Я думаю, что именно у нас в России не следовало бы так категорично утверждать, что образование территориального войска, даже национального войска, как хотят назвать украинцев, нежелательно, а представители единой русской национальности, хотя бы распадающейся на подгруппы, что ли, малороссы и великороссы считают, что это не есть национальные войска, что они остаются войсками русскими, — так я думаю, что у нас в России не следует так чрезмерно опасаться образования территориальных, даже, скажем, вроде национальных войск, потому что мы имеем уже веками такие специальные и якобы национальные войска — казачьи, которые после Булавинского бунта никогда против России не восставали, да и Булавинский бунт собственно говоря не был восстанием против России, а был восстанием против местных течений и отчасти против всяких попыток проникновения центральной власти в управление делами Войска донского. Существовали и существуют такие войска совершенноособые, и опасности государству фактически отсюда не происходит, и думается мне, что в принципе территориальных войск ничего ужасного не заключается, ничего такого, что давало бы основание говорить, что образование этих воинских отдельных частей, которое в значительной мере этим актом смягчено и ограждено различными условиями, чтобы оно явилось опасностью, как создание готовой армии, готовой выступить против великой России. Это мне кажется большим преувеличением, и я все-таки остаюсь при том своем убеждении, что несвоевременно в настоящий момент так чрезмерно обострять этот вопрос.

Бубликов. Прежде всего я должен фактически указать, что до боевого столкновения никогда не дойдет, по одной совершенно неоспоримой вещи. Нельзя упускать из виду, что только Украина у нас обладает углем и металлом...

Шульгин. И хлебом.

Бубликов. И с того момента, когда там образуется отдельная власть, ей и армии не нужно иметь. Ей достаточно иметь то, что она имеет, т. е. металл и уголь. И это есть такой аргумент во всяком разговоре, при котором не нужно употреблять оружия в ход. Это помните, как у Брет-Гарда: покажите свои козыри. Полисмен вынул два револьвера. Тогда тот сказал: твои козыри выше, чем мои, и сдался. То же самое будет происходить и здесь. Если бы образовалось Украинское государство, то до кровопролития дело не дойдет и надобности не предвидится, если бы явилось у кого-нибудь желание в таком тоне разрешить вопрос.

Надо помнить, что не только в силу отсутствия морей, но и в силу отсутствия металлов и угля Великороссия отдельного существования не может иметь. *(Голос:* «А Урал?»*)* На Урале нет угля, и там производится смехотворное количество металлов, при котором Великороссия, отрезанная и от Кавказа, и от Украины, освобожденная от Литвы и Прибалтийского края, прожить этими металлами не может. Вся промышленность России должна закрыться. Вот аргумент, который никогда нельзя упускать из виду. Нельзя упускать из виду, чтобы люди, управляющие украинским движением и не постеснявшиеся выдвинуть этот вопрос, который не имеет никакой срочности, в такой момент, когда мы должны его решать под угрозой ухудшения условий наступления, чтобы они стали стесняться такими аргументами, как уголь и металл в будущем, когда не будет столь трагических обстоятельств, через которые мы проходим сейчас. Для людей увлекающихся и склонных видеть везде плохо направленную волю, есть масса данных, чтобы вспомнить ту поддержку, которую встречало украинское движение до войны со стороны германского правительства, и ту пропаганду украинства, которая велась среди наших военнопленных, о которой сведения проникали и в нашу печать. Для людей подозрительных есть масса данных, чтобы об этом вспомнить, ибо более непатриотического момента для выдвижения вопроса выдумать нельзя. Он фактически весьма удобен для людей, проводящих эту идею, но очевидно, что эти люди идею самостийной Украины ставят гораздо выше интересов русского наступления и вообще интересов Великороссии сравнительно с Украиной. И я думаю, что тут прежде чем от этого движения отмежеваться, прежде чем благословить кадет и говорить, что мы здесь не при чем, мы ни за что не ответственны и умываем руки, нам нужно использовать все методы воздействия — а есть между ними и другие. При этом, ежели бы мы отмежевались и выкинули бы сейчас, так сказать, флаг самодержавия, то может быть правильному решению дела мы бы даже помешали, потому что это сопротивление отделению Украины пожалуй могли бы окрестить буржуазным, тогда как пока еще это сопротивление движению такой окраски не носит: известно, что несочувствие отделению выразил и Совет рабочих и солдатских депутатов и может быть политично было бы с нашей стороны, прося не опубликовывать этого акта и указывая на все его дефекты и недостатки, прежде чем опубликовать, опросить хотя бы однобокое представительство всей Украины, ее демократических слоев: пусть правительство, если оно не верит нашему голосу, опросит советы рабочих и солдатских депутатов во всей предполагаемой Украине, признав их голос, затем опросит съезд или хотя бы исполнительный комитет этого всероссийского съезда советов рабочих и солдатских депутатов и может быть пожелает узнать и мнение всей цензовой России и благословит М. В. Родзянко на созыв если не четвертой, то может быть всех четырех Дум, опять сюда, для решения такого коренного вопроса бытия державной России. Если украинцы не решаются отложить этот вопрос до Учредительного собрания, то какие причины есть не отложить на несколько дней и спросить хотя бы суррогат такого Учредительного собрания в виде цензовиков четырех Дум и всех представителей демократической России в лице советов рабочих и солдатских депутатов и представителей юга России. И я думаю, что от этого пути правительству отказаться будет труднее,

чем — извините — наплевать на наше мнение буржуев, и мы ему можем дать очень легкий способ отделаться от всех нареканий, что поддерживают этот отказ только эти буржуи, вот эта самая злокозненная четвертая Дума. Полагаю, что этого легкого оружия им в руки давать не следует, и я думаю, что правительство не сделало бы плохо, прислушавшись к нашему решению, прежде чем издавать такой акт, и думаю, что это положение вовсе не так безнадежно, и бог знает чем такой референдум окончится. Весьма сомнительно, чтобы действительно партийные работники не разобрались в том, что такое обособление Украины уже ни в каком случае не по пути с социалистическими идеалами, что партиям, представляющим интересы рабочего класса, такого обособления совсем не надо и что рабочему классу, в частности центральной России, это грозит бог знает какими осложнениями. Ведь если там власть захватит интеллигентная публика, которая может поставить — да и ставит фактически — вопросы национальные выше вопросов социальных, то слишком для них будет заманчиво попытаться свои национальные вожделения осуществлять за счет этих экономических давлений. А что значит не дать России угля и металла? Значит уничтожить всю промышленность Московского района, уничтожить всю промышленность Петрограда и Прибалтийского края, пустить по миру весь рабочий класс. А какая же у рабочего класса гарантия в том, что Украинская рада, в которой нет достаточного демократического представительства, не увлечется своими национальными задачами и не плюнет на то, что российскому рабочему солоно от этого придется? Вот, я думаю, такая аргументация может скорее удержать от опубликования, чем политические соображения, потому что на них они могут плюнуть, но если мы будем взывать к их же органам, к их же принципам, то может быть мы заставим их призадуматься над отделением части от государства Российского, чем хотя бы соблюдение той же самой присяги, которая на мой взгляд совершенно определенно лишает их права подписаться под таким документом. Это не есть полнота прав, которые они должны донести до Учредительного собрания, если они этот документ подпишут. Вот я бы и думал, что в нашей резолюции, кроме нашего неодобрения акту, должны быть указаны практические пути, как из этого выходить следует. И может быть это-то и удержит скорее, чем что-либо другое, наше правительство.

Шидловский I. У нас в сущности идет вопрос о двух вещах в пределах той резолюции, которую мы должны вынести. Вот тот проект, который читал Василий Витальевич. Собственно все эти общие части, все аргументы, они может быть правильны, но для всей совокупности, для коллегии, для коллектива мало приемлемы. Там есть вещи более спорные и менее спорные. Я перехожу к самой резолюции и разделяю здесь строго два вопроса: 1) наше отношение к ушедшим министрам, 2) наше отношение ко всему правительству. Это вещи совершенно разные. Относительно того, чтобы нам в заключение высказывать похвалу министрам за то, что они ушли, я возражаю. Ушли не наши министры, ушли министры кадетские.

Председатель. Как это так?

Шидловский I. Да, именно кадетские. Я совершенно не желаю здесь вносить какое-нибудь чувство мести, но ведь фактически это так:

Шаховской — совсем не наш, Мануйлов — не наш; только Шингарев и Степанов, товарищ министра. Ушли же они не потому, что они члены Думы, а потому, что они члены кадетской партии, ушли потому, что они действовали там глашатаями кадетских директив, потому что центральный комитет кадетский требовал их к ответу, они там отвечали и действовали, как прикажет кадетский центральный комитет. Они никогда не действовали так, как им мог бы предписывать Временный комитет Государственной думы. Они сюда никогда не ходили и его права не только что не признавали, но категорически их отрицали с первого же дня. Уходят они как кадеты, это говорил Милюков сегодня, не на основании только этого, это только предлог, а мы, — сказал Милюков, — целую ектению им напишем. Мы не знаем, что будет написано в этой ектении, может быть ей сочувствовать не будем. И по-моему было совершенно неправильным нам высказывать суд не нашим, а партийным — кадетским министрам. Дума не есть кадетская, кадеты в нее входят в виде одной фракции. Эти же министры действовали во Временном правительстве не как члены Думы, а как члены кадетской партии и как таковые пускай они оправдываются как хотят, пусть кадетская партия, центральный комитет их награждает как угодно. Нам судить их деятельность не нужно, тем более, что ни к каким реальным последствиям это не приведет. Как относиться к самому этому факту? Я должен вам сказать, что ведь мы все время этот документ имели по комментариям противников, мы никогда не выслушивали другой стороны. Если бы мы ничего не выслушивали, ни противников, ни сторонников, наше положение было бы совершенно правильным, устойчивым. И я этот документ критикую как бумагу, совершенно устраняя все соображения Милюкова, который их комментировал. Я указываю, что этот документ ничего не говорит, поэтому он меня не удовлетворяет. Нет той вещи, которая в этот документ не может быть вложена, вплоть до полной автономии, до предрешения федеративного устройства, до полного отделения государственного. Нет той вещи, которая не могла бы вылиться из этого документа, и есть в нем такие вещи, как утверждают лица, которые поддерживают текст этого документа: позвольте, здесь нет ничего опасного, здесь надо понимать то-то и то-то. Когда им говорят: напишите так, как надо понимать, — они говорят, что написать так нельзя. С моей точки зрения самое главное обвинение против этого документа, это — полная неопределенность его.

Велихов. Т. е. легкомыслие.

Шидловский I. Я бы не сказал так — легкомыслие, — это есть характеристика. Полная неопределенность этого документа указывает на возможность целого ряда опасностей, на которые очень многие уже указывали. И поэтому критика этого документа возможна и должна быть со стороны Временного комитета только в том смысле, что из этого текста могут вытекать такие-то толкования, которые для меня неприемлемы ни с точки зрения общества, ни с точки зрения государственной. Вот с какой точки зрения можно отнестись к этому документу: я думаю, что промолчать не следует, и нельзя молчать, но все меры, предварительные сношения, чтобы правительству вперед сообщить, быть может оно передумает, в этом отношении мы можем уйти далеко. Мы можем принять соответствующие меры, может быть с очень малыми шан-

сами на успех, пока этот документ не был опубликован. Но если бы он был опубликован, мы обязательно должны на него отозваться известным постановлением, из которого секрета нельзя, да мы и не собираемся делать. Ведь правительство никогда секрета не думает делать из этого постановления. Изданный документ по отношению к постановлению Временного правительства по украинскому вопросу изложен столь неопределенно, что из него вытекают такие последствия, которые могут повести к таким результатам...

Бубликой. А посему...

Шидловский I. А посему мы признаем его неразумным, нерациональным. Что же другое вы хотите сделать? После того, как его правительство приняло, обнародовало, опубликовало, скажите, что за него мы никакой ответственности не несем. Больше ничего другого никто и не предлагал. Ведь не штурмом же брать правительство.

Председатель. Во-первых, Сергей Илиодорович, я бы решительно предостерегал комитет принять ваше предложение и стать на партийную точку зрения при оценке министров. Вы должны припомнить, что Временный комитет руководился, — документы лежат передо мною, — не партийной какой-нибудь ответственностью; партийный вопрос возник в последнее время, а как сказано в этом документе, выдвигал таких лиц, которые облечены общественным доверием и поэтому считаются Временным комитетом соответствующими для работы в данном трудном положении государства. Следовательно каким же образом я как председатель Временного комитета, выдвинув известную группу лиц и придавая им полное доверие независимо от того, кто они, центровики или кадеты, вдруг теперь, когда наступает такой критический момент, когда Временный комитет должен энергично сказать свое мнение, вдруг я не так резко, не определенно выскажу свое мнение, прибегая к партийной мотивировке? Как и П. Н. Милюков, я скажу, что князь Шаховской — это не наш министр, Временным комитетом назначенный, и мы согласились, зная, что они кадеты и зная, что они будут конечно прибегать к мнениям, заключениям и указаниям той партии, к которой они принадлежат. То же самое мы можем сказать относительно Львова, и он мог бы прибегать к мнениям и заключениям центрального комитета своей партии, но это не значит, что он не наш министр. Но разве можно вообще так формулировать, что это наш или не наш только потому, что он принадлежит к кадетской партии и охотнее ходит в свой центральный комитет, чем во Временный комитет Государственной думы, для того чтобы на всю Россию сказать: да мы их назначили, но мы считали всегда... — так я по крайней мере понял.

Шидловский I. Извините, я никогда не предполагал...

Председатель. Простите, я кончу и тогда дам вам слово. Я совершенно не согласен с Сергеем Илиодоровичем, что мы раскритикуем этот документ и из этого могут выйти такие последствия. Здесь ясно говорили, что из этого документа могут выйти грозные последствия, начало расчленения России, и я скажу, что именно такие последствия вытекают. Я понимаю вопрос Александра Александровича. Временный комитет обязан определенно сказать, а не ограничиться критикой на том основании, что это легкомысленный документ. Вы, Сергей Илиодорович, не так сказали, вы сказали, что это неопределен-

ный документ — я с этим согласиться не могу. Я не могу не признать лично, что это документ, опасный для государства.

Щидловский I. Я этого не отрицаю.

Председатель. А если вы не отрицаете, тогда вы должны согласиться со мной, что Временный комитет должен сказать. Остановиться на поверхностной критике я бы не смог; я скорей присоединюсь к тому определенному мнению, которое высказал Василий Витальевич, и прямо говорю: да, мы считаем, что этот документ опасный и за него ответственными себя не признаем, — вот, мне кажется, какой выход. Затем другой вопрос, которого мы не поднимали и который косвенно поднял Александр Александрович. Что же этот документ в самом деле настолько исторически опасный, что при его возникновении можно ограничиться мнением только комитета? Не следует ли действительно подкрепить мнение об этом документе созывом Думы и, если возможно возражение против созыва Думы, то созывом всех Дум? Временному комитету нельзя пройти молчанием такой акт, который несет те последствия, против которых мы возражали и на которые мы указывали. Мне представляется настолько бесспорным, что это движение не есть общенародное, а навязано группой австрийских ставленников, что я не могу при таком явлении оставаться равнодушным, тем более, если последствием этого украинского вопроса будет то, что отдельные национальности могут представить разные требования. Вы видите, что член Думы Еникеев воздерживается от голосования, потому что мусульманская фракция еще ничего не сказала. Я думаю, что могут возникнуть лифляндские, литовские, эстонские вожделения, которые кроме вреда для хода войны ничего не принесут, и такое положение есть гибель для России. Это соображение заставляет меня думать, что просто раскритиковать с точки зрения вескости или невескости этот документ нельзя, и согласиться с Сергеем Илиодоровичем я не могу. Что же касается того, наши или не наши, я...

Шидловский I. Но я никогда не предполагал этим документом дать характеристику министров, наши или не наши, и этим документом нет никаких оснований хвалить или хулить. Здесь суть не в этом; мы не хвалили Милюкова и Гучкова и не хулили их, когда они уходили. В данном случае они уходят не потому, чтобы это было наше мнение, что они должны уйти, а потому, что они считают, что это мнение их собственной партии. Мы имеем дело с документом весьма серьезным. Я не понимаю, чего от меня требуют, когда мне говорят: что же дальше? Против той критики, которая здесь по адресу этого документа высказывается, и против той опасности, на которую здесь было указано, я не возражаю. Она возможна вследствие того, что этот документ ни на один вопрос не отвечает кроме того, что есть рада. Следовательно все опасения, которые здесь были высказаны, вы имеете право перечислить и сказать: вот какие опасения возникают из толкования такого неопределенного содержания документа. Что же предлагается?

Председатель. Очень серьезные вещи предлагали.

Шидловский I. Обратиться к советам и сделать плебисцит?

Бубликов. Ни под каким видом не издавать этого документа, пока неизвестно мнение, потому что никакой спешности нет, а обратиться к проверке мнений.

Шидловский I. Согласен.

Председатель. Как здесь предлагается: «В виду всего вышеизложенного Временный комитет Государственной думы полагает, что министры, которые вышли из состава правительства, поступили правильно, не пожелав узурпировать права Учредительного собрания». Это одно, а затем мотивированная формула резолюции. Василий Витальевич совершенно определенно сказал.

Шидловский I. Слагать ответственность и прибегать к плебисцисту не есть что-то реальное.

Председатель. Реальное это созыв Думы.

Савич. Я Сергею Илиодоровичу хотел возразить, я не предполагал выразить благодарности кадетам, как кадетам. Я вполне понимаю, что кадеты ушли не как представители Временного комитета, а как члены кадетской партии, им центральный комитет приказал, и они ушли. Я говорил другое: пути центрального комитета совпали с нашими путями, и я бы сказал так, что они поступили правильно. Я различаю две вещи: обращение к правительству до издания — это одно, о чем говорил и А. А. Бубликов, и обращение к стране, когда, несмотря на такое обращение, акт будет опубликован, — это другое, и вот по первому акту я с ним согласен; он сказал то же самое, что мы смотрим на это дело так, что это есть узурпация прав, что это акт такой по своей неопределенности, что он вызовет потерю власти на местах, что он опасен для войны и для единства государства, — это одно. Другое — местное население совершенно не спрошено. Рада есть с нашей точки зрения нечто неопределенное. Это все аргументы. Поэтому мы считаем, что распубликование является неправильным по существу, незаконным по форме и не оправдываемым обстоятельствами. Поэтому мы считаем, что они должны задержать выполнение, снестись с Советом рабочих и солдатских депутатов здесь, с местными организациями в Думе, с кем хотите, проверить, просмотреть все это с целью выиграть время, и тогда все-таки Учредительное собрание будет разбирать. Так что если нет возможности дождаться Учредительного собрания, то тогда нужно издать не этот документ, а какой-нибудь документ более определенный, который бы не связал Учредительное собрание. Это будет обращение к правительству до момента распубликования. Это нужно сделать сейчас. Теперь второе. Я скажу о том, что когда я думаю, что из этого ничего не выйдет, что Временное правительство не обратит на нас внимания и свой акт завтра опубликует, что произойдет? Произойдет начало того поворотного пункта, о котором говорил Бубликов. Для меня совершенно ясно, что это есть акт, после которого начнется попятное движение в революции, начнется то, что теперь уже начинается: в некоторых слоях есть уже такой насыщенный психологический раствор, и этот акт будет началом кристаллизации. С этой точки зрения я считаю, что пройти мимо этого Рубикона мы не можем и не должны. Мы должны все-таки выявить свое отношение к этому акту и свое отношение к Временному правительству, которое останется, и к переживаемому моменту обращением к стране, публикацией, как хотите. Если можно собрать для этого Думу, я ничего не имею против. Если нельзя собрать Думу, пускай Временный комитет это сделает, потому что Временный комитет больше Думы ответственен за Временное правительство,

а после этого между Временным правительством и Временным комитетом не должно быть ничего общего юридически. Теперь этого фактически нет, но теперь есть видимость, и этой политической видимости не должно быть. Этот фиговый лист должен быть сорван. Почему? Потому, что правительство узурпировало права Учредительного собрания. Этого одного достаточно, одного этого юридического факта, и мы должны от этого правительства отречься, и с этой точки зрения я должен сказать не о кадетах, благословлять не их, но что после этого акта, который является узурпацией прав Учредительного собрания, мы находим, что лица, поставленные этим Временным комитетом, поступили правильно и что мы приветствовали бы уход их из этого состава министров. *(Голос:* «Сегодня в вечерних газетах уже будет это опубликовано».)

Председатель. Сегодня может появиться в печати, а в Киев передано по телеграфу.

Ратьков-Рожнов. Значит первое отпадает, нас уже предупредили, остается второе.

Савич. Тогда остается краткая резолюция. Если можете собрать Думу, соберите. Только вы ее не соберете: времени нет. *(Голоса:* «Фактически немыслимо».)

Бубликов. Я позволю себе остановиться на маленькой детали. Мы далеко ушли от нее. Здесь говорили, что сомнительно самое принятие всей Малороссией этой украинской затеи. Есть признаки, что рабочие не очень на это охотно реагируют и советы рабочих и солдатских депутатов тоже, а я укажу еще на другое явление. Я имею основание бояться, что крупная промышленность этого не примет. Вы заметьте, в каком она окажется идиотском положении: в двух государствах придется платить налоги; потом — правление их здесь, предприятие там, и вы не можете утверждать, что эти правления, в случае образования там отдельного государства, не прекратят туда перевода денег. Я не знаю, как они отнесутся. Я завтра соберу промышленность нашу, и вот, как она ответит. В Москву я человека отправил: он сидит у Рябушинского, и Москва вероятно примет меры, и Торгово-промышленный союз примет. Это очень сложная вещь. Времена теперь очень сложные экономически, и соорудить эту штуку без согласия крупной промышленности невозможно: у них страшная сила воздействия. Если они прекратят перевод кредитов, то промышленность южная станет, и чорт знает, какой там может начаться кавардак, а они не могут допустить существование своей промышленности в двух государствах. Ясно, что за этим последует. Там уже есть постановление — земские суммы, отчисления какие-то в пользу раненых. Ясно, что они своего узаконения требуют именно в этих целях. Я думаю, что невзирая на то, что правительство опубликовало этот документ, еще все-таки дело не потеряно. Прежде всего, что это за кабинет, который его опубликовал?— кабинета этого нет; есть кабинетский кризис: Временного правительства нет, оно сейчас ничтожно; кабинета нет. Я думаю, что тема нашего обсуждения весьма близка к тому, что говорил Михаил Владимирович, что акт этот в силу своей неопределенности грозит рядом последствий для государства и в частности в области государственно-правовой грозит изменениями государственного устройства России, а посему по существу своему это есть акт учредительный. Доказательств спеш-

ности его Государственная дума в своем распоряжении не имеет и поэтому полагает, что это должно быть решено в Учредительном собрании, буде же имеются доказательства того, что это дело не терпит отлагательства, что нельзя его отложить до Учредительного собрания, что надо произвести анкету, надо хотя бы иметь хоть суррогат Учредительного собрания, чтобы вопрос этот решить.

Председатель. Вы также предвосхищаете Учредительное собрание.

Бубликов. Я предвосхищаю, но я буду иметь тогда основания, а не самочинно собранную кучку людей, неведомо кем уполномоченных. У нас есть сомнение, что на это Украина не пойдет, что там внутри не будет согласия. Я например считаю, что еврейство безусловно будет против, а евреев там прорва, не знаю, как поляки — будут ли поддерживать?

Председатель. Они будут за.

Бубликов. Но евреи будут против. Часть рабочего населения может быть против и промышленность вероятнее всего будет против, так что там внутренняя завируха возможна, и, чтобы ее предупредить, надо этот акт чем-нибудь подпереть, хотя каким-нибудь суррогатом референдума, опроса населения. Обратитесь к демократическим органам, которым вы доверяете, обратитесь к вашим советам рабочих депутатов на местах, проверьте, может быть это просто блеф, может быть и корней эта рада не имеет, может быть никаких доказательств, что она соответствует интересам большинства населения, не имеется. Следовательно прежде чем делать какие-нибудь практические шаги в этом направлении, пока они будут осуществлять свой генерал-секретариат, определять пределы его ведения, он приступить к действию не может, он будет делать неизвестно что, — вы используйте это время для опроса. Рекомендую спросить и все четыре Думы. Это как-никак люди, которые государственно мыслят. Может быть они не согласны с вами в политической идеологии, но это люди, которые стоят чего-нибудь. Это тоже суррогат мнения страны, который будет действовать наряду с мнениями ваших демократических организаций. Вот, что нужно сделать, чтобы этот акт принес минимум вреда, и в этом направлении надо бы подготовить наше постановление, а сейчас наши занятия прервать, потому что нам кое-что в смысле аргументации принесет Милюков.

Ратьков-Рожнов. Раз он уже опубликован, это уже не спешно.

Шидловский I. Нет, он передан в печать, не как постановление Временного правительства, а как проект.

Васильчиков. Мне представляется ясным, что вопрос в правительстве решен окончательно. *(Голос:* «Поверьте, что нет».*)* Спорить о том, правомочно ли было Временное правительство или нет — мне кажется бесцельно, потому что он будет издан как постановление правительства, которое придется взять обратно и потом видоизменить, следовательно комитету нужно не предупреждать издания этого правительственного акта, а высказать свое отношение к нему, и мне кажется, что чем скорее комитет выскажет свое определенное отношение к нему, тем лучше, потому что несомненно мы встретимся с целым рядом заявлений, его критикующих, — по всей вероятности такое появится от кадетской партии, которая сегодня его составляет, так что

Временному комитету итти в хвосте и повторять те аргументы, которые выскажет кадетская партия, мне казалось бы неудобным. Так что, мне думается, надо бы просить комиссию из 2-3 лиц из состава комитета сегодня же составить такое заявление. Что касается мотивов, то они высказаны, их только подобрать, они не должны быть многочисленны, — и выразить таким образом мнение Государственной думы.

Председатель. Угодно вам прервать заседание до 8 часов, а пока наметить и просить этих лиц? [152]

18 июля 1917 г.

(Заседание открывается в 3 ч. 40 м. дня под председательством М. В. Родзянко). [153]

Председатель. Позвольте объявить заседание открытым. Временный комитет Государственной думы, взвесив все обстоятельства, в которых находится наша родина, постановил возвысить свой голос и высказать свое определенное мнение по отношению к тому, что надлежит делать, какие меры неотложно должны быть приняты, чтобы постараться так или иначе водворить порядок в тех событиях, которые нас преследуют.[154] Это постановление вчера было принято единогласно, оно составлено в форме обращения Временного комитета к населению как постановление оного; в настоящее время оно предлагается вашему вниманию с тою целью, чтобы постановление Временного комитета было усилено мнением присутствующих в совещании членов Государственной думы. Итак, не вдаваясь в обширные объяснения мотивов, которые здесь изложены, позвольте вам сперва доложить это обращение:

«От Временного комитета Государственной думы. [155]

Армия обезумевших темных людей, не ограждаемых властью от систематического развращения и разложения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые даже нельзя назвать полями сражения, царит полный ужас, позор и срам, которых русская армия не знала с самого начала своего существования». [156] Таковы донесения с фронта.

То, что произошло с армией, есть отражение того, что происходит во всей России. Это заставляет Временный комитет Государственной думы решительно поднять свой голос в минуту общего бедствия.

Причина кроется в одном — в захвате безответственными партийными организациями прав государственной власти и в создании ими двоевластия в центре и безвластия на местах.

Стихийное движение темных народных масс, смущенных подстрекательством демагогов и не сдерживаемых правильно организованным порядком управления и суда, грозит полной катастрофой хозяйственной жизни страны.

Перед нами во весь рост стоит угроза государственного банкротства, разорения земств и городов, разрушения промышленности, торговли и сельского хозяйства, полного расстройства железных дорог, угроза голода и холода для городского населения.

Катастрофа в тылу повлечет за собою гибель армии, а гибель армии есть гибель России.

Путь только один — твердая и сильная власть, которая сурово потребовала бы от каждого и всех выполнения своего долга.

Правительство не должно руководствоваться велениями партийных организаций и отдельных классов, но, сильное в самом себе в своем единодушии, оно должно преследовать лишь одну цель — охранение великой нашей родины от смертельной опасности разложения.

Революция смела все власти на местах. Новые представители правительства в губернских и уездных центрах находятся в полной зависимости от местных партийных и классовых организаций, которые властно диктуют им свою волю. Судебные власти бездействуют. На местах господствуют комитеты и советы различных наименований и различного, часто самовольного, возникновения, постоянно меняющегося состава. Они не знают ни своих прав ни своих обязанностей. Лишенные правительственного руководства и не сдерживаемые никем, они считают себя обладающими всею полнотою государственной власти.

Первейшей задачей правительства является безотлагательная организация правильной системы управления и суда, без чего все намеченные правительством реформы не могут быть осуществлены.

Вся сила правительственной власти должна быть направлена всецело на восстановление боеспособности нашей армии, снабжение ее продовольствием и всем необходимым для борьбы с врагом, на устройство хозяйственной жизни страны, продовольствие населения, исправность путей сообщения.

Впредь до созыва Учредительного собрания невозможны никакие законодательные акты, вносящие коренную ломку в государственный и социальный строй и приводящие к еще большей смуте в правовом сознании населения.

Губительность партийной политики в области государственного строительства сказалась со всею очевидностью. Внутри страны она грозит катастрофой хозяйственной жизни, а на войне — позором поражения.

Приобретенные народной волей права должны быть охранены твердою властью, покоящейся на всенародном признании.

Иначе вместо народной власти создастся другая, беспощадная к тем свободам, которые завоеваны русской революцией».

Вот собственно то мнение комитета, которое обнимает собой настоящее положение. Я позволю только себе спросить: угодно ли вам присоединиться и одобрить это заявление? Государственный контролер желает сделать заявление.

Г о д н е в. Позвольте мне высказаться. При беглом чтении я обратил внимание, что здесь было высказано два положения: первое положение по отношению к армии, что армия не ограждена была властью, и второе положение — что местные органы управления лишены были правительственного руководства. Так? Я считаю, что власти в армии действительно не было, но я думаю, что если изложено это в смысле упрека существующей власти правительственной, то я против этого протестовал бы, потому что все правительственные распоряжения были направлены к тому, чтобы был водворен порядок и была установлена власть, но было ли в распоряжении правительства что-либо, чтобы провести и осуществить эту власть?

П р е д с е д а т е л ь. Простите, Иван Васильевич, это ведь выдержка

из официального донесения с фронта, это слова генерала Корнилова.

Г о д н е в. Если бы это было высказано...

П р е д с е д а т е л ь. ... И это было исходной точкой нашего суждения.

Г о д н е в. Если бы было сказано, что по заявлению Корнилова, я бы не...

Д м и т р ю к о в. Это в кавычках, это подлинные слова его донесения.

Г о д н е в. Если это будет так, это другой вопрос. А затем другой вопрос: что касается сказанного: «лишенные правительственного руководства на местах административные органы» — я против этого тоже протестую. Административные распоряжения руководящие в неимоверном количестве были даны, но это другой вопрос, имели ли они силу и подчинялись ли им. Я одно только могу сказать, что по поводу даже захватов земельных при мне делалась масса телеграфных распоряжений, чтобы были приняты немедленно меры к восстановлению законных прав лиц, но я так думаю, что это не могло быть приведено в исполнение и не приводилось. *(Голоса: «А действия Чернова?»)*

П р е д с е д а т е л ь. Позвольте, господа, покорнейше прошу с мест не говорить.

Г о д н е в. Я говорю о действиях Временного правительства, а не о действиях отдельных членов, за которые никто не отвечает, кроме их самих. И вот единственное, что я считал нужным высказать. Затем далее, что касается указания о том, что творилось и делается, то я от Временного правительства конечно не уполномочен ничего заявлять, а лично от себя могу только сказать, что я понимаю. Когда Временному комитету Думы угодно было высказать, чтобы я принял на себя обязанность государственного контролера, я высказал, как вероятно председатель Государственной думы подтвердит, что я только при единственном условии могу согласиться быть, чтобы, как и раньше заявлял, я не входил в состав совета министров на правах члена, и затем в дальнейшем мое направление было уже в том же смысле. Но я должен сказать, что по вопросам, не касающимся чисто финансов, я принимал участие и позволю себе высказать, в каком смысле я понимал, что во Временном правительстве и мое участие должно быть. Я уже раз, когда принимал на себя обязанность, сказал, что понимаю, что Временное правительство никаким образом не могло касаться изменения основных законов и касаться ничего такого, что по существу должно было принадлежать Учредительному собранию. Вот в этом смысле с первых же дней, когда Временным правительством были открыты действия и возник первый вопрос о тех правах, которые предоставлены были 1 марта Финляндии, я позволил себе высказать, что такие акты не должны иметь места и исходить от Временного правительства, потому что эти акты должны касаться Учредительного собрания, и участия я не принимал. Затем, что касается дальнейших пунктов, касающихся прав собственности, то я категорически всегда заявлял, что это дело Учредительного собрания, так как в основных законах категорически и ясно ограждены эти права; следовательно изменение основных законов должно касаться Учредительного собрания. То же самое вероисповедный и другие вопросы. Дальше я скажу, я считал, что изменения, касающиеся роспуска Думы,

тоже не должны были иметь места, и равным образом не должны касаться тех вопросов, которые связаны с порядком управления, с порядком строя государственного, именно вопроса о республиканском или другом строе. Вот я лично позволяю себе высказать мою точку зрения, которой я держался. Затем, что касается моего сейчас мнения, то я считаю, что в состав правительства должны входить абсолютно все без изъятия представители слоев населения. Я лично скажу, что те заявления, которые были сделаны и сегодня напечатаны в письме трех московских представителей, я всецело разделяю. [157] Я думаю, что этим я могу ограничиться по данному предложению, которое было сделано. Вот эти два замечания. Относительно власти, если это относится к заявлению Корнилова, тогда это мною может быть принято, я ничего не возражаю, а затем относительно лишения руководства — с этим я не могу согласиться, потому что это фактически расходилось с теми, хотя бесплодными, но сотнями рассылаемыми распоряжениями министра внутренних дел Львова и его помощника Щепкина, но к сожалению на местах, как в Казанской губ., насколько я могу судить, ни к каким результатам они не привели, так как ни в одной губернии больше, чем у нас, не произошло земельных захватов.

Капнист. Я думаю, что мы собрались сюда не для того, чтобы судить правительство, не для того, чтобы слушать объяснения И. В. Годнева относительно его поведения в правительстве, а для того, чтобы в воззвании к населению и обращении к правительству констатировать те факты, которые нам известны, и указать те пути, которые должны быть избраны для того, чтобы Россию вывести из бездны. Поэтому я думал бы, что следует от полемики воздержаться и держаться только в рамках настоящего воззвания.

Милюков. Я не совсем согласен с только что сделанным заявлением: 1) речь И. В. Годнева находилась в тесной связи с прочтенным заявлением, что доказывается тем, что она критиковала два пункта этого заявления, а 2) если И. В. Годнев перешел границы чисто редакционной критики, то я думаю, мы должны ему быть чрезвычайно признательны. Он первый из министров, который пришел сюда не после того, как подал в отставку, а пока находится в правительстве, и мы должны приветствовать появление нашего товарища с отчетом перед Временным комитетом. Поэтому я думаю, что мы должны приветствовать хорошее начало и благодарить И. В. Годнева за то, что положил почин в этом отношении. Затем я должен сказать, что я лично не совсем согласен с тем, что сказал И. В. Годнев. Если мне придется говорить, то я все-таки сохраню за собой право войти в обсуждение этого вопроса, тем более, что он стоит в связи с главным предметом нашего суждения.

Председатель. Так угодно продолжать прения? Слово принадлежит члену Государственной думы Масленникову.

Масленников. Я против этого воззвания ничего конечно не имею и вполне присоединяюсь к тому, чтобы оно было опубликовано, но я думаю, что цель нашего совещания будет очень узкая, если она ограничится только рамками обсуждения этого воззвания. В сущности говоря, это воззвание нового ничего населению не скажет, ибо население на своей спине, на своих плечах прекрасно чувствует все то, что изложено в этом воззвании. Я думаю, что в настоящий момент мы дошли

до такого состояния, до гибели государства, — в этом кажется уже сомнения нет, об этом говорит и председатель совета министров Керенский, и теперь я полагаю, что членам Государственной думы нужно поставить вопрос шире: не то чтобы сделать то или иное правильное или красивое воззвание, а нужно найти пути спасения родины, и я думаю, что наше совещание и должно поставить и обсудить серьезно этот вопрос. Господа, наша страна погибает. Армии у нас нет, наша промышленная жизнь находится в полной дезорганизации. В тот момент, когда от населения в условиях, в которых стоит государство, требуют напряженного труда, в это время население бездельничает и только думает о том, как бы содрать с кого-нибудь побольше и ободрать кого-нибудь. *(Голоса*: «Верно».*)* Каким же образом, господа, получилось такое ужасное трагическое состояние страны? Почему наша доблестная некогда армия, которая в 1915 г. без оружия, без снарядов, преданная изменниками, мужественно грудью и кулаками защищала родную землю и весь мир удивляла своей безответной отвагой и преданностью родине, почему же эта армия превратилась в скопище трусов, которые предают свою родину, которые очищают фланг отряду женщин, которые пошли защищать родину и предают ее? Почему эта армия, когда сочувствующие делу славянства чехи составляли доблестные батальоны и пошли вперед, почему эта армия отошла и предала их на смерть? Почему эта армия сделалась трусливее зайца и ныне, вооруженная с ног до головы, при присланной чудной тяжелой артиллерии, позорно бежит перед немцами и отдает им все? Господа, пора сказать, почему мы дошли до этого позора и унижения, и я вам скажу почему: в этом виноваты фантазеры, сумасшедшие люди, которые воображают себя творцами политики мира; в этом виноваты мелкие карьеристы, желающие в революцию разъезжать в автомобилях и жить во дворцах, продавшие Россию немцам, и в этом виноваты мы. *(Пуришкевич:* «Правильно, прежде всего!») Вспомним, как получилось то, что наша революция, вместо того чтобы создать свободную великую Россию, создала страну позора и предательства, над которой глумится весь мир. Господа, мы помним, как это сделалось. Мы помним, что когда 27 февраля взбунтовавшийся Волынский полк пришел сюда расстроенный, дезорганизованный, не в порядке, и когда прибежали толпы рабочих, плохо снабженных оружием, тоже дезорганизованных, и когда вожаки революции — Керенский, Скобелев и Чхеидзе — пришли в Думу и молили эту Думу о том, чтобы она возглавилась над этим восстанием, что только в этом возглавенстве и залог того, что в России будет революция, а не солдатский бунт, который будет легко подавлен, Государственная дума это движение возглавила. Я не знаю, как вы, но я в то время особыми надеждами себя не обольщал. Я думал, что это дело окончится тем, что этих взбунтовавшихся солдат легко усмирят, а некоторых из нас перевешают или сошлют в Сибирь. Но Николай II довел свое царствование до такого позора, что лучше было погибнуть, умереть, чем оставаться далее подданными этого нелепого деспота. Господа, благодаря тому что Дума стала во главе, вместо солдатского бунта, легко подавляемого, действительно совершилась революция. Но в этот великий и трагический момент истории к революции примазалась кучка сумасшедших фанатиков, кучка проходимцев, кучка

предателей, и эта кучка назвала себя «Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов». *(Голоса:* «Правильно!»*)*

Председатель. Позвольте, член Государственной думы Масленников, я просил бы таких резких выражений не употреблять.

Пуришкевич. Почему, когда это верно?

Масленников. Простите меня, я отвечаю за свои слова, может быть за эти слова меня убьют, — извините, если эти слова покажутся вам резкими. *(Пуришкевич:* «Верно, пора говорить настоящим языком!»*)* Вспомните, что эта компания боялась назвать свои имена, она называла себя анонимно Исполнительным комитетом и только лишь после требования опубликовала наконец свой состав, но и тут наврала, потому что оказалось, что там заседали самозванцы: там был Стеклов, а на самом деле это был не Стеклов, а Нахамкес, там был Троцкий, а он был Либер или Лидер, что-то в этом роде, да вероятно там были еще такие же господа. *(Пуришкевич:* «Троцкий — Апфельбаум».*)* И вот эти господа из этой великой революции сделали дело для их возвеличения: одни для проведения может быть своих фантазий, а большинство — для проведения своих мелких делишек, и началось растление русского солдата, русского рабочего, русского народа. Выпущен был приказ № 1. Что это, господа, акт безумия или акт подлости? Этот приказ № 1 говорил солдату: «Не слушайся своего офицера, делай, что хочешь, превратись из стройной армии в кучку хулиганов». Господа, в этот напряженный момент каждый порядочный человек, каждый действительно дорожащий торжеством революции должен был говорить рабочим, крестьянам: работайте, трудитесь на благо России и армии как никогда, а им заявили о 8-часовом рабочем дне, которого нет еще нигде в мире. Им заявили: «Вы можете грабить всех землевладельцев и получить землю даром»; им заявили о том, что рабочие могут выгонять директоров, мастеров и хулиганить у себя как угодно. И, господа, эти посеянные семена дали всходы. Я, господа, не присоединяюсь к тем, которые ругают русский народ. Несмотря на то что наш народ дошел до унижения, я все-таки считаю виновным не его. Утомленному трехлетней борьбой в невероятно тяжелых условиях солдату преподнесли приказ № 1, а потом заявили: «Мы — социалисты, в Германии — социалисты, в Австрии — социалисты, мы все — друзья, зачем нам драться, зачем воевать? Мы устроим везде революции, мы везде всех низвергнем, пролетариат во всем мире восторжествует и таким образом война будет ликвидирована». Господа, я думаю, что если бы подобное искушение, подобное растление проделали не только с темным, полуграмотным, измученным, издерганным трехлетней войною русским народом, а с любым другим народом, то он вероятно совершил бы то же самое и может быть пал бы еще ниже. Но русский народ еще не пал. Этому свидетелями были вы 3—5 июля здесь, в Петрограде. Когда эти банды, настроенные Лениными, Розенфельдами, Блюменталями, Нахамкесами и другими, явились сюда совершить свое гнусное дело, то они были подавлены, и подавлены кем? — горстью людей, двумя казачьими сотнями, юнкерским училищем и инвалидами-ранеными, которым дали винтовки, и они все это уничтожили. Женщины, дети бросались на этих вооруженных бандитов и отнимали у них оружие и пулеметы. [158] Вы видите, что русский народ не потерял еще своей совести и чести. Еще в нем

таятся они, и если вся эта мразь, все эти предатели, все эти сумасшедшие, все эти карьеристы и все эти немецкие шпионы главенствуют у нас, производят этот дебош, то они делают это благодаря попустительству и больше ничему. Дайте уверенность русскому народу, что есть же люди, которые говорят: пора прекратить это безобразие, и около вас найдутся они, как около доблестного генерала Половцева 3 июля явились эти части для подавления скопищ разбойников и предателей. И, господа, мне думается, что задача нашей жизни заключается в том, чтобы создать такой центр, который бы сказал стране, что правда и честь существуют, что не сперва революция, а потом Россия, но Россия прежде всего должна быть спасена. *(Голоса:* «Правильно!»*)* Пора бросить терминологию Николая II. У него было «я», а потом на запятках Россия. У нынешних господ, захвативших власть, к позору и гибели России, та же терминология: революция, т. е. это «они», а потом где-то Россия. Да о России даже и не говорилось; заговорили только в последние дни о России; была революция, т. е. они. И вот, где же этот центр, где же то, к чему должны притти русская честь, русская мысль, русская любовь к родине и жажда спасти ее? Это Государственная дума, и стыдно Государственной думе далее сидеть где-то на запятках, где-то в преисподней и бояться бог знает кого. Пора Государственной думе, которая возглавила революцию, нести и ответственность за нее. *(Голоса:* «Правильно!»*)* Вы видите, господа, что все, что ни являлось, спасти Россию не могло. Спасти Россию может только Дума, и вам я рекомендую одно: одобривши это воззвание, просить нашего председателя вызвать всех членов Думы на собрание не подпольное, не частное, не где-то, а на настоящее заседание Государственной Думы, потребовать, чтобы явилось сюда все правительство целиком, чтобы оно доложило о состоянии положения страны, и тогда Государственная дума уже укажет этому правительству, что делать, как это правительство пополнить и заменить; тогда она укажет ему пути выхода из этого положения. Господа, мне скажут на это: а как же собраться? Совет рабочих и солдатских депутатов, большевики, еще кто-то, я уж не помню, ведь в их руках армия, ведь они могут вас просто физически не допустить до этого собрания. *(Пуришкевич:* «Это трусы, неправда!»*)* Они могут вас разогнать. Может быть, господа, вы правы. *(Пуришкевич:* «Нет!»*)* Пускай они идут силою разгонять вас, но мы не смеем, господа, считаться с этими угрозами. Господа, возглавивши революцию, мы повели страну на путь ее. В настоящее время, когда эти люди, погубивши Россию, осмелились говорить о том, что только они спасители, что все то, что есть буржуазия, интеллигенция, дворянство,—это есть предатели, эти господа провоцировали наших детей! Наши дети совершили подвиги 18 июня, наши дети шли во главе этих полков. Ведь убыль одного офицера на десять солдат говорит о том, что кто же в сущности сражался? Это сражались наши дети, наши дети — офицеры. Ведь, господа, у меня на-днях были офицеры, бывшие в этих сражениях и в дальнейших. Мы понесли колоссальную убыль в офицерском составе, и, вы знаете, эту убыль мы понесли и от германских пуль и от своих пуль. *(Голоса:* «Верно!»*)* И, господа, при таком положении мы не смеем далее прятаться, мы далее не смеем находиться в подполье, мы должны выйти сюда. Государственная дума — это окоп, который защищает честь, достоинство и суще-

ствование России, и в этом окопе мы должны или победить или умереть. *(Голоса: «Правильно!» Рукоплескания.)*

Председатель. Член Государственной думы Пуришкевич.

Пуришкевич.[159] Я всецело, всемерно присоединяюсь к тому, что сказал здесь член Думы Масленников. Это были не слова, а это говорилось самим сердцем, самой душой. Я приветствую то предложение, которое выносится Исполнительным комитетом Государственной думы, я нахожу его только слишком бледным. Но как первый шаг по тому пути, по которому должна пойти Государственная дума, если она хочет сохранить авторитет и престиж в глазах населения, как первый шаг — я этот шаг приветствую. Министр-президент Керенский, которого по меткому выражению называют министром de la guerre civile — министром гражданской войны, после этого ужаса, который пережила русская армия на Южном фронте, не нашел лучших слов, как обратиться к русскому народу и к армии с криком: спасайте революцию. Они все продолжают кричать о революции, как о чем-то постоянном, о чем-то требующем защиты, а между тем мы переживаем тот момент, когда всякий русский патриот, к какой бы партии он раньше ни принадлежал, будь он крайний правый или социал-демократ, должен громко и грозно кричать на всех перекрестках: спасайте Россию, спасайте родину, она на краю гибели в гораздо большей степени от врага внутреннего, от крайних левых течений, чем от внешнего врага. Я — монархист, я — убежденнейший монархист, ибо никогда не менял и не могу менять своих убеждений, но, будучи монархистом, я готов служить последнему умному социал-демократу, стоящему у власти, запрятать свои симпатии, свою политическую партийную окраску, если буду верить, если буду знать, что этот социал-демократ поведет Россию к спасению и не даст нам возможности возвратиться в этом веке к царствованию Ивана Калиты и в Россию времен Ивана Калиты, без всяких данных обратиться в ту Россию, которую получили мы от наших предков. Но для того чтобы спасти Россию, нужна власть, нужен волевой импульс, нужна воля, нужна энергия, нужна сила, нужно отсутствие трусости, громкий голос, повсюду кричащий, повсюду звучащий, как набат, о тех бедствиях, которые в настоящее время поразили Россию, о той ране, которая ее разъедает. Есть ли власть в России? В настоящее время может ли называться властью то правительство; которое возглавляет сейчас Россию и ведет ее по революционному пути? Когда месяц тому назад, господа члены Государственной думы, я здесь громко указывал на единственный путь, который мог бы спасти нашу армию, на путь кары смертною казнью тех, которые позволяют себе бежать с полей сражения и которые в тылу занимаются мародерством, здесь тогда не хотели меня слушать, а между тем, если бы Государственная дума месяц тому назад вынесла то решение, за которое сейчас низко бьет челом министру-президенту главнокомандующий генерал Брусилов, — поверьте мне, уничтожив тысячу, 2 тысячи, 5 тысяч негодяев на фронте и несколько десятков в тылу, не имели бы мы того неслыханного позора, который несмываемым пятном лег на историю России, и который, нужно думать, никогда не повторится, ибо меры приняты. Можно ли сейчас спасти нашу дорогую исстрадавшуюся родину и можно ли победить? Тот ничтожен, кто не имеет веры в грядущее, в ком иссякла эта вера в буду-

щее. Конечно можно и должно верить, и мы победим и внутреннего и внешнего врага, но мы победим тогда, когда пойдем по правильному пути. Но для этого нужно итти не теми путями Герострата, которыми идет современная русская правящая власть во главе с министром-президентом Керенским. Чистый, идейный человек, так же как и Церетели, кристально чистые люди, но люди, не знающие русского народа, люди, проникнутые идеализмом и оторванные от быта и знания родной земли. Нельзя итти по пути Герострата, ибо и слава их в будущем на скрижалях истории будет славой Герострата. Нужно прежде всего, повторяю, чтобы была эта власть, нужно потребовать, чтобы эта власть проявила волевой импульс—это одно, а второе и главное, скажу я,—это нужно чтобы перестала существовать в России та партия «и. и.», которая сейчас возглавляется и которую везде вы замечаете,— это партия испуганной интеллигенции. Вот, господа, тот маразм, который охватил русское общество, русскую буржуазию во всех классах, во всех слоях. Все испугались, все попрятались по своим углам, не понимая, что те, которые находятся у власти, если не сами главари, то те, которые идут за ними,— сказочные трусы. Не бойтесь их, господа. Действительно, как сказал член Государственной думы Масленников, 1-2 полка казаков и мальчики юнкерских училищ в сознании своего долга перед родиной, ставши рядом с главнокомандующим, подавили то восстание, которое, казалось, готово было вспыхнуть и захватить всю Россию. Там трусы не только потому, что органически, физически трусы, но потому, что они чувствуют, что они не стоят за правое дело, и вот в тот момент, когда русская власть станет властью, когда она покажет, что она власть не в отношении слабых, но и в отношении тех, кто силен, в тот момент, когда она проявит волевой импульс, и когда русская интеллигенция перестанет трусить и прятаться по углам, и в первую голову Государственная дума, в тот момент мы можем сказать, что мы вышли и выйдем на путь оздоровления; нужно карать во избежание смертельной гибели сотен тысяч в будущем, во избежание кровавой бани и варфоломеевской ночи, которая грозит русской интеллигенции в будущем; нужно преграждать возможность наступления народных самосудов, а народные самосуды бывают первым следствием отсутствия правового порядка и отсутствия власти, и нужно карать не только тех, которые бегут с фронта, жертвой тех, которые работают в тылу, а нужно карать тех, которые находятся в тылу и которые развращают этот фронт: нужно вешать отдельные единицы, для того чтобы спасти сотни, тысячи и десятки тысяч невинного народа. Я глубоко убежден, зная русского солдата и русского мужика, глубоко убежден, что полки, постыдно бросавшие свое оружие, бежавшие от первых выстрелов австрийских пулеметов (а кто австрийцев не бил? — из истории мы знаем), что эти солдаты будут вновь героями, будут вновь оказывать чудеса храбрости, если отсюда не будет итти тлетворная пропаганда, разлагающая наши войска. А между тем там, по сведениям, имеющимся и у меня, и у вас вероятно, наверное даже, там расстреляно много солдат, а здесь в тылу покараны ли виновники, виновники того развала, который так жестоко отразился на русской армии? Где Соколов, автор приказа № 1? Он — сенатор; он — сенатор, тот человек, который сделал невозможной работу в армии и который свел в могилу массу кронштадтских офицеров и массу славных

доблестных офицеров всех родов оружия на фронте. Он избит был там в Рионском и Сурамском полках и, говорят, когда он бежал оттуда, он кричал: «смертью карать их, изменников, только так и можно с ними справиться»,— но это было поздно. На нем лежит вся ответственность за все то, что произошло потом. А чем же он стал? Он получил благодарственную сочувственную телеграмму министра-президента Керенского, сочувствовавшего его горю, его несчастью, и он сейчас сенатор. В оные дни, когда представители Союза русского народа, в Басковом переулке заседавшего, восстанавливали, как говорилось, одну часть населения против другой, крестьян против евреев, вопросами о ритуальных убийствах и т. д., в это самое время говорили, что это недопустимо, что эти люди должны быть судимы. А в настоящее время, когда министр земледелия г. Чернов позволяет себе вооружать крестьян против дворян и помещиков, батраков против крестьян, когда результаты его работы сказываются на фронтовых съездах, когда у меня есть целый ряд протоколов минских фронтовых съездов с самыми возмутительными, с самыми призывающими к погромам, к разграблениям, к грабежам, ко взаимной розни, к убийствам постановлениями этих съездов, когда они у меня имеются,— я могу доставить каждому из вас,— где г. Чернов, министр земледелия? И вот, господа, покамест мы будем терпеть это, доколе мы будем терпеть у власти людей, которые натравливают одну часть населения на другую и готовят нам неисчислимые беды в будущем, и доколе Государственная дума, святое святых в былые времена всех мечтаний, всех чаяний, всех чистых помыслов русского народа, доколе Государственная дума будет заседать на задворках, а не там, доколе голос ее не будет громко раздаваться на всю Россию, дотоле порядка в России, успокоения и победы ни над внутренним врагом ни над внешним мы ожидать, господа, не в праве. Нужно искоренять причины бед, а не следствия. Конечно теперь приходится расстреливать и карать там, но раньше всего нужно вешать здесь, потому что здесь источник всех безобразий, ибо отсюда идет растлевающая пропаганда, ибо петроградские, так называемые теперь, сферы растлевают армию и ближайшие к армии тылы. Правительство не может терпеть параллельно с собой власти советов солдатских и рабочих депутатов, не может терпеть потому прежде всего, что оно правительство, и если оно желает сохранить свой престиж и свой авторитет, то оно должно им показать и указать свое место, а помимо этого оно не должно терпеть эту публику еще и потому, что если бы там сидели действительно солдаты и действительно рабочие, то было бы еще с полбеды, но, господа, мы знаем, какие солдаты и какие рабочие сидят в этих советах и их исполнительных комитетах. Вот предо мною список — Масленников назвал только два имени, укажу все. — Вот предо мною список главнейших героев: Мартов — Цедербаум, Суханов — Гиммер, Парвус — Гельфанд, Каменев — Розенфельд, Загорский — Крохмаль, Стеклов — Нахамкес, Дан — Гурвич, Зиновьев — Герш Радомысльский, Гольдман — Либер, Троцкий — Бронштейн, Горев — Гольдман, Мешковский — Гольденберг, Ларин — Лурье. [160]

Скажите мне, пожалуйста, где здесь хотя бы один крестьянин? Здесь люди, которые оделись в форму солдат, для того чтобы окопаться глубоко в тылу, сказать, что они работают в организациях советов и не дать

возможности послать себя на фронт. Я знаю председателей этих исполнительных советов, я знаю Позерна в Минске, земского статистика, который получал 75 рублей в месяц, а теперь катается, как сыр в масле. Я знаю Роома в Риге, перед которым трепещет доблестный генерал Радко Дмитриев. Этот Роом прямо сидит на Радке Дмитриеве, он помощник присяжного поверенного, одетый в солдатскую форму, но окопов не видавший. А Рошаль, политический эмигрант, прибитый революцией к берегам Кронштадта, сколько бед этот человек сделал и сколько хлопот причинил Временному правительству. Да не один он, их имена, господи, один ты веси. Люди, облекшиеся в форму солдат и блузу рабочих и ничего общего ни с солдатами, ни с крестьянами, ни с рабочими не имеющие, эти господа за растерянностью русской интеллигенции и русского общества, воспользовавшись, дорвавшись до власти, являются руководителями не общественного мнения в данный момент, а руководителями жизни государственной, будущего всей России. Мыслимо ли такое явление, терпимо ли оно дольше со стороны правительственной власти и со стороны той Государственной думы и того Исполнительного комитета, который родил это Временное правительство, той Думы, к которой приходили поклониться и приветствовать первые революционные войска, приходившие сюда стройными рядами, к которым выходил председатель Государственной думы, встречаемый ими восторженными овациями, председатель Государственной думы, как один из вожаков того движения, которое должно было дать России свободу, правовой порядок и более блестящее будущее, на которое она имела и имеет право рассчитывать. Вот, господа, что нужно. Нужно отсутствие трусости в русской интеллигенции, нужно, чтобы она не пряталась по углам и в свою скорлупку, чтобы власть была властью, нужно поставить на свое место и распустить советы рабочих и крестьянских депутатов, доколе этого не сделает сам народ. Пример этого есть в Воронеже и Пензе — там были прецеденты, когда народ самосудом желал распустить Совет рабочих и солдатских депутатов: в то время, когда одного из полковников арестовывали, кажется в Пензе, народ пришел арестовать Совет рабочих и солдатских депутатов.

Немыслимо и недопустимо, чтобы это делала толпа. Это должно сделать правительство, если оно правительство, если оно представитель власти, права и порядка. Они боятся контрреволюции, это тот кошмар, который стоит перед ними, ибо за контрреволюцию они боятся своей ответственности.

Господа, ни о какой контрреволюции не может быть и речи, никто ее не желает и не будет желать, пока правительство будет осуществлять народные верования, народные чаяния и даст народу тот правовой порядок, основанный на демократических принципах, которых народ добивается.

А вот, если этого не случится, то сколько бы из буржуазии и имеющих силу и власть ни перевешали и ни сослали бы сейчас — все равно, народ снизу поднимется и сметет это засилие людей, ничего общего не имеющих ни с укладом его жизни, ни с его бытом и ни с чем. Народ поднимется и стихийно сметет всех тех, которые могут нас смести до этого и перевешать. А ведь, господа, картина будущего крайне прискорбна, картина того будущего, которая представляется всякому

вдумчивому наблюдателю, считающемуся с событиями настоящего дня и видящему те пути, по которым идет Россия. Я с фронта, я в дни последних боев под Двинском был в самой каше, был в двух с половиной верстах от окопов и видел не поддающуюся описанию картину, которая является общей не для Двинского одного фронта, а общей для всех наших фронтов. И вот, господа, когда прекратится то, что мы видим на фронте, и прекратится то, что будет в ближайшем будущем в тылу благодаря Чернову, тогда можно рассчитывать на успех. Дни 9, 10, и 11 сего июля были незабываемыми днями на Двинском фронте. После этого ужаса, который имел место там, на юге, Совет солдатских и рабочих депутатов, по приказанию Керенского, требовавшего наступления, выпустил в Двинске целый ряд воззваний к полкам о наступлении, но воззвания никакого успеха не имели. Ударный батальон из сошедшихся с разных полков офицеров одним налетом взял три ряда окопов по Новоалександровскому шоссе. Я как раз стоял у этого шоссе. Взяли налетом три ряда окопов, взяли так называемую Золотую горку, которую нельзя было взять в продолжение полутора годов, и должны были продвинуться дальше; если бы полки помогли им, могли бы продвинуться до Вильны, ибо немцев было здесь мало, и артиллерия, развивавшая ураганный огонь в продолжение 54 часов, с семи ярусов, расположенных на известном плацдарме в 600 рядов, смела траншеи, смела окопы, смела проволочные заграждения и обратила во вспаханное поле все немецкие позиции. Немцы отступили, не давши ни одного выстрела. И вот в то время, когда поредевшие ряды офицеров этого ударного батальона просили Звенигородский полк — я вам его назову — притти на помощь, тот собрал митинг у себя во время боя и от этой помощи отказался. Тогда пошел на помощь Московский полк, но Звенигородский его не пустил, не пустил Московский полк и угрожал, что он будет стрелять ему в спину, если те окажут поддержку остаткам ударного батальона, захватившим Золотую горку и три ряда окопов. И Московский полк не пошел. Те отошли с громадными потерями, вернулись на исходные свои позиции и вся операция была ликвидирована. Солдаты уходили — я сам видел их — десятками и сотнями, без оружий, без сумок, без лопат; многие шли, куда глаза глядят. Их не гнал никто, потому что мы были победителями 9-го и 10-го числа. Немцы были так встревожены, так боялись, что небо вечером во время стрельбы представляло феерическую картину: ракеты красные и белые, которые все время так и прыгали, показывали опасность и тревогу у немцев. Немцы были в страшном состоянии, что мы напрем и проберемся далеко. Но наши солдаты ушли, те солдаты, которые так недавно так мужественно и так доблестно дрались. Вот положение, которое я собственными глазами видел. Мало того, ко мне приходила масса офицеров, которые говорили: наметив расположение наших батарей, немцы прицельными ударами разносят батарею за батареей; на наблюдательных пунктах перебиваются офицеры, сидящие в них, потому что указывается немцам, где сидит наблюдатель. В половине двенадцатого 11-го числа, перед тем, как я уезжал, полковник Яценко, сидевший у меня и пивший чай, показывает мне: видите вы в тылу белые ракеты? Знаете вы, что это значит? Это значит, что наши показывают место прохождения военного транспорта с артиллерийскими снарядами. Такие

явления повторяются каждый день. Господа, доколе это будет повторяться, доколе не будут приняты серьезнейшие меры в этом отношении, до тех пор успеха ждать нельзя. Это одно в отношении фронта, и это, я говорю, видел собственными глазами; а в отношении тыла? Господа, разве можно надеяться на спокойствие в государстве, пока там, во главе министерства земледелия, стоит Чернов? Ведь ни для кого не секрет: наступят холода, наступит голод, помещики не засеют своих полей и не могут засеять, ибо сбора они не соберут. Урожай и сейчас во многих местах осыпается, разграбляется. Все, что хотите, делается при той напряженности отношений крестьянина с помещиком, которая наблюдается в настоящее время. Я не помню, передавал я вам или нет, что вдоль по железной дороге от Москвы к югу иностранец-француз рассказывал мне, что он покупал на станции овес по 30 фунт у баб.* «Каким образом вы имеете этот овес?» А они отвечали: «Овес был дан на обсеменение, а мы по фунту продаем, так как нам выгоднее продать по фунту, чем неизвестно, будет ли урожай или нет». Таким образом овсом, данным на обсеменение, не были засеяны поля, а он был распродан. Явлений таких сколько угодно. С одной стороны отношение крестьян к помещикам, незасев помещиками полей, захват крестьянами помещичьих угодий; с другой стороны незасев крестьянами, которые не занимаются своим прямым делом, все это приведет к голоду. В тот момент, когда будет голод, когда это правительство, которое стоит сейчас у власти, не будет в состоянии справиться с этим голодом, тогда, господа, конечно всю ответственность они перенесут на нас. Они скажут, что буржуазия во всем виновата, in de ira, туда ненависть, туда негодование народа будут направлены и конечно нас не пощадят и нас сметут, но когда нас сметут, тогда голодный, остервенелый, предоставленный самому себе народ, он взбунтуется против тех, которые в конце концов обманули его ожидания, и тогда действительно настанут те черные дни контрреволюции, которых так страшно боится Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в настоящее время. Тогда она будет неизбежна, эта контрреволюция, и тогда она приведет к тому режиму, пред которым покажется сладким режим Штюрмера, Распутина и Протопопова. И вот, для того чтобы этого не было, нужно, чтобы то учреждение, которое всегда, повторяю, за все время своего существования было лелеемо народом, куда неслись все народные чаяния, все народные верования, вся любовь народная, чтобы Государственная дума заговорила громко, грозно, властно, чтобы она подняла свой голос, чтобы теперь она указывала имена, фамилии, проступки, преступления, предлагала кары и наказания тем, кто этого заслуживает, ибо только тогда она вернет себе остатки того авторитета, который был растрачен ею в дни ее бездействия, которым так умело и так преступно воспользовались темные силы, вышедшие из подполья, вырвав у Государственной думы власть. Я скажу теперь: да здравствует Государственная дума, единственный орган, способный спасти Россию и повести ее по верным историческим путям, и да погибнут все те темные силы, которые лепятся у Временного правительства, которые сидят на шее у Временного правительства, коих

* Так в подлиннике.

боится Временное правительство, эти силы, которые возглавляются людьми, ничего общего не имеющими с крестьянством, ничего общего не имеющими с солдатами, ничего общего не имеющими с рабочими, людьми, ловящими рыбу в мутной воде, сплошь и рядом провокаторами, служащими на содержаниии у германского императора и дома Гогенцоллернов, людьми, исполняющими злую волю пославших их сюда и исполнившими ее уже отчасти, давшими возможность многим невинным потерпеть те наказания, которые должны были бы понести они сами. В тот момент, когда Государственная дума будет говорить громко, будет называть преступников, будет говорить, что нет страны в мире, которой бы управляли советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, псевдокрестьянских депутатов, когда она посадит их на свое место, в тот момент, господа, мы можем сказать, что мы—государственные мужи, и впереди становится все светлее и светлее, мы выходим на путь оздоровления и с этого пути поведем Россию к победе и над внешним врагом и над внутренним врагом, который несравненно более опасен, чем враг внешний, ибо грозит нам не только поражением, но окончательной гибелью навсегда. *(Рукоплескания.)*

Председатель. Член Государственной думы Родичев.

Родичев. В трудную минуту долг каждого, кому дороги судьбы отечества, не поддаваться панике. Каждый из нас может сделать над собой усилие и должен сделать, и тем более мы не должны бросать в страну панических возгласов, а я думаю, что то воззвание, которое нам предлагается, имеет этот недостаток — ведь это крик отчаяния, ведь начинается с того, что все потеряно. Если все потеряно, тогда нам остается одно — умирать. Нельзя кидать эти возгласы паники в народ, это не есть указание ему верного пути, это не есть то указание, которое составляет вторую часть воззвания, против которой я ничего не имею. Я хочу только указать, что то направление, которое принимает обсуждение, не есть направление спасительное. Нам говорят — нужна власть, власть нужна, — да, она нужна, но ведь от слов: власть должна сделать то-то и то-то, ведь власть не будет иметь силу, при которой можно сделать то-то и то-то. Если мы, собравшись здесь, издадим приказ, ведь ему не будут повиноваться, ведь вы власть взять не можете, ведь вам нечем взять власть, — следовательно от этого пути и откажемся. Нам говорят: вся беда в том, что на поверхность революции вышли люди, делающие карьеру, и т. д. и т. д., и выходит, совсем не так велика власть отдельных людей и совсем не так велика воля отдельных людей, которых также несут события. Я считаю великим несчастьем приказ № 1, но я твердо убежден, что люди, которые его издали, не ведали, что творят. *(Голоса:* «Это большой вопрос. Сомневаюсь!»*)* А скажите, пожалуйста, Временное правительство, которое уступило требованию петербургского гарнизона не выводить его на фронт, что оно так этого и хотело, или эти люди не понимали, что это обещание уничтожает и энергию и дисциплину, что это есть акт разрушения петербургского гарнизона? Куда годится тот воин, который в награду за его подвиг требует гарантий, что его не отправят на войну? Я знаю людей Временного правительства, я знаю, что они не хотели развращать петербургский гарнизон, — события оказались сильнее их, и я не виню их лично...

[Затем Родичев старается защитить Соколова, говоря, что «собственная совесть не дает ему покоя и что... угрызением этой совести внушена эта проповедь наступления, за которую он поплатился, и та проповедь порядка, которую он в настоящее... время ведет в Финляндии».

Далее Родичев останавливается на разложении армии и промышленности.]

...Мы стоим перед катастрофой, и несчастье состоит в том, что власть, ответственная за это, не смеет сказать стране всю правду в глаза. Она должна это сделать. И далее, мы стоим перед финансовой катастрофой, и власть, которая это видит, обязана дать стране отчет в тех расходах, которые сделаны с 1 марта по нынешний день, в тех громадных расходах, которые каждый день увеличиваются и вызывают печатание бумажных денег и дороговизну. Мы стоим перед государственным банкротством и, граждане, его нужно, предупреждая, объявить вперед, дабы катастрофа не застала нас нежданно, негаданно, а катастрофа будет означать голод и холод, взаимное убийство, одичание страны. Мы должны предвидеть, граждане, не только голод, но и холод, мы должны предвидеть остановку промышленности, остановку жизни в больших городах, потому что дров нет, и мы должны понять причины, которые этому содействуют. Что же делает наша власть в это время? Она делает невозможным всякий гражданский оборот. В то время, когда власть... Иван Николаевич Ефремов... *(Голоса:* «Его нет. Они все ушли!»*)* Так, Иван Николаевич Ефремов, если бы он был здесь, я бы его спросил, понимал ли он значение этого акта, запрещающего всякие земельные сделки, понимал ли он, кому это может принести выгоды? Никому. А кому непоправимые убытки? Первое последствие этого акта — разве возможен кредит той власти, которая так обращается с правом собственности? *(Голоса:* «Правильно»!*)* Граждане, вот что делается для предотвращения государственного банкротства. В ту минуту, когда оно стоит у двери, решаются на этот акт. Граждане, мы должны указать правительству, что до Учредительного собрания недопустимы те социальные реформы и та социальная революция, которую ставят на своем знамени некоторые партии, входящие в министерство. Губить революцию, перегружая ее, вот то дело, от которого они должны воздержаться. Нельзя одновременно вести войну и перестроить всю социальную жизнь в условиях международного обмена. *(Голоса:* «Совершенно верно!»*)*. Вот те требования, которые мы должны поставить правительству. Нельзя, граждане, жить в стране, где нет суда. *(Голоса:* «Правильно!»*)* Восстановление суда независимого, вот то требование, которое мы должны поставить правительству. Очищение суда от входящих в него элементов. В наш суд попадают представители так называемых общественных организаций, в суд и следствие. Граждане, вы помните историю ареста захватчиков типографии «Русской воли», вы помните, что они были выпущены, арестованы, привезены в Совет рабочих депутатов и выпущены. [161] Это не судебная власть выпустила каторжников и грабителей, но представители этой организации участвуют и доныне в судебных и следственных организациях. Вот на что мы должны указать правительству. И кроме того мы должны указать ему одно требование: если оно хочет быть вместе со страной, оно должно стать выше партий. *(Голоса:* «Верно!»*)* Вот в чем состоит наш долг, граждане. Я вам перечислил все те требования, которые указаны в письме моих

товарищей по партии, Кишкина, Астрова и Набокова, и я смею сказать про эти требования, что это национальные требования, всей русской земли (*голоса*: «Верно!»), всех тех людей, которые себя сознают детьми родины и понимают страшную опасность, которая грозит ей. Подтвердите вашим вотумом это заявление, воздержитесь от панических возгласов, бросаемых в сторону, укажите ей пути спасения и организации, а не кричите о том, что все благополучно. Вы этим исполните ваш первый долг в ту минуту, когда мужество русского народа повидимому дрогнуло; оставайтесь на своем месте и скажите ему: еще не утрачена честь России и надежда на русскую армию. Я думаю, что чем хуже наше дело, тем большие усилия должны быть употреблены для того, чтобы воссоздавать (*голоса:* «Верно!»), и мы никогда не имеем права до тех пор, пока мы живы, сказать: ни одно усилие более невозможно. Мы должны делать это усилие и звать к нему всех, наших друзей и наших противников, людей одного класса и людей других классов, ибо наше самопожертвование и наше самоограничение, только они и дают нам право требовать этого же самоограничения от других. Мы должны не только звать к единству — мы должны итти по пути, по которому единство крепнет, а не разрушается, и тех, кто с нами не согласен, мы должны звать на этот путь, помня, что принудить их по нему итти мы не можем. (*Голоса:* «Они и не пойдут!») Я все-таки возлагаю надежды, что раскроются глаза, слепые от неведения, а не от намерения, и что люди, ответственные за те ошибки, которые сделали, которые может быть непоправимы, они вступят на путь общенационального спасения России. (*Голоса:* «Давно пора!») Вот то требование, которое в последнюю минуту ультимативно должно быть предъявляемо нашему Временному правительству; но отказать ему в нашей поддержке до тех пор, пока оно не отреклось и не изменило этому призыву к единству, мы не можем. Не от нас выйдет разрыв между двумя слоями России, не мы будем подкладывать дрова в пожар, который идет по всей стране. Мы опасаемся, что тот большевизм, который в городах быть может уже показал свое лицо, еще покажет свое лицо в деревнях (*голос:* «Верно!»), но мы должны бороться с этим и мы должны звать правительство на борьбу с этим, а не на попустительство, на организацию администрации, на организацию власти в стране. Это трудное дело, без согласия, без содействия всех правительство в этом деле бессильно, но это содействие должно быть ему обещано, если вы требуете от него исполнения этого дела. Я кончил. (*Рукоплескания.*)

Председатель. Желал говорить Иван Николаевич Ефремов, но он вызван в заседание правительства, поэтому выбыл. Управляющий министерством призрения.

Барышников. То, что сейчас говорил член думы Родичев, продиктовано было глубочайшим патриотизмом; потому его речь была так цельна, так сильна и так ударила по сердцам всех. Действительно призыв, который мы от него слышали, призыв к единению, призыв к общей работе, это тот призыв, который должен всех объединить. Я, будучи не ответственным членом министерства, а лишь управляющим одним из небольших ведомств, тем не менее считаю себя тоже ответственным за то, что сейчас совершается у нас, считаю себя ответственным отчасти за образование того правительства, критике которого

посвятил свою речь член думы Родичев. Сейчас раздается призыв к единению, но не указываются те реальные формы, в которых это единение может совершиться. Я думаю, что реальные формы этого единения должны быть таковы: каждый, кто нужен сейчас, чтобы тем или другим способом помочь отечеству выбраться из тяжелого кризиса, в котором оно находится, каждый должен персонально жертвовать собой в эти тяжкие минуты. Я думаю, что радикально-демократическая партия, к которой я принадлежу, эта молодая партия, образовавшаяся недавно и Центральный комитет которой собрался в те дни, когда впервые раздались выстрелы мятежников — 2 и 3 июля, я думаю, что эта молодая партия, в которую вошла группа прогрессистов, худо ли, хорошо ли, но исполнила свой партиотический долг, опубликовав декларацию, которая была расклеена на улицах Петрограда, которая была вручена Львову, еще тогда главе правительства, всем членам правительства и всем общественным организациям. Я позволю себе эту декларацию прочесть — она не длинна:

«От центрального комитета российской радикально-демократической партии.

Центральный комитет российской радикально-демократической партии, обсудив создавшееся положение в связи с выходом из состава Временного правительства министров — членов партии народной свободы, считает своим политическим долгом заявить следующее:

1) В переживаемый исключительно ответственный момент, когда революционная армия начала успешное наступление против внешнего врага, а Временное правительство прилагает все усилия, дабы закрепить и углубить приобретения революции и довести страну до Учредительного собрания, власть, руководящая Россией, должна опираться на все живые и творческие демократические силы страны, пользуясь в свою очередь решительной и искренней поддержкой этих сил.

2) Правительственный кризис должен быть поэтому разрешен путем применения того же коалиционного принципа, который положен в основу создания Временного правительства. и который единственно может обеспечить организованное единение всех политических сил, преданных свободе, в создании новой России.

3) Партия народной свободы, отозвав своих представителей из состава Временного правительства, лишила либеральную буржуазию законного участия в государственном строительстве. Вместе с тем, разразившийся правительственный кризис с особенной яркостью подчеркнул крайнюю необходимость участия в коалиционном правительстве радикальных демократических слоев населения, не входящих в состав социалистических партий и до сих пор не имевших своего представительства во Временном правительстве. Наличность этих представителей значительно смягчила бы остроту правительственного кризиса, вызванного партией народной свободы.

4) Для восстановления и дальнейшего укрепления единства государства необходимо также тесное сотрудничество власти с народностями, населяющими Россию и более всего заинтересованными в защите целостности их территории от врага всею силою единой государственной мощи. Для этой цели на основе того же коалиционного принципа необходимо включить в состав нового Временного правительства министра

по делам народностей, который ведал бы подготовкой к Учредительному собранию всех вопросов, связанных с проведением в жизнь федеративного и автономного начала и служил бы звеном между центральным правительством и национальными организациями. В заключение Центральный комитет российской радикально-демократической партии, обсудив происшедшие вооруженные попытки вмешательства в создание новой власти, считает, что при наличности в России полной политической свободы всякие подобные попытки являются насилием над волей народной и преступлением против революции и родины».

Это было написано и опубликовано в тот момент, когда власть находилась в критическом положении, когда неизвестно было, во что выльются волнения в Петрограде, каких результатов достигнет происшедшее восстание, и это самое воззвание, опубликованное во всеобщее сведение, обязывало тех лиц, ту группу, которая его опубликовала, к определенным шагам. Не надо было скрывать от себя, что обязательства, взятые на себя этим воззванием, были очень велики; они налагали такую тягость, что когда действительно радикально-демократической группе пришлось решать вопрос о вхождении или невхождении в состав Временного правительства, она считала этот вопрос для отдельных своих сочленов вопросом жизни и смерти. Посылая своих членов в ряды Временного правительства, радикально-демократическая партия сознавала, что те, кто шли в те дни во Временное правительство, должны были взять на себя тяжелый подвиг, и только с этой точки зрения лица, вошедшие от радикально-демократической партии в состав правительства, на себя и смотрели: только любовь к родине и сознание долга, который на них ложится, дали им силу взять на себя быть может непосильную для них задачу. Я думаю, что, худо ли, хорошо ли, члены радикально-демократической партии свой долг исполнили; то, что они сделали, послужило не во вред, а в пользу государству, ибо если не вошли бы в данный момент представители буржуазных партий в состав правительства, мы имели бы гораздо более грозные события.

[В заключение Барышников заявляет, что «каждая группа, каждая партия, каждое лицо должны с таким же самопожертвованием итти на работу в рядах правительства, с каким это делала небольшая радикально-демократическая партия».]

П р е д с е д а т е л ь. Член Государственной думы Милюков.

М и л ю к о в. Член правительства, хотя и не ответственный, член Государственной думы Барышников поставил на очередь вашего суждения один вопрос, которого и я хотел коснуться, а теперь коснуться его является тем более необходимым, так как член Думы Барышников выступил с нападением на представителей той партии, к которой я принадлежу. Он прочел нам обвинительный акт, который осуждает членов партии народной свободы за их уход из правительства, утверждая, что этим партия лишила либеральную буржуазию законного участия в государственном строительстве. Не знаю, вступление этой новой группы, — как она называется, «радикально-демократическая», дало ли либеральной буржуазии законное участие в государственном строительстве. Очень сомневаюсь, чтобы либеральная буржуазия почла себя удовлетворенной вступлением двух членов этой партии. Я понимаю субъективное ощущение каждого в тяжелую минуту, когда призывают: иди и служи. Но все же вы не сочтете это чрезмерной претензией, если

идущий служить предварительно займется размышлением: действительно ли он может при существующих обстоятельствах оказать ту пользу, какую в других случаях мог бы принести по мере своего разумения. Я очень рад, что заседание наше сегодня началось прочтением проекта резолюции, составленного Временным комитетом Государственной думы. Я приветствую это заявление, потому что в нем нахожу выраженными все те основные мысли, которые партия народной свободы с самого начала положила в основу своей деятельности во Временном правительстве, неисполнение которых заставило ее выйти и которые она теперь ставит условием для своего возвращения.[162] Нас упрекают за то, что мы не хотим отречься от своих партийных предрассудков. Я очень рад, что совпадающее с нашим заявление Временного комитета Государственной думы подчеркивает, что в наших требованиях, обращенных к правительству, нет ничего партийного. Совершенно правильно было здесь сказано, что содержание нашего заявления есть тот минимум общерусских требований, обращенных к правительству, исполнение которых только и может дать этой власти действительно всенародную, а не партийную поддержку. Должен ли я перечислять эти требования, которые мы поставили? Может быть это будет полезно, чтобы еще раз доказать, что речь идет здесь не о партийных лозунгах, а о совершенно реальных требованиях русской жизни. Требования эти формулируются одинаково всеми или весьма многими политическими группами; они повидимому разделяются и членами правительства, как только что нам заявил И. В. Годнев. Но я должен сказать, требования эти не исполняются; я больше скажу — они оказываются в полном противоречии с действительной политикой правительства. Каковы же эти требования? Мы говорим: прежде всего правительство должно быть безответственно перед какими-либо организациями и комитетами. Правительство должно быть независимо вовне, и его внутреннее единство должно быть основано на «полном взаимном доверии и на возможности взаимного соглашения». Удовлетворяются ли они настоящим правительством или нет? Очевидно нет. Исполнительные комитеты и Совет рабочих депутатов пытаются навязать зависимость от себя не только министрам-социалистам, но и всему кабинету, для составления которого эти министры передали чрезвычайные полномочия министру-председателю. Я слышал, правда, что сегодня ночью советы отреклись от этих претензий и признали, что правительство должно быть ответственно только перед Учредительным собранием. Если бы этот слух подтвердился, мы усмотрели бы в этом чрезвычайно важную уступку тем требованиям, которые формулированы и нам Временным комитетом Государственной думы. Но я должен сказать, что до сих пор эта уступка не была сделана, и если даже она будет сделана, мы не знаем, в какой степени она может быть проведена в жизнь министрами-социалистами. Далее мы требовали «полного взаимного доверия». Между тем товарищи наши, к которым мы обратились с просьбой принять предложение правительства вступить в его ряды, нашли для себя невозможным осуществить это взаимное доверие до тех пор, пока в составе правительства остается лицо, к которому такого доверия не имеется. Я не хотел бы, чтобы вы из этого сделали вывод, что у нас есть какое-нибудь личное отношение к этому министру. Но работать

вместе с министром земледелия нам кажется чрезвычайно трудным Центральный комитет не хотел все-таки дать повода думать, что он держится на какой-то личной точке зрения; Центральный комитет указал как условия своего вступления — во-первых принятие программы и во-вторых действительная возможность взаимного соглашения, действительное осуществление коалиционной идеи. Радикально-демократическая группа тоже признала необходимым применение коалиционного принципа. Я утверждаю, что вступление ее членов в правительство не есть осуществление коалиционного принципа, а есть его нарушение. Наш выход именно и был последствием того, что коалиционный принцип не был проведен серьезно и честно. Коалиция должна быть коалицией, т. е. согласившиеся группы и политические партии должны по общему согласию отказаться от своих специально партийных лозунгов. Они должны соединиться на некоторой общей программе действий, взаимно их ограничивающей и имеющей целью доведение родины до Учредительного собрания. Такова была программа первого Временного правительства, не коалиционного, а назначенного Временным комитетом Государственной думы. Временное правительство первого состава считало, что его всенародная задача исключает всякие партийные, классовые и иные задачи, что перед ним стоит только одна задача — доведение России до Учредительного собрания и устранение всех препятствий, которые могут стоять на этом пути. Но я должен сказать, что второе правительство, так называемое коалиционное, поняло свою задачу иначе. Странным образом министры-социалисты, вошедшие в правительство, официально заявили, что они входят не для соглашения, а для продолжения классовой борьбы. Это заявление конечно в корне противоречило возможности коалиции. Ибо если часть министров входит для осуществления своих классовых целей, своей классовой программы и прямо говорит, что она не только не отрекается от них, но что она будет пользоваться силой власти для того, чтобы продолжать осуществление этих классовых целей, то очевидно, что никакого соглашения на этой почве быть не может. Это официальное заявление осталось как-то мало замеченным; некоторое время наши товарищи проходили мимо него, считая, что может быть на деле правительство будет соблюдать принцип коалиции. Однако же, чем дальше развертывалась совместная работа министров-социалистов коалиционного правительства с министрами — нашими товарищами по партии, тем больше оказывалось, что Россия вводится в обман, и мы являемся чем дальше, тем больше сознательными участниками этого обмана, той ширмой, за которой делается дело нам чуждое, дело, за которое мы перед родиной отвечать не можем и не должны. Мы видели, как к сожалению благодаря нестойкости некоторых несоциалистических министров образовалось случайное большинство и в разрез с требованиями честной и строгой коалиции проводились партийные лозунги; мы видели, как постепенно Россия, под покровом власти Временного правительства организовалась для узкопартийных целей. И если мы особенно протестуем против деятельности министра земледелия Чернова, то именно потому, что в нем мы видим особенно яркое проявление этой партийной деятельности, прикрывающейся согласием и солидарностью со всем Временным правительством. Для меня несколько было

неожиданным заявление И. В. Годнева, что он не ответственен за деятельность военного министра. В старом порядке мы считали, по крайней мере требовали, чтобы все министры были ответственны за деятельность друг друга. Я думаю, что и министры русской революции должны были бы соблюдать принцип этой солидарной ответственности. Прикрываться тем, что тот или другой министр проводит политику, которая другому министру не известна и не разделяется солидарной ответственностью Временного правительства, едва ли было бы правильно. Мы считаем, что если мы должны войти теперь в правительство, то должны войти туда при существенно изменившихся условиях нашей деятельности, т. е. при таких условиях, когда мы не должны бы были нести ответственности за проведение партийных программ социалистического меньшинства. Для достижения этой цели те несоциалистические министры, которые не проявили такой твердости в борьбе против социалистических партийных притязаний, должны быть удалены из этого правительства и заменены людьми более твердыми. *(Голоса:* «Правильно!»*)* Мы считаем далее, что лица, которые быть может и по «велению совести» вошли в это правительство, но все же не представляют никого, кроме самих себя, и отнюдь не выражают мнений и желаний «либеральной буржуазии», тоже должны уступить место лицам, представляющим кого-нибудь, какие-нибудь общественные группы, которые и указали бы на них правительству. Этих же господ можно поблагодарить за то, что они в трудный момент вошли в правительство, готовые понести не только «славу», но и срам своего участия. Но когда образуется более авторитетное правительство, они должны уступить место этому правительству. В министерство должна войти солидарная группа, связанная общим политическим пониманием и решимостью противопоставить свою волю воле социалистических министров. Мы требуем паритета между этими двумя группами, плюс представительство настоящей либеральной буржуазии, не через людей случайных, а через людей, ею посланных. На этом условии и при условии согласия на нашу программу мы конечно считаем себя обязанными взять на себя тяжесть власти в момент общей разрухи, которая конечно никому блестящих успехов в правительстве обещать не может. Далее мы ставили определенные задачи этому правительству и обращались с вопросом: согласно ли оно принять нашу программу? Мы говорили, что во-первых правительство должно отказаться от всякого предварения воли Учредительного собрания и в частности от решительных шагов в области ли определения будущего государственного строя России, в области ли решения национальных вопросов несоответственно этому возможному будущему строю России. Наконец в области социальных реформ мы требовали, чтобы правительство, которое до сих пор послушно исполняло указания социалистических групп, остановилось и чтобы оно не делало бы дальнейших шагов, могущих вызвать рознь классов и гражданскую войну. Удовлетворяет ли этому требованию существующее правительство? Очевидно нет. В резолюции, только что принятой во вчерашнем заседании Совета,[163] в заявлении министра Церетели, в его циркулярах местным комиссарам и представителям министерства внутренних дел,[164] которые вы можете сегодня читать, везде вы найдете проведение совершенно другой линии. Правительство стоит на своей последней декларации,

на декларации 8 июля, и от всякого входящего требует соглашения относительно совместной будущей деятельности.[165] Нет, оно требует безусловного подчинения «полностью и без урезок», как заявляет министр Церетели, той программе, которая выработана этим министерством в момент нашего отсутствия, и значит в момент еще большего усиления социалистических элементов. Если вы прочтете декларацию 8 июля, то вы увидите, что она составлена довольно осторожно и социалистические стремления в ней замаскированы, но тем не менее под прикровенными выражениями вы узнаете все ту же самую черновскую программу и те самые утопически-социалистические вожделения. Вот почему подписываться под этой программой мы считаем невозможным. Если мы входим в коалицию, то при условии, что мы вновь составляем программу. А когда нас приглашают войти как отдельных членов, обязанных подчиниться безусловно тому, что в наше отсутствие сделало правительство третьего состава, мы считаем это для себя неосуществимым.

Далее мы полагаем, что в вопросах внешней политики правительство не должно более проводить принципов Циммервальда. Я дважды говорил перед Временным комитетом об этих принципах и не считаю нужным повторять, что под ними подразумевается. В наших требованиях мы выражаемся очень элементарно и сдержанно: мы требуем только, «чтобы в вопросах войны и мира соблюден был принцип полного единения с союзниками». Это прямо отрицается декларацией второго коалиционного правительства, которую мы хотим навязать нашим союзникам, точку зрения так называемой «русской революционной демократии», а эта точка зрения есть точка зрения Циммервальда. С этой точки зрения войны ведутся капиталистами всех стран и буржуазными правительствами, и никто в войне не ответственен. Другими словами, мнимая «русская демократия» устраняет вопрос об ответственности наших противников и требует отказа от тех целей войны, которые поставили себе мы и наши союзники. К сожалению и это наше желание едва ли может быть осуществлено. Циммервальдская политика уже началась и ведется. Когда-то и Церетели и Керенский называли себя циммервальдцами, — надеюсь, что теперь они таковыми себя не называют. Но есть в составе правительства определенный пораженец и циммервальдец, участник Циммервальдской конференции, опять-таки тот же самый Чернов.

Далее мы требуем, чтобы были приняты меры к воссозданию мощи армии путем восстановления строгой военной дисциплины и решительного устранения вмешательства войсковых комитетов в вопросы военной тактики и стратегии. Мы конечно преклоняемся перед тем подвигом, какой совершил военный министр А. Ф. Керенский, мы очень высоко ценим тот его личный порыв, который дал известный толчок первым дням наступления. Но, увы, последующие дни наступления показали, что ни ораторским талантом, ни лирическим красноречием, ни даже твердостью личной воли все-таки переломить настроение армии нельзя. Ведь болезнь входила туда пудами, теперь она выходит золотниками, и кто же вводил туда болезнь? Корниловская телеграмма говорит нам, что командный состав не находил достаточного покровительства власти от вторжения туда заразы, вносимой в армию. И. В. Годнев счел нужным оговориться, что это не так, и что он сам был сви-

детелем, что противодействие заразе оказывалось, — он, правда, прибавил: на бумаге. Я должен сказать, что противодействие и на бумаге оказывалось неполное. Иначе были бы гораздо раньше применены меры, к которым правительство наконец решилось прибегнуть только после большевистской революции. «Окопная правда» и «Правда» были запрещены только после этих дней, а раньше эта отрава доставлялась свободно. Мы видели, что все люди, апробованные Советом рабочих депутатов в качестве комиссаров или агитаторов, свободно допускались в армию. А апробовывались они такими людьми, как например Каменев. Вы сами знаете трагическую историю, рассказанную в одном из наших заседаний адмиралом Колчаком. Адмирал рассказал нам, как хорошо шло дело в Черноморском флоте до тех пор, пока не появился там пяток этих самых большевиков. Попытка остановить их в Симферополе, не допуская в Севастополь, оказалась невозможна, ибо они предъявили правильные свидетельства, современные паспорта — разрешение от Совета рабочих депутатов. Большевики проникли в Севастополь, и достаточно было этого пятка, чтобы в неделю все настроение Черноморского флота глубоко изменилось. Затем совершились те прискорбные явления, последствием которых было удаление этого лучшего из современных моряков и появление «Бреслау» в Черном море. [166] Таким образом мы в праве сказать, что правительство действительно не принимало всех мер для защиты армии от заразы и Корнилов глубоко прав. Но вопрос не в этом, будут ли хотя бы теперь приниматься достаточные меры. Конечно, потрясенные теми крупнейшими событиями наших дней, нашими неудачами на фронте и бунтом большевиков в Петрограде, члены правительства поняли, что нужно круто повернуть курс. Смертная казнь была восстановлена, но восстановлена при таком составе суда, при паритете офицеров и солдат, который лишит эту меру значительной доли практического значения. Может быть будут приняты и другие меры. Но все же приходится присоединиться к тому оратору, который сейчас говорил, что как ни велики заслуги Керенского и как ни значительно все сделанное им, все же пребывание штатского во главе двух военных ведомств не может оздоровить армию и флот, не может привести к принятию мер, которые технически необходимы, чтобы хотя в последний час пересоздать армию. Мы считаем совершенно необходимым, чтобы министр-председатель или уступил место или во всяком случае взял бы себе помощниками авторитетных военных деятелей (*голоса:* «Верно!») и чтобы эти авторитетные военные деятели действовали с подобающей самостоятельностью и независимостью. Мы считаем, что без этих радикальных средств можно говорить об оздоровлении армии, можно сколько угодно произносить горячих речей, но оздоровление армии от этого немного подвинется.

Затем мы считаем необходимым, чтобы было восстановлено внутреннее управление в стране, совершенно разрушенное. Мы требуем, чтобы было уничтожено многовластие явочных и самочинных комитетов, исполняющих свою полную волю. Мы хотим, чтобы и там велась та же борьба с демагогическими, антигосударственными и контрреволюционными элементами, чтобы с одновременным созданием сети правильной местной администрации, ныне отсутствующей, были спешно введены правильные выборные органы местного самоуправления. Это желание,

столь естественное, приемлется ли оно властью или нет? Я должен сказать, что я только что сегодня читал циркуляр Церетели, который будто бы идет навстречу этим желаниям. Если вчитаться подробнее и сопоставить с циркуляром сегодняшнюю передовую «Известий Совета рабочих и солдатских депутатов», то вы увидите, что речь идет не о пересоздании власти на местах, а о чистке персонала власти. В своем паническом страхе перед контрреволюцией советские элементы вспомнили о том, что они не всех чиновников сменили, что надо заместить старый персонал верными партийными людьми и притом как можно скорее; эту цель преследует сегодняшний циркуляр Церетели. Другими словами, в тот самый момент, когда мы потребовали реорганизации местного самоуправления для всенародной поддержки власти, делается последний шаг к захвату этого самоуправления партийными группами. (*Голоса:* «Совершенно верно».)

Далее мы требуем восстановления правильной деятельности государственного суда, требуем того, чтобы деятельность судебной власти была свободна от вмешательства партийных и других несудебных элементов. Чем отвечает власть на эти требования? Я не буду говорить о странном составе следственной комиссии о ленинских преступлениях, в которой несколько специалистов, получивших юридическое образование, тонут в море несведущих людей, в состав которых могут попасть и партийные товарищи Ленина. Я напоминаю только о последнем шаге правительства, которым мы обязаны к сожалению Ивану Николаевичу Ефремову. Мы долго боролись против распоряжения, давно заготовленного правительством, о внесудебных арестах. Сегодня это распоряжение за подписью Ивана Николаевича Ефремова сделалось совершившимся фактом. (*Голоса:* «Как так?») Сегодня, насколько мне известно; мы считаем, что это тоже вторжение в свободу и независимость суда, которых мы требуем. (*Голоса:* «Конечно!») Правительство спешит воспользоваться немногими днями нашего отсутствия и наличностью у власти вот тех представителей «либеральной буржуазии», которые готовы нести и «честь» и «срам» своего участия, воспользоваться, для того чтобы издать целый ряд актов, которые мы задерживали, на которые мы не давали своего согласия.

Мы требуем наконец, чтобы выборы в Учредительное собрание были проведены с соблюдением всех гарантий, необходимых для выражения подлинной народной воли. Согласно ли правительство с этим нашим желанием? Я должен сказать, что здесь мы разошлись с правительством еще тогда, когда товарищи наши были у власти. Испуганные требованием большевиков, в одном из припадков паники — только не перед контрреволюцией, а перед большевиками — министры-социалисты потребовали от наших товарищей немедленного определения дня выборов в Учредительное собрание. Они настаивали, чтобы постановление состоялось сейчас же, вот сию минуту, потому что это было за несколько дней перед тем воскресеньем, когда должна была состояться грозная для них большевистская минифестация. Тщетно товарищи наши, специалисты в юридической комиссии, в том совещании, которое разрабатывает закон об Учредительном собрании, доказывали, что немыслимо назначить выборы и созыв Учредительного собрания в столь короткий срок, какой требуется агитаторами-большевиками, что

кратчайшим сроком может быть только два месяца спустя после того, как будут введены повсеместно органы местного самоуправления, потому что менее чем в два месяца нельзя составить списки, проверить их, опубликовать и т. д. Временное правительство в своем большинстве прошло мимо этих заявлений экспертов: я должен прибавить, прошло мимо при участии и содействии несоциалистических элементов, не принадлежащих к нашей партии. Назначен был срок 17 сентября. С тех пор прошло несколько недель, и с каждым днем становится очевиднее и яснее для каждого, что выборы в Учредительное собрание не могут состояться 17 сентября. Все равно, кто бы ни был в правительстве, мы, радикально-демократическая группа или министры-социалисты, все равно они должны будут отложить эти выборы, если они не хотят превращать эти выборы в комедию. *(Голоса:* «Да они и хотят».*)* Или еще хуже: не в комедию, а в фальсификацию *(голос:* «Подлог»*)* или подлог. А я вижу в нынешнем распоряжении министра Церетели указания, очень настойчивые указания, что надо в срок, т. е. в назначенный срок, производить выборы, а резолюция, принятая вчера в заседании центральных органов революционной демократии, особенно настаивает, как на условии нашего вступления, чтобы мы признали, что нельзя отсрочивать созыв Учредительного собрания. Другими словами, в тот момент, когда министры внутренних дел собираются изменить состав чиновничества и приглашает местные самочинные органы связываться с министерством внутренних дел, в этот самый момент они настаивают на сохранении первоначального срока выборов. Не представляется ли вам совершенно ясною картина выборов? Не представляется ли вам ясным, что составление списков избирателей попадет в руки этих самых органов, отныне санкционированных министерством внутренних дел, и что крестьянство послушно выберет по тем спискам, которые ему пришлют и выбора по которым потребуют местные советы? Правда, на этот случай существует уже составившееся убеждение, что ведь крестьяне все равно все эсеры, это заявление очень часто повторяется в последнее время: крестьянство целиком записывается в состав этой партии. Но во-первых мы можем серьезно усомниться в том, мы считаем, что политические партии вообще дошли до низов России. Крестьянство не сделало еще своего выбора. И если оно выбирает партию эсеров, то только потому, что эти люди громче кричат, первые приходят к крестьянству и много обещают. Пока крестьянство не успело разобраться в партиях, оно пожалуй им и поверит. Я должен впрочем сказать, что иногда применяются для убеждения крестьянства и более серьезные меры теми самыми местными органами, о которых я говорил. Я приведу пример: в Могилевской губернии главное влияние имеет не Совет рабочих и солдатских депутатов, а Совет крестьянских депутатов. Я сделаю оговорку, что вообще советы крестьянских депутатов не представляют пока собою подлинного крестьянства. Мы знаем, как составлялись съезды крестьянских депутатов уездными кооператорами вместе с несколькими приглашенными из волостей знакомыми крестьянами. Были попытки создать и действительное крестьянское представительство при помощи Крестьянского союза, уцелевшего от 1905 г., но эта попытка вызвала немедленное противодействие со стороны Центрального совета крестьянских депутатов: было даже издано по-

становление, что никакие другие организации не должны иметь места. Таким образом были употреблены самые решительные меры для того, чтобы подавить в зародыше ту организацию, которая действительно хотела представлять подлинное крестьянство. Эти люди не хотят конкуренции. В Могилеве в Совете крестьянских депутатов главенствует некто Гольман. Гольман — дезертир, человек, которого ищут местные власти, но который у местного временного начальства находит очень сильное покровительство, ибо Гольман влиятельный человек. *(Степанов:* «Он арестован».*)* Я очень рад. Значит, я описываю прошлое, но тем не менее весьма характерное. Гольман распорядился выдавать своего рода паспорта, чтобы не пускать в деревню, кроме тех партий, которые участвуют в советах. В особенности приказано было не пропускать агитаторов партии «контрреволюционных» и в частности «партию народной свободы». Таким образом подготовка к выборам, как видите, уже происходит, гражданские свободы исчезли раньше, чем явилась военная диктатура. На местах эти свободы не существуют. И вы понимаете наше требование, чтобы при выборах в Учредительное собрание были сохранены все гарантии или свободы предвыборной агитации. Все мы, кто возлагает надежды, что Учредительное собрание создаст наконец в России правильную власть и правильный порядок, понимаем, как многое поставлено тут на ставку и как многое зависит от того, будут ли в самом деле эти выборы фальсифицированы эсерами и другими организациями, тем блоком, который сейчас побеждает на городских выборах, или же крестьянству дадут возможность осмотреться и разобраться в требованиях партий и свободно понести свой бюллетень к избирательным ящикам?

Таким образом это требование не случайно фигурирует в числе наших желаний.

Изложив все, что нам кажется единственно правильным путем к спасению России, к выходу России из того тупика, в котором она находится, я спрошу товарищей: считаете ли вы правильным, чтобы партия народной свободы, при всех условиях, даже и в том случае, если бы правительство осталось при старой программе 8 июля и 6 мая, чтобы она осудила своих членов на роль ширм, которую мы не хотели играть до сих пор, — чтобы партия народной свободы все-таки вступила в правительство? *(Голоса:* «Нет нет!»*)* Мы полагаем, что нет. Мы полагаем, что наш долг был выйти из этого правительства, для того чтобы показать всей России, с кем она имеет дело, чтобы не прикрывать деяний, которые ведут к гибели России, нашим именем и авторитетом нашей партии. Мы считали, что мы обязаны показать стране действительность, тяжелую, неприглядную, мрачную действительность, но которая может быть изменена именно после того, как все ее увидели, как все с ней ознакомились. Мы считали, что в такие дни, как переживаемые нами, скрывать ничего нельзя. И мы считали, что мы просто обманули бы страну и вызвали бы иллюзию, что будто бы в правительстве опять все благополучно, если бы мы приняли предложение, нам адресованное, на всяких условиях, а не на тех условиях, которые мы ставим, и — я рад заявить это — ставит вместе с нами Временный комитет Государственной думы. *(Рукоплескания.)*

М а с л е н н и к о в. Господа, я единственный, кажется, член прогрессивной группы в Думе, который не вошел в радикально-демокра-

тическую партию, и я в данный момент должен сказать: мне очень прискорбно и грустно, что мои товарищи по фракции приняли на себя тяжелое бремя, минуя совершенно Думу, один из них, даже будучи членом Временного комитета Думы. И я думаю, благодаря тому, что они опирались лишь на свою партию, а не на Думу, они очутились в том положении, что они не могли отстоять вопроса о проведении такой, как совершенно правильно указал Ф. И. Родичев, меры, которая совершенно уничтожает всякий кредит в стране — это запрещение земельных сделок. Затем, я думаю, что, чувствуя, что они не опираются на Думу, на широкие слои, а только лишь на свою партию, они бессильны были в том, чтобы искоренить все то зло развращения нашей армии, нашей рабочей и крестьянской массы, которое проделано было господами большевиками. Я, понимаете ли, человек, следивший за всеми трагическими событиями 3 — 5 июля в Петрограде, к удивлению своему прочел следующее: ведь, в сущности говоря, все петроградцы, а я думаю и вся Россия, своим избавлением от нашествия господ большевиков и ленинцев обязана мужеству, энергии и находчивости генерала Половцева, который в этот трагический момент не растерялся; не испугали его массы, пришедшие из Кронштадта, дезорганизованных солдат и присоединившиеся толпы здесь с винтовками и пулеметами, не испугало его то, что многие гвардейские части заявили о нейтралитете, и он с горстью удальцов подавил этот мятеж, причем, господа, не думайте, что в ком-нибудь и чем-нибудь он в это время, кроме своего личного мужества и любви к России, находил поддержку. Все три дня перепуганные на смерть социалисты-министры сидели в его служебном кабинете. И вот, когда это дело кончилось, то в благодарность за все генерала Половцева увольняют без объяснения причин. Я полагаю, господа, что все петроградцы и все русские люди, чувствующие благодарность к мужеству и энергии этого человека, в праве сказать: да за что же увольняют этого человека? как в праве они сказать: почему в таком тяжелом деле цвет нашего военного генералитета был уволен, были уволены Алексеев, Гурко, Драгомиров, Колчак, Юденич? Что это за швырянье русскими выдающимися людьми? И, господа, когда вы будете искать причины увольнения, вы опять-таки возвратитесь к старому знакомцу, г. Нахамкесу. Он был дважды по ошибке арестован. Первый раз выпускать его приехал сам Керенский, во второй раз выпускать его приехал сам Чхеидзе. [167] Вот и вина Половцева, да, кажется, во время этой борьбы солдаты-инвалиды немножко потрепали редактотора «Правды», но он сейчас жив и невредим. [168] Вот три вины, за которые швыряют, выкидывают человека, который разнузданный, хулиганствующий петроградский гарнизон привел в мало-мальский порядок и мог бы действительно создать из него боевую величину. Затем, господа, вы читали последнее заседание, вчерашнее, Совета рабочих и солдатских депутатов. Опять Бронштейн, именующий себя Троцким, явился, опять он говорит о том, что не смейте трогать большевиков, опять к нему все участники обращаются и называют товарищем, и г. Бронштейн заявляет, что все, кто обвиняют Ленина и Зиновьева, — Зиновьева, кажется, нет на свете, а есть какой-то Розенфельд, их всех перепутаешь, этих господ, заведывающих Россией, — все они подлецы, которые обвиняют. Бронштейна не вытолкали в шею, а даже с ним

по-товарищески объяснились. Я полагаю, что мои софракционеры терпят все это безобразие и не протестуют против этого только в силу того, что они за собой не чувствовали громадной поддержки в широких народных массах потому, что, опираясь только на одну партию, нельзя смело и свободно говорить. И да простит меня представитель партии народной свободы в том, что я скажу. Он в сущности говоря, предполагает совершить ту же самую ошибку, что и мои софракционеры. Я подписываюсь двумя руками под теми требованиями, которые предъявляет партия народной свободы к ныне держащим законодательную и государственную власть гг. Керенскому, Церетели и Некрасову, — кто там стоит и торгуется с ними. Но я полагаю, что и члены партии народной свободы, войдя даже после этого торга в это министерство, будут так же бессильны, так же не в состоянии создать твердую и крепкую власть и навести порядок, как в таком положении было правительство раньше, когда в него входили Львов, Шингарев и сам Павел Николаевич *, который пал жертвою бессилия этого правительства. Я полагаю, господа, что мы дожили до того времени, что делаться правителем России никакая политическая партия не имеет права, потому что у нас в России ни одна политическая партия вовсе не пользуется безграничным доверием всех широких масс. Прошедшие выборы что нам доказали? Во-первых в выборах этих в городские думы принимали участие не свыше 50% населения, а остальные 50% в этих представленных списках не нашли очевидно своих кандидатов, тех людей, которым бы они доверяли, и остались благоразумно сидеть дома. Партия народной свободы на всех этих выборах получила тоже, я не скажу, подавляющее число голосов; как в Петербурге, Москве, так и других городах проходит горсть людей. Правда, партия народной свободы пользуется популярностью в либеральных буржуазных массах, но популярность популярностью, а однако сказать, что партия народной свободы есть либеральная русская буржуазия, конечно невозможно. Каким же образом эта партия ведет торг и желает сама опять назначить новых членов правительства взамен радикальной партии? Ведь она желает сделать ту же самую ошибку. Ведь это правительство опять будет правительством бессилия, опять будет правительством жалких слов и невозможности действовать. Я полагаю, то первое правительство сгубило себя, знаете чем? Тем, что оно послушалось многих людей и сказало: Дума больше не существует, вся полнота власти принадлежит мне, мы, десять человек, самодержцы всея России.

Ну, а Россия, знаете, скативши с плеч самодержца Николая II, вовсе не пожелала посадить другого, хотя бы и десятиголового самодержца. Вот почему пошла вся эта анархия. Правительство в то время игнорировало Думу. Я помню. на одном партийном съезде кадетской партии кто-то заявил о том, — а что же Дума? Тогда член Думы Некрасов, ныне, правда, ушедший из партии, очень красиво сказал: «Дума умерла, ее больше нет».

Он, в сущности говоря, проделал все то, чего так добивались большевики с Лениным, Троцким и со всеми другими, и затем действительно началась законодательная деятельность. Законодательная деятельность

---

* Милюков.

уничтожила смертную казнь вообще всюду, затем даже букву «ѣ» и несчастный «ъ» уничтожили: все это проделано, законы пекли, как блины, дорвались, просто жадность какая-то была к законодательству серьезному и пустяковинному, и в это время совершенно игнорировали Государственную думу и Временный комитет. Насколько я справлялся у председателя, за указаниями — что же, законодательствуете, так немножечко полегче — ни разу, кажется, ни к Временному комитету, ни к председателю не обращались. И вот теперь нам говорят — ваши условия очень хорошие, я под ними обеими руками подписываюсь, но ведь играет роль и личность министра. Мало ли кому какие условия напишут — очень важно кто выбран, то или другое лицо. И вот партия народной свободы, по моему мнению, повторяет ту же ошибку, которую проделали мои почтенные коллеги, она желает в недрах у себя, в партии, разрешить все эти вопросы и посадить самодержцами несколько голов, самодержцами России. Я думаю, эти пути оба совершенно неправильны. Право назначать правительство в России принадлежит Государственной думе и может быть ею делегировано еще Временному ее комитету и больше никому и никакой политической партии. И та политическая партия, которая решается на свой страх сама из своих недр выделить этих министров, она, по-моему, совершает ту же самую ошибку, которую сделала радикально-демократическая партия. Я, господа, не дружески настроен к нашим социалистическим партиям, я не других, но я всегда отдаю должную справедливость: ведь и там министров-то не назначают так, что собрался комитет, переговорили «валяй такого-то и такого-то» — все-таки такой ли, сякой ли, но у них был парламент, правда, действующий во вред России: это — Совет солдатских и рабочих депутатов, и они являлись к нему, который представлял из себя собрание не одной какой-нибудь партии, а целого ряда социалистических партий, воюющих и враждующих даже между собой, и там они искали санкции и поддержки, там министры-социалисты находили, что нельзя делаться министрами в России сейчас только из кабинета своей партии, а что непременно ему нужно опираться на более или менее широкие круги. И вот в данном случае я скажу, что все эти социалисты поступили гораздо правильнее, чем мои почтенные коллеги в этой радикально-демократической партии, и эту же ошибку ныне собирается сделать к сожалению и партия народной свободы. Я благославляю партию народной свободы вести переговоры, которые она вела: все они очень разумны, правильны, справедливы, я подписываюсь под ними обеими руками, но, по моему мнению, партии народной свободы нужно удержаться от того, чтобы этим путем назначать своих министров, хотя бы и московских, для разнообразия после петербургских. И московские так же ничего не сделают, как ничего не сделали петербургские. Правительство должно быть назначено Государственной думой. Мне скажут: почему же Государственной думой? Да потому, что эта Государственная дума получила доверие действительно со стороны широких масс народных в России, потому, что к этой Государственной думе прибежали в первый день революции искать ее поддержки. А потом прочитайте эти тысячи телеграмм, пожертвований, которые были присланы в Государственную думу. Государственная дума совершила этот переворот, — я прямо говорю, что совершила его Государственная дума, а вовсе не

пролетариат и не рабочие; г. Нахамкес сидел в institut de beauté, когда совершался переворот, он явился тогда, когда все уже выяснилось; Ленин, Троцкий, Блюменталь, Розенфельд, Розенблюм и другие явились тогда, когда дело стало ясным, когда никакой опасности не было, — бери, тащи, кто и как хочет. Свой подвиг по перевороту Государственная дума поставила на суд всей России. Тысячи телеграмм со всей России показали, что русский народ одобрил тот подвиг, который совершила Государственная дума. Можно ли говорить о том, что Государственная дума лишилась законодательной власти или хотя бы права назначения министров? Я думаю, что нет. Кроме широких слоев русского населения за это право Государственной думы вотировал также законный претендент на русский престол Михаил Александрович, который после отречения Николая II, когда право вступить на престол принадлежало ему, от своих прав отказался до Учредительного собрания, передав свои права Временному комитету. Таким образом, господа, и с теоретической и с фактической стороны мы подходим к одному и тому же. А затем скажу дальше: ведь все-таки в выборах в Государственную думу принимали участие, хотя и по закону 3 июня, широкие слои населения, если хотите сказать, что не все население России. Как ни слаб, как ни несовершенен закон 3 июня, Россия конечно все-таки находит большее отражение себя в нем, чем в любой партии, претендующей на главенство и руководство русской жизнью. *(Голоса:* «Верно!») Вот почему, господа, я благословляю партию народной свободы вести все эти переговоры, ставить эти условия, так как они очень умны и действительно полезны для страны. *(Голоса:* «Правильно!») Я полагал бы, что нам следовало бы просить партию народной свободы воздержаться от назначения министров, ибо вперед скажу вам, что далеко не все либерально-буржуазные классы будут считать этих министров своими ставленниками. Я, господа, повторяю то же предложение, с которого я начал. Необходимо собрать Государственную думу в пленуме, вызвать всех; довольно Государственной думе сидеть на задворках, где-то в подполье. Ее долг и тяжелое положение государства заставляют ее выйти на поверхность без страха и без всякого смущения. В эту Государственную думу должно явиться нынешнее Временное правительство. Государственная дума обсудит с ними тяжелое положение, выработает выходы и сделает замену тех лиц в этом Временном правительстве, которых она признает в данном случае вредными оставаться на местах. *(Рукоплескания.)*

[Слово вновь получает Барышников, который вносит фактические поправки к словам Милюкова, заявляя во-первых, что радикальная демократическая партия не является представительницей либеральной буржуазии, как это сказал Милюков, так как она считает себя представительницей мелкой буржуазии, непосредственно соприкасающейся с пролетариатом, и во-вторых, что Милюков не совсем правильно указал на то, что закон о неприкосновенности личности предоставляет свободу ареста без судебного постановления.

Далее председатель оглашает текст закона, как он был напечатан в газетах, добавляет, что «Милюков правильно сослался на это».]

Председатель. Член Государственной думы Балашев.

Балашев. Я займу ваше внимание на очень короткий срок. Прения очень широко развились и вышли далеко за рамки той декларации, о которой мы начали говорить. Господа, предлагается целый ряд

мер и способов для спасения государства, и между прочим, да простят мне некоторые ораторы, некоторые из этих мер радикально друг другу противоположны. Позволю себе например конденсировать высоко талантливую речь Ф. И. Родичева. Она сводится к одному определенному понятию: критиковать, но не действовать. С другой стороны в речи члена Государственной думы Барышникова, насколько я ее уловил, говорится: действовать в смысле поддержки правительства, но не критиковать. Вот, господа, исходя из этого положения, я позволю себе задать один вопрос: раньше чем критиковать, раньше чем поддерживать, надо знать точно, что поддерживаешь и что критикуешь. И мне кажется, что сегодня, после тех очень тяжелых испытаний, которые выпали на долю родины в течение июля месяца, лицо правительства для нас не совершенно ясно. Есть целый ряд основных вопросов, которые должны быть выяснены без всякого флера и без всяких обиняков. Это рысканье правительства, стремление во что бы то ни стало включить в его состав представителей буржуазных элементов для меня служит основным доказательством того, что правительство ищет исхода из того положения, в которое оно попало, и этого исхода пока найти не может. И вот я позволю себе остановиться на тех основных четырех вопросах, без выяснения которых мы совершенно не в состоянии ни критиковать, ни поддерживать. Очевидно первый вопрос — это вопрос Интернационала. Недавно, судя по газетным сведениям, министр-председатель Керенский в Исполнительном комитете Совета рабочих и солдатских депутатов заявил, что нет такой жертвы, которую нельзя было бы принести для спасения революции. Вот этот вопрос заставляет задуматься, ибо мы все-таки знаем, что существует такое течение, которое говорит, что разгром военный, катастрофа одного какого-нибудь государства для торжества Интернационала допустима как меньшее зло. Мне кажется, этот вопрос надо выяснить совершенно ясно. Если допустить, что интерес родины и интерес революции ведут друг друга к непримиримому противоречию, чему должно быть отдано предпочтение, и тогда вопрос, мне кажется, является основным вопросом, который требует совершенно определенного выяснения. Переходя к вопросу второму, вопросу армии, я позволю себе остановиться на том же приказе № 1, на котором останавливался до меня целый ряд ораторов, и позвольте мне не согласиться с уважаемым Федором Измайловичем, который говорит, что этот приказ был издан по неразумению, но вместе с тем позвольте не согласиться и с В. М. Пуришкевичем, который говорит, что приказ этот был издан по злой воле, — по-моему тут есть нечто совершенно среднее. Для меня рисуется дело так: вожакам революции было ясно, что армия в таком виде, в каком она осталась, является для них постоянной контрреволюционной угрозой, и поэтому армию нужно было демократизировать, но чтобы армию демократизировать, сначала нужно было ее развалить. Другими словами, здесь опять стала та же дилемма: с одной стороны — риск революцией, с другой стороны — риск родиной. Мне кажется, в данном случае это явилось основным побуждением возникновения или публикации приказа № 1. Вот вопрос этот, вопрос армии как таковой, вопрос о необходимости — для того чтобы армия действовала правильно — единоличной власти военачальников, этот вопрос, мне кажется, тоже должен

быть выяснен и мы должны хоть схему знать того, что предполагается в этом смысле сделать, ибо ясно, что то, что сделано, теперь благих результатов не дает. Третий вопрос, представляющий по-моему колоссальную важность, это следующий: можно ли людям, не пользующимся решительно никаким авторитетом в смысле избрания, доверить самые серьезные, самые ответственные отрасли государственного управления? Мы же знаем, господа, что железные дороги управляются не избранными комитетами, а людьми, по найму вступившими в число служащих и как таковые являющимися хозяевами положения. То же самое для нас неясно в крупнейшем вопросе продовольствия, — кто собственно является руководителем этого дела и на ком лежат как права, так и ответственность за неудачное его разрешение? Наконец четвертый вопрос. Несколько раз мы слышали, что правительство, правительство социалистов, заявляло, что оно приходит к власти с тем, чтобы углубить социальную рознь, социальную борьбу. Вот так ли оно думает и сегодня, вот те же ли цели им преследуются и теперь, когда кажется совершенно ясно, что только одним общим сплошным единодушием и подъемом всей нации положение может быть спасено. Понимают ли они, что, углубляя этот ров, они не ров копают, а роют могилу государству. Ежели, господа, мы не будем точно знать, что собственно правительство думает об этих основных вопросах, то мне кажется, что ни критиковать, ни поддерживать его нельзя, а вместе с тем время не терпит. Сегодня еще ничего, хотя может быть «ничего» слишком большое слово, но еще не потеряно дело, его еще выиграть можно. Господа, что бы не быть голословным, вспомните на одну минуту, что здесь было в конце февраля и начале марта, когда огромные массы, сотни тысяч вооруженных людей, лишенных всякой дисциплины, предоставленных самим себе, были в вполне беззащитном богатом городе, и этому городу ничего не сделано, он не разграблен. Это доказывает, насколько все-таки силен в русском человеке дух справедливости и правды. Я только коснусь вопроса лучезарных подвигов нашего офицерства — пред этим вопросом всякие слова бледнеют, мы можем только благоговейно преклонить голову. Но я укажу еще на большую организованную военную силу, на наше доблестное казачество, которое на своем съезде проводило вполне государственную точку зрения. Нет, господа, при этих силах государство еще далеко от гибели, спасти все можно, и эти пути должны быть найдены, но раньше всего ясно и определенно должно быть сказано, куда нас ведут и чего хотят. *(Рукоплескания.)*

Председатель. Член Государственной думы Милюков.

Милюков. Я с некоторым интересом услышал от г. Барышникова характеристику партии народной свободы как партии «крупной буржуазии»; оказывается, что мелкая буржуазия обслуживается другой партией. До сих пор я этого не знал. Даже на последних выборах, хотя мы их не вполне удачно провели, мы все-таки получили 150 тысяч голосов. Радикально-демократическая же партия получила около 2 тысяч голосов. Я впрочем не уверен, может быть это была республиканско-демократическая партия, тогда радикально-демократическая ни одного голоса не имела. Правда, на митингах говорят, что партия народной свободы есть партия крупных капиталистов. Но я на это обыкновенно отвечаю изложением истории, кратким напоминанием, что например

города нас всегда выбирали по второй курии, — а вот член Думы Барышников прошел по первой курии. *(Смех.)* Как бы то ни было, я, со всей подобающей скромностью, принимаю замечание члена Думы Масленникова и думаю, что мы повторим ту же ошибку, как и партия «мелкой буржуазии», если мы позволим себе келейным образом решать вопрос. Поэтому я и внес его на обсуждение настоящего совещания. *(Голоса: «Правильно!»)* Я участвовал ближайшим образом в составлении того документа, в котором мы протестовали от имени Временного комитета против келейного способа назначения министров, не справляясь с мнением Государственной думы, мы подчеркивали, что было бы совершенно неправильно, если бы правительство игнорировало существование одного из тех источников власти, которые создали первые два министерства. Но все же, я должен сказать, в вопросе о роли Государственной думы член Думы Масленников затронул спорный вопрос. Я не хотел обсуждать его сегодня, не хочу и теперь касаться его во всей полноте. Но так как член Думы Масленников внес практическое предложение, которое было поддержано другим оратором, то я считаю нужным вернуться к этому вопросу хотя бы в общих чертах. Нельзя игнорировать тот факт, что Государственная дума, если бы она собралась и начала функционировать в своем прежнем виде, в своих прежних пределах, начала бы законодательствовать, очутилась бы в чрезвычайно трудных отношениях с Временным правительством, которое несомненно и законодательствует и даже практикует права учредительной власти. Нельзя оспаривать того, что Временное правительство не вмещается в рамки старых основных законов, как не вмещается и вся революция. Несомненно, что уничтожение царской власти сделало большую брешь в основных законах и соответственно этому сдвинуло некоторые части, остальные части государственного механизма. *(Масленников: «Но не Государственную думу».)* Следовательно довольно трудно ссылаться на основные законы. Несомненно Дума, функционирующая с полными своими полномочиями, вошла бы в конфликт с Временным правительством, власть которого не только исполнительная, но и законодательная и даже учредительная. Вы ошибаетесь, думая, что Михаил Александрович передал свою власть Временному комитету, он передал эту власть или «полноту» этой власти, как он говорил, Временному правительству. *(Голос: «Избранному Государственной думой и Временным комитетом».)* По почину — это в порядке историческом или психологическом, а не юридическом. Несомненно, что юридическое положение далеко не так ясно, как вы его себе представляете. Несомненно, что Государственная дума могла бы появиться как учреждение на сцену, сохраняя все подобающее ей значение и достоинство, но не в порядке конфликта с Временным правительством, а в каком-нибудь другом порядке. До тех пор, пока Временное правительство существует, сильно, общепризнано, имеет всенародную поддержку (*Масленников:* «Очень слабую»), до тех пор, я думаю, Государственная дума была права, сохраняя себя про запас, так сказать, на втором плане. Она просто сознательно не хотела усложнять положение, выходя на первый план. Ведь все-таки наша общая задача была поддержать Временное правительство, и мы постоянно настаивали, что Временное правительство должно быть единой властью, не признающей никаких других

властей. Мы сами таким образом мешать ему не хотели. Но я должен сказать, что я представляю себе возможным наступление обстоятельств, когда Государственная дума может сыграть роль и в лице ее Временного комитета и в лице может быть самой себя как учреждения. Это было бы в том случае, когда власть Временного правительства не только лишилась бы всенародного признания, которого она, по-моему, отчасти лишилась уже сейчас, но и потеряла бы всякий авторитет. *(Масленников:* «Да и потеряла».) Я должен сказать, что сейчас все-таки Временное правительство не потеряло всякого авторитета. Во-первых во главе Временного правительства стоит лицо, которому несомненно вся Россия обязана, роль которого я очертил. Однако лицо, один человек конечно не может сделать всего. Но Керенский сделал больше, чем от него можно было ожидать, и как-никак, не спася Россию от поражения, он все-таки спас ее от стыда и позора, от потери нашего достоинства. Несомненно такой человек, имеющий известное влияние еще и пользующийся известным авторитетом, дает некоторый отблеск авторитета и тому правительству, во главе которого он стоит. Я не скажу, что это положение прочное. Напротив, неполнота успеха Керенского вырисовывается с каждым днем, слабость его личных усилий становится очевидной, невозможность для него явиться настоящим военным министром — я об этом уже говорил — невозможность эта совершенно ясна. Реорганизация армии не может быть произведена без авторитета военных людей, но во всяком случае я думаю, что сейчас правительство пользуется еще некоторыми остатками авторитета. Его признают главным образом благодаря присутствию во главе его Керенского. И я думаю, что нам еще сейчас не время признать, что правительство уже ровно никакой власти, никакого авторитета не имеет. Может наступит это печальное время, оно может наступить даже может быть и довольно скоро, не будем предсказывать. *(Масленников:* «Тогда будет поздно».) И тогда, я думаю, Государственная дума сыграет свою роль. Но я не хотел бы, чтобы она выдвигалась на сцену в порядке конфликта до тех пор, пока для этого не сложились надлежащие обстоятельства. Вот ответ на возбужденный вопрос. Я коснусь еще нескольких частных вопросов, которые здесь затронуты. Как смотрит правительство на свои отношении к родине и Интернационалу? Я конечно должен сказать: трудно читать в сердцах; то положение коммунистического манифеста 1847 г., что Интернационал выше родины, разделяется только самыми крайними циммервальдцами — Циммервальд тоже ведь имеет несколько оттенков; я должен сказать, что к крайним циммервальдцам я причисляю Чернова в прошлом, — я не знаю, я не копался в его душе в настоящем. Но я не распространяю этой характеристики на других членов правительства, которые, по-моему, называли себя циммервальдцами просто по недоразумению, не зная, что такое в действительности Циммервальд. Что касается приказа № 1, то я тоже возражал бы, как и многие товарищи, против чересчур уж излишнего взваливания ответственности за этот циркуляр на отдельное лицо. Я был непосредственным участником тех ночных переговоров, при которых группа представителей Исполнительного комитета старалась навязать нам идею приказа № 1 и включить его в число условий, на которые мы согласились бы. Я всегда буду гордиться тем, что в результате очень настойчивых усилий я добился

исключения этого пункта из этих условий. Но ранним утром следующего дня я встретился с готовым текстом приказа № 1, по счастью прошедшим помимо Государственной думы. Я тоже ставлю себе вопрос, откуда явилась идея этого приказа? Я согласен с предположением члена Государственной думы Балашева относительно политической цели приказа. Как раз в своей предыдущей речи, приводя историческую справку о программе людей Циммервальда, я цитировал заявление эмигрантов-большевиков, в котором прямо говорилось о необходимости «обезоружить буржуазию радикальной демократизацией армии». Это прямое заявление Аксельрода и Мартова в их проекте манифеста, предложенном для Кинтальской конференции еще в апреле 1916 г. Я не думаю, чтобы тут была цель обессилить родину. Так далеко они не шли. Может быть некоторые из них искренно верили, что, обессилив «буржуазные правительства» всех стран, они тем самым обессилят борющихся. Как бы то ни было, политическое обессиление «буржуазии» несомненно было сознательной целью, преследовавшейся истинными авторами приказа № 1.

Я думаю впрочем, что вообще не следует становиться на почву психологических исканий — что думает и к чему стремится правительство по этим четырем пунктам, на которые указал член Думы Балашев. Мы должны признать, что намерения отдельных членов правительства не подлежат нашему контролю. Мы должны лишь стремиться, чтобы нашему контролю подлежали его действия и чтобы в правительстве в момент, когда намерения превращаются в действия, была налицо достаточно сплоченная группа, чтобы сказать: нет, извините, остановитесь. Наш вопрос, с котором мы обратились к вам по поводу нашего вступления в правительство, к этому сводится. Простое признание программы, которое со стороны Керенского уже имеется, — хотя Церетели это категорически отрицает, — простое признание программы нас не устраивает. Мы считаем, что должны следить за осуществлением программы и потому войдем только компактной группой. Масленников требует, чтобы не мы делали подбор лиц, чтобы это было с согласия Государственной думы. Я укажу, какой подбор мы делаем. Керенский обратился лично к трем нашим товарищам — Кишкину и Астрову из Москвы и Набокову из Петрограда. В этом можно усмотреть известную цель. Очевидно имелось в виду обойти группу Петроградского центрального комитета, который оказывался особенно несговорчивым. В порядке личного обращения можно было убить сразу двух зайцев: иметь кадетов в правительстве и иметь не столь строгих кадетов. Конечно наши товарищи обратились в центральный комитет, и там мы решили, что как исходная точка индивидуальное обращение очень приемлемо. В самом деле, оно ведь подчеркивает ту независимость правительства, которой мы добиваемся, мы распространяем это требование ее на всех министров.

Пусть все министры будут солидарны и будут ответственны только перед Учредительным собранием, а не перед советами и комитетами. Взявши это за исходную точку, мы, с согласия Керенского, решили что остальных кадетов предложат наши товарищи. Мы имели в виду добавить несколько других товарищей, чтобы иметь сплоченную группу. И мы наметили Новгородцева из Москвы и Кокошкина из Петро-

града, считая, что это даст гарантию сплоченности группы и придаст определенное политическое значение нашему вступлению. Этот выбор не всем понравился и в печати один из членов правительства возражал против него анонимно. Но тем не менее мы все-таки поставили вопрос так, что с Новгородцевым ведутся переговоры, относительно Кокошкина был некоторый момент колебаний, но мы считали, что если мы войдем, то войдем в полном предположенном составе. Нас останавливает однако следующее обстоятельство. Трое из пяти наших кандидатов заявили, что им трудно работать вместе с министром Черновым. Вы понимаете все происхождение этого чувства, которое может быть многие из вас разделяют. Я все-таки должен признаться, что у меня есть некоторое колебание. Если бы правительство согласилось на нашу программу, если бы оно приняло нашу группу кандидатов, то быть может не нужно было бы спрашивать о том, о чем спрашивал член Думы Барышников — о психологии. Может быть надо было бы оказать некоторое моральное насилие и следовало сказать нашим товарищам: идите, несмотря на то чувство, которое поднимается в вашей душе, идите потому, что, как сказал член Думы Барышников, иногда приходится жертвовать собой. Вот в частности я и хотел бы выяснить, как вы на это смотрите. Если бы правительство согласилось на программу и согласилось бы на состав группы, следует ли нам все-таки сделать ультимативным требование об уходе Чернова? У меня у самого есть по этому вопросу некоторое колебание.

П р е д с е д а т е л ь. Член Государственной думы Родичев.

Р о д и ч е в. Я позволю себе только обратиться с маленьким вопросом к господину управляющему министерством призрения: правда ли распространившееся по городу известие, что дебют господина министра ознаменовался сдачей Смольного института под помещение Совета рабочих и солдатских депутатов, и если правда, то отстаивал ли господин министр институт?

П р е д с е д а т е л ь. Управляющий министерством государственного призрения желает дать разъяснение. Управляющий министерством государственного призрения Барышников.

Б а р ы ш н и к о в. Разрешите ответить. Действительно в первый день моего вступления в управление министерством Исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов было предъявлено требование Временному правительству в заседании, — причем я совершенно не был подготовлен к этому вопросу, это было сделано в первом заседании, — требование о том, чтобы часть Смольного института, в котором сейчас находится 70 воспитанниц, была временно освобождена для помещения Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов с другими учреждениями, которые при этом Исполнительном комитете состоят. Указывалось на то, что непередача этого помещения Исполнительному комитету Совета рабочих и солдатских депутатов задержит ремонт в Государственной думе и тем самым задержит созыв Учредительного собрания, причем было указано, что действительно все поиски помещений для Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов были до сих пор бесплодны. (*Голос:* «А германское посольство?») Единственное помещение, которое было для этого найдено, это Северная гостиница, но для того чтобы

переехать в Северную гостиницу, пришлось бы произвести ремонт в течение двух месяцев и следовательно задержать ремонт Государственной думы, а тем самым задержать созыв Учредительного собрания, в силу чего на управляющем министерством государственного призрения образовалась как бы ответственность за срок созыва Учредительного собрания. Вопрос был рассмотрен во Временном правительстве, причем действительно я должен заявить, что я принципиальных возражений против передачи части Смольного института временно Исполнительному комитету Совета рабочих и солдатских депутатов не встретил, но должен заявить, что это я обусловил немедленным освобождением другого института — Ксениинского, и нашел, что это единственный способ для того, чтобы снять с министерства государственного призрения, а вместе с тем и с Временного правительства ответственность за непринятие мер к своевременному созыву Учредительного собрания. Вот объяснения, которые я могу сделать.

Родичев. Требованию нельзя не подчиниться.

Масленников. Запакостят так же, как и Таврический дворец.

Председатель. Вы удовлетворены ответом, Федор Измайлович?

Родичев. Ясное дело — нельзя не подчиняться требованиям.

[Далее выступает Шидловский, который сообщает, что Совет рабочих депутатов, оставляя Таврический дворец, переводит свои учреждения в Смольный, а для заседаний Совета и Исполнительного комитета требует часть Зимнего дворца или Эрмитажный театр. В последнем ему Советом по делам искусств было отказано.]

Председатель. Список ораторов исчерпан; прения повидимому тоже исчерпаны. Заключая наше заседание сегодня, я должен сказать несколько слов по существу того документа, который служит предметом обсуждения. Против него прежде всего выдвинул серьезные возражения Ф. И. Родичев, считая, что он содержит в себе элементы таких указаний, которые могли бы вселить в страну панику — так, Федор Измайлович, я вас понял? Но, посмотревши еще раз и проверивши этот документ, а также вспоминая те прения, которые были у нас во Временном комитете, я решительно этих оснований к панике не нахожу, я строю свое убеждение на другом заявлении Ф. И. Родичева, которое говорит, что те уродливые явления, бывшие в армии, происходили от неосведомленности и малограмотности или малокультурности, что теперь, в настоящее тяжелое время, прежде всего надлежит сказать правду, — и если вы вчитаетесь в этот документ, то вы увидите, что тех элементов запугивания, тех элементов паники, которых опасался член Думы Родичев, в нем не содержится. Если мы позволили себе цитировать то, что считало возможным на всю страну объявить правительство, именно слова телеграммы генерала Корнилова, то ведь эти слова были исходной точкой наших рассуждений о том, что разумеется в ужаснейшей наблюдаемой нами разрухе армии кроется как причина прежде всего та внутренняя разруха тыла, которая отражается на настроении и психологии наших солдат. Таким образом, как я ни старался подойти к этому вопросу с точки зрения Ф. И. Родичева, я никак не мог этого сделать. Никакой паники этот документ, написанный спокойно и объективно, вселить населению не может, ибо нет ни одного явления из тех, которые здесь перечислены, которое не было бы не

только известно, но от которого не страдало бы все население как сельское, так и городское, и вообще все государство. В дальнейших рассуждениях я должен отметить, что все здесь указывавшееся этим документом уловлено и выражено в сжатой и конкретной форме, как например требование восстановления управления и суда, требование направления всей силы правительства власти на восстановление способности армии, а в силу этого — снабжение армии продовольствием и т. д., затем требование, чтобы до созыва Учредительного собрания невозможны были никакие законодательные акты, вносящие коренные изменения в жизнь страны, и т. д., и главным образом резко и несколько раз указанный вред той партийной политики, которой подвержена теперь наша власть и наше правительство, и который так красноречиво был здесь подтвержден членом Думы Милюковым. Поэтому позвольте, если вам угодно, еще раз прочитать этот документ. *(Голоса: «Не надо!»)* Позвольте тогда, в силу того что повидимому документ отвечает настроению всех членов Государственной думы, просто считать его совещанием одобренным. *(Голоса:* «Просим!»*)* Возражений нет? *(Голоса:* «Просим!») Что же касается спорного вопроса о созыве Государственной думы, который поднимал член Думы Масленников, то я думаю, что пока мы его резко и определенно сегодня и вообще в это время ставить не должны. Я принадлежу к тем из вас, господа, которые разделяют уже давно точку зрения члена Думы Масленникова, но должен вам сказать, что в настоящее время я склонен согласиться с членом Думы Милюковым в том отношении, что еще не настал в данную минуту тот психологический момент, когда Государственная дума должна быть созвана как таковая. Но я позволю себе только выразить одно пожелание и с этим пожеланием обращаюсь ко всем представителям отдельных партий и групп: я считаю, что наши частные совещания были бы много сильнее и значительнее, если бы на них здесь присутствовало не 50 и 60, а 360 членов. Вот с этой точки зрения, господа, я думаю, что члены Государственной думы должны воздействовать на своих партийных товарищей. Я сделал все, что мог, в этом отношении, но отклика не получил; как я уже вам несколько раз докладывал, я считаю, что более многолюдные собрания, более, так сказать, сильная по составу коллегия была бы в данном случае полезнее и привела бы ближе и скорее к той цели, на которую указывал член Думы Масленников. Позвольте, господа, заявить вам еще нижеследующее: среди нас теперь здесь присутствует наместник Кавказа, если можно так выразиться, глубокоуважаемый нами В. А. Харламов. То, что сделано нашими товарищами, членами Государственной думы, в Кавказском комитете, — да простит мне В. А. Харламов, — превзошло мои по крайней мере ожидания. Я никогда не думал, чтобы можно было так успешно и так удачно справиться с колоссальной трудности задачей, как справились наши товарищи, и так как В. А. Харламов недолго здесь останется, а между тем его рассказ, его доклад о всем том, что этот наш комитет успел сделать на Кавказе, внесет очень светлую и знаменательную страницу в историю нашей Государственной думы, то я надеялся, что мы сегодня успеем выслушать доклад В. А. Харламова, запишем его стенографически и обогатим наш архив этим ценным документом. В силу затянувшихся прений этого сделать было нельзя, поэтому я прошу

всех членов совещания пожаловать завтра в 3 часа, для того чтобы выслушать рассказ В. А. Харламова. Во всяком случае все, что мы знаем о том мире, который удалось устроить на Кавказе среди разноплеменных элементов, уже a priori заслуживает от лица Государственной думы глубокой благодарности деятельности В. А. Харламова. Член Государственной думы Масленников.

Масленников. Я, господа, настолько уважаю нашего председателя и настолько ценю его высокую самоотверженную деятельность в пережитые нами минуты, что всецело подчиняюсь его предложению. От себя я бы предложил собрать многочисленное частное совещание Государственной думы и собрать его посылкой на места телеграммы, чтобы члены Думы непременно приехали сюда. Затем я уполномочен членами Государственного совета по выборам передать просьбу нашему председателю, чтобы в случае, если будет собрано это частное совещание, не отказать им в возможности присутствовать на этом частном совещании.

Председатель. Позвольте пояснить. Я всецело примыкаю к тому, что предлагает член Государственной думы Масленников. Я пошлю телеграммы и письма, но неужели представители отдельных партий не могут притти в этом отношении на помощь председателю, которого члены Государственной думы не слушают. (*Масленников:* «Вас больше послушают!») Я прошу резервов. Затем, как вы знаете, в первые дни нашего совещания было постановлено, что к участию в наших заседаниях члены допускаются всех четырех созывов, и я не вижу основания к тому, чтобы воспретить выборным членам Государственного совета здесь присутствовать, таким образом разрешите принять это за правило. Член Государственной думы Милюков.

Милюков. Я присоединяюсь к тем чувствам, которые были выражены по адресу моего товарища. Все мы конечно с большим наслаждением выслушаем его рассказ, но для завтрашнего заседания, мне кажется, у нас есть другая тема, а именно — вопрос о Московском совещании. Может быть этот вопрос следовало бы нам обсудить совместно. Я знаю, что правительство после некоторых колебаний все-таки склоняется к тому, чтобы это заседание было 23-го. Будем ли мы на нем, я не знаю, но во всяком случае это надо бы сделать сообща.

Председатель. Объявляю заседание закрытым. Завтра прошу собраться к 3 часам дня.

(Заседание закрывается в 7 ч. 5 м. вечера.)

19 июля 1917 г.

(Заседание открывается в 3 ч. дня под председательством М. В. Родзянко.)

Председатель. Позвольте, господа, начать наши занятия. Член Государственной думы Бубликов желает сделать заявление.

Бубликов. Я вчера не имел возможности присутствовать на частном совещании и ознакомился с тем, что вчера было говорено, только лишь из газет. Одновременно ознакомился с характеристикой, приданной вчерашними выступлениями в частном совещании в официаль-

ном органе «Известия совета рабочих и солдатских депутатов», где нашли возможным солидаризировать эти выступления со стремлением к контрреволюции и присоединили также к этой контрреволюции крупную промышленность — буржуазию. [169] Полагаю, что в числе присутствующих здесь я один разве в праве претендовать на отражение взглядов крупной буржуазии, хотя я ею формально не уполномочен на это, но от себя лично я думаю, что она меня формально подкрепит; я считаю своей обязанностью заявить, что крупной буржуазии ни в каком случае с контрреволюцией не по пути, что она, как вся страна, жаждет скорейшего наступления эры порядка и права. Но полагаю, что этого достигать нужно не только не ценой предания революции, что к этому путь идет через обострение взаимных отношений неосторожными речами, совершенно удивительными речами и, я бы сказал, недопустимой характеристикой руководящих органов демократии, а идет через сдержку нервов и через спокойствие, через взаимную уступчивость и взаимное уважение. Вот те заявления, которые я считаю долгом сделать от себя лично, и категорически заявляю, что с подобного рода характеристикой выступления я абсолютно не солидарен.

Председатель. Член Государственной думы Суханов.

Суханов. Я вчера пришел к концу заседания, поэтому я не слыхал тех речей, которые здесь были произнесены. С этими речами я ознакомился только сегодня. Я считаю своим долгом заявить, чтобы было отмечено, что я не присутствовал при произнесении этих речей. Я глубоко сожалею, глубоко душевно огорчен, что несколько десятков членов Государственной думы, собравшись вчера на частном собрании, отошли от той высоко патриотической позиции, на которую они сумели стать 27 февраля.

Масленников.* ...Обвинение легко бросить, но для опровержения его требуется более или менее продолжительное время. Извиняюсь перед членами Думы и постараюсь быть кратким. Господа, на Думу клеветали: обвинять Думу в контрреволюционности — это значит сознательно клеветать, ибо Дума состоит из тех элементов, для которых порвать со старым монархизмом стоило громадных нравственных усилий, громадного напряжения, громадных, скажу, страданий, и люди, которые так порвали с прошлым и пошли на темное будущее, на создание победы России, эти люди в две минуты своих мнений перевернуть не могут и контрреволюционерами они быть не могут. Нас могут обвинять в контрреволюции, нас могут посадить в кутузку, убить, я не знаю что, но в настоящее время теми, кто единственно защищает революцию, т. е. я понимаю революцию не в том смысле, чтобы создать торжество Интернационала и сверхсоциализма, бог знает что, а создание свободного государства, — и вот теми, кто единственно являются защитниками в таком серьезном смысле революции, — защитниками ее являемся мы. Люди, вносящие дезорганизацию в армию, в рабочую массу, крестьянскую массу, эти люди — одни по увлечению, другие по непониманию, третьи по злому умыслу — создают контрреволюцию, создают анархию, а значит в будущем ту страшную деспотию и тиранство, перед мыслью

* В опущенной части своей речи Масленников высказывается по поводу предложения Совета рабочих и солдатских депутатов распустить Думу «т. к. это есть гнездо контрреволюции»).

о котором приходишь в ужас. Вчера, выступая здесь, я руководствовался не желанием уничтожить завоевание русской революции; я всю жизнь об этой революции мечтал, всю жизнь эту революцию ждал, — мое выступление вчера было с той целью, чтобы сохранить свободную великую Россию и не дать фантазерам, легкомысленным людям и германским шпионам растоптать полученную нами свободу. *(Рукоплескания.)*

Пуришкевич. Я прошу слова.

Председатель. Член Государственной думы Пуришкевич.

Пуришкевич. Я также, господа члены Государственной думы, как и член Государственной думы Масленников, самым категорическим образом протестую против тех инсинуаций, которые сегодня помещены в частности по моему адресу и по адресу тех лиц Государственной думы, которые говорили вчера о необходимости прекращения анархии в России. Тут среди нас нет ни одного человека, который стремился бы к контрреволюции, все мы, так или иначе принимавшие участие в том движении, которое вылилось в современную форму, все мы добивались одного: свержения бюрократического режима, гнета бюрократии над русским народом и торжества права, правды и свободы. Контрреволюционеров в нашей среде нет, их не было и, не подлежит сомнению, не будет. Но если, господа, каждое выступление наше на защиту тех идеалов, которые мы носим в груди и которые мы хотим предоставить будущей России, будут изображаться как попытки контрреволюции, то этим путем зажимается рот русскому общественному мнению в тот час, когда открыто и громко было провозглашено слово «свобода». Свобода не может быть однобокой, она должна быть всесторонней, она должна предоставлять возможность говорить людям различных взглядов, различных мнений, различных убеждений, ибо, как говорит пословица, из столкновения убеждений брызжет истина. Те, которые сейчас стоят у власти, не хотят этой свободы, не хотят критики своих действий, считая себя непогрешимыми. И вот я, как говоривший вчера, протестую против этого, протестую тем более, что, открыв сегодня официальный орган Совета солдатских и рабочих депутатов, я увидел там не только брань против всего того, что говорилось вчера, не только оскорбление того учреждения, к которому я имею высокую честь принадлежать — Государственной думы, — но, господа, нечто большее: призыв к репрессиям, а если вы помните, что сейчас при отсутствии буржуазных элементов в правительстве правительство все состоит из социал-демократов в тесной связи с Советом рабочих депутатов, Исполнительным комитетом и органом их «Известиями», то вы несомненно поймете, какая не только моральная, но и физическая сила кроется под этими угрозами. Мало того, в газетах сегодня промелькнуло известие, что отсюда поехали группы лиц по полкам узнавать настроение, так как вчерашнее заседание произвело соответствующее впечатление на Петроград и, нужно думать, произведет на всю Россию. И вот при выступлениях этого характера, которые стремятся к террорам и, опираясь на мнение гарнизонов, стремятся воздействовать на психику членов Государственной думы и не дать возможности им открыто и прямо высказывать свои взгляды и убеждения, — это в высшей степени позорно; это в высшей степени недопустимо и раньше было, а сейчас, в дни свободы, не имеет ни имени, ни названия. Нас не запугаешь ни арестами, ни чем-либо другим, гораздо более худшим. Тот, кто носит

в себе искреннюю любовь к своему отечеству, силу убеждений, которые не гуттаперча и не могут растягиваться по желанию, сообразно обстоятельствам, тот готов пойти на все, и мы, говорившие здесь и вызвавшие наибольшее негодование в Совете рабочих депутатов члены Думы, Милюков, Масленников и я, мы сознательно сказали то, что мы говорили вчера, и готовы подтвердить это еще с большей силой сегодня. Я протестую против того протеста, который раздается в Совете рабочих депутатов, против того переполоха, который подняли там по поводу наших речей и против тех попыток к репрессиям по отношению членов Государственной думы, которые раздавались в этом учреждении, которые пользуются современной силой, для того чтобы зажать нам рты и не дать возможности высказать в тяжелую годину нашей родины то, что накипает в душе, то, что рвется наружу и требует освещения. Я убежден, что молчащая Россия, Россия не говорящая, Россия, сидящая по медвежьим углам, Россия, не вышедшая из подполья, а всегда бывшая над полом, эта Россия сочувственно встретит слова наши, облегченно вздохнет и скажет: наконец-то Государственная дума заговорила языком, достойным народных представителей, и высказала в тяжелый час то, что накипело в сердцах русских граждан, той буржуазии, на которую клевещут, которую позорят и обливают грязью, но которая во всех государствах всегда и везде являлась солью всего народа, носительницей культуры, права и свободы. И я протестую вновь, заканчивая мое краткое слово, и говорю здесь представителю левых течений, сотоварищу моему по Думе, многоуважаемому Суханову, что подобного рода призывы со стороны Совета рабочих и солдатских депутатов, подобного рода попытки терроризовать свободное слово и проявление свободной воли членов Государственной думы в настоящее время, в дни свободы, недопустимо, позорно и преступно. *(Рукоплескания.)*

Суханов. На ваше обращение ко мне прошу вас помнить, что я вам не кланяюсь, и прошу восстановить те отношения, которые были до 27 февраля. Я с вами вообще ни в каких отношениях не состою.

[Слово получает депутат Львов, который в своем в кратком выступлении говорит, что «мы может быть пошли бы за Советом рабочих депутатов, если бы он, сознав свою вину, сумел стать на ту точку зрения, на которую он стал 27 февраля, тогда, когда он не превратился еще в исключительно революционное сборище».]

Председатель. Господа! Позвольте на этом прения закончить. Я считаю, что заявление А. А. Бубликова, которое он здесь сделал, как бы оправдательного характера, вовсе не находит себе подтверждения во всех речах, может быть несколько резких, которые однако председателем были прерываемы, но которые принадлежат отдельным членам нашего совещания, взявшим за это на себя и ответственность за них. Я думаю, что надобности в оправдании себя Государственной думе в контрреволюционных намерениях нет. *(Голоса: «Конечно не может быть!»)* Я заявляю это открыто и громко в ответ на все то, что сегодня в печати написано и о чем здесь сейчас говорили. Было бы большим грехом, чтобы не сказать больше, признать, что Государственная дума, в дни 27 февраля и т. д. не дрогнувшая перед протопоповскими пулеметами и решительно вставшая во главе национально-народного движения, теперь занималась бы разрушением своего же собственного дела, занималась бы тем, чтобы внести смуту и раздор в среду русских граждан в

то тяжелое время, когда действительно судьба отечества стоит на карте. Я заявляю громко, что все, что сказано, не нуждается в опровержении: среди нас, среди Государственной думы, никаких контрреволюционных мыслей нет и быть не может. (*Рукоплескания и голоса:* «Верно!»).

Наоборот, я считаю, что Государственная дума в своем выступлении призывает всех сплотиться в эту грозную минуту, не заниматься только вопросами партийными, а подумать о том, что действительно наши дети там платят кровью за наши распри, что распри эти надо прекратить во что бы то ни стало, забыть жупелы о контрреволюционных замыслах и тому подобных опасениях и сказать громко, что Россия в этот страшный час вся как один человек должна быть одним ударным батальоном во имя спасения родины. (*Рукоплескания и голоса:* «Верно!»)

Бубликов. Да здравствует Россия!» (*Рукоплескания.*)

Председатель. Слово принадлежит члену Государственной думы Харламову, прошу его приступить к своему докладу.

Харламов. Особым декретом Временного правительства от 9 марта был образован особый Закавказский комитет Временного правительства с полномочиями действовать от имени и с правами Временного правительства. [170] В него были введены члены Государственной думы — Джафаров, Пападжанов, Чхенкели и я в качестве председателя; из местных деятелей Закавказья был введен князь Абашидзе, а также включен по настоянию министра-председателя присяжный поверенный Переверзев, впоследствии министр юстиции. Переверзев никакого участия в работах комитета не принимал, князь Абашидзе по болезни также мало мог принимать участия в работах комитета, и вся тяжесть работы легла на четырех членов комитета — Джафарова, Пападжанова, Чхенкели и меня. [171] Я своевременно от имени своих товарищей телеграфировал председателю Государственной думы о том восторженном приеме, который мы встречали по пути следования в Тифлис как по Северному Кавказу, так и в пределах Закавказья. Я должен здесь перед вами, господа члены Государственной думы, засвидетельствовать, что никому на Кавказе или Закавказье ни из царей, ни из наместников такого приема население и войска не оказали и не оказывали, как нам; [172] высшая власть в крае была признана всеми. Мы попали в Тифлис в момент съезда представителей исполнительных комитетов, губернских и областных всего Закавказья. [173] И эти лица, избранные революционным порывом народа, фактически державшие в своих руках власть, так как официальные представители старого правительства были сметены могучим порывом народного движения, как везде, признали нашу власть. Были некоторые пререкания, были попытки, исходившие от отдельных членов совещания, сосредоточить всю власть в руках местных исполнительных комитетов, а нам оставить положение декорации в Закавказье, но эти попытки были встречены с нашей стороны самыми энергичными и резкими протестами с указанием на то, что мы умаления данных нам революционным правительством и Временным комитетом Думы прав не потерпим. Эти попытки были заглушены общим и почти, могу сказать, единодушным признанием этим съездом верховной власти в нашем лице. В виду того, что мы уже на месте встретили сложившуюся власть как в лице губернских и областных комитетов, так и в лице органов революционной демократии, Совета рабочих депутатов и Исполнительного комитета Совета

солдатских депутатов в Тифлисе, мы в первую же очередь постарались уяснить, в какие отношения мы можем стать с этими организациями. С другой стороны, как всем нам хорошо известно, в Закавказье сильны национальные тенденции, национальные организации и политические партии с национальным оттенком, [174] с которыми также нам важно было так или иначе столковаться. И вот я должен засвидетельствовать, что общими нашими усилиями достигнута была полная солидарность в работе; никаких подкопов под нашу власть со стороны революционных организаций или политических не было, никакого двоевластия, никакой параллельной работы не было, и если вначале, до нашего приезда, и в первые может быть недели, эти попытки и проявлялись, в виде назначения особых комиссий следственных и других по расследованию деятельности чинов администрации, полиции и т. д., [17] то нашим обоюдным соглашением эти сепаратные действия частных организаций были заменены общими организациями, которые действовали уже от имени особого Закавказского комитета, но включали в свой состав представителей революционных общественных национальных организаций. В дальнейшем я должен также констатировать, что вся наша работа опиралась на это единение с местными общественными организациями. Конечно были отдельные мелкие столкновения, но они дальше моего кабинета как председателя не уходили. По всем важнейшим вопросам мы собирали совместные совещания. По всем вопросам, требующим нашего разрешения или нашей санкции, представители общественности обращались к нам. Я должен сказать, что согласованность работы нашей по Закавказскому комитету достигла хороших результатов. В первую очередь нам важно было выяснить отношение национальностей между собой. И вот в первые дни нашего приезда было организовано междунациональное совещание из представителей каждой главнейшей национальности по 7 человек, выбранных политическими партиями и национальными организациями. Все вопросы, так или иначе затрагивавшие национальные интересы с той или с другой стороны, подвергались предварительному обсуждению при нашем участии в этом междунациональном совещании. Я должен сказать, что революционный переворот и та свобода, которая была добыта русским народом, была восторженно встречена в Закавказье. Все ответственные деятели политической, общественной и национальной мысли напрягали все усилия к тому, чтобы национальные отношения не обострялись, а наоборот сглаживались, и дана была возможность общей согласованной работы. Об этом я скажу несколько подробнее в дальнейшем изложении моего доклада, а сейчас остановлюсь только на тех мероприятиях, которые в ближайшую очередь были нами выдвинуты. Прежде всего была образована особая земельная комиссия из представителей всех национальностей и знатоков края, пользующихся признанным авторитетом по своей предыдущей работе, и все вопросы, возникшие в этой области, относились нами на предварительное разрешение для принятия быстрых мер и подавления тех или иных вспышек в этой области. В общем я должен сказать все-таки, что в этом отношении больших беспорядков, больших столкновений в Закавказье не было. Главный и больной вопрос — это вопрос о водопользовании. С этой стороны действительно нам очень часто приходилось слышать заявления от депутаций и теле-

графные сообщения о беспорядках по водопользованию. Это вызвало необходимость немедленного созыва особого съезда из представителей общественности и знатоков дела, которые, разобравши его, наметили пути реформирования водного управления и местной администрации, ведавшей это дело,[176] так как роль мираба — водного старшины, особенно в восточной части Закавказья, является особенно важной. И вот типичная иллюстрация: в одном из селений, крупных селений, Елизаветпольской губ. был мирабом, водным старшиной, местный бек, человек, захвативший фактически в свои руки власть и после революции сохранивший ее в своих руках, и когда наша совместная комиссия приехала с указанием тех условий, в которых должно протекать водопользование, и с предложением избрать мираба, открытым голосованием был избран тот же самый бек, но когда по протесту некоторых сельчан из соседних селений была потребована закрытая баллотировка, этот бек получил из нескольких сот голосов всего 6 голосов, и мирабом был избран армянин в группе сел, где преобладало татарское население. Вот эта иллюстрация, имевшая место, ясно показывает вам, господа члены Государственной думы, что в массах населения того национального антагонизма, о котором мы здесь слышали и читали, нет. И вот я, касаясь этих национальных отношений, должен сказать, что того опасения взаимной резни, которое присуще всем поверхностным наблюдателям в отношении национальностей в Закавказье, у меня лично и у моих товарищей, работающих вместе со мной, нет, что это искусственное движение; этот яркий национализм и шовинизм, искусствено привитый массам населения, — это чисто интеллигентское движение. Это выяснилось на целом ряде совещаний, которые я созывал по поводу печального периода, пережитого нами, в апреле месяце, главным образом по поводу вооружения местного населения. Действительно я должен сказать, что вскоре после революции в середине и конце марта и в начале апреля все население обуял какой-то психоз: все, кто только мог, бросились покупать оружие. Я должен сказать, что продавалась последняя пара волов, последняя коровенка, чтобы купить винтовку, цена которой доходила до 600 — 800 и 1000 рублей. За один боевой патрон платили $2^1/_2$ рубля, и вот этот психоз вызвал конечно всеобщую тревогу.[177] Эта тревога была главным образом среди массы армянского населения. Так как мужское армянское население служит в войсках, а мусульманское население Закавказья обязательной военной повинности не отбывает, то отсюда они делали вывод — наших мужчин нет, мусульмане мужчины на месте, они покупают оружие, вооружаются, они могут угрожать нашим семьям, женам, детям, нашему имуществу и т. д. На почве такого взгляда солдаты-армяне вели пропаганду в среде своих товарищей по войсковым частям. Это вызвало несколько случаев эксцессов со стороны отдельных групп солдат, которые производили иногда повальные обыски, как например в Карсе, иногда сопровождавшиеся случаями насилий. Это создало тревожное настроение в крае. Я должен сказать, что действительно шло если не систематическое, то какое-то организованное вооружение населения в смысле присылки этого оружия в Закавказье. Этот контрабандный ввоз оружия шел как со стороны турецкой границы, так и с северной стороны, со стороны очевидно Западного нашего фронта. Так как представители Исполнительного комитета Совета сол-

датских депутатов установили на Северном Кавказе, по восточному побережью Кавказа, на линии Петровск — Баку осмотр багажа пассажиров, то была установлена передача целых тюков винтовок австрийского образца, номера которых шли непосредственно один за другим. Например арестовано было, скажем, 15 винтовок и номер каждой винтовки шел непосредственно за другим номером. Был арестован целый ящик с боевыми патронами к этим винтовкам с австрийскими пломбами; очевидно из военной добычи это каким-то способом было пущено на рынок и ввозилось в Закавказье. Точно так же и с турецкой границы сухопутным колесным путем, на волах, перевозились большие запасы патронов, огнестрельного оружия, главным образом турецкого образца. Это настроение вызвало целый ряд совещаний, на которых выяснилось, что крестьянская масса и население не имеют враждебных чувств друг к другу, главным образом в Восточном Закавказье, что это движение интеллигентское и что в создании этой розни повинна политика старой власти, которая, опираясь на ту или другую национальность, искусственно стравливала их и таким способом предполагала править Кавказом. И в этом отношении нужно было принять общие усилия и общие меры, для того чтобы парализовать вот этот психоз вооружения с одной стороны и пойти в темные массы как татарского, так и армянского населения с целью выяснения смысла происшедших событий, а также тех отношений, которые должны между ними существовать в новой, свободной России. По общему соглашению была принята система посылки уполномоченных от имени особого Закавказского комитета в числе двух-трех в каждый уезд. Это были общественные деятели, выдвигаемые политическими и революционными организациями, люди, далекие от узкого национализма и шовинизма. В их распоряжение было отдано достаточное количество учащейся молодежи, учителя и интеллигентные силы, которые способны были на родном языке объяснить массам населения смысл происходящих событий и парализовать эту пропаганду, которая в этой темной массе велась. А что эта пропаганда велась, для меня это несомненно, так как многочисленные депутации, отдельные лица приходили ко мне и об этом заявляли. Велась она на той почве среди мусульман, что армяне служат, грузины служат, что им будет дана автономия, будет дана земля, а вы не служите, вы должны с оружием в руках воевать, чтобы не отобрали у вас вашу землю. На такой почве главным образом и велась подобная преступная агитация. В подавлении того тревожного настроения принял участие и общеармейский краевой съезд, как раз заседавший в 20-х числах апреля в Тифлисе.[178] Он воздействовал на войсковые части, расположенные в пределах Кавказского военного округа; таким образом общими усилиями местных организаций и общественных деятелей главным образом, я считаю, что эта острота момента упокоена. Люди увидали, что друг на друга никто не собирался нападать, и в дальнейшем таких обостренных отношений не было. Что касается общего положения местных представителей, губернских и областных, в Закавказье, то в основу нашей дальнейшей работы по организации местной власти были приняты основные положения, выработанные съездом, о котором я упоминал, при вашем содействии. В дальнейшем это общенациональное наше совещание и помогло нам детально разобрать их и опубликовать 27 апреля особое постановление по организации

местной власти и временных мер.[179] Дело в том, что земских собраний в Закавказье нет, и с удалением администрации дело управления и вопрос о самоуправлении остались висящими в воздухе. Нужно было собрать какие-то органы, которые были бы способны продолжать в дальнейшем управлять краем. В основу нами была положена организация комитета сельских, соответствующих волостных, районных или участковых полицейских участков, уездных, губернских и областных на основе всеобщего избирательного права; причем комиссары при органах административной власти, избираемые этими комитетами, представлялись на утверждение особого Закавказского комитета. Сами же исполнительные комитеты главным образом должны были ведать земскими и хозяйственными делами, заменяя собой в этой первичной форме органы земского управления, которые ввести в это время не представлялось возможным в виду невыясненности территориального распределения Закавказья между отдельными национальностями и смешанности этого населения, что всем национальностям представлялось в дальнейшем нежелательным сохранить. При организации власти пришлось сделать необходимо эту урезку и уступку местным особенностям, а именно, во главе губернского исполнительного комитета поставить не одного комиссара, хотя бы и избранного этим комитетом, следовательно лица, пользующегося доверием, а особый комиссариат в составе главных народностей Закавказья, и таким образом старую губернаторскую власть распределить между тремя лицами. Я лично считал и продолжаю считать это постановление нецелесообразным, но как временная мера оно было неизбежно, на него следовало бы пойти, так как население, имея своего представителя в этом губернском комиссариате, с большим доверием могло отнестись и к его действиям и к работе Исполнительного комитета. Но было выдвинуто как корректив обязательство иметь председателя, который является ответственным лицом и который должен наладить работу комиссариата по управлению отдельными губерниями и областями. В западной части Закавказья, в грузинских губерниях, определенно заявили, что они трех не будут выбирать, а выберут только одно лицо, которое будет стоять во главе административного деления губернии. В значительной части Закавказья выборы в эти комитеты и организация комиссаров уже закончены, и только в наиболее отдаленных и глухих местах, как Карская область и некоторые уезды Восточного Закавказья, работа эта несколько замедлилась. Затем, что касается другого вопроса охраны безопасности и порядка, то в этом отношении я должен сказать, что положение еще не налажено. Старая земско-полицейская стража была вся удалена, и я должен заявить здесь открыто, что она по справедливости вызывала негодование со стороны представителей всех национальностей без различия: это люди, которые получали 35 рублей в месяц жалованья (ясно, что на это жалованье они не могли жить и содержаться), занимались грабежем, поборами, иногда участвовали в разбойнических шайках и набегах или покрывали этих господ, делясь с ними добычей, словом, какой-нибудь правильно организованной охраны имущества не было, и вот разбойные элементы населения Кавказа, почувствовав этакую свободу, что ли, проявляли свою преступную деятельность, но население само с ними борется: благодаря помощи местных военных

властей мы имели возможность командировать в ту или иную часть Закавказья воинские команды или дать офицеров в качестве организаторов милиции из местных же жителей, и я убежден, что те случаи разбоев и грабежей, о которых мы читаем, они впоследствии силами самого населения, которое с ними борется независимо от того, к какой бы национальности ни принадлежали эти господа, что эти случаи будут все реже и реже. Важнейший ныне продовольственный вопрос в Закавказье стоит очень остро, так как в Восточном Закавказье полный недород; благодаря непорядкам в системе водопользования масса полей оказалась без воды в нужный момент, весна была очень сухая, жары сильные стояли, и в дальнейшем, если Северный Кавказ не даст нам нужного количества хлеба, то населению Закавказья угрожает формальный голод. До сих пор мы справлялись с этой нуждой успешно благодаря содействию военной власти, а именно из интендантских запасов временно позаимствовали необходимое количество муки и зерна, для того чтобы в наиболее нуждающиеся пункты продвинуть, а затем за счет вагонов, получаемых для продовольствия населения,—это позаимствование впоследствии возмещалось. Думаю, что и в дальнейшем военное министерство и интендантское ведомство, главный начальник снабжения, нам в этом не откажут. Вот таковы в общих чертах, поневоле кратких и сжатых, те выводы, к которым я прихожу, та картина, которая касается гражданского населения Закавказья. Наверное нас интересует вопрос о том, как меня здесь в Петрограде спрашивали: что вы не отделитесь? — собирается ли Кавказ отделиться или нет? Я должен совершенно категорически заявить, что сепаратистских стремлений в Закавказье нет совершенно. Наиболее господствующим настроением в политических руководящих партиях и среди главных национальностей выражается идея областной автономии Кавказа — не больше, с предоставлением в области национально-культурных вопросов самоуправления местному населению в пределах тех областей, которые будут проделаны после административной перекройки края. На точке зрения федерации стоит только одна партия Грузии — федералистов, но я должен сказать, что сами грузины, которые в большинстве эсдеки, товарищи по партиям Чхенкели, Чхеидзе и Церетели, самым энергичным образом борются и борются часто некультурными мерами, громя их клубы партийные, разрывая знамена и сбивая, когда те пытаются устроить собрания, шествия и т. д. Все эти печальные явления привели к тому, что Центральный комитет грузинской социал-демократической партии должен пойти в известный контакт, я бы сказал, со своими товарищами федералистами, с просьбой лозунгов, возмущающих и волнующих массу населения, не выносить, и свою пропаганду в области главным образом федеративного вопроса, который вызывает раздражение, сократить. Такое настроение достигнуто. Остальная же часть населения, грузинские социал-демократы и затем армянские широкие круги по их настроению, я могу категорически утверждать, ни о каком сепаратизме не помышляет. Что касается мусульманских масс населения, то они до сих пор никакой политической организации в своей среде не имеют, так что знать их настроение возможно из бесед с отдельными представителями национальных благотворительных организаций или, вернее, национально-религиозных благотворительных организаций, которые имеются в Закав-

казье. И поскольку я в курсе этого дела, я опять-таки обязуюсь доложить о том, что сепаратистские стремления и в этой части населения совершенно отсутствуют. Переходя засим к положению кавказской армии, я должен сказать, что после прошлой зимы, после тех величайших испытаний, которые вынесла кавказская армия, можно только с величайшим, я бы сказал, изумлением с одной стороны и с величайшим уважением отнестись к кавказской армии, которая после революции фронта не оставила, не побежала и не явила той разрухи, которую мы наблюдали на Западном фронте. Дело в том, что эта зима для большей части корпусов кавказской армии, продвинувшихся слишком глубоко в пределы Турецкой Армении и Анатолии, оказалась непосильно тяжелой. Некоторые корпуса, как второй Туркестанский, как первый, шестой корпус, четвертый, оказались за перевалом, который покрывался снегом на высоту от 10 до 14 аршин. В этом снегу приходилось протаптывать тропы. Целые пехотные полки были заняты только тем, чтобы эти тропы протаптывать. Иногда вьюки, которые пытались на эту тропу пропустить, заметались снегом. В течение целой недели ни одного фунта хлеба, ни одного пуда зерна или муки не поступало. В течение целых недель солдаты питались $^1/_4$ фунта сухарей в сутки и больше ничего. Они объели все живое, что там было. Они ели кожу собственной обуви. В некоторых местах они брали конский навоз, промывали, прожаривали непереваренный ячмень и ели. Я это не сказки рассказываю. Я знаю это из бесед с представителями каждого корпуса. Они приезжали в Тифлис и заходили ко мне во дворец. В течение целой недели каждый корпус в отдельности сообщал о том положении, в котором находятся их части со стороны здоровья, продовольствия, санитарного благополучия, людей, транспорта, снаряжения и т. д. Затем в июне месяце я объехал значительную часть Кавказского фронта, был на передовых позициях, был в окопах, видел десятки отдельных частей войсковых и беседовал с ними не только в собраниях и митингах, и парадах, где меня встречали церемониальным маршем, но и в полковых и дивизионных комитетах, и с солдатами. Я всячески старался выяснить, чем живет и дышит кавказский солдат, в каком положении находится, в каких условиях приходится ему вести войну и каково его настроение в смысле возможности дальнейших действий. Зная и предыдущие доклады представителей фронта, я должен констатировать, что то настроение, в котором теперь или немного времени тому назад находился Кавказский фронт, оставляет чувство величайшего нравственного удовлетворения: полное сознание долга, преданности и веры Временному правительству; отношение между солдатами и офицерами вполне нормальное. Тех явлений, которые имели место в Кронштадте и на Западном фронте, совершенно не было. Я должен сказать, что в этом отношении вообще традиции кавказской армии, созданные веками и предыдущими войнами, поставили офицера и солдата в товарищеские отношения. Конечно были эксцессы — не без этого, — но по отношению отдельных лиц, нетерпимо относящихся к солдатским массам, но как общее явление это совершенно не существовало.

Деятельность войсковых комитетов протекает, я бы сказал, нормально, военное начальство, не посягая на их права, в то же время направляет их деятельность к созданию новой дисциплины, дисциплины долга и сохранения боеспособности отдельных частей. Я должен здесь засви-

детельствовать, что такая картина может быть покажется нам нарисованной в слишком розовых тонах, получилось это благодаря тому, что большевистской пропаганды как в Закавказье, среди местного населения, так и в войсковых частях не было. Большевистские агитаторы, явившиеся на фронт, прежде всего обращались в полковые и ротные комитеты с вопросом: каково настроение частей? Им говорили такое-то и такое-то. Они пожимали плечами—это сами солдаты рассказывали—и говорили: нам тут делать нечего и уезжали обратно. Если, узнав о настроении, они хотели итти, то представители комитетов заявляли: идите, но мы не гарантируем вам личной безопасности и неприкосновенности, — вас могут избить солдаты. При таких условиях им работать нельзя было, и того разложения, результаты которого мы видим на Западном фронте, избегла кавказская армия. Да и пробраться туда не так просто и легко, ибо кавказской армии приходится стоять и работать в таких дебрях, до которых пробраться слишком трудно.

И вот я считаю, что то положение, в которое был поставлен Кавказский фронт в прошлую зиму, и те условия, в которые он был поставлен, не могут быть повторены в предстоящую зиму. Для нас всех теперь вероятно ясно, что эту зиму придется еще прожить в условиях войны, и вот я уже заявлял Временному правительству и представителям военного министерства в частности, что все должно быть сделано для Кавказского фронта, для того чтобы не повторились бы теперь те величайшие испытания, которые он перенес в прошлую зиму. Разрешение вопроса заключается в создании дорог и транспортов. Когда, господа, от последней питательной базы железнодорожного сообщения, конечной станции, приходится на сотни верст питать целые корпуса, конечно в таких условиях нужны величайшее напряжение, величайшие усилия для того, чтобы дороги были исправны, для того, чтобы было необходимое количество транспортов и чтобы эти транспорты были использованы целесообразно. До такой, казалось бы, простой меры, как перевод возчиков на пудо-верстную плату,—а их прежде всего нужно заинтересовать материально,—до такой меры старая военная власть не додумалась, и вот после целого ряда совещаний под моим председательством, с участием как военного начальства, так и представителей революционно-общественных организаций, когда мы обсуждали тяжелое положение на Кавказском фронте, мы выработали целый ряд мер. Была предложена простая, ясная мера, которая в настоящее время на 50% повысила грузоподъемность транспорта. Несмотря на ту убыль, которую понесла кавказская армия, транспорт способен дать во-время армии и предметы продовольствия, фуража и предметы снаряжения. Обращаясь к вопросу о том, в чем нуждается кавказская армия, я должен сказать, что я с величайшим негодованием, будучи здесь в Петрограде, читаю в газетах, что отобрали столько-то пулеметов. Пулеметов на фронте нет, винтовок нет, а здесь эти банды развозят целые десятки, сотни пулеметов и стреляют в мирных жителей. Это преступление. А когда мы телеграфируем и пишем требования, то нам отвечают, что нет возможности предоставить пулеметы. Это невозможное положение, это нужно громко сказать и заявить военному начальству, что все это должно быть отправлено на фронт немедленно. Затем большой недостаток в одежде и обуви, я видел на фронте людей в опорках, босых совершенно; части, идущие в окопы,

должны снимать сапоги у своих товарищей, а те, которые через известные промежутки отводятся в полковые резервы, ходят бог знает в чем. Это летом можно сделать, а не зимой, которая предстоит впереди, с огромными снегами, метелями и морозами, которые предстоит им пережить. При таких условиях конечно кавказская армия не может дольше выстоять. Это я категорически заверяю. Что касается условий снабжения, то они должны быть поставлены лучше, ибо главное, отчего болела и страдала кавказская армия, — это цынга и тиф. Цынга на почве исключительно питания солониной, цынга, которая продолжается и теперь по сие время. При таких условиях конечно армия не может жить, и солдаты мне говорили: мы духом бодры, мы стоять будем, мы пойдем куда угодно и когда угодно, на Западный фронт, если найдет нужным Керенский, военный министр, но нам нужно передохнуть, ибо мы не можем долее это напряжение вынести и жить в тех условиях, в которые были поставлены зимой. Новых войсковых образований нет. Только две дивизии можно было отвести целиком на отдых, а тех пополнений, пополнений людьми, которые могли бы влить новую свежую силу, таких пополнений нельзя было посылать, потому что нет одежды, не во что одеть. Словом картина, которую представляет сейчас Кавказский фронт и настроение армии, тяжелая сама по себе в смысле той обстановки, в которой ей приходится работать, доставляет величайшее нравственное удовлетворение перед духом, которым она живет. Я не знаю, как отразятся и отразились вот эти петроградские события 3—5 июля в Закавказье, но поскольку дело стояло раньше, мы надеялись, что той разрухи, которую переживали отдельные части государства внутри страны, нам в Закавказье удастся избежать. Я сегодня отправляюсь туда и убежден, что та согласованная работа, согласованная не по принуждению только, не по давлению и нажиму со стороны и извне, а согласованная ясным пониманием общности задач и методов этой работы, которая выражалась в предыдущие четыре месяца нашей деятельности, даст нам возможность и в будущем сохранить Кавказ и спокойным внутри, и частью одного государства, одной родины, которой сознают себя как армяне, так и грузины, так и магометане Закавказья. *(Рукоплескания.)*

П р е д с е д а т е л ь. Павел Николаевич Милюков, может быть вы сделаете нам некоторые сообщения по тому вопросу, который был вчера поднят?

К а п н и с т II. Михаил Владимирович, может быть позволите мне выразить одно пожелание. В виду того что член Государственной Думы Харламов уезжает сегодня на Кавказ и в виду той картины, которую он нарисовал по кавказской армии, не следовало ли бы нам от имени Государственной думы послать свой горячий привет кавказской армии, которая доблестно, можно сказать, единственная защищает пределы России в настоящий момент?

П р е д с е д а т е л ь. Угодно, господа, послать такой привет? *(Голоса:* «Просим»). Редакцию изволите поручить Временному комитету? *(Голоса:* «Просим»). Слово принадлежит П. Н. Милюкову.

М и л ю к о в. Вчерашний день прошел в предварительных переговорах по прямому проводу между Москвой и Петроградом, переговорах Керенского с теми нашими товарищами, к которым он обращался, а также наших товарищей с Центральным комитетом. В результате этих

довольно продолжительных переговоров выяснилось, что в Москве наблюдается то же самое настроение, вернее говоря, то же самое изменение настроения, о котором я уже говорил вам здесь вчера. В Москве, как и здесь, решили, что нужно отделить наиболее существенные вопросы в наших переговорах с Керенским от вопросов более личного характера. И мы поэтому в конце концов признали в полном согласии с нашими московскими товарищами, которые приехали сегодня утром, что вопрос об оставлении Чернова в министерстве, тот вопрос, который я поднял вчера перед вами, не должен служить непреодолимым препятствием нашего вступления в правительство в случае, если бы остальные части наших пожеланий нашли удовлетворение. Эти остальные части — я о них говорил вчера уже подробно — это, во-первых, та программа, которая изложена в письме, подписанном тремя нашими товарищами, получившими личное приглашение, и, во-вторых, вступление наше в правительство в составе определенной группы лиц, имена которых я тоже вам вчера называл. Одновременно с нашими велись переговоры и с представителями торгово-промышленного класса, которые с своей стороны тоже выставили несколько кандидатур, о которых сейчас ведутся переговоры. Кандидатура Третьякова была выставлена и раньше, она теперь подтверждена всем московским торгово-промышленным миром. Затем московский торгово-промышленный мир выставил и другую кандидатуру — Н. Н. Кутлера. Переговоры с Н. Н. Кутлером, которые велись сегодня утром, выяснили, что несмотря на личные для него затруднения он согласился все-таки войти в переговоры, причем однако он поставит некоторые условия, которые считает необходимым для сколь-нибудь правильного ведения финансового дела.

Председатель. А Третьяков не отказывается?

Милюков. Нет, Третьяков идет на такие же условия, как и те, которые выработали, и вообще вся комбинация выравнивается по общему фронту. Условия, которые Кутлер считал правильными, в общем сводятся к необходимости бережливости и к усилению обложения населения косвенными налогами. Это только два основных пункта, в настоящий момент едва ли нужно было их детализировать. *(Голос:* «Конечно!»*)* Вот на почве этих решений, которые были пересмотрены и окончательно приняты в утреннем заседании Центрального комитета, в 4 часа наши товарищи, приехавшие из Москвы, отправились для переговоров с Керенским, и в настоящее время мы ждем их возвращения. Примерно в 6 часов они вернутся, тогда откроется опять заседание Центрального комитета, в котором будет доложен результат их переговоров с Керенским. Таким образом приглашены Астров, Кишкин и Набоков, затем Центральным комитетом — Новгородцев, к которому Керенский обратился лично, и Кокошкин, — эти пять от кадетов. Затем кандидатура торгово-промышленного класса, кроме двух мною названных, именно Третьякова и Кутлера, еще Бурышкина, который впрочем не выставляется торгово-промышленным миром Москвы, но приглашен Керенским. *(Крупенский:* «А Чернов, министр земледелия?»*)* Относительно Чернова мы решили, что если остальные наши условия будут удовлетворены, не считать его присутствие непреодолимым препятствием и воздействовать на наших товарищей, чтобы они вошли.

Председатель. Позвольте задать вам один вопрос. Вчера вы

вскользь упомянули, я не помню выражения, что в какой-то части правительство пошло на уступки в смысле ответственности. Вы помните?

Милюков. Это то, что я считаю ночным решением. Это, к сожалению, не оправдалось. Такого постановления не имеется. Я передал это сведение потому, что я имел его из хорошего источника.

Председатель. В какой же степени соотношение соответственности? *

Милюков. Есть основное наше требование. Мы считаем необходимым, чтобы правительство было безответственно от всяких комитетов, советов и всяких других организаций; мы ставим это первым условием.

Председатель. Таким образом, господа, мне кажется, кроме одобрения, те уступки, которые сделали лица, приглашенные правительством, относительно того, чтобы не руководствоваться личностями данного министра, а итти во имя блага и спасения родины, не ставя ультимативным отвержение кандидатуры Чернова, встречают, повидимому, среди членов Государственной думы одобрение. Возражений на это нет?

Милюков. Я передам это Центральному комитету.

Председатель. Так что члены Государственной думы не видят в этом каких-нибудь настойчивых и властных требований?

Милюков. Я очень признателен за эту поддержку.

Председатель. Возражений нет против этого. Дело ясно, и медлить нельзя. Правильно собранное правительство делается насущной необходимостью. Другой вопрос, который ставился вчера, это поездка в Москву. Состоится она или нет, мне по крайней мере об этом ничего неизвестно. Член Государственной думы Милюков.

Милюков. Мои последние сведения — вчерашние, сводились к тому, что совещание 25 июля все-таки предполагается. Дальнейших сведений я не имею. Остановилось ли окончательно правительство на решении, я не знаю. Вероятно, это будет зависеть отчасти и от того, как кончатся переговоры.

Председатель. Угодно войти в обсуждение этого вопроса теперь же или в виду его неопределенности отложить до другого раза? Член Государственной думы Милюков.

Милюков. В сущности говоря, как мне представляется, мысль эта осталась неразработанной и в недрах самого правительства, так что мне лично не представляется ясным, каков будет состав этого собрания, какова его цель. Повидимому, предполагалось, что во всяком случае в том или в другом составе, но Государственная дума не как учреждение, а как члены Государственной думы, будет присутствовать. Затем относительно целей; кроме докладов министров о тяжелом положении страны, вероятно, должен быть и какой-нибудь обмен мыслей: не только заявления правительства, но и последующее обсуждение их. Этому немного противоречит то предположение, что, повидимому, собрание будет продолжаться только один день. Но в конце концов и в пределах одного дня можно обменяться мнениями.

[Затем по вопросу об отношении к Московскому совещанию слово получает Шидловский. «До выяснения характера совещания, — говорит Шидловский, —

* Так в подлиннике.

если это будет совещание, а не аудитория, созванная для выступления известной определенной декларации, я считаю, мы что совершенно не можем предрешать нашего отношения. А до сих пор никаких подготовительных работ к тому, чтобы это было совещание, мы не видим».

Выступавший затем Артемов заявил: «Партия народной свободы первым пунктом своего вхождения ставит независимость правительства от каких бы то ни было организаций и Дума этого хочет... и поэтому такое совещание... как первое место куда могло бы притти правительство в обновленном составе, по мнению Аджемова, было бы «положительным фактом».

Далее Родзянко высказывает сомнение по вопросу о том, «кто будет набирать» те элементы, которые войдут в совещание. Депутат Масленников предлагает поручить председателю выяснить цель и самую суть совещания. «На парад же ехать, — говорит он, — невозможно».]

Председатель. Слово принадлежит П. Н. Милюкову.

Милюков. Конечно идея этого собрания не разработана и не в нашей власти сообщить ей большую точность, чем она имеет в действительности. Нас идея собрания касается двумя сторонами: во-первых, присутствием членов Государственной думы и, во-вторых, вопросом о том, будут ли члены Государственной думы, там присутствующие, высказывать известные мнения. Мне кажется, присутствовать, не высказывая мнения, было бы малоцелесообразным, но присутствие членов Думы и высказывание ими мнений потребовало бы все-таки некоторой предварительной подготовки среди нас самих. Мне кажется, предоставить ход прений, в особенности если они будут ограничены очень коротким сроком, случайным выступлениям отдельных членов Думы было бы несколько рискованным, потому что от случайности порядка записи и степени подготовленности и готовности говорить того или другого оратора будет зависеть выражение мнения Думы: мнение отдельных ораторов может быть принято за мнение Думы. Хотя на этом собрании мы будем присутствовать не как учреждение, а как члены Думы, но все-таки следовало бы принять меры, чтобы по крайней мере один или два первые оратора действительно выражали бы не свое личное мнение, а мнение Думы, и чтобы это было подчеркнуто, чтобы эти ораторы могли сказать, что им поручено сказать то-то и то-то, для этого нужно сговориться: пусть они сообщат, что они будут говорить, дадут конспект своих выступлений. Мне кажется это нужно сделать для того, чтобы не рисковать случайностью и индивидуальностью выступлений. Без этой подготовки совещание могло бы не повести к тем результатам, которых мы бы желали.

Председатель. Позвольте, тут все-таки целый ряд «но». Может быть, мы вернемся к этому вопросу в другой раз, уже на началах, которые справедливо предложил Павел Николаевич.

Аджемов. Это уже относится не к тому вопросу, желательно ли такое совещание участников, а к пожеланию, чтобы, когда мы придем туда, наши выступления были организованы.

Председатель. Но может быть члены Государственной думы пожелали бы высказаться вообще о желательности этого совещания.

Аджемов. Полезно было бы.

Милюков. Мне кажется, вы сами уже высказали.

Председатель. Если пригласят, то надо ехать. *(Смех.)*

Милюков. Мне кажется, в этих пределах можно будет остаться.

Председатель. Если пригласят. Но ведь позвольте — наше

мнение могло бы может быть сыграть некоторую решающую роль относительно самого собрания этого совещания. *(Аджемов.* «Если мы постановим, что оно должно быть, то..,») Имейте еще в виду: сегодня 19 июля; собрать в столь ограниченное время Государственную думу, всех ее членов технически очень трудно, между тем можно себе представить, что на совещание приедут организованная часть рабочих депутатов, московское купечество, городская дума, все это то, что находится на местах, но нас всех собрать совершенно невозможно. Поэтому наш состав там будет вероятно случайный, всей Думы не будет. Это раз. А во-вторых, высказаться вполне определенно о том, что собранию желательно, я не знаю, можно ли. Я очень боюсь, как бы не получилось при отсутствии известной планомерности в распределении представителей известной разноголосицы, как бы потом на местах не появились опровержения от тех групп населения, которые пожелали бы участвовать в совещании. Вот мои сомнения в этом отношении. Член Государственной думы Милюков.

Милюков. Конечно надо внести в вопрос возможную ясность. Если мы будем присутствовать там, то мы не будем измерять степень нашего влияния количеством представленных лиц, не будем меряться голосованием. Независимо от того, сколько нас будет, там будет голос Государственной думы при условии, что Государственная дума организуется для выражения своего определенного мнения. Это все, что нам нужно: ведь там решений мы принимать не будем и опасности голосования не подвергнемся. Мы явимся как отдельная струя и выскажем свое коллективное мнение. При таких условиях едва ли может быть в настоящий момент такое собрание, которое мы могли бы счесть нежелательным и от которого могли бы уклониться. Мне кажется, раз является возможность на такой широкой арене поднять голос Государственной думы, то возможность эта должна быть использована безотносительно к компетенции собрания, к его составу и ближайшему определению его значения.

Председатель. Угодно согласиться с этим мнением? Объявляю заседание закрытым

(Заседание закрывается в 5 ч. 24 м. дня.)

1 августа 1917 г.

(Заседание открывается в 9 ч. 25 м. вечера.)

[Слово предоставляется директору департамента государственного казначейства Г. Д. Дементьеву, почти полностью повторившему свой доклад «Положение государственного казначейства за время войны с Германией и Австрией до конца 1917 г.», произнесенный в особой комиссии при Совете съездов представителей торговли и промышленности 19 июля 1917 г. Доклад опубликован в журнале «Красный архив», 1927, т. 6 (25), стр. 8 — 33.]

Шингарев. Обстоятельный анализ Гавриила Дмитриевича, это, господа, далеко еще не полно. Гавриил Дмитриевич указал, что сами цифры гадательны, что точных подсчетов нет. Я бы сказал, что нужно ждать сюрпризов скорее неприятных, чем благоприятных, ведь состав доходов таков в данный момент,—и это центральный пункт доклада

Гавриила Дмитриевича,— что доходы, как мы ни считали очень сильно, ведь вы помните на 1917 г. (падают. *Ред.*); ожидается доходов $5^1/_2$ миллиардов по предположениям выработанным. Какие это доходы? Добрая половина их питается войной. Это фиктивные доходы казенных железных дорог за казенные грузы; это фиктивные доходы таможни за казенные товары, купленные за границей; это фиктивные доходы Государственного банка от учета процентов по краткосрочным обязательвам.[180] Наконец — уплата налогов по военной промышленности, которая после войны исчезнет. И так, даже те сравнительно благоприятные цифры доходов, которые мы имели сейчас и которые довольно резко отличаются от прошлого времени, на самом деле это цифры оборотных сумм казенных, а не реальных народных доходов. Вот почему момент окончания войны может стать моментом катастрофы. По окончании войны будет предъявлен целых ряд тех требований, которые теперь по инерции переписываются из года в год и начнут исчезать все фиктивные оборотные доходы, которые теперь показываются по росписям. Затем, если подсчет вести не так, как его... * а его вести со включением процентов краткосрочных обязательств, с упоминанием тех расходов, нормальных военных, которые до войны государственный бюджет нес, то получится не $2^1/_2$ миллиарда рублей, как избыток, который можно дать на военные расходы за 3 года войны, а получатся такие данные — по нормальному бюджету, включая туда проценты по новым займам: за 1914 г. — 430 миллионов дефицита, за 1915 г. — 509 миллионов и за 1916 г. — 83 миллиона дефицита. 1916 г. сравнительно благоприятен, но вы видите, что за эти $2^1/_2$ года войны свыше миллиарда рублей по нормальному бюджету—дефицита. Вся война идет на займах и печатных бумажках, причем взаймы мы заняли примерно, выручили от них такого рода суммы, что за 3 предыдущих года надо считать около 15 миллиардов чистой выручки, а на полгода остающиеся надо получить 16 миллиардов. Вот вам картина. За $2^1/_2$ года войны выручено по займам 15 миллиардов, а за полгода надо выручить 16 миллиардов. Очевидно займами за полгода не выручить то, что с трудом выручено за $2^1/_2$ года. За $2^1/_2$ года выпущено бумажек 11 миллиардов. Очевидно, добрую сумму, новые 11 миллиардов, можно выпустить за текущий год. Предстоящий 1918 г. совершенно фантастичен в этом отношении. Теперь нормальных доходов, если вы выбросите эти оборотные суммы казенных дорог, таможенных, банкоских и неестественно вздутых поступлений от промысловых обложений, нормальных государственных доходов в сущности за время войны повышено** было чрезвычайно мало. Вся предыдущая политика была глубоко ошибочна в двух направлениях: давая громадную массу денег в население, разоряя казну, она не приучала это население к бережливости, не сжимала бюджет самого населения налогами. В результате получалось, что как состоятельные, так и малосостоятельные классы из этого миллиардного дождя денег тратили столько, сколько могли, вследствие этого материальное оскудение сопровождалось мотовством не только государства, но и всех частных лиц. Необходимо налоговое обложение, потому что моральная проповедь бережливости всегда бу-

* Пропуск в подлиннике.
** Так в подлиннике.

дет бессильна. В этом смысле единственным серьезно сдерживающим стимулом является обложение населения, обложение состоятельных классов и обложение несостоятельных классов прямыми и косвенными налогами. Если это обложение идет в уровень военных расходов, то вы суровыми мерами государственного обложения сдерживаете даже частные расходы. Между тем в настоящее время у нас производство падает, количество товаров уменьшается, а количество денежных знаков, на которые товары можно покупать, увеличивается, и тем самым бешено растет цена товаров. Государство за $2^1/_2$ года войны истратило на войну 25 миллиардов рублей, а за один 1917 г. надо истратить 26 миллиардов рублей. Отчего это происходит? В начале войны тратилось в день примерно 14 — 15 миллионов, а сейчас тратится 16 миллионов с лишком. Отчего это произошло? Конечно увеличилась армия, увеличилось ее снаряжение, вооружение, но главное увеличилась цена тех продуктов, которые государство дает армии, и страшно увеличилась цена труда. Таким образом получается, что государственные финансы, которые стоят на народном хозяйстве, оказались без фундамента и в настоящем, ибо этот фундамент, с одной стороны, производство народного труда, а с другой стороны — приспособление народного частного бюджета к состоянию военного времени. Теперь долг увеличится до 60 миллиардов рублей к концу года. До войны мы были должны около 9 миллиардов рублей, 51 миллиард рублей новых, вот вам 60 миллиардов рублей долга. За 60 миллиардов рублей долга надо платить 3 миллиарда процентов. До войны платили 400 миллионов рублей, а прибавилось 2 миллиарда 600 миллионов рублей. Чем обеспечены эти проценты в бюджете? Ничем, абсолютно ничем. Таким образом, для того чтобы привести в соответствие частнохозяйственный аппарат с государственною потребностью, нужны самые суровые налоги, самые суровые, какие только можно придумать, а с другой стороны, для того чтобы обеспечить платеж процентов и не поставить государство в положение банкрота от этих налогов, нужна солидная сумма денег. Вот собственно те элементы, которые должны дать выводы из доклада Гавриила Дмитриевича, из этой обстоятельно продуманной работы, которую он проделал, приготовляясь к росписи 1918 г. Какие же это выводы? Первый, совершенно естественный и неизбежный вывод: налоговая беспомощность ради интересов самого населения, потому что если денежные знаки не притекут в государственное казначейство, то мы переживем то, что пережила и Французская революция — полнейшее обесценение, уничтожение всякой ценности денежных знаков, когда во Франции за серебряную франковую монету давали 550 франковых бумажек. Если мы попробуем спросить себя, сколько сейчас лишних бумажных денег, то сделать такой подсчет будет очень легко. Цена всех товаров выросла примерно втрое. До войны денежных знаков было 2 миллиарда, бумажных денег 1 миллиард 600 миллионов рублей и золота, серебра, меди и всякой всячины в обращении было примерно 400 миллионов, всего 2 миллиарда рублей. Теперь цена утроилась. Значит для нормального оборота товарного, для расплат и прочего стране нужно около 6 миллиардов рублей, в обращении 13, итого 7 лишних. Где же эти 7 миллиардов? Если вы попробуете подсчитать оставшиеся у населения неизрасходованные деньги, которые выбирала винная моно-

полия, если вы попробуете подсчитать то, что крестьянство выручило за продукты крестьянского хозяйства, продаваемые по более высокой цене, чем прежде, то вы найдете, что крестьянство получило за время войны около 11 миллиардов рублей.[181] Так как примерно по бюджету крестьянства прежних лет надо полагать, что они издержали около 4 миллиардов, то осталось у них 7 миллиардов рублей, т. е. та цифра, которая определяется лишним количеством бумажных денег. Как же эти деньги из крестьянства взять, каким путем подойти к этим деньгам, лежащим в народных массах? Деньги, лежащие в массах городского населения, рабочих массах, там эти деньги либо не залеживаются и следовательно выбрасываются на рынок, — рабочие сравнительно очень плохо сберегают деньги, — либо те элементы, которые сберегают деньги, кладут эти деньги в сберегательные кассы. В городах залежей денег вы не найдете, наоборот огромные залежи вы найдете в крестьянских массах, во-первых, потому, что они более бережливы, во-вторых, потому, что тратить за последний год нечего, ткани нет, обуви нет, керосина нет, сахара нет, железа и сельскохозяйственных машин нет и т. д. Таким образом по всем предположениям главная масса залежей бумажных денег в крестьянских массах. Спрашивается, каким же путем подойти, чтобы эти залежи поступили в государственную казну, и чтобы оборот бумажных денег был более нормален, чем в настоящее время? Здесь с особенным прискорбием я должен отметить ту кардинальную ошибку, которую сделало финансовое ведомство в 1916 г.,—те члены Государственной думы, которые может быть были на совещании в августе месяце в министерстве финансов, в совещании, которое устраивал тогда министр Барк, помнят, с какими настойчивостью и даже упрямством я требовал установления целого ряда монополий взамен винной монополии... *(Председатель:* «Да, я помню».*)* Если бы тогда же это было сделано, мы имели бы теперь огромный аппарат, который высасывал бы из населения бумажные деньги и бросал их в Государственное казначейство. Ведь винная монополия была отвратительна не тем, что это была монополия, а тем, что она была винная монополия, что она давала яд народу, а если бы она стала давать ему сахар, табак, чай и прочее, то, во-первых, распределение продуктов было бы справедливее, спекуляция с ними не свила бы такого страшного гнезда, а главное в этом был бы постоянный огромный насос, который бы обновлял циркуляцию бумажных денег в стране.[182] Тогда, к сожалению, эти монополии созданы не были. С этим мы страшно запоздали, как запоздали с обложением состоятельных классов.[183] И получилась такая картина, что состоятельные классы, сплошь и рядом получая от войны очень крупные доходы, особенно в области промышленности, в первые годы либо мотали эти доходы, и получались безумные расходы, либо давали этим доходам новое, но мало соответствующее видам государства направление, а демократические слои населения впитывали в себя огромные массы бумажных денег и фактически начинали страдать от этой бумажноденежной водянки. Теперь, когда мы за полгода должны сделать то, что получило государство за $2^1/_2$ года войны, вы сами понимаете, что средств для сего весьма мало, и вы теперь поймете тот примерный план, который складывался в министерстве финансов, который вероятно и теперь складывается и мало изменился, который лично

у меня складывался в течение очень короткого срока, в который я заведывал этим делом, — оно у меня было в распоряжении с конца мая, — мне представлялось это дело таким образом: довести прямое обложение до возможного предела и этим насколько возможно сократить все частные бюджеты в интересах государства от материального голода. Те законы, которые изданы, почти исчерпывают это, там остается только закон о повышении налога на наследство и поимущественный сбор, который должен заменить единовременный чрезвычайный сбор, введенный всего на один год, и затем перейти столь же решительно и определенно к косвенному обложению. Прямое обложение, которое было мною проведено, страдает некоторыми дефектами и страдает некоторыми, я бы сказал, неизбежными несовершенствованиями: ведь подоходный налог и обложение военной прибыли требует уплаты налога за тот год, в который получен доход, а не за теперешний год, и это неизбежно — нельзя же за этот год платить подоходный налог, это неизбежно при такой системе во всех странах, такова сущность этого налога — он переносится на следующий год, а так как налог запоздал введением, — почему-то до июня по этому поводу ничего сделано не было, — оказалось, что в подоходном году приходится оплачивать высокие ставки по высокодоходному 1916 г. Вот почему этот налог так тяжел. Правда, единовременный сбор рассрочен на три срока: уплата его начинается с октября, будет продолжаться в феврале и в апреле 1918 г., т. е. фактически часть его будет уплачиваться уже из дохода 1918 г...[184]

Председатель. Это гадательно.

Шингарев. Два срока пришлось уже на 1918 г., но очевидно и здесь нужно предпринять некоторые дальнейшие улучшения или дальнейшую отсрочку, чтобы самая оплата ставок была более осуществима, и вероятнее всего в области кредита нужно искать разрешения этой уплаты. Эта первая часть плана, я говорю, была почти выполнена. Вторая часть плана заключалась в том, чтобы ввести суровое косвенное обложение, ибо количество имеющихся продуктов достаточно, а главное есть излишек бумажных денег в демократических слоях населения, которое за время революции необычайно резко увеличило свои доходы. Если вы попробуете подсчитать то, что случилось, то вы увидите, что несколько миллиардов рублей прибавилось за полгода расходов, оплачивающих труд. Эта уплата, я бы сказал, чрезвычайно похожа на отравление морфием, — чем больше вы впрыскиваете, тем человек больше привыкает к яду и требуются еще более сильные дозы, или вы будете жаждущего поить соленой водой, чем больше, тем сильнее он будет хотеть пить, — так же и оплата труда, ведь оплата труда — это главный составной элемент цены товара, цены производства, цены, которая бьет прежде всего те же самые массы и государство, чем выше вы оплачиваете труд, тем необходимее дальнейшие прибавки вместе с ростом цен на товары. Косвенное обложение лично мне представляется необходимым до поры до времени путем повышения акцизных ставок и подготовления введения монополии. Ведь сахар почти монополизирован, табак. В конце концов надо притти к выкачиванию средств из населения для лучшей циркуляции бумажноденежной массы. Затем третий отдел этого плана должен состоять в том,

чтобы государственная власть не побоялась самым суровым образом сократить расходы. Нельзя делать того безумства, которое делается в этом отношении под давлением обстоятельств часто Временным правительством. Я должен сказать, что за 2 месяца дня не прошло без того, чтобы постоянно не требовались, не предъявлялись безумные требования, ни с чем не сообразные. Позвольте вам привести несколько примеров. Стоимость постройки Мурманской ж. д. была высчитана в 38 миллионов рублей, к концу марта она возросла вдвое и потребовалось еще 35 миллионов, а когда эти миллионы были отпущены, то в конце апреля потребовали еще 40 миллионов, т. е. на протяжении трех месяцев стоимость постройки возросла втрое. Почтово-телеграфное ведомство, которое, правда, всегда было чрезвычайно плохо оплачиваемо, получало около 60 миллионов, потребовало прибавки 60 миллионов, т. е. вдвое, а потом оно уже потребовало еще 108 миллионов, и ему, к сожалению, не отказали. Но мало того. Когда остальное чиновничество, мелкое, малооплачиваемое, заговорило о том, что ему тяжело и трудно, было решено выдать месячное и полуторамесячное жалованье этим служащим и чиновникам в качестве пособия на дороговизну, и его выдали, то тогда почтовые чиновники и служащие, которые получили по 100 рублей на брата без различия рангов, потребовали, чтобы им это пособие было выдано, как и всем остальным чиновникам. И в этом не отказали. Так шло изо дня в день. Только что получили железнодорожные служащие [прибавку. *Ред.*] по Плехановской комиссии, [184а] объем которой измерялся по 500 миллионов в год, как они заявляют, что они недовольны и требуют новых прибавок. Я боюсь утомлять ваше внимание еще другими примерами, но я скажу, что не было никакого удержа. Я скажу, что не было известной воли, которая могла бы отказать из соображения государственной необходимости. Если эта воля проявлена не будет, то никаких средств для избежания государственного банкротства предлагать нельзя. Их можно предложить только тогда, когда вы на чем-нибудь остановитесь. Но что же в самом деле может Гавриил Дмитриевич в роспись 1918 г. вставить, когда он не знает, что ему будет предъявлено к концу этого года, когда не только соображений на этот год нет, но даже на завтрашний день. Ведь дня не проходило без того, чтобы к вам не сваливались все новые и новые требования. Таким образом, если вы неизбежно должны повысить до возможных пределов всячески прямое и косвенное обложение, то третий элемент в вашей финансовой программе — должна быть самая суровая экономия, беспощадная, невзирая ни на что, ни на самостоятельные классы, ни на демократию, ни на кого, повелительно диктуемая государственной необходимостью, которую, к сожалению, очень немногие были в состоянии поддерживать. Четвертый элемент возможного финансового плана заключается в том, чтобы нам предвидеть самый страшный момент — окончание войны. С точки зрения финансовой и политической это будет самым страшным моментом. Гавриил Дмитриевич вам уже указал 8 миллиардов различных расходов, которые сразу окажутся. Около 2 миллиардов расходов до сих пор еще не покрыто ничем. Затем к этому получится безумная толпа людей в 6 — 7 миллионов, которая будет стремиться проехать домой,—ее вывезти возможно только в $1^1/_2$ года. Можете себе представить, что создастся в стране при этом положении. Вот четвертый элемент та-

кого финансово-экономического плана; должна быть та заемная операция, от которой я самым решительным образом открещиваюсь в данный момент. Это — принудительный заем; принудительный заем, которого требовала так называемая революционная демократия. Я лично считаю его последним средством, после которого ничего в руках государства в области кредита не останется. Это последнее средство нужно применять в последний момент, когда оно еще может действовать, когда оно еще может спасти государство от банкротства; поэтому ни под каким видом, несмотря ни на какие требования, ни на какие угрозы, до последнего момента демобилизации нельзя допускать принудительную форму кредита, а тогда будет видно, какие принудительные формы кредита можно применять, ибо, если кто-нибудь допустит их сейчас, то это будет началом конца всякой возможности вести государственные финансы.[185] Надо все-таки даже и теперь думать о том, на чем же строить новые финансы государства. Тот полуразрушенный фундамент, который сейчас почти отсутствует, его надо как-то вновь строить, и конечно этот фундамент должен заключаться в правильной экономической политике, которая должна быть проведена к концу войны. Сейчас трудно говорить об экономической политике, потому что сейчас вообще нет никаких устоев, и я должен сказать, что за все время не только войны, но и за все время может быть целого десятилетия, которое прошло со времени народного представительства, с первой Государственной думы, экономического плана у правительства не было, и этот экономический план не был создан народным представительством. Вот эту работу надо закончить во что бы то ни стало к моменту окончания войны и создать тот экономический план, который пытался бы построить фундамент для государственных финансов после войны, ибо эти государственные финансы представляются мне в весьма печальном состоянии, так как мы встречаемся здесь почти с непреодолимыми трудностями. Следовательно, сейчас, мне думается, интересы финансово-экономические требуют приблизительно того же, чего требуют общеполитические интересы, т. е. не классовой политики, не угодливости какой-нибудь группе или каким-нибудь группам населения, не поблажек ни наверху ни внизу, а самого сурового требования наивозможной помощи государству при максисмуме отказа со стороны государства. Если на эту политику способны, если на эту политику встанет большинство Временного правительства, то я все же думаю, что мы от банкротства можем уйти. Если же на это не способны, если будет продолжаться то, что было с самого начала революции, то я думаю, что нам от финансовой катастрофы не уйти, а чтобы не было катастрофы после войны, для этого надо теперь же всеми мерами готовиться к экономической политике.

Председатель. Позвольте вам, Андрей Иванович, задать вопрос. Некоторые обстоятельства не совсем ясны. Вы изволите говорить о налоговой беспощадности теперь и в том числе указываете на прямые косвенные налоги. Вы не считаете, что эти меры запоздалые, то из чего вы будете брать косвенные налоги. *

Шингарев. Одна мера уже проведена и была закончена в мое

* Так в подлиннике.

время, это табак, резкое повышение цены на табак. *(Председатель:* «Его нет».*)* Он есть, он спрятан, общая сумма табака в государстве теперь немногим меньше, чем была. *(Голоса:* «Нам табак не ввозят».*)* Нам не нужно прибегать к ввозу, мы никогда табак не ввозили, мы жили своим и даже продавали табак во Францию. У нас действительно развилась контрабандная торговля из Финляндии, и она мозолит глаза в Петрограде, но она большого значения не имеет. *(Председатель:* «Сахара тоже не будет».*)* Сахар будет, но будет в меньшем количестве. (*Председатель*: «Обещают наполовину уменьшить свекловичные плантации».*)* В прошлом году необычайно было плохое время для уборки свекловицы.

Председатель. Позвольте вам сказать следующее. Это несомненный факт, судя по разговорам, которые были на съезде землевладельцев, и по сведениям в июле, что выпахать потребное количество свекловицы с осени, чтобы обеспечить хороший урожай, в этом году представляется невозможным, потому что политика министерства земледелия абсолютно лишила рабочих средств свекловичные плантации, а крестьянские плантации средств не имеют, так что эти подсчеты расходятся с действительностью, почему я и задал вопрос. Меня именно табак смущает и смущает сахар — главные предметы потребления, которые могли бы развить косвенное обложение.

Шингарев. Табак есть.

Крупенский. А кто будет прямые налоги платить, министр Чернов или министр труда?

Председатель. Затем позвольте сказать, что в подоходном и единовременном налоге, которые вы исчисляете, огромную роль играют землевладельческие платежи. Я вам доложу на своем маленьком опыте, что вы с меня можете взять. В Новгородской губ. у меня отобрали все покосы, отобрали скот, отбирают рожь в амбарах, мою рожь косят, запрещают мне рубить лес. Я вас спрашиваю, я считаю себя конечно крупицей во всем этом деле, но таких хозяев по статистике 800 тысяч. Позвольте вас спросить, каким образом вы с меня возьмете какой-нибудь доход, когда у меня нет сенокоса, скота; в вашем распоряжении—отобрать инвентарь,—сделано: земля у меня отобрана, и вы с меня хотите взять налог. Я не возражаю, что если для государства нужно, чтобы мои пахотные земли отобрали, как будет, не знаю, но по крайней мере не рассчитывайте, что помещик Родзянко, обобранный в том, что у него есть, мог бы заплатить повинность или подоходный налог. *(Шингарев:* «Он и не заплатит...»*)* Вы считайте, какая крупная ошибка мероприятий, которые не будут исполнены: ни прямого ни подоходного налога землевладение вам снести не сможет.

Крупенский. Ведь кредитов теперь у землевладельцев нет. Чернов уничтожил земельный кредит, его нет.

Председатель. Это невозможно, это вопрос, который меня интересовал, и я всех спрашивал, каким образом вы это сделаете. Теперь относительно промышленности — я думаю, что еще крупная промышленность, большие заводы в конце концов заплатят. Но средняя промышленность абсолютно заплатить не может, потому что то, что на нее возложено, не находится в соответствии с расходами, которые приходится нести. И я вам скажу — опять-таки на моем маленьком, кро-

шечном примере, — у меня есть крошечная промышленность, которая поглощала на рабочих примерно около 120 тысяч рублей в год. В этом году я заплатил 535 тысяч рублей за работу, а материала нельзя продать, потому что мне не позволили сплавлять, и железные дороги не подвозят, никакого контракта сделать нельзя, потому что полная остановка промышленности. Ведь в таком положении не я один, я себя считаю мелким, если хотите, средним промышленником, я подоходный налог заплатил, но фактически, если вы будете учитывать правильно предприятия, средние предприятия уплатить ваш налог не в состоянии. Засим еще один вопрос. Вот что меня страшит, когда говорят, какие меры в этом отношении можно предпринять, об этом очень нужно подумать, т. е. о тех будущих расходах, которые нам предстоит выполнить в 1918 г. при окончании войны. Ведь то, что вы изволили говорить говорит и Гавриил Дмитриевич, т. е. про этот дождь миллиардов, который льется в рабочие массы и который, как вы правильно изволили сказать, прекратится как отрезанный ножом, потому что главный доход рабочих масс — это промышленность военная, металлургическая, т. е. все то, что производится для войны, все это станет сразу, и окажется, что рабочие очень быстро лишатся своих запасов. Вы правильно сказали, что рабочие не особенно бережливы, не так, как крестьяне, и всю эту огромную массу своих денег сейчас же проживут, потому что предметы продовольствия не упадут в цене. И я глубоко убежден, что при окончании войны и некоторое время после нее промышленность наша будет в полном застое, это ясно как день. И я вас спрашиваю, кто же оплатит эти все огромные проценты и так далее? Как вы ни облагайте косвенно, ведь в конце концов единственный аппарат, который вынужден работать будет, это земледелие, но ведь оно разорено... Я допускаю, что впоследствии крестьянство, несомненно обогащенное помещичьими землями, разовьет свою культуру, я думаю, что мелкое землевладение производительнее крупного, но в первое время оно будет совершенно разорено. Таким образом эта цифра 60 миллиардов, я не знаю, кем подсчитана, в среднем же крестьянский двор должен будет уплачивать 62 рубля одних налогов, а если предположим, что положение промышленности ухудшится, кто это будет платить, я не знаю. Засим вот я должен сказать одно, я отлично помню вашу настойчивость еще при начале войны и даже в третьей Думе о необходимости создания финансового плана, я помню, что еще в частном совещании этот вопрос был поднят Крупенским, тогда возникло совещание Барка. Но теперь возникшее экономическое совещание — неужели вы думаете, что такое многоголовое совещание может что-либо создать? Я думаю, что оно плана создать не в состоянии, невозможно...* его может создать небольшая кучка дельных финансистов, уснащенных той волей, о которой вы говорите. На этот путь мы и вступаем. Так как вы были министром финансов и вам были известны предположения Временного правительства, то что же, — собирается оно вставать на этот путь? Этот вопрос меня очень смущает. Что касается до оплаты труда, то она действительно доходит до колоссальных размеров. Вы знаете ли, я приведу маленький пример, но я думаю, что если испытываю это я, то могут ис-

* Пропуск в подлиннике

пытывать и все остальные,—вы знаете ли, что теперь сюда приехала барка с дровами для продажи, так как ведь надо же чем-нибудь жить, и я должен платить простому матросу, он называется «коренной» — 25 рублей в день... *(Голос:* «Это мало, платят и до 70»)...ведь это простой крестьянин. И я должен еще его кормить. Я позволю себе вас спросить, какое же это поощрение какой-нибудь предприимчивости, а ведь без предприимчивости и никаких доходов получить нельзя. Я дальше еще скажу, что из-за той особой системы, которую ведут министерство земледелия и продовольствия, как и несколько крупных городов, вот что получается. Из Екатеринославской губ. вчера приехал один из жителей и привез мне письмо от моего сына, вот что он пишет, что он находится в большом затруднении, так как при введенной вами хлебной монополии он хлеб дать должен, но крестьянское население почти во всей губернии сказало: мы хлеба не дадим, пока не дадут соответственных дешевых товаров. Теперь, когда на юге России предстоит ранняя молотьба и реализация, то было объявлено, что определяется пуд хлеба 7 — 8 рублей. Владельцы конечно вынуждены будут этот хлеб отдать по твердым ценам, но хлеб вывезен не будет. Они говорят: успокойтесь деньги вам заплатят, но хлеб отсюда не вывезут. Что же вы можете с ними поделать? Вот перспективы, о которых Андрей Иванович умолчал, но которые ясны для каждого, кто мало-мальски чем-нибудь занимается, не говоря уже о банкротствах, неплатежах и т. д.

Шидловский. Видите ли, Андрей Иваныч, вы наметили 4 способа действий. Я хочу сказать по поводу 5-го отдела. 4-й отдел самый правильный по существу, но за целым рядом оговорок в смысле практического осуществления, о котором говорил Михаил Владимирович. По поводу 5-го отдела, по поводу выработки экономического плана. Мысль задаться теперь выработкой плана построена на неизвестном, потому что, для того чтобы вырабатывать какой-нибудь экономический план, вы должны знать, в каких условиях вы вырабатываете. Экономический план должен осуществляться в стране после Учредительного собрания. Что Учредительное собрание из страны создаст, неведомо вам. Никакого экономического плана вы не можете иметь, не имея теперь никакого понятия о том, во что выразится созидательная деятельность Учредительного собрания, — это будет работа впустую. Вы можете составить целый ряд предположений и цифр, но экономический план, построенный на гипотетических основаниях, ни на чем не базирующихся, это занятие чрезвычайно мало производительное.

Шингарев. Я думаю, что это не совсем точный пессимистический вывод. Есть сила вещей, которая сильнее воли отдельных лиц, групп и классов, демократии, политик и Учредительного собрания. Это есть совокупность хозяйственных экономических условий страны, из которых никакая политическая группа, никакая воля не выскочит. Самое ужасное, что нас ждет впереди, — это так называемый расчетный баланс. 8 миллиардов мы задолжали за границей, 400 миллионов новых процентов платить за границу. Наш вывоз наверно после войны сейчас же упадет, ибо вывозить будет почти нечего или очень мало. Мы вывозили масло и сами ели, но теперь коров мы перерезали, хлеба также будет мало, потому что передача земли трудящимся в первые годы создаст падение добычи хлеба в стране.

Ведь единственно, чем мы покрывали рабочий баланс, это превышение вывоза над ввозом. План демобилизации промышленности должен быть, и надо перевести рабочих от военной промышленности на промышленность культурно-хозяйственную, но притом на такую, которая бы соответствовала интересам страны, с тем чтобы ввоз был как можно меньше. Фабрики, заводы должны быть повернуты на выработку таких продуктов и предметов, которые страна будет принуждена вывозить. Одна задача связывается с другой — демобилизация должна быть к этому направлена. Вот это и есть одно из слагаемых экономического плана. *(Милютин:* «Да, при нормальных условиях».*)* Господа! Всякое положение вы хотите довести до крайности, как Михаил Владимирович: «никто платить не будет», но ведь практика показывает, что сотни миллионов рублей поступают в кассу Государственного казначейства... «Никаких материалов нет», — между тем практика показывает, что несут массу материалов. Ведь нельзя всякий процесс или опыт доводить до абсурда. «Никто копейки не платит» — конечно платят. «Нет материала» — есть. Недаром мы воюем, а то надо сказать, — напрасно мы воевали, надо бросить. Тогда правы большевики. 60 миллиардов нельзя истратить безнаказанно и ждать, чтобы текли молочные реки в кисельных берегах. Естественно, что государство ослаблено, приведено в полное расстройство, но элементы этого хозяйственного плана существуют. Итак, первой заботой экономической политики, экономического плана является правильная постановка демобилизации военной промышленности, с тем чтобы капиталы, затраченные на оборудование и постройку фабрик и заводов, чтобы рабочие руки, занятые в этой промышленности, наиболее безболезненно перешли на новые формы производства. Надо выбрать формы производства, надо составить план производства, который необходим. Надо этот план исполнять. Кроме того, вывоз, который остается у государства, должен быть регламентирован. Нельзя позволять себе такую бессмысленную роскошь, как вывозить сырье: зерновой хлеб, лес в бревнах, лен в пакле и кудели, необработанный, кожи сырые и т. д. Самым обстоятельным образом должны быть обдуманы вывозные пошлины на сырье и должна быть установлена обработка этого сырья внутри государства, производство того, что само государство получало из-за границы во время войны; обладая колоссальным количеством леса, мы выписывали из-за границы скипидар, смолу, целлюлозу и пр. Это экономическая бессмыслица, это абсурд. Иметь столько у себя и ввозить, не делать ничего. Мы даже теперь можем свободно наметить такие линии развития промышленности и такие мероприятия, которые даже с обломками нашего хозяйства будут пытаться ими руководить. Когда у корабля сломан руль, сломана мачта, машина испорчена, чтобы приплыть к берегу, вы будете пытаться этим обломком управлять. Так и после войны на обломке народного хозяйства вы должны стараться управлять... *(Голоса с мест:* «Не слышно!»*)* Тогда я вас не понимаю, вы желаете ворчать, что вы хотите делать? Ведь человек, который хочет только ворчать, который приходит в плохое настроение духа, в полное отчаяние впадает, позвольте спросить, а дело где? Вот когда вы себе поставите вопрос: как быть, это не политика, это экономика. Может быть надо выгнать Чернова. Я говорю про те элементы экономического

плана, которые надо ставить. Вы можете выгнать Чернова, но крестьян вы не выгоните, вы можете выгнать Церетели, но рабочих вы не выгоните. Вы не можете задаваться такими представлениями, как стянуть луну на землю или поймать солнце в карман, этого нельзя. Поэтому все, что произошло, произошло. Ведь сколько мы бы ни ворчали — революцию нельзя повернуть, она идет и пойдет до своего логического завершения, но важно построить экономический план, чтобы он дал даже при обломке экономического хозяйства максимум возможностей для государства, например, мечтать сейчас о свободной торговле, о каких-нибудь благоприятных договорах и прочее абсолютно невозможно. Придется таможенной системой уберечь нашу собственную промышленность. *(Голоса:* «Не слышно!»)

Председатель. Прошу не перебивать.

Шингарев. Может быть у вас есть свой план, как сделать, я охотно буду его слушать. Вы можете превратиться в изолированное государство, но при этом вы можете поставить себе задачу, которая является абсолютно необходимой с точки зрения финансово-экономической политики. Первые годы после войны вы ничем не можете покрыть дефицит по расчетному балансу, ибо превышение вывоза над ввозом будет отсутствовать, но единственный путь покрытия расчетных балансов — прилив иностранных капиталов. Другого нет. Значит вы должны подумать, как поставить этот прилив иностранных капиталов, куда он может пойти и какого капитала? Здесь опять элемент этого плана должен состоять в том, чтобы прилив этого иностранного капитала направить на наиболее необходимые государственные вещи. Ведь когда Михаил Владимирович говорит о постройке казенных железных дорог на 700 — 800 миллиардов рублей, сюда можно направить иностранные капиталы, которые считают это наиболее верным обеспечением, и когда вы говорите о разработке лесных богатств, о механической обработке дерева, когда вы имеете огромные запасы лесов, вы можете поставить специальные задания такой обработки леса и на это уже есть конкретные предложения и данные. Затем вы можете поставить этот вопрос так, чтобы иностранный капитал был производителем, а не хищником и поработителем, и вы можете обсудить вопрос, как его поставить таким образом. Вот те вехи экономического плана, которые будут неизбежны, что бы там ни было в России, торжество ли социализма или реставрация монархии, все равно, при всякой форме правления вы неизбежно будете считаться с экономическими и финансовыми условиями, к которым привела война с задолженностью заграничной, с пассивностью расчетного баланса, с огромным истощением платежных средств населения, с расстройством частнохозяйственного аппарата, с разорением многих фабрик и заводов, с исчезновением крупного землевладения или может быть его печального состояния, со всеми этими элементами всякая политика будет считаться, экономический план есть нечто самодовлеющее; в этом отношении и элементы этого плана вы можете разрабатывать и теперь. Нельзя оставаться в таком состоянии, что все плохо, все скверно, все пропало. Я понимаю, если бы мы спали в гробах, но ведь мы живые люди и мы должны действовать, власть ли мы, или критикуем власть. Будучи во власти, мы должны делать, и критикуя власть, мы должны создать, что мы хотим, такова

наша программа. Конечно при таких обстоятельствах будут и политические требования, и они будут предъявлены, но сегодня мы не о них говорим, и несмотря на целый ряд отягчающих обстоятельств, все-таки экономический план и его основы разобрать нужно и должно. Если неверно, другие поправят — великолепно, но нужно разработать, но нужно, чтобы он был. Теперь относительно того, что вы говорите, Михаил Владимирович, откуда и как поступят налоги. Вы совершенно правы. Есть индивидуальные случаи совершенно отчаянные, когда человек, совершенно разорен. Когда германцы прошли через Царство польское или Западный край, когда заходили в наши пределы, и когда мы их прогоняли, ведь пустыня на месте оказалась, разоренные люди абсолютно не могли платить. Однако общий государственный комплекс так велик и силен, что все-таки государство продолжает кое-как колтыхать, и даже несмотря на то, что мы истратили 35 миллиардов, несмотря на то, что мы совершенно расшатали государственное хозяйство, все-таки государственная машина еще продолжает работать. Я продолжаю утверждать, что все эти отдельные элементы общего и частного несчастья, они меньше, чем общая устойчивость государственного хозяйства, ибо эта общая устойчивость оказалась чрезвычайно сильной. Поэтому я совсем не прихожу в отчаяние, а наоборот считаю чрезвычайно важной выработку определенных условий финансово-экономической жизни. И в этом, я думаю, заключается задача всякого общественно-экономического деятеля.

П р е д с е д а т е л ь. Андрей Иванович, я меньше всего по натуре пессимист, я вам прямо говорю, и те вопросы, которые я вам задал, я задал их не с целью брюзжать и негодовать на революцию. Напротив я считаю, что как бы ни было тяжело для государства то, что происходит, это именно та баня, которая очистит все дурные наслоения, и мы переживем все эти страдания, и конечно ни о каких возвращениях к старому порядку и строю не может быть и речи, хотя во всех левых газетах ваш покорнейший слуга и его товарищи объявлены чуть ли не контрреволюционерами, стремящимися к ниспровержению существующего государственного строя в лице Совета рабочих и солдатских депутатов, но я не знаю, насколько это государственное учреждение. Если в этом моя контрреволюционность, не знаю, правильно ли это мнение или нет. Но я вовсе с этой точки зрения не подхожу к вопросу. Я задал вопрос, каким образом вы сейчас эти 16 миллиардов добудете. Вы указываете на целый ряд налогов, другие тоже здесь указывают цифры, но я утверждаю, что сейчас, если не изменится политика, эти деньги к вам не поступят, и я думаю, что эти налоговые репрессии несколько запоздали, это не есть брюзжание.

Ш и н г а р е в. Я не про это.

П р е д с е д а т е л ь. Затем скажу следующее. Я подписываюсь обеими руками под всем тем, что вы говорите. Я полагаю, что Россия такая страна, которую колебать и опрокинуть невозможно, как бы немцы ни были хитры, если разумеется не разовьются те сепаратические инстинкты, которые мы видим на Украине и в мусульманском населении и в Латвии, конечно тогда ничего не выйдет, но я должен вам возразить. Вы говорите о демобилизации военной промышленности, а вспомните, сколько времени мы ее мобилизовали. Ведь при мобилизации, положим,

военной промышленности является как антитеза необходимость мобилизовать другую промышленость. Ведь на это мы потратили, и при наличии огромного подъема энергии, полтора года, вы это знаете. Следовательно, все, что говорится о последующей доходности, ведь все это явится только в конце демобилизации, значит то, что вы приписываете этой демобилизации, это явится только после полутора года, и я спрашиваю, каким образом тут поступить?

Шингарев. 16 миллиардов это на военные расходы, а военные расходы до сих пор налогами не покрывались, и все эти 35 миллиардов покрыты займами или бумажными деньгами; другого способа нет, а ведь мы говорим о нормальном бюджете, там нужно равновесие.

Шидловский. То, что вы говорите, Андрей Иванович, я подписываю обеими руками, я ни единого слова вам противоречить не буду, но простите, то, что вы говорили, это не есть экономический план, это то, что мы 35 лет тому назад слушали на лекциях, целый ряд истин, что нельзя вывозить сырье, что нужно вывозить в обработанном виде и т. д. и т. д. Это все целый ряд истин, но экономический план я понимаю так, чтобы этот целый ряд истин претворить в нечто действенное при данных сложившихся условиях. Экономический план там, где данные условия неизвестны, вы не можете разработать, вы можете разработать отдельные вопросы об иностранном капитале и т. д. Мы можем разно к этому относиться, это не есть создание экономического плана, — это взять готовый рецепт, а применить его нужно сообразно создавшимся условиям, а какие это будут создавшиеся условия, мы предвидеть не можем. Несомненно, после войны вывоз поднимется чрезвычайно в сильной степени. Но позвольте, какие условия создадутся после окончания войны, т. е. после окончания войны, когда будут подписываться мирные условия. Следовательно, вы должны сказать, что когда будут договариваться, то должны будут обратить внимание на поддержание своей промышленности, но промышленный план сейчас построен быть не может. Он будет зависеть от того, до чего вы договоритесь... *(Голос: «И насколько мы будем сильны!»)* Нет, то, до чего вы договоритесь, будет зависеть от того, насколько мы будем сильны, а план будет зависеть от того, до чего вы договоритесь. Я совершенно не желаю складывать рук. Я готов вырабатывать все, что хотите, но нельзя вырабатывать то, для чего нет материала. Я нахожу, что теперь много материала для разработки частичных вопросов...

Шингарев. А сумма их есть план.

Шидловский. Нет, у вас еще остается много неразработанных вещей, для которых нет данных. Ведь может быть совершенная разработка известного плана только в том случае, если Учредительное собрание будет в таком паническом состоянии, что ухватится за первый план, который вы предложите. Но я надеюсь, что этого не будет. Таким образом я считаю, что для него должна быть разработка нескольких вопросов, но разработку этих нескольких вопросов нельзя назвать разработкой экономического плана.

Дементьев. Я хотел сказать несколько слов. Я не совсем согласен с Андреем Ивановичем в некоторых предложениях. Это относительно налоговой беспощадности. Она диктуется временем. Но дело в том, что она направляется не туда, где деньги. Она направляется больше

туда, где денег не будет. Если деньги есть, то их вскоре не будет. Можно наложить какие угодно высокие ставки налогов на промышленность. Она заплатит, потому что имеет. Но дальше от промышленности все будет отпугиваться. Какой капитал будет итти в промышленость, когда он ничего не может заработать? Заводы будут закрываться. Мы сейчас имеем это. Иностранные капиталы при этих условиях не пойдут, потому что тоже не будут иметь заработка. Стало быть, есть известный предел для обложения, за который не следует переходить. Когда этот предел будет перейден, то вместо пользы получится совсем обратное. Затем прямое налоговое обложение. Оно имеет одно свойство, которое не учитывается. Оно способствует дороговизне. Следовательно, вся тяжесть этого налогового обложения опять упадает на тех, которые собственно ничего не имеют. Среднее сословие, которое живет личным трудом, окажется в самом печальном и грустном положении. Тех, у которых есть деньги, это не коснется. Какие же налоги можно установить с сельского населения, чтобы извлечь деньги? Вы денег не извлечете. Сокращение расходов. Безусловно нужно самое свирепое сокращение, но надо, чтобы этому подчинялись, чтобы была известная крепкая власть, которая могла бы это делать, но когда вы будете рассматривать данное положение вещей, — вам Андрей Иванович подтвердит, что только потому, что Андрей Иванович принадлежал к известной партии, он не встречал сочувствия во Временном правительстве в своих требованиях сокращения расходов. Где много политики, там не может быть дела; надо было заниматься делом, а не политикой. Сейчас министр финансов говорит, что он не для финансов, а что он будет министром финансов для политики, а что министерством финансов будет управлять его помощник, он будет министром финансов. Может быть при разделении труда что-нибудь получится, но я думаю, что кто-нибудь один будет мешать другому. Поэтому обнаруживается очень сильное желание приступить к самому скорейшему сокращению расходов. Это неизбежно, потому что именно это слабая сторона настоящего времени; предшествующий министр финансов, т. е. министр финансов, который был при старом строе, совершенно выпустил вожжи из рук. Министерство финансов перестало существовать с самого начала войны; оно абсолютно ничего не сделало для того, чтобы захватить эти вожжи и держать их крепко в руках. Известно, что сейчас расходы производятся раньше, чем рассматриваются; сметы по военному фонду рассматриваются, например, потом, и междуведомственное совещание считается уже с совершившимся фактом. Сотни миллионов рублей фигурируют в смете... * Помните, Андрей Иванович, когда вы желали сократить перечневую ведомость, то уже это оказалось израсходованным. И сейчас есть две ведомости — одна на 700 миллионов рублей, другая на 1 миллиард 300 миллионов рублей, все эти расходы произведены в 1916 г. и даже в 1915 г., а междуведомственное совещание будет их рассматривать. Ведь это одна пустая комедия! Вот к чему это сводится. Рядом с стремлением сокращать расходы, возникают целые ведомства, которые напротив так ставят дело, что им самим нужны необычайные суммы. Скажем, ведомство продовольствия,—

* пропуск в подлиннике.

монополия по идее прекрасна, монополия у нас теперь доходит уже до мыла, до кожи, это им нравится, это приятно, но на это будут затрачены большие сотни миллионов рублей, чего в частном деле не было бы. Продовольственные комитеты обойдутся казне, как заявил вам Пешехонов, в 350 миллионов рублей, а говорят, что обойдутся в 500 миллионов. Вот к чему сводится масса должностей, которые создаются, должностей совершенно бесполезных, которые не следовало бы создавать. Создаются они на этой почве, и если не изменить постановки дела, и расходы будут итти, и сдерживать их будет трудно. Скажем, министерство труда. Прекрасны, великолепны его работы, но оно теперь желает чуть ли не в каждом министерстве иметь свой отдел для наблюдений. Его интересы, функции, задачи совершенно расходятся с тем, что желает правительство: сдержанности, сокращения платы и т. д. У них другая политика, они говорят; что надо обеспечить вот минимальный прожиток такой-то, пожалуйте — и все. Требования насчет добавочной платы сейчас же одобряются министерством труда. Здесь в самой среде правительства, в постановке ведомства имеются такие зародыши разногласий, на которых очень трудно будет сходиться. Говорят, что будет, будет. Новый состав кабинета обещает, что все это будет, — посмотрим, как это будет. Но есть одна очень печальная сторона нынешнего времени, именно революционного, — это, что потребовали все сразу рабочие массы, пользуясь тем, что они были физически сильны в известный момент, они потребовали себе увеличения рабочей платы. Первый момент революции заключается в том, что люди схватились за кошельки. Есть еще другое, что страшно отразилось на государственных интересах, — это, что рядом с повышением платы пошло сокращение труда, и теперь работоспособность рабочих сократилась почти на 50%. Это есть величайшее зло для государства, потому что количество вырабатываемой промышленности при таком сокращении труда страшно понижается, и это на всем отражается страшно. К этому, скажем, в 3 - 4 раза повышенному размеру платы надо еще прибавить сокращение труда, чтобы оценить, что это значит в экономическом отношении для страны. В то время, когда государство ведет войну, когда труд нужен исключительно интенсивный, мы объявляем, что мы не желаем трудиться, мы, свободные граждане, желаем семечки грызть на улицах, но работать не хотим, а это страшно отражается на интересах государства. Теперь, что же можно сказать при таких условиях о плане производства на будущее? Конечно необходим этот план, и необходимо думать, и давно надо было думать о том, что после войны, когда что-то наладится, положение будет очень тяжелое. Мы ничего не наладим к тому времени, мы просто ничего не наладим. Может быть, мы просто неспособны, мы очень много будем планов создавать, мы будем всяческие экономические совещании создавать, и сейчас Экономический совет существует, он также будет очень много говорить, но от этого дело не подвинется. Нужны какие-нибудь другие организации, которые бы могли что-то сдвинуть. Тут нужно непременно привлечение тех же самых промышленных сфер, надо эти организации привлечь, они более способны внести в практическую жизнь что-нибудь такое, что можно осуществить. Одними мерами правительственными, из кого бы это правительство ни состояло, это сделать будет в высшей степени

трудно, и во всяком случае это длительно — наладить какую-нибудь отрасль промышленности в России. Сколько нужно для этого времени, а прежде всего нужен капитал. Без денег, без капитала ничего нельзя сделать, а если капитал будет опутываться высокими обложениями, при которых он уже не может работать, тогда этот капитал не найдется, и осуществление этих производств будет затягиваться. Вот железные дороги, конечно, их легче можно будет осуществить и легче найти капиталы. Но в каком положении сейчас железные дороги, железнодорожные общества? Они все работают в убыток, у них уже нет никаких прибылей. Они работают в убыток по тем же самым причинам: непосильная плата рабочим и плата служащим на железных дорогах. Вот сейчас все те строительные займы, которые должны были итти на постройку, куда же они пойдут, они еще не реализованы, им вместо таких реализованных займов приходится выдавать министерству финансов аванс. Авансы эти идут на уплату рабочим, их не хватает, они обращаются к кредиту. Кредит в частных банках забран, все, что можно было, и они идут в Государственный банк, куда стекаются массы всевозможных требований кредита, тут и сахарные заводы и разные предприятия промышленные. Этим путем тоже конечно вытекают кредитные билеты. Государственный банк пока что дает понемногу, но может быть пойдут такие суммы, что он тоже должен будет закрыть...* потому что Государственный банк не будет иметь средства удовлетворить все эти расходы. Вот поэтому я смотрю на ближайшее время, все-таки как на время чрезвычайно тяжелое. Да еще неизвестно, чем кончится война, мы даже не знаем, где наши границы будут. Что можно сказать при таком положении? Хорошо, если возродится наша армия, хорошо если она даст отпор, если она сможет работать дальше, а если этого не случится...

Председатель. План немцев итти до Бердянска.

Дементьев. Тогда все планы разлетятся совершенно, потому что при этих условиях таких планов создавать нельзя.

Председатель. Получены такие указания, может быть они этого и не сделают, но несомненно будет кулак направлен от Брод на Киев и одновременно на Одессу будет вестись...

Шингарев. Конечно все-таки положение мрачное, но ведь я все-таки не понимаю возражения М. И. Шидловского. Он говорит, что это истины, которые он слышал при своем обучении. Совершенно верно — финансы не магия, а экономическая наука, началась не с сегодняшнего дня, надо применяться к современному моменту, надо строить план на далекие годы, никто не говорит, что в два месяца можно или до конца года можно такой экономический план провести, но нужно его создать. Говорят, что его никак нельзя создать, но тогда как же быть — жить изо дня в день, ждать, что день грядущий нам готовит, нельзя. Вот такой пример: приезжают иностранцы и говорят, мы можем дать сотни миллионов рублей на постройку железных дорог. Брать или нет? Конечно брать, потому что нужен капитал, нужен план железнодорожного строительства. Они являются и говорят: как вы относитесь к тому, что мы в Сибири, в таком-то месте, хотели бы построить завод для переработки лесных материалов на целлюлозу, бу-

* Пропуск в подлиннике

магу и т. д., построить флот и спустить его по Оби. Да, и это есть экономический план. Затем они говорят: после войны вам потребуется громадное количество сельскохозяйственных машин. Хотите вы их ввозить? Нет. Хотите построить завод? Да, хотим. Словом, вы можете, руководствуясь основными принципами, истекающими не из учебников старых конечно, и из этого положения, которое есть теперь, вы можете составить этот финансовый план и рационализировать его при содействии сведущих людей. Я утверждаю, что такой план не только возможен, но и нужен. Если он не составится ни общественными организациями ни правительством, то никакое Учредительное собрание его не составит. Торгово-промышленный мир бранился, что политические партии о нем не заботятся, а сам он разве позаботился составить собственный план? Сам он не сказал ни звука. Ни правительство ни народное представительство не имело такого плана, Мне представляется, что надо созидать и работать. Пусть эта работа будет несовершенна, пусть часть ее отпадет или видоизменится. Это все равно, как роспись, которую вы должны составить и представить. Как она будет ни выполнена, но ее нужно иметь как компас, по которому нужно итти. Нельзя, чтобы государственный корабль плыл как хочет, и каждый здравомыслящий человек должен такой план составить. Гавриил Дмитреевич, говорит, что хорошо бросить политику и заняться делом, но это безнадежное дело. Нельзя допустить одну политику — нужно другую.

Д е м е н т ь е в. Если министр финансов не успевает не только плана создать, но и вообще не успевает...

Ш и н г а р е в. Это значит, нужно другую форму власти.

П р е д с е д а т е л ь. Отсутствие политики тоже есть политика.

Ш и н г а р е в. То, что было до этого при старом режиме, было самой безобразной политикой, какую можно себе представить. Это была политика ничегонеделанья и нежелания знать будущее. Я не утверждаю, что можно составить рецепт, которым спасется Россия. Россия сама себя спасет. Я в этом глубоко убежден. Никаких Бердянсков не будет. То ли было. Москву мы сожгли. Не пропали наши деды и прадеды. Что же мы за кисляи, что совершенно потеряем всякую волю и способность к действиям. Россию не сломит Германия. Хозяйство России не сломится революцией. Не добьют ее ни война ни революция. Поэтому хозяйственно-экономической план, имея данные естественного порядка и выводя его из того финансового положения, которое имеется, создать можно и нужно. Я не мог быть в экономическом совещании, не знаю, что там происходит, вероятно, большое количество разговоров. Я пользуюсь экономическим совещанием Н. Н. Покровского, которое за 20 месяцев разрешилось 2 заседаниями и из этих 2 заседаний даже 2 рублей не получило. Был абсолютный полный маразм. Если теперь это так, это жалко, но во всяком случае это не значит, что не надо выдумывать, приспосабливать и обрабатывать финансово-экономический план к Учредительному собранию. Я считаю, что долг и обязанность политических партий или групп или правительства заставить людей задуматься над этим вопросом. Это вовсе не так безнадежно, и я бы сказал — не так утопично. Разбирая систему нашего ввоза и вывоза, изучая имеющиеся естественные богатства, изучая общую линию, которая наметится, это можно сделать. Вы знаете, что этот план разрабаты-

вают англичане, французы и очень деятельно немцы. Они тоже не знают, куда дойдут и что с ними будет. Никто ничего не знает. Угадывать будущее не дано. Однако все к будущему готовятся. Мы тоже. Я утверждаю, что бы ни случилось с Россией, одолеет ли ее революционный социализм или восстановится монархия от безумия утопического социализма, все равно — экономическо-финансовый план будет диктоваться теми же условиями, которые создались войной. Из него не выскочишь. Создались они и создадутся еще. Я думаю, что главная масса этих условий уже наметилась. Это не белый лист бумаги, а довольно определенно намеченные условия. Где будет граница, это не так существенно. Кончится война, и это не так существенно в конце концов, потому что это будет видоизменяться в зависимости от того или другого торгового договора, который нам был навязан или не навязан. Но экономический план для нужд экономической жизни страны будет самодовлеющим целым, и его надо продумать теперь. Относительно производства. Тут прав Гавриил Дмитриевич *; между прочим одно из обстоятельств безумия этого революционного социализма заключается в том, что он сам под себя роет яму, что он сам себя в яму толкает понижением производства, понижением трудоспособности и повышением оплаты труда. Конечно это есть гибель; это совершенно ясно, и поэтому одно и слагаемых, один из параграфов этого экономического плана должен заключаться в том, чтобы поставить и законодательство и все на почву повышения производительности труда. Вот это тоже один из составных элементов плана. Я должен сказать, что в тот момент, когда рабочих не хватает, в тот, момент, когда все диктуется войной, все это конечно несравненно труднее сделать, но то, что грядет за войной, это — демобилизация, это — безработица будут сильнее всяких демагогических выкриков на митингах; все это заставит работать, что бы ни кричали ораторы. То, что мы переживаем теперь — это не новинка, это много раз пережито народами. Перманентной революции быть не может, так или иначе народ найдет определенные формы существования, так как он хочет жить и работать в нормальных условиях. Весь вопрос в том, как пережить эту переходную полосу, как построить план для постоянной жизни. Я думаю, что это можно сделать, я все-таки в это верю.

Гепецкий. Вы указали на одну из мер привлечения от сельского населения средств. Это внесение населением сбережений в сберегательные кассы. В этом направлении уже был сделан опыт старым министерством финансов и были приближены к сельскому населению сберегательные кассы, которых было открыто, кажется, до 2 тысяч. Вот и я хотел бы знать, представляют ли практическую ценность в смысле привлечения вкладов эти сберегательные кассы, и не следует ли их развить, если опыт этот оказался удачным.

Шингарев. Я должен сказать, что приходские кассы стали открывать в конце 1916 г. Постепенно их было открыто до начала июня около 2 тысяч с лишком. Одна из задач, которую я просил поставить самым тщательным образом и развить управляющего — это открытие касс по возможности в каждом приходе. Точных данных,

* Дементьев.

сколько эти кассы успели собрать, у меня нет под руками, но я уверен, что на несколько десятков миллионов они собрали. При всех почтовых учреждениях мы устроили кассы, устроили их в волости, следующий этап — приходские кассы, может быть мы дойдем и до сельских, но приходские кассы это обязательный этап. Из того материала, который был у меня, и из тех просьб, которые я обращал к сослуживцам, видно, что я этому делу придавал большое значение.

Гепецкий. Правительственные сберегательные кассы привлекают вклады, но мне думается, есть конкурирующие с ними учреждения в лице местных кооперативов, которые дают больший процент. Надо было бы увеличить и процент сберегательных касс до 4. Это простой расчет, по займам приходится платить 5%.

Шингарев. Вы правы, батюшка, я как раз предлагал это сделать, но не успел провести этой меры. Я считал, что нужно увеличить до 4% и повысить другие проценты и требовать от частных коммерческих банков понижения, чтобы капиталы больше шли в Государственные учреждения, но мне это не удалось.

Председатель. Время позднее, может быть, некоторые прения будут, может быть, какие-либо постановления будут Временного комитета, позвольте поэтому отложить до четверга, к тому времени будут готовы стенограммы, каждый из вас может прочитать и восстановить в своей памяти, а в частности Андрей Иванович, я должен сказать, что вы относительно американцев не так изволите говорить, у них план несколько другой, у них есть идея, насколько я понимаю, они этого не говорят. Это владычество англо-саксонской расы. План такой. Посмотрите на карту России. Здесь с востока Америка, с юга — Австралия, тут Египет, засим Америка, Канада, Англия, может быть удастся притянуть в помощь Японию и Францию, чтобы тогда заводнить нас дешевыми товарами. Вот план американцев, если хотите знать. Позвольте поблагодарить теперь господина директора Департамента государственного казначейства за сделанное сообщение. Объявляю заседание закрытым. Следующее заседание назначается в четверг в 9 часов вечера.

(Заседание закрывается в 1 ч. 5 м. ночи.)

20 августа 1917 г.

(Заседание открывается в 3 ч. 32 м. дня под председательством М. В. Родзянко.)

Председатель. Позвольте, господа, приступить к нашим занятиям. Я хотел вам доложить, что может быть вам угодно будет в совершенно частном кругу обменяться впечатлением, во-первых, относительно Московского государственного совещания, а во-вторых, относительно того положения, в которое теперь будет поставлен Временный комитет до окончания наших полномочий. Как вам известно, Государственная дума не распускается; Государственная дума остается до окончания своих полномочий в том виде, в каком она есть. Были слухи, были предположения о том, что Временный комитет должен быть перенесен в Москву, но, господа, считаю я, что это совершенно невозможно по разным причинам: во-первых, это возбудит всевозможные догадки, толки и т. д., а во-вторых, Временный комитет, какой он есть и с тем

значением, какое он имеет, должен оставаться в центре власти; поэтому переносить куда бы то ни было Временный комитет будет затруднительно. Я бы очень просил, чтобы часть господ членов Государственной думы постоянно находились здесь, в Петрограде; может быть, можно установить очередь. По этим двум вопросам я просил бы высказаться, кто как на это смотрит. Какое ваше мнение, господа, на этот счет? Во всяком случае с моей точки зрения Временный комитет должен оставаться здесь. Может быть, вы имеете какие-либо возражения? Нет возражений? Никаких? *(Голоса:* «Нет!»*)* А как вам угодно установить присутствие членов Государственной думы — по очереди или как-нибудь иначе? Все-таки часть членов Государственной думы должна здесь находиться.

Крупенский. Но они будут в контакте с Временным комитетом. Пока этого контакта нет.

Пуришкевич. А цель работ Временного комитета? Цель пребывания комитета? Что он собственно будет делать? Каковы в настоящее время его функции?

Председатель. Функции Временного комитета были таковы: Временный комитет считался источником власти и всегда был на страже того, чтобы эта власть в случае кризиса не миновала суждений Временного комитета о составе власти. Как вы знаете по данным, по документам, так было оба раза, когда был кризис, когда к нам обращалась власть за санкционированием ее состава. Вот собственно ее функции.

Далее ведение Временного комитета распространяется на все те суммы, которые находятся в распоряжении Государственной думы. Затем Временный комитет ведает делами самой Государственной думы, так как он заменил собой совещание, которое расстроилось в своем составе; далее Временый комитет ведает всех членов Государственной думы, все их нужды. Наконец надо упомянуть еще о тех случайных и неожиданных делах, которые поступают во Временный комитет *(Ковалевский:* «Представительство от Думы!»), об ответах на некоторые обращения, — тут у нас имеются обращения от иностранных правительств и парламентов. Вот к чему сводятся функции Временного комитета.

Пуришкевич. Как может влиять на решения правительства Временный комитет в тот момент, когда деятельность правительства есть деятельность, упреждающая волю Учредительного собрания. Я укажу на такой пример. Можно ли революционным путем видоизменить условия быта казачьих войск? Это — упреждать волю Учредительного собрания. Может ли Временный комитет возвысить свой громкий голос и сказать, что этого правительство не в праве делать до Учредительного собрания?

Председатель. Я должен сказать на заявление члена Государственной думы Пуришкевича, что Временный комитет это делал постоянно. Может быть, вам угодно возобновить в памяти, когда определенно было сказано, что упреждать и предрешать вопросы, подлежащие ведению Учредительного собрания, Временный комитет считает недопустимым. Об этом было сказано. Что касается меры Временного правительства, то эта мера только в проекте. *(Голос:* «Есть, кажется, осуществляется».) Нет еще. Сегодня имеются точные данные, что она еще в проекте, и кажется, послана на заключение казачества. Так по

крайней мере стоит вопрос, насколько я мог выяснить еще сегодня в беседе с одним из членов Временного правительства; может быть ночью соответствующее постановление будет подписано, но пока еще такого декрета, такого постановления Временного правительства по этому поводу не имеется. Я не думаю, чтобы казачество встретило его с особым удовольствием, а впрочем я не знаю. Конечно Временный комитет может протестовать, может составить постановление, сообщить его правительству, а затем опубликовать во всеобщее сведение. Это тоже одна из функций Временного комитета: предупреждение и пресечение постольку, поскольку. Это может быть принято в соображение постольку, поскольку голос Государственной думы имеет еще общественное значение. Если кому-либо угодно было высказаться по этому поводу, я бы очень просил.

Волконский. Я хотел спросить: полномочия Государственной думы разве прекращаются в таком виде, как сейчас, в нормальной срок созыва, т. е. в октябре месяце? Раз предполагается созыв Учредительного собрания, то казалось бы более естественным, чтобы Государственная дума, не распущенная ни одним актом правительства, как единственное законное собрание, учреждение государства, продолжала свои обязанности и исполняла свои функции до тех пор, пока Учредительное собрание не будет созвано. Говоря откровенно, Государственная дума является единственным законным учреждением в государстве.

Председатель. Единственным источником власти.

Волконский. Да, единственным источником власти, так как срок полномочий оканчивается в октябре, то в такое время, когда все сроки в сущности уничтожены, казалось бы совершенно естественным, что Государственная дума должна оставаться как таковая до момента собрания нового законного учреждения, как Учредительное собрание.

Пресеедатель. Я совершенно согласен с князем Волконским, но тут обстоятельства такого рода: срок роспуска Государственной думы приходится на 15 ноября, а Учредительное собрание должно быть созвано 28 ноября, и если оно будет созвано, то возникает вопрос о 13 днях. Если созыв в означенный срок не состоится, то конечно в таком случае Временный комитет будет иметь суждение о том, как понимать продление полномочий. Так мне по крайней мере представляется.

Ковалевский. Мы по этому поводу говорили на Московском совещании вскользь и предполагали, что срок кончается в момент законного нашего срока 15 ноября, но мне казалось, что князь прав, и раз Учредительное собрание не соберется в ноябре, что весьма возможно, а, скажем, будет отложено до окончания войны, то тогда вопрос о наших полномочиях представляется для меня спорным; я даже склонен думать, что полномочия наши продолжатся.

Председатель. Итак, будем считать, что этот вопрос остается открытым. Конечно Временному комитету придется вступить в суждение об этом деле, уточнить и выяснить его самым обстоятельным образом. Затем, господа, я должен буду просить предоставить слово В. И. Стемпковскому, который даст нам некоторые объяснения по поводу некоторых предполагаемых новых монополий в отношении продовольствия. Я должен сказать, что вопрос о продовольствии стано-

вится все более и более острым и возбуждает немалую тревогу даже среди правительства. Повидимому, правительство склонно принять ряд мер, которые могут очень гибельно отозваться на нашем сельском хозяйстве, о чем Виктор Иванович может нам сейчас сообщить.

Стемпковский. К сожалению, я могу вам сообщить очень мало, но все-таки у меня в руках несколько таких документов, которые наводят на очень печальные размышления. Дело в том, что теперь можно признать, что объявление хлеба государственной собственностью потерпело крушение, т. е. монополия совершенно не удалось.[186] К сожалению, это не мое единоличное мнение, которое я вынес из посещения нескольких губерний как производительных, так и потребительных. В мою отлучку мне пришлось побывать в Воронежской губ., которая представляет собою яркий пример губернии производительной; она производит все: и чеснок, и лук, и картофель, и, понятное дело, хлеб; мне пришлось побывать и в такой типичной потребительной губернии, как Смоленская. И там и тут работа продовольственных комитетов произвела на меня тяжелое впечатление. Но понятно мое единоличное мнение не имело бы ровно никакого значения, если бы это не нашло себе подтверждения и со стороны тех, которые недавно были ярыми сторонниками объявления хлеба государственной собственностью и настойчиво домогались того, чтобы все это дело было передано на местах в коллективные демократические органы. И вот 9-го числа в заседании общегосударственного продовольственного комитета представитель министерства продовольствия сделал сообщение по поводу положения, в котором находится в настоящий момент это дело. Вот буквальная выписка из этого журнала: «Волостные комитеты не всегда согласуют свою деятельность с деятельностью губернских и уездных комитетов и часто вмешиваются в распоряжения последних. Необходимо также отметить, что деятельности продовольственных органов часто мешают земельные комитеты, которые вмешиваются в область продовольственного дела. Некоторые трения происходят между продовольственными органами и советами крестьянских депутатов».

Дальше представитель того министерства, уполномоченный Ионов, который объезжал среднее Поволжье, совершенно определенно выражается: «Волостные продовольственные комитеты служат препятствием снабжению страны и армии хлебом, и были случаи, что оплаченный казною хлеб задерживался комитетами». Более авторитетного, более категорического приговора, мне казалось, нам трудно было бы ожидать именно от создателей этих комитетов. И несмотря на все это, все же продолжается опять-таки та же самая политика; несмотря на то, что эти комитеты, как вы только что слышали из цитированных мною мест из журнала общегосударственного продовольственного комитета, признаны препятствующими делу снабжения, все же деятельность и компетенция этих комитетов все более и более расширяется. Третьего дня мы установили твердые цены на лук. Все дело снабжения страны и армии луком передано в руки этих продовольственных комитетов. Затем, вчера вечером, к 1 часу ночи мы объявили государственной собственностью весь находящийся в империи чеснок. Действительно, мотивы, которые послужили к этому, до чрезвычайности странного характера. Мы оперируем на каких-то статистических цифрах. Напри-

мер, потребление чеснока для армии в круглых цифрах определяется в 400 тысяч пудов в год, между тем как статистика показывает, что мы имеем всего-на-всего 160 тысяч пудов. И вот из боязни того, что будут сильно вздуты цены, чеснок объявили государственной собственностью. Но чеснок — довольно прочная вещь, а лук, который менее прочен, и хранение которого довольно сложно, внушает нам опасение насчет того, как мы справимся с этим делом; между тем лук составляет если не питательное, то во всяком случае лекарственное средство, потому что это один из овощей, которые считаются противоцынготным средством, так что это вещь необходимая. И все это передается опять-таки в руки тех комитетов, которые признаны мешающими, а не способствующими продовольствию. Теперь далее. Во вторник будет комиссия, а в среду будет обсуждаться в общегосударственном продовольственном комитете вопрос о картофеле, и если картофель не объявится государственной собственностью, то регулирование снабжения этим картофелем берется в руки государства, и в целом ряде губерний — я перечислять их не буду — вольная торговля прекращается, и будет разрешительная система вывоза, так что свободные аппараты в передвижении картофеля будут почти устраняться.[187] Все дело будет передано губернским, уездным и волостным комитетам. Все это будет принято ими под контроль. Основанием к этому послужило то, что, как выяснилось, посев картофеля сильно сократился, и очевидно предвидится его недостаток. Но я должен сказать, что в этом отношении, в регулировании продуктов, есть и хорошая часть. Все-таки картофель отчасти поедается в натуре, а отчасти потребляется в виде крахмала и патоки. Вот этот момент общегосударственный продовольственный комитет, по-моему, правильно учел. Он хочет сейчас же не дать лишнего количества картофеля переработать на патоку и крахмал, чтобы таким образом не лишить население картофеля au naturel. А соблазн перерабатывать картофель в патоку колоссальный, потому что сейчас патока достигает невероятной цены. Та белая патока, которая стоила 2 рубля 50 копеек — 3 рубля, теперь дошла в цене до 38 рублей, а местами даже выше. Одним словом, сколько хочешь, столько и бери за патоку. Понятное дело, при такой конъюнктуре существует колоссальный соблазн переделать сначала картофель в крахмал, а из этого крахмала сделать картофельную патоку. Так что с этой стороны вне всякого сомнения мероприятие это правильно, но как они все же справятся при существующих организациях с картофелем, с распределением его, это для меня совершенно неясно. Я не ручаюсь вам за цифры, но вчера в совете съездов Ракович сделал сообщение. По его сведениям, положение продовольствия прямо критическое. По его сведениям, оказывается, что теперь во всей России, включая даже и Сибирь, будто бы на путях находится всего-на-всего 2 тысячи вагонов.

Председатель. Зерна.

Стемпковский. Да, зерна. Я указываю, что эта цифра не моя, — эта цифра заимствована мною из сообщения Раковича, который делал вчера в совете съездов свой доклад. Нынче это уже опубликовано в «Речи», так что я на себя брать ответственности за это не могу; но судя по тем сообщениям, которые делали нам в продовольственном комитете, если обстоит и не так плохо, то во всяком случае что-то близ-

кое к этому есть. Самое печальное в этом деле, мне кажется, то, что они опять-таки продолжают оставаться все на той точке зрения, что все зло опять-таки в буржуазных классах. Даже такие серьезные представители общественной деятельности и науки, как Чайковский, председатель Вольно-экономического общества, говорят: да, понятное дело, продовольственный комитет потому плохо работает, что туда проникли некоторые представители торговли, — и вот они мешают этому делу, поэтому следовало бы расширить привлечение демократических элементов в гораздо большей степени, чем это сейчас сделано. Но на ряду с этим в этом же совещании другой представитель продовольствия, Ионов, когда его спросили, почему же вот такие организации разных советов крестьянских и рабочих и прочих депутатов слабо там представлены, определенно ответил: «Да, помилуйте, там нет ни одного человека, которого можно было бы привлечь к этому». Об этом можно и прочесть. Совет съездов от 10-го, тут определенно говорится. Виноват, я в фамилии ошибся, это не Ионов, а Ладыгин, который на вопрос о том, почему не привлекаются к продовольственному делу крестьянские депутаты, ответил, что «в исполнительных комитетах крестьянских и солдатских депутатов также ощущается недостаток работников, и они не могут дать ни одного человека». Так что, когда заседаешь в продовольственном комитете, прямо-таки теряешься. Представители одного и того же направления, один говорит, что нужно усилить такой элемент, а другой отвечает: позвольте, ведь там нет ни одного работника. Мне представляется, что без того чтобы коренным образом не преобразовать организацию продовольственного дела, едва ли мы чего-нибудь достигнем, так как и то, на что они надеялись, т. е. именно — извлечь хлеб из населения, дав ему предметы первой необходимости, тоже представляет в моих глазах весьма слабую надежду. Они сейчас заняты организацией снабжения деревни тканями и при всех их хлопотах и при том, что во главе этого дела стоит А. А. Титов, сам кажется причастный к делу — он сейчас товарищ министра продовольствия, кажется, южанин, богатый человек, социалист и имеет соприкосновение с текстильной промышленностью; он нам делал вчера доклад, как они думают организовать это дело,[188] — и вот несмотря на все знание его дела (действительно из доклада было видно, что этот человек совершенно в курсе всего дела), все же в конце концов оказывается, что мы на всю Россию сейчас можем направить 43 миллиона аршин материи — ситца. Знаете ли, 43 миллиона на 160 миллионов, причем из этого часть приходится отправлять и в Сибирь, как например в Якутскую область, есть распределение и туда. Вы понимаете, что 43 миллиона — это немного. Они думают продавать по 85 — 90 копеек этот ситец. Сосчитайте, это будет примерно 36 миллионов. А на 36 миллионов немного сейчас хлеба приобретешь и этим немного его выудишь из страны. Очень сомнительно, чтобы они могли к концу года довести свой запас этих ситцев, которым они будут располагать для торговли в деревнях, до 100 миллионов аршин, так как еще совершенно неясно то количество хлопка, которое может быть в распоряжении наших фабрикантов; во всяком случае оно может быть не выше 14 миллионов пудов, тогда как обыкновенно мы употребляли 18 — 19 и несколько больше миллионов пудов в нашей текстильной промышленности в то время, когда

потребности были значительно ниже существующих. Одна армия теперь поглощает колоссальное количество этих продуктов. Вот это все, что я могу сказать в данном отношении. Дальше — организация железа, торговля железом и сельскохозяйственными машинами; но я тоже думаю, что это широкого распространения не приобретет, так как во всех продуктах чувствуется колоссальный недостаток, и этот план извлечь из страны хлеб в обмен на продукты первой необходимости для села, едва ли может возбуждать в нас большие надежды. Во всяком случае, те размеры запасов, которые у нас есть и которыми мы можем совершенно свободно распорядиться, настолько незначительны, что дай бог, чтобы их было может быть на 200 — 250 миллионов. На эту сумму мы этих продуктов могли бы послать в деревню, тогда как количество хлеба, потребное для армии, превышает 1 миллиард 200 миллионов, и если вы на среднюю цену помножите, на 2 рубля 50 копеек, то вы сами увидите, что стоимость этого хлеба будет свыше 3 миллиардов, и понятно такую сумму продуктов первой необходимости мы населению дать не можем, — ну, такого количества не нужно, но даже и на приближающееся к этому, т. е. такое количество, которое могло бы действительно повлиять на то, чтобы население рассталось со своими запасами хлеба. Тут, разумеется, нужны и те меры, которые они употребляют, а главным образом нужна организация. Никогда не может коллективная единица, выборная и совершенно почти независимая от центральных органов, соблюдать так общегосударственные интересы, как лицо, назначенное центральным правительством, и находящееся от него в полной зависимости, как это было в прежнее время. Понятное дело, теперь правительство другое, оно может назначать других лиц, но важен самый принцип, чтобы лицо, которому поручено собирать хлеб, находилось в зависимости от центрального правительства, от министерства продовольствия. Без установления этого принципа, я думаю, дело продовольствия в стране совершенно не двинется.

П р е д с е д а т е л ь. Член Государственной думы Антонов.

А н т о н о в. Во-первых, маленькая фактическая поправка. Товарищем министра продовольствия состоит сын ростовского (Ростова Ярославского) купца Титов, миллионер, народный социалист; специальность его — торговля красным товаром в Ростове Ярославском; следовательно, с точки зрения торговли ситцем он конечно специалист, но с точки зрения торговли хлебом он в ней ничего не понимает, никогда ею не занимался. Образование он получил за границей, в каком-то немецком политехникуме, химик по образованию, но с хлебной торговлей и продовольствием общего ничего не имеет, и был приглашен Пешехоновым, повидимому, потому, что лично с ним в хороших отношениях, и затем именно, как об этом говорил Виктор Иванович, в целях доставления народу по более дешевым ценам мануфактуры; но, повторяю, это для того, чтобы отмежевать этого Титова от всего продовольственного дела, — по-моему, с продовольствием тут ничего общего нет. Теперь два вопроса, по которым я хотел сделать заявления. Во-первых, по вопросу о торговле. Я считаю, что установление какой-либо нормировки, чего хотите, тем менее следовательно монополии, но даже и нормировки, которую отчасти как будто приветствует Виктор Иванович, — гибельно. Дело в том, что наше министерство торговли есть не

только министерство торговли, но и раньше этого поставленная продовольственная часть, которая имела задачей доставку зерна для армии. Конечно это зерно сгноили; не умели во-время это зерно доставить; но тем не менее, я уверен, наши правительственные организации, менее всего конечно социалистические, ничего в торговом деле не понимающие, никогда не справятся с торговлей картофелем.

[Далее Антонов заявляет, что надо просить, представителя Временного комитета в продовольственном совещании «определенно протестовать против всяких мероприятий по монополии и нормировке торговли картофелем». Выступившие вслед за Антоновым Волконский и Стемпковский приводят ряд примеров, как местные продовольственные комитеты препятствуют вывозу продуктов. Слово получает Савич.]

Савич. Я буду очень краток. Я должен сказать, что на нас лежит до некоторой степени вина, тяжесть всего того, что происходит. Из нашей среды вышел человек, который эту монополию ввел, и когда он ее вводил, мы недостаточно энергично против этого протестовали, так что я считаю, мы до некоторой степени морально виноваты в том, что происходит. Поэтому мы молчать не можем, мы должны свою вину насколько возможно искупить. Я предлагаю просить председателя Государственной думы написать председателю совета министров письмо, в котором было бы изложено наше отношение к данному вопросу. Для меня вопрос совершенно ясен: мы повторяем ту ошибку, которую сделала в свое время Французская революция и которая поставила население Франции на край гибели; только благоприятные условия случайно спасли французские города от голодной гибели. Надо итти по такому же пути, лечить эту беду, отменить монополию, другого выхода нет, и мы должны сказать это прямо и твердо. Далее мы должны сказать, что продовольственные комитеты, которые тоже были организованы еще не нынешним составом правительства, все эти комитеты, как правильно сказал Стемпковский, абсурд; нельзя правительству тратить 500 миллионов рублей народных денег на организацию народного голода, и этому тоже должен быть положен конец. Это постоянное местничество, эти постоянные республики продовольственные должны быть отменены; должна быть в каждой губернии устроена организация, управляемая из центра, а не из периферии. Несомненно к этому может быть привлечено местное население; может быть, придется это сделать, как были привлечены в прежнее время земские управы, но эти местные люди должны быть подчиненными центра, правительства, какое бы оно ни было и как бы мы ни относились симпатично или несимпатично к тому или другому составу правительства. Мы должны настаивать государственно, что правительство не может быть без рук, без головы и без органов, которые проводили бы его политику, его цели. Поэтому является ближайшей задачей убедить правительство: создайте наконец органы на местах, от вас зависит сие. И вот об этом я тоже просил бы сообщить председателю совета министров. *(Голоса: «Правильно!»)*

[Выступавшие затем Ковалевский, Милютин и Люц приводят еще ряд примеров противодействия со стороны местных комитетов вывозу продуктов и факты самочинного захвата сена крестьянами.]

Председатель. Кому угодно высказаться? Таким образом, господа, дело представляется совершенно ясным и повидимому разно-

гласий не возбуждает. Здесь внесено предложение Н. В. Савичем, чтобы председателю Думы поручено было об изложенном сообщить письмом председателю совета министров. Я бы пошел дальше и предложил бы препроводить стенограмму. *(Голоса:* «Ваше письмо только!») Угодно вам будет принять это предложение. *(Голоса:* «Просим!») Это будет завтра исполнено. *(Голос:* «И опубликовано!») Я все опубликую. Позвольте от этого вопроса перейти к следующему: дело в том, что как вам известно, на Московском государственном совещании резолюция, принятая вами, к которой присоединилась и третья Государственная дума, путями непонятными два раза не получила возможности быть оглашенной, и присутствующие на этом совещании помнят, что раз не дали ее огласить мне, а на другой день вечером, когда к этому присоединились представители земского союза, то ее дали дочитать только до половины, кажется, — я не был в этот момент в заседании, — а засим была наложена цензура на речь оратора, председателя Московской управы Грузинова.[189] Таким образом эта резолюция будет только в стенограмме, — к этому я принял меры. Но стенограмма это не то, что оглашение в открытом заседании. И, разумеется, широкой известности эта наша резолюция не получит. Поэтому позвольте мне предложить нижеследующее: когда в Москве мы так и решили, т. е. наличные члены Временного комитета Государственной думы, собрать Государственную думу четвертого созыва там же, в Москве, это не представлялось совершенно возможным за выездом огромного числа членов Думы еще 15-го числа, а других утром 16-го. У меня не было никаких способов оповещения, помещения у меня также не было, так как газеты не выходили, рассыльных же в моем распоряжении не было. Хотя члены Думы обращались ко мне с тем, чтобы их собрать, но каждый, которого я спрашивал: «А вы будете» — отвечал: «Нет, я уезжаю». Выходило, что там сделать это собрание было совершенно невозможным. Поэтому позвольте поступить таким образом: резолюция имеется здесь, сейчас она у члена Государственной думы Милюкова, позвольте ее напечатать теперь в газетах, во всех, где только можно, напечатать с объяснением причин, почему это делается и почему она не была оглашена своевременно в Государственном совещании. Можно этот вопрос считать решенным? Возражений против этого нет? *(Голоса:* «Просим»!) Тогда я возьму у П. Н. Милюкова эту резолюцию, которая у него находится, она будет соответственным образом предоставлена и оглашена уже с мотивированным объяснением, почему это делается теперь, а не было сделано в Государственном совещании.[190] Против этого никто не возражает? *(Голос:* «Нет, просим!»)

[Затем Родзянко выясняет количество экземпляров стенограмм Московского совещания, необходимых для членов Думы, и технику их издания.]

П у р и ш к е в и ч. Я хотел, если разрешите, сделать маленькую результативную оценку совещания. Я с большим вниманием слушал сегодня речи членов Государственной думы Антонова и Стемпковского по вопросу о том, что нужно обратиться с тем-то и тем-то к Временному правительству по вопросу о неправильности монополии на картофель, о монополии на чеснок и т. д. Я удивляюсь этому бесконечному оптимизму членов Государственной думы. Я отлично понимаю, что всякие слова сейчас бесцельны, ибо время совершенно не слов. Но я удивляюсь

той силе оптимизма, которая царит среди членов Государственной думы. К кому вы будете обращаться? Член Думы Люц говорил, что они не знают, что они делают. Нет, они знают, что они делают, вы жестоко ошибаетесь. Вся та политика, которая ведется по вопросам продовольствия, хлебная политика, — вся эта политика направлена против буржуазных классов. И невольно вспоминается басня Крылова «Волк и ягненок»: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». Что бы вы ни говорили, что бы ни доказывали, с чем бы ни обращались, поверьте мне, ваш голос останется втуне. И чем меньше мы будем к ним обращаться с ходатайствами и просьбами, тем больше мы сохраним свое достоинство. Я позволю себе думать, что в этом главнейшая ошибка того учреждения, которое, я повторяю, составляет все-таки мозг России. Центр, куда направлены лучшие помыслы России, — наша Государственная дума и ее председатель... Мне кажется, что задача наша заключается в данный момент только в одном: не в обращении с чем бы то ни было к правительству, а вот именно, если нельзя собрать Государственную думу, то необходимо, чтобы наш голос, голос частного совещания под председательством Родзянко, раздавался грозно, властно, предсказательно, чтобы этот голос громко звучал на всю Россию, чтобы она в нем разобралась. Нет дела, если результатов не будет, но ведь каждый день сейчас записывается, господа, в историю. И пусть история, если мы не можем влиять на ход дела, пусть история знает, что в минуту общегосударственной разрухи, когда у власти стали те лица, которые, прикрываясь высокими лозунгами, преследовали узкоклассовые интересы, Государственная дума стояла на страже русской государственности и голос ее всегда раздавался не в защиту классовых интересов, а указывал те пути, по которым должно итти правительство, если это правительство хочет оказать действительную помощь народу. Господа, с момента Московского совещания прошло очень немного времени, но, вдумчиво отнесясь ко всему тому, что происходит вокруг нас, мы видим, что положение ухудшилось до последней степени. Я не говорю про фронт. Сейчас мне передали сведения, что в Риге ночью были немцы, что под обстрелом была Рига Сортировочная, обстреляны мосты, ведущие в Ригу, следовательно не сегодня, завтра пожелают немцы взять Ригу, они возьмут ее. Я не с этой точки зрения говорю, но общая разруха внутри страны продолжается, углубляется, и захват социал-демократическими революционными силами позиций в стране, захват отдельных групп народа происходит систематически и все более и более углубляется в народную толщу. Ни для кого не секрет, господа, для всех нас, следящих за тем, что творится в Совете рабочих и солдатских депутатов, что там происходят события, которые, после того как назреют, разразятся опять в Петрограде и отзовутся эхом по всей России. Вы знаете, что большевики взяли верх в Совете рабочих и солдатских депутатов, а Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов в настоящее время состоит из избранников того момента, когда большевики были в меньшинстве, следовательно, сейчас предстоит переизбрание Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, и в этот Исполнительный комитет будут выбраны несомненно большевики, обладающие большинством голосов в Совете рабочих и солдатских депутатов, и следовательно вслед за этим сейчас же начнутся

выступления, характер и размер коих предсказать совершенно невозможно. Будет ли фигурировать Ленин? Я думаю, что Ленин фигурировать не будет, потому что, как мне говорили, Ленин в 1916 г. скончался, а под паспортом его работал в дни, предыдущие революционному движению, и работает сейчас в России его друг Цибельбаум, который получил его паспорт и с этим паспортом явился в Россию, именно произвести те движения, которые имели место в выступлениях на улицах Петрограда.[191] Но дело от этого совершенно не меняется, — Ленин или псевдо-Ленин, но во всяком случае большевики готовятся к чему-то грозному, большому, выступят на улицах, и опять начнется то, что было. В это же самое время, господа, после Московского совещания окрепшая правительственная революционнная власть, вместо того чтобы проявить энергию и волю для борьбы с большевиками, ищет в настоящее время контрреволюцию самым усиленным темпом. Как вы изволили слышать слова Керенского, он забросил «цветы своего сердца», сделал его каменным и забросил ключи от него, словом, он будет проявлять железную волю для подавления всякого революционного и контрреволюционного движения. Я вас спрашиваю, я хотел бы спросить правительство через ваши головы, — где находится эта контрреволюция? Я позволяю себе думать, что контрреволюционные очаги находятся во Временном правительстве, в его способах действия, в его организации, в его вечных поисках везде реакционеров, которых в России нет и не может быть, ибо нет сторонников возвращения к старому строю. Свободы у нас не было и не будет, с каждым днем все меньше и меньше ее, ибо у нас есть не свобода слова, а свобода сыска, ибо каждый из нас, сидящий здесь, не может быть уверен в том, что, выйдя из этого зала совещания, его не встретят * 15 — 20 человек солдат, которые, как генерала Гурко, отведут и посадят его без объяснения причин в Петропавловскую крепость или Кресты, несмотря на отсутствие улик, потому что так хочет революционная демократия, сила революционного народа, не опирающаяся на право, а признающая одно право — право силы. Господа, это не может быть так оставлено ни совещанием Государственной думы ни нами, не может быть оставлено так без рассмотрения и внимания, а равно не может быть оставлено без внимания и другая сторона деятельности этого правительства, та двойственность, которая проявляется в каждом его шаге. Правительство, с одной стороны, кричит о необходимости введения дисциплины в армии, а с другой стороны, один из самых отвратительнейших типов этого правительства— Чернов ездит на фронт и там в присутствии 4 — 5 тысяч солдат и матросов, как было в Ревеле, произносит речь о прорыве буржуазного фронта. Что такое буржуазный фронт на фронте? Это есть те же господа офицеры, жертвующие своей жизнью. Таким образом, с одной стороны, он кричит о необходимости насаждения дисциплины в армии, а, с другой стороны, г. Чернов, как Антей, от прикосновения к земле хочет получить силу и произносит целый ряд подобных речей — о прорыве буржуазного фронта и вооружает тот пролетариат, на инстинктах и силе которого он до настоящего времени в достаточной степени действовал. Правительство далее говорит о том, что оно хочет по возмож-

* так в подлиннике

ности согласовать действия буржуазных классов с классами демократическими. И в это самое время Чхеидзе, который твердит об этом в своей декларации, едет на Стокгольмский съезд. Где здесь последовательность, где желание создать тот мир, ту тишину, спокойствие и благополучие и то взаимное понимание, о котором так громко говорил пролетариат на Государственном совещании?[192] Далее, господа, с каждым днем все более и более и все настойчивее и настойчивее приобретает значение голос Совета рабочих и солдатских депутатов. Ничего не значит, что они переехали отсюда в Смольный институт; они составляют ту же силу, которой они были раньше. Если вы изволите просматривать «Известия», как я просматриваю каждый день эти «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов», то вы увидите какое сильное влияние имеет этот Совет на деятельность правительственной власти. Не так давно нашему уважаемому председателю Государственной думы М. В. Родзянко, а в лице его и всем нам, бросил оскорбление в лицо этот самый Совет. На поздравление телеграммой Родзянкой кавказской армии, кавказский орган Совета позволил себе написать, что кавказская армия возвращает обратно Родзянке это поздравление, а этим самым возвращает его нам. Господа, я считаю необходимым гласно, вслух на всю Россию, через голову этого совещания, сказать наконец то, чего до сих пор говорить не доводилось. Я хочу представить вам удельный вес постановлений органов местных комитетов, ибо этот удельный вес мне хорошо известен по работам другой организации наподобие Совета рабочих и солдатских депутатов — Союза русского народа во втором периоде его деятельности, деятельности не 1905 г., а 1911—1912 гг. вплоть до 1916 г. Я говорю про Союз русского народа доктора Дубровина, когда он переехал работать в «Русское знамя», в Басков переулок.[193] Та же система, которая применялась в этот второй период деятельности Союза русского народа в момент его распада, та же самая система практикуется и сейчас для терроризации общественного мнения со стороны советов рабочих и крестьянских депутатов и их исполнительных комитетов. Во второй момент деятельности Союза русского народа, в тот момент, когда в него начали проникать недостойные люди, когда он начал влиять на деятельность известной части членов Государственной думы, что и заставило меня выйти из правой фракции Государственной думы, когда нужно было создать известное настроение и повлиять на правительство,—а на Протопопова было легко повлиять,— то тогда печатались циркуляры секретного характера: требовать того-то и того-то. Я повторяю, не о деятельности Союза русского народа в первом периоде, когда он принес России пользу, говорю я, а о его деятельности в периоде распада и разложения, когда туда втесались люди, которым не место в монархических газетах. И вот, в ответ на секретные циркуляры, 3 - 4 человека, составляющие совет местного отдела Союза русского народа, жарили телеграммы в главный совет, а он публиковал их в «Русском знамени» доктора Дубровина и в других газетах, не знаю их название, так же, как и имена тех главарей, которые работали в Басковом переулке. В результате по России полилась волна 60 — 100 резолюций, что мы требуем от имени русского народа того-то и того-то. Если бы вы спросили на месте тех, которые входят в известный отдел русского народа: крестьян, мелкую бур-

жуазию, чиновников и других, вы бы увидели, что их положительно никто об этом не спрашивал, а писали от их имени 3 - 4 человека. Я утверждаю самым категорическим образом, что не подлежит ни малейшему сомнению, что по последнему выступлению нашего совещания в этой же самой комнате был дан циркуляр секретного характера, для того чтобы повлиять и запугать общественные круги, был дан циркуляр о вреде деятельности Государственной думы, о том, что Государственная дума противна народу, противна рабочей демократии.[194] В результате этого циркуляра, так как комитеты создались на местах, явился целый ряд «Известий», резолюций, целый ряд постановлений, в которых менее всего повинны те, от имени которых говорили. И я категорически утверждаю, что эта телеграмма, которую позволили себе послать от имени кавказской армии тому лицу, которое возглавляет Государственную думу, в ответ на его поздравление, эта телеграмма так же выражает собою мнение кавказской армии, как выражают собою мнение отдельных народных групп те резолюции, которые печатались в «Русском знамени» в дореволюционную эпоху.[195]

Вот удельный вес этих постановлений. Я говорю о русском обществе, о русской интеллигенции, для которой и пишутся все эти постановления, чтобы русская интеллигенция знала им цену, чтобы она не думала, что от имени советов рабочих и солдатских депутатов говорит народная масса. Вздор это и ложь. Это есть громадный всероссийский блеф, рассчитанный на трусливость русской интеллигенции, на возможность терроризовать ее, как московскую купчиху, словами «жупел и металл». Вот на что нужно обратить серьезное внимание, вот о чем мы должны громко говорить в буржуазной прессе, установляя цену и значение вот этих постановлений. Повторяю, господа, это же явление в большом масштабе проявилось и на Московском государственном совещании, ибо Московское государственное совещание, в котором мы все — люди государственного взгляда и ума — играли роль статистов перед Временным правительством, явилось большим государственным митингом, устроенным на общественный государственный счет, т. е. та же цель преследовалась, проведена та же задача на этом совещании, какая проводится и преследуется в резолюциях этих комитетов, печатаемых в органах рабочей демократии. Вникая в задачи, цели и причины этого совещания, если проследим за ходом его работ, за вступительными и заключительными словами министра председателя, мы совершенно ясно поймем, с какими целями оно было созвано. До совещания и в начале его, на одном из предварительных заседаний, я говорил, что правительство, отстранивши буржуазию от власти и предчувствуя то тяжелое положение, в котором будет находиться страна в октябре— ноябре, когда будет холод и голод, пожелает перенести большую часть ответственности на буржуазию, которую оно фактически отстранило от власти, но в отношении которой оно может сказать: позвольте, мы не уклонились от суда всей России, мы вас все призвали, следовательно, за все, что в России происходит, виноваты так же и вы, как и мы; несите долю ответственности с нами, а не взваливайте ее на нас одних. Таким образом первая задача, как встала она для меня, это было перенести ответственность на буржуазные классы, фактически устраненные от власти, оправдаться перед общественным мнением России в виду насту-

пающих событий. Затем вторая цель, которая совершенно ясно сквозила в речах представителей правительства, и главным образом министра-председателя Керенского, заключалась в том, чтобы узнать, кто его враги, узнать не только, что будет говориться, но и то, что может думаться. Ибо, если вы припомните, что были установлены перед этим совещанием внесудебные аресты, то, господа, следствием этого совещания будет изымание из общественных кругов тех лиц, которые могут быть вредны правительству. Что это мое пророчество оправдается в ближайшем будущем; вы несомненно увидите воочию. Следовательно вторая цель — узнать, кто враги этого правительства, т. е. приняться за чистку тех общественных классов, которые не сочувствуют взглядам, идеям и принципам, проводимым этим Временным правительством. Третья цель — создать в стране и указать, что вся страна настроена в смысле и духе этого самого правительства. И действительно, если мы припомним, что левая сторона зала, представлявшая имущие классы, была много меньше той правой стороны, которая была созвана революционной демократией, представителями всех комитетов самочинного характера, которые пишут свой протест, то вы увидите, что правительство получило то, чего хотело. Но мало того, правительство, получив это, могло иметь возможность терроризовать тех, кто мог победить. Вот три задачи и цели, которые преследовало правительство, чтобы получилось настроение, которое соответствовало той линии поведения, которую ведет правительство. И наконец четвертое — запугать буржуазные классы, дабы эти буржуазные классы не делали тех выступлений, которые могли бы помешать правительству проводить революционным путем те акты законодательного характера, которые могут повременить и которые должны явиться результатом деятельности Учредительного собрания. Правительство не хочет уступить свои позиции, желает расширить их, углубить, желает взять на себя инициативу по проведению тех законов и тех мер, которые упрочивали бы завоевания социал-демократии; сделали невозможным свободное объявление русского народа в Учредительном собрании. Вот, для того чтобы парализовать возможность противодействия со стороны тех классов, которые выступили бы несомненно путем организации, выступили бы против правительства, правительство созывает это совещание, терроризирует общественные имущие классы с целью заставить их прятаться по своим норам, не дать возможности работать непосредственно русскому народу в интересах русского государства, как они могли бы работать, если бы не находились под дамокловым мечом преследований, внесудебных арестов, изъятия из самого общественного оборота. Вот те четыре главные задачи, которые преследует правительство, и для того чтобы не дать возможности этому совещанию, если бы оно паче чаяния выразило волю народа, вынести то решение, которое заслуживает правительство, т. е. осуждение этого правительства в работе этого совещания, если вы следили за совещанием и правительственными органами, то вы видите, как систематически отгораживались там от результативной части этого совещания, как указывали на цели совещания и как хотели узнать мнение страны, но не вынести какой бы то ни было резолюции. Действительно в совещании не было вынесено резолюций; было произнесено 76 речей, из которых три четверти чисто митинговых речей.

Правительство получило для народа то настроение, которое ему необходимо, и думает, что запугало ту интеллигенцию, с которой борьба представляется необходимой. Оно не считается со своей деятельностью, оно не понимает и не может понять того, что если бы оно даже изъяло Ивана, Петра и т. д., то все-таки стихийно может подняться волна негодования против правительства, которое не преследует интересов всего народа и ведет узкоклассовую политику. Правительство с этим не считается — «mon verre est petit, mais je bois de mon verre. J'y suis, j'y reste»: «Я здесь, и хочу здесь остаться». Вот цель и задача, — захватить позиции, захватить права, узурпирующие права Учредительного собрания, внести путем революции расстройство в русскую государственную жизнь, влияя на разум народа, дабы не дать возможности в Учредительном собрании получить действительную волю народа; путем подчистки получить то, что необходимо для дальнейшей работы на лоне России. Вот, господа, те четыре цели, те четыре задачи, которые преследовало это Московское совещание, которому придавалось такое громадное значение вначале и которое было в сущности большим мыльным пузырем. Господа, совещание для нас, для буржуазных классов, показало вместе с тем и другое. Оно показало, что между нами и ними не может быть согласованных путей, я не скажу, между русским народом, крестьянским — нет, но я говорю, что между теми, которые позволяют себе говорить от имени русского народа, ибо я утверждаю, что солдаты, которые там сидели, не были настоящими солдатами, это были поддельные — псевдосолдаты. И рабочие, которые там сидели, не были рабочими, это были псевдорабочие. И крестьяне, которые там были, не были крестьянами, а были псевдокрестьянами. И вот между этими рабочими, крестьянами и солдатами и нами, историческими строителями русской земли, нет общих путей и быть этих путей не может. С настоящим крестьянином помещик и барин всегда столкуются; с настоящим солдатом, нераспропагандированным, офицер всегда столкуется, но с этими господами столковаться нельзя, ибо они в революции исключительно видят свой хлеб и живут за счет революции; поэтому мне кажется, что всякие дальнейшие уступки тем требованиям, которые они предъявляют, всякая сдача позиций с нашей стороны могла бы не улучшить положение дел, а, увеличивая их аппетиты, могла бы все более и более вести к разрушению русскую государственность. Я лишен был возможности сказать многое на Московском государственном совещании, но благодарен Михаилу Владимировичу. Может быть это и к лучшему, но я считаю, что слова в настоящее время излишни; мне думается, что всякая сдача с нашей стороны позиций является не ошибкой, а государственным преступлением. Они бьют на чувство нашего патриотизма; они бьют на то, чтобы в настоящий момент тяжелого положения, когда враг зашел далеко в наши пределы, когда мы в силу необходимости не можем его выбросить, открыто вступить в борьбу, они предъявляют одно за другим требования и говорят: во имя патриотизма вы должны нам уступить. И мы уступали во имя патриотизма, рассчитывая, что у них есть хоть проблеск сознания долга, который заставит в конце концов дать возможность закончить ту войну, которая грозит полным разрушением России. Но чем больше мы уступали, чем больше шли по наклонной плоскости, шли им навстречу, тем больше они предъявляли тре-

бований. И я считаю, что дальнейшие шаги по сдаче позиций являются не ошибкой, а государственным преступлением, ибо этим ничего не достигнуть. В стране растут анархия, разгул, произвол, грабежи, безобразия, не имеющие названия. Россия отваливается * по частям. 3-4 дня назад я получил известие, что весь Кавказ поголовно вооружается, получает оружие; теперь он еще не восстал, но в ближайшем будущем, кто знает, что нам грозит со стороны Грузии и со стороны целого ряда других племен, населяющих Кавказ. Мы находимся на дороге, на пути величайшей катаклизмы, по сравнению с которой то, что представляется сейчас, является пустяками. Я нахожу, что пора громко и властно сказать — в частном ли совещании Государственной думы, где хотите, а в особенности в частном совещании, раз мы представляем собой протоплазму учреждения, которое работало до революции, — то пора нам сказать, что при этом Временном правительстве, при той системе, которую оно ведет, мы никогда порядка в стране не получим. Порядок в стране может быть только тогда, когда страна получит диктатуру, порядок может быть только тогда, когда диктатура будет состоять из верховного военного совета, из людей, облеченных, умудренных опытом и знанием жизни, из людей, которые выгнаны были из рядов армии.[196] В настоящее время я спрошу: где герои войны? Где Иванов? — Он выгнан. Где Плешков? — Он выгнан. Где Колчак? — Он выгнан. Где Леш? — Он выгнан. Где граф Келлер? — Он убит. Где Непенин? — Он убит. Революционные прапорщики наполняют нашу армию, и только не для того, чтобы дисциплинировать ее, не для борьбы с внешним врагом, а для укрепления завоеваний революции. До тех пор, пока Россия не получит диктатора, облеченного широкой властью, до тех пор, пока Верховный совет не будет состоять из лучших русских генералов, которые выгнаны с фронта, которые жизнь свою полагали за родину, до тех пор порядка в России не будет. Никакие Керенские, никакие Черновы, никакое правительство никогда этого порядка не дадут и дать не могут и не хотят, ибо правительство ведет двойную игру, с одной стороны насаждая как бы революционную политику, а с другой стороны посылая Чхеидзе в Стокгольм. И до тех пор, пока не будет положительной верховной власти, Россия не выйдет из того ужасного тупика, в котором она находится. Помните два месяца тому назад, когда я предлагал смертную казнь, мне возражали; теперь нужно сказать, что Временное правительство, в том составе, в котором оно имеется сейчас, все равно оздоровить армию не может, ибо оно ведет двойную игру; нужно сказать России, что спасения от него не будет; нужно сказать, что вы видите спасение в диктатуре военной власти, и кто бы ни был диктатором, нет такого человека, который сказал бы, что этим создается возвращение к старому режиму, ибо никто старого не хочет, возвращения к нему не хочет; к старому режиму пути закрыты. Но мы хотим ввести порядок в стране и обеспечить необходимым все население; мы хотим этой победы, которую бы мы имели, которую мы ждем и накануне которой мы находились в первые дни революции, той победы, которая могла привести нас к революции, которая, могла поставить нас на самое блестящее место среди народов Европы, даже

---

* Так в подлиннике.

всего мира, — революции, которая привела нас вновь к безнадежности, к бездарности нашего правительства, к продажности некоторых самочинных темных сил, которые влияют на это правительство и которые находятся на содержании у Гогенцоллернов, исполняя их злонамеренную волю. До тех пор, пока Государственная дума или совещание ее будет молчать из-за того, что признает несвоевременным подобное выступление, до тех пор мы не будем иметь того авторитета в глазах народа, которого заслуживает Государственная дума. Только тогда, когда мы это скажем, мы исполним свой долг. Я повторяю, мы имеем миллионы единомышленников — среди крестьян, среди помещиков, среди духовенства, среди армии у нас бесчисленное количество единомышленников, которые только молчат, думая, что нет организованной силы, которая могла бы их поддержать. Государственная дума является такой организованной силой, она не должна молчать, она должна поднять свой властный и свой твердый голос, что бы о нас ни думали господа, которые изображают государственную власть в России, наш долг перед родиной, наш долг перед государством, наша задача, которая стоит перед нами — спасти отечество, а не молчать во имя тех жалких житейских благ, во имя которых многие может быть молчат, и не говорят того, что думают в глубине своей души.

Л ю ц. Я присоединился бы к той части речи В. М. Пуришкевича, где он говорит, что мы должны подать свой голос, указывая стране пути, по которым должно итти правительство, но я считал бы невозможным и бестактным сейчас, после того, как совещание в Москве кончилось, где говорили наши представители, поднять здесь свой голос в другом духе. Я не хочу сказать, что этот момент не наступит, быть может эти слова будут высказаны не нами, а всей страной. Я присоединяюсь к тому, что здесь было высказано, что бесправие наше политическое мало чем отличается от прошлого, быть может оно даже хуже, чем было раньше. Раньше оно было направлено налево, а теперь оно направлено направо и скоро отразится на всем фронте нашей внутренней жизни, и когда это наступит, тогда политическое бесправие будет восстановлено, может быть, силой инстинктивной и, быть может, те, которые мечтают и стремятся к каким-либо контрреволюционным силам, они, может быть, не доживут до того момента, когда произойдет какой-либо переворот, они вероятно будут повешены с большей жестокостью, чем при прежнем правительстве. Я ничуть не сомневаюсь, как бы мы ни говорили — в этой политической области мы не в состоянии ничего сделать. Мы дискредитированы, дискредитированы той массой листков, в которых говорится, что Дума представляет буржуазное учреждение, буржуазное общество и т. д. Но мне кажется, господа, что нам как общественным представителям, бывшим более десятка лет у государственного кормила, было бы недопустимо не поднимать своего голоса в той области, где может быть нас услышат. Я глубоко убежден, что наши политические соображения не будут слушать, но когда наступит необходимость нашего участия в спасении страны, если мы коснемся того вопроса, о котором главным образом теперь все говорят, вопроса продовольственного, то я думаю, что и глухие и слепые в конце концов нас услышат, ибо я считаю, что при всяком политическом перевороте, при всяком политическом столкновении пострадают верхи, те, кто отсюда ведет бой,

кто скрестит свои шпаги, но когда начнутся голодные бунты, когда охватит всех недовольство, то будет что-то ужасно невероятное, и, мне кажется, господа, что если в этой области не поднять свой голос, то быть может недалек тот момент, когда нам придется пережить его в стране. Мне кажется это сейчас самым неотложным, самым вопиющим, и если придется пропустить неделю, то быть может все погибнет, и придется говорить не о каких-либо политических свободах, а придется говорить об ужасах и несчастиях в стране. Поэтому нам не нужно отказываться от мысли, которая была предложена председателем Государственной думы: довести до сведения правительства о тех ужасах, недостатках, неопрятности, я бы сказал, в области продовольствия. Это есть наша необходимость. Если в правительстве найдется мало людей, которые поймут это, — это не наше дело, но мы во всяком случае должны все это сказать, должны все подчеркнуть, может быть даже для спасения себя. Я понимаю Владимира Митрофановича, — те скрытые цели натравить на буржуазию, может быть цели натравить на Государственную думу, которая в области продовольствия не сумела поднять свой голос, не сумела достаточно зычным и резким голосом отметить тот ужас, который предстоит, чтобы предупредить удары, диктуемые политическими соображениями, обязывают нас поднять свой голос, и если его не услышат, то мы во всяком случае как общественные деятели исполним свой долг.

Председатель. Я, господа, не остановил члена Думы Пуришкевича в его страстной речи на том основании, что я считал, что каждый имеет право высказать свои соображения. Но я должен категорически заявить, что с такой постановкой речи и с теми мотивами, которые выставляет Владимир Митрофанович, я решительно не согласен и считаю, что в Государственной думе, даже в частном совещании, менее всего возможно становиться на точку зрения призвания к какому-то государственному перевороту, призвания к какой-то диктатуре, которая никогда не происходит, как вам известно, по призыву, а возникает самочинно тогда, когда назреет в ней необходимость. Поэтому я полагаю, что такую постановку вопроса, которую предлагает Владимир Митрофанович Пуришкевич, Государственная дума не только не может принимать, но должна от нее отмежеваться.[197] Я решительно это заявляю, по крайней мере, что касается меня, то я считаю, что среди частного совещания, но не Думы, не могут раздаваться призывы, которые колеблют существующую власть, как бы она была неудовлетворительна. Отсюда этих колебаний происходить не должно. Мы имеем полное право, я скажу даже обязанность, критикуя деятельность правительства, указать на те ложные с нашей точки зрения пути, которые могут привести страну к гибели, но отсюда целая бездна до тех выводов и тех заключений, которые здесь сделаны Владимиром Митрофановичем и которые должны остаться на его ответственности. Во-первых я считаю совершенно невозможным истолковать здесь, — если бы мы приняли такое постановление, — те намерения правительства, которые оно имело при созыве Государственного совещания, это есть мнение Владимира Митрофановича. Так категорически навязывать его правительству, — хотя я, как вам известно, далеко не одобряю направления его деятельности, — мы не имеем никакого права. Далее, повторяю,

призывы к диктатуре, к перевороту, представляются совершенно здесь неуместными и я еще раз повторяю, заканчивая свою речь, я совершенно в таких предложениях, в таких указаниях Владимира Митрофановича не вижу необходимости, не считаю необходимым, чтобы частное мнение Владимира Митрофановича или какие-либо постановления были вынесены частным совещанием, и нахожу нужным от них отмежеваться.

Пуришкевич. Я, господа, извиняюсь. Быть может Михаил Владимирович не так меня понял. Ни к каким переворотам я не призывал, потому что я менее всего хочу потрясений. Я полагаю, что надо указать правительству, что оно не может справиться со своей задачей. Я не указывал ни диктатора, ни людей, которые должны стать на место этого правительства. Я нахожу, что надо вдуматься в то, что происходило и что происходит и что сейчас находится на полных парах. Я нахожу, что это правительство не удовлетворяет своему назначению, что оно не может справиться с высоко ответственной задачей, которая лежит на русском правительстве в настоящее время, что оно в данный момент не может оставаться у власти. Если эти люди порядочные, честные, то всякий порядочный, честный человек, не умеющий справиться с своей задачей, должен с этого места уйти и дать возможность на этом месте находиться тем, которым легче будет здесь справиться с задачей и легче будет работать. Правительство не находится на высоте в данный момент, правительство не может выйти из того печального и ужасного положения, в котором оно находится в данный момент. Каждый день грозит нам все бо́льшими и бо́льшими осложнениями, не сегодня, завтра, как вы читали, может вспыхнуть железнодорожная забастовка,[198] результаты которой неизмеримы для нашей армии, ибо она парализует окончательно возможность для нашей армии работать даже так скверно, как ныне...

Председатель. Не повторяйте вашей речи, Владимир Митрофанович, я вас убедительно прошу этого не касаться.

Пуришкевич. Слушаюсь, но ни о какой контрреволюции, прошу меня в этом не винить, ибо за эти слова любят зацепиться, ни о каком перевороте я не говорю, но я нахожу принципиально, что единственная форма правления, которая может вывести Россию в данный момент из того ужасного положения, в котором она находится, — это есть диктатура и верховный военный совет при диктаторе, — имена мне их не известны, я их знать не хочу, но высказываю принципиальный свой взгляд и вот этот принципиальный взгляд, мною высказанный, прошу записать в протокол; я не намечаю имен ни диктатора, ни главарей, ни вождей.

Председатель. Все будет записано в стенограммах.

Велихов. Я хотел бы в нескольких словах возразить Владимиру Митрофановичу по существу. В его речи, которая, как всегда, очень заражает своей неподдельной искренностью и своеобразным патриотизмом, несомненно допущены некоторые прямо ошибки в оценке положения. Дело в том, что возможно, что если события пойдут настоящим темпом, такая вещь, через полгода может даже получить всеобщее признание; но в настоящее время он недооценивает положения. Ведь вся речь построена на том, что все, что мы видели на Московском совеща-

нии, — эта левая часть, это были псевдокрестьяне, псевдорабочие, что голос народа другой; между тем завтра Владимир Митрофанович убедится по голосованию населения Петрограда, рабочих и крестьян, как мало получат голосов те классы, которых взглядов Владимир Митрофанович является представителем: несомненно пройдут, как это проявилось в Москве, Одессе и многих городах и областях, партия эсеров, а мы, кадеты, получим сравнительно ничтожное меньшинство, — это будет несомненно народный голос, народ так настроен.[199] Я признаю, что народ введен в обман, что народ находится в социалистическом тумане, я все это признаю, но в настоящее время не наступил тот момент, когда страну может спасти военная диктатура, опирающаяся на какой-то Совет *(Председатель и другие члены Государственной думы:* «Совершенно верно!»*)*, и провести через то самое трудное, катастрофическое положение, в котором мы очутились и по транспорту и по продовольствию, никакая диктатура не могла бы спасти Россию и быть понята народом, в настоящее время, это неправильно, — ясно, Владимир Митрофанович в этом отношении ошибается. Мы должны пройти какой-то другой путь предметного урока: когда масса народная убедится, что она бродит в социалистическом тумане, когда она убедится через голод, холод, тогда возможны другие построения; в настоящее же время мы как организационный центр страны не можем итти прямо наперекор тому, что высказано Московским совещанием,— это было бы с известной, логической, хотя бы и болезненной дороги, которою идет наше государство, повернуть сразу на другой путь и повести страну к может быть еще худшим испытаниям. Вот почему я думаю, что Владимир Митрофанович неверно понял, неверно поставил диагноз всему объему настоящего политического положения.

Пуришкевич. Я хочу одно слово...

Председатель. Не обостряйте этого вопроса, потому что это несвоевременно.

Пуришкевич. Я только хочу ответить Велихову, что он жестоко ошибается, что на предыдущих выборах по Петрограду партия народной свободы была разбита, и жестоко ошибается сейчас, — я не знаю подсчета голосов, — если скажет, что партия народной свободы завтра на выборах, если в городскую думу попадут эсеры, будет разбита. Неверно, потому что партия народной свободы получит и свои голоса и всех тех, кто идут правее: ведь я человек правых убеждений, монархист, как вы знаете, подаю свои голоса за членов партии народной свободы, и так делают все, кто понимает, что разбиваться на мелкие партии невозможно. Но вы забываете, член Думы Велихов, что в Петрограде имеется громадное количество солдат, которые подают свои голоса дисциплинированною массою; и вот, если вы отнимете этот пришлый элемент из Петрограда и тех городов, где были выборы в городские думы, то вы увидите начисто забритых социал-революционных и социал-демократических депутатов. Недавно происходили выборы в Двинске; там 4 тысячи старообрядцев рассчитывали, блокируясь с партией народной свободы, одержать блестящую победу, и они сказали: не можем, потому что приходят солдаты, баллотируют, голосуют, своей массой берут, а так как члены комиссии свои, то солдатам дают по пяти голосов за социалистов-революционеров. При таких условиях

я один выйду с целой пачкой фальшивых бюллетеней, и сколько бы вы голосов ни подавали, я уверен, что если я вступлю на этот путь, я буду победителем. Поэтому, повторяю: выборы завтра в Петрограде и в окрестностях не были бы показателем победы социалистов-революционеров: победили те гарнизоны, которые находятся в городах. И даже больше того, что вы победили, знаете ли, и в какой момент? В самый разгар революции, в тот момент, когда результаты деятельности социалистов-революционеров и социал-демократов в городском управлении еще не видны, в общем население жило только их обещаниями, фактов не видело, и тем не менее несмотря на эти обещания, вы получили больше голосов, чем социалисты-революционеры и социал-демократы, если отнять солдатские голоса. Так что вы ошибаетесь, есть сильнейшее отрезвление в народной массе, и те, кто от них, солдат, говорят, узурпируют голоса своих избирателей, и когда говорят от их имени, говорят от имени армии, права на это не имеют.

Председатель. Во всяком случае, господа, прав ли Владимир Митрофанович или Лев Александрович, — я присоединяюсь собственно к мнению Льва Александровича Велихова. Я считаю, что действительно в данном случае член Думы Пуришкевич переоценил момент. В данный момент голос частного совещания членов Государственной думы не мог бы считаться уместным для произнесения той речи Владимира Митрофановича, я уверен искренней и правдивой, которую он произнес; поэтому я со своей стороны решительно считаю, что Государственной думе и частному совещанию на этот путь становиться нельзя, — он был бы неправильным и вредным для государства. На этом позвольте совещание наше окончить.

(Заседание закрыто в 5 ч. 32 м. дня.)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Впервые идея организации частных совещаний Государственной думы возникла на заседании Временного комитета Государственной думы 21 апреля, на котором В. В. Шульгин предложил «устройство какого-нибудь органа, который имел бы совещательный характер и дал бы возможность Временному правительству обмениваться мнениями с представителями различных политических партий». Предложение Шульгина встретило поддержку в «парламентских кругах», и большинство депутатов, считая «неправильным, что Государственная дума молчит и не высказывает точки зрения по поводу событий, имевших место в последнее время», признали необходимым создание так называемых «частных совещаний». («Речь», 1917 № 94.)

Первое частное совещание состоялось 22 апреля под председательством С. И. Шидловского. М. А. Караулов сделал доклад о положении в Терской области, а П. П. Гронский — о поездке по Юго-западному фронту. Стенограмма этого совещания не обнаружена.

По поводу второго совещания, происходившего 4 мая, В. И. Ленин написал статью «На зубок новорожденному... «новому» правительству» (Собр. соч., т. XX, стр. 344 — 345 *, в котором назвал его «организующейся контрреволюцией».

² 4 мая все командующие фронтами коллективно выступали в Петрограде на объединенном заседании представителей Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов с возражениями против декларации прав солдата. Временное правительство было против объявления декларации, но представители Совета рабочих и солдатских депутатов заявили, что Совет рабочих и солдатских депутатов объявит ее от своего имени. Временному правительству пришлось уступить с тем, чтобы не создать кризиса министерства (Р. Эйдеман и В. Меликов, Армия в 1917 г., стр. 59, 1927, М.—Л., Гиз).

³ Военный министр, А. И. Гучков являлся сторонником «железной дисциплины» в армии и сохранения полноты власти старого комсостава. Будучи ярым врагом «Приказа № 1», Гучков игнорировал солдатские комитеты и издал приказ, угрожавший солдатам суровыми мерами за самочинное смещение командиров.

Под влиянием «апрельского кризиса», вызванного апрельской демонстрацией (21 апреля 1917 г.) рабочих и солдат, протестовавших против ноты Милюкова, заверявшей Антанту, что Россия поддерживает все договоры, заключенные царским правительством, и будет вести войну до победного конца, Гучков, ненавидимый солдатами и матросами, вынужден был уйти в отставку.

⁴ Речь идет о воззвании, выпущенном Временным комитетом Государственной думы по поводу событий 20 — 21 апреля. Документ опубликован в газете «Речь», 1917, № 97, стр. 4.

⁵ А. И. Гучков повторяет ту клевету, которая распускалась всеми представителями буржуазии во всех их выступлениях, как на собраниях, митингах, так и в печати.

По поводу одного из таких клеветнических утверждений В. И. Ленин писал: «Капиталист называет «анархией» Советы рабочих и крестьянских депутатов, ибо такая организация власти не связывает народ заранее и безусловно игом капиталистов, а дает свободу и порядок вместе с возможностью мирного и постепенного перехода к социализму». (Статья «Союз лжи». Собр. соч., т. XX, стр. 154.)

⁶ Временное правительство и соглашательский Совет солдатских депутатов путем целого ряда поправок и «дополнений» старались приспособить «демократиза-

* Все цитаты из Ленина даются по 3-му изданию.

цию» армии и в частности солдатские комитеты, повсеместно возникшие после приказа № 1, исключительно для укрепления дисциплины и поднятия боеспособности армии. Даже старое командование, вначале резко выступавшее против комитетов, «разлагающих» армию, вскоре убедилось, что благодаря помощи меньшевиков и эсеров эти комитеты, подобно «комиссарам Временного правительства», являются одним из возможных средств удержать армию под своим влиянием и заставить ее продолжать империалистическую войну до победного конца. Оторвавшиеся от большевизирующейся солдатской массы комитеты, в особенности больших войсковых соединений (армейские, корпусные и др., где было меньшевистско-эсеровское засилье), фактически превратились в послушных выполнителей требований империалистических кругов.

Борьба большевиков за комитеты шла главным образом по линии овладения низовыми комитетами (ротные, полковые и др.). Возглавленные большевиками, эти комитеты превратились в фактических руководителей армии во всех областях жизни.

[7] Гучков подчеркивает свою «деятельность» в течение 1907 — 1917 гг. в качестве председателя думской комиссии по обороне.

[8] Классовая борьба, развивавшаяся в стране, неизбежно должна была найти мощную поддержку и в армии, в своей массе состоявшей из рабочих и крестьян. Протесты против войны, выражавшиеся в виде отказа итти в наступление, в братании, оставлении фронта и т. п., и были следствием нежелания солдатских масс принимать участие в империалистической войне во имя интересов помещиков и капиталистов. Речь А. И. Гучкова, давшего обоснование «известного империалистического взгляда на нашу революцию, в силу которого революция в России должна быть рассматриваема как средство «для войны до конца» (С т а л и н, На путях к Октябрю, стр. 17), именно и сводилась к призывам «обуздать солдат» при помощи «железной дисциплины».

[9] По поводу распространявшейся клеветы на большевиков, которых буржуазия и соглашатели обвиняли в «разложении армии», В. И. Ленин писал, что им (буржуазии и соглашательским партиям. *Ред.*) нужен повод сказать: «большевики разлагают армию, а затем заткнуть рот большевикам». Статья заканчивается словами: «не на беспорядки и бунты, а на сознательную революционную борьбу зовут большевики пролетариат, беднейших крестьян и всех трудящихся и эксплоатируемых». (Собр. соч., т. XX, стр. 471.)

[10] Речь идет об участии А. И. Гучкова в собрании членов Государственной думы всех четырех созывов 27 апреля 1917 г., где свое выступление он заключил словами: «Вся страна когда-то признала: отечество в опасности. Мы сделали еще шаг вперед; время не ждет, — отечество на краю гибели».

Аналогичную мысль проводил А. И. Гучков и в другом своем выступлении на заседании съезда фронтовых делегатов 29 апреля 1917 г. («Речь», 1917, № 100, стр. 4.)

[11] На «торжественном собрании членов Государственной думы всех четырех созывов» 27 апреля 1917 г. В. В. Шульгин в своей речи между прочим сказал: «Оно (Временное правительство) находится в положении конечно не таком, как старая власть, которая сидит в Петропавловской крепости, но я бы сказал, что оно как бы сидит под домашним арестом. К нему в некотором роде как бы поставлен часовой, которому сказано: «Смотри, они—буржуи, а потому зорко смотри за ними и, в случае чего, знай службу». («Речь», 1917, № 98, стр. 4.)

[12] «Комбинацией», которую Гучков называет неизбежной стадией в «благодетельной эволюции создания сильной власти», являлось коалиционное министерство с участием «социалистов», созданием которого закончился министерский кризис, вызванный апрельской демонстрацией. «Буржуазия, — говорит Ленин, — пошла на искусный маневр... «Наши» почти социалистические министры оказались именно в таком положении, что буржуазия стала загребать жар их руками, стала делать через них то, чего бы она никогда не смогла сделать без них».

«Через Гучкова, — продолжает В. И., — нельзя было увлечь массы на продолжение империалистической, захватной войны, из-за дележа колоний и аннексий вообще. Через Керенского (и Церетели, больше занятого защитой Терещенки, чем защитой почтово-телеграфных тружеников), буржуазия, как это признали правильно Милюков с Маклаковым, могла делать это, смогла налаживать продолжение именно такой войны». (Статья «Великий отход», Собр. соч., т. XX, стр. 508 — 509.)

12а Эта речь П. Н. Милюкова вместе с другой, произнесенной в частном сове-

щании членов Государственной думы 3 июня, была издана с некоторыми стилистическими изменениями отдельной брошюрой: «Россия в плену у Циммервальда. Две речи П. Н. Милюкова». Петроград, изд. партии Народная свобода, 1917 г. 44 стр.

[13] Уход Милюкова из правительства, точно так же как и уход Гучкова (см. прим. 3), был вызван апрельской демонстрацией. «Партийные товарищи» Милюкова, вошедшие во вновь образованное коалиционное министерство, Львов, Шингарев, Некрасов и др. в своей декларации писали: «Всецело одобряя стойкую защиту П. Н. Милюковым международных интересов России, партия народной свободы считает необходимым заявить, что теперь, как и прежде, она не может и не могла бы поддерживать своим доверием внешнюю политику, которая не была бы основана на тесном и неразрывном единении с союзниками, направленном к соблюдению обязательств и к ограждению прав, достоинства и жизненных интересов России». («Речь», 1917, № 105.)

[14] Цели войны, а также характер «новой» внешней политики Временного правительства были четко определены в резолюции Всероссийской апрельской конференции РСДРП(б): «Современная война со стороны обеих групп воюющих держав есть война империалистская, т. е. ведущаяся капиталистами из-за дележа выгод от господства над миром, из-за рынков, финансового (банкового) капитала, из-за подчинения слабых народностей и т. д. Каждый день войны обогащает финансовую и промышленную буржуазию и разоряет и истощает силы пролетариата и крестьянства всех воюющих, а затем и нейтральных стран. В России же затягивание войны кроме того несет величайшую опасность завоеваниям революции и ее дальнейшему развитию.

Переход государственной власти в России к Временному правительству — правительству помещиков и капиталистов — не изменил и не мог изменить такого характера и значения войны со стороны России. Этот факт особенно наглядно обнаружился в том, что новое правительство не только не опубликовало тайных договоров, заключенных царем Николаем II с капиталистическими правительствами Англии, Франции и т. д., но и формально подтвердило, без опроса народа, эти тайные договоры, обещающие русским капиталистам ограбление Китая, Персии, Турции, Австрии и т. д. Сокрытием этих договоров русский народ вводится в обман относительно истинного характера войны...

Никакого доверия не заслуживает обещание нынешнего правительства отказаться от аннексий, т. е. от завоеваний чужих стран или от насильственного удержания в пределах России каких-либо народностей. Ибо, во-первых, капиталисты, связанные тысячами нитей банкового капитала, не могут отказаться от аннексий в данной войне, не отказавшись от прибыли на миллиарды, вложенные в займы, в концессии, в военные предприятия и т. д. Во-вторых, новое правительство, отказавшись от аннексий для обмана народа, заявило устами Милюкова 9 апреля 1917 г. в Москве, что оно от аннексий не отказывается, а нотой от 18 апреля и разъяснением ее от 23 апреля оно подтвердило захватный характер своей политики». («Российская коммунистическая партия (б) в резолюциях ее съездов и конференций (1896 — 1924 гг.)», стр. 135, изд. 2-е, М., Гиз (Истпарт).)

[15] В то время как большевики неизменно характеризовали аннексию как «насильственное удержание чужого народа в границах данного государства», причем подчеркивали, что «мир без аннексии» надо ставить в неразрывную связь с пролетарской революцией (см. Л е н и н, статья «Каша в головах», Собр. соч., т. XX, стр. 383 — 384), меньшевики и эсеры в лице Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов и Всероссийского совета крестьянских депутатов, как писал Ленин, разрешали вопрос «в пользу капиталистов и через капиталистов».

«Аннексия, — писали «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» (1917, № 67), — это значит насильственный захват территории, бывшей в день объявления войны во владении другого государства».

«Такое решение, — замечал В. И. по поводу этого определения, — во-первых, не может оправдать социалист, не изменяя социализму. Не дело социалиста мирить капиталистов на старом дележе добычи, т. е. захватов. Это ясно. Такое решение во-вторых, неосуществимо все равно без революции против капитала, по крайней мере англо-японского, ибо всякий, не сошедший с ума, видит, что Япония не отдаст Киао-Чао, Англия—Багдад и колонии в Африке без революции». («Сделка с капиталистами или низвержение капиталистов», Собр. соч., т. XX, стр. 426.)

[16] 27 марта 1917 г. за подписью министра-председателя Г. Е. Львова была опубликована декларация Временного правительства о задачах войны. В этой декла-

рации, призывавшей «русский народ» к войне «до победного конца», «при полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников», говорилось, что «цель свободной России — не господство над другими народами, не отнятие у них национального их достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов». («Речь», 1917, № 73, стр. 2.)

[17] По поводу ноты от 18 апреля 1917 г. В. И. Ленин в № 37 «Правды» напечатал статью «Нота временного правительства».

«Карты раскрыты. Мы имеем все основания благодарить господ Гучкова и Милюкова за их ноту, напечатанную сегодня во всех газетах: Гучков, Милюков, Терещенко, Коновалов — представители капиталистов. А капиталистам захваты чужих земель нужны... Интересы русских капиталистов сейчас такие же, как интересы английских и французских капиталистов. Поэтому и только поэтому договоры царя с англо-французскими капиталистами столь дороги сердцу Временного правительства русских капиталистов». (Собр. соч., т. XX, стр. 207 — 208.)

[18] «Овации» Милюков очевидно усматривает в тех немногочисленных «демонстрациях» в центре города, в которых принимали участие, как сообщает «Правда», «учащиеся средних учебных заведений и представители «чистого общества», завсегдатаи Невского». («Правда», 1917, № 39.)

[19] В декларации Временного правительства от 6 мая 1917 г. по поводу участия России в военных действиях в самой общей форме объявлялось, что «укрепление начал демократизации армии, организация и укрепление боевой силы ее как в оборонительных, так и наступательных действиях должны являться важнейшей задачей Временного правительства». Декларация полностью опубликована в книге Н. Авдеева «Революция 1917 г.». («Хроника событий», т. II, стр. 271 — 273, 1923.)

[20] В. И. Ленин в статье «На зубок новорожденному... «новому» правительству» писал: «Из речи Милюкова, который не ушел, которого ушли: «Какие бы мы прекрасные формулы дружбы к союзникам ни писали, если армия останется бездейственной, это будет фактической изменой нашему обществу. И наоборот, какие бы страшные формулы, изменяющие лойяльности, мы ни написали, но если армия фактически будет воевать, то это конечно будет фактическим соблюдением наших обязательств по отношению к союзникам». Правильно! Он иногда понимает суть дела, этот гражданин Милюков. Граждане Чернов и Церетели, неужели вы не понимаете, какой вывод отсюда проистекает по вопросу о вашем фактическом отношении к империалистской войне?» (Собр. соч., т. XX, стр. 344.)

[21] Утверждения Шульгина совершенно не соответствуют действительности. Недовольство солдатской массы общей политической обстановкой, неудачи на фронте, слухи о голоде и разрухе в тылу, а также яркий пример рабочего движения — все это толкало солдатскую массу к открытому выступлению против войны еще в годы царского режима, главным образом в 1915 — 1916 гг. «Пассивный, молчаливый саботаж войне — таков был первый ответ, который дала крестьянская армия на известие о революции»,— пишет участник войны Н. В. Крыленко. («Пролетарская революция», 1927, № 2 — 3.)

[22] Имперский канцлер Бетман-Гольвег 2 мая 1917 г. произнес в рейхстаге речь, в которой между прочим сказал: «Я не сомневаюсь в возможности достижения соглашения [с Россией], направленного исключительно к достижению взаимного понимания, которое исключало бы всякую мысль о насилии, которое не оставило бы ни малейшего неудовлетворения ни малейшей горечи». («Речь», 1917, № 103, стр. 3.)

[23] Утверждение В. В. Шульгина о добровольческом движении в Англии не соответствует действительности. В Англии добровольная вербовка в армию, несмотря на широко поставленную «патриотическую» агитацию, не имела успеха. В начале 1915 г. консерваторы подняли агитацию за введение всеобщей воинской повинности и актами парламента в 1916 — 1917 гг. она была введена. Закон вызвал волнение среди рабочих; особенно большие забастовки произошли в Шотландии (на Клайде).

[24] В. И. Ленин по поводу этого выступления Шульгина писал: «Из речи Шульгина на заседании организующейся контрреволюции: «Мы предпочитаем быть нищими, но нищими в своей стране. Если вы можете нам сохранить эту страну и спасти ее, раздевайте нас, мы об этом плакать не будем».

Не запугивайте, г. Шульгин! Даже когда мы будем у власти, мы вас не «разденем», а обеспечим вам хорошую одежду и хорошую пищу, на условии работы,

вполне вам подсильной и привычной! Запугивание годится против Черновых и Церетели,— нас не запугаете!» (Собр. соч., т. XX, стр. 344 — 345.)

[24а] В. А. Маклаков имеет в виду речь А. Ф. Керенского, произнесенную на заседании съезда делегатов фронта в зале Государственной думы 29 апреля. (См. Речь, 1917 г. № 100, стр. 4.)

[25] В. И. Ленин по поводу слов Маклакова: «Россия оказалась недостойной той свободы, которую она завоевала», писал:« Читай: крестьяне и рабочие не удовлетворили гг. Маклаковых. Они хотят, чтобы Черновы и Церетели «помирили» массы с Маклаковыми. Не удастся!» (Собр. соч., т. XX, стр. 345.)

[26] По поводу слов Маклакова: «Можно многих упрекать, но мы не обойдемся в России ни без буржуазии, ни без пролетариата, ни без отдельных течений, ни без отдельных лиц», В. И. Ленин писал: «Извините, гражданин Маклаков, но «мы» (партия пролетариата) «обойдемся в России» «без буржуазии». Поживете — увидите и признаете, что иначе из империалистской войны нельзя было выйти». (Собр. соч., т. XX, стр. 345.)

[27] По поводу этих слов Маклакова Ленин писал: «Правильно! Масса «дурных инстинктов», особенно у помещиков и капиталистов. Есть дурные инстинкты и у мелких буржуа: например инстинкт итти в коалиционное министерство с капиталистами. Есть дурные инстинкты и у пролетариев с полупролетариями: например медленное освобождение от иллюзий мелкобуржуазного характера, медленный переход к убеждению, что «власть» надо *всю* взять в руки, именно этого и только этого класса». (Собр. соч., т. XX, стр. 345.)

[28] По поводу этих слов В. А. Маклакова В. И. Ленин писал: «Страной» Маклаков называет капиталистов. В этом смысле он прав. Но «страна» рабочих и беднейших крестьян, уверяю вас, гражданин, раз в 1000 левее Черновых и Церетели и раз в 100 левее нас. Поживете — увидите». (Собр. соч., т. XX, стр. 345.)

[29] В буржуазной печати и в отдельных выступлениях представителей буржуазных и соглашательских партий призывы к необходимости прекращения империалистской войны считались «позором». По поводу этих выступлений В. И. Ленин написал статью «Что понимают под «позором» капиталисты и что — пролетарии». («Правда» № 39, от 6 мая нов. ст. 1917 г.) В статье Ленин писал: «Позором они (капиталисты. *Ред.*) считают несоблюдение договоров между капиталистами, как монархи считают позором неисполнение договоров между монархами. А рабочие? Считают ли они позором неисполнение договоров, заключенных монархами и капиталистами? Конечно, нет! Сознательные рабочие за расторжение всех таких договоров, за признание лишь тех и таких соглашений между рабочими и солдатами всех стран, которые выгодны народу, т. е. не капиталистам, а рабочим и беднейшим крестьянам».

Статью В. И. Ленин заканчивает следующими словами: «Рабочие-интернационалисты всего мира стоят за свержение всех капиталистических правительств, за отказ соглашаться или договариваться с какими бы то ни было капиталистами, за всеобщий мир, заключенный революционными рабочими всех стран и способный на деле обеспечить свободу «каждому» народу». (Собр. соч., т. XX, стр. 231 — 232.)

[30] Обычная для 1917 г. клевета, выдвигаемая против большевиков буржуазными и соглашательскими партиями. По этому поводу В. И. Ленин говорил: «Остановлюсь на одном месте из речи Камкова, что мы участвовали в разложении армии. Воистину, попал пальцем в небо. Мы были пораженцами при царе, а при Церетели и Чернове мы не были пораженцами. Мы выпустили в «Правде» воззвание, которое Крыленко, тогда еще преследуемый, опубликовал по армии: «Почему я еду в Питер». Он сказал: «к бунтам мы вас не зовем». ... Я утверждаю, что мы, начиная с этого воззвания Крыленко, которое не было первым и которое я вспоминаю потому, что оно особенно запомнилось мне, мы армии не разлагали, а говорили: держите фронт...» (Собр. соч., т. XXII, стр. 404 — 405.)

[31] Железнодорожное хозяйство велось самодержавием без учета интересов народного хозяйства. Правительство осуществляло «экономию» на постройках новых сетей, на паровозах, на вагонах во имя бюджетного благополучия. По данным всеподданнейших отчетов министра путей сообщения (за 1909 — 1913 гг.) чистая прибыль только казенной сети поднялась с 146,7 миллиона руб. до 307,4 миллиона руб. — Прирост более 100% за пятилетие. Аналогичное явление наблюдалось на частных железных дорогах. За этот же период чистая прибыль увеличилась с 97 миллионов руб. до 145,5 миллиона руб. А всего за пятилетие 1909 — 1913 гг. железные дороги дали 1 миллиард 827,6 миллиона руб. чистой прибыли. («Народное хозяйство в 1913 г.», стр. 521.)

[32] Прирост железнодорожной сети за предвоенное пятилетие был очень мал (3694 версты, что дает в год менее 740 верст): он происходил, как это было отмечено на VII очередном съезде представителей промышленности и торговли, «медленнее даже, чем в какой-либо другой период последних 40 лет».

[33] Несмотря на то что военные действия происходили в районе, наиболее богатом железнодорожной сетью, состояние транспорта «совершенно не соответствовало ожидаемой работе по обслуживанию армий. Железные дороги были недостаточно развиты и оборудованы, их направление и устройство не отвечали новым грузовым потокам, вызванным войной». (См. статью А. Сидорова «Война и железнодорожный транспорт в книге «Очерки по истории Октябрьской революции», т. I, стр. 125 и след., М. — Л., 1927.)

[34] Войны XIX столетия, по вычислениям И. С. Блиоха («Финансы России в XIX в.») стоили России: Крымская 1853 — 1856 гг. — 797 миллионов ассигн. руб.; Турецкая 1877 — 1878 гг. — 1 миллиард 75 миллионов ассигн. руб. Казначейская стоимость войны с Японией исчислялась в сумме 6 миллиардов 553,8 миллиона руб. Из этой суммы более половины (3 миллиарда 943,6 миллиона руб.) приходилось на уплату процентов по займам, заключенным царским правительством на внешнем и внутреннем рынке для покрытия военных расходов.

[35] Данные, приводимые А. А. Бубликовым, значительно преуменьшены. По цифровым данным, установленным исследователями, рост кредитных билетов в обращении происходил следующим образом: 1 июля 1914 г. — 1 миллиард 630 миллионов руб.; 1 января 1915 г. — 2 миллиарда 947 миллионов руб.; 1 января 1916 г. — 5 миллиардов 617 миллионов руб.; 1 января 1917 г. — 18 миллиардов 917 миллионов руб. (См. статью А. Сидорова «Очерки по истории Октябрьской революции», т. I, стр. 47, М.—Л., 1927, и З. Лозинский «Экономическая политика Временного правительства» стр. 120 — 121, 1929.)

[36] Министр финансов П. Л. Барк в своем докладе Николаю II писал «об огромной экономической мощи нашей родины» и «об усилившейся и окрепшей платежеспособности населения». («Красный архив», т. VII, стр. 57.) «Эта легенда, будто рабочие и крестьяне разбогатели «на войне», потом перешла в экономические работы буржуазных экономистов, а теперь является составной частью исторической схемы «не политика», а историка, буржуазного эксминистра—П. Н. Милюкова». (См. статью Сидорова «Очерки по истории Октябрьской революции», т. I, стр. 44, М., 1927.)

[37] По официальной справке, опубликованной министерством финансов, военные расходы России равнялись: к 1 января 1915 г. — 2 миллиардам 546 миллионам руб., к 1 января 1916 г. — 11 миллиардам 920,9 миллиона руб.; к 1 января 1917 г. — 27 миллиардам 187,9 миллиона руб.; к 1 сентября 1917 г. — 41 миллиарду 393 миллионам руб. По сумме военных расходов Россия стояла на первом месте. Расходы в сентябре 1917 г. превышали 70 миллионов руб. в день и 2 миллиарда руб. в месяц. (См. «Новый экономист», 1917, № 37 — 38, стр. 6 — 7.)

[38] Идея «займа свободы» была совершенно непопулярна среди широких масс рабочих и крестьян. Помощь меньшевистско-эсеровских советов была безуспешной в деле распространения подписки на заем: «Настроение деревни было, по официальным сведениям, не везде благоприятно», «наблюдалась агитация против займа приезжих солдат и матросов». (Из доклада в «Комитет общественного содействия», цитировано по книге З. Лозинского «Экономическая политика Временного правительства», стр. 117, «Прибой», 1929.)

[39] Приводим для сравнения цифровые данные, касающиеся движения вкладов в сберегательные кассы, несколько отличающиеся от цифр Бубликова. (См. указанную статью А. Сидорова, стр. 52.)

На 1	января	1914 г.	. . . . 2 034	млн. руб.
» 1	»	1915 »	. . . . 2 236	» »
» 1	»	1916 »	. . . . 3 113	» »
» 1	»	1917 »	. . . . 5 225,3	» »

[40] Дороговизна, вызванная войной и всей своей тяжестью ложившаяся на рабочий класс, использовалась буржуазией для спекуляции, что в свою очередь еще больше увеличивало дороговизну. Банки и крупнейшие оптовики, шедшие во главе всей спекуляции, пользуясь колебанием цен, не торопились с заключением сделок и задерживали товары у себя, в ожидании более выгодного момента. («Труды Комиссии по изучению современной дороговизны», вып. IV, стр. 395 и след., М., 1915 — 1916.)

[41] А. А. Бубликов в этой речи, как и в другом своем заявлении (в заседании Экономического совета), затушевывая истинное положение вещей и утверждая, что «Россия нигде и ни в каких слоях не обогатилась», выступает против повышения заработной платы. Позицию Бубликова разделяли и другие идеологи буржуазии, которые решительным образом восставали против всяких попыток сокращения их военных прибылей и оказывали противодействие осуществлению мероприятий, могущих хоть несколько улучшить положение рабочего класса.

[42] Военные поражения побудили буржуазию усиленно добиваться проведения «мобилизации промышленности», что дало бы ей возможность с наибольшей полнотой использовать все выгоды военной конъюнктуры. Речь идет повидимому об образовании особого комитета из членов Думы, представителей от промышленности, от артиллерийских и других военных ведомств «по надзору за распределением и выполнением военных заказов». Этот комитет был образован по предложению М. В. Родзянко 19 мая 1915 г. Военно-промышленные комитеты, как объединяющие центры по работе буржуазии на оборону, возникли в середине 1915 г. Военно-промышленные комитеты, являясь экономическими организациями прежде всего, представляли собою в то же время политические организации крупного капитала и в конечном счете они становятся для буржуазии органами борьбы за власть, которую она вела с чрезвычайной осторожностью. (Б. Граве, К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны, стр. 252, 1926, М. — Л. Гиз, М. В. Родзянко, Крушение империи. С примеч. и предисловием С. Пионтковского, стр. 116 и след., Л., «Прибой», 1927.)

[43] Транспорт особенно сильно износился за 1916 г.: количество паровозов и вагонов уменьшилось на 20%. К 1 января 1916 г. было максимальное количество паровозов и вагонов, и тогда все же недоставало 128 313 товарных вагонов и 4477 паровозов. С февраля по октябрь 1917 г. количество больных вагонов и паровозов непрерывно увеличивалось. В августе 1914 г. больных товарных вагонов было 3,7% общего количества, в августе 1916 г. — 5,6%, в январе 1917 г. — 6,9%, в июле — 8,9%, в августе — 8,8%.

[44] За 9 месяцев 1917 г. был изготовлен 301 паровоз, в среднем 33 паровоза в месяц, против 50 в 1916 г., 75 — в 1915 г.

[45] Торговые сообщения с «союзниками» поддерживались через Архангельск и Владивосток. Архангельск соединялся с Вологдой узкой колеей, которая только в конце 1915 г. была переделана на широкую, поэтому главная масса импортируемых товаров поступала во Владивосток и оттуда через весь Сибирский путь перебрасывалась в центр. Эти перевозки забили участки Сибирского пути. Во Владивостоке образовались громаднейшие скопления грузов, крайне необходимых для промышленности, которые нельзя было доставить в центр из-за незначительной пропускной способности железнодорожной линии. (А. Сидоров, «Указанная работа», стр. 129.)

[46] В сентябре 1917 г. запас угля на железных дорогах сократился против сентября 1916 г. на 59%, в октябре 1917 г. уменьшение запаса против октября 1916 г. составляло 63,2%. К зимнему сезону 1917 г. железные дороги остались почти без запасов топлива.

[47] Промышленники юга России на заводах и шахтах Кривого Рога и Донецкого бассейна в целях борьбы с требованиями рабочих о повышении заработной платы и введения 8-часового рабочего дня всячески саботировали производство. Механизмы везде были изношены, ремонт не производился. Местами администрация сознательно допускала затопление шахт. «Углепромышленники на юге именно расстраивают производство, сознательно запускают и дезорганизируют его» — писал Ленин о борьбе горнорабочих с промышленниками. (Статья «Неминуемая катастрофа и безмерные обещания», Собр. соч., т. XX, стр. 379.)

[48] 12 марта 1914 г. в галошных мастерских «Треугольника» произошли массовые обмороки работниц, вызванные испарением неочищенного бензина, который входил в состав новой галошной мази. Министерство торговли стало на сторону фабрикантов и, основываясь на «врачебной экспертизе», приписало обмороки «истерии», так что ядовитая мазь оставалась в тени и в качестве единственно возможной причины отравления не фигурировала.

Отголоском отравлений явился запрос членов социал-демократической фракции Государственной думы к министрам внутренних дел и торговли и промышленности, сделанный на заседании 15 апреля. Спешность запроса была отклонена, и заявление о запросе было передано в комиссию.

Эти отравления вызвали забастовку протеста, направленного против того режима социального гнета, который был истинным виновником отравления.

Забастовка началась 13 марта и закончилась 26 марта 1914 г. По подсчетам «Пути правды» в забастовке принимало участие около 156 000 рабочих. (Государственная дума, IV созыв, 2 сессия, Стенографический отчет, ч. 3, зас. 58, 15 апр. 1914 г., стр. 443—451; М. К. Корбут. В годы подъема рабочей политики IV Государственной думы. «Красная летопись», 1931, № 5 — 6, стр. 44 — 45.)

2 мая 1917 г. рабочие «Треугольника» предъявили к администрации Т-ва требования об удовлетворении иска (в котором им было отказано в 1914 г.) в размере 1 миллиона руб. за время забастовки, бывшей во время массовых отравлений на фабрике, и об уплате 11 миллионов руб. в виде прибавки по 15 коп. в час за все время с начала войны. («Речь», 1917, № 103, стр. 5.)

[49] Буржуазия Донецкого бассейна отвергла требования о повышении заработка, предъявленные Донецкой рабочей конференцией 2 мая 1917 г. Донецкие промышленники обратились с телеграммой к шести министрам, в которой они пытались доказать, что они исчерпали все возможные уступки и что дальнейшие шаги по этому пути поведут к «катастрофическому» вздорожанию всей донецкой продукции. Буржуазная печать поддерживала промышленников: требования рабочих объявлялись «чрезмерными», «разрушающими» промышленность и т. п. 9 мая Петроградское общество заводчиков и фабрикантов составило петицию, в которой пыталось доказать «чрезмерность» рабочих требований.

Для буржазии было важно мобилизовать «мнение страны» в свою пользу, обвиняя пролетариат в создавшейся разрухе. Говоря о неумеренных «требованиях рабочих», создавших якобы кризисное состояние промышленности, буржуазия одновременно сознательно дезорганизовала промышленность. (См. статью «Конфликт в Донецком бассейне», помещенную в газете «Новая жизнь» (29-16 мая 1917 г.) По поводу создавшегося положения В. И. Ленин в статье «Издевательство капиталистов над народом» писал: «Это — какой-то сумасшедший дом: капиталисты в стачке с буржуазной частью Временного правительства (в котором заседают меньшевики и социалисты-революционеры); капиталисты тормозят дело, портят работу, не принимают мер к вывозу продуктов, без коих страна гибнет». (Собр. соч., т. XX, стр. 453.)

[50] Речь идет о заседании Временного правительства 10 мая 1917 г., где представители металлургической и металлообрабатывающей промышленности с Н. Н. Кутлером во главе заявили, что они готовы отказаться от прибылей и считают необходимостью вмешательство государственной власти в урегулирование взаимоотношения труда и капитала». («Известия Совета рабочих и солдатских депутатов», 1917, № 63, стр. 3.)

Истинный смысл этого заявления вскрывает речь Коновалова, заявившего, что «моральное значение проведения декрета о лимитации прибылей чрезвычайно важно не только для смягчения недоброжелательного отношения к торгово-промышленному классу, но и для правительственной власти. В руках ее оказалось бы новое убедительное доказательство готовности торговли и промышленности нести всевозможные жертвы для общего блага, доказательство, парализующее предъявление новых требований». (Приведено в статье «Временное правительство», БСЭ, т. XIII, стр. 453.)

[51] 21 апреля 1917 г. Временным правительством было постановлено издать положение о земельных комитетах. На главный земельный комитет было возложено: «1) общее руководство собиранием, разработкой необходимых для земельной реформы сведений и подготовительными к ней действиями; 2) составление общего проекта земельной реформы». Членами Главного земельного комитета являлись: министр земледелия, его товарищи, председатель, управляющий делами комитета и 25 лиц — по приглашению правительства, по одному представителю от губернских земельных комитетов, 6 — от Всероссийского крестьянского Союза и Всероссийского совета крестьянских депутатов, по 3 от Временного комитета Государственной думы, Всероссийского кооперативного союза, Всероссийского совета рабочих и солдатских депутатов, 5 — от крупнейших научных экономических обществ, по одному от эсеров, народных социалистов, трудовиков, меньшевиков, большевиков, кадетов, прогрессистов, октябристов, центра, националистов и независимых правых. («Вестник Временного правительства», 1917, № 38 (84), стр. 1.)

[52] Отчет о первом заседании Главного земельного комитета напечатан в «Известиях Главного земельного комитета» № 1 от 15 июля 1917 г., стр. 5 — 17.

[53] Уже первое заседание Главного земельного комитета показало, что он целиком стоит на позиции защиты помещиков от крестьян. Это было достаточно ярко выражено в речи председателя комитета А. С. Посникова, агитировавшего за кадетскую программу и заявившего, что «необходимо рассеять одно весьма распространенное заблуждение, будто при предстоящей земельной реформе вся земля будет отнята у владельцев безвозмездно. Комитет должен заявить, что этого не будет».

[54] В телеграммах, полученных от помещиков и кулачества Саратовской, Тульской, Псковской, Харьковской, Рязанской, Нижегородской, Пензенской, Бессарабской, Симбирской и других губерний сообщалось «о захвате земли», «об отмене принципа частной собственности на землю», «о предполагаемом разделе живого и мертвого инвентаря». На основании всех этих сообщений А. Г. Хрущов заявил: «Аграрное движение разрастается и принимает угрожающие формы расстройства всей хозяйственной жизни страны. Необходимо принять неотложные меры к организации местных земельных комитетов». («Речь», 1917, № 117, стр. 3.)

[55] Речь идет о предложении трудовика М. Г. Березина, заявившего, что «лучшим средством устранения эксцессов» должно явиться немедленное издание Временным правительством особого акта с объявлением всей земли национальным достоянием». («Речь», 1917, № 117, стр. 3.)

[56] Отношение большевиков к этому вопросу четко формулировано В. И. Лениным в работе, вышедшей в 1917 г., — «Задачи пролетариата в нашей революции», — в которой В. И. писал: «Мы безусловно обязаны, как партия пролетариата, выступить немедленно не только с аграрной (земельной) программой, но и с проповедью немедленно осуществимых практических мер в интересах крестьянской аграрной революции в России. Мы должны требовать национализации всех земель, т. е. перехода всех земель в государство, в собственность центральной государственной власти. Эта власть должна определять размеры и прочее переселенческого фонда, определять законы для охраны лесов, для мелиораций и т. п., запрещать безусловно всякое посредничество между собственником земли — государством и арендатором — ее хозяином (запрещать всякую передачу земли). Но все распоряжение землей, все определение местных условий владения и пользования должно находиться всецело и исключительно отнюдь не в бюрократических чиновничьих руках, а в руках областных и местных советов крестьянских депутатов». (Собр. соч., т. XX, стр. 122.)

[56а] «Изветия совета рабочих и солдатских депутатов» в отчете о заседании Главного земельного комитета по поводу выступления представителя С. Р. и С. Д., товарища председателя аграрного отдела С. Р. и С. Д. (Белецкого) писали в отчете, что он согласен с С. И. Шидловским в том, что нужно разрешение аграрного вопроса предоставить Учредительному собранию». (Известия, 1917 г., № 71, стр. 3; Речь, 1917 г., № 117, стр 3.)

[57] Отсрочкой в разрешении аграрного вопроса до созыва Учредительного собрания фактически достигалась известная оттяжка времени, в течение которого С. И. Шидловский и ему подобные при помощи меньшевиков и эсеров из Совета рабочих и солдатских депутатов принимали всяческие меры для установления «твердой» власти, каковая могла бы разрешить аграрный вопрос с наименьшими потрясениями для помещиков, как это и предполагалось в аграрных программах буржуазно-помещичьих партий (например кадетов). «Политика выжидания и откладывания «до Учредительного собрания», — писал в апреле 1917 г. И. В. Сталин, — политика «временного» отказа от конфискации, рекомендуемая народниками, трудовиками и меньшевиками, политика лавирования между классами (как бы кого не обидеть) и постыдного топтания на месте, не есть политика революционного пролетариата. Победоносное шествие русской революции отметет ее как излишний хлам, угодный и выгодный лишь врагам революции». (И. Сталин. На путях к Октябрю, стр. 16, изд. 2-е, 1925.)

[58] Речь идет о выступлении И. Т. Смилги — представителя ЦК большевиков в Главном земельном комитете. В. И. Ленин отметил это выступление в речи по аграрному вопросу, произнесенной на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов, в которой В. И. сказал: «На заседании Главного земельного комитета присутствовал один из представителей нашей партии, мой товарищ по Центральному комитету, товарищ Смилга. Он внес там предложение о том, чтобы Главный земельный комитет высказался в пользу немедленного организованного захвата помещичьих земель крестьянством, и за это предложение на товарища Смилгу обрушился целый ряд возражений... Вся земля должна быть собственностью всего народа.

Отсюда уже вытекает, что, защищая немедленный и бесплатный переход помещичьих земель в руки местных крестьян, мы никоим образом не защищаем захвата этих земель в собственность, мы никоим образом не защищаем раздела этих земель. Мы предполагаем, что земля должна быть взята под один посев местным крестьянством по решению, принятому большинством местных и крестьянских делегатов. Мы никоим образом не защищаем, чтобы эта земля перешла в собственность тех крестьян, которые сейчас берут ее на один посев. Все подобные возражения, которые мне постоянно приходилось слышать и встречать на страницах капиталистических газет, против нашего предложения основаны прямо-таки на неверном толковании наших взглядов». (Собр. соч., т. XX, стр. 403 — 404.)

[59] Речь идет повидимому о захвате в апреле 1917 г. со всем живым и мертвым инвентарем в Шлиссельбургском уезде имения «Щеглово». (См. сборник Центрархива «Крестьянское движение в 1917 г.», подготовили к печати К. Г. Котельников и В. Л. Меллер, стр. 29, М. — Л., 1927.)

[60] По поводу возражения министра земледелия В. М. Чернова И. Т. Смилге В. И. Ленин в указанной речи сказал: «Министр Чернов в Главном земельном комитете, возражая моему товарищу Смилге, сказал, что «организованный захват» — это два слова, которые друг друга уничтожают: если захват, значит неорганизованный, а если организованный, значит не захват. Я думаю, что эта критика неправильна. Я думаю, что крестьянство, если оно примет решение по большинству в селе или волости, в уезде, в губернии, — а в иных губерниях, если не во всех, крестьянские съезды установили власть на местах, представляющую интересы и волю большинства, власть, представляющую волю населения, т. е. большинства земледельцев, — раз крестьяне создают такую власть на местах, ее решение есть решение той власти, которую они будут признавать. Это та власть, к которой крестьянское население на местах не может не питать полного уважения. Пусть крестьянин знает, что он берет помещичью землю, пусть, если он платит, то платит в крестьянские, уездные кассы, пусть он знает, что эти деньги пойдут на улучшение сельского хозяйства, на мостовые, дороги и т. п. Пусть он знает, что берет не свою землю, но и не помещичью, а землю общенародную, которой Учредительное собрание окончательно распорядится. Поэтому никаких прав помещика на землю с самого начала революции, с момента учреждения первого земельного комитета, не должно быть и не должны быть производимы никакие денежные взыскания на эту землю. У нас с нашими противниками основное противоречие в понимании того, что есть порядок и что есть закон. До сих пор смотрели так, что порядок и закон это то, что удобно помещикам и чиновникам, а мы утверждаем, что порядок и закон есть то, что удобно большинству крестьянства!» (Собр. соч., т. XX, стр. 407.)

[61] Речь идет о росте аграрного движения и классовой борьбы в деревне из месяца в месяц: в марте движением было охвачено 34 уезда, в апреле — 174, в мае — 236, в июне 280, в июле 325.

[62] Эта декларация была лишь ничего не значащим обещанием и имела своей целью убедить крестьян, что «попытки самочинного удовлетворения населением своих земельных нужд путем захвата чужих земель представляет серьезную опасность государству». Сопоставив эту декларацию с резолюцией частного совещания Государственной думы (20/V 1917 г.), видим полную тождественность этих двух решений, в которых особенно характерным является то, что точка зрения Главного земельного комитета вполне совпадает с настроениями наиболее реакционной части Государственной думы.

[63] Всей земли в 50 губерниях Европейской России насчитывалось 395 миллионов десятин, из них 154,6 миллиона десятин государственных и монастырских (39,1%), 138,7 миллиона десятин надельных крестьянских (35,1%) и 104,4 миллиона десятин (25,8%), находившихся во владении частных лиц. Из частновладельческих земель 50% принадлежало крупным владениям и 20,4% — крупнейшим латифундиям, составлявшим вместе 71,5% общей площади частного владения.

В общей сложности число частновладельческих имений, главным образом дворянских, с количеством земли от 500 до 10 тысяч десятин и выше достигало цифры в 27 тысяч с 62 миллионами десятин.

Это и были те 30 тысяч «зубров», которые являлись опорой самодержавия.

[64] С. И. Шидловский ссылается на свои выступления в Государственной думе III созыва в качестве докладчика земельной комиссии. (Государственная дума, III созыв, 2-я сессия, Стенографические отчеты 1908 г., ч. 1, СПБ, 1908, столб. 145 — 198, 1547 — 1567, 2396 — 2405.) Эти выступления нашли оценку в статье В. И. Ле-

нина, напечатанной в «Пролетарии» в декабре 1908 г.: «Аграрные прения в III Думе», в которой читаем: «Для агитации в массах ознакомление с выдержками из речей Шидловского, Бобринского, Львова, Голицына, Капустина и К-о положительно необходимо: до сих пор мы видели самодержавие почти исключительно приказывающим, изредка публикующим заявления в духе Угрюм-Бургеева. Теперь мы имеем открытую защиту помещичьей монархии и «черносотенной» конституции организованным представительством господствующих классов, и для пробуждения тех слоев народа, которые политически бессознательны или равнодушны, эта защита дает очень ценный материал... Эта прямая постановка всех вопросов на почву контрреволюции, это подчинение всех соображений одному главному и коренному соображению, борьбе с революцией, содержит в себе глубокую правду и делает речи правых несравненно более ценным материалом (как для научного анализа современного положения, так и для агитации), чем речи половинчатых и трусливых либералов. Неудержимое бешенство, с которым правые нападают на революцию, на конец 1905 г., на восстания, на обе первые Думы, показывает лучше всяких длинных рассуждений, что хранители самодержавия видят перед собой живого врага, что борьбу с революцией они не считают конченной, что возрождение революции стоит перед ними ежеминутно как самая реальная и непосредственная угроза. С мертвым врагом так не борются. Мертвого так не ненавидят». (Собр. соч., т. XII, стр. 304 — 405.)

[65] Речь идет о статьях, печатавшихся в «Известиях Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» (1917, № 54, 58, 59) без подписи под заглавием «Задачи Учредительного собрания. Земельный вопрос».

[66] Меньшевистская «Рабочая газета» писала: «Приехавшая делегация рабочих (южной горной промышленности) осведомила Экономический отдел при Исполнительном комитете Совета рабочих и солдатских депутатов о действительном положении дел, и, пользуясь этим осведомлением, мы можем сообщить, что цифры, которые приводил со слов промышленников Н. Н. Кутлер, не заслуживают никакого доверия... Углепромышленники получали огромную прибыль до революции и, несмотря на это, перед революцией они торговались со старым правительством относительно повышения реквизиционной цены на уголь. Углепромышленники запрашивали 5 коп. прибавить, имея в виду добытые 3 коп., которые старое правительство соглашалось им дать. От Временного или революционного правительства в первые дни революции им удалось сразу добыть 8 коп., распространив эту прибавку и на старые поставки железным дорогам и реквизиции с января месяца, а потом удалось получить еще 3 коп. Итого 11 коп. Реквизиционная цена до революции была 18 коп., теперь 29 коп. Договоры же с правительством заключались прежде по 22 коп. за пуд, теперь же заключаются по 33, 34 и больше копеек... Министерство торговли и промышленности находится в плену у съезда горнопромышленников юга России, и перед лицом катастрофы, к которой идет промышленность юга, не только не принимает никаких мер для предотвращения ее, но систематически подчиняется в своих действиях давлению промышленников юга». (Статья «Страна в опасности», «Рабочая газета», 1917, № 56.)

Цитируя эту выдержку, Ленин пишет: «Так писала министерская газета, газета той партии меньшевиков, к которой принадлежат Церетели и Скобелев...

... Они отделываются словами, они писали про эти преступления капиталистов еще 14 мая. Сегодня — 31 мая. Прошло более двух недель. Все остается по-старому. Голод надвигается все ближе». (Статья «Издевательство капиталистов над народом». Собр. соч., т. XX, стр. 453 — 454.)

[67] 23 мая закончилось совещание представителей горнопромышленников юга и рабочей делегации южнорусской конференции Советов рабочих и солдатских депутатов, происходившее при министерстве труда с участием представителей министерства торговли и промышленности и членов Экономического отдела Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Все требования рабочих были отвергнуты.

[68] Речь идет о пленарном заседаниии съезда представителей военно-промышленных комитетов 19 мая 1917 г., на котором обсуждался вопрос о взаимоотношениях рабочих и предпринимателей.

[69] Дальнейшее развитие эти установки речи В. А. Степанова нашли в записке, поданной им в июне 1917 г. А. Ф. Керенскому, в которой В. А. Степанов проповедует в сущности государственный капитализм под властью империалистической буржуазии. (Текст записки опубликован в журнале «Красный архив», т. III (X), 1925, стр. 89 — 92.)

[70] М. М. Алексеенко — докладчик бюджетной комиссии по государственной росписи доходов и расходов на 1913 г. в заседании Государственной думы 10 мая 1913 г. закончил доклад следующими словами: «Вы вероятно помните, что очень часто ссылаются на странное изречение одного французского министра первой четверти прошлого столетия. Он говорил: «Дайте мне хорошую политику, и я вам дам хорошие финансы». Русские плательщики государственных налогов могут, обращаясь к представителям власти, сказать: «Вам даны хорошие финансы — дайте же хорошую политику». (Государственная дума, IV созыв, 1-я сессия. Стенографические отчеты 1913 г., ч. 2, СПБ, 1913, столб. 909 — 910.)

[71] В ночь на 1 марта 1917 г. революционное движение в Кронштадте приняло широкие размеры. Воинские части одна за другой с оркестрами музыки стали выходить на улицу и присоединять к себе остальных солдат и матросов. На Якорной площади шел всю ночь митинг. Часов в 5 — 6 было решено арестовать представителей царской власти. По официальным сведениям, было убито 36 морских и сухопутных офицеров, которые были известны своим непомерно суровым отношением к солдатам и матросам и насаждали «дисциплину» путем самых жестоких репрессий. Многие другие офицеры были арестованы и препровождены в следственную тюрьму. Среди убитых были прославившиеся своею жестокостью адмиралы Вирен, Бутаков и генерал Стронский. (Ф. Ф. Раскольников, Кронштадт и Питер в 1917 г., стр. 19 и след., М. — Л., 1925; О. Л. Д'О р. Красный часовой — Кронштадт, стр. 6 и след., Л., 1920.)

[72] Утром 1 марта 1917 г. был образован Временный комитет революционного движения (в составе семи человек), от имени которого отдавались приказы по городу. К первым семи членам комитета в тот же день прибавили еще троих и был создан «совет десяти». «Совет десяти» и «комитет движения», состав которых был типично интеллигентским, тотчас же заняли оборонческую позицию и завязали сношения с петроградскими эсерами. «Комитет движения» в Кронштадте вместе со своим «совещательным, законодательным и исполнительным органом» — «Советом десяти» — просуществовал 9 дней.

[73] Выборгский районный совет в первых числах марта постановил: «Послать 5 человек в Кронштадт, уполномочив их действовать именем революции, укрепить советы как органы пролетарской власти для предстоящей борьбы с буржуазией и ее прихвостнями — меньшевиками и эсерами». В избранную и утвержденную советом пятерку вошли большевики И. М. Гордиенко, Ф. Дингельштедт и др. О беседе членов Выборгского районного совета с В. Н. Пепеляевым см. И. М. Гордиенко «В Кронштадте в 1917 г.» («Красная летопись», 1926, № 1 (16), стр. 50 и след.; см. также письмо Ф. Дингельштедта по поводу воспоминаний И. М. Гордиенко и ответ последнего, «Красная летопись», 1926, № 6 (21), стр. 185 — 189.)

[74] Собрание делегатов «комитета движения» 6 марта постановило образовать Совет военных депутатов армии и флота на следующих основаниях: «Каждая часть, независимо от ее численности, выбирает из лучших ее людей, которым она вполне доверяет, двух делегатов и начальника части; собрание этих депутатов будет советом военных депутатов армии и флота». Во главе Совета военных депутатов стояли: председатель—прапорщик Красовский, выдававший себя за меньшевика, товарищ председателя лейтенант Гласко,—беспартийный, секретарь Животовский — эсер. Все они были оборонцами и по пути оборончества стремились повести и Совет военных депутатов.

[75] 11 марта 1917 г. в Кронштадте состоялось первое заседание Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов. Первым председателем Совета рабочих и солдатских депутатов был солдат телеграфной роты большевик Любович.

[76] Приказ № 1 появился в результате революционного натиска солдатской массы. Он содержал постановление о выборах ротных, полковых, батальонных и других комитетов, а также представителей в совет. Во всех выступлениях солдаты должны были подчиняться Совету рабочих депутатов и своим комитетам, выполнять приказы военной комиссии при Государственной думе допускалось только в тех случаях, когда они не противоречили постановлениям Совета рабочих депутатов. Кроме того солдатам предоставлялись все гражданские права, отменялось отдание чести вне службы и запрещалось обращение на «ты». Приказ № 1 естественно встречен был в штыки Временным комитетом Государственной думы, Временным правительством, всей буржуазной печатью и организациями и в особенности командным составом. Меньшевистско-эсеровское большинство совета 4 марта отказалось от приказа № 1, вынеся постановление: «Приказ этот разъяснить в целях

уничтожения возникших на этой почве недоразумений». 6 марта был издан приказ № 2, «разъясняющий смысл приказа № 1», а в конце того же заседания под давлением реакционных и оборонческих сил было постановлено: «Задержать приказ № 2 и телеграфно сообщить по фронтам, что приказы № 1 и 2 относятся к Петроградскому гарнизону». («Пролетарская революция», 1923, № 1, стр. 318 — 319.) Полный текст приказа № 1 напечатан в книге Н. Авдеева «Революция 1917 г.» («Хроника событий»), т. I, стр. 186, М. — П., 1923.

[77] Основной задачей прибывшей в Кронштадт следственной комиссии во главе с прокурором Переверзевым было спасение тех контрреволюционных офицеров, которые как ненадежные были посажены в Кронштадтскую тюрьму.

Следственная комиссия поставила совету следующие условия:

1. Производить предварительное следствие только по делам арестованных офицеров, против которых имеются обвинения.

2. Препровождать в Государственную думу всех арестованных офицеров, против которых нет определенных обвинений, но которых не принимает команда.

3. Освободить тех, против которых нет обвинений и которых команда согласна принять в свою часть.

Эти условия были приняты советом, однако, когда следственная комиссия стала выпускать офицеров на свободу и десятками переводить в Петроград для «доследования», кронштадцы выступили с протестом, а после поимки арестованного офицера Альмквиста, который без конвоя, лишь с сопроводительной бумажкой был направлен в Петроград, матросы и солдаты потребовали отставки следственной комиссии, которая постановлениием Кронштадтского исполнительного комитета от 14 апреля и была реорганизована. (И. Колбин, 17-й год в Кронштадте, «Молодая гвардия», 1930.)

[78] Речь, произнесенная А. В. Луначарским, на заседании фракции большевиков Кронштадтского совета рабочих и солдатских депутатов, напечатана в газете «Голос правды», 1917, № 52, стр. 1; там же напечатана его статья «Кронштадтская коммуна» и приветственные речи, сказанные С. Г. Рошалем и Ф. Ф. Раскольниковым.

[79] А. Ф. Керенский выступал в Кронштадте 28 марта, о его речи см. главу «Гастроль «первого тенора русской революции» в книге О. Л. Д'ор «Красный часовой—Кронштадт», М. 1920, стр. 20 — 21; выдержка из речи Керенского напечатана в газете «Речь», 1917, № 76, стр. 4.

[80] Аналогичные мысли Пепеляев высказал и репортеру «Биржевых ведомостей» (1917, № 1624). П. Рябовский, разоблачая лживость утверждений Пепеляева, написал по поводу этой беседы заметку «Месть г. Пепеляева». («Голос правды», 1917, № 58, стр. 2.)

[81] Л. Г. Корнилов, тогда командующий войсками Петроградского военного округа 7 апреля на площади Морского собора «принял парад экипажей, судов и частей сухопутного гарнизона».(«Речь», 1917, № 83); см. также воспоминания И. Н. Колбина «Кронштадт от февраля до корниловских дней». «Красная летопись», 1927, № 2 (23), стр. 140.)

[82] На одном из первых заседаний Петербургского комитета РСДРП(б) было постановлено командировать для работы в Кронштадте ряд работников из Петрограда. В числе этих работников были П. И. Смирнов и Б. А. Жемчужин. Этим двум товарищам была поручена специальная задача поставить в Кронштадте партийную большевистскую газету. Жемчужин взял на себя техническую часть, Смирнов — редакционную. 15 (28) марта был выпущен первый номер газеты в две полосы. Газета эта носила название «Голос правды». Начиная со второго номера газета стала выходить в размере четырех полос. 17 марта Петербургским комитетом для редактирования ее был командирован опытный журналист, бывший (в 1912 г.) секретарь редакции «Правды», Ф. Ф. Раскольников. О газете см. статью А. Ф. Ильина-Женевского «Большевистские газеты Кронштадта и Гельсингфорса в 1917 г.» («Красная летопись», 1927, № 3 (24), стр. 83 — 84.)

[83] Приводим подлинный текст исторической резолюции: «Единственной властью в городе Кронштадте является Совет рабочих и солдатских депутатов, который по всем делам государственного порядка входит в непосредственный контакт с Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов».

«Эта резолюция имеет большое принципиальное «значение», — писал «Голос правды» (№ 53) в передовой под названием «Упразднение должности правительственного комиссара в г. Кронштадте», — в ней совершенно определенно, а не двусмысленно, сказано, что единственным органом политической власти в Кронштадте

является Совет рабочих и солдатских депутатов. Значит все лица, занимающие в Кронштадте административные посты, подчиняются совету и никому иному. Только распоряжениями совета и Исполнительного комитета они руководятся, только с ними они обязаны считаться. Надо сказать, что и до этого дня Кронштадтский совет рабочих и солдатских депутатов выполнял обязанности высшего органа власти. Всюду он проводил свой организованный контроль. Его руководящее влияние проникало во все поры кронштадтской политической жизни. Исполнительный комитет с самого возникновения вникал решительно во все дела, как крупные, так и мелкие. Комиссар Временного правительства с самого начала был сведен на подчиненную роль, так как он находился под непосредственным контролем членов Исполнительного комитета. Фактически Кронштадтский совет сосредоточивает в своих руках всю полноту политической власти, но формально представителем власти явился назначенный сверху комиссар, ставленник Временного правительства. Все значение последнего решения Совета и заключается в уничтожении этих формальностей, в упразднении совершенно излишней должности правительственного агента».

«Самочинное» упразднение должности правительственного комиссара конечно было серьезным политическим шагом, который вызвал реакцию со стороны Временного правительства и буржуазии. Буржуазная печать начала новый поход против революционного Кронштадта. Уже 20 мая ст. ст. газета «Голос правды» в № 54, в передовой под названием «Кронштадтские дела и тревога буржуазии» отмечает: «Буржуазная печать не на шутку взволнована кронштадтскими делами... «Двухмесячная» история кронштадтского сепаратизма, — гневно пишет кадетская «Речь», — завершилась на-днях торжественным провозглашением Кронштадтской республики». У страха глаза велики. Самоуправление города через посредство Совета рабочих и солдатских депутатов рисуется напуганным буржуа в виде сепаратного отложения от России... Дальше министерская газета свирепеет еще более, и в ее тоне уже слышится угроза: «Отложение Кронштадта ставит в упор перед правительством основной вопрос: до каких пор правительство будет терпеть существование рядом с собою параллельной власти, от него независимой».

Здесь уже звучит определенный призыв к правительству: положить предел существованию «параллельной власти», т. е. Совету рабочих и солдатских депутатов, обуздать, укротить, призвать к порядку «зарвавшихся кронштадтцев». Буржуазия была бы не прочь совершить над Кронштадтом расправу, если в ее руках была бы сила. Но к счастью этой силы у нее нет».

[84] 21 мая прибыла в Кронштадт делегация Петросовета, в состав которой входили Н. С. Чхеидзе, А. Р. Гоц, Анисимов, Вербо и другие меньшевики и эсеры. Приезд делегации ни в коей мере не разрешил конфликта, возникшего между Кронштадтским советом и Временным правительством. Через несколько дней прибыла новая делегация в составе И. Г. Церетели и М. Г. Скобелева. Для разрешения четырех вопросов: 1) об отношении к центральной власти, 2) о правительственном комиссаре, 3) об органах самоуправления и суда и 4) об арестованных офицерах была избрана специальная комиссия, которая должна была составить текст соглашения. Ни по одному из пунктов не было достигнуто соглашения. (Ф. Ф. Раскольников, Кронштадт и Питер в 1917 г., стр. 73 — 76, Л., 1925.)

[85] Трегубов очевидно имеет в виду В. Л. Бурцева, ведшего в 1917 г. бешеную кампанию лжи против большевиков и который в резолюции Петросовета в сентябре 1917 г. получил кличку «профессионала клеветы».

[86] См. примечание 12а.

[87] 2 — 3 мая 1917 г. происходили переговоры представителей Исполкома с Временным правительством об образовании коалиционного министерства. Переговоры привели к соглашению относительно основных пунктов декларации, опубликованной новым составом Временного правительства 6 мая. (Декларация полностью напечатана в книге Н. Авдеева «Революция 1917 г.» («Хроника событий»), т. II, стр. 271 — 273, М. — П., 1923.) Новому составу Временного правительства посвящена статья В. И. Ленина «Классовое сотрудничество с капиталом или классовая борьба против капитала». (Собр. соч., т. XX, стр. 340 — 341.)

[88] 27 мая опубликована нота английского и французского правительства в ответ на ноты П. Н. Милюкова и Терещенко, 28 мая опубликана американская нота в ответ на ноту Временного правительства о целях войны. 31 мая в «Правде» опубликована резолюция ЦК. Резолюция отмечает нежелание империалистической буржуазии «союзных» стран стать на точку зрения мира без аннексий и контрибуций

и полное крушение политики коалиционного Временного правительства, обещавшего привести страну к миру путем дипломатических переговоров.

[89] 5 (18) декабря 1916 г. В. Вильсон, президент Северо-американских соединенных штатов, разослал ноту к правительствам всех воюющих стран, в которой предлагал сообщить ему те условия, на которых они согласны заключить мир, и обещал свое посредничество в деле предварительных переговоров между воюющими странами. (Полный текст ноты напечатан в ряде газет от 12 (25) декабря 1916 г., например в газете «Речь», 1916, № 342.) Государственная дума по поводу этой ноты официально не выступала, но в периодической печати имеются сообщения об отношении «парламентских кругов» к ноте Вильсона. «Кулуарные» заявления членов Думы (С. И. Шидловского, П. Н. Милюкова, М. В. Родзянко, В. В. Шульгина, Ф. И. Родичева и др.) совпадают с формулой перехода к очередным делам, принятой 2 декабря 1916 г. по поводу предложения мира Германией.

Государственная дума, присоединяясь к «решительному отказу союзных правительств — вести какие бы то ни было переговоры о мире при настоящих условиях», считает, что «прочный мир возможен только после решительной победы над военным могуществом наших врагов и после окончательного отказа Германии от тех стремлений, которые сделали ее виновницей мировой борьбы...»

15 (28) декабря Бриан вручил от имени всех союзных правительств ответ на ноту Вильсона послу Северо-американских соединенных штатов Шарту.

[90] 29 мая 1917 г. Альбер Тома, приехавший в Россию для поднятия «патриотического» духа русских рабочих, произнес речь в заседании Исполнительного комитета Петроградского совета. (см. «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов», 1917, № 79).

[91] Лондонская конференция, созванная по инициативе членов II Интернационала и в частности Вандервельде, состоялась 1 (14) февраля 1915 г. Оценивая Лондонскую конференцию, Ленин писал: «Войну с целью разорения и ограбления Германии, Австрии, Турции ведет англо-французская плюс русская буржуазия. Ей нужны вербовщики, ей нужно согласие социалистов воевать до победы над Германией, а остальное — пустое и недосточное фразерство, проституирование великих слов: социализм, интернационализм и пр. На деле — итти за буржуазией и помогать ей грабить чужие страны, а на словах — угощать массы лицемерным признанием «социализма и Интернационала» — в этом как раз и состоит основной грех оппортунизма, основная причина краха II Интернационала». (Собр. соч., т. XVIII, стр. 134 — 135.)

[92] Милюков цитирует (далеко не точно) «Декларацию» «Нашего слова», обсуждавшего на собрании сотрудников 13 февраля 1915 г. вопрос о Лондонской конференции. Эта декларация была напечатана в «Нашем слове» (1915, № 26) с значительными цензурными пробелами. Впоследствии недостающие места были восполнены путем перевода с немецкого текста из газеты «Berner Tagvacht» (1915, № 42) и целиком декларация опубликована в «Ленинском сборнике» (т. XVII, М. — Л., 1931, стр. 199 — 200. Подробно о позиции «Нашего слова» см. В. И. Ленин Собр. соч., т. XIX, стр. 453 — 454, прим. 34.). В. И. Лениным был написан «Проект декларации для оглашения на Лондонской конференции» (опубликованный ныне в «Ленинском сборнике», т. XVII, стр. 195 — 198), но М. М. Литвинов, имея широкие полномочия от ЦК, предложил не эту присланную ему Лениным декларацию, а свою, по содержанию тождественную с ленинской (декларация ошибочно напечатана в соч. В. И. Ленина, т. XVIII, стр. 122 — 128).

Милюков заключает в общие скобки с В. И. Лениным Мартова и Аксельрода — идеологов меньшевизма, занимавших в годы империалистической войны центристскую позицию, т. е., прикрываясь интернационалистскими фразами, на деле защищавших социал-шовинистов и бывших против превращения империалистической войны в гражданскую.

[93] П. Н. Милюков цитирует в купюрах текст известного манифеста ЦК РСДРП — «Война и российская социал-демократия», напечатанного впервые в № 33 газеты «Социал-демократ» от 1 ноября 1914 г. (В. И. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, стр. 61 — 66.)

[94] П. Н. Милюков цитирует книгу крайнего социал-шовиниста Эдуарда Давида «Die Sozialdemokratie im Weltkrieg», 1915, в свое время метко названную катехизисом социал-шовинизма. (О книге Давида см. В. И. Ленин, Главный труд немецкого оппортунизма о войне. Собр. соч., т. XVIII, стр. 161 — 164.)

[95] Большевики никогда не рассчитывали, что «социалисты» типа Давида «про-

изведут революцию в Германии». В. И. Ленин в мае 1915 г. о Давиде писал, «что подобный субъект, вся жизнь которого посвящена буржуазному развращению рабочего движения, мог стать одним из многих столь же оппортунистических вождей партии, депутатом и даже членом правления немецкой социал-демократической парламентской фракции, — это уже одно наводит на серьезные мысли о том, как давно, глубоко и сильно шел процесс гниения в германской социал-демократии». (Собр. соч., т. XVIII, стр. 161.)

[96] Грубо обрывая цитату (Ленин дальше пишет: «и всякий социалист сочувствовал бы победе угнетаемых, зависимых, неполноправных государств против угнетательских, рабовладельческих, грабительских, «великих» держав»), Грумбах пытается смазать подлинный смысл ленинского положения.

[97] Милюков цитирует по Грумбаху статью В. И. Ленина «Оппортунизм и крах II Интернационала», написанную на немецком языке для журнала «Vorbote». Приведенная в речи Милюкова цитата дана в неточном переводе. (В. И. Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 14.)

[98] В целях «наибольшего эфекта», Милюков превращает Грумбаха в представителя германской социал-демократии, дабы тем самым доказать, в чьих интересах «работают большевики». В действительности же Грумбах, урожнеец Эльзаса, будучи сепаратистом, еще в 1908 г. вышел из германской социал-демократической партии и переселился в Париж. Во время войны Грумбах жил в Швейцарии и как платный агент Антанты вел социал-оборонческую пропаганду.

[99] Цитируя выпады социал-оборонца Грумбаха против Ленина, Милюков ставит своею целью не только намекнуть на «связь» большевиков с Германией, но и показать, что «нежизненность» ленинской теории отмечается также и всеми «последовательными» западноевропейскими «социалистами».

[100] Милюков намекает на возвращение В. И. Ленина и Г. Е. Зиновьева с группой эмигрантов разных партий (среди них 19 большевиков, 6 бундистов, 3 сторонника парижской интернационалистской газеты «Наше слово») 3 апреля 1917 г. См. сообщение, сделанное Исполнительному комитету Лениным и Зиновьевым по поручению товарищей, приехавших из Швейцарии (В. И. Ленин, Собр. соч., т. XX, стр. 73 — 74.)

[101] 23 мая (5 июня) Петербургским советом рабочих и солдатских депутатов была получена от германского главнокомандующего Восточным фронтом радиотелеграмма по поводу мира, в которой говорилось, что Германия изъявляет готовность итти навстречу желанию Совета рабочих и солдатских депутатов и требует лишь одного: «Пусть Россия откажется от требования публичного объявления германских условий и пусть она ведет переговоры с германцами втайне». («Речь», 1917, 25 мая.)

[102] Суть торгового договора с Германией 29 января 1894 г. и конвенции 1904 г. заключалась в том, что путем частичных уступок русскому хлебному экспорту Германия облегчила себе ввоз в Россию продуктов своей промышленности и вывоз из России необходимого сырья. Соглашение 1904 г., как отмечает С. Ю. Витте, который вел переговоры, нельзя назвать «свободным», так как «оно в значительной степени было стеснено фактом японской войны и открытой западной границей». (С. Ю. Витте, Воспоминания, т. I, стр. 260, М. — П., 1923.) Буржуазия и буржуазные экономисты (И. М. Гольдштейн и др.) в печати накануне войны настаивали на необходимости «эмансипации от Германии», что должно явиться, по словам Гольдштейна, «нашим боевым лозунгом». (И. М. Гольдштейн, Русско-германский торговый договор и следует ли России быть «колонией» Германии, М., 1913.)

[103] 26 мая (8 июня) соглашательский Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов по предложению Исполкома постановил: 1) опубликовать телеграмму (см. прим. 91) и 2) обратиться к солдатам с воззванием по поводу ее. Воззвание заканчивается следующими словами: «Пусть армия своею стойкостью придаст мощь голосу русской демократии как перед союзными, так и перед воюющими с Россией странами. На провокацию германского генерального штаба возможен лишь один достойный ответ: «Теснее сомкнитесь вокруг знамени революции, удвойте энергию в дружной работе над воссозданием боевой мощи России для защиты ее свободы, для борьбы за всеобщий мир»». (Н. Авдеев, Революция 1917 г. («Хроника событий»), т. II, стр. 208 — 209, Гиз, 1923.)

[104] 30 мая 1917 г. итальянская делегация (в составе Раймондо, Лерда, Лабриоло и Каппа) изложила Исполнительному комитету Совета рабочих и солдатских депу-

татов «свое отношение к настоящей войне» и по сообщению «Известий» поставила такой вопрос: «Если демократии стран согласия примут платформу мира без аннексий и контрибуций, если в то же время германская демократия не сумеет заставить свое правительство отказаться от захватнических стремлений, то будет ли согласна российская демократия продолжать войну со всей энергией и добиваться осуществления своей платформы силой оружия»? На этот вопрос члены Исполнительного комитета ответили, что «к сожалению, демократия стран согласия еще не добилась от своих правительств отказа от империалистических целей войны, но что если положение будет таково, каким рисует его итальянская делегация, то конечно война должна будет продолжаться». («Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов», 1917, № 79, стр. 3.)

[105] Временное правительство перехватило телеграмму швейцарского министра Гофмана к Гримму (центрист, председатель Международной социалистической комиссии, выделенный на II Циммервальдской конференции), которого он пытался использовать как агента германских империалистов. (Телеграмма опубликована в книге «Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов», т. I, стр. 450, 1930.)

По поводу этого документа Временное правительство поручило И. Г. Церетели и М. И. Скобелеву затребовать объяснений у Гримма (ответ Гримма см. в указанной книге, стр. 450). «Будь Гримм, — писала «Правда», — последовательным интернационалистом, он заявил бы прямо и ясно (как это многократно заявляли все последовательные интернационалисты всех стран), что Гофман для него такой же империалист-провокатор, как и министры всех капиталистических правительств без всякого исключения. Не сделав этого, не устранив подозрения в том, что он мог бы быть в прямом или косвенном союзе со своим правительством, от которого исходила телеграмма (если она подлинная), Гримм естественно должен был подвергнуться высылке со стороны империалистического правительства русских капиталистов».

Далее «Правда» пишет: «Но что за некрасивая роль «социалистических» министров — не созывая даже совещания своих партий (эсеров и меньшевиков), брать на себя такие функции при русских империалистах».

31 мая 1917 г. Временное правительство предложило Гримму покинуть пределы России. («Правда», 1917, № 73.)

[106] По поводу этих слов И. В. Сталин в своей статье «Вчера и сегодня (кризис революции)», напечатанной в газете «Солдатская правда», 13 (26) июля 1917 г. писал: «Очевидно, что Временное правительство неуклонно катится в объятия контрреволюции. Это явствует также из того, что старый делец контрреволюции Милюков уже предвкушает плоды новой победы. «Если Временное правительство, — говорит он, — после долгой проволочки поймет, что в руках власти есть другие средства, кроме убеждения, те самые средства, которые она уже начала применять, если оно станет на эту дорогу, тогда завоевания русской революции (не шутите!) будут укреплены...» «Наше Временное правительство арестовало Колышко и выгнало Гримма. А Ленин, Троцкий и их товарищи гуляют на свободе... Будем желать, чтобы когда-нибудь и Ленина с его товарищами послали туда же». («Речь» 4 июня.) «Таковы «желания» старой лисы русской буржуазии г. Милюкова, — пишет дальше т. Сталин. — Исполнит ли Временное правительство это и подобные «желания» Милюкова, вообще, чутко прислушивающееся к голосу последнего, осуществимы ли теперь такие «желания» — это мы увидим в ближайшем будущем. Но одно все же несомненно: внутренняя политика Временного правительства целиком подчиняется требованиям его активной империалистской политики». («На путях к Октябрю», 2-е изд., Л., Гиз, 1925, стр. 46 — 47.)

[107] Член датской социал-демократической партии, оппортунист Боргбьерг, приехав в апреле 1917 г. в Петроград, предложил от имени скандинавских социалистов созыв в Стокгольме международной социалистической конференции по вопросу о мире. Предложение было принято меньшевиками и эсерами. Вопрос о созыве конференции был поставлен в порядке дня апрельской конференции РСДРП(б), на которой по поводу предложения Боргбьерга была принята следующая резолюция: «Боргбьерг выступает от имени трех скандинавских партий, т. е. шведской, датской и норвежской. При этом доверенность дана ему той шведской партией, во главе которой стоит Брантинг, т. е. социалист, перешедший на сторону «своей» буржуазии, изменивший революционному союзу рабочих всех стран... Боргбьерг, по его собственному признанию, действует в согласии с Шейдеманом и другими

немецкими социалистами, перешедшими на сторону немецкого правительства и немецкой буржуазии. Поэтому не подлежит никакому сомнению, что Боргбьерг, прямо или косвенно, является в сущности агентом немецкого империалистического правительства. В виду этого участие нашей партии на конференции, где участвуют Боргбьерг и Шейдеман, конференция считает принципиально невозможным, ибо наша задача — объединять не прямых или косвенных агентов различных империалистических правительств, а рабочих всех стран, революционно борющихся уже во время войны со своими империалистическими правительствами. Только совещание и сближение с такими партиями и группами способно на деле двинуть вперед заключение мира». О Стокгольмской конференции см.: «Резолюции Всероссийской апрельской конференции РСДРП 7 — 12 мая (24 — 29 апреля) 1917 г. (помещены в приложении к т. XX Собр. соч. В. И. Ленина, стр. 616 — 617); В. И. Ленин, Речь о проекте созыва международной социалистической конференции 8 мая (25 апреля» (Собр. соч., т. XX, стр. 254 — 256); В. Ленин «О Стокгольмской конференции». (Собр. соч., т. XXI, стр. 99 — 106.)

[108] Исполком Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов 20 мая (2 июня) постановил обратиться к социалистическим партиям и центральным профессиональным организациям всего мира с письмом о созыве 28 июня (8 июля) 1917 г. Международной социалистической конференции в Стокгольме, главнейшей задачей которой должно быть «соглашение между представителями социалистического пролетариата как относительно ликвидации «национального единения» с империалистскими правительствами и классами, исключающего возможность борьбы за мир, так и относительно путей и средств этой борьбы». (Н. Авдеев, Революция 1917 г. («Хроника событий»), т. II, стр. 178, М. — Л., 1923.)

[109] А. Тома, Гендерсон и Вандервельде 22 мая (4 июня) обратился в Исполком Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов с письменным протестом против созыва Международной социалистической конференции, на том основании, что переговоры об этой конференции между Исполкомом Петроградского совета, с одной стороны и английской, французской и бельгийской делегацией — с другой еще не окончились и потому соглашения относительно созыва этой конференции еще не поступило. (См. Н. Авдеев, Революция 1917 г. («Хроника событий»), т. II, стр. 188, М. — Л., 1923.)

[110] Сведения П. Н. Милюкова относительно демонстраций против поездки Макдональда и Джоуетта основываются на телеграммах агентства Рейтера от 29 и 30 мая 1917 г., опубликованных в газете «Речь», 1917, № 125 (3867). «Известия Совета рабочих депутатов» напечатали заметку «К поездке в Россию Макдональда», в которой отмечается отсталость части английских рабочих, «которые идут слепо за империалистическими господствующими классами страны. Эти рабочие до сих пор думают, что война идет им на пользу». («Известия Совета рабочих депутатов», 1917, № 80.)

[111] «Дело народа» — орган Центрального комитета эсеров — газета оборончеcкого и соглашательского направления, в состав редакции которой входили: В. М. Чернов, В. М. Зензинов, Н. С. Русанов и др., поместила в № 63 (1917 г. от 1 июля) статью С. Мстиславского (С. Д. Масловского) «Прямым путем»; так как Мстиславский по своей позиции был левее черновского «центра» (впоследствии примкнул к левым эсерам), Милюков очевидно и назвал «Дело народа» органом «эсеров-большевиков».

[112] «Новая жизнь» — орган социал-демократов интернационалистов, «отражавший настроение левого крыла мелкобуржуазных демократов» (Ленин), издававшийся в Петрограде под редакцией Суханова, Строева, Горького и Серебрякова и занимавший колеблющуюся позицию, выступая то против Временного правительства и социал-соглашателей, то против большевиков. Однако куда более тяготела «Новая Жизнь» характеризует приводимая ниже характеристика, данная Лениным. Говоря об одной заметке «Новой Жизни» В. И. писал: «Она (т. е. «Новая Жизнь»—*Ред.*) выступает но этот раз в более идущей к ней роли адвоката буржуазии, чем в явно «шокирующей» даму приятную во всех отношениях роли защитников большевиков» (Собр. соч. т. XXI, стр. 252.)

[113] По поводу выступления Милюкова «Правда» писала: «Опять обман. Всем ходом событий уже доказано, что русская революция не может замкнуться в узкие национальные рамки, и даже министры-социалисты из коалиционного правительства признают это. Вы лжете также, будто русская революция объединяет в себе все классы и группы и что все они ставят однородные задачи. Господствующие классы

всех воюющих стран объединяются на одной задаче: захватить, награбить для себя в этой бойне, не дать встать у власти пролетариату в своей стране и разбить нарождающееся международное объединение пролетариата в III Интернационале. Этой работе русской и международной буржуазии помогают все те «социалисты», которые с ними сотрудничают, соглашаются. У подавляющего большинства населения в каждой стране и у русской революции задачи организации и движения не «однородны», а прямо-противоположны, и мы повторяем, вы нас, гг. Милюковы, не обманете — правда бьет слишком в глаза». (Я. Б у р о в, Обман и правда, «Правда», 1917, № 82.)

[114] По поводу выступления Шульгина «Правда» писала: «Все это обман. Правда лишь, что рабочие участвуют в военной промышленности. Но они являются невольными участниками в военной индустрии, в изготовлении орудий истребления, поскольку мы живем в эпоху капиталистического хозяйства и поскольку во всех странах стоит у власти класс капиталистов. Во всех странах этот класс ведет войну из своих классовых интересов и только ему мировая бойня выгодна. Об этой выгоде свидетельствуют скандальные чистые барыши до 500%, положенные в карман гг. капиталистами Германии, Франции, Англии, России и других воюющих стран. Господа капиталисты и пушечные короли, вы нас не обманете! О правде говорят даже те отчеты Амстронгов, Круппов, Крезо, акционеров Путиловского завода, завода «Айваз» (по отчету за 1916 г. этот завод на основной капитал в 4 миллиона руб. заработал чистых $4^1/_2$ миллиона). А ведь в этих отчетах разными бухгалтерскими приемами вы скрыли настоящие ваши барыши. Каковы же они на самом деле? Товарищи рабочие! Сравните записи заработков в ваших засаленных расчетных книжках с уменьшенными прибылями в отчетах гг. акционеров, и вы в сотый раз убедитесь, кому выгодна война и кто должен стоять за милитаризм, за затяжку войны, за наступление». («Правда», 1917, № 82.)

[115] Первая Гаагская мирная конференция заседала с 18 мая по 29 июля 1899 г.; вторая — с 15 июня по 19 октября 1907 г. На этих конференциях, как и на современных «мирных» и «разоружительных» спектаклях, лживая пацифистская фразеология маскировала империалистическую политику буржуазных государств. Выступление России в качестве инициатора, предлагавшего сокращение вооружений, вызвано было финансовыми затруднениями, с которыми были связаны мероприятия по перевооружению армии (главным образом артиллерии.)

[116] Речь идет об официальном сообщении «От Временного правительства», в котором приводилась телеграмма швейцарского правительства, поручавшего Гримму заявить, что «Германия ищет с Россией почетного для обеих сторон мира с установлением тесных коммерческих и экономических отношений и финансовой поддержкой для восстановления России». («Известия», 1917, № 82, стр. 5.)

[117] Повидимому речь идет о воззвании Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов от 21 апреля 1917 г., в котором сказано: «Товарищи солдаты! Без зова Исполнительного комитета в эти тревожные дни не выходите на улицу с оружием в руках. Только Исполнительному комитету принадлежит право располагать вами. Каждое распоряжение о выходе воинской части на улицу (кроме обычных нарядов) должно быть отдано на бланке Исполнительного комитета, скреплено его печатью и подписано не меньше чем двумя из семи лиц». («Известия», 1917, № 47, стр. 1.) Это постановление было вызвано попыткой Л. Г. Корнилова в апрельские дни 1917 г. применить к массовым демонстрациям методы карательной политики самодержавия (посылка на Дворцовую площадь артиллерии).

[118] По поводу выступления Маклакова «Правда» писала: «Златоуст» нашей промышленной буржуазии доказывает, что нужно защищать «не революцию», а родину (понимай: прибыли капиталистов), и тогда «мы благополучно кончим войну и мы (т. е. Айвазы и рыцари военной «сверхприбыли») спасены». Вот в этих словах г. Маклакова мы видим правду и о министрах-социалистах, и о задачах, которым они приглашаются (и ежедневно принуждаются своей тактикой) служить». Статья заканчивается следующими словами: «Министры-социалисты Скобелев, Церетели и др., ведя соглашательскую политику с десятью представителями капиталистов, тем самым вынуждаются во всей своей работе «не углублять революции», отделываться от революционной идеологии, «не защищать революцию», а «сверхприбыль» наших капиталистов, затягивать гибельную для революции бойню. «На каком возу сидишь, ту и песенку поешь». Вот та правда, какую сказали на совещании представители господствующих классов министрам-социалистам и всему рабочему классу». («Правда», 1917, № 82.)

[119] В. И. Ленин по поводу резолюции частного совещания Государственной думы написал статью: «Третьеиюньские зубры за немедленное наступление», в которой читаем: «Господа третьеиюньцы, те, которые помогали Николаю Романову после 1905 г. залить кровью нашу страну, душить революционеров, восстановить всевластие помещиков и капиталистов, собрались на свои совещания одновременно с съездом советов. В то время как Церетели, попав в положение пленника буржуазии, тысячами уверток пытался замять сущность, важность, злободневность политического вопроса о немедленном наступлении, третьеиюньские зубры, соратники Николая Кровавого и Столыпина-вешателя, помещики и капиталисты не побоялись поставить вопрос прямо, открыто». Далее, приведя последнюю фразу резолюции о наступлении, В. И. пишет: «Вот это ясно. Вот это политика, люди дела, верные слуги своего класса, помещиков и капиталистов». (Собр. соч., т. XX, стр. 500 — 501.)

[120] Речь идет о резолюции, принятой Всероссийским съездом советов 4 июня 1917 г. об упразднении Государственной думы и Государственного совета. Резолюция полностью напечатана в брошюре «Россия в плену у Циммервальда. Две речи П. Н. Милюкова. Птг. 1917, стр. 41—44. Постановление Временного правительства о роспуске Государственной думы и Государственного совета состоялось 7 октября 1917 г.

[121] 15 июня состоялось под председательством Родзянко заседание членов Государственной думы, входивших в состав совета старейшин, на котором была принята следующая резолюция: «Как бы ни было несовершенно положение о выборах 3 июня 1907 г., тем не менее до созыва Учредительного собрания члены Государственной думы принуждены сохранять свое значение народных представителей со всеми вытекающими из этого факта последствиями. В виду изложенного частное совещание членов Государственной думы считает политическим долгом попрежнему громко возвышать свой голос в тяжелую для родины годину, предупреждать ее о грозящих опасностях, указывать на правильный путь». (В. Владимирова, Революция 1917 г., т. II, стр. 72, М.—П., Гиз.)

[122] Подавляющее большинство армейских газет стояло на платформе поддержки Временного правительства и борьбы с большевиками. Однако военные организации большевиков, несмотря на преследования и затруднения, сумели организовать и большевистские издания для солдат. Таковы «Солдатская правда», «Окопная правда» и др. Большевистские газеты, несмотря на их малочисленность, пользовались громадным влиянием в армии и побивали соглашательскую печать. (С. Е. Рабинович, Борьба за армию в 1917 г., стр. 106 и след., М. — Л., 1917.

[122а] Генерал Носков убит в конце мая 1917 г. По делу об убийстве были привлечены к дознанию солдаты 734 пех. полка Егор Монахов, Павел Исаев и Феодосий Лебенков. (Гл. в.-суд. упр. ос. дел. д. № 16 за 1917 г.)

[123] Речь идет о съезде офицеров армии и флота, открывшемся в ставке 7 мая 1917 г. На съезде офицерство открыто выступило с кадетской программой, наметило ряд мероприятий, которые должны были восстановить власть командного состава над солдатами. Съезд предложил немедленно заменить «увещевание» и другие «меры воздействия на солдат» «самыми высшими уголовными наказаниями». (См. С. Е. Рабинович, Борьба за армию в 1917 г., стр. 27 — 28, М. — Л., 1930.)

[124] Несколько позже чаяния Пуришкевича осуществились. 12 июля 1917 г. постановлением Временного правительства была введена смертная казнь для военнослужащих на театре военных действий. (Постановление полностью опубликовано в книге «Разложение армии в 1917 г.», стр. 96 — 98, М. — Л. (Центрархив).)

[125] Речь идет о выборах в петроградские районные думы, начавшиеся в конце мая. Пуришкевич недаром приветствует «победу благородной партии народной свободы». «Со дня свержения царизма, — писал т. Сталин в этот период, — правые партии разбрелись. Объясняется это тем, что существование их в старом виде стало невыгодным. Куда же они ушли? Они собрались вокруг партии так называемой «народной свободы», вокруг партии Милюкова и компании. Партия Милюкова теперь самая правая партия. Это факт, против которого не спорят. И именно поэтому эта партия является теперь центром стягивания контрреволюционных сил». («На путях к Октябрю», стр. 32 — 33.)

[126] Речь идет об известном выступлении 20 июня солдат 703-го Сурамского полка, направленном против Соколова, Вербо, Розенберга и Ясайтиса, прибывших по поручению Исполнительного комитета в 10-ю армию для поднятия «боевого настроения».

[127] В Петрограде существовали в 1917 г. многочисленные «патриотические» общества: «Военная лига», «Республиканский центр», «Союз воинского долга», «Союз спасения родины» и др., основанные Пуришкевичем, Юсуповым и мн. др. Официальная программа этих организаций сводилась к следующему: «1) поддержать сильную власть в стране, 2) водворить порядок и восстановить дисциплину в армии и 3) довести войну до победного конца в согласии с союзниками».

«Военная лига» проявляла наибольшую контрреволюционную деятельность, вела агитацию среди солдат, устроила с участием духовенства «патриотическую манифестацию» перед зданиями Главного штаба и союзных посольств; 29 июня совет лиги возбудил ходатайство о дозволении формировать добровольческие роты, что было разрешено, но лишь в районе, подчиненном Верховному главнокомандующему.

[128] Катастрофическому падению курса рубля способствовал также вывоз русской буржуазией капиталов из страны. Вследствие наплыва русских денег в Финляндию одно время почти совершенно приостановился размен русских рублей на финляндские марки. Финляндский экономист Корписсари писал, что многие русские богачи, не уверенные в своей безопасности на родине, переводят свои капиталы за границу. 15 февраля 1917 г. курс рубля на Лондонской бирже составлял 56,2 коп., в октябре 1917 г.—27,3 коп. («Банковая торговая газета», 1917, № 18.) До Февральской революции из России было отправлено в Англию золота на 643,2 миллиона руб. Величина золотого фонда составляла около 1 миллиарда руб., что давало около 10% золотого обеспечения кредитного рубля, а до войны оно было равно почти 100%.

[129] Цифровые данные, приводимые Л. А. Бубликовым, несколько расходятся с данными, опубликованными в «Известиях особого совещания по топливу» (1917, № 7), в сторону преувеличения.

[130] А. А. Бубликов цитирует речь М. И. Скобелева, сказанную им в заседании Совета рабочих и солдатских депутатов 13 мая 1917 г., на котором впервые присутствовали «министры-социалисты». Слова М. И. Скобелева цитируются по отчету, напечатанному в газете «Речь», 1917, № 112, стр. 5. В отчетах, напечатанных в «Известиях» (1917, № 66, стр. 5) и в «Новой жизни» (1917, № 23) фраз из речи М. И. Скобелева, на которые ссылается Бубликов, не имеется.

[131] См. таблицу часовых ставок рабочих двадцати петроградских металлических заводов в июне 1917 г. в книге А. П. Серебровского «Революция и заработная плата рабочих металлической промышленности». (Птгр. 1917 г., стр. 12 — 13.)

[132] По поводу речи М. И. Скобелева, произнесенной на заседании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов 13 мая 1917 г., В. И. Ленин писал: «Скобелев раздает неумеренные и даже безмерные обещания, не понимая тех условий, при которых возможно осуществление их на деле. В этом весь гвоздь. Не только выполнить программу Скобелева, но даже сделать вообще сколько-нибудь серьезные шаги к ее осуществлению нельзя ни под ручку с десятью министрами из партии помещиков и капиталистов, ни тем бюрократическим, чиновничьим аппаратом, которым правительство капиталистов (с придатком меньшевиков и народников) вынуждено ограничиться. Поменьше обещаний, гражданин Скобелев, побольше деловитости! Поменьше пышных фраз, побольше понимания, как приступить к делу». (Статья В. И. Ленина «Неминуемая катастрофа и безмерные обещания», Собр. соч., т. XX, стр. 376 — 377.)

[133] Загородная дача П. П. Дурново в февральские дни 1917 г. была занята анархистами и некоторыми рабочими организациями. Владельцы требовали выселения. Министр юстиции П. Н. Переверзев под предлогом, что среди анархистов скрываются уголовные преступники, в ночь на 19 июня предпринял вооруженную экспедицию. Дача была разгромлена, и двое анархистов убито.

[134] Дворец балерины М. Ф. Кшесинской был занят в 1917 г. Петербургским комитетом большевиков.

[135] О вступлении С. И. Шидловского в Главный земельный комитет, куда он, по его словам, «был избран в хвосте всех» и «с большим трудом» (см. его «Воспоминания», напечатанные в книге «Февральская революция. Мемуары», составил С. А. Алексеев. М. — Л., Гиз, 1926, стр. 300 и след.).

[136] Крестьянские комитеты начали возникать тотчас же после падения самодержавия — при смене местных царских властей (сельских старост, волостных старшин и т. п.).

В то время как органы центральной власти были в руках империалистической буржуазии и помещиков, низовые комитеты являлись органами фактической кре-

стьянской власти. Характеризуя закон о земельных комитетах (21 апреля 1917 г.), «созданных помещичьим правительством... правительством империалистов и грабителей народных масс», В. И. Ленин писал: «Комитеты, по этому мошеннически написанному помещичьему закону, составлены так, что уездный комитет менее демократичен, чем волостной, губернский менее демократичен, чем уездный, главный — менее демократичен, чем губернский». (Собр. соч., т. XXI, стр. 359.) Этим объясняется, что в то время как центральная власть стремилась к сохранению помещичьего землевладения в неприкосновенности, местные комитеты захватывали помещичьи имения. С помощью карательных отрядов, особенно после июльских дней, в целом ряде мест Временное правительство пыталось создать послушные местные комитеты, которые охраняли бы помещиков от крестьян.

[137] По поводу заключительного слова М. В. Родзянко В. И. Ленин написал статью: «Как и почему крестьян обманули?». (Собр. соч., т. XX, стр. 580 — 582.)

[138] В связи с обострившимся украинским вопросом в Киеве происходил ряд украинских съездов. Во главе национального движения стояла группа украинских интеллигентов-самостийников. Решено было создать национальный орган, который должен был выступать перед Временным правительством, отстаивая интересы Украины. 6 апреля 1917 г. была избрана Центральная рада Всеукраинским национальным конгрессом в Киеве. Она явилась исполнительным органом националистической буржуазии Украины. С первого дня существования Центральной рады перед ней стал вопрос о взаимоотношениях с Временным правительством. Вскоре была командирована делегация в Петроград для решения вопроса о предоставлении автономии Украине в рамках Российского государства, однако требования рады были отвергнуты Временным правительством. По возвращении делегации в Киев был созван пленум Центральной рады, на котором было доложено о результатах переговоров. 10 июня 1917 г. был опубликован первый универсал об автономии Украины.

[139] Повидимому речь идет об Украинском национальном съезде, продолжавшемся 3 дня (6 — 8 апреля) при участии 1000 представителей украинских организаций. Съездом была избрана Центральная рада в числе больше 100 членов.

[140] 10 июня 1917 г. был издан Украинской центральной радой и принят Всеукраинским войсковым съездом «универсальный акт» об устранении Украины, в котором объявляется: «Не отделяясь от всей России, не разрываясь с Российским государством, пусть украинский народ на своей земле имеет право сам распоряжаться своей жизнью, пусть порядок и строй в Украине устанавливает избранное всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием всенародное украинское собрание — сейм...» См. статьи В. И. Ленина «Украина» и «Украина и поражение правящих партий России». (Собр. соч., т. XX, стр. 534 — 535.) (Универсал полностью опубликован в книге «1917 г. на Киевщине», стр. 482 — 483, Киев, 1928.)

[141] Центральная украинская рада в мае отправила в Петроград специальную делегацию. Делегация представила Временному правительству и Петербургскому совету рабочих и солдатских депутатов меморандум, в котором требовала учреждения при Временном правительстве должности особого комиссара по делам Украины, выделения украинцев в отдельные войсковые части, учреждения на Украине областного комиссара, ассигнования особых средств в распоряжение Центральной рады и нек. др. В ответ на эти требования Временное правительство опубликовало постановление, в котором заявляло, что Центральная рада в Киеве не выражает мнения украинского народа и что автономию Украине может дать только Учредительное собрание.

[142] 16 июня 1917 г. была объявлена «Декларация Временного правительства украинскому народу» за подписью министра-председателя Г. Е. Львова. Декларация заканчивалась следующими словами: «Пусть все народы России теснее сомкнут свои ряды в борьбе с угрожающими стране внешними и внутренними опасностями. И пусть окончательное решение всех основных вопросов они предоставят недалекому уже Учредительному собранию, в котором они же сами будут решать судьбы и общей им всем родины России и всех отдельных областей ее». («Речь», 1917, № 140, стр. 4.)

[143] 5 мая в Киеве открылся Украинский войсковой съезд из представителей украинских организаций, разных тыловых и фронтовых воинских частей, флота, отдельных гарнизонов, земского и городского союзов. Съезд был созван по инициативе Украинской центральной рады. В состав президиума вошли Петлюра (от фронта), Михновский (от тыла), Письменный (от флота), Винниченко (от Централь-

ной рады). Почетным председателем был избран проф. Грушевский. Съезд потребовал от Временного правительства немедленного провозглашения особым актом принципа национально-территориальной автономии Украины и создания украинской национальной армии.

[144] По поводу запрещения А. Ф. Керенским украинского войскового съезда на объединенном заседании советов рабочих и солдатских депутатов 9 июня Зарницыным от имени большевиков была внесена следующая резолюция: «Протестуя против запрещения Керенским украинского войскового съезда, мы находим, что это запрещение есть одно из проявлений империалистической политики центрального правительства, нарушающего права угнетенных наций и основные принципы демократии». Резолюция заканчивается следующими словами: «Считая, что национальное раскрепощение неразрывно связано с раскрепощением классовым, мы призываем пролетариев и полупролетариев Украины к отказу от сотрудничества со своей национальной буржуазией, к единой классовой организации и к совместной борьбе за власть и за свержение опоры национального и классового угнетения—ига капитала». (Подробнее об этом см. «1917 г. на Киевщине», стр. 97, 113, 114. Киев, 1928.) Ленин посвятил запрещению съезда специальную статью — «Не демократично гражданин Керенский» (Собр. соч., т. XX, стр 467 — 468.)

[145] Шульгин имеет в виду резолюцию, вынесенную 15 июня «воинами-украинцами» на митинге в Луцке 15 июня 1917 г. и напечатанную в издаваемой им крайне правой газете «Киевлянин». «Выражая полное доверие Временному правительству и Совету рабочих и солдатских депутатов, — говорится в резолюции, — протестуем против действия Центральной рады, самозванно взявшейся говорить и действовать от имени целой Украины. Мы, войсковые украинцы, доверяем правительству довести нас до Учредительного собрания, которое решит форму укравления великой, неделимой Российской республики». («Речь», 1917. № 144, стр. 4.)

[146] 20 июня 1917 г. на экстренном заседании Временного правительства был заслушан доклад киевского губернского комиссара Суковкина об украинских делах. После кратких прений было постановлено командировать на Украину особую правительственную комиссию (в составе «популярных общественных деятелей») для выяснения положения дел на местах. («Речь», 1917, № 143, стр. 3.)

[147] 28 июня (11 июля) Терещенко и Церетели приехали в Киев, и в течение дня происходило совещание с президиумами исполнительных комитетов рабочих и солдатских депутатов, общественных организаций и коалиционного студенчества. 29 июня (12 июля) в Киев приехал Керенский, и с утра министры, посланные Временным правительством, обсуждали возможности соглашения в помещении Центральной рады. С 5 час. вечера шло заседание министров с «генеральным секретариатом». Вечером в объединенном заседании исполнительных комитетов в Киеве министры Временного правительства сообщили основания достигнутого соглашения с радой.

[148] В ночь на 2 июля состоялось на квартире Г. Е. Львова заседание Временного правительства, на котором возвратившиеся из Киева министры сделали подробный доклад о происходивших там переговорах. Было прочитано проектируемое постановление Временного правительства об Украине, причем было указано приехавшими из Киева министрами, что этот текст должен быть принят без изменений. Министры-кадеты заявили, что текст декларации их не удовлетворяет, так как она уничтожает всякую власть Временного правительства на Украине, и настаивали на том, что разрешение украинского вопроса принадлежит Учредительному собранию. Голосованием предложение министров-кадетов было отвергнуто, а текст декларации был принят. Министры-кадеты Шингарев, Шаховской и Мануйлов заявили, что они выходят из состава Временного правительства. Министр путей сообщения Н. В. Некрасов (кадет) занимал колеблющуюся позицию и сначала, по сообщению газет, заявил об оставлении им поста министра (что означало присоединение его по вопросу об отношении к тексту декларации, к кадетам). В ночном заседании 2 июля Временного правительства отставка была принята. Затем Н. В. Некрасов послал в Центральный комитет кадетов уведомление о выходе из партии, таким образом солидаризуясь со сторонниками соглашения. Н. В. Некрасов участвовал 3 июля в совещании Временного правительства как частный человек. На предложение войти в новый состав решительного ответа не дал. В новый состав Временного правительства вошел в качестве заместителя министра-председателя. («Новая жизнь», 1917, № 65, 4 (17) VII, стр. 3.)

[149] Текст декларации полностью опубликован в книге В. Владимировой «Революция 1917 г.» («Хроника событий»), т. III, стр. 304 — 305, М. — Л., Гиз, б. г.)

[150] Слова М. В. Родзянко заключают намек на Выборгское воззвание, составленное П. Н. Милюковым. Воззвание было опубликовано после двухдневного обсуждения — 22 (9) — 23 (10) июля 1906 г.—от имени 200 депутатов I Государственной думы, собравшихся после разгона Думы в Выборге и предложивших «народу», в качестве ответной меры на разгон Думы, отказаться от уплаты налогов и поставки рекрутов.

[151] Дело конечно не в малом распространении украинских изданий, а в тех преследованиях, которым подвергалась украинская печать вплоть до падения самодержавия. В литературной деятельности украинцев видели «скрытое посягательство на государственное единство России». Руководящим началом для цензурного ведомства, при рассмотрении произведений печати на украинском языке, служило «высочайшее повеление» от 8 мая 1876 г. с последующими дополнениями. Эти положения запрещали: 1) ввоз в пределы империи, без особого на то разрешения Главного управления по делам печати, каких бы то ни было книг и брошюр, издававшихся за границею на украинском языке; 2) печатание и издание оригинальных произведений и переводов на украинском языке, за исключением лишь исторических документов и памятников; 3) различные сценические представления и чтения на украинском языке и печатание текстов к музыкальным нотам». (См. записку Академии наук, «Об отмене стеснений малорусского печатного слова», отд. изд. Академии наук, 1905, стр. 86 — 90.)

[152] По поводу ухода министров-кадетов Шингарева, Мануйлова и Шаховского под предлогом протеста против признания Временным правительством слишком широкой по их мнению автономии Украины, В. И. Ленин написал статью «На что могли рассчитывать кадеты, уходя из министерства». (Собр. соч., т. XXI, стр. 5 — 6.) В статье Ленина читаем: «Кадеты рассчитывают, с точки зрения своего класса империалистов, эксплоататоров, правильно: уходя, мы-де ставим ультиматум. Мы знаем, что Церетели и Черновы сейчас не доверяют истинно-революционному классу, сейчас не хотят вести истинно-революционной политики. Мы-де их попугаем. Без кадетов — это-де значит без «помощи» всемирного англо-американского капитала, это значит итти революцией и на него. Не пойдут-де Церетели и Черновы, не решатся! Они-де нам уступят! А если нет, то-де революция против капитала, буде даже она начнется, не удастся, и мы вернемся».

[152]а Возобновилось ли это заседание после перерыва неизвестно, так как указаний в печати о нем не имеется, стенограммы не обнаружены.

[153] «Известия», публикуя краткий отчет этого заседания, отмечали: «Читатели видят из помещенного отчета, каким языком заговорила реакция. Они видят теперь, где таится ее жизненный центр, где куется контрреволюционный заговор против свободной России. Политические мертвецы собираются превратить Государственную думу в средство своего оживления, но революционное правительство не может допустить этого, оно должно принять все меры и в корне пресечь преступную работу реакционеров, отстаивающих свое право на существование на манифесте Михаила Романова» (№ 121, стр. 5). Это заседание Государственной думы обратило на себя внимание также Междурайонного совещания (орган, который координировал работу районных советов Петрограда и являлся связующим их центром), и оно повело против Государственной думы кампанию. Был выработан проект декларации, который был затем подвергнут обсуждению в районах, и были собраны резолюции от всех районных советов, в которых все они требовали решительной борьбы с контрреволюционерами и в частности с членами Государственной думы. Со всеми этими материалами представители районного совещания прибыли на заседание в бюро Центрального исполнительного комитета советов. Представитель делегации обратился в бюро с заявлением о необходимости распустить Государственную думу особым декретом Временного правительства (Государственная дума была распущена лишь только 7 октября), а Масленникова и Пуришкевича привлечь к уголовной ответственности за оскорбление совета. На это заявление члены бюро ВЦИК ответили очень уклончиво и, «приветствуя чуткость советов в связи с выступлением поднявшей в последние дни голову контрреволюции», взваливали всю вину в этом на большевиков (напоминая о выступлении гарнизона 3 — 5 июля). См. статью П. Ф. Куделли «Завоюйте Петроградский совет». («Красная летопись», 1927, № 3 (24), стр. 14 — 15.)

[154] Речь идет об июньском наступлении, предпринятом буржуазией по требованию Антанты, за которое активно агитировали меньшевики и эсеры и которое окончилось разгромом русской армии.

[155] Обращение от Временного комитета Государственной думы напечатано в газете «Речь», 1917, № 167, стр. 4.

[156] Слова из телеграммы генерала Л. Г. Корнилова, требовавшего «немедленного введения смертной казни и учреждения полевых судов». Телеграмма опубликована в газете «Речь», № 162, стр. 2 — 3.

[157] Речь идет о письме Керенскому трех членов кадетской партии (Астрова, Кишкина и Набокова), с которыми велись переговоры по вопросу о вступлении их в правительство. В письме указаны условия, на которых они согласны вступить в правительство, и особенно подчеркивается, что их вхождение в «кабинет» возможно лишь в случае полной гарантии «невмешательства в дело государственного управления каких бы то ни было организаций или комитетов». («Известия», 1917, № 120, от 18/VII, стр. 7.)

[158] «Только люди, которые так запутались, что повторяют все небылицы, распространенные контрреволюционными кадетами, способны не видеть смехотворной нелепости утверждения, будто 3 или 4 июля имела место «организация вооруженного восстания» — писал В. И. Ленин в газете «Рабочий и солдат» в июле 1917 г. (Собр. соч., т. XXI, статья «Ответ», стр. 42.)

Что же касается тех «женщин и детей», которые по словам Масленникова «отнимали оружие и пулеметы», то таковыми очевидно он считает семеновцев, преображенцев, волынцев, юнкеров, артиллерийские и кавалерийские части, на которых под руководством генерала Половцева и его помощника Кузьмина и была возложена «ликвидация бунта».

[159] По поводу этой речи Пуришкевича в «Известиях» (1917, № 122, стр. 1) была напечатана статья «Под знаменем Пуришкевича», в которой говорилось: «Пуришкевич выразил подлинную мысль всех собравшихся отщепенцев народа и изменников родины, развив свою программу, которая заключается в полном возвращении к порядкам старого режима. Трудно было ожидать, чтобы этот грязный субъект мог когда бы то ни было вновь появиться на политической сцене в свободной России. И однако как велика ненависть помещиков, попов, капиталистов, добровольных и наемных слуг мирового империализма к революции, что все они готовы сплотиться вокруг вчерашнего и завтрашнего царского лизоблюда. Для грязного дела контрреволюции, само собой разумеется, и не найти более подходящего субъекта, чем Пуришкевич!»

[160] В этой фразе старого погромщика В. М. Пуришкевича кроется антисемитский смысл, соответствовавший той кампании «разоблачения псевдонимов», которую вела буржуазная пресса при благосклонном участии «социалистических» газет. При этом газеты сознательно скрывали, что эти фамилии не что иное, как литературные псевдонимы. Для большего показа «еврейского засилья» Пуришкевич смешал вместе как большевиков, так и социал-соглашателей (Парвус, Дан).

[161] 5 июня 1917 г. группа анархистов захватила типографию «Русской воли», где отпечатала воззвание, объясняющее причину захвата. Под давлением съезда Советов рабочих и солдатских депутатов анархисты в числе 36 человек сдались и под экскортом казаков были отвезены в здание кадетского корпуса, где заседал съезд. Но членов съезда уже не было, и анархисты были освобождены, согласно постановлению Исполнительного комитета Петросовета. («Речь», 1917, № 131, стр. 4; «Первый Всероссийский съезд советов», стр. 120 и 456, М. — Л., 1930.)

[162] Условия, выдвинутые кадетами и торгово-промышленниками, сводились главным образом к полной независимости Временного правительства от советов и отказа от всех пунктов декларации 8 июля. Меньшевики, ощущая опасность слева и давление народных масс, соглашаясь с первым требованием кадетов, не считали возможным признать второе.

[163] Речь идет о резолюции, принятой на пленарном заседании Центрального исполнительного комитета крестьянских депутатов 17 июля 1917 г. (Резолюция опубликована в газете «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов», 1917, № 120, стр. 5), согласно которой «соглашение между революционной демократией и организованной буржуазией для создания коалиционного министерства может быть достигнуто лишь на почве признания всех завоеваний революции, согласия на проведение неотложных мероприятий в области рабочего и аграрного вопроса».

[164] Циркуляры управляющего министерством внутренних дел И. Г. Церетели «всем комитетам общественных организаций, советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, органам городского и земского самоуправления» и «губернским областным и городским комиссарам», опубликованные в газете «Известия Совета

рабочих и солдатских депутатов» (№ 120, 1917, стр. 7 — 8), гласили, что «правительство ставит своею целью скорейшее проведение в жизнь той программы внешней и внутренней политики, которая изложена в декларации правительства от 8 июля».

[165] На заседании Временного правительства 7 июля был принят текст декларации, опубликованный 8 июля. В декларации на ряду с совершенно неопределенными обещаниями по аграрному и рабочему вопросу заявлялось, что «первой основной задачей Временное правительство считает напряжение всех сил для борьбы с внешним врагом и для охраны нового государственного порядка от всяких анархических и контрреволюционных покушений, не останавливаясь перед самыми решительными мерами власти». В этой декларации нашли свое определенное выражение: активная империалистическая внешняя политика и полная готовность к контрреволюционной борьбе с нараставшим революционным движением. Однако декларация, завуалированная меньшевистской фразеологией, сделалась мишенью для нападок буржуазной прессы.

[166] Адмирал Сушон, командовавший германскими крейсерами, тотчас же после объявления войны привел два германских корабля «Гебен» и «Бреслау» в Константинополь, где вслед затем был назначен главнокомандующим турецким флотом. Продажа Германией Турции этих двух боевых единиц взволновала русское министерство иностранных дел, которое тогда указывало, что «проход «Гебена» и «Бреслау» изменил положение не в нашу пользу, увеличив значительно морскую мощь Турции». (Статья А. Ловягина: О „«Гебене» и «Бреслау»", журнал «Морской сборник», 1917, № 11—12, стр. 76—82.) «Гебен» и «Бреслау» провели ряд военно-морских операций против России и фактически обрекли Черноморский флот на бездействие.

[167] В ночь на 7 июля на квартиру Ю. М. Стеклова напали вооруженные офицеры и солдаты, действовавшие по предписанию командующего округом Половцева. Приехавшие в квартиру А. Ф. Керенский и Н. Д. Авксентьев отменили приказ Половцева об обыске у Ю. М. Стеклова. («Новая жизнь», 1917, № 69, стр. 4.) Утром 10 июля в деревне Наувола сборным отрядом из гардемаринов и казаков с офицером «дикой» дивизии во главе Ю. М. Стеклов был арестован и отправлен в штаб округа, откуда он был освобожден распоряжением вызванного по телефону Н. С. Чхеидзе. («Новая жизнь», 1917, № 72, стр. 3.)

[168] Речь идет о нападении на К. С. Еремеева во время разгрома «Правды» 4 июля 1917 г. (См. об этом факте в воспоминании К. С. Еремеева «Июльский погром 1917 г.», «Правда», 1927, № 160 (3692), стр. 3.)

[169] Выступления ряда ораторов на состоявшемся 18 июля в Таврическом дворце частном совещании членов Государственной думы вызвали целый ряд протестов. Так например Всероссийский съезд представителей рабочих и служащих заводов и портов морского ведомства, ознакомившись с речами ораторов, отмечает «концентрацию контрреволюционных сил» и выражает свое возмущение по поводу того, что «депутаты бывшей Государственной думы, являвшиеся в свое время представителями небольшой наиболее реакционной цензовой части населения, посягают на истинно-демократические органы, созданные революционным народом». В этой же резолюции указывается, что настал момент к роспуску бывшей Государственной думы. Положение Думы было признано столь серьезным, что, по сообщению газеты «Речь», для охраны Таврического дворца воинские части выбирались с большим разбором. («Известия», 1917, № 122; «Речь», 1917, № 167 и 171.)

[170] 9 марта Временное правительство постановило образовать «особый закавказский комитет» в составе В. А. Харламова, М. И. Пападжанова, Кита Абашидзе и П. Н. Переверзева, уполномочив названный комитет «действовать от имени и с правами Временного правительства в целях установления прочного порядка и устроения Закавказского края, а равно для принятия мер к устройству гражданского управления в областях, занятых по праву войны на Кавказском фронте». Полномочия председателя помянутого «особого закавказского комитета» было постановлено «возложить на члена Государственной думы В. А. Харламова». («Речь», 1917, № 59, стр. 6.)

[171] Функции между членами комитета были распределены следующим образом: дела по вопросам военно-морским, санитарным и по общеземскому и общегородскому союзам принял на себя В. А. Харламов, дела по ведомствам торговли и промышленности, путей сообщения, почты, телеграфа и телефонов — М. Ю. Джафаров, дела по ведомству внутренних дел и общественной безопасности — А. И. Чхенкели, дела по ведомствам народного просвещения и финансов — Абашидзе, дела по ведомствам юстиции, земледелия и пограничных сношений — М. И. Пападжанов, дела

по устройству беженцев приняли на себя М. И. Пападжанов, А. И. Чхенкели и М. Ю. Джафаров. («Кавказ», 1917, № 92.)

[172] 18 марта 1917 г. члены Государственной думы приехали в Тифлис, где им была оказана «торжественная встреча» юнкерами и местными войсками, выстроенными «шпалерами по пути следования от вокзала во дворец». В. А. Харламов, «приветствуя» войска, обратился к ним с шовинистической речью, которая заканчивалась словами: «Победа Вильгельма — конец свободе, поэтому надо дать армии все, чтобы довести войну до победы над врагом». («Кавказ», 1917, № 64.)

[173] 18 — 20 марта 1917 г. в Тифлисе происходил съезд совета рабочих депутатов Закавказья. Съездом был принят ряд резолюций по вопросам организации и тактики закавказских советов. На съезде доминирующую роль играли меньшевики (Н. Н. Жордания и др.). В резолюции о компетенции советов рабочих депутатов говорилось, что «советы рабочих депутатов являются органами революционной власти и, как таковые, они вместе с тем являются, с одной стороны, «опорой для революционного правительства, поскольку оно последовательно проводит возвещенную демократическую программу, с другой стороны, они являются органами, контролирующими действия власти». Резолюция съезда напечатана в книге С. Беленького и А. Манвелова «Революция 1917 г. в Азербайджане». (Баку, 1927, стр. 21 — 23.)

[174] Говоря о преобладании национальных партий, Харламов тем самым старается дать понять о незначительности влияния большевиков, что однако не соответствовало действительности. С первых же дней Февральской революции большевиками в Закавказье была развернута большая работа: стали выходить большевистские газеты, на русском языке — «Кавказский рабочий», на грузинском — «Брдзола» (Борьба) и «Банвари крив» (Борьба рабочих), создавались организации, устраивались митинги, лекции и т. д. Митинг в Тифлисе рабочих и солдат 25 июня 1917 г. показал, писала газета «Кавказский рабочий», что «настроение масс, несмотря на воинственную травлю против большевизма буржуазных партий и их союзников-оборонцев, исключительно на стороне большевиков». На митинге была принята большевистская резолюция протеста против июньского наступления. («Кавказский рабочий», 1917, № 85.)

[175] 23 апреля 1917 г. утверждено особым Закавказским комитетом положение об образовании при нем «следственной комиссии по делам лиц, деятельность коих представляет опасность для нового государственного строя». («Кавказ», 1917, № 90.)

[176] 12 — 14 апреля 1917 г. происходил съезд «по делам водного хозяйства», в котором принимали участие главным образом чиновники б. «инспекции вод на Кавказе». Присутствовавший на съезде большевик А. М. Эссен выступил с резкой критикой водного управления и предложил принять следующую резолюцию: «Съезд считает, что вода и водная энергия должны быть признаны, в виду их важности для народного хозяйства края, собственностью народной, а не частной, и что рента с мелиорированных земель должна поступать в распоряжение народа, в лице его представительных учреждений, коммунальных и областных самоуправлений». Далее в предлагавшейся Эссеном резолюции указывалось, что «управление водным хозяйством края ни в каком случае не может быть оставлено в руках чиновничества, а должно быть передано народу в лице его представительных организаций... в руки выбранных по округам водных комитетов». Съезд разумеется отверг резолюцию, предложенную Эссеном; пытаясь сохранить прежнее положение вещей, съезд никаких определенных решений не принял. Выступление А. М. Эссена вызвало резкий протест со стороны чиновничества, требовавшего увольнения Эссена со службы. («Кавказ», 1917 № 82 и 83; «Тифлисский листок», 1917, № 125.)

[177] 2 мая 1917 г. опубликовано воззвание Комитета мусульманских общественных организаций, категорически опровергающее «слухи о якобы тайном массовом вооружении с антиобщественными целями мусульманской части населения». В воззвании указывается, что комитетом приняты «все меры к разоблачению виновников распространения злонамеренных слухов, и с этой же целью комитет обращается в Исполнительный комитет и в Совет рабочих и солдатских депутатов». («Баку», 1917, № 96.)

[178] 23 апреля 1917 г. открылся съезд Кавказской армии. В. А. Харламов, приветствуя съезд, «просил членов его особенно помнить, что ненадобно в настоящее время обострять в стране классовую борьбу: это может погубить и свободу нашу, и самую родину». Съезд принял ряд соглашательских резолюций. («Кавказ», 1917, № 90.)

[179] 24 апреля 1917 г. издано постановление Особого закавказского комитета об организации местной власти в пределах Закавказья. («Кавказ», 1917, 27 апреля, № 92.)

[180] Временное правительство стремилось улучшить свое финансовое положение путем учета 5% краткосрочных обязательств государственного казначейства, сумма которых на 1 марта 1917 г. составляла 7 миллиардов 882 миллиона руб. и 23 октября 1917 г. — 15 миллиардов 507 миллионов руб. За учетом краткосрочных обязательств скрывалась «вся система — финансирования войны при помощи бумажных денег».

[181] Кулацкое обогащение в годы войны дало буржуазным политикам и экономистам основание для заявлений о том, что деревня «разбогатела». На самом деле рост мелких хозяйств, увеличение количества беспосевных (число посевщиков от 0 до 6 десятин составляло к 1917 г. 72,2% всех хозяйств) свидетельствовали о разорении крестьянства. В печати и в думских выступлениях встречаем ряд сообщений о крайнем упадке благосостояния широких деревенских масс. Даже член Государственной думы (националист) Вистяк на думском заседании 13 августа 1916 г. говорил: «Утверждают, что крестьяне теперь более состоятельны, не несут своих сбережений в винную монополию, а несут в сберегательные кассы. Это неоднократно было и в печати. Эти люди страшно ошибаются. Я имею честь пояснить фактом из достоверных источников. Я сам видел это на местах; при всякой мобилизации запасных нижних чинов, ратников, новобранцев, на ярмарки хлынул живой и мертвый инвентарь, как-то: лошади, коровы, земледельческие орудия, которые крестьянам необходимы и без которых крестьяне обойтись не могут, но нужда его заставляет продать... Все крестьянское недвижимое имущество и домашняя утварь оставлены без всякого ремонта, не исключая опять же и обуви, потому что теперь при страшной небывалой дороговизне из 30 коп. заработной поденной платы не возможно ничего сделать, и многие томятся в голоде и холоде. Большой прирост в сберегательных кассах от продажи крестьянского имущества—это не доходы его» [крестьянина]. (Государственная дума, IV созыв, 4-я сессия. Стенографический отчет 1915 г., стр. 674.)

[182] Финансовая политика как царизма, так и Временного правительства носила ярко выраженный классовый характер. Больше половины дохода в эпоху, предшествовавшую империалистической войне, давали две статьи: железные дороги и винная монополия, на долю которых приходилось в 1913 г. 56% всех доходов. «Благополучие казны было связано с пьянством и несчастием народа»—писал кадет А. И. Шингарев. (См. его книгу «Финансы России во время войны».) Кроме того, если вспомнить, что значительный доход давали также высокие косвенные налоги, вся тяжесть которых ложилась на широкие массы потребителей, т. е. на деревенскую и городскую бедноту, то с совершенной очевидностью выступит сущность финансовой политики царизма, переносившей всю тяготу налогообложения на рабочих и крестьян, создавая исключительно привилегированное положение для помещиков и торгово-промышленной буржуазии (так например налоги на капитал, землю, торгово-промышленные предприятия дали в 1913 г. 8% общих доходов).

[183] 12 июня Временное правительство опубликовало постановление, согласно которому подлежали повышению оклады государственного подоходного налога. Тогда же было принято постановление об единовременном налоге и о налоге на военную прибыль. Однако по закону Временного правительства подлежала обложению лишь прибыль за 1916 и 1917 гг. Таким образом новый закон не распространял своего действия на первые полтора года войны. Между тем именно «в первый период, как отмечал буржуазный экономист И. М. Кулишер, вследствие чересчур высоких цен на военные поставки и подряды, вырученная прибыль была крайне высока». («Вестник финансов, промышленности и торговли», 1917, № 33.)

[184] Вся капиталистическая пресса, все организации буржуазии единодушно выступили против налоговой реформы. Они были поддержаны и рядом государственных учреждений (Особое совещание по обороне министерства торговли и промышленности и др.). «Мы не отрицаем, — писал журнал «Промышленность и торговля», — значительного обогащения некоторых отраслей промышленности за время войны, но полагаем, что именно только наличность крупных средств, накопленных благодаря военной конъюнктуре, обеспечит этим отраслям промышленности возможность дальнейшего расширения и успешной борьбы с иностранной конкуренцией в мирное время». («Промышленность и торговля», от 8/VII 1917 г., № 14-15.) Временному правительству была послана докладная

записка министра финансов «О перенесении на 1918 г. обложения единовременного налога и о некоторых изменениях в исчислении и взимании налогов». Записка повторяет жалобы организации промышленников на дороговизну рабочей силы и сырья, расстройство транспорта, отсутствие оборотных средств, стесненность кредита и т. д. «Прежде всего необходимо внести некоторые коррективы, — указывалось в «записке», — в области взимания единовременного налога, уплата коего в текущем году представлялась бы крайне затруднительной. Необходимо облегчить положение плательщиков мерою законодательного характера — перенесением единовременного налога полностью на 1918 г. и притом на вторую его половину».

В заседании Временного правительства записка была одобрена. Правительство, аннулировав свои июльские новеллы и отказавшись под давлением буржуазии от повышения прямых налогов, приступило к осуществлению мер по усилению косвенного обложения, наиболее ощутительного для широких трудящихся масс.

[184а] Под влиянием сильного брожения среди рабочих, комиссия Плеханова в спешном порядке выработала прибавки рабочим и служащим железных дорог. 8 мая о введении «прибавок» было объявлено по всей сети железных дорог. (См. подробнее А. Танев, Очерки по истории движения железнодорожников в революции 1917 г. М—Л 1925, стр. 36—37.)

[185] Идея принудительного займа, отвергнутая буржуазией, не встретила разумеется сочувствия и со стороны Временного правительства. По подсчетам проф. П. П. Гензеля, принудительный заем мог дать казне около 10 млрд. руб. Созванное в министерстве финансов совещание высказалось против объявления принудительного займа, мотивировав это тем, что «в стране установлено и без того высокое прямое обложение». («Вестник Временного правительства», 1917, № 71.)

[186] 25 марта 1917 г. под нажимом Совета рабочих депутатов был утвержден закон о хлебной монополии — «о передаче хлеба в распоряжение государства». На основании этого закона весь хлеб продовольственного и кормового урожая прошлых лет, 1916 г. и будущего урожая 1917 г., за вычетом запаса, необходимого для продовольственных нужд владельцев и обеспечения полей, подлежал передаче в распоряжение государства. Торговая буржуазия и землевладельцы резко выступили против продовольственной реформы. Таким образом хлебная монополия, которая с самого начала не встречала поддержки со стороны Временного правительства, никогда не выступавшего против землевладельцев и представителей частноторгового капитала, была осуждена на гибель.

[187] 14 сентября было издано постановление об урегулировании крахмального, картофельного и паточного производства. Регулирование производства и распределение крахмала возлагалось на общество крахмально-паточных заводчиков, контроль над которыми осуществлялся специальным инспектором министерства продовольствия. Явно недостаточные меры контроля не могли обеспечить министерству продовольствия руководящей роли в крахмальном и картофельно-паточном производстве.

[188] 24 апреля 1917 г. Временным правительством была создана «комиссия для выяснения вопроса по снабжению населения предметами широкого потребления», во главе которой был проф. В. Я. Железнов. Комиссии поручалось предоставление населению, главным образом деревни, в интересах хлебной монополии «таких предметов необходимости, как металлические и кожаные изделия, ткани, чай, керосин, мыло и бумага и т. д.» по твердым ценам». Декларация Временного правительства, не имевшая под собой никакой реальной почвы, оставалась на бумаге и служила исключительно для успокоения масс. Не изменилось также и положение дел с утверждением 7 июля Временным правительством постановления «О приступе к организации снабжения населения тканями, обувью, керосином, мылом и другими продуктами и изделиями первой необходимости».

[189] На вечернем заседании Государственного совещания 14 августа М. В. Родзянко получил слово и за истечением времени, предоставленного ораторам, был прерван следующими словами Керенского: «Ваш срок истек. Хотя каждая группа должна свою резолюцию включать в срок, как это было до сих пор… прошу председателя Государственной думы эту резолюцию огласить». На это заявление Керенского Родзянко ответил: «Председатель Государственной думы никогда не позволит себе воспользоваться нарушением закона, и поэтому я от предоставленного мне слова отказываюсь». На утреннем заседании 15 августа А. Е. Грузинову не удалось огласить резолюцию полностью, так как время оратора было исчерпано.

(См. «Государственное совещание» с предисловием Я. А. Яковлева, стр. 107, 163 — 165, 1930, М. — Л., Гиз. (Центрархив).)

[190] Резолюция была оглашена (частично) 15 августа 1917 г. на утреннем заседании Государственного совещания. Текст полностью напечатан по «Русским ведомостям» в указанной книге «Государственное совещание», стр. 163 — 165. Другой вариант резолюции напечатан в газете «Речь», 1917, № 190, стр. 4.)

[191] Подобные провокационные слухи, имевшие целью дискредетировать Ленина в глазах малосознательной части пролетариата, распускались не только с думской трибуны, но и подавались в виде «сенсаций» всей желтой прессой. Так например черносотенная газета «Русь» Алексея Суворина в номере от 24 августа, очевидно со слов Пуришкевича, также сообщала, что «настоящий Ленин умер, а в Россию из Швейцарии приехал некий Цаберблюм-Гольдберг, присвоивший себе фамилию Ленина».

[192] «Пролетариат», громко заявлявший на Государственном совещании — этой «коронации контрреволюционного правительства» (Ленин) о необходимости согласованных действий с буржуазией и желании «создать мир», был представлен Церетели, Чхеидзе и другими социал-соглашателями. В оглашенной декларации ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов Чхеидзе прямо заявил, что «революционная демократия готова поддержать всякую власть, способную охранять интересы страны и революции». («Государственное совещание», стр. 78, Гиз, 1930.) Подлинный же пролетариат демонстрировал свое отношение к Государственному совещанию всеобщей забастовкой в Москве, и его интересы на Госуд. совещании представляли большевики, заявившие в своей декларации, что «они явились сюда (т. е. на Государственное совещание) не для того, чтобы вступить в переговоры с врагами революции, а для того, чтобы протестовать от имени рабочих и беднейших крестьян против союза контрреволюционного сбора, чтобы разоблачить перед всей страной истинный его характер». (Там же, стр. 337.)

[193] «Союз русского народа», возникший как единая организация, объединявшая все черносотенные группировки, очень скоро после поражения революции 1905 — 1907 гг. начинает распадаться. Из «Союза русского народа» выделяется «Союз Михаила-архангела» с В. М. Пуришкевичем во главе, а «Союз русского народа» превращается в организацию доктора А. И. Дубровина. Основной причиной распада был вопрос о дележе «рептильного фонда» (государственные субсидии). В качестве политического расхождения между «Союзом Михаила-архангела» и «Союзом русского народа» выдвигался вопрос об отношении к Государственной думе. В то время как «Союз Михаила-архангела» примирился с существованием Государственной думы, а Пуришкевич даже вошел в ее состав, дубровинцы относились к Государственной думе резко отрицательно.

[194] 10 (23) августа «Известия» печатают резолюции общественных организаций с требованием разгона Государственной думы.

[195] В ответ на посланное Родзянко «приветствие» Кавказской армии от «Совета делегатов частей» армии в конце июля была получена телеграмма, в которой между прочим сказано: «Кавказская армия с негодованием отбрасывает ваше приветствие» и заявляет, «что она не считает бывшую Государственную думу представительницею русского народа. Члены Думы дерзнули назвать кучкой проходимцев и предателей истинных представителей революционного народа. Кавказская армия заявляет, что предателями и проходимцами являются Масленников и Пуришкевич и все те, которые соглашались с ними. Не с вами пойдет Кавказская армия, а со своими советами и тем правительством, которое будет поддержано этими советами, и только такое правительство, а не вашу бывшую Государственную думу, она считает способным спасти нашу родину и революцию и от внешних и от внутренних врагов».

Полный текст «Ответа Кавказской армии М. В. Родзянко» напечатан в газете «Новая жизнь», 1917, № 91, стр. 3.

[196] Идея создания военной диктатуры была вполне определенно выдвинута еще на совещании в ставке 16 июля 1917 г., на котором присутствовали: Керенский, Терещенко, Савинков, генералы: Брусилов, Лукомский, Алексеев, Рузский, Клембовский, Деникин, Марков и др. На этом совещании генералы единодушно предъявили Временному правительству ряд требований, которые, в случае их осуществления, означали бы полный контрреволюционный переворот, с фактической передачей власти в стране военному командованию. (Протокол совещания опубликован в журнале «Красная летопись», 1923, № 6, стр. 20 — 21; см. также А. М. Зайончковский, «Кампания 1917 г.», стр. 151, М., 1923.)

[197] М. В. Родзянко пытается отмежеваться от высказываний Пуришкевича и стремится завуалировать истинную контрреволюционную роль Государственной думы, члены которой еще в середине августа вели переговоры с представителями ставки относительно возможности установления военной диктатуры. Офицеры ставки, по воспоминаниям С. И. Шидловского, заявляли, что «для переворота все готово» и «только нужно согласие Государственной думы на то, чтобы весь замышляемый переворот велся от ее имени и так сказать под ее покровительством». («Февральская революция». Революция и гражданская война в описании белогвардейцев, стр. 313, Гиз, 1925.)

Цитируя объяснительную записку Л. Г. Корнилова (напечатанную в № 6 «Общего дела»), в которой последний называл имена лиц (М. В. Родзянко, П. Н. Милюков, В. Л. Львов и др.), ведших с ним переговоры, И. В. Сталин писал: «Такова теплая кампания достопочтенных заговорщиков, вдохновлявшая Корнилова и вдохновлявшаяся им, секретничавшая с Корниловым за спиной народа и аплодировавшая ему на московском совещании. Милюков как глава партии народной свободы, Родзянко как глава совета общественных деятелей, Третьяков как глава промышленников, Керенский как глава оборонцев из эсеров, Плеханов как учитель оборонцев из меньшевиков, Аладьин как агент неизвестной фирмы в Лондоне — вот они, надежда и упование корниловщины, душа и нервы контрреволюции». («На путях к Октябрю», стр. 182, 2-е изд., Л., 1925.)

[198] 15 августа 1917 г. Всероссийский паровозосоюз предъявил Временному правительству ряд экономических требований с угрозой, если они не будут удовлетворены, начать с 20 августа всероссийскую забастовку паровозных бригад. Подробно о причинах и ходе забастовки см. А. Т а н я е в, Очерки по истории движения железнодорожников в революции 1917 г. (февраль — апрель), стр. 104 — 105. М. — Л., 1925.

[199] Речь идет о выборах в Центральную петроградскую городскую думу. «Рабочий» (25 августа) пишет по вопросу об исходе выборов: «Основной факт этих выборов — крушение мелкобуржуазной оборонческой партии. За эсеров подали (судя по окончательным подсчетам) около 200 тысяч голосов. По сравнению с июльскими выборами, эсеры потеряли больше 375 тысяч голосов. Партия кадетов потеряла около 90 тысяч голосов. Единственной партией, которая голосов не потеряла, а наоборот увеличила свою армию, является наша партия». (Результаты выборов: эсеры получили 75 мест, кадеты — 44, большевики — 67 мест, меньшевики-интернационалисты — 8, народные социалисты — 2, «Единство» — 21.) См. статью И. Сталина «Сегодня выборы», напечатанную без подписи в газете «Пролетарий», 1917, № 7. (Сборник «На путях к Октябрю», стр. 136 — 139, М. — Л., 1925.)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

АБАШИДЗЕ, Кита, князь. Член «особого Закавказского комитета», соц.-федералист. — 234.

АДЖЕМОВ, Моисей Сергеевич (1878), Член Государственной думы I, III и IV созывов, присяжный поверенный и врач, домовладелец, кадет, член юридического совещания при Временном правительстве. 245.

АКСЕЛЬРОД, Павел Борисович (1850 — 1928). Один из вождей меньшевизма, участвовал в Циммервальдской конференции, примыкая к ее центру. После революции, в мае 1917 г., вернулся в Россию и на конференции меньшевиков избран в состав Организационного комитета. После Октября занял позицию, весьма близкую ко взглядам крайней правой меньшевистской группировки. Был одним из лидеров II Интернационала, яростным врагом советской власти и сторонником вооруженной интервенции. 97 — 99, 101, 226.

АЛЕКСАНДРОВ, Александр Михайлович (1868). Член Государственной думы IV созыва, присяжный поверенный, домовладелец, кадет. 20, 77.

АЛЕКСЕЕВ, Михаил Васильевич (1857 — 1918). Генерал-адъютант, генерал-от-инфантерии. С осени 1915 г. по март 1917 г. начальник штаба верховного главнокомандующего. После подавления Корниловского восстания был назначен Временным правительством на пост начальника штаба верховного главнокомандующего. В конце 1917 г. положил начало формированию на Дону «добровольческой армии». 218.

АЛЕКСЕЕНКО), Михаил Мартынович (1847 — 1917). Член Государственной думы III и IV созывов, председатель бюджетной комиссии, октябрист. 71.

АНТОНОВ, Николай Иванович (1859). Член Государственной думы III и IV созывов, дворянин, землевладелец, октябрист. 271 — 273.

АСТРОВ, Николай Иванович. Гласный Московской городской думы и московского губернского земского собрания; кадет; позже член правительства Деникина. 159, 207, 226, 243.

АФАНАСЬЕВ, Аввакум Григорьевич (1860). Член Государственной думы III и IV созывов, к.-д. 90.

БАЛАШЕВ, Петр Николаевич (1871). Член Государственной думы III и IV созывов, потомственный дворянин, егермейстер, крупный землевладелец (9000 десятин), националист (председатель Всероссийского национального союза). 221, 226.

БАРК, Петр Львович (1869). С 30 января 1914 г. министр финансов; с 29 декабря 1915 г. член Государственной совета 249.

БАРЫШНИКОВ, Александр Александрович (1877). Член Государственной думы IV созыва, член петербургской городской управы, прогрессист. При Временном правительстве министр государственного призрения. 207, 209, 222, 224, 227.

БРУСИЛОВ, Алексей Алексеевич (1853 — 1926). Генерал-от-кавалерии с 22 мая 1917, верховный главнокомандующий. 131, 132, 199.

БУБЛИКОВ, Александр Александрович (1875). Член Государственной думы IV созыва, потомственный дворянин, инженер путей сообщения, прогрессист. В 1917 г. член Совета и Комитета съездов торговли и промышленности. Член временного комитета Государственной думы. Участник государственного совещания в Москве. 22, 48, 49, 50, 61, 65, 66, 68, 69, 116, 128, 129, 131, 133, 145, 152, 154, 164, 165, 166, 173, 175, 183, 187 — 191, 230, 233, 234.

БУРЫШКИН, П. А. Крупный московский промышленник. 243.

ВАНДЕРВЕЛЬДЕ, Эмиль (1866). До империалистической войны председатель Международного социалистического бюро II Интернационала. С началом войны выступил в буржуазное министерство. В 1914 г., будучи министром, обратился с телеграммой к социал-демократам фракции IV Государственной думы с призывом поддержать войну. В 1917 г. приезжал вместе с А. Тома и другими социал-патриотами Антанты в Россию для агитации за продолжение войны. 105.

ВАСИЛЬЧИКОВ, Илларион Сергеевич, князь (1881). Член Государственной думы IV созыва, ковенский губернский предводитель дворянства, землевладелец, примыкал к партии центра. 191.

ВЕЛИХОВ, Лев Александрович (1875). Член Государственной думы IV созыва (от г. Петербурга), потомственный дворянин, домовладелец, кадет. 131, 159, 171, 172, 175 178, 179, 180 — 182, 186 283 — 285.

ВИТТЕ, Сергей Юльевич (1849 — 1915). Министр финансов (1892 — 1903), председатель Совета министров (1905 — 1906). 24, 25, 27.

ВОЛКОНСКИЙ 1, Сергей Сергеевич (1856). Член Государственной думы III и IV созывов, землевладелец, октябрист. 267, 272.

ВЫШНЕГРАДСКИЙ Иван Алексеевич (1831 — 1895). Министр финансов при Александре III. 25.

ГЕНДЕРСОН, Артур (1863). Тред-юнионист, один из вождей Британской рабочей партии, член парламента, деятель II Интернационала. Во время войны (1914—1917) входил в министерство Ллойд-Джорджа. В кабинете Макдональда — министр внутренних дел. 105.

ГЕПЕЦКИЙ, Николай Емельянович (1869). Член Государственной думы III и IV созывов (от Бессарабской губ.), священник, примыкал к Бессарабской партии центра. 264, 265.

ГИЖИЦКИЙ, Александр Степанович (1869). Член Государственной думы III и IV созывов, дворянин, уездный предводитель дворянства (Подольск. губ.), камергер, землевладелец (2500 десятин), националист. 49, 90, 122.

ГИНДЕНБУРГ (фон-БЕКЕНДОРФ), Пауль (1847). Главнокомандующий германской армией во время империалистической войны. С 1924 г. президент Германской республики. 101 — 103, 114.

ГОДНЕВ, Иван Васильевич (1856). Член Государственной думы III и IV созывов (от Казанской губ.), личный дворянин, землевладелец (552 десятины), октябрист. С 2 марта по 24 июля 1917 г. государственный контролер. 159, 160, 164, 165, 182, 193 — 195, 210, 212, 214.

ГОЛЬДЕНБЕРГ, И. П. (1873) (литературный псевдоним Мешковский). В 1917 г. оборонец и соглашатель 201.

ГОРЕВ, Б. И. (ГОЛЬДМАН) (1874). Социал-демократ, после Февральской революции оборонец, один из редакторов центрального меньшевистского органа «Рабочая газета», член меньшевистского ЦК и ВЦИК I созыва. В августе 1920 г. заявил в печати о выходе из меньшевистской организации. 201.

ГРИММ, Роберт (1881). Секретарь швейцарской социалистической партии, в годы империалистической войны председатель Циммервальдской и Кинтальской конференций, член Циммервальдского секретариата. В 1917 г. приезжал в Россию и был выслан Временным правительством. Один из организаторов $2^1/_2$ Интернационала. 103, 109, 113.

ГРОМАН, В. Г. (1874). Меньшевик, статистик и экономист. В 1917 г. член экономического отдела Исполнительного комитета Петербургского совета рабочих и солдатских депутатов. В 1930 г., когда был разоблачен антисоветский характер его деятельности, был арестован. 9 марта 1931 г. по делу контрреволюционной организации меньшевиков Верховным судом СССР приговорен к 10 годам лишения свободы с поражением в правах. 181.

ГРУЗИНОВ, Александр Евграфович. Подполковник в отставке, гласный Московское губернского земского собрания, с 1916 г. председатель Московской губернской земской управы. 273.

ГРУМБАХ, Соломон (1884). Член Французской социалистической партии. В 1914 — 1918 гг. жил в Швейцарии, где под псевдонимом «Homo» вел социал-патриотическую пропаганду, как платный агент Антанты. 100.

ГРУШЕВСКИЙ, Михаил Сергеевич (1866). Украинский историк. Один из вождей украинского националистического движения. В 1917 г. председатель Украинской рады. 161, 181.

ГУРКО (РОМЕЙКО-ГУРКО), Василий Иосифович (1864). Генерал-лейтенант по Генеральному штабу. В 1914 — 1916 гг. командовал 5 армией, а затем временно за болезнию генерала М. В. Алексеева исполнял обязанности начальника штаба верховного главнокомандующего. 21 июля 1917 г. был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности, но вскоре был освобожден. 126, 218, 275.

ГУЧКОВ, Александр Иванович (1862). Член и председатель Государственной думы III созыва от Москвы, октябрист. В 1916 — 1917 гг. председатель Военно-промышленного комитета. С 2 марта по 30 апреля 1917 г. военный и морской министр в первом составе Временного правительства. 3, 7, 8, 13, 16, 21, 65, 66, 72, 103, 117, 188.

ДАВИД, Эдуард (1863). Германский социал-демократ, бернштейнианец. С 1903 г. член рейхстага. В годы империалистической войны крайний социал-шовинист. Министр без портфеля в 1919 — 1920 гг. и председатель Национального собрания в 1919 г. 99.

ДАН (ГУРВИЧ), Федор Ильич (1871). Лидер меньшевизма, после Февраля оборонец и соглашатель, активный противник коммунистической партии и советской власти. Ныне эмигрант, член II Интернационала. 201.

ДЕМЕНТЬЕВ, Гавриил Дмитриевич. Директор Департамента государственного казначейства. 246 — 248, 251, 254, 259, 262 — 264.

ДЖАФАРОВ, Мамед-Юсуф (1885). Член Государственной думы IV созыва от Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губ., домовладелец, присяжный поверенный, примыкал к мусульманской фракции. 234.

ДИМИТРИЕВ, Радко (1859 — 1918). Болгарский генерал. В 1913 г. посланник в Петербурге. С объявлением войны 1914 г. вступил в русскую армию и командовал последовательно 7-м армейским корпусом, III армией, 2-м сибирским корпусом и 12-й армией. 202.

ДМИТРЮКОВ, Иван Иванович (1872). Член Государственной думы III и IV созывов от Калужской губ., дворянин и землевладелец, октябрист. Секретарь Государственной думы IV созыва. 128, 194.

ДРАГОМИРОВ, Абрам Михайлович (1868 — 1918). Генерал-от-инфантерии. 102, 126, 218.

ДУБРОВИН, Александр Иванович (1855 — 1918). Врач, один из основателей «Союза русского народа» и печатного его органа черносотенной газеты «Русское знамя». 276.

ДУРОВ, Алексей Алексеевич (1880). Член Государственной думы IV созыва (Томской губ.), землевладелец, к.-д. 122.

ЕРМАКОВ, Владимир Петрович (1867). Генерал-майор флота. 79.

ЕФРЕМОВ, Иван Николаевич (1866). Член Государственной думы I, III и IV созывов (от Области войска Донского), прогрессист, землевладелец, с 10 июня 1917 г. министр юстиции. 65, 66, 67, 68, 69, 173, 174, 176 — 178, 180 — 182, 206, 207, 215.

ЗЕРНОВ, Дмитрий Степанович (1860 — 1927). Профессор технологического института и Артиллерийской академии. 143.

ЗИНОВЬЕВ (РАДОМЫСЛЬСКИЙ), Григорий Евсеевич (1883). В годы империалистической войны участник Циммервальдской и Кинтальской конференций. После Февральской революции возвратился в Петроград. Осенью 1917 г. был против восстания, после Октябрьской революции сторонник коалиционного правительства социалистических партий. В 1925 г. стоял во главе «новой оппозиции», в 1926 г. вступил в блок с Троцким и являлся одним из лидеров троцкистской оппозиции. В 1932 г. исключен из партии за связь с контр-революционной организацией. 100, 128, 201, 218.

КАМЕНЕВ, Лев Борисович (1833). На Всероссийской апрельской конференции, выступал против «тезисов» Ленина. Осенью 1917 г. был против восстания. После победы Октября отстаивал коалиционное министерство. В 1925 г. перешел в оппозицию и являлся одним из лидеров троцкистской оппозиции. В 1932 г. исключен из партии за связь с контр-революционной организацией. 197, 201, 218, 221.

КАПНИСТ, Ипполит Ипполитович, граф (1872). Член Государственной думы III и IV созывов, дворянин, землевладелец, октябрист. 195, 242.

КЕРЕНСКИЙ, Александр Федорович (1881). Член IV Государственной думы от Саратовской губ., домовладелец, социалист-революционер, в Думе примкнул к фракции трудовиков. Социал-патриот с начала войны. После Февральской революции товарищ председателя Петроградского совета и министр юстиции. После

отставки Гучкова военный министр (с 5 мая 1917 г.), с 11 июля 1917 г. министр-председатель, с 30 августа верховный главнокомандующий. 1 сентября 1917 г. вошел в состав «директории». 25 октября бежал в Гатчину, потом в Псков в добровольческую армию. Ныне в эмиграции. 16, 17, 21, 46, 81, 82, 85, 109, 113, 114, 121, 123, 124, 129, 132, 144, 157, 160, 176, 196, 201, 213, 219, 222, 224, 226, 242, 243, 275, 278. 280.

КИНДЯКОВ, Михаил Львович (1877). Член Государственной думы IV созыва, дворянин, землевладелец, октябрист. 131.

КИШКИН, Николай Михайлович (1864). Врач, кадет. Входил в последний состав Временного правительства. Накануне Октябрьской революции был назначен диктатором Петрограда для борьбы с большевиками. Арестован вместе с Временным правительством в Зимнем дворце 25 октября. В 1919 г. был арестован, как один из руководителей «тактического центра» деникинской организации в Москве. 207, 226, 243.

КОВАЛЕВСКИЙ, Евграф Петрович (1865). Член Государственной думы III и IV созывов, дворянин, землевладелец, октябрист. 267, 272.

КОКОВЦОВ, Владимир Николаевич, граф (1853). Министр финансов (1904-1905), председатель Совета министров (1911 — 1914) и председатель II департамента Государственного совета (1915). В годы гражданской войны деятель южной контрреволюции. Эмигрант, монархист. 71.

КОКОШКИН, Федор Федорович (1871 — 1918). Член Государственной думы I созыва от Москвы, приват-доцент московского университета, один из основателей партии кадетов, член ЦК. Входил в состав Временного правительства в качестве государственного контролера. 226, 227.

КОЛЧАК, Александр Васильевич (1873 — 1920). Адмирал, командующий Черноморским флотом. В 1917 г. вышел в отставку и уехал в Америку. В период гражданской войны диктатор Сибири («верховный правитель»). В течении $1^1/_2$ лет вел войну с советским правительством. Расстрелян по постановлению Иркутского ревкома. 126, 214, 218, 280.

КОЛЫШКО, Иосиф-Адам-Ярослав Иосифович (1862). Чиновник особых поручений министерства финансов. Драматург, публицист (Псевдоним «Серенький», Боян»), сотрудник газеты «Гражданин». При Временном правительстве был заподозрен в нелегальных сношениях с Германией, арестован, но затем освобожден. 103, 109.

КОНОВАЛОВ, Александр Иванович (1875). Член Государственной думы IV созыва, крупнейший текстильный фабрикант Центрального промышленного района, член прогрессивного блока. 27 февраля 1917 г. вошел в состав временного комитета Государственной думы, 2 марта в состав Временного правительства в качестве министра торговли в промышленности, 19 мая вышел в отставку. 25 сентября 1917 г. вновь вошел в состав правительства в качестве заместителя председателя (Керенского), 25 октября был арестован о Зимнем дворце, но вскоре был освобожден. В настоящее время находится в эмиграции, работая по объединению бывших фабрикантов-промышленников. 50, 66, 131.

КОРНИЛОВ, Лавр Георгиевич (1870 — 1918). Генерал-лейтенант по генеральному штабу. 5 марта 1917 г. Временным правительством назначен главнокомандующим войсками Петроградского военного округа. Вынужден был оставить этот пост по требованию Совета (после своей попытки двинуть артиллерию против рабочих демонстраций в апреле 1917 г.). В июле был назначен верховным главнокомандующим. По требованию Корнилова была восстановлена на фронте смертная казнь и предпринята энергичная борьба с большевистскими настроениями в армии. В августе 1917 г. он предпринял, с целью установления военной диктатуры, поход на Петроград, который окончился для него полной неудачей. Позднее бежал на Дон, где вместе с М. В. Алексеевым стал во главе добровольческой армии. Был разбит красной гвардией. В начале 1918 г. убит в бою под Екатеринодаром. 8, 213, 228.

КОРОВАЕВ, Иоанн Михайлович (1868). Член Государственной думы IV созыва, протоиерей Вятской епархии, землевладелец, правый. 61.

КРИВЦОВ, Яков Васильевич (1854). Член Государственной думы III и IV созывов, потомственный дворянин, крупный землевладелец (в Волынской губ. 6000 десятин и в Курской 334 десятины), монархист. 50, 90.

КРИНСКИЙ, Болеслав Иванович (1871). Член Государственной думы IV созыва, дворянин, уездный предводитель дворянства (Черниговской губ.), землевладелец, камер-юнкер, примыкал к «умеренно-правым». 71.

КРОХМАЛЬ, В. Н. (ВТОРОВ, ФОМИН, ЗАГОРСКИЙ) (1873). Меньшевик. На Стокгольмском съезде РСДРП в числе меньшевиков избран в члены ЦК. 201.

КРУПЕНСКИЙ, Николай Димитриевич (1878). Член Государственной думы IV созыва, землевладелец, примыкал к партии центра. 73, 243, 253, 266.

КРУПЕНСКИЙ, Павел Николаевич (1863). Член Государственной думы II, III и IV созывов, дворянин, камергер, крупный землевладелец Бессарабской губ. (800 десятин), националист. В IV Думе товарищ председателя партии центра. 71, 254.

КУЗЬМИН, Петр Петрович (1861). Член Государственной думы IV созыва. Данковский уездный предводитель дворянства, землевладелец, националист. 151, 152, 154.

КУЗЬМИН-КАРАВАЕВ, Владимир Димитриевич (1859). Член I и II Государственной думы (фракция демократических реформ), генерал-лейтенант, военный юрист, член Центрального военно-промышленного комитета. 90.

КУТЛЕР, Николай Николаевич (1859 — 1924). Член Государственной думы II и III созывов, дворянин, землевладелец, кадет. В 1905-1906 гг. главноуправляющий землеустройством и земледелием. 61 66, 243.

ЛАМАНОВ, А. Председатель Исполнительного комитета Кронштадтского совета. 86, 88.

ЛАРИН (ЛУРЬЕ), Михаил Александрович (1882 — 1932). Литератор и экономист, старый партийный работник, социал-демократ. В годы империалистической войны примыкал к группе интернационалистов меньшевиков. После Февральской революции примыкал к левому крылу меньшевиков-интернационалистов, после июльских дней вступил в партию большевиков. После Октября работал на ответственных партийных и советских должностях. 201.

ЛЕНИН, Владимир Ильич 6, 20, 97, 100, 101, 103, 115, 127, 128, 197, 215, 129, 221, 275.

ЛИБЕР (ГОЛЬДМАН, М. И.) (1880). Меньшевик-ликвидатор, оборонец в годы войны, сторонник коалиции с буржуазией во время революции 1917 г., член ЦИК советов I созыва. 201.

ЛИБКНЕХТ, Карл (1871 — 1919). Германский социал-демократ, один из основателей революционной социал-демократической группы «Спартак». 101.

ЛУКОМСКИЙ, Александр Сергеевич (1868). Генерал-лейтенант, с 3 июля 1917 г. начальник штаба верховного главнокомандующего. Арестован вместе с Корниловым в Быховской тюрьме, откуда бежал. Занимал видные посты в армиях Деникина и Врангеля. 131.

ЛУНАЧАРСКИЙ, Анатолий Васильевич (1875). После Февральской революции вступил в организацию «межрайонцев» и вместе с нею вступил в большевистскую партию на VI съезде. 82, 83 — 85.

ЛЬВОВ, Георгий Евгеньевич (1861 — 1925), князь. Председатель совета министров и министр внутренних дел Временного правительства состава 2 марта и 5 мая 1917 г., 7 июня вышел в отставку. Умер в эмиграции. 3, 4, 156, 160, 182, 195, 208, 219.

ЛЬВОВ, Владимир Николаевич (1872). Член Государственной думы III и IV созывов, октябрист. С 2 марта по 24 июля 1917 г. обер-прокурор Синода. 160.

ЛЬВОВ, Николай Николаевич (1867). Член Государственной думы I, III и IV созывов от Саратова. Потомственный дворянин, крупный землевладелец (5000 десятин), прогрессист, один из учредителей партии «Мирного обновления». 145, 149 — 151, 154, 160, 233.

ЛЮЦ, Людвиг Готлибович (1880). Член Государственной думы II, III и IV созывов, землевладелец (900 десятин), октябрист. 272, 274, 281.

МАКДОНАЛЬД, Рамсей (1866). Организатор и секретарь Английской рабочей партии и Комитета рабочего представительства. Лидер Независимой рабочей партии (1914 — 1917), от которой он, перейдя в правое крыло рабочей партии, окончательно отходит после 1924 г. 97. 105.

МАКЛАКОВ, Василий Алексеевич (1870). Член II, III и IV Государственной думы, присяжный поверенный, кадет (правый). С 28 февраля по 2 марта 1917 г. комиссар в Министерстве юстиции, с 22 апреля член юридического совещания при Временном правительстве. В июле 1917 г. назначен послом в Париж. 21, 22, 112, 117, 159.

МАНУИЛОВ, Александр Аполлонович (1861 — 1928). Профессор-экономист, член ЦК кадетской партии. При Временном правительстве министр народного просвещения. 175, 185.

МАНЬКОВ, Иван Николаевич (1881). Член Государственной думы IV созыва, социал-демократ, меньшевик. 73, 74.

МАРТОВ, Юлий Осипович (ЦЕДЕРБАУМ) (1873 — 1923). Социал-демократ меньшевик, участник II съезда советов, на котором отстаивал образование правительства из представителей всех социалистических партий. 101, 201, 226.

МАСЛЕННИКОВ, Александр Михайлович (1858). Присяжный поверенный. Член Государственной думы III и IV созывов, домовладелец. Прогрессист. 195, 197, 199, 201, 218, 224 — 226, 229 — 231, 233.

МИЛЮКОВ, Павел Николаевич (1859). Член Государственной думы III и IV созывов, кадет. Министр иностранных дел при Временном правительстве (2 марта—2 апреля 1917 г.). 7, 16, 19, 21, 22, 74, 75, 76, 83, 92, 103, 114, 115, 116, 158, 159, 160, 173, 174, 177, 186, 188, 195, 209, 219, 221, 223, 229, 230, 233, 242, 246 — 247, 273.

МИЛЮТИН, Владимир Васильевич (1873). Член Государственной думы IV созыва (Новгородской губ.), землевладелец, инженер-технолог, октябрист, 88, 91, 256, 272.

МСТИСЛАВСКИЙ, Сергей Димитриевич (С. Д. МАСЛОВСКИЙ). В 1917 г. социалист-революционер, сотрудник газеты «Дело народа». 106, 107.

НАБОКОВ, Владимир Дмитриевич (1870 — 1922). Член Государственной думы I созыва. Кадет. В 1917 г. управляющий делали Временного правительства. Убит белогвардейцем в эмиграции. 207, 226, 243.

НЕКРАСОВ, Николай Виссарионович (1879). Член Государственной думы III и IV созывов, инженер путей сообщения, профессор Томского технологического института, кадет. В 1917 г. с 2 марта по 2 июля министр путей сообщения, с 2 по 24 июля министр без портфеля, с 24 июля министр финансов и заместитель министра-председателя. 159, 160, 164, 219.

НОСКОВ, Петр Алексеевич (1867 — 1917), генерал-майор, командующий 183 пехотной дивизией. 125.

ПАПАДЖАНОВ, Михаил Иванович (1869). Член Государственной думы IV созыва, присяжный поверенный, кадет. 234.

ПАПЧИНСКИЙ, Иван Иванович (1870). Член Государственной думы IV созыва, землевладелец (1432 десятины), октябрист. 154.

ПАРВУС (А. Я. ГЕЛЬФАНД) (1869 — 1924). Русский эмигрант, социал-демократ. В период империалистической войны крайний социал-шовинист и агент германского империализма. 201.

ПЕПЕЛЯЕВ, Виктор Николаевич (1884 — 1920). Член Государственной думы IV созыва, дворянин, кадет. В 1917 г. комиссар Временного правительства в Кронштадте. В правительстве Колчака министр внутренних дел. 74, 87, 88, 89 — 90, 91, 121, 122.

ПЕРЕВЕРЗЕВ, Павел Николаевич. Присяжный поверенный, социалист-революционер. При Временном правительстве прокурор Петербургской судебной палаты и с 24 апреля по 7 июля 1917 г. министр юстиции. 81, 160, 234.

ПЕШЕХОНОВ, Алексей Васильевич (1867). Народный социалист, литератор. В первом коалиционном кабинете Временного правительства министр продовольствия. 160.

ПЛЕХАНОВ, Георгий Валентинович (1856 — 1918). С начала империалистической войны занимал крайнюю социал-шовинистическую позицию. После Февральской революции издавал в Петрограде газету «Единство», в которой отстаивал войну до полной победы над немцами и отказ рабочих от классовой борьбы. Состоял председателем комиссии по улучшению быта железнодорожников. 34, 123, 143.

ПОЗЕРН, Борис Павлович (1881). Старый большевик. РСДРП с 1902 г. После Февральской революции председатель Минского совета. После Октября на ответственной советской и партийной работе. С XIV съезда член ЦКК. В настоящее время является секретарем Ленинградского Горкома ВКП(б) 202.

ПОКРОВСКИЙ, Николай Николаевич (1865). Член Государственного совета. С 21 января по 3 ноября 1916 г. государственный контролер, с 30 ноября 1916 г. по 4 марта 1917 г. министр иностранных дел. 263.

ПОСНИКОВ, Александр Сергеевич (1845 — 1924). Член Государственной думы IV созыва, профессор политической экономии, прогрессист. 51.

ПОТАПОВ, Николай Михайлович (1871). Генерал-майор по генеральному штабу. В марте 1917 г. председатель военной комиссии Государственной думы. С 15 апреля 1917 г. генерал-квартирмейстер генерального штаба. 85.

ПРОТОПОПОВ, Александр Дмитриевич (1866 — 1918). Член Государственной думы III и IV созывов. Последний министр внутренних дел при царском режиме крупный землевладелец (4657 десятин), заводчик и фабрикант. 204.

ПУРИШКЕВИЧ , Владимир Митрофанович (1870 — 1920). Член Государственной думы II, III и IV созывов, крупный землевладелец (1400 десятин), принадлежал фракции «правых» (в графе о принадлежности к партии Пуришкевич писал «Черная сотня доблестного Союза русского народа»). Умер в Ростове на Дону. 122, 128, 129, 222, 232, 266, 273, 281 — 285.

РАДКО — см. Димитриев.

РАКОВСКИЙ, Христиан Георгиевич (1873). Румынский социалист и циммервальдовец в годы войны (центр), затем коммунист. Исключен из рядов партии за троцкистскую оппозицию. 100.

РАТЬКОВ-РОЖНОВ, Александр Геннадиевич (1858). Член Государственной думы IV созыва, землевладелец, примыкал к партии центра. 159, 172, 190, 191.

РЖЕВСКИЙ, Владимир Алексеевич (1865). Член Государственной думы IV созыва, прогрессист, председатель уездной Московской управы. 131.

РОДЗЯНКО, Михаил Владимирович (1859 — 1924). Член Государственной думы III и IV созывов, дворянин, крупный землевладелец Екатеринославской губ. (1625 десятин), камергер, октябрист. С 22 марта 1911 г. председатель III Государственной думы и с 15 ноября 1912 г. председатель IV Государственной думы. Целиком поддерживал политику Столыпина, во время войны играл видную роль во главе буржуазного помещичьего блока, в момент Февральской революции встал во главе Временного комитета Государственной думы. После Октябрьской революции играл видную роль в стане Деникина при добровольческой армии. Умер в эмиграции. 3, 21, 22, 44, 48, 49, 50, 55, 61, 65, 68, 69, 71, 72 — 74, 87, 89 — 91, 112, 116, 128 — 133, 118, 121, 145, 149, 154 — 160, 163, 164 — 166, 172, 176, 178, 178 — 181, 185, 187 — 195, 197, 199, 205, 207, 209, 222, 223, 227, 228, 230, 231, 232, 235, 242, 244, 245, 246, 250, 252, 253, 255, 256 — 258, 262, 263, 265 — 267, 269, 271 — 274, 276, 279, 282 — 285.

РОДИЧЕВ, Федор Измайлович (1856). Член Государственной думы всех созывов, один из основателей и член ЦК партии кадетов. В 1917 г. входил в состав Временного комитета Государственной думы, а затем при Временном правительстве был министром по делам Финляндии. С 22 марта 1917 г. на правах члена участвовал в чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. После Октябрьской революции в эмиграции. 129,131, 205, 206, 208, 218, 222, 227, 228.

РОМАНОВ, Михаил Александрович (1878—1918), брат Николая II. 77, 222, 224.

РОМАНОВ, Николай II Александрович (1868 — 1918). 77, 167, 168, 219, 221.

РОШАЛЬ, Семен Григорьевич (1896 — 1917). С 1914 г. в партии большевиков. В 1917 г. председатель Кронштадтского комитета большевиков. В декабре 1917 г. был расстрелян около Унгени по приказанию главнокомандующего Румынским фронтом генерала Д. Г. Щербачева. 89, 202.

РУДИЧ, Каллиник Несторович (1875). Член Государственной думы IV созыва, священник, националист. 88. 89.

РУХЛОВ, Сергей Васильевич (1853 — 1918). Министр путей сообщения (1909—1915). Один из учредителей и первый председатель (1908) Всероссийского национального союза. 23, 42.

РЯБУШИНСКИЙ, П. П. Крупнейший Московский капиталист и банкир. В эмиграции. В Париже участвует в союзе русских промышленников. 190.

САВИЧ, Никанор Васильевич (1869). Член Государственной думы III и IV созывов, дворянин, землевладелец, октябрист. 16, 18, 21, 22, 159, 163, 164, 168 174, 177 — 180, 183, 189, 190, 272, 273.

СКОБЕЛЕВ, Матвей Иванович (1885). Член Государственной думы IV созыва, социал-демократ, меньшевик, инженер В 1917 г. товарищ председателя и член Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 6 мая 1917 г. вошел в первое коалиционное министерство Временного правительства в качестве министра труда, сторонник коалиции с буржуазией и оборонец. После Октябрьской революции эволюционировал влево. Ныне состоит членом ВКП(б) и работает в советских учреждениях. 82, 89, 87, 121, 141, 143, 160, 174, 181.

СКОРОПАДСКИЙ, Георгий Васильевич (1873). Член Государственной думы IV созыва, потомственный дворянин, октябрист, землевладелец (600 десятин). 131.

СМИЛГА, Иван Тенисович (1892). На апрельской конференции большевиков 1917 г. избран членом ЦК; был одним из лидеров троцкистской оппозиции. 53.

СОКОЛОВ, Николай Дмитриевич. Социал-демократ, меньшевик, присяжный поверенный. В 1917 г. член Исполнительного комитета совета рабочих и солдат-

ских депутатов и представитель совета в чрезвычайную следственную комиссию Временного правительства. 132. 206.

СТЕКЛОВ, Юрий Михайлович (1873). В социал-демократическом революционном движении с 1894 г. После Февральской революции примыкал к «Новой жизни». Член Исполнительного Петроградского совета и его «контактной комиссии», созданной для сношений с Временным правительством. 197, 201, 221.

СТЕМПКОВСКИЙ, Виктор Иванович (1859). Член Государственной думы III и IV созывов, потомственный дворянин, октябрист, землевладелец (980 десятин): 21, 22, 267 — 269, 271 — 273.

СТЕПАНОВ, Василий Александрович (1872). Член Государственной думы III и IV созывов, дворянин, кадет, горный инженер, домовладелец. При Временном правительстве товарищ министра торговли и промышленности. 61, 65, 67 — 71, 160, 217.

СУХАНОВ, Алексей Степанович (1866). Член Государственной думы IV созыва. трудовик, 231, 233.

СУХАНОВ, Николай Николаевич (Н. Н. Гиммер) (1882). Социал-демократ, меньшевик. Член Исполнительного комитета Петроградского совета первого состава. Вместе с Ю. М. Стекловым и Н. Д. Соколовым вел переговоры и заключил соглашение с комитетом Государственной думы о составе первого Временного правительства. 9 марта 1931 г. по делу контрреволюционной организации меньшевиков присужден к 10 годам лишения свободы с поражением в правах.

СУХОМЛИНОВ, Владимир Александрович (1848 — 1926). Генерал-адъютант, в 1909 — 1915 гг. военный министр. 133, 135.

ТАСКИН, Сергей Афанасьевич (1876). Член Государственной думы II и IV созывов, кадет. 74, 77.

ТАРАСОВ, Касьян Антонович (1865). Член Государственной думы IV созыва. бывший волостной судья, правый. 89.

ТЕРЕЩЕНКО, Михаил Иванович. Финансист, крупный сахарозаводчик. Министр финансов в первом кабинете Временного правительства и министр иностранных дел в позднейших коалиционных министерствах. 158, 160, 165, 172, 182.

ТИТОВ, А. А. Народный социалист, товарищ министра. 270, 271.

ТОМА, Альбер (1878). Член Французской социалистической партии. В годы войны министр труда. Крайний социал-шовинист. При Керенском приезжал в Россию для поднятия «патриотического» духа русских рабочих. Член II Интернационала и председатель бюро труда Лиги наций. 95, 105.

ТРЕГУБОВ, Александр Лаврентьевич (1874). Член Государственной думы III и IV созывов, священник, землевладелец Киевской губ., националист. 50, 87 — 91.

ТРЕТЬЯКОВ, Сергей Николаевич. Председатель Московского биржевого комитета, 26 сентября 1917 г. назначен членом Временного правительства и председателем экономического совета при Временном правительстве. 243.

ТРОЦКИЙ, Лев Давыдович (Л. Д. Бронштейн) (1879). В 1917 г. примкнул к интернационалистской организации «межрайонцев» и вместе с последней на VI съезде РСДРП(б) вошел в большевистскую партию. В феврале 1929 г. выслан из пределов СССР за антисоветскую деятельность. Постановлением ЦИКа лишен гражданства СССР. 12. 82, 83, 89, 100, 101, 103, 108, 128, 197, 201, 218, 219, 221.

ТРУЛЬСТРА, Питер (1860). Вождь голландской социалистической партии. Состоял членом международного социалистического бюро II Интернационала. 104.

УСТРУГОВ, Леонид Александрович, инженер путей сообщения, с 6 марта 1917 г. товарищ министра путей сообщения. 65.

ХАРЛАМОВ, Василий Акимович (1875). Член Государственной думы всех созывов от Области войска Донского, казак, землевладелец, кадет. Во время гражданской войны председатель Донского войскового круга, затем в эмиграции. 229, 230, 234.

ХРУЩЕВ, Александр Григорьевич, товарищ министра земледелия с 15 марта 1917 г., с 26 мая товарищ министра финансов. 51.

ХАУСТОВ, Валентин Иванович (1885). Член Государственной думы IV созыва, социал-демократ, меньшевик. 77, 82, 85, 131.

ЦЕРЕТЕЛИ, Ираклий Георгиевич (1882). Социал-демократ, меньшевик, член Государственной думы II созыва от Кутаисской губ. В 1917 г. являлся одним из вождей меньшевизма и отстаивал необходимость продолжения империалистической войны. 6 мая 1917 г. вошел в первое коалиционное министерство в качестве мини-

стра почт и телеграфов, потом был управляющим министерством внутренних дел. После Октябрьской революции был членом меньшевистского правительства в Грузии. Ныне находится в эмиграции. 83, 87, 88, 173, 158 — 160, 174, 200, 212, 213, 215, 216, 219, 239, 257.

ЧАЙКОВСКИЙ, Николай Васильевич (1850 — 1926). Народник. В 1917 г. член оборонческого ВЦИК, в 1918-1919 г. входил в белогвардейское правительство в Архангельске. Умер в эмиграции. 270.

ЧЕРНОВ, Виктор Михайлович (1876). Социалист-революционер. В 1917 г. оборонец, министр земледелия. Вышел в отставку после июльских дней. В эмиграции. 114, 160, 194, 201, 211, 213, 243, 244, 256, 257, 275, 280.

ЧИХАЧЕВ, Дмитрий Николаевич (1876). Член Государственной думы III и IV созывов, шталмейстер, националист. 122.

ЧХЕИДЗЕ, Николай Семенович (1864 — 1926). Член Государственной думы III и IV созывов, социал-демократ, меньшевик. С февраля 1917 г. состоял председателем Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Покончил жизнь самоубийством в Париже. 87, 218, 239, 276, 280.

ЧХЕНКЕЛИ, Акакий Иванович (1874). Член Государственной думы IV созыва, социал-демократ, меньшевик. 234, 239.

ШАХОВСКОЙ, Дмитрий Иванович (1861), князь. Член Государственной думы I созыва, кадет. При Временном правительстве министр государственного призрения 160, 185.

ШИДЛОВСКИЙ, Сергей Иллиодорович (1861). Член Государственной думы III и IV созывов, дворянин и землевладелец Воронежской губ. (315 десятин), октябрист. Товарищ председателя III Государственной думы. Председатель думской группы октябристов и председатель октябристов в прогрессивном блоке. 50, 55, 61, 72, 87, 92, 149, 153, 154, 160, 162, 163 — 165, 182, 185, 189, 191, 228, 244, 255 259.

ШИНГАРЕВ, Андрей Иванович (1869 — 1918). Член Государственной думы III и IV созывов, врач, лидер кадетской думской фракции. В первый кабинет Временного правительства вошел в качестве министра земледелия; был министром финансов, вышел в отставку вместе с другими кадетами 3 июля 1917 г. 83, 160, 162, 219, 246, 250, 252, 253, 255, 257, 258 — 260, 262 — 265.

ШУБЕРСКИЙ, Эраст Петрович. Инженер путей сообщения. С 9 марта по 1 июня 1917 г. начальник управления железных дорог. 65.

ШУЛЬГИН, Василий Виталиевич (1878). Член Государственной думы II, III и IV созывов (от Волынской губ.), националист, землевладелец, редактор черносотенной газеты «Киевлянин». После Октябрьской революции «деятель» «добровольческой армии» Деникина. В настоящее время в эмиграции, за границей ведет кампанию против Советского Союза. 7, 13, 15, 19, 69, 73, 110, 116, 122, 155 — 158, 168, 172, 175, 176, 179, 180, 183.

ЩЕПКИН, Дмитрий Митрофанович. При Временном правительстве товарищ министра внутренних дел. 156, 160, 195.

ШТЮРМЕР, Борис Владимирович (1848 — 1917). С 20 января по 10 ноября 1916 г. председатель Совета министров, с 3 марта по 7 июля 1916 г. министр внутренних дел, с 7 июля по 16 ноября 1916 г. министр иностранных дел. 204.

ЮДЕНИЧ, Николай Николаевич (1862). Генерал-от-инфантерии, во время империалистической войны командовал армиями на Кавказском фронте. В 1919 г. был во главе белогвардейской Северо-западной армии и под его руководством были предприняты походы на Петроград 125, 208.

СОДЕРЖАНИЕ

стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ . . . . III—XIV

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ . . . . XV—XVI

4 мая 1917 г. Речи А. И. Гучкова и П. Н. Милюкова о «причинах» оставления ими министерских постов. Обсуждение их речей (выступления В. В. Шульгина, В. А. Маклакова, В. И. Стемпковского и др.) . 3 — 22

12 мая 1917 г. Доклад А. А. Бубликова о финансовом и экономическом положении страны. Прения по докладу . . . . 22 — 50

20 мая 1917 г. Доклады С. И. Шидловского о деятельности Главного земельного комитета и В. А. Степанова о состоянии промышленности. Прения по докладам (выступления И. Н. Ефремова, В. В. Шульгина, Б. И. Кринского и Н. Д. Крупенского) . . . . 50— 73

27 мая 1917 г. Доклад В. Н. Пепеляева о положении дел в Кронштадте. Прения по докладу . . . . 73— 91

3 июня 1917 г. Доклад П. Н. Милюкова по вопросам внешней политики. Прения по докладу (выступления В. А. Маклакова, В. В. Шульгина и А. А. Бубликова) . . . . 91—121

16 июня 1917 г. Обсуждение резолюции Совета рабочих и солдатских депутатов о необходимости упразднения Государственной думы (выступления В. М. Пуришкевича, А. А. Бубликова, Ф. И. Родичева и М. В. Родзянко) . . . . 121—131

28 июня 1917 г. Доклады Г. В. Скоропадского о поездке в ставку верховного главнокомандующего и А. А. Бубликова, о состоянии финансов и железнодорожного хозяйства в годы войны. Прения по докладам (выступления Н. Н. Львова, С. И. Шидловского и И. И. Папчинского) . . . . 131—155

2 июля 1917 г. Обсуждение вопросов, связанных с политикой Временного правительства по отношению к Украине (выступления А. В. Родзянко, В. В. Шульгина, С. И. Шидловского, А. А. Бубликова, И. Н. Ефремова, Л. А. Велихова и др) . . . . 155—192

18 июля 1917 г. Обсуждение обращения Временного комитета Государственной думы о необходимости создания «твердой» власти и восстановления «боеспособности» армии (выступления И. В. Годнева, П. Н. Милюкова, А. М. Масленникова, В. М. Пуришкевича, Ф. И. Родичева, А. А. Барышникова, П. Н. Балашева и др.) . . . . . . 192—230

19 июля 1917 г. Продолжение прений по вопросам, обсуждавшимся накануне (выступления А. А. Бубликова, А. М. Масленникова, В. М. Пуришкевича и др.). Доклад В. А. Харламова о деятельности «особого закавказского комитета». Обсуждение позиции, которую должна занять Государственная дума по отношению к государст-

Стр.

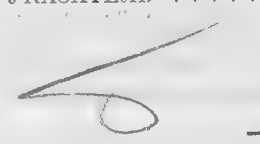
венному совещанию в Москве (выступления С. И. Шидловского, П. Н. Милюкова, М. С. Аджемова и др.) . . . . 230—246

1 августа 1917 г. Доклад Г. Д. Дементьева и речь А. И. Шингарева о состоянии финансов России в годы войны и революции. Прения по докладу (выступления С. И. Шидловского, Н. Е. Гепецкого) . . . 246—265

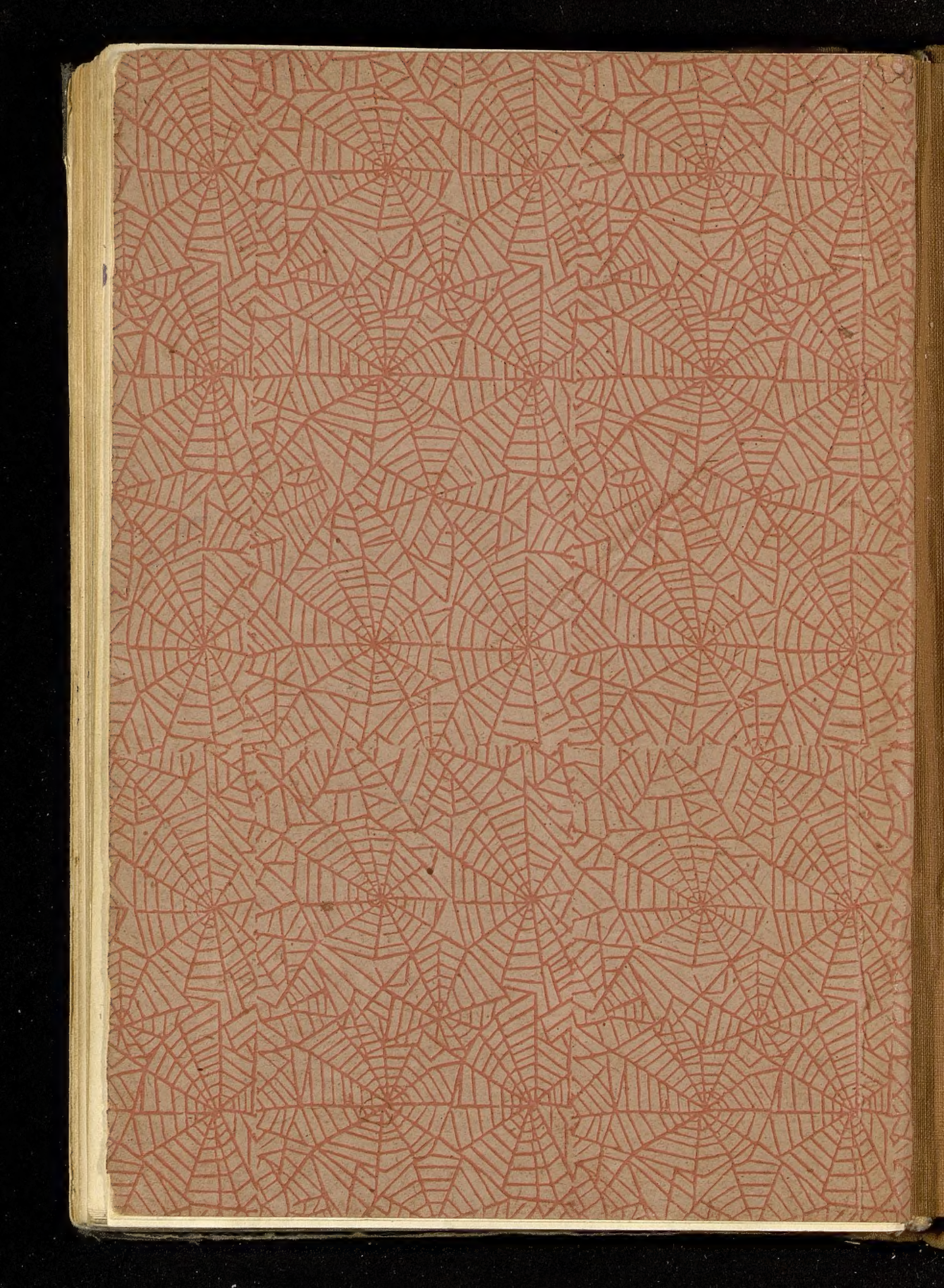
20 августа 1917 г. Обсуждение срока «полномочий» Государственной думы (выступления М. В. Родзянко, В. М. Пуришкевича и др.). Речи В. И. Стемпковского и Н. И. Антонова по продовольственному вопросу. Выступление В. М. Пуришкевича с общей характеристикой деятельности Временного правительства . . . . 265—285

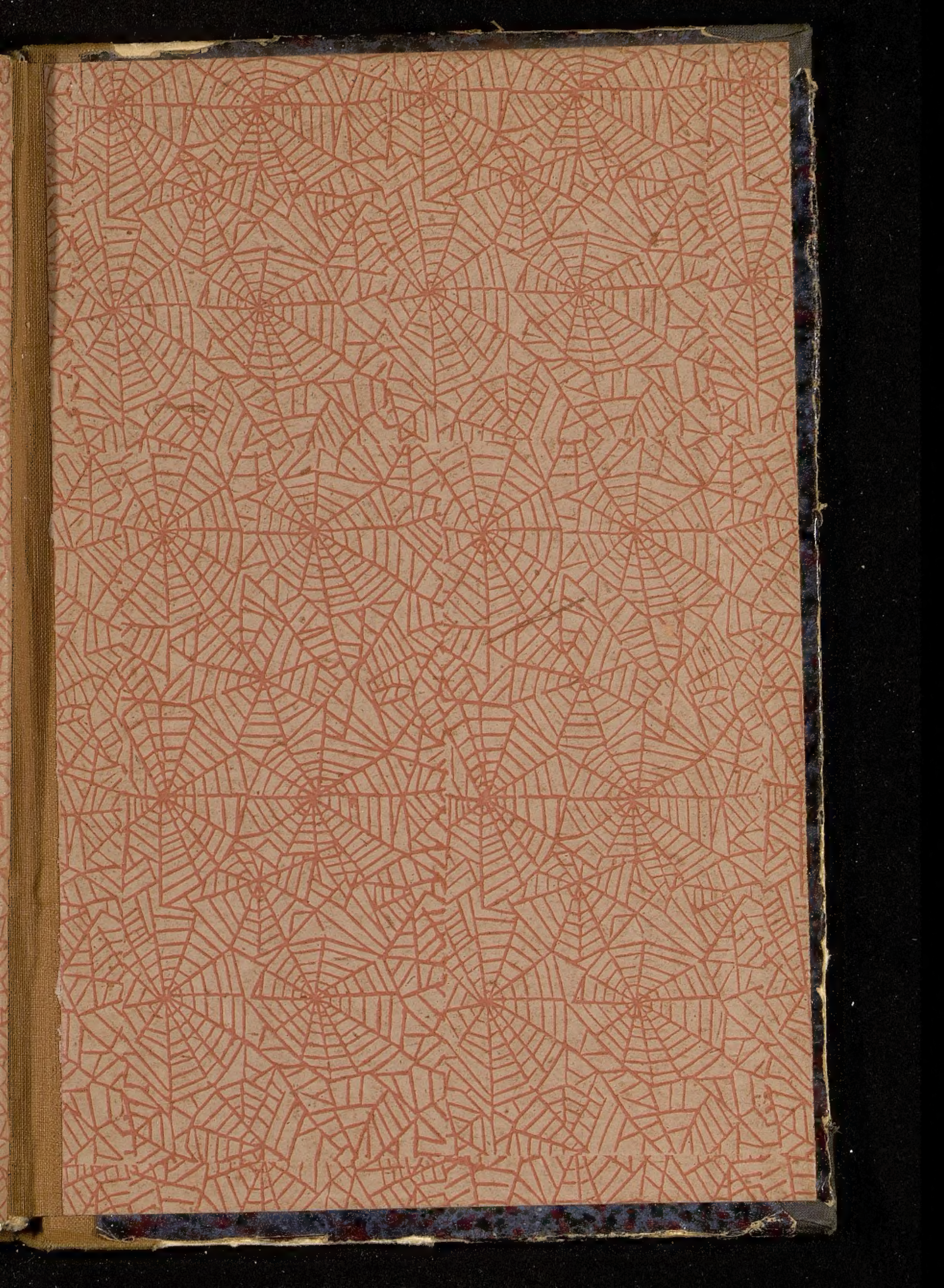
ПРИМЕЧАНИЯ . . . . 286—316

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ . . . . 317—325

5 р. 50 к.